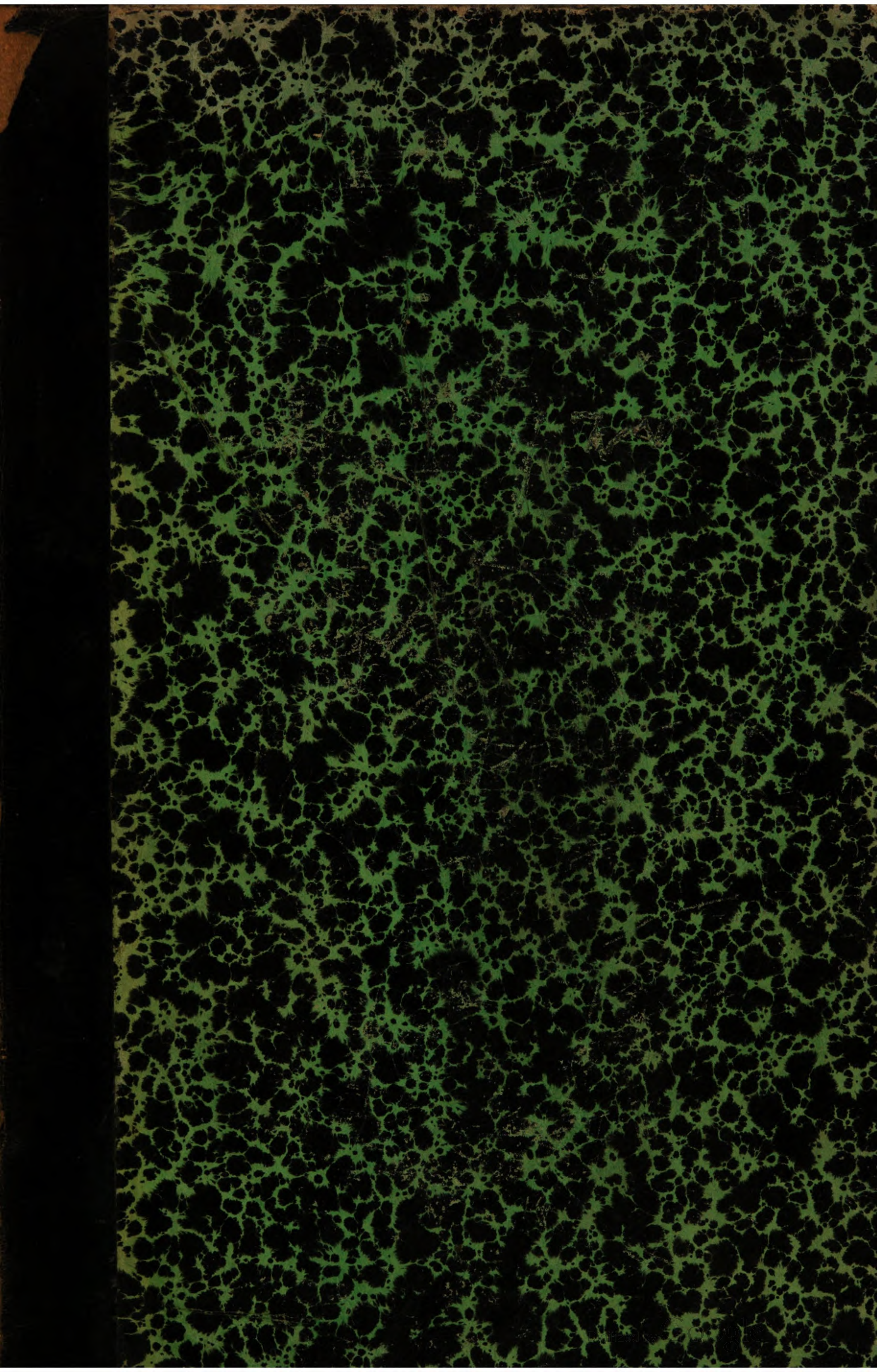

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

МАЙ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

МАЙ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

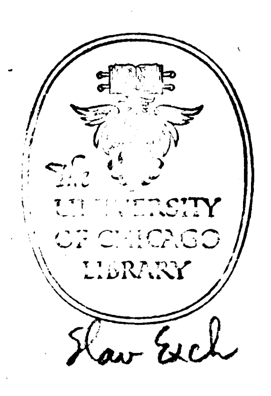
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 мая 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Digitized by Google

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9*.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., **будутъ уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

НАСЛѢДСТВО.

Очеркъ.

(*Посвящается Н. Н. Златовратскому*).

I.

Потомственный мастеровой, Иванъ Кубасовъ, до двадцати лѣтъ работалъ на томъ заводѣ, на которомъ пороли его родоначальниковъ; когда-же очередь дошла до него, онъ не согласился лечь подъ розги и безъ вѣсти пропалъ. Гдѣ скрывался Кубасовъ въ продолженіе двухъ лѣтъ—никто не зналъ. Напрасно (это было еще во времена крѣпостного права) били его отца на допросахъ, напрасно наваливали на него работу сына—никакія истязанія не дали адреса бѣглеца... Но, когда объявили волю, Кубасовъ точно изъ земли выросъ— и неожиданно явился на заводскомъ поселкѣ. Онъ вошелъ въ покосившуюся избу, въ которой протекло его дѣтство, помолился на образъ и съ недоумѣніемъ обвелъ глазами родной пріютъ—въ немъ было пусто. Только лежавшая на земляномъ полу кошка съ цѣлой кучей котятъ, мурлыкая пѣсню, довѣрчиво глядѣла на него и счастливо жмурилась.

Онъ сѣлъ на лавку и еще разъ поглядѣлъ кругомъ; въ избѣ многаго не доставало, очевидно, что нибудь случилось съ ея обитателями... Въ головѣ его возникъ цѣлый рой мрачныхъ предположеній. Онъ разсѣянно глядѣлъ въ одну точку и нетерпѣливо щипалъ маленькую русую бородку; по легкимъ складкамъ на лбу можно было видѣть, что его волновала какая-то неотвязчивая дума.

Въ сѣняхъ послышался стукъ и шмыганье; Кубасовъ догадался, что это стучитъ деревянная нога дѣда. Дѣйствительно, на порогѣ показался высокій старикъ съ бѣлой бородой, въ овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ и мѣшкомъ на боку.

— Эхъ, мать честная! Никакъ Иванъ?—радостно проговорилъ дѣдъ,—ахъ, орелъ сизый!—Они поцѣловались.

Старикъ снялъ суму, положилъ ее на столъ и сказалъ внуку, что мать и отецъ приказали ему долго жить. У Кубасова закапали слезы. Дѣдъ ласково гладилъ его голову и

утѣшалъ, какъ маленькаго. Потомъ онъ разсказалъ, какъ послѣ манифеста закрыли заводъ и лишили его пайка.

— Ты, — говорятъ, — вольный, не нашъ, можешь по міру пройтись... Живодеры, мать честная!

Поговорили... Кубасовъ узналъ, что дѣдъ собирается въ святыя мѣста и хочетъ посвятить остатокъ дней своихъ молитвѣ за царя и его сподвижниковъ, съ которыми онъ освободилъ свой народъ; но поселокъ ждетъ надѣла, и это его задерживаетъ.

Черезъ недѣлю изъ уѣзднаго города въ поселокъ пришли ходоки ни съ чѣмъ; въ городѣ имъ сказали: никакихъ надѣловъ горнозаводскимъ рабочимъ не полагается, кромѣ той земли, на которой стоятъ ихъ домишки.

Старики волновались, кричали и собирали послѣдніе гроши на дорогу новымъ ходокамъ. Молодымъ надоѣла длинная выжидательная борьба; получивъ по листу бумаги, на которомъ было написано, что предъявитель можетъ идти на всѣ четыре стороны,—они разбрелись по бѣлу свѣту.

Кубасовъ тоже взялъ паспортъ и, простившись съ дѣдомъ, отправился искать счастья. Кромѣ паспорта, у него были молодые годы, хорошее здоровье да крѣпкія руки, которыми могъ отковать все, что угодно; съ такимъ запасомъ прибылъ онъ въ одинъ изъ центровъ промышленности и былъ увѣренъ что не пропадетъ на бѣломъ свѣтѣ...

Вскорѣ, проходя по улицѣ большого города, Кубасовъ услыхалъ знакомый стукъ молота по желѣзу, доносившійся изъ слесарной мастерской; онъ вошелъ въ подвалъ и спросилъ хозяина.

— Я казаинъ, — сказалъ нѣмецъ съ бритымъ лицомъ, съ хитрыми глазками, въ сальномъ пиджакѣ.

— А я, стало быть, кузнецъ. —Нѣтъ-ли работы? — почтительно проговорилъ Кубасовъ, снявши картузъ.

— Э... э!..—надѣньте шляпа!—весело сказалъ нѣмецъ, любуясь на красиваго парня съ огромной шапкой русыхъ кудрей.

Кубасовъ посмотрѣлъ, что всѣ были въ шапкахъ, и до ушей нахлобучилъ картузъ; ему стало стыдно за свою крѣпостную привычку.

— Мой любитъ карошa работъ, — продолжалъ нѣмецъ,— мало угля сжигайтъ, много ковайтъ—много получайтъ. Валай, валай, валай!—при этомъ руки нѣмца показывали, какъ скоро нужно работать.

— Самъ-то ты „валай“ длинноносый,—подумалъ Кубасовъ, едва сдерживаясь отъ смѣха.

Нѣмецъ, самъ подвижный и проворный, тотчасъ сунулъ ему кусокъ желѣза и образецъ, по которому нужно было сдѣлать точно такую же вещь.

Кубасовъ раздѣлся, засучилъ рукава, положилъ въ горнъ желѣзо и приготовилъ нужный инструментъ. Черезъ нѣсколько минутъ желѣзо нагрѣлось. Ловко и смѣло началъ Кубасовъ ковать до бѣла раскаленный кусокъ, огненные брызги летѣли во всѣ стороны отъ увѣренныхъ ударовъ молодого кузнеца... Онъ быстро кончилъ работу, и она была сдѣлана такъ чисто, что ее нельзя было отличить отъ образца.

— Ого!.. очень карашо! у насъ Германія также ковайтъ,— говорилъ нѣмецъ, дружески хлопая по плечу ловкаго кузнеца.—Десять рублей въ мѣсяцъ... Спать моя, кушать моя!..

— Твоя и спать, и кушать, а моя, стало быть, только работать?—спросилъ, улыбаясь, Кубасовъ.

— Нѣтъ, Боже мой! Твоя тоже кушатъ...

— Харчи и нары яво,—лѣниво пояснилъ грязный молотобоецъ, почесывая затылокъ.

— Понялъ!.. ну, вотъ тебѣ паспортъ.

Договоръ былъ совершенъ; нѣмецъ взялъ паспортъ и выдалъ урочную работу.

Кубасовъ сразу завоевалъ въ мастерской положеніе лихого работника; это онъ чувствовалъ самъ, да и нѣмецъ, часто подходившій любоваться его работой, одобрительно кивалъ головой, трепалъ по плечу и, къ удивленію всѣхъ рабочихъ, далъ ему сигару. Все это льстило Кубасову и наполняло его радостной самоувѣренностью... Передъ нимъ была воля и свободный трудъ. Шапка держалась теперь на его головѣ крѣпко. Онъ ее заломилъ на затылокъ.

Когда пошабашили, рабочіе гурьбой подошли къ новому товарищу, начали разсматривать и удивляться чистотѣ его работы. Если сказать правду — работа интересовала ихъ не болѣе прошлогодняго снѣга... Политично и незамѣтно они подходили къ сущности дѣла.

— Ну, другъ, поздравляемъ съ поступленіемъ! Заклепать бы не мѣшало.

— Денегъ, братцы, нѣтъ, ей-ей!

— Что деньги, когда руки золото!..

— А поддевка, а сапоги! На кой они тебѣ лядъ? прѣть, да мозоли набивать, только отъ сапога и радости! Я, братъ, копыта набилъ сапогами-то, да и закаялся; опорки на что лучше: и слободно, и не дорого.

— Ну ты, Забубенный, съ роду сапоговъ и не нашивалъ!— возразилъ кто-то.—Вонъ у тебя и рубашка, почитай, безъ рукавовъ!

Кубасовъ поглядѣлъ на костюмъ Забубеннаго—дѣйствительно, рукава рубашки оказались по локоть, а штаны съ огромной дырой надъ той частью тѣла, по которой порютъ по-

датное сословіе. Забубенный, заложивши руки назадъ, конфузливо закрывалъ дыру картузомъ...

— Ну всетаки, другъ, спрыснуть надо?

— Ужъ я и не знаю, какъ быть?.. нешто у Валая попросить?

— Ха, ха, ха!—смѣялись рабочіе мѣткому слову, которымъ Кубасовъ окрестилъ хозяина, и съ этой минуты Карлъ Прейсъ сталъ „Валаемъ".

— Сходи, сходи; можетъ, дастъ!

Кубасовъ отправился къ Валаю,—и къ общему изумленію вернулся съ пятеркой. Восторгъ былъ неописуемый: всѣ загоготали, засвистали, Забубенный пустился въ плясъ подъ собственный мотивъ, который онъ выигрывалъ на собственныхъ же губахъ,—и вся веселая гурьба отправилась въ „Индію"—„клепать" новаго кузнеца.

Въ грязномъ залѣ трактира чинно усѣлись усталые гости за большой столъ, накрытый мокрой скатертью.

Задымились трубки; два квадратныхъ штофа стояли на столѣ, обсуждался вопросъ о закускѣ: одна партія стояла за огурцы, другая—за „собачью радость". Послѣ короткой, но убѣдительной рѣчи Забубеннаго „собачья радость" была принята почти единогласно. Распорядительный половой въ одинъ мигъ принесъ на грязной деревянной тарелѣ мелко нарѣзанные куски печени, требухи и сердца...

Стаканы водки были выпиты съ чоканьемъ и пожеланіемъ новому товарищу всѣхъ благъ земныхъ; гости крякнули и принялись закусывать.

Кубасовъ пожевалъ „собачью радость", вопросительно поглядѣлъ на товарищей и брезгливо выплюнулъ:

— Тьфу!... пакость какая!

— Что, аль духлянно? а ты въ носъ-отъ не пущай... На все, братъ, сноровка нужна,—совѣтовалъ молодой слесарь, со швомъ на губѣ и подбородкѣ, прозванный „трегубымъ".

Послѣ двухъ штофовъ компанія оживилась: громче говорили, кашляли, сморкались, при этомъ, вмѣсто платковъ, употребляли грязные пальцы и ладони. Пиръ разгорался: пустыя бутылки, по приказанію разгулявшагося Кубасова, замѣнили водкой. Забубенный выдѣлывалъ разные фокусы и потѣшалъ компанію: неподражаемо игралъ сигналы на губахъ или продергивалъ черезъ носъ и ротъ нитку, наконецъ, бралъ губами стаканъ и, въ то время, когда водка текла въ горло, пѣлъ пѣтухомъ при шумномъ одобреніи зрителей. Кубасовъ, польщенный одобреніемъ товарищей, пропилъ всю пятерку. Захмѣлѣвшіе друзья повели крупные разговоры, и кулаки горячихъ людей очутились у вражескихъ носовъ, такъ что содержатель „Индіи" напомнилъ гостямъ о позднемъ времени.

Пріятели вышли вонъ и, сцѣпившись руками, затянули: „Въ одной знакомой улицѣ“. Скоро вся шумная ватага вошла въ мастерскую и повалилась спать. На нарахъ ихъ встрѣтили нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ разныхъ цвѣтовъ и характеровъ: одни прыгали отъ радости, точно балетныя знаменитости, другія степенно и увѣренно выползали изъ складокъ лохмотьевъ, третьи, какъ предатели, появлялись неизвѣстно откуда, и вся эта гадость впивалась въ тѣла живыхъ людей. Но черезъ полчаса по всему темному подвалу раздавался свистъ носовъ и храпъ, подобный барабанной дроби...

Въ четыре часа утра Валай со свѣчкой въ рукахъ вошелъ въ мастерскую и пхнулъ въ бокъ спящаго ученика; тотъ вскочилъ, безсмысленно поглядѣлъ на Валая и опять легъ,—сонъ клонилъ ребенка на жесткую постель, на которой онъ пригрѣлся и, можетъ быть, видѣлъ счастливые сны...

— Э-ге!!—сказалъ Валай и, крѣпко взявши за ухо несчастнаго, посадилъ снова... Мальчикъ захныкалъ, но, получивши добрый подзатыльникъ, кубаремъ скатился съ наръ и началъ зажигать лампы, а нѣмецъ, взявши молотокъ, сталъ барабанить по желѣзному листу. Всѣ проснулись, недружелюбно косились на Валая и рычали.

Кряхтя и зѣвая, люди принялись за работу: захрапѣли мѣхи, заскрежетали напильники; только Забубенный, пославшій всѣхъ къ чорту, завернулся въ какое-то тряпье и, не обращая вниманія на стукъ, уснулъ сномъ младенца...

До завтрака въ мастерской не говорили ни слова; всѣ были мрачны и страдали отъ вчерашней „клепки“. Подъ вечеръ два ученика принесли въ мастерскую огромный окоренокъ похлебки, подъ названіемъ „всѣхъ скорбящихъ“, и поставили на нары.

Рабочіе вооружились ложками. Поверхъ мутной жидкости плавали рѣдкія блестки постнаго масла, а на днѣ окоренка, по выраженію Забубеннаго, крупинка за крупинкой гонялась съ дубинкой. Люди хлебали теплую посоленую воду, а счастливцы ловили кусочки картофеля...

Кубасовъ возмутился.

— Что это такое! Вѣдь это вода, а не похлебка! Что мы, свиньи или собаки?!—горячился онъ.

— То-то и оно, что не собаки... Эхъ, миляга! а ты вылавливай пока что, а то и этого не будетъ.—говорили рабочіе, а сами думали: „однако же ты храпунъ!“

Кубасовъ бросилъ ложку и отошелъ къ наковальнѣ. Ему сдѣлалось и грустно, и стыдно за своихъ товарищей, которые, нахлебавшись, съ пѣснями принялись за работу. Похлебка оживила ихъ, они повеселѣли и казались счастливыми. Без-

заботный смѣхъ, гадкая брань повисли въ дымномъ подвалѣ на цѣлый день...

Послѣ ужина, когда всѣ лежали на нарахъ, начинались самые скверные и безстыжіе разсказы съ картинками наглаго разврата, изъ жизни темныхъ притоновъ пышнаго города.

Ни сказки о тридесятомъ царствѣ, ни пѣсни про широкій просторъ не слыхалъ темный подвалъ; слышали его мрачныя стѣны, какъ „въ енто" воскресенье Трегубый гулялъ „съ огурчикомъ" изъ сосѣдней прачешной, а Безпалый своротилъ ему салазки и подставилъ „вò какой" фонарь за свою „даму"...

Всѣ эти ужасающія повѣсти разсказывались безъ стѣсненія, даже при ученикахъ. И создавало живое дѣтское воображеніе откровенныя картины разврата, и маленькіе герои видѣли себя разбрасывающими деньги полураздѣтымъ и раздѣтымъ женщинамъ...

Кубасовъ, лежа на нарахъ, молча выслушивалъ все это и морщилъ въ темнотѣ брови.

Ничего подобнаго на крѣпостномъ заводѣ у нихъ не было. Отцы и дѣти работали вмѣстѣ, а окружающая природа, съ непроходимыми лѣсами, съ могучей Волгой, не давала загнить народной фантазіи, водя ее въ короткіе часы отдыха по хребтамъ и ущельямъ таинственныхъ утесовъ, вмѣстѣ съ шайкой удалого и всегда великодушнаго атамана.

Кубасовъ свелъ дружбу съ учениками Валая. Ученики—это несчастнѣйшія существа подвальныхъ мастерскихъ, грязныя, голодныя, холодныя; ихъ бьютъ и хозяева, и мастера. Какъ они доживаютъ до возраста рабочаго — трудно сказать. Кубасовъ заступался за нихъ, ученики любили его и были преданы ему до послѣдней степени.

Нѣмецъ дорожилъ Кубасовымъ, но Кубасовъ ненавидѣлъ хозяина, не смотря на то, что Валай былъ вѣжливъ съ рабочими. Въ этой холодной вѣжливости чувствовалось однако глубокое презрѣніе и грубое, подавляющее превосходство. Кубасовъ чувствовалъ это и едва сдерживался.

Однажды, когда, по обыкновенію, ученики принесли окоренокъ со щами и чашку съ мясомъ, — въ мастерской подозрительно запахло; Кубасовъ подошелъ къ чашкѣ и понюхалъ: запахъ солонины вызывалъ тошноту.

Рабочіе, однако, торопились къ щамъ.

— Прочь, не подходи!—грозно крикнулъ Кубасовъ на товарищей, и лицо его внезапно налилось кровью.

— Хозяина! Мальчикъ, зови сюда Валая!

Ученикъ съ грязной, рыжей щетиной на головѣ побѣжалъ къ хозяину. Рабочіе глядѣли на возбужденнаго Кубасова и какъ будто не понимали, въ чемъ дѣло.

Кубасовъ глядѣлъ на нихъ испытующе и гнѣвно.

— Вы у господъ такую пакость ѣдали?—обратился онъ къ товарищамъ съ вонючимъ кускомъ мяса.

— Во-о-на что!..—равнодушно протянули рабочіе, узнавъ, въ чемъ дѣло.

— Эхъ, голова!—сравнялъ! Баринъ кормилъ, чтобы ты не подохъ, а нѣмцу ты нуженъ, какъ въ носу зубы!—философствовалъ Забубенный, выбирая ложку побольше.

Валай съ озабоченнымъ видомъ подошелъ къ рабочимъ.

— Какой дѣлъ?—спросилъ онъ вкрадчивымъ тономъ.

— Вотъ погляди „какой дѣлъ",—передразнилъ Кубасовъ и подалъ кусокъ мяса.

— Солонинъ,—наивно сказалъ Валай.

— Нюхай!—настаивалъ Кубасовъ.

Нѣмецъ понюхалъ и удивленно поднялъ плечи.

— Саланинъ!—отчетливо повторилъ онъ, невинно улыбаясь, и передалъ Кубасову мясо.

— Ѣшь!—сказалъ Кубасовъ, приближаясь къ нѣмцу. Но Валай отрицательно покачалъ головой, показывая, что онъ сытъ по горло.

— Нѣтъ, ѣшь!—настаивалъ Кубасовъ и ткнулъ въ губы Валая гнилымъ мясомъ.

Нѣмецъ попятился назадъ и закричалъ о помощи. Кто-то пожалѣлъ хозяина и засвѣтилъ Кубасова по уху. Тотъ разсвирѣпѣлъ, схватилъ окоренокъ со щами и бросилъ его въ Валая. Рабочіе, какъ клещами, сжали руки Кубасову и повели его въ часть...

— А ты, братъ, видно и впрямь храпунъ,—говорили они укоризненно.

Только ученики, исподлобья смотрѣвшіе на эту свалку, жалѣли Кубасова, да безпечный и простодушный Забубенный разносилъ на чемъ свѣтъ стоитъ самоотверженныхъ защитниковъ Валая.

II.

За драку съ хозяиномъ Кубасовъ отсидѣлъ мѣсяцъ подъ арестомъ. Это прибавило лишнюю складку на его лбу. Долгое время онъ не могъ забыть товарищеской плюхи и того усердія, съ которымъ своя-же братья-рабочіе тащили его въ часть... Затѣмъ все пошло опять своимъ порядкомъ.

Кубасовъ женился... Онъ былъ отличный кузнецъ, трезвый и сообразительный человѣкъ, но прямота характера мѣшала ему приспособиться, сдѣлаться старшимъ въ мастерской и ужиться на одномъ мѣстѣ. Перекочевывая съ завода на заводъ, онъ молча, безъ жалобъ переносилъ всѣ невзгоды трудовой жизни.

Отъ товарищей онъ какъ-то замкнулся, а дома ждали его жена и двѣ дочери: съ ними онъ былъ счастливъ и забывалъ все.

Теперь онъ весь отдался семьѣ. Онъ развернулъ всѣ силы души и крѣпкаго организма и на смерть схватился съ голодомъ, не пуская его за свой порогъ, какъ не пускаетъ птица къ своимъ птенцамъ злого хищника. Жену и дѣтей онъ любилъ безумно. Споры въ его семьѣ возникали лишь изъ за того, что жена нанимались стирать бѣлье или мыть полы въ верхнихъ этажахъ. Онъ былъ этимъ очень недоволенъ, но жена настаивала: лишняя копѣйка карманъ не оттянетъ,—говорила она, и оба работали, не покладая рукъ, безъ устали, безъ мѣры, какъ только могутъ работать счастливые и здоровые люди.

— Здорово, мать!—весело кричалъ онъ, входя въ свою квартиру съ работы. Здорово, дѣтки! Ну, Катерина Ивановна! давай чай пить,—приглашалъ онъ любимую дочь, у которой почему-то капризничали куклы и не хотѣли спать.

— Наплюй! должно блохи кусаютъ; посыпь-ко ромашки на ихъ постель!—совѣтовалъ онъ. Куклы скоро засыпали, а Катерина Ивановна, забравшись къ отцу на колѣни, въ одну минуту находила въ карманахъ блузы конфету.

— Стой!—говорилъ отецъ, осторожно взявши ручонку дочери,—воровку поймалъ!..

— Ма-я!..—ай—ай, звенѣлъ дѣтскій голосокъ, заливаясь веселымъ смѣхомъ.

Послѣ нѣкоторой борьбы конфета оказывалась во рту дочери, а отецъ серьезно докладывалъ матери, что Катерина Ивановна отломила ему руку и своротила шею.

Испуганная дѣвочка нѣжно цѣловала отца и совала ему въ ротъ слюнявую конфету; но Кубасовъ ударялъ себя по лбу и къ радости дочери говорилъ, что онъ ошибся, рука цѣла, а только рукавъ блузы разорванъ да и то еще на работѣ... Шея тоже вертится, какъ у всякаго. На радостяхъ Катерина Ивановна поила отца чаемъ изъ своихъ рукъ, Кубасовъ дулъ въ блюдечко и пускалъ пузыри, при общемъ смѣхѣ счастливой семьи. Когда дѣти порой хворали, Кубасовъ отпрашивался съ работы, завертывалъ больную въ толстое одѣяло и носилъ въ охапкѣ по докторамъ и лѣчебницамъ. Сосѣдки завидовали женѣ Кубасова и попрекали своихъ мужей при всякомъ удобномъ случаѣ:

—. Посмотри, какъ добрые-то люди живутъ! — вонъ Кубасиха, какъ у Христа за пазухой, за своимъ-то мужемъ. А ты, кобель нечесанный, только и знаешь въ пасть винище лить,—говорила какая-нибудь худая, желтолицая женщина пьяному съ посоловѣвшими глазами мужу.

— Кубасиха!—разсуждалъ супругъ,—Кубасиха настоящая женщина, отъ ней и изъ дому не захочется... А ты!—нѣтъ я еще терпѣливъ, что живу съ такимъ чортомъ!

— Ахъ, Магометъ-надругатель! А черезъ кого я такая-то стала?...—заводила жена.

— Молчать! чего скулишь?... Мужъ грозно ударялъ по столу огромнымъ кулакомъ; испуганный сынишка прятался за рыдающую мать...

Кубасова не любили товарищи за гордость и насмѣшки, которыми онъ осыпалъ всякаго льстеца и дурака; и онъ жилъ замкнутой семейной жизнью.

Иногда ему было жутко въ дымной мастерской отъ пустоты и бездушія заводской жизни. Эта жизнь вызывала въ немъ чувство одиночества и горькаго разочарованія. Порой и онъ, и его товарищи, оглушенные водкой, одураченные семнадцати-часовымъ трудомъ, казались ему мухами, попавшими въ паутину, жалобно жужжавшими и бившимися въ сѣтяхъ... А мелкіе хозяева мастерскихъ представлялись пауками, жадно слѣдившими за своими жертвами... Иногда у него являлась надежда: вотъ только откроютъ свои дѣйствія большіе заводы, которые потребуютъ десятки тысячъ людей, цѣны на трудъ поднимутся на столько, что не надо будетъ работать ночи и праздники изъ за куска хлѣба.

Такъ онъ думалъ, работалъ и мечталъ; въ его душѣ все еще жила неистощимая вѣра въ свои силы, а легкокрылая мечта обѣщала въ будущемъ теплый уголъ, гдѣ онъ, старый, говоритъ своимъ внукамъ: „Смотрите, внуки: этотъ домъ, этотъ хлѣвъ я заработалъ честнымъ трудомъ; правда, трудъ былъ тяжелъ, но я вѣрилъ, что онъ благороденъ и благодаренъ. И я не ошибся. Будьте честны, бережливы и не бойтесь труда“. Картину за картиной показывала ему коварная мечта въ туманной дали. Безъ устали, безъ колебаній, твердыми шагами онъ шелъ къ далекому призраку и какъ-то не замѣчалъ дѣйствительной жизни.

Но годы шли, потребности семьи росли, а вмѣстѣ съ ними росла нужда... Дѣти кончили школу и цѣлый день были дома; отъ нечего дѣлать чинили бѣлье и помогали матери по хозяйству. Мать молча вздыхала и дивилась тому, какъ быстро росли дѣти; чуткое сердце матери болѣло, ей было страшно, но, кромѣ слезъ и безпокойнаго сердца, у нея ничего не было. Шопотомъ разсказывала она мужу свои тревожные сны, въ которыхъ являлось ей будущее ея дѣтей. Кубасовъ шутилъ надъ ея малодушіемъ и снами. Тѣмъ не менѣе отъ разговоровъ жены и отъ того, что дочери росли, не дожидаясь, когда громадные фабричные корпуса осчастливятъ ихъ отца—въ его душѣ тоскливое чувство мѣшалось съ надеждой и

мечтой; а жена какъ будто чуяла бѣду и не давала ему покоя со своими разговорами:

— Какъ ты ни упрямься, отецъ, а дѣвокъ какому ни какому мастерству учить надо; посуди самъ: силы наши уходятъ, жить становится все труднѣй и труднѣй, я совсѣмъ измучилась въ поломойкахъ, а Катѣ пятнадцатый годъ,—скоро замужъ выдавать,—голыхъ никто не возьметъ; такъ пусть хоть на наряды себѣ заработаютъ.

— И надоѣла же ты мнѣ, мать, со своими разговорами!— Знаю, что недохватки; погоди, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Вонъ заводъ открывается на пять тысячъ мастеровыхъ. Гдѣ ихъ столько возьмешь!.. Да, братъ, скоро и мы о себѣ цѣну скажемъ!—таинственно говорилъ Кубасовъ, дружески хлопая жену по плечу.

— Ну, когда-то еще будетъ у насъ праздникъ,—а пока отдать въ ученіе.

— Наладила ворона по одному мѣсту долбить... Ну, дѣлай что хочешь, только смотри!..—И Кубасовъ, строго погрозивъ пальцемъ, замолчалъ. Жена только этого и дожидалась. Скоро она пристроила дочерей: старшую—въ модную мастерскую, младшую—въ образцовую прачешную.

Отсутствіе дѣтей сильно подѣйствовало на Кубасова. Оно показало ему всего нагляднѣе, что жизнь уже тронула его крѣпость, въ которую онъ заключился съ своей семьей: каморка показалась ему осиротѣлой и скучной. Иногда онъ бралъ пятачокъ и шелъ отъ нечего дѣлать въ трактиръ пить чай; но безсмысленный шумъ трактира не развлекалъ его, а прибавлялъ тоски, и онъ былъ радъ празднику, когда дочери приходили домой и разсказывали о своихъ успѣхахъ.

Какъ-то разъ среди недѣли Катя прибѣжала къ матери: дѣвочка плакала и рѣшительно сказала, что не пойдетъ больше въ мастерскую: ее тамъ бьютъ и хозяйка, и ея пьяный любовникъ. Мать разъясняла дочери, что при ученьи это необходимо—всѣ терпятъ, не она одна. Дѣвочка рыдала и умоляла оставить ее дома, но мать пригрозила отцомъ, взяла упрямицу за руку и повела обратно въ мастерскую. Съ низкими поклонами ей едва удалось упросить мадамъ Елену простить глупую дѣвченку...

Что произошло въ душѣ дѣвочки въ эту минуту—сказать трудно, какъ трудно разсказать и чувства матери. Но съ тѣхъ поръ Катя не проронила никому о своемъ житьѣ у хозяйки ни слова.

Младшая дочь, Фрося, была робкая, некрасивая дѣвочка; надъ ея рябымъ лицомъ всегда смѣялись подруги; говорили, что на немъ черти горохъ молотили, называли его теркой; она не сердилась на нихъ, но грустная улыбка не сходила

съ ея лица. Къ матери приходила она безъ жалобъ, крѣпко прижималась къ ея груди и мечтательно задумывалась. Мать обнимала дурнушку, ласково гладила головку и думала, какъ будутъ ею пренебрегать женихи.

— Мама, отдайте меня въ монастырь... Я о тебѣ, о батюшкѣ и Катѣ стану молиться, и вамъ лучше будетъ жить,— говорила Фрося.

— Въ монастырь, говоришь? зачѣмъ въ монастырь?..—Голосъ матери дрожалъ и обрывался.

— Будетъ вамъ молоть-то, блаженные!—рѣзко прерывалъ Кубасовъ и нахмуривался. Въ послѣднее время онъ сталъ раздражителенъ и придирчивъ. Передъ женой онъ чувствовалъ себя большимъ дуракомъ и лгуномъ. Его ожиданія оправдались: надъ городомъ, выше церквей, поднялись трубы и коптили небо; со всѣхъ сторонъ орали свистки, призывавшіе на работу Богъ вѣсть откуда явившихся, десятки тысячъ рукъ, прикрѣпленныхъ къ голоднымъ желудкамъ. И опять была та-же сѣть и тѣ-же мухи....

Кубасовъ терялъ смыслъ жизни. Его охватило какое-то тревожное настроеніе; онъ крѣпко прислушивался, зорко приглядывался ко всему, что происходило въ фабричномъ городѣ. Народъ, какъ всегда, валилъ во всѣ заставы и поглощался воющими дворцами. Промышленность ничѣмъ не стѣснялась и продолжала развиваться; даже Валай, постепенно расширявшій свое предпріятіе, перешелъ въ большой корпусъ, въ которомъ пыхтѣла паровая машина, ухалъ паровой молотъ, гремѣли токарные и сверлильные станки, а самъ хитрый нѣмецъ, наживъ брюшко, разъѣзжалъ по городу и обдѣлывалъ свои дѣлишки; на заводъ онъ являлся не надолго; вмѣсто себя онъ нанялъ ученаго механика; нѣсколько способныхъ рабочихъ блюли его интересы и подгоняли прежнихъ товарищей не хуже самого Валая.

Кубасовъ все изслѣдовалъ своимъ горбомъ и напряженнымъ вниманіемъ. Теперь ему чудилось во всѣхъ этихъ „храмахъ труда“ присутствіе какой-то злой силы, которая направляетъ и руководитъ всѣмъ строемъ жизни. Даже заводы Краснобаева, извѣстнаго покровителя наукъ и животныхъ, щедраго жертвователя на церкви, имя котораго прославляется газетами и поминается въ тихихъ молитвахъ,—даже его заводы ничѣмъ не отличались въ глазахъ Кубасова отъ прочихъ: рабочіе такъ же оборваны, грязны и несчастны, живутъ въ такихъ же коморкахъ съ клопами, мокрицами и иной дрянью, живущей насчетъ бѣднаго человѣка. Въ этихъ гнѣздахъ заразы и смерти родятся, растутъ и умираютъ дѣти; въ этихъ биткомъ набитыхъ коморкахъ дерутся, плачутъ и пьютъ кабацкую отраву, чтобы забыть хоть на одну минуту ужасаю-

щую дѣйствительность. Это было царство желѣза и пара, гдѣ тысячи людей переплетаются въ непонятномъ хаосѣ, гдѣ слезы, мольбы и проклятія заглушаются трескомъ машинъ и сливаются въ дѣятельный гулъ отечественной промышленности. Неумолимая будущность зіяла передъ нимъ во всемъ ужасѣ лохмотьевъ и нищеты. Онъ понялъ, что промышленность не такъ груба, но и не такъ наивна, какъ крѣпостное право: отъ нея не убѣжишь и не спасешься... Необъяснимый страхъ наполнялъ все существо его, темныя мысли завладѣли имъ; онъ падалъ духомъ и вѣшалъ голову...

А неумолимая старость серебрила волосы, накладывала морщины на лицо, отнимая силу и ловкость у крѣпкихъ рукъ; спина гнулась въ уродливый горбъ; мѣсто прежней энергіи заступила раздражительность и уже не покидала его. А тутъ, какъ нарочно, тяжелая вѣсть точно ножомъ кольнула въ сердце. Молва донеслась, что любимая дочь его, Катя, стала дѣвицей веселаго бульвара. Онъ не повѣрилъ этой болтовнѣ и отправился въ мастерскую, въ которой она работала; слухи подтвердились.

Тогда на него напало отчаяніе, и онъ запилъ. Запилъ съ какой-то неутолимой жаждой, съ какимъ-то ожесточеніемъ, съ желаніемъ залить гнетущую мысль объ измѣнившей мечтѣ. Пьяный онъ отправлялся на заводъ и требовалъ прибавки жалованья. Когда-же его гнали совсѣмъ или посылали проспаться, смотря по расположенію завѣдывающаго, тогда онъ являлся домой и производилъ дебошъ: гналъ вонъ жену, попрекалъ ее, приписывая ей паденіе дочери и, къ довершенію всего,—тащилъ послѣднее платье и пропивалъ его въ кабакѣ. Изъ кабака онъ всегда отправлялся разыскивать дочь, съ твердымъ намѣреніемъ убить развратницу. Но дочери онъ никогда больше не видалъ... Катя покинула городъ.

III.

Кубасовъ допился до бѣлой горячки и попалъ въ больницу. Добросовѣстное вниманіе и строгое лѣченіе врача быстро поправили его, но лѣкарства оказались безсильны вылѣчить отравленную жизнью человѣческую душу.

Молча и угрюмо лежалъ Кубасовъ на больничной койкѣ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, ничѣмъ не интересовался и ко всему чувствовалъ отвращеніе. Жена и дочь, приходившія навѣстить его,—раздражали его своимъ участіемъ и возбуждали мрачныя воспоминанія. Ему было хорошо только ночью, когда въ палатѣ всѣ спали и было тихо. Тогда онъ

становился на колѣни и долго молился Богу; молитва успокаивала больную душу, и вся житейская суета начинала казаться ему безсмыслицей.

Черезъ мѣсяцъ докторъ предложилъ ему выписаться и совѣтовалъ больше не пить водки. Кубасовъ молча выслушалъ совѣтъ, поклонился и ушелъ. Пьянство и болѣзнь сильно состарили его, а старость мѣшала найти работу. Послѣ долгихъ скитаній, наконецъ, удалось ему поступить въ кузницу машиностроительнаго завода. Низкія цѣны на работы, загубленныя старостью и трудомъ силы понизили его благосостояніе почти до нищенскаго уровня. Горечь кипѣла въ сердцѣ стараго работника, бездонная пропасть ужасающей нищеты раскрывалась передъ нимъ во всей своей неприглядности. Злоба и жажда мести охватили все его существо. Онъ искалъ причину безконечныхъ своихъ страданій и... нашелъ ее. Для него стало ясно: его враги были на лицо; это были его же товарищи—рабочіе крестьяне, для которыхъ заводъ нуженъ только, чтобы пережить суровую зиму, пока благодатное весеннее солнце не оттаетъ родныя поля. Къ началу зимы они тянулись изъ деревень въ городъ, и фабричные предвидѣли близкую сбавку цѣнъ на работы, какъ по прилетѣвшимъ скворцамъ узнаютъ весну:

— Глядите,—желчно кричалъ тогда Кубасовъ,—вотъ „собственники“ прикатили на липовой машинѣ, съ березовымъ кондукторомъ!—Онъ насмѣшливо показывалъ на палки и лапти загорѣлыхъ крестьянъ.—Счастье намъ привезли: теперь за полцѣны станемъ работать!

Дѣйствительно, на фабрикѣ вывѣшивались зимнія расцѣнки, которыя на всю зиму вносили въ семьи коренныхъ рабочихъ нужду и лишенія.

Приходъ этихъ „собственниковъ“ почти не оказывалъ вліянія на мастерство Кубасова, но онъ ненавидѣлъ и презиралъ ихъ за покладистый нравъ и за то, что они были чужды и безучастны къ интересамъ заводскихъ рабочихъ; этого Кубасовъ не могъ понять и не могъ простить. Самъ онъ былъ проникнутъ этими интересами до послѣднихъ уголковъ изболѣвшей души... Тутъ были и его мечты, и его разочарованіе, и его неудавшаяся, погибшая жизнь, и погибшая жизнь его любимицы...

— Намъ что! двѣ красныхъ заработаемъ въ зиму и слава Богу... А то и такъ ладно; все не свой хлѣбъ ѣли,—равнодушно отвѣчали крестьяне на его горячія вспышки.—Нахрапомъ, милый человѣкъ, ничего не возьмешь, только что самъ въ острогъ втемяшишься...—И они сторонились, когда на фабрикѣ дѣлалось „тревожно“.

— Ахъ, свиньи вы, свиньи!.. Ну, а если-же пять красныхъ

заработать,—хуже, чтоли, будетъ, черти вы безпонятные!.. ругался Кубасовъ.

— Что больно рускудахтался? Гляди, какой хозяинъ! Мѣщанишка несчастный, житель подзаборный! чужедомникъ!— отвѣчали выведенные изъ терпѣнія „собственники“ и продолжали по инею, мятелямъ и морозамъ угадывать урожай будущаго года.

Больше всѣхъ возмущалъ Кубасова своимъ хладнокровіемъ и безпечностью кузнецъ Ѳедя,—дѣтина огромнаго роста, широкоплечій, съ добродушнымъ волосатымъ лицомъ, человѣкъ миролюбивый и покладистый въ высочайшей степени; у него не было и слѣдовъ той хитрости и лукавства, какія выработала заводская жизнь у его товарищей. Онъ былъ простъ, добродушенъ, нетребователенъ и работалъ спроста за двоихъ. Администрація пользовалась его наивностью и по его работѣ устанавливала сдѣльныя расцѣнки для всѣхъ.

Кубасову казалось порой, что въ этой простоватой фигурѣ сосредоточено все зло и все несчастіе его собственной рабочей жизни.

А жизнь эта все катилась подъ гору, накопляя все больше горечи, отчаянія и злобы. Кубасовъ пьянствовалъ, ругался, дебоширилъ и—все работалъ, безъ увлеченія и безъ прежней гордости, какъ будто только по старой привычкѣ.

IV.

Однажды онъ пришелъ въ мастерскую въ небываломъ волненіи. Прежде, чѣмъ помолиться на образъ—какъ онъ обыкновенно дѣлалъ каждое утро,—онъ швырнулъ свой картузъ и принялся ругать кузнеца Ѳедю.

— Ты уже здѣсь! Деньги куешь? Ахъ ты, скотина безрогая! Уже и горно развелъ! Стараешься!.. Старайся, подлецъ, скорѣе издохнешь!—И Кубасовъ съ холоднымъ презрѣніемъ поглядѣлъ на добродушное лицо Ѳеди. Потомъ онъ покачалъ головой, закашлялся и отошелъ къ своей наковальнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мастерская наполнилась вонючимъ дымомъ отъ каменнаго угля. День былъ сѣрый, пасмурный и сырой. Въ такіе дни дымъ какъ будто не хочетъ выходить по первобытнымъ трубамъ на дождь и слякоть. Онъ расползался по мастерской, ѣлъ глаза, чернилъ лица рабочихъ... Тусклый свѣтъ, проникая сквозь дымныя стекла, грустно разливался среди чада, пронизываемаго красными вспышками горновъ. Среди шума мѣховъ, стука молотовъ по желѣзу и шипѣнія окалины — слышался повременамъ раздражающій

капель. Кубасовъ задыхался отъ тухлаго дыма, хрипѣлъ, давился, и, казалось, выходилъ изъ себя:

— Черти... — ворчалъ онъ сердито, грозя сверкающими глазами какимъ-то отсутствующимъ врагамъ,—правду вотъ изъ мастерской выгнать умѣете. На это васъ взять! А насчетъ дыма „такъ шарикъ не работаетъ“ *). Только и всего, что топоры съ молотками на лбахъ понавѣсили... „Кисловоротъ! углеворотъ!..“ Шишиги, мошенники!—ворчалъ старикъ, подвязывая кожанный фартукъ и сердито ворочая уголь въ горну...

— Ежели я кого задушу, будутъ меня судить, Яковъ, или нѣтъ?—обратился онъ неожиданно къ молотобойцу.

— А то какъ-же? Нешто посмотрятъ: въ Сибирь, а то и дальше сошлютъ.

— Такъ... А вотъ насъ душатъ, это какъ по твоему,— ничего? Не веревкой, молъ, а дымомъ?.. Такъ, что-ли?

— Стало быть выходитъ, что такъ,—равнодушно сказалъ молотобоецъ. Онъ зѣвнулъ, втягивая чадный воздухъ, и перекрестилъ ротъ.

— Пеньтюхъ,—со злостію подумалъ Кубасовъ, вытирая съ лица холодный потъ, выступившій отъ жестокаго кашля.

Горны вспыхнули уже всѣ и освѣтили мрачный сарай. Гигантскій молотъ, точно допотопное животное, величаво стоялъ среди мастерской, подавляя своей массивностію все остальное. Въ полированныхъ мѣдныхъ частяхъ гиганта отражалось пламя горновъ, и казалось, что это огненные глаза чудовища насмѣшливо глядятъ на согнутыя, тщедушныя существа, щелкавшія, точно кузнечики, своими игрушечными молотками. Желѣзные крюки, цѣпи, блоки въ молчаливой неподвижности висѣли надъ головами рабочихъ, какъ будто замерли отъ страха передъ заведенной дисциплиной. Только тѣни кузнецовъ нарушали застывшую дѣловитость мастерской: онѣ оживленно перебѣгали въ клубахъ сѣраго дыма, пронизаннаго огнями отъ горновъ, и ударялись макушками въ желѣзные переплеты. Сотни молотковъ стучали по звонкимъ наковальнямъ, выбивая трели однообразнаго, скучнаго мотива весь долгій рабочій день.

Кубасовъ долго кашлялъ и выплевывалъ что-то похожее на ваксу. Въ груди у него что-то ныло и царапало; тупая боль ломила всѣ члены и угнетала духъ, работа не клеилась, онъ безпокойно волновался и подозрительно поглядывалъ на Ѳедю, къ которому въ это время подошелъ старшій мастеръ. Лицо Кубасова нахмурилось и приняло озабоченный видъ; онъ подошелъ къ Ѳедѣ и сталъ рыться въ кучѣ же-

*) Голова не думаетъ.

лѣзныхъ обрубковъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто разыскивая что-то необыкновенно нужное; а—самъ онъ весь превратился въ слухъ и жадно ловилъ каждое слово разговора:

— Ну, сколько-же тебѣ положить за эту штуку, Ѳедя?—спрашивалъ старшій, выдавая образецъ новаго заказа.

— А кто е знаетъ, какъ сказать?.. Чай не обидите!—уклончиво, какъ всегда, отвѣтилъ простодушный кузнецъ.

— Ну, ладно, старайся, братъ, старайся!—сказалъ мастеръ и, заложивъ назадъ руки, лѣниво зашагалъ по мастерской. Кубасовъ, точно ужаленный, подбѣжалъ къ Ѳедѣ, сердце его кипѣло злобой, мысли путались, и онъ не могъ подобрать подходящаго слова:

— Ахъ, дуракъ! дуракъ ты, Ѳедька, по самую поясницу!—выпалилъ онъ, наконецъ. Ѳедю смутила неожиданная брань и возбужденный видъ старика; онъ чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ, но въ чемъ именно, — догадаться не могъ.

— Ты что-же это, Кубасовъ, ругаешься?—спросилъ онъ, прилаживая желѣзную полосу въ кучѣ угля, которая тотчасъ же зашипѣла и заискрилась...

— За то, что ты самая ничтожная тварь! „За что ругаешься!“ Погоди, дождешься еще вотъ чего!—крикнулъ Кубасовъ и поднесъ къ носу Ѳеди кулакъ.—Помни ты, пень осиновый! Я, Кубасовъ, родился съ молоткомъ, съ нимъ и издохну, другой работы и не видывалъ, но пакостить своему брату не согласенъ. Съ голоду издохну, а безъ цѣны работать не стану, какъ ты!.. „Не-о-биди-те!..“ Дубина ты стоеросовая, баранъ стриженый! Зачѣмъ и нанимаютъ-то васъ, животныхъ, сюда, коль не затѣмъ, чтобы рубашку снять... А вы и съ другихъ снимать помогаете.

Онъ закашлялся, на шеѣ раздулись толстыя жилы.

Ѳедя, пользуясь удушьемъ старика, попробовалъ оправдаться. Онъ начиналъ понимать источникъ этой пламенной ярости стараго мастера,—но Кубасовъ замахалъ мозолистыми руками и не далъ ему говорить. Точно какія-то испуганныя зловѣщія птицы, летѣли злыя слова съ блѣдныхъ, трясущихся губъ старика. Онъ говорилъ, кашляя и задыхаясь, о томъ, какъ, благодаря „деревенскимъ обломамъ“, дешевѣетъ работа и растетъ нищета въ коренномъ заводскомъ населеніи, какъ отъ этого гибнутъ дѣти, родныя дѣти рабочихъ въ сырыхъ и грязныхъ подвалахъ, какъ они чахнутъ и растутъ кривоногими и больными... Онъ говорилъ долго, чередуя каждое слово ругательствомъ, грозилъ кулаками, плевалъ, бросилъ на полъ картузъ и какъ-то весь шипѣлъ, точно сильно разгорѣвшійся горнъ... Со дна души стараго рабочаго поднялась вся скорбь униженнаго и замученнаго заводомъ человѣка. Блѣдное лицо передергивалось судорогами, глаза сверкали

ненавистью ко всему окружающему: онъ дошелъ до изступленія и сталъ богохульствовать.

— Братъ, братъ! что ты говоришь?!. Опомнись! — Грѣхъ вѣдь!—испуганно замѣтилъ Ѳедя обезумѣвшему старику.

— Я, братъ, опомнился!.. — мрачно отвѣтилъ Кубасовъ.— Слыхалъ ты про разбойниковъ въ муромскихъ лѣсахъ? Не слыхалъ! А я читалъ, знаю. Такъ вотъ я тебѣ скажу: у нихъ, у душегубовъ и то можно было отмолиться, выпросить пощады себѣ и дѣткамъ...

Ѳедя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не понимая, къ чему онъ ведетъ рѣчь.

— А здѣсь, братъ, не дождешься,—рѣзко оборвалъ Кубасовъ.

Онъ вдругъ опустилъ голову и заговорилъ необычнымъ голосомъ, отъ котораго у простодушнаго Ѳеди прошли по спинѣ мурашки.

— Дочери мои, дѣтки мои! Катюша! Тѣломъ торгуетъ... гніетъ гдѣ-нибудь въ больницѣ... Бьютъ ее гдѣ-нибудь... на смерть „коты“ проклятые...

Онъ посмотрѣлъ въ простодушные глаза Ѳеди своими, почти безумными отъ отчаянія глазами и сказалъ:

— Можешь ты понимать? Можешь-ли ты, Ѳедоръ, понять это?..

И вдругъ, точно огонь сквозь дымную завѣсу, опять пробился гнѣвъ:

— А ты тутъ, свой братъ, надѣваешь суму на всю мастерскую!..

Ѳедѣ стало не по себѣ. Ему было жаль Кубасова, хотѣлось сказать старику что-то хорошее, обнять его, но онъ только вздохнулъ и опустилъ голову.

Изъ сумрака густого дыма вышелъ завѣдывающій мастерской; ни Ѳедя, ни Кубасовъ его не замѣтили; онъ внимательно поглядѣлъ на Кубасова и сказалъ какъ-то осторожно:

— Ты, другъ, опять философствуешь?

Кубасовъ повернулъ блѣдное лицо въ сторону завѣдывающаго и вопросительно молчалъ.

— Ты зачѣмъ въ мастерскую пришелъ? — допрашивалъ администраторъ.

— Работать,—нехотя сказалъ Кубасовъ.

— Вѣрно! А теперь что ты дѣлаешь?

— Съ вами разговариваю.

— А до меня?

— А до васъ съ Ѳедоромъ!—смѣло сказалъ Кубасовъ, и грудью повернулся къ администратору.

— Ну, ступай на свое мѣсто и больше не шляйся, а то

я съ тобой, голубчикъ, справлюсь!—Завѣдующій повелительно показалъ черезъ плечо большимъ пальцемъ въ темный уголъ мастерской.

— Да ужъ справились, господинъ Безцвѣтовъ! не трудитесь, безъ васъ справились. Даже пугать стало нечѣмъ! — рѣзко сказалъ Кубасовъ, пристально поглядѣлъ въ глаза Безцвѣтову и насмѣшливо потрясъ сѣдой бородой:

— Ты грубить? Разсчетъ! — равнодушно сказалъ Безцвѣтовъ чудному кузнецу.

— Только-то?!. а, ха,-ха,-ха!.. Я думалъ казнить сейчасъ! Ахъ ты, кикимора!—злобно захохоталъ рабочій.—Разсчетъ!.. Ты думаешь тебя-то самого Трескучевъ не прогонитъ?.. Прогонитъ, братъ; онъ не посмотритъ, что ты ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга,—отъ него этимъ не отдѣлаешься—завтра-же вонъ!.. Бисмаркъ вонъ мозговитѣй тебя, и то прогнали, а вашего-то брата, батрака, тринадцать на дюжину и всѣмъ первая ваканція за ворота!

Безцвѣтовъ молчалъ не то снисходительно, не то удивленно: необычайный видъ Кубасова завладѣлъ его вниманіемъ... Но все-же ему, наконецъ, надоѣло слушать, да и стало неловко: рабочіе оглядывались отъ горновъ. Онъ повторилъ: „разсчетъ" и зашагалъ въ кабинетъ. А Кубасовъ подошелъ къ горну; въ немъ быстро перемѣнилось настроеніе: глаза засверкали страннымъ весельемъ, на губахъ заиграла улыбка.

— Ну, Яша, тащи, братъ, инструменты въ контору. Вотъ тебѣ моя присяга!—торжественно проговорилъ онъ и, какъ бы благословляя, надѣлъ свой фартукъ на молотобойца.

— Никакъ разсчетъ, Кубасушка?—спрашивали подошедшіе товарищи,—къ Валаю, что-ль?..

— Къ чорту вашего Валая! я самъ теперь Валай! На покой, ребята, отправляюсь, наслѣдство получилъ; мерло случилось съ однимъ, а мнѣ счастіе: крышка работать, — поняли?! Подай-ка, Яша, мою шубу на ситцевомъ мѣху!—серьезно сказалъ Кубасовъ.

Молотобоецъ досталъ рваное пальто и накинулъ на горбатую спину своего кузнеца. Всѣмъ стало ясно, почему Кубасовъ сегодня такъ храбро раздѣлалъ Безцвѣтова: его стали поздравлять и напомнили насчетъ спрысковъ по случаю неожиданнаго счастья.

— Нешто я свинья! Не знаю, что-ли: „клепка" первое дѣло у мастерового человѣка!.. Пропить съ пріятелями пятерку, съ которыми сорокъ лѣтъ дышалъ однимъ дымомъ... при моихъ-то средствахъ! ничего! Приходите ужо на уголъ, подъ красную вывѣску: стану ждать. Смотри, ребята, не обманите старика!

Кубасова поблагодарили. Потомъ стали разспрашивать о

покойникѣ, — кто онъ былъ и чѣмъ занимался? Ужъ навѣрное не работой: извѣстно вѣдь,—рабочій человѣкъ послѣ себя, кромѣ голодныхъ дѣтей, ничего не оставляетъ...

— Кто бы это такой?—старался угадать черноусый кузнецъ, прищуривая единственный глазъ.

— Илья Забубенный, вотъ кто! Тотъ самый Илюшка, который вчерашняго числа лежалъ подъ рогожей, на булыжной перинѣ, на углу Безнадежнаго переулка... всѣ мимо его шли,— сказалъ Кубасовъ, ехидно улыбаясь, и отправился въ контору.

Одураченные рабочіе обругали его „обормотомъ" и принялись за дѣло. Но тяжелое чувство горькой тоски охватило усталыя груди; Кубасовское „наслѣдство" какъ будто нависло въ чадномъ воздухѣ мастерской, готовое спуститься на любую изъ этихъ головъ, склонившихся надъ работой...

Въ конторѣ старому кузнецу выдали паспортъ и нѣсколько рублей. Поглядѣлъ Кубасовъ на ничтожную сумму разсчета и зажалъ ее въ кулакъ. Слезы обиды подступили къ горлу, и онъ тихо зашмыгалъ старыми ногами вонъ изъ завода.

Онъ шелъ по грязной заводской улицѣ, окутанной туманомъ осенняго дня; холодный вѣтеръ пронизывалъ его тѣло и раздувалъ полы рванаго пальто, жидкая грязь проникала въ худые сапоги и хлябала въ нихъ. Кубасовъ ничего не замѣчалъ. Въ головѣ его были мысли о грядущихъ дняхъ, полныхъ скорби и униженія. Онъ остановился, широко раскрылъ воспаленныя вѣки, посмотрѣлъ на заводъ, на небо и пересчиталъ на мозолистой ладони деньги. Ихъ оказалось мало: не вышло по полтинѣ на годъ „благороднаго труда", того труда, который лишилъ его человѣческаго образа, вывернулъ руки, согнулъ спину, и, накинувши рваную кацавейку, пустилъ на всѣ стороны доживать страшные дни бездомной нищеты.

Въ тяжеломъ раздумьѣ бродилъ старый кузнецъ по кривымъ улицамъ и переулкамъ цѣлый день; въ его воображеніи носились одна за другой картины прошлаго; онъ вспомнилъ свою лгунью-молодость, мать, отца, умершихъ въ рабствѣ, море, на которомъ скрывался два года; вспомнилъ дѣда и гордыхъ стариковъ заводскаго поселка, искавшихъ правды у людей, потомъ мелькнулъ Валай, жена и дочери...

— Эй, беррре-гись!—раздалось надъ его ухомъ, и не успѣлъ онъ оглянуться, какъ сытые кони, звонко стуча копытами, промчали красивую коляску, въ которой удобно сидѣлъ коммерціи совѣтникъ Валай; обтянутыя резиной колеса мягко прошумѣли и обдали Кубасова грязью.

— Куда лѣзешь, старый чортъ!!—послышался хриплый, казенный голосъ городового.—Тебя ужъ черти на томъ свѣтѣ съ фонарями ищутъ, а онъ тутъ шляется, подъ лошадей лѣзетъ. Задавятъ—отвѣчай, точно за настоящаго человѣка. По-

шелъ на панель! Ну!—и городовой, придерживая саблю, толкалъ Кубасова на тротуаръ.

Потокъ жидкой грязи, облѣпившей лицо, толчки городового вывели Кубасова изъ его внутренняго созерцанія. Онъ посмотрѣлъ кругомъ: на улицѣ смеркалось и зажигали фонари; нависшая надъ городомъ туча сѣяла мелкій дождь съ крупинками снѣга; холодный вѣтеръ гремѣлъ вывѣсками. Посинѣвшій отъ холода Кубасовъ вошелъ въ трактиръ и спросилъ водки. Отъ того, что онъ выпилъ три рюмки одну за другой, внутри у него загорѣлось, пріятная теплота расходилась по тѣлу и оживляла окоченѣвшіе члены. Угнетенное состояніе проходило; онъ сталъ бодрѣе и заговорилъ самъ съ собой:

— Это они, сѣрые черти, пакостятъ!..—говорилъ онъ, какъ будто собираясь еще что-то поправить,—за полцѣны работаютъ, подлецы,—благо жена и дѣти въ деревнѣ... А намъ издыхать черезъ васъ, черезъ подлецовъ!.. Ну, нѣтъ... у меня не забалуешь... Погоди, я поговорю съ тобой, ты у меня закачаешься!

Онъ смѣло взмахнулъ сѣдой головой, залпомъ выпилъ еще стаканъ водки и вдругъ, какъ будто неожиданно для самого себя, заторопился, надѣлъ картузъ, положилъ за водку деньги, выскочилъ изъ трактира и побѣжалъ по темнымъ улицамъ, перегоняя всѣхъ. Когда онъ свернулъ въ Безнадежный переулокъ, на заводѣ глухо захрипѣлъ свистокъ. Кубасовъ остановился на углу Заводской улицы и застегнулъ пальто. Партія молодежи съ гиканьемъ и смѣхомъ пронеслась мимо старика, а черезъ минуту растянулась длинная вереница усталыхъ рабочихъ. Кубасовъ волновался и зорко глядѣлъ на проходившихъ. Среди черномазой толпы мелькнула крупная фигура. Кубасовъ поблѣднѣлъ и сжалъ кулаки.

— Ѳедоръ!—дико крикнулъ онъ не своимъ голосомъ, и по спинѣ его пробѣжали мурашки.

Ѳедя не узналъ голоса старика и степенной походкой вышелъ изъ толпы. Кубасовъ злобно глядѣлъ, дрожалъ и готовъ былъ броситься на него.

— А, Кубасушка! здорово, братъ! Нашелъ ли работу-то?— ласково спросилъ Ѳедя.

Въ этихъ простыхъ словахъ бородатаго Ѳеди много было душевной мягкости и искренняго участія къ старику. Кубасовъ сконфузился, невольно разжалъ пальцы и протянулъ руку.

— Ахъ, братъ, братъ,—продолжалъ Ѳедя жалостливо и крѣпко сжималъ руку Кубасова.

— Ты это что,—сокрушаешься обо мнѣ? Не насчетъ-ли работы?—проворчалъ Кубасовъ и сердито взглянулъ на Ѳедю.— О жизни человѣческой надо говорить, а работы сколько хочешь, только ѣсть не спрашивай. А ты вотъ что скажи: на

каторгѣ разбойникъ и тотъ надѣется на срокъ да на царскую милость... А мы?.. Гдѣ-же правда, Ѳедя?..

Ѳедя почесалъ затылокъ.

— Кто е знаетъ, какъ сказать... Въ жизни, Кубасушка, у всякаго свои козыри.

— Да у насъ-то какіе?

— Бубны! — мимоходомъ сказалъ молодой рабочій и запѣлъ мягкимъ теноркомъ въ темной улицѣ: „Ахъ ты ночь моя, ночка темная“.

— Пойдемъ, Кубасушка, въ трактиръ, тамъ поговоримъ, а то что-то сиверко да и дождь,—сказалъ Ѳедя.

— Пойдемъ,—согласился закоченѣвшій Кубасовъ.

V.

Они вошли въ низкую, просторную и плохо освѣщенную комнату трактира, сѣли за столъ и спросили чаю.

— Вонъ дамочка какая сидитъ,—сказалъ Ѳедя.

Кубасовъ оглянулся назадъ: за сосѣднимъ столомъ, въ яркомъ платьѣ сидѣла женщина: одной рукой она облокотилась на столъ и поддерживала голову, въ другой дымилась папироска; стриженные спереди волосы блестѣли отъ сала и до бровей закрывали лобъ:

„Любила я, страдала я,
„А онъ, подлецъ, забылъ меня!!..“

монотонно пѣла она сиплымъ голосомъ.

„Вотъ такая же Катя“,—подумалъ Кубасовъ, и на головѣ старика шевельнулись волосы.

Ѳедя говорилъ что-то о деревнѣ, о жизни, о настоящемъ крестьянствѣ... Онъ упоминалъ о землѣ, о сохѣ, боронѣ, сходкахъ и навозѣ...

Но Кубасовъ ничего не слыхалъ. Онъ смотрѣлъ, какъ женщина курила папироску, пила водку, пьянѣла и содрогалась послѣ каждой рюмки.

— У тебя есть такая дочь?—неожиданно спросилъ Ѳедю Кубасовъ съ дрожью въ голосѣ.

— Господь съ тобой, Кубасушка!—обиженно сказалъ Ѳедя,— нешто я самъ потерянный, чтобы у меня были такія дѣти. Скажемъ такъ: ужъ это не отцы, а храпоидолы, которые до этого допустятъ родное дитя!

— А у меня есть... Храпоидолы, сѣрый ты чортъ!—всхлипывая, крикнулъ Кубасовъ, дико сверкнувъ глазами. Вся ненависить его, которую онъ еще недавно сосредоточилъ на Ѳедѣ,—вспыхнула вдругъ. Онъ вспомнилъ, зачѣмъ бѣжалъ,

торопясь, по улицамъ и, развернувшись, ударилъ кулакомъ на отмашь. Ѳедя отклонилъ голову, Кубасовъ промахнулся и безъ чувствъ упалъ на полъ.

Сначала Ѳедя остолбенѣлъ, потомъ неловко сталъ чесать затылокъ и спину, заметался во всѣ стороны и не зналъ, что дѣлать.

— Эй вы, копченыя души! что тамъ затѣяли? Пошли вонъ! Ишь нарѣзался, старая кочерга! Выставляй ихъ, ребята,—обратился буфетчикъ къ половымъ.

— Побойся Бога, господинъ! Старичокъ, можетъ, и не ѣлъ нонѣ. Ему дурнота въ голову вступила, съ завода прогнали, а у него тоже старуха, дѣти, скажемъ—ѣсть нечего... Ну, мозжина-то, значитъ, за мозжину и зацѣпила.

— А чортъ васъ знаетъ, съ чего вы валяетесь, какъ свиньи. Принеси, ребята, воды да уксусу, а ты, борода, намочи ему башку-то. Да и маршъ!

Ѳедя всталъ на колѣни, осторожно приподнялъ голову пріятеля и сталъ мочить ему лобъ и виски. Кубасовъ понемногу началъ приходить въ себя, но еще судорожно всхлипывалъ.

— Попей-ко, братъ, Господи благослови!.. Вотъ такъ.

Кубасовъ напился изъ рукъ Ѳеди, но все еще безпомощно, какъ-бы въ забытьи, сидѣлъ на полу.

„Любила я, страдала я!..“

— Ш-ш-ш!!—прошипѣлъ Ѳедя и погрозился на женщину. Та замолчала и скверно обругалась.

Кубасовъ зашевелился и выказалъ желаніе подняться; Ѳедя взялъ его подъ руку, помогъ встать, надѣлъ картузъ на сѣдую голову пріятеля и осторожно вывелъ его изъ трактира.

— Ты прости меня, братъ, насчетъ дамочки-то... ей Богу не зналъ—виновато сказалъ Ѳедя...

— Уйди, оставь меня, Богомъ прошу, Ѳедоръ,—тихо, точно молитву, прошепталъ Кубасовъ и, не поднимая ногъ, зашмыгалъ по темной улицѣ.

Ѳедя растерянно глядѣлъ вслѣдъ удалявшемуся старику и, не теряя его изъ виду, шелъ за нимъ.

Кубасовъ перешелъ на другую сторону и скрылся за калиткой. Ѳедя долго глядѣлъ въ черное, какъ могила, отверстіе калитки, вздохнулъ и пошелъ обратно.

А Кубасовъ, точно разбитый параличомъ, тихо спускался въ глубокій подвалъ, въ которомъ была его квартира. Узкая каморка казалась длинной и походила на грязный корридоръ; у потолка—окна съ желѣзными прутьями, въ углу образъ, подъ образомъ жестяная лампочка тускло освѣщала всю бѣд-

ность каморки. На деревянной кровати лежала Фрося; старая мать какимъ-то снадобьемъ растирала ея больныя ноги.

Кубасовъ осторожно отворилъ и, поморщившись отъ вони ѣдкаго растиранья, снялъ пальто. Старушка закрыла ноги дочери тяжелымъ ситцевымъ одѣяломъ и внимательно посмотрѣла на тревожное лицо Кубасова.

— Гдѣ же ты обѣдалъ, отецъ? — спросила она мужа, который не зналъ, куда дѣть глаза.

— Нигдѣ, мать, не обѣдалъ... Ты, братъ, не сердись, я разсчетъ получилъ,—конфузливо сказалъ онъ и робко поглядѣлъ на больную дочь.

— Ты говоришь—разсчетъ?!

— Да, и больше меня никто не возьметъ работать, потому—старъ.

— Что же мы станемъ дѣлать?

— Что дѣлать?.. по міру пойду, готовь мѣшокъ.

— Ты... пойдешь просить милостыню?!—удивленно переспросила старушка.

— Пойду, пойду!.. да ты не сердись, мать. Сорокъ пять лѣтъ работалъ, ну, усталъ, все болитъ: и руки, и ноги, и спина. Ахъ какъ болятъ!..

— На печку бы... Полежать, погрѣться...

— На печку, говоришь? а гдѣ наша печка?

— Ахъ, старикъ, старикъ!—сказала упавшимъ голосомъ бѣдная женщина и покачала сѣдой головой. А какъ же Фрося, отецъ?

— Определимъ въ больницу. Что ей тутъ валяться въ грязи и сырости! На деньги, мать,—и Кубасовъ положилъ на столъ скомканныя желтыя бумажки разсчета.

Больная молча лежала на постели. Тяжелыя страданія несчастной были такъ жестоки, что сдѣлали ее безучастной ко всему. Она повернула некрасивое рябое лицо къ стѣнѣ и равнодушно смотрѣла на таракановъ, которые, шевеля усами, съ любопытствомъ глядѣли изъ трещинъ на все, что происходило въ каморкѣ.

Старушка, сгорбившись, сидѣла на табуреткѣ, уныло опустивъ голову, и не могла рѣшить вопроса: которая же счастливѣе изъ ея дочерей?

Старый кузнецъ прижался къ холодной и липкой стѣнѣ и печально глядѣлъ на больную дочь; лицо его выражало жестокую скорбь. Словно преступникъ съ проснувшейся совѣстью, стоялъ Кубасовъ въ изголовьѣ дочери; онъ чувствовалъ себя главнымъ участникомъ какого-то ужаснаго злодѣянія, жертвой котораго оказались его дѣти. Сердце его переполнилось гнетущей тоской; онъ порывисто дышалъ...

— Фрося,—сказалъ онъ глухимъ, упавшимъ голосомъ,—

ты, братъ, прости насъ! Меня прости.. Я хотѣлъ вамъ счастья а вотъ, видишь, и хлѣба нѣтъ... Да, я хотѣлъ и... и мать...

Ему вдругъ захватило горло, онъ чувствовалъ, какъ кровь тѣснилась у сердца, въ головѣ звенѣло и потемнѣло въ глазахъ; колѣни дрожали и гнулись. Потомъ все куда-то исчезло, онъ рухнулся на полъ; тихо простоналъ старый кузнецъ и замолкъ на вѣки.

Н. Темный.

---

* * *

Солнца ласки золотыя,
Неба пѣсни голубыя
  Разбудили лѣсъ, вѣщая
  О веселомъ царствѣ мая.
И запѣли, зазвенѣли
Листья липы, иглы ели,
  Солнцу, небу отвѣчая
  Звучной пѣсней, пѣсней мая...
И зеленый шумъ волною
Слился съ пѣсней голубою,
  Яркой радугой сіяя,
  Въ свѣтломъ царствѣ, въ царствѣ мая!..

Галина.

Типы капиталистической и аграрной эволюціи.

Статья вторая.

Типы аграрной эволюціи.

I.

Въ первой статьѣ мы уже доказывали, что Герцъ вполнѣ основательно возстаетъ противъ всякихъ готовыхъ шаблоновъ въ сужденіяхъ о капиталистической эволюціи различныхъ странъ, различныхъ народо-хозяйственныхъ организмовъ. Не признавая существованія одной, универсальной формы этой эволюціи, независимой отъ различныхъ условій времени и мѣста, онъ, естественно, долженъ различать нѣсколько своеобразныхъ типовъ національнаго капитализма. Но остановиться только на этомъ различеніи было бы невозможно. Оно тѣсно связано съ другимъ различеніемъ, которому будетъ посвящена настоящая статья. Послѣдовательно проводя точку зрѣнія отрицанія универсальной формы капитализма, необходимо искать своеобразныхъ, типическихъ чертъ не только въ эволюціи различныхъ капиталистическихъ націй, но и въ эволюціи различныхъ *отраслей промышленности.*

Если въ первомъ пунктѣ Герцъ могъ найти себѣ сильнаго союзника въ Вернерѣ Зомбартѣ, то въ послѣднемъ онъ можетъ найти такого же союзника въ Гобсонѣ, который въ предисловіи къ русскому изданію своего труда объ „эволюціи современнаго капитализма“ *) особенно настойчиво рекомендуетъ „избѣгать ошибки неправильнаго упрощенія дѣла: именно этимъ грѣшатъ лица, полагающія, что всѣ виды промышленности одинаково подчинены однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ“. По мнѣнію Гобсона, „лишь изученіемъ природы каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности мы можемъ придти къ правильному опредѣленію роста промышленнаго дѣла“, и „только послѣ изученія подобнаго рода мы получаемъ возможность узнать

---

*) Гобсонъ, «Эволюція современнаго капитализма». Изд. О. Н. Поповой, Спб. 1898.

различные виды и формы, которые могутъ принимать различныя отрасли промышленности".

Именно этимъ грѣхомъ — чрезмѣрнаго упрощенія, шаблонизированія — страдало старое направленіе въ марксизмѣ. „Старая теорія,—иронизируетъ по этому поводу Герцъ *),—по просту объявляетъ, что какъ въ индустріи, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство экономически превосходитъ мелкое, побиваетъ его своей конкурренціей—тезисъ, антитезисъ, синтезисъ—экспропріація и ассоціація—и дѣло съ концомъ!"

Иронія Герца, на нашъ взглядъ, вполнѣ попадаетъ въ цѣль. Въ самомъ дѣлѣ, аграрный вопросъ долгое время стоялъ, можно сказать, совершенно внѣ поля зрѣнія стараго марксизма. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить лишь бѣглый взглядъ на соотвѣтственную литературу—бѣдность ея поразительна... „До сихъ поръ, — откровенно признавался въ 1894 году извѣстный Георгъ фонъ-Фольмаръ,—наше направленіе, въ общемъ, весьма мало озабочивалось вопросомъ о земледѣльческой продукціи... Для этого мы были слишкомъ поглощены политическими злобами дня, слишкомъ глубоко уходили въ насущныя задачи времени. Когда же къ этому вопросу и обращались, то это происходило въ большинствѣ случаевъ чисто-доктринерскимъ способомъ. Двѣ три резолюціи старой „международной ассоціаціи", резолюція Штутгардскаго конгресса, да нѣсколько сочиненій, во главѣ которыхъ стоитъ „Grund- und Bodenfrage" Либкнехта—прекрасное сочиненіе **), которому только, къ сожалѣнію, такъ же мало слѣдуютъ, какъ много его читаютъ—и это въ теченіе долгаго времени было все... Въ остальномъ—аграрный вопросъ затрогивался лишь слегка и мимоходомъ, причемъ въ общемъ господствовало убѣжденіе, что законы, наблюдаемые въ индустріи, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, всецѣло находятъ себѣ аналогичное примѣненіе и къ эволюціи сельскаго хозяйства; такъ что тѣмъ самымъ аграрный вопросъ являлся для нашего направленія уже поконченнымъ и порѣшеннымъ..." ***).

Если мы обратимся къ главному теоретическому, научному органу нѣмецкаго марксизма, журналу „Neue Zeit", то наткнемся на поразительный фактъ: почти всѣ посвященныя аграрному вопросу статьи въ немъ до времени франкфуртскаго и бреславльскаго партейтаговъ были написаны не марксистами, а случайными гостями марксистскаго органа, каковы консервативный демократъ Рудольфъ Мейеръ и своеобразный послѣдователь Генри Джорджа, „Boden-Besitz-Reformer" Флюршеймъ. Имъ же, ихъ проповѣди своихъ идей былъ обязанъ нѣмецкій марксизмъ и появленіемъ нѣ-

*) «Die Agrarischen Fragen», S. 60.

**) Ниже мы укажемъ, съ какими оговорками приходится принять эту оцѣнку.

***) См. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages etc., abgehalten zu Frankfurt a. M. vom 21 bis 27 окт. 1894, Berlin 1894, Ss. 142—152.

сколькихъ посвященныхъ этому вопросу статей и брошюръ чисто-марксистскаго направленія, изъ которыхъ едва ли не самымъ интереснымъ является „Soziale Frage und Bodenverstaatlichung" Конрада Шмидта — маленькая брошюрка въ 30 страницъ... Если вычеркнуть „Grund-und Bodenfrage" Либкнехта, то единственнымъ сколько нибудь крупнымъ сочиненіемъ по аграрному вопросу, изданнымъ нѣмецкими марксистами, былъ... сокращенный переводъ русской книги Каблукова „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи" *). До самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ разработку аграрной проблемы съ коллективистской точки зрѣнія вносили кое что новое только работы анти-марксиста Оппенгеймера **). Словомъ, марксистская литература по аграрному вопросу долгое время состояла почти всецѣло изъ довольно тощихъ и по объему, и по содержанію брошюрокъ ***) и, въ сущности, съ большой легкостью и съ большимъ удобствомъ могла помѣститься въ одномъ среднихъ размѣровъ карманѣ...

И это не случайность. Дѣло въ томъ, что для стараго марксизма совершенно не существовало аграрнаго вопроса, какъ особаго, самостоятельнаго вопроса. Область аграрныхъ отношеній представлялась для него не болѣе, какъ одною изъ спеціальныхъ вѣтвей производства, наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ вѣтвей, изъ которыхъ, конечно, каждая характеризуется извѣстными специфическими, ей присущими признаками,—но только такими признаками, отъ которыхъ политико-экономъ свободно можетъ отвлекаться, которые ничего не мѣняютъ въ общихъ законахъ хозяйственнаго развитія, и потому въ общемъ соціальномъ смыслѣ могутъ считаться несущественными и безразличными—quantité négligeable. Эти признаки могутъ интересовать, напр., спеціалиста-хозяина или агронома, для которыхъ важна *техническая* сторона дѣла, но не соціолога, заинтересованнаго исключительно его *общественно-историческою* стороной.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, выдающіеся представители западно-европейскаго марксизма брали большею частью аграрный вопросъ вполнѣ за одну скобку съ индустріально-рабочимъ вопросомъ, разсматривая ихъ, какъ сплошное однородное цѣлое, не требующее расчлененія, не требующее раздѣльной постановки вопроса и раздѣльныхъ рѣшеній. Практически это приводило къ тому, что всѣ своеобразныя черты аграрной эволюціи болѣе или менѣе игнорировались: о ней судили просто по аналогіи съ развитіемъ индустріи, строили апріорную формулу и подходили къ фактамъ съ уже готовымъ шаблономъ. Разумѣется, всегда оказывалось, что

*) «Die ländliche Arbeiterfrage» nach Kablukow. Изданіе берлинской «Рабочей Библіотеки» Макса Шиппеля.

**) «Die Siedlungsgenossenschaft» и «Grossgrundbesitz und Soziale Frage».

***) Какъ въ той же серіи «Arbeiterbibliotek» брошюры Шиппеля, Кампфмейера и др.

дѣйствительность, если ужъ не оправдываетъ, то, во всякомъ случаѣ, „собирается оправдывать“ теорію. Иными словами, „она не родила, но по разсчету, по моему, должна родить!“ Эти слова Фамусова сдѣлались формулой, подъ сѣнью которой скрывалось доктринерство отъ всѣхъ противорѣчій съ фактами окружающей дѣйствительности.

Капитализація и пролетаризація! Капитализація сельско-хозяйственнаго производства, пролетаризація непосредственныхъ производителей, концентрація собственности, и, какъ мыслимый высшій пунктъ развитія — превращеніе земельной собственности и управленія сельско-хозяйственнымъ производствомъ въ частную монополію, послѣ чего остается лишь превратить эту частную монополію въ государственную, чтобы разомъ осуществить высшій типъ хозяйственнаго строя. Вотъ какой процессъ должна была, по „разсчету“ стараго марксизма, развить изъ себя дѣйствительность, чтобы дать жизнь новому хозяйственному укладу; тѣмъ самымъ марксизмъ ставилъ передъ своими приверженцами и практическую задачу—„сократить и облегчить мученія родовъ“.

Генезисъ этого взгляда можно прослѣдить съ очень раннихъ поръ. Выше уже было сказано, что земельному вопросу были посвящены нѣкоторыя резолюціи старой, подготовленной на лондонской всемірной выставкѣ 1862 г. и окончательно учрежденной 24 сентября 1864 г. „международной ассоціаціи“, съ игравшимъ въ свое время важную роль „генеральнымъ совѣтомъ“ во главѣ. Какъ извѣстно, всѣ публичныя заявленія, всѣ манифесты этого „генеральнаго совѣта“ принадлежали перу Карла Маркса, долгое время вообще бывшаго душею генеральнаго совѣта. Такъ вотъ, въ первый же годъ существованія этой организаціи, во вступительномъ адресѣ генеральнаго совѣта можно было найти знаменательное мѣсто, касавшееся земельнаго вопроса. „Если уменьшеніе числа землевладѣльцевъ въ Англіи, — писалъ Марксъ, — и соединеніе земли въ рукахъ немногихъ будетъ и впредь идти такимъ же образомъ, — то, во всякомъ случаѣ, поземельный, аграрный вопросъ черезъ это упрощается“. Далѣе Марксъ пояснялъ, что въ такомъ случаѣ обстоятельства пришли бы приблизительно въ такой же видъ, какъ это было въ древнемъ Римѣ, гдѣ, наконецъ, половина всей провинціи Африки очутилась въ рукахъ всего лишь шести собственниковъ *). Сами по себѣ эти фразы Маркса выражаютъ мысль его въ столь осторожной и чисто условной формѣ, что въ нихъ нельзя еще видѣть никакаго общаго взгляда, никакой готовой теоріи,—тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ исключительно объ Англіи. Но впослѣдствіи эти слова подверглись самому широкому толкованію и въ этомъ видѣ заложили основу „марксистской догмы“ въ аграрномъ вопросѣ.

*) Цитирую по названному выше протоколу.

На конгрессахъ ассоціаціи вопросъ обсуждался трижды. Первое обсужденіе состоялось на второмъ конгрессѣ въ Лозаннѣ (2—8 сент. 1867 г.), гдѣ извѣстный бельгійскій ученый и дѣятель, Цезарь де-Папъ, поднялъ аграрный вопросъ, воспользовавшись преніями по вопросу о національзаціи желѣзныхъ дорогъ, каменоломенъ и т. д. Послѣ оживленныхъ преній, рѣшено было отложить сужденіе по этому поводу до слѣдующаго конгресса, чтобы рѣшать вопросъ, спеціально подготовившись къ нему. Но и этотъ конгрессъ, брюссельскій (6—13 сент. 1868 г.), не устранилъ разногласій и не привелъ дѣла къ окончательному рѣшенію, которое удовлетворило бы хотя большинство, и на четвертомъ конгрессѣ, въ Базелѣ (5—11 сент. 1869 г.) въ третій разъ произошло генеральное обсужденіе аграрнаго вопроса. И на этотъ разъ было рѣшено посвятить одинъ изъ слѣдующихъ конгрессовъ болѣе подробному обсужденію того пути, которымъ въ области сельской индустріи должна осуществиться планомѣрная общественная организація производства. Дѣло въ томъ, что эта практическая сторона вопроса троекратнымъ обсужденіемъ конгрессовъ почти не была затронута. Хотя по отзыву одного изъ самыхъ выдающихся представителей практическаго марксизма die Lage des ländlichen Proletariats ist im Basel sehr ernst erörtert worden *), на самомъ дѣлѣ напрасно вы стали бы искать даже въ оффиціальныхъ протоколахъ конгрессовъ ассоціаціи слѣдовъ глубокаго и серьезнаго обсужденія хода аграрной эволюціи, положенія и взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ сельскаго населенія и опорныхъ пунктовъ въ немъ для соотвѣтствующей подготовительной работы. Громадную часть времени у конгрессовъ заняли чисто принципіальные споры по вопросу объ отвлеченныхъ правахъ общества и индивида по отношенію къ земельной собственности. Французскіе депутаты, какъ ярые прудонисты, рѣшительно возстали на защиту индивидуальнаго принципа противъ коллективистскаго. Съ другой стороны, что касается ихъ противниковъ, отстаивавшихъ принципъ національзаціи земли, то и среди нихъ образовалось два различныхъ теченія; одно—болѣе правовѣрно-марксистское, другое—среднее. Это послѣднее было представлено главнымъ образомъ упомянутымъ Цезаремъ де-Папомъ, тогда какъ первое—англійскими и нѣмецкими делегатами. Уже оффиціальный протоколъ Лозанскаго конгресса **) констатируетъ вкратцѣ (къ сожалѣнію, протоколы не стенографическіе!), что „ораторы нѣмецкіе и англійскіе *настаиваютъ въ особенности на историче-*

*) «Unsere Ziele» von Aug. Beb.; 10 Auflage, S. 42. Гораздо правильнѣе отзывъ Liebknecht'a: «Kurz, die Baseler Beschlüse sind wesentlich theoretischer, programmatischer Natur, und haben keinen unmittelbaren practischen Character» l. c. S. 25.

**) Procès verbaux du Congrès de l'association intern. des travailleurs réuni à Lausanne, Chaux de Fond, 1867, pp. 68—73.

скомъ законѣ, который вездѣ ведетъ къ образованію крупной собственности" *). Въ извѣстномъ Handbuch'ѣ Штегмана и Гуго, содержащемъ короткій, но основательный очеркъ исторіи „ассоціаціи", написанный съ рѣзко выраженной марксистской тенденціи, къ этому прибавляется новый штрихъ; по свидѣтельству составителей (лицъ, весьма освѣдомленныхъ и компетентныхъ въ предметѣ), англійскіе, а въ особенности нѣмецкіе делегаты рѣшительно оппонировали прудонистамъ, проводя, между прочимъ, ту мысль, что объ личной свободѣ на основѣ мелкой земельной собственности не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ „крупный капиталъ экспропріируетъ массы индустріальныхъ и земельныхъ работниковъ и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ средства производства *индустріи, точно такъ же, какъ и сельскаго хозяйства"*. Слабый отголосокъ этого убѣжденія въ существованіи „всеобщаго историческаго закона", согласно которому „въ индустріи, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ" развитіе непремѣнно должно идти черезъ стадію капиталистической концентраціи, можно усмотрѣть въ резолюціи брюссельскаго конгресса; она гласитъ, что „экономическое развитіе само тяготѣетъ къ крупной культурѣ", а потому „конгрессъ держится того мнѣнія, что экономическое развитіе сдѣлаетъ переходъ земли и почвы въ государственную собственность общественной необходимостью" **).

На базельскомъ конгрессѣ всѣ три теченія обособились очень явственно. Прудонистовъ мы оставляемъ въ сторонѣ,—ихъ индивидуалистическая точка зрѣнія защищалась лишь ничтожнымъ меньшинствомъ делегатовъ. Сами коллективисты раскололись на двѣ группы. Въ рѣчахъ однихъ по прежнему центральное мѣсто занимаютъ чисто догматическіе тезисы, въ родѣ того, что „владѣнія землею концентрируются всѣ болѣе и болѣе въ рукахъ небольшого числа лицъ" ***), и что вообще „исторія развивается силой фактовъ и логикой вещей, и она мало обращаетъ вниманія на наши рѣшенія, если они несогласны съ этой силой и этой логикой" ****). Въ рѣчахъ другихъ, и особенно въ докладѣ де-Папа сквозитъ уже существенно иная тенденція *****). Здѣсь мы слышимъ больше рѣчи о томъ, что заинтересованные элементы населенія „не будутъ въ состояніи ждать, пока вещи устроятся естественнымъ путемъ"; въ дополненіе объективной „логики ве-

*) Курсивъ нашъ. Цитата изъ Procès verbaux etc., p. 73.

**) Къ сожалѣнію, мы не могли достать оффиціальнаго протокола брюссельскаго конгресса. Всѣ эти протоколы вообще сдѣлались крайней библіографической рѣдкостью, и даже въ парижскомъ musée social, въ которомъ мы работали по этому вопросу, не хватаетъ до полной коллекціи какъ разъ одного этого брюссельскаго протокола 1868 г.

***) Compte-rendu du IV Congrès int., tenu a Bâle, 1869, рѣчь Bruhin'a, p. 82.

****) Ibid., рѣчь Becker'a, p. 82.

*****) Rapport de la section Bruxelloise, compte rendu etc., pp. 96—108.

щей“ выдвигается чисто человѣческая субъективная логика: указывается, что прогрессъ идей, прогрессъ умственный настолько опередилъ матеріальную эволюцію, что для возстановленія соотвѣтствія послѣдняя должна подвинуться сокращеннымъ путемъ. Де-Папъ, видимо, довольно скептически относится къ „всеобщему историческому закону“ концентраціи земельной собственности. „Въ странахъ мелкой собственности дѣлежъ имущества при наслѣдованіи дробитъ почву на все болѣе и болѣе мелкія парцеллы... Но въ то же время неудобство этого парцеллированія приведетъ въ концѣ концовъ крестьянъ-собственниковъ къ культурѣ ассоціаціями и объединенію этихъ парцеллъ, а затѣмъ, быть можетъ, къ солидаризованію самихъ этихъ коопераціи между собою и къ соединенію находящейся въ ихъ рукахъ обрабатываемой площади въ совмѣстное владѣніе“ *). Такимъ образомъ, высказываясь въ принципѣ за коллективный принципъ и за націонализацію земли, де-Папъ и товарищи находили, что общество должно передать занятіе землей или индивидуальнымъ земледѣльцамъ, или, предпочтительнѣе, агрикультурнымъ ассоціаціямъ, платящимъ ренту государству. Позднѣе, въ своемъ извѣстномъ докладѣ „De l'organisation des services publics etc.“ де-Папъ высказывалъ даже ту мысль, что во многихъ государствахъ можетъ—по крайней мѣрѣ на первое время—быть болѣе практичной не націонализація земли, а переходъ ея въ собственность сельскихъ общинъ **).

Характерно, что и догматическіе марксисты въ это время еще не рисковали выводить всѣ логическія послѣдствія изъ своей точки зрѣнія. Они не приглашали радоваться успѣхамъ капитализма и ждать, пока сельское хозяйство будетъ организовано въ общественныхъ размѣрахъ тѣми немногими „предпринимателями“, которые должны побить путемъ конкурренціи остальныхъ. Они вносили въ рѣшеніе, предлагаемое де-Папомъ, лишь сравнительно незначительную поправку. Именно, имъ казалось слишкомъ большой уступкой принципу индивидуализма передача обществомъ земли въ пользованіе единичныхъ производителей или агрикультурныхъ коопераціи; они признавали лишь передачу „солидаризированнымъ общинамъ“ ***). Большинство спеціальной коммиссіи по аграрному вопросу высказалось за это послѣдне предложеніе (8 голосовъ противъ 5 за де-Папа); но весь конгрессъ отложилъ рѣшеніе вновь до одного изъ слѣдующихъ конгрессовъ. Какъ извѣстно, однако, затѣмъ наступили въ предѣлахъ ассоціаціи не-

*) Ibid., p. 97.

**) Compte-rendu officiel du VII congrès général de l'ass. des trav. tenu a Bruxelle du 7 au 17 sept. 1874, Verviers 1874, p. 126. Здѣсь же де-Папъ высказался въ томъ смыслѣ, что въ различныхъ странахъ, сообразно различію мѣстныхъ условій, могутъ быть избраны разные пути.

***) Rapport de Rittinghausen, Compte rendu du IV congr., 91.

урядицы, взаимныя распри, которыя, наконецъ, привели къ ея полному разложенію. Аграрный вопросъ такъ и не дождался своего разрѣшенія...

Толки, вызванные въ литературѣ дебатами базельскаго конгресса и его резолюціей (въ сущности лишь повторившей въ болѣе опредѣленной и ясной формулировкѣ брюссельскую), послужили поводомъ къ выходу въ свѣтъ цѣлой книги, которая чрезвычайно хорошо отразила на себѣ точку зрѣнія тогдашняго догматическаго марксизма. Эта книга—уже упоминавшаяся выше „Grund-und Bodenfrage" *) Такъ какъ она также вышла изъ продажи и представляетъ собою относительную библіографическую рѣдкость, то мы позволимъ себѣ остановиться на ея содержаніи нѣсколько подробнѣе и привести изъ нея нѣсколько цитатъ.

По мнѣнію автора, прежде всего, какъ для сельскаго хозяйства, такъ равно и для индустріи „имѣютъ силу одни и тѣ же экономическіе законы" **), и этимъ основнымъ положеніемъ легко разрѣшается весь вопросъ. „Сельско-хозяйственное мелкое производство не можетъ выдержать конкурренціи съ сельскохозяйственнымъ крупнымъ производствомъ, и точно также (gerade so) должно уступать мѣсто послѣднему, какъ индустріальное мелкое производство — крупному". Да и вообще „мелкое крестьянство стоитъ въ такомъ же отношеніи къ современной крупной агрикультурѣ, какъ ручное пряденье и ткачество къ фабричному, машинному". Поэтому вытѣсненіе мелкаго парцеллярнаго крестьянскаго владѣнія крупнымъ землевладѣніемъ англійскаго типа „есть только вопросъ времени", и „монополизація земли, къ которой стремились средневѣковые феодальные законы, является также цѣлью современнаго буржуазнаго капитализма" „Въ сельскомъ хозяйствѣ, не менѣе, чѣмъ въ индустріи, царитъ нынѣ крупное производство и разныя палліативныя мѣры такъ же мало могутъ спасти мелкое крестьянство, какъ шульце-деличевскія пилюли—мелкое городское бюргерство. Паровой плугъ произведетъ такой же переворотъ въ земледѣліи, какъ паровой ткацкій станокъ и прядильная машина—въ индустріи: онъ уничтожаетъ мелкое производство". Въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ, наряду со смѣлыми прорицаніями относительно значенія парового плуга (увы! не оправдавшимися и на половину!) характерна та непоколебимая, догматическая вѣра, которая заставляетъ нашего автора говорить объ ожидаемомъ будущемъ, какъ о настоящемъ, какъ о существующемъ уже въ дѣйствительности: крупное производство

*) Zur Grund-und Bodenfrage, von Wilg. Liebkn., Zweite vervollständigte Auflage, Leipzig 1876. Первое изданіе носило другое, болѣе простое заглавіе—«Vortrag gehalten im Saale des Schützenhauses zu Meerane am 12 März 1870», и вышло изъ печати въ 1873 году.

**) Zur Grund-und Bodenfrage, S. 83. («die gleichen ökonomischen Gesetze gelten»).

у него уже „царитъ“ въ сельскомъ хозяйствѣ, паровой плугъ уже „уничтожаетъ“ мелкое производство. Впрочемъ, таковы ужъ черты всякой догматической вѣры. По увѣренію автора, далѣе, „многіе крестьяне, наученные горькимъ опытомъ, уже сами видятъ, что не могутъ конкуррировать съ крупными экономіями, и даже—что мелкое крестьянское хозяйство безусловно идетъ на встрѣчу гибели“ *). Въ наше время о возникновеніи свободнаго мелкаго крестьянства можно такъ же мало думать, какъ и о томъ, чтобы „крупные капиталы раздроблялись на мелкіе, а большія фабрики распадались на мелкія ремесленныя мастерскія. Ходъ экономическаго развитія совершается въ противоположномъ направленіи: не отъ крупной собственности къ мелкой, а наоборотъ, отъ мелкой къ крупной... Путь къ общественно-организованному крупному производству лежитъ черезъ частное крупное землевладѣніе и частное крупное производство“ **).

Этого еще мало. „Послѣдній результатъ частнаго землевладѣнія и частно-капиталистической продукціи заключается въ концентраціи владѣнія, богатствъ и силы *въ однѣхъ рукахъ. Одинъ лэндлордъ* ***), владѣющій всей землей и почвой, всѣми фабриками, монополизирующій все земледѣліе и индустрію, имѣющій въ своемъ услуженіи по найму всѣхъ гражданъ и по собственному благожеланію регулирующій цѣны всѣхъ средствъ существованія и др. товаровъ—вотъ вершина, конечная цѣль, полный идеалъ современной капиталистической культуры! Но, къ счастью, положеніе: „summum jus—snmma injuria“ можно перевернуть и вверхъ ногами—summa injuria превращается въ summum jus. Доведенная до крайне рѣзкихъ проявленій несправедливость есть мать карающей Немезиды и все искупляющей справедливости“ ****).

Здѣсь передъ нами на лицо всѣ аксессуары догматическаго марксизма, вплоть до гегельянскаго развитія путемъ противорѣчій. Характерно, однако, что разговоръ объ „одномъ лэндлордѣ“ въ книгѣ играетъ бо́льшую роль, чѣмъ простое мыслительное reductio ad absurdum капиталистическаго режима. Въ качествѣ иллюстраціи здѣсь авторъ въ длиннѣйшемъ подстрочномъ примѣчаніи даетъ свѣдѣнія о нѣкомъ англійскомъ графѣ Фицъ-Вильямѣ, усердно работающемъ въ этомъ смыслѣ. Для скептиковъ авторъ указываетъ и другой путь концентраціи земледѣлія, тяготѣющей къ прямой монополіи: возможность хозяйственной коалиціи, синдиката, треста Фицъ-Вильямовъ *****). Вообще англійская сельско-хозяйственная эволюція стоитъ все время передъ глазами автора. Приведенная выше условная и осторожная фраза Маркса о возможномъ упрощеніи

*) Ibid., S. 117.
**) Ibid., S. 75.
***) Курсивъ, какъ и дальше, подлинника.
****) Ibid., Ss. 75, 76, 77 и 78.
*****) Ibid. S. 75, 76, 77, 78, 196.

въ Англіи аграрнаго вопроса благодаря растущей концентраціи поземельной собственности разрастается въ рукахъ ослѣпленнаго сторонника въ цѣлую всемірно-историческую теорію общаго хода аграрной эволюціи. „Число земельныхъ собственниковъ въ Англіи годъ отъ году уменьшается... Эту растущую концентрацію земли въ рукахъ немногихъ обычно приписываютъ исключительно майоратамъ и другимъ законамъ, запрещающимъ или сильно затрудняющимъ распаденіе крупныхъ дворянскихъ помѣстій. Было бы глупо отрицать, что упомянутые законы имѣли большое вліяніе на образованіе всѣхъ отношеній собственности и существеннымъ образомъ способствовали тому, чтобы вызвать къ жизни современную англійскую поземельную аристократію; но съ другой стороны несомнѣнно и то, что если бы даже этихъ законовъ не существовало, то при необычайномъ капиталистическомъ развитіи Англіи все равно воспослѣдовало бы то же поглощеніе крупнымъ землевладѣніемъ—мелкаго“ *). Такъ какъ, однако, въ реальной дѣйствительности не наблюдалось еще нигдѣ въ наше время такого процесса, то автору, очевидно, надо вѣрить на-слово...

Правда, во Франціи, повидимому, наблюдается даже совершенно иная тенденція аграрной эволюціи: прогрессирующее дробленіе, парцеллированіе владѣній. Но, по Либкнехту, это парцеллированіе есть ничто иное, какъ только своеобразная форма обнищанія и гибели крестьянства; гнетъ задолженности создаетъ надъ нимъ ту же власть капитала, хотя и не въ такой непосредственной формѣ, какъ въ Англіи. Парцеллированіе есть переходное явленіе, оно лишь расчищаетъ дорогу капиталу. „Das französische Parcellensystem ist ökonomisch ein überwundener Standpunkt“. Въ концѣ концовъ, единственно „въ англійскихъ поземельныхъ отношеніяхъ выражается въ наиболѣе классической формѣ существо современнаго частнаго землевладѣнія“ Напримѣръ, въ Германіи—говоритъ авторъ—„въ силу желѣзныхъ законовъ современной общественной организаціи мы неудержимо стремимся на сѣверѣ и востокѣ—къ англійскимъ отношеніямъ, на югѣ и западѣ—скорѣе всего къ французскимъ, а въ послѣднемъ счетѣ одинаково и тамъ, и здѣсь, черезъ стадію поглощенія мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ (если только развитіе во время не будетъ направлено на болѣе здоровый путь) мы идемъ по направленію къ англійскимъ условіямъ“. „Англійскія условія показываютъ намъ на нѣсколько станцій впередъ ту дорогу, по которой идетъ наше развитіе. Что въ Англіи уже *существуетъ*, то въ Германіи *будетъ*.. Что у насъ—еще незрѣлый плодъ, на которомъ еще висятъ засохшіе остатки недавняго цвѣта, но сердцевина котораго уже разъѣдается гніеніемъ, то тамъ плодъ уже зрѣлый, доразвившійся, съ золотисто-желтою оболочкою, но внутри

*) Ibid., S. 74.

совершенно сгнившій... Въ Англіи мы созерцаемъ наше будущее". „Вездѣ одинаковыя явленія, только въ одномъ мѣстѣ— въ болѣе эмбріональной формѣ, въ болѣе расплывчатомъ видѣ, въ другомъ—въ болѣе рѣзкихъ и ясныхъ очертаніяхъ; но повсюду даютъ себя чувствовать тѣ же неумолимые законы: мелкое владѣніе поглощается крупнымъ, мелкій собственникъ сталкивается на ступень пролетаріата. Быстрѣе или медленнѣе идетъ процессъ— конечный результатъ одинъ и тотъ же".

Логически продолжая эту догматическую струю, которая проходитъ черезъ все цитируемое сочиненіе, мы естественно получимъ то самое утрированно-отрицательное отношеніе къ крестьянству, которымъ такъ грѣшилъ всегда современный догматическій марксизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, „для господствующаго или стремящагося къ господству современнаго крупнаго производства наемный рабочій составляетъ *необходимость*, а мелкій производитель— какъ въ земледѣліи, такъ и въ индустріи—*препятствіе*, которое должно устранить съ дороги" *). „Тамъ, гдѣ есть еще относительно благопріятно поставленное крестьянство,—въ силу неотвратимыхъ законовъ современнаго способа производства, въ силу законовъ, гибельное дѣйствіе которыхъ можетъ прекратиться лишь съ уничтоженіемъ ихъ причины, т. е. современнаго способа производства, — это крестьянство подлежитъ гибели. Его смертный приговоръ произнесенъ, а посредствомъ палліативныхъ средствъ въ самомъ крайнемъ случаѣ можно лишь продолжить срокъ его мучительной агоніи... Дѣйствительнаго средства, средства противъ этой гибели нѣтъ. Противъ смерти нѣтъ лѣкарства,—противъ экономической такъ же, какъ и противъ физической. Кто вѣритъ въ жизненный элементъ, тотъ невѣжда, а кто говоритъ, что обладаетъ имъ,—тотъ шарлатанъ" **).

Какія же отсюда могутъ вытекать указанія для практической политики въ области аграрныхъ отношеній? Повидимому, прежде всего ждать, пока Фицъ-Вильямы не совершатъ своей исторической миссіи и не подготовятъ историческаго наслѣдства—монополизированнаго и планомѣрно-организованнаго сельско-хозяйственнаго производства, которому требовалась бы лишь простая перемѣна формы — содержаніе было бы уже готово. Но какъ ни твердо вѣрилъ тогдашній марксизмъ въ неуклонный и быстрый ходъ этого подготовительнаго стихійнаго процесса, онъ не могъ остановиться на такомъ выводѣ. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а марксизмъ былъ слишкомъ практиченъ, чтобы удовлетвориться кабинетными выкладками, сомнительными разсчетами на отдаленное будущее и пожертвовать для нихъ настоящимъ. Къ

---

*) «Ein *Hinderniss*, das aus dem Weg geräumt werden muss». Ibid., S. 122. Курсивы подлинника.

**) Ibid., S. 139—140.

тому же, тогдашній марксизмъ слишкомъ вѣрилъ въ себя и думалъ, что осуществленіе самыхъ смѣлыхъ его плановъ и мечтаній далеко не за горами, такъ что ожидать медленнаго, но вѣрнаго дѣйстія „естественныхъ законовъ“ пожалуй что и некогда. И вотъ почему, переходя отъ теоріи къ практикѣ, мы встрѣчаемъ у автора „Grund-und Bodenfrage“ величайшую непослѣдовательность,—которая, на нашъ взглядъ, одновременно съ этимъ является и крупнѣйшимъ достоинствомъ книги. Будь она въ этомъ пунктѣ послѣдовательнѣе, она, конечно, была бы хуже...

Не желая ждать пріѣзда Улиты—капиталистической концентраціи и даже конечной монополизаціи сельскохозяйственнаго производства, и отыскивая въ реальной дѣйствительности элементъ, на который можно было бы при случаѣ опереться взамѣнъ Фицъ-Вильямовскаго наслѣдства, авторъ натыкается на... сельскую общину. Это открытіе производитъ поворотъ въ теченіи его мыслей въ совершенно другую сторону. „Die Gemeinde, das Dorf ist ja eine natürliche Association!“ находитъ онъ *). И въ этомъ положеніи для него уже кроется цѣлое разрѣшеніе вопроса. Для него ясно, что осуществленіе новыхъ формъ производства, благодаря этому, „для земледѣлія еще гораздо легче, чѣмъ для городской индустріи. Я уже сказалъ выше: община, село есть естественная ассоціація—община вообще, а въ особенности сельская община. Это уже отражается въ самомъ словѣ: „община“. Община означаетъ общность, общее, совокупное дѣйствіе,—и дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы дать достаточное расширеніе, развитіе этой общности, перенести ее и на хозяйственную область, отъ которой она оттѣснена культомъ и культивированіемъ частной собственности. Несомнѣнно, что со временемъ противоположность между городомъ и деревней, а также и разрывъ между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ исчезнетъ. Но во всякомъ случаѣ новому хозяйственному принципу придется примѣняться, приспособляться къ существующимъ городамъ и деревнямъ, чтобы въ ихъ рамкахъ воплощать хозяйственныя новообразованія. И въ селѣ это гораздо легче, чѣмъ въ городѣ. Безъ значительныхъ трудностей (если исчезнутъ извѣстные предразсудки), съ полнымъ сохраненіемъ существующихъ отношеній собственности возможно превращеніе нынѣшнихъ сельскихъ общинъ въ ассоціаціи, къ непосредственной и очевидной выгодѣ всѣхъ сочленовъ. Именно тѣ самые мотивы, которые у всѣхъ народовъ и у самыхъ выдающихся мыслителей заставляли придавать землѣ совершенно особенный характеръ, высоко поднимающій ее надъ другими вещами, являющимися объектами частной собственности: абсолютная невозможность обойтись безъ нея для всѣхъ людей, ея единство и однородность при качественномъ различіи сортовъ почвы,—

*) Ibid, S. 175.

благопріятствуютъ ассоціаціи и дѣлаютъ ее даже при нынѣшнихъ условіяхъ относительно легкой. Такъ какъ продукты земли непосредственно необходимы для поддержанія самой жизни, то имъ обезпеченъ прочный и постоянный сбытъ, въ то время, какъ продукты индустріи частью подвержены колеблющемуся вліянію моды, частью—опустошительному вліянію торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ. Соединеніе отдѣльныхъ участковъ земли, принадлежащихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, въ одно хозяйственное цѣлое представляетъ гораздо меньше затрудненій по самой природѣ земледѣлія, чѣмъ товарищеская организація различныхъ отраслей городской индустріи... Въ различныхъ мѣстахъ уже предпринимались въ этомъ направленіи опыты, и весьма успѣшные. Уже и теперь крестьяне на общественный счетъ пріобрѣтаютъ и примѣняютъ земледѣльческія машины и основываютъ ассоціаціи для земледѣльческаго, молочнаго и скотоводческаго хозяйства“. Конечно, прибавляетъ Либкнехтъ, въ этихъ ассоціаціяхъ мы не найдемъ полнаго воплощенія новаго хозяйственнаго и общественнаго принципа; отдѣльныя ассоціаціи могутъ даже имѣть чисто-консервативныя цѣли. Тѣмъ не менѣе онѣ „образуютъ естественный переходъ къ чистому типу коллективистскихъ организацій (den natürlichen Uebergang zu ächt soz. Organisationen)“ *).

Содѣйствовать прогрессивному развитію, идущему въ указанномъ направленіи указаннымъ путемъ — такова, по мнѣнію нашего автора, естественная основа раціональной аграрной политики въ дѣлѣ марксизма. Онъ указываетъ и тѣ мѣры, которыя могло бы принять для этого государство: безплатное сельско-хозяйственное низшее образованіе; передача ипотечныхъ долговъ въ собственность государства; меліоративный кредитъ, который бы ставилъ частныя хозяйства подъ непосредственный контроль народнаго государства; учрежденіе образцовыхъ земледѣльческихъ колоній на земляхъ, составляющихъ государственныя имущества; увеличеніе общественной поземельной собственности. За всѣ эти мѣры, по мнѣнію нашего автора, должна горой стоять рабочая партія, ибо она должна представлять не исключительно интересы городскихъ наемныхъ рабочихъ, но интересы всѣхъ, живущихъ не на прибавочную собственность, а на свой собственный трудъ—слѣдовательно, и крестьянъ. А это, какъ онъ говорилъ въ ци-

*) Ibid., Ss. 185—186.

**) Авторъ идетъ настолько далеко въ своихъ уступкахъ, что временное, частичное употребленіе наемнаго труда, въ видѣ подспорья къ собственной работѣ, еще не считаетъ обстоятельствомъ, лишающимъ права на имя Arbeiter'а (см. op. c., S. 187). Здѣсь будетъ также не лишнимъ отмѣтить, что на партейтагѣ въ Будапештѣ венгерскіе единомышленники нашего автора вовсе рѣшили вычеркнуть изъ своего названія титулъ «*Arbeiter*partei», какъ ведущій къ слишкомъ одностороннимъ толкованіямъ («auch kleingewerbetreibende sollen durch Arbeiterpartei-Titel nicht zurückgeschreckt werden», Protokoll des Parteitages etc., S. 16).

тированномъ выше мѣстѣ, возможно прежде всего путемъ расширенія общиннаго принципа въ деревнѣ на область сельско-хозяйственнаго производства.

Нѣтъ сомнѣнія, что взгляды, изложенные въ Grund-und-Bodenfrage, не составляли исключительнаго достоянія автора этой книги. Въ извѣстной мѣрѣ, трудно сказать, въ какой именно, они должны были являться прямымъ отраженіемъ взглядовъ Маркса и Энгельса, съ которыми онъ находился въ большой дружбѣ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большой интересъ вновь открытая статья Энгельса „Нѣмецкій крестьянинъ—чѣмъ онъ былъ, что онъ есть и чѣмъ онъ могъ бы быть", напечатанная въ январьской книжкѣ „Русск. Бог." за нынѣшній годъ. Изъ нея видно, что Энгельсъ былъ совершенно согласенъ со всей второй, практической частью „Grund-und-Bodenfrage". Въ самомъ дѣлѣ, онъ прямо указываетъ на то, что при современномъ состояніи европейскаго земледѣлія для него существуетъ возможность прогрессивнаго развитія „при томъ условіи, если оно будетъ вестись общиной и за счетъ общины" (это, очевидно, опять все та же „солидаризированная община, „solidarisierte Gemeinde" Ритингаузена и марксистскаго большинства базельскаго конгресса,—она же „natürliche Assoziation" автора „Grund-und-Bodenfrage"). „Вотъ какіе виды на будущее могутъ имѣть нѣмецкіе крестьяне", продолжаетъ Энгельсъ. „Они—при содѣйствіи своихъ товарищей-рабочихъ — могутъ сами себѣ помочь, если только они пожелаютъ понять, какъ это сдѣлать.— Какъ же? *Возстановивъ снова марку*, но не въ ея отжившемъ, старомъ видѣ, а въ иной, обновленной формѣ, измѣнивъ земельную общину такимъ образомъ, чтобы она дала возможность отдѣльнымъ членамъ общины воспользоваться всѣми преимуществами крупнаго хозяйства и примѣненія земледѣльческихъ машинъ", а также соединенія земледѣлія съ индустріей *).

„Возстановить снова марку", „видоизмѣнить земельную общину"... Эти слова Энгельса, въ связи со всей второю частью „Grund-und Bodenfrage" и докладомъ Риттингаузена достаточно проясняютъ, какъ мнѣ кажется, теоретическую подкладку взглядовъ Маркса и Энгельса на возможныя судьбы русской общины. Если они признавали возможность перехода этой формы собственности непосредственнымъ путемъ въ высшую форму, то тѣмъ самымъ они вовсе не думали чертить для русскаго земледѣлія какой-то принципіально отличный отъ западно-европейскаго путь развитія. Нѣтъ, по ихъ мнѣнію, и западно-европейскимъ странамъ придется въ качествѣ переходнаго момента остановиться для компромисса между принципами личнаго и коллективнаго владѣнія землей, между принципами индивидуальной и общественной ея обработки. Сельско-хозяйственная кооперація, или, еще

*) Рус. Бог., 1900, № 1, стр. 194. (Ф. Энгельсъ «Нѣмецкій крестьянинъ»).

лучше, видоизмѣненная „солидаризированная“ община, возстановленная въ новомъ видѣ земельная марка какъ разъ и представлялись имъ такимъ „естественнымъ переходомъ“ къ высшему хозяйственному типу. Послѣ этого неудивительно, что у Энгельса можно встрѣтить, напримѣръ, слѣдующія строки: „съ другой стороны, не только вѣроятно, но даже навѣрное можно сказать, что (послѣ соотвѣтственныхъ историческихъ перемѣнъ въ жизни передовыхъ странъ Западной Европы) для странъ, которыя только еще подпали подъ власть капиталистическаго производства и спасли еще свои родовыя учрежденія или остатки отъ нихъ,—въ этихъ остаткахъ общинной собственности и въ соотвѣтствующихъ имъ народныхъ привычкахъ представляется *могучее средство* значительно сократить процессъ своего развитія... и устранить большую часть тѣхъ страданій и борьбы, которыя намъ приходится перенести въ Западной Европѣ“ *).

Извѣстно, что въ то же время, по мнѣнію Маркса и Энгельса, въ такихъ странахъ заложено слишкомъ мало *внутреннихъ* стимуловъ къ высшему хозяйственному развитію, такъ что ихъ все время должна *извнѣ* подталкивать впередъ общая міровая эволюція. Такъ высказываются, напр., относительно Россіи оба эти автора въ предисловіи къ одному изъ послѣдующихъ изданій своего перваго коллективнаго труда — предисловіи, помѣченномъ 1882 годомъ **). Точно также въ зависимость отъ этого вліяніе извнѣ ставитъ рѣшеніе вопроса о возможной будущности общины Ф. Энгельсъ въ одной изъ статей, написанной незадолго до смерти ***): безъ такого международнаго момента, говоритъ онъ, Россія не придетъ къ высшему развитію „ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ“ ****). Упоминая о томъ, что онъ и Марксъ еще въ 1882 г. полагали, что русская община достаточно сохранится для того, чтобы стать исходнымъ пунктомъ высшаго развитія, Энгельсъ не беретъ на себя смѣлости въ данный моментъ (1894 г.) дѣлать предсказанія въ ту или другую сторону.

Какъ бы ни рѣшался, однако, въ какомъ нибудь опредѣленномъ случаѣ вопросъ о конкретномъ будущемъ конкретной общины (пророкомъ быть при современномъ состояніи общественныхъ знаній болѣе чѣмъ трудно), общее, принципіальное отношеніе Энгельса къ общинѣ достаточно ясно. Но авторитетъ Энгельса и

---

*) Въ сборникѣ статей Энгельса, Berlin, 1894, S. 66. (Какъ извѣстно, Энгельсъ ошибочно считалъ русскую общину тоже всецѣло остаткомъ родового быта).

**) Если внѣшній толчокъ, идущій съ Запада, вызоветъ измѣненіе хозяйственнаго строя въ Россіи, такъ что обѣ перемѣны другъ друга пополнятъ, то русская община сможетъ явиться исходнымъ пунктомъ высшаго развитія.

***) Помѣченный 1894 г. Nachwort къ упомянутой выше статьѣ.

****) l. c., S. 72 («weder aus der Gemeinde, noch aus dem Kapitalismus»). Здѣсь отразилась низкая оцѣнка Энгельсомъ исторической творческой роли національнаго русскаго капитализма, о чемъ подробнѣе ibidem., S. 52.

его великаго друга былъ, конечно, достаточно силенъ, чтобы даже самые крайніе марксисты, какъ бы они ни увлекались творческой ролью капитализма, какъ бы ее ни преувеличивали,—даже вопреки собственнымъ теоретическимъ принципамъ въ вопросѣ объ общинѣ направляли свою мысль по другому пути.

Здѣсь я позволю себѣ нѣкоторое отступленіе, которое такъ близко касается нашихъ русскихъ дѣлъ, что, я надѣюсь, читатели на меня за него не посѣтуютъ. Въ нашей литературѣ не разъ упоминалось про нѣкоторые ультра-марксистскіе взгляды покойнаго профессора Зибера, фраза котораго о „фабричномъ котлѣ“ въ которомъ долженъ „вывариться“ русскій мужикъ, чтобы изъ него вышло что нибудь путное—сдѣлалась даже классической. Чрезвычайно характерно (совершенно въ духѣ второй части „Grund und Bodenfrage“ и заключенія Энгельсовской статьи о „нѣмецкомъ крестьянинѣ“) отношеніе Зибера къ аграрному вопросу въ классической странѣ лэндлордизма Ирландіи *); настолько характерно, что я позволю себѣ привести изъ его статьи довольно большую цитату:

„Рѣшеніе вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ различныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства, благодаря столкновенію весьма сложныхъ антагоническихъ интересовъ различныхъ классовъ общества, представляетъ еще бóльшія затрудненія въ Ирландіи, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Съ одной стороны ни для кого не тайна, что по тѣмъ или другимъ причинамъ дробленіе фермъ въ Ирландіи, введенное въ эту страну англичанами, уже перешло черезъ всякую разумную хозяйственную границу и является, по своимъ результатамъ, крайне вреднымъ какъ для всего общества, такъ и для фермеровъ. Но, съ другой стороны, не менѣе вредно и то, что бóльшая часть попытокъ улучшить земледѣліе путемъ консолидаціи фермъ, усовершенствованія системъ обработки, введенія машинъ и т. п. ложится мертвымъ грузомъ на вопросъ о самомъ существованіи ирландскаго народа, которому въ результатѣ всѣхъ этихъ улучшеній приходится покидать страну.

„Единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы, по нашему мнѣнію, возможно широкое примѣненіе *кооперативной формы труда*, которая обезпечила бы ирландцамъ одновременно и преимущества крупнаго хозяйства, и соблюденіе общихъ интересовъ. Не легко рѣшить, въ какой степени начала этого порядка могутъ пустить корни среди ирландскаго земледѣльческаго населенія, которое вѣками сживалось съ системою мелкаго отдѣльнаго владѣнія землей, какъ бы ни была она первоначально враждебна и насильственна. При всемъ этомъ имѣются нѣкоторыя основанія

*) См. его статью «Аграрный вопросъ въ Ирландіи», «Юридическій Вѣстникъ» 1881 года, №№ 1—2.

думать, что, если бы ирландскому народу было когда нибудь предоставлено управлять своею судьбою по своей собственной волѣ, то онъ высказался бы въ пользу *какой-либо формы общиннаго землевладѣнія, соотвѣтствующей новѣйшему порядку вещей.* Къ подобному заключенію приводятъ насъ не только укоренившіяся среди ирландскаго населенія мнѣнія, что земля принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу или государству, но и значительное развитіе *общинныхъ обычаевъ*, которые *пережили* въ Ирландіи англійскую систему землевладѣнія. *Въ глубинѣ души ирландскаго народа продолжаетъ жить старинный духъ сельской общины*, лишенный нормальнаго выраженія. Мы совершенно согласны съ авторомъ брошюры „Историческія права ирландскихъ арендаторовъ", Сибома, что „навязать ирландцамъ англійское законодательство и соціальное устройство было все равно, что сказать пчеламъ: не живите роями, а собирайте впередъ медъ каждая въ отдѣльной клѣточкѣ, а не въ общемъ ульѣ. Не смотря на всѣ англійскіе законы, не смотря на всѣ перенесенныя преслѣдованія, ирландцы доселѣ выказываютъ наслѣдственное стремленіе жить роями и собирать медъ въ древнемъ своемъ ульѣ, и упорно считаютъ за собою право на свою родовую, общинную землю, не смотря на англійскіе законы и права землевладѣльцевъ". (курсивъ вездѣ нашъ).

Мы уклонились отъ нашего вопроса не такъ далеко, какъ это могло показаться. Въ самомъ дѣлѣ, Н. Зиберъ въ концѣ концовъ даетъ намъ здѣсь ни больше, ни меньше, какъ прекрасную конкретную историческую иллюстрацію къ общему положенію Ф. Энгельса объ остаткахъ родовой и общинной собственности, а равно и соотвѣтствующихъ ей народныхъ привычекъ, какъ средствъ сократить путь хозяйственнаго развитія, найти, опираясь на нихъ, болѣе непосредственные способы перехода къ высшимъ формамъ.

Итакъ, какъ уже было сказано, въ практической части своихъ заключеній Энгельсъ вполнѣ сходится съ авторомъ „Grund und Bodenfrage". Но въ теоретической части есть кое-какое существенное различіе. Въ то время, какъ послѣдній такъ высоко ставитъ исторически-прогрессивное значеніе крупнаго землевладѣнія англійскаго типа, возлагаетъ столько надеждъ на то, что и въ земледѣліи наконецъ водворится настоящій капитализмъ („вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ"),—Энгельсъ ставитъ надъ крупнымъ европейскимъ землевладѣніемъ крестъ, не менѣе, чѣмъ надъ парцеллярнымъ. „*Всему* европейскому земледѣлію *въ его современномъ видѣ* угрожаетъ могущественный соперникъ въ видѣ американскаго массоваго производства хлѣба. Съ этой почвой, отъ природы плодородной, долгіе годы удобряемой и уступаемой за безцѣнокъ, не могутъ соперничать ни наши задолженные крестьяне, *ни крупные собственники*, тоже кругомъ запутавшіеся въ долгахъ". Такъ обманули Фицъ-Вильямы возлагавшіяся на нихъ на-

дежды! „Американская конкурренція убиваетъ всю систему европейскаго сельскаго хозяйства. Земледѣліе можетъ сохраниться въ Европѣ *единственно* при томъ условіи, если оно будетъ вестись общиной и за счетъ общины“ *).

Необходимо, впрочемъ, принять во вниманіе, что эта статья Энгельса была напечатана впервые въ началѣ 80-хъ годовъ; слѣдовательно разочарованіе Энгельса въ крупномъ землевладѣніи англійскаго типа есть фактъ болѣе поздній, чѣмъ увлеченія автора „Grund-und Bodenfrage“. Возможно, что ранѣе и Энгельсъ возлагалъ не меньшія надежды на богатое наслѣдство, которое перейдетъ къ марксизму отъ Фицъ-Вильямовъ, играющихъ въ этихъ надеждахъ совершенно роль „дядюшки изъ Америки“. При нашихъ современныхъ свѣдѣніяхъ объ эволюціи взглядовъ Маркса-Энгельса нельзя считать этотъ пунктъ достаточно выясненнымъ **).

Какъ бы то ни было, „Grund-und Bodenfrage является очень типичнымъ явленіемъ въ марксистской литературѣ перваго періода. Оно наиболѣе полно и законченно отражаетъ точку зрѣнія стараго, первоначальнаго марксизма на аграрный вопросъ; и нельзя не отмѣтить той двойственности, которая въ концѣ концовъ разъѣдала аграрно-политическія воззрѣнія марксизма.

Въ самомъ дѣлѣ, „Grund-und Bodenfrage“ состоитъ изъ двухъ рѣзко различныхъ частей, проникнутыхъ прямо противоположнымъ духомъ и наталкивающихъ на рѣзко-различные практическіе выводы. Тотъ, кто прочтетъ первую половину книги и подпишется подъ развиваемыми въ ней взглядами, естественно скажетъ: „прогрессивно все, что разрушаетъ крестьянское хозяйство, что выбрасываетъ за бортъ этотъ историческій балластъ, мѣшающій хозяйственному развитію ***). Реакціонно все, что стремится укрѣплять и развивать крестьянское хозяйство, а слѣдовательно—тормазить естественный и единственно возможный ходъ развитія“. Наоборотъ, прочитавшій вторую часть книги и согласившійся съ ней скажетъ: „прогрессивно все, что укрѣпляетъ и развиваетъ крестьянское хозяйство, направляя его на путь товарищеской организаціи. Реакціонно все, что разрушаетъ крестьянское хозяйство и мѣшаетъ ему идти по этому пути“. Прочитавшій же всю книгу скорѣе всего скажетъ, что въ ней соединено несоединимое и примирено непримиримое.

*) Ф. Энгельсъ, «Нѣм. крест.», «Рус. Бог.» 1900, № 1, стр. 193.

**) Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить послѣдовательныя измѣненія въ оцѣнкѣ этими авторами исторической роли крестьянства. Но это возможно лишь въ особой статьѣ.

***) Съ этой точки зрѣнія нисколько ни заслуживаетъ г. Гвоздевъ, усмотрѣвшій прогрессивный элементъ въ «ростовщичествѣ-кулачествѣ» того ироническаго отношенія, которымъ встрѣтили его книгу его же единомышленники. Это только мужество мысли, не отступающей передъ логическими выводами, какъ бы ни казались они абсурдны, лишь бы только они были въ соотвѣтствіи съ исходной точкой.

Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ рѣчь идетъ о двухъ совершенно различныхъ типахъ аграрной эволюціи. Одинъ — капиталистическій типъ, имѣющій своею вершиною частную монополію, которая по смѣнѣ *формы* легко превращается въ организованную общественную службу. Другой—типъ некапиталистическій, съ развитіемъ сельско-хозяйственной коопераціи и прогрессивной эволюціей сельской общины въ качествѣ этаповъ пути, ведущаго къ тому же самому конечному результату. Конечно, вовсе не необходимо, чтобы все развитіе сельскаго хозяйства въ извѣстной странѣ непремѣнно цѣликомъ уложилось въ рамкахъ одного изъ этихъ путей. То и другое теченіе можетъ идти рядомъ, другъ друга (въ концѣ концовъ, по отношенію къ окончательному результату) дополняя, хотя и борясь въ то же время другъ съ другомъ за преобладаніе. Но старый, первоначальный марксизмъ въ теоріи, какъ мы видѣли, признавалъ историческую необходимость и универсальное значеніе за первымъ изъ указанныхъ путей. Правда, на практикѣ въ то же самое время марксизмъ дѣлалъ рѣзкій поворотъ въ сторону второго; но этимъ въ міросозерцаніе вносилась раздвоенность, и теоретическое убѣжденіе въ прогрессивной исторической миссіи лэндлордовъ не могло не подрывать вѣры въ практическую программу защиты крестьянскихъ интересовъ, поддержки сельско-хозяйственныхъ ассоціацій, общины и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, если въ земледѣліи не менѣе, чѣмъ въ индустріи, фатально вытѣсненіе мелкаго производства—крупнымъ, капиталистическимъ, если путь къ лучшему будущему необходимо лежитъ черезъ крупное частное землевладѣніе и хозяйство; если гибель крестьянства неизбѣжна;—то какую же будущность можно предрекать сельско-хозяйственнымъ ассоціаціямъ или общинѣ? Не будутъ ли всѣ эти эксперименты лишь жалкими попытками „гальванизировать трупъ“? Не будутъ ли они только „длить мучительную агонію“ мелкаго крестьянства, поддерживать его иллюзіи, отвлекать его умъ отъ горькаго, но трезваго сознанія неизбѣжности пролетаризаціи? Не помѣшаютъ ли они ему заранѣе проникаться своими будущими, чисто пролетарскими интересами? Не будутъ ли они только поддерживать его фанатическую страсть къ собственности? Словомъ, не будутъ ли они только тормазомъ на пути побѣдной колесницы капитализма, которому остается только сказать: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“? И не должно ли, наоборотъ, по возможности способствовать скорѣйшему „устраненію съ дороги“ этого тормаза?

Вотъ рядъ вопросовъ, на которые послѣдовательный марксистъ - догматикъ могъ отвѣтить только „да!“ И вотъ почему вся дальнѣйшая исторія аграрно-политическихъ воззрѣній марксизма свелась въ общемъ къ слѣдующему: отмѣченное нами внутреннее логическое противорѣчіе постепенно развивалось въ реальную, внѣшнюю противоположность между двумя крылами марксизма

двумя теченіями въ его средѣ. Одно изъ нихъ приняло (съ небольшими поправками, въ видѣ уступки духу времени) теоретическую часть „Grund-und Bodenfrage“ и отвергло, какъ совершенно несоотвѣтствующую ей, всю вторую, практическую часть. Другое теченіе, напротивъ, приняло вторую и отвергло первую. Требуя сближенія съ крестьянствомъ (трудовою его частью) и защиты его интересовъ, оно пытается обосновать свою практическую программу на новой, самостоятельно выработанной теоріи сельско-хозяйственной эволюціи, существенной частью которой является *теорія некапиталистической эволюціи земледѣлія*.

Мы прослѣдимъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ этого идеологическаго процесса въ Германіи, какъ странѣ, хранящей традиціи марксизма въ наибольшей чистотѣ и строгости. Такой обзоръ дастъ намъ возможность оцѣнить книгу Герца не только съ общей теоретической, но и съ исторической точки зрѣнія, указавъ ея мѣсто въ общемъ ходѣ развитія экономическихъ идей—по крайней мѣрѣ, той струи этого развитія, которая ведетъ свое начало отъ знаменитаго коллективнаго произведенія Маркса и Энгельса, „манифеста“ 1849 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЮБИЛЕЙ РЕДАКТОРА.

Въ честь юбиляра устроенъ былъ ужинъ по подпискѣ. Въ залѣ Z—скаго клуба собралось много особъ, желавшихъ почтить Николая Павловича.

Еще бы! Вѣдь это не шутка: десять лѣтъ состоять фактическимъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ вліятельной провинціальной газеты! Въ глазахъ мѣстныхъ жителей редакторъ—человѣкъ съ несомнѣннымъ вѣсомъ, а, главное, человѣкъ, который всегда можетъ пригодиться и понадобиться. Что бы тамъ ни толковали враги гласности и свѣта, все же пресса въ настоящее время—большая сила. Съ нею нельзя не считаться. И кто только не явился къ ужину! Вотъ ужъ поистинѣ: „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“...

Сотрудники мѣстныхъ газетъ съ редакторами во главѣ (торжественность момента побѣдила глухую, завистливую вражду), мѣстные композиторы и музыканты, художники, сановные и менѣе сановные чиновники, военные генералы, думскіе гласные (чуть чуть не въ полномъ составѣ), кое-кто изъ профессоровъ, купцы-благотворители, — купцы-интеллигенты, адвокаты и ихъ помощники, одинъ милліонеръ, разжившійся не то на подрядахъ, не то на какихъ-то никому съ достовѣрностью неизвѣстныхъ предпріятіяхъ, артистки и артисты Z—го театра со своей антрепренершей, дородной Кабаровой, нѣсколько студенческихъ мундировъ (начинающіе поэты и беллетристы) и еще цѣлое полчище лицъ, давно всѣмъ приглядѣвшихся, до тошноты намозолившихъ глаза. Это—лица людей, которые появляются всюду, гдѣ есть возможность показать себя.

Посреди клубной залы уставили безконечный столъ, недурно сервированный, изящно декорированный цвѣтами. Художникъ Протоплазмовъ разрисовалъ оригинальную, полную символовъ и намековъ виньетку для меню.

Юбиляръ пожималъ руки, принималъ пожеланія и лобызанія, старался улыбаться. Онъ столько разъ бывалъ по обя-

занности на подобныхъ торжествахъ!.. Онъ хорошо помнилъ, что юбиляры должны выражать благодарность, тепло и растроганно повторяя: „остановись, моментъ: ты такъ прекрасенъ!" или что нибудь въ этомъ родѣ... Но теплота и растроганность не приходили...

Не даромъ за Николаемъ Павловичемъ установилась репутація озлобленнаго, желчнаго и „печеночнаго" субъекта. И теперь онъ имѣлъ утомленный, слегка раздосадованный видъ. Съ утра юбиляръ былъ разстроенъ, съ утра сожалѣлъ, зачѣмъ уступилъ настояніямъ издателя и согласился на это торжество. Ему и въ голову не пришло бы праздновать десятилѣтній юбилей редакторской дѣятельности. Но разъ издатель поднялъ объ этомъ вопросъ въ клубѣ, разъ чуть не весь городъ откликнулся на этотъ сдержанный вызовъ,—отказываться отъ чествованія было неловко. Да и, наконецъ, издатель могъ обидѣться: онъ человѣкъ практическій, а это такая удобная и корректная реклама для газеты.

Весь день Николай Павловичъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Онъ былъ смущенъ и въ то же время его злило, донельзя раздражало все окружающее.

Когда началось монотонное чтеніе привѣтствій и адресовъ (адреса были отъ издателя, отъ сотрудниковъ, наборщиковъ, драматическихъ артистовъ и купцовъ: „не достаетъ отъ мѣстныхъ дворниковъ"—подумалъ юбиляръ)—ему захотѣлось крикнуть:

— Оставьте, довольно! Выходитъ пошло, неискренно, банально!..

Онъ силился увѣрить себя, будто его раздраженіе происходитъ отъ непривычки выступать въ роли имянинника. Онъ привыкъ къ извѣстному жизненному шаблону, а сегодняшній день выбросилъ его изъ обычной колеи. Николай Павловичъ привыкъ являться не дѣйствующимъ лицомъ, а лишь зрителемъ, лѣтописцемъ современной жизни, какой-то обширной фотографической камерой, которая отражаетъ все безъ исключенія въ томъ или иномъ освѣщеніи. Сталкиваться непосредственно съ читателями, принимать выраженіе симпатій и сочувствій, обращенныхъ лично къ нему, а не къ газетѣ,—все это было новымъ для юбиляра. И странно: такое новшество казалось ему излишнимъ, подтасованнымъ, нисколько не льстило самолюбію, а лишь утомляло. Николай Павловичъ зналъ почти всѣхъ собравшихся, но это было исключительно шапочное, чисто-дѣловое знакомство. И онъ думалъ, что эти люди заискиваютъ изъ корыстныхъ видовъ и соображеній, ничуть не интересуясь имъ, Николаемъ Павловичемъ, какъ человѣкомъ и литературнымъ работникомъ.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ бы они праздновали мой юби-

лей, если бъ издатель выдалъ дочь за этого молодого профессора, и профессоръ пожелалъ-бы занять редакторское кресло? Что такое въ сущности я? Человѣкъ съ фамиліей, но безъ литературнаго имени, утомленная и развинченная газетная кляча, муравей, удивляющій свой только муравейникъ... Да и этотъ муравейникъ не совсѣмъ искренно дается диву... Меня, лично меня, они не знаютъ и знать не хотятъ...

Николай Павловичъ не повѣрилъ бы, что его личность и дѣятельность въ достаточной степени извѣстны обывателямъ. Онъ не подозрѣвалъ, что его невольно уважаютъ, хотя и бранятъ. Обыкновенно о немъ говорили въ городѣ:

— Бѣшеная собака... бросается на людей чуть не съ пѣной у рта... корчитъ изъ себя Мефистофеля... рисуется прочностью убѣжденій, но... человѣкъ всетаки неподкупный, безкорыстный и работникъ—образцовый...

За эту-то неподкупность и уважали его.

Теперь юбиляръ уловилъ искусственно - восторженный взглядъ молодой артистки, Папошниковой. Глядитъ благоговѣйно, словно хочетъ воскликнуть: „Господи! и родятся же на свѣтъ такіе великіе люди!“

Плутовка отлично знаетъ, что отъ Николая Павловича зависитъ написать въ газетѣ: „роль madame Санъ-Женъ антрепренерша должна по справедливости уступить г-жѣ Папошниковой. Благодаря солидному возрасту и комплекціи г-жи Кабаровой, первый актъ комедіи и затѣмъ сцена переодѣванья—являются положительно комичными“. А Кабарова тоже не спускаетъ съ юбиляра ласкающаго взора своихъ сильно подрисованныхъ, но все еще красивыхъ глазъ. Разумѣется, послѣ такого милаго сочувствія съ ея стороны г. редакторъ никогда больше не позволитъ этому тюфяку рецензенту писать: „пора бы уже г-жѣ Кабаровой перестать играть соблазнительныхъ цыганокъ“.

До слуха Николая Павловича донеслась фраза изъ какого-то адреса: „десять лѣтъ безкорыстнаго служенія на тяжеломъ, тернистомъ и не всегда благодарномъ газетномъ поприщѣ“... Онъ на мгновенье вслушался въ эти слова.

— Десять лѣтъ? Неужели же, дѣйствительно, десять лѣтъ? Какъ быстро и какъ, въ сущности, безплодно несется время! Десять лѣтъ пролетѣло съ тѣхъ поръ, какъ онъ кончилъ университетъ, женился на Любочкѣ и началъ печатать свои— увы! теперь уже давно позабытыя новелки!

О, эти новелки!

Онѣ вылились тогда цѣликомъ изъ души, онѣ были переполнены такимъ искреннимъ, жизнерадостнымъ чувствомъ. И форма ихъ была такъ художественна, даже оригинальна.

Теперь бы онъ уже не могъ написать ничего подобнаго,

но тогда! Тогда ему казалось, будто гигантскія, титаническія силы просыпаются въ его груди. И онъ смѣло бросился въ жизнь, самоувѣренно и гордо уповая на эти силы...

Началось съ того, что Николай Павловичъ напечаталъ свои очерки въ той газетѣ, которую теперь редактируетъ. И напечаталъ почти противъ своей воли, въ угоду желаніямъ хорошенькой, умненькой Любочки.

— Коля! милый! Это такъ прелестно! Это произведетъ фуроръ... Напечатай, Коля! Напечатай немедленно: я хочу быть женой знаменитости.

Вмѣсто отвѣта онъ нерѣшительно заговорилъ о столичныхъ журналахъ. Такъ и быть: онъ пошлетъ по одной рукописи въ двѣ редакціи... Какъ знать, гдѣ дремлетъ наше счастье? А вдругъ успѣхъ? Любочка отрицательно замотала головкой:

— И наивенъ же ты еще, Коля! Да тамъ, поди, отъ знаменитостей, отъ извѣстныхъ авторовъ нѣтъ отбоя... мѣста, должно быть, не хватаетъ для всѣхъ. Посмотрятъ они на твои разсказы, держи карманъ шире... Даже и не прочтутъ! Тамъ подавай имя или протекцію... Обрати вниманіе: послѣднее время совсѣмъ не видно новыхъ именъ... Все одни и тѣ же, одни и тѣ же... Пошли на всякій случай, но врядъ-ли что изъ этого выйдетъ...

Онъ почему-то раздумалъ посылать „на всякій случай".

Въ мѣстной газетѣ разсказы были приняты болѣе чѣмъ охотно, съ массой комплиментовъ, съ предложеніемъ постояннаго сотрудничества.

Беллетристика въ газетѣ, да еще въ провинціальной!.. Кто читаетъ эти беллетристическія произведенія, кромѣ захолустныхъ барышенъ? Тѣмъ не менѣе разсказы Николая Павловича всѣ хвалили, а издатель газеты утверждалъ, будто онѣ производятъ „необыкновенно свѣжее впечатлѣніе"!

Издатель считался человѣкомъ образованнымъ, начитаннымъ. Онъ любилъ иногда блеснуть этой начитанностью, цитируя того или другого автора. Вообще издатель чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ литературѣ, но не имѣлъ времени заниматься ею. Онъ даже не успѣвалъ исполнять свои редакторскія обязанности, хотя дорожилъ газетой. Оживленная дѣятельность гласнаго думы, предсѣдателя различныхъ коммиссій, подкоммиссій и обществъ—почти безъ остатка поглощала его досугъ. Кромѣ того, онъ велъ крупныя коммерческія дѣла и—что называется—сколачивалъ состояніе. Въ минуты откровенности издатель любилъ повторять:

— Я самъ свой собственный предокъ, и для меня прямой разсчетъ заботиться объ обогащеніи потомства...

Послѣ напечатанія седьмого разсказа Николая Павловича,

издатель пригласилъ его къ себѣ, въ кабинетъ, для переговоровъ наединѣ.

— Ну, что, дорогой коллега, еще не избрали никакой спеціальности? Не поступили на службу?

— Нѣтъ! Пока продолжаю присматриваться: благо, имѣются кой-какіе запасы. Страшно закабалить себя, хотѣлось бы избрать дѣло по душѣ...

Издатель заговорилъ о своей любви къ газетному дѣлу и о томъ, какъ онъ сильно занятъ. Давно уже подыскиваетъ онъ честнаго, интеллигентнаго и талантливаго человѣка на редакторское амплуа. Теперь, наконецъ, онъ нашелъ редактора, подходящаго во всѣхъ отношеніяхъ... Вопросъ только въ томъ, согласится ли Николай Павловичъ принять на себя эту обязанность? Изданіе идетъ недурно, въ средствахъ редакція не нуждается, эксплоатировать сотрудниковъ не желаетъ: кто ѣдетъ не на овсѣ, а на кнутѣ, тотъ недалеко ускачетъ... Но на первыхъ порахъ больше, чѣмъ триста рублей въ мѣсяцъ, издатель не можетъ предложить Николаю Павловичу. Конечно, при этомъ—наградныя, а современемъ—прибавка. Можно будетъ заключить контрактъ, чтобъ Николай Павловичъ чувствовалъ себя обезпеченнымъ на случай смерти издателя: вѣдь всѣ мы люди, всѣ ходимъ подъ Богомъ...

Триста рублей въ мѣсяцъ! И еще наградныя! Да это чуть чуть не губернаторское жалованье! И при томъ—живое, опрятное, хотя и скромное дѣло... Разумѣется, Николай Павловичъ согласился, Любочка пришла въ восторгъ:

— Видишь, Коля? Я говорила, что эти разсказы принесутъ намъ счастье!

Двѣ тысячи аванса,—выданныя на безконечно-длинный срокъ, безъ малѣйшаго колебанія и даже безъ векселя, просто подъ росписку въ книгѣ сотрудниковъ,—растрогали Николая Павловича: какое безграничное довѣріе, какая увѣренность въ его силахъ и способностяхъ.

До сихъ поръ молодые супруги еще не успѣли устроиться семейнымъ образомъ и продолжали жить по студенчески въ меблированныхъ комнатахъ. Теперь была подыскана уютная, почти роскошная квартира изъ пяти комнатъ. Начались затраты, покупки, обзаведеніе собственнымъ хозяйствомъ. Любочка до изнеможенія бѣгала по магазинамъ, выбирая мебель, ковры, посуду, драппировки и кухонныя принадлежности. Изъ за буфетнаго шкафа чуть-чуть не вышла ссора. Въ концѣ концовъ, пришлось пріобрѣсть такой, какъ хотѣла Любочка: съ русской избушкой на верху. Японскія этажерки, бездѣлушки, цвѣты! съ какимъ наслажденіемъ покупалось все это! И какъ радовалась Любочка!

Дальше Николай Павловичъ цѣликомъ окунулся въ но-

вую работу: онъ старался поскорѣй вникнуть въ технику дѣла, изучить это дѣло со всѣхъ сторонъ.

И редакція заполонила его.

Онъ самостоятельно велъ политическій отдѣлъ, писалъ руководящія статьи по текущимъ вопросамъ, исправлялъ хроникерскія замѣтки, составлялъ „дневникъ печати", контролировалъ вырѣзки, выбираемыя сотрудниками изъ другихъ газетъ, просматривалъ даже анекдоты и астрономическія свѣдѣнія для отдѣла „Смѣсь". Днемъ Николай Павловичъ едва успѣвалъ заготовить весь этотъ матерьялъ, а вечеромъ приходилось снова бѣжать въ редакцію: онъ правилъ послѣднюю корректуру номера и поджидалъ, не принесетъ ли телеграфъ какого нибудь сенсаціоннаго извѣстія, требующаго немедленнаго отклика на газетныхъ столбцахъ.

То немногое неопредѣленное время, которое оставалось свободнымъ, Николай Павловичъ посвящалъ изученію иностранныхъ языковъ. Онъ зналъ языки, но поверхностно, не настолько хорошо, чтобъ безъ затрудненія читать заграничныя газеты, а это было необходимо для политическаго отдѣла. Онъ не досыпалъ, занимаясь языками; за то издатель не могъ нахвалиться новымъ редакторомъ.

Вскорѣ Любочка затосковала.

Дни и ночи ей приходилось коротать въ одиночествѣ. Пошли жалобы, слезы, упреки. Являясь къ Николаю Павловичу, знакомые никогда не заставали его дома. Любочка научилась принимать видъ неоцѣненной страдалицы и повторяла:

— Подчасъ я ловлю себя на мысли, что недурно было-бы мнѣ выйти замужъ... А то у меня какой то маргариновый мужъ: и есть онъ, и нѣтъ его... Я, по крайней мѣрѣ, его почти никогда не вижу.

Положимъ, Любочка шутила, но все же въ заново-отдѣланной квартиркѣ поселилась скука и недовольство.

Получаемаго жалованья оказывалось слишкомъ много: его некуда было проживать. Времени едва-едва хватало на работу, гдѣ же думать о томъ, чтобы наслаждаться жизнью?

— Коля! дорогой! поѣдемъ въ театръ: гастролируетъ Дузе... Я страшно хочу увидѣть Дузе, но не желаю веселиться безъ тебя...

— Не могу, родная! При всемъ желаньи не могу! А корректура? Чего добраго, опять окажется въ телеграммѣ, что кавалеры были въ открытыхъ платьяхъ и кокошникахъ... Помнишь, какъ тогда, когда я уступилъ и поѣхалъ съ тобой на имянины?

Любочка плакала.

— Пойми же, голубка: иначе нельзя! Человѣкъ—рабъ своего слова, а я далъ слово честно и добросовѣстно относиться

къ дѣлу. Наконецъ, такое большое вознагражденіе! Оно обязываетъ...

— Ахъ, да Богъ съ нимъ, съ этимъ вознагражденіемъ! Лучше получать въ пять разъ меньше, но имѣть возможность жить... У тебя кабала какая-то вмѣсто службы... Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью... Откажись, Коля! Да, откажись! Распродадимъ всю эту дребедень, возвратимъ авансъ и станемъ жить спокойно... Развѣ счастье измѣряется величиной квартиры? Къ чему намъ все это?

— Тоже фантазія! И все изъ за того, что я не могу поѣхать на спектакль Дузе? Подумаешь, какое горе! Какъ не сломать ради него всей жизни? Нѣтъ! Ты ребенокъ, Любочка, хоть мы и отпраздновали твое совершеннолѣтіе... Невозможное — невозможно, и кому нельзя ходить въ театръ, тотъ не ходитъ... Но мы сейчасъ поправимъ бѣду и пошлемъ за Сергѣемъ...

— Ужасно интересно! Сергѣй! Вѣчно твой Сергѣй! Терпѣть его не могу: манекенъ отъ хорошаго парикмахера! Куда бы я ни показалась, всюду меня сопровождаетъ деревянный Сергѣй... „А вашъ супругъ?“—„Извиняется: онъ такъ занятъ!“ И это всякій разъ! Ужъ и безъ того дамы улыбаются, завидѣвъ меня съ Сергѣемъ... Иначе не приглашаютъ къ себѣ, какъ фразой: „къ намъ, пожалуйста, съ Сергѣемъ Николаевичемъ“... У-ухъ! просто, руки чешутся! Такъ-бы и отколотила за эту улыбочку, за ихъ снисходительное покровительство... А тебѣ все равно! Гдѣ тебѣ заниматься такими третьестепенными предметами, какъ собственная жена? Ты въ это время пишешь: „мы давно указывали Австріи на неотложную необходимость измѣненія такой обоюдоострой политики“... Ужасно нужны Австріи твои компетентныя указанія!

— Любочка! Любочка! какъ ты несправедлива! Даже сама краснѣешь отъ своей несправедливости! Что-же касается Сергѣя, я знаю его со школьной скамьи. Онъ—вѣтрогонъ, но добрый, честный малый, и жена лучшаго пріятеля для него святыня... Вотъ ты недовольна, а Сергѣй утверждаетъ, что ему чрезвычайно лестно показываться повсюду съ такой хорошенькой женщиной, какъ моя супруга... Тѣмъ лучше! А что тамъ гдѣ-то ехидно улыбаются безмозглыя дуры?.. Стоитъ-ли обращать на это вниманіе?

Въ результатѣ за Сергѣемъ всетаки, посылали.

Какъ-то разъ Сергѣй, въ отвѣтъ на предложеніе Николая Павловича поѣхать съ Любочкой въ оперу, рѣзко закричалъ:

— Не поѣду! не хочу! Не поѣду ни въ оперу, ни на вечеръ, никуда больше! Слышишь? Такъ и запиши: не поѣду!

— Это еще что за новость?

И Николай Павловичъ невольно припомнилъ вульгарную фразу:—возжа подъ хвостъ попала, что-ли?

— Возжа, не возжа, понимай, какъ знаешь, а я выѣзжать съ твоей женой не буду!

— Непостижимо... Можетъ быть, имя мое охранять отъ толковъ желаешь? Такъ напрасно: я выше этого.

— Фу ты, чортъ побери, какой безтолковый! Пойми-же, наконецъ, что я привыкъ ухаживать за хорошенькими женщинами, а за твоей женой не могу! Не до такой ужъ степени я скотина, чтобы дерзнуть на это... Надоѣло мнѣ... Хочется наговорить ей всякихъ глупостей, попытаться вскружить головку. Самое остолопское положеніе: „Сергѣй Николаевичъ! гдѣ мои калоши?" „Сергѣй Николаевичъ! подайте ротонду!" „приколите вотъ здѣсь!" „подержите вѣеръ"... „застегните перчатку!" Она скоро заставитъ меня шнуровать корсеты! Вѣдь другъ мужа не мужчина! А потомъ: „ахъ, какая прелесть этотъ дуэтъ! Какъ жаль, что не было Коли! Но вы помните тотъ послѣдній мотивъ? Какъ это?" Ну, и припоминай тутъ:

Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

Сергѣй протянулъ эти слова патетическимъ тономъ. Николай Павловичъ непритворно смѣялся.

— Дѣйствительно, одна печаль... Ну, что-жъ? Ухаживай за Любой, если это ужъ такъ необходимо для твоего спокойствія...

— А ревновать не станешь?

— Ого! да это пахнетъ дерзостью! Неужели нашъ Сережа до такой степени неотразимъ? Выходитъ: сильнѣе кошки звѣря нѣтъ? Впрочемъ, не сердись: въ твоихъ побѣдительныхъ талантахъ я никогда не сомнѣвался, но мнѣ кажется, порядочную и любящую женщину нельзя ревновать! Не могу я не довѣрять Любочкѣ! Всякій невольно судитъ по себѣ: я бы, напримѣръ, не промѣнялъ Любу ни на какую красавицу въ мірѣ. Но если она окажется менѣе постоянной, полюбитъ кого-нибудь другого,—мѣшать не буду...

— Значитъ, ѣхать въ оперу?

— Разумѣется... И ухаживать, сколько пожелаешь... нѣтъ, вѣрнѣе: насколько она позволитъ...

— Хорошо... Сначала-то она ничего не позволитъ... Но за будущее я не ручаюсь... Знаешь: одиночество и скука — плохіе защитники семейной добродѣтели...

— Что-жъ, если понравишься, совѣтъ да любовь!

— Вотъ чудакъ-то! Да ты вѣрно не любишь ее? Какъ можно философствовать въ такихъ вопросахъ?

— Тамъ ужъ люблю или нѣтъ, мое дѣло, а ты въ оперу поѣзжай...

Спустя года полтора Любочка объявила Николаю Павловичу, что намѣрена оставить его ради Сергѣя. Она горько и, повидимому, искренно заплакала, окончивъ свое признаніе...

— Ты, одинъ ты виноватъ во всемъ! Не я, а ты! Я любила тебя! Конечно, любила, но... развѣ такъ можно относиться къ женщинѣ? Убилъ ты меня со своей редакціей!

— Любочка! милая! прости! забудь обо всемъ! Я брошу газету... брошу все... перемѣнимъ жизнь, уѣдемъ подальше, начнемъ все снова... Безъ тебя вѣдь дышать мнѣ будетъ нечѣмъ...

— А-а... теперь: перемѣнимъ? А помнишь, когда я просила объ этомъ? Тогда ты сказалъ: глупость? Нѣтъ! теперь поздно! Къ тебѣ любви уже не осталось... Онъ... Сергѣй почти силой занялъ твое мѣсто, но мѣсто занято... И возврата быть не можетъ...

Любочка вдругъ перемѣнила свой озлобленный тонъ. Смахивая съ рѣсницъ слезы, она шепнула:

— Только... Коля! мнѣ такъ жаль: зачѣмъ все это случилось? жаль мнѣ тебя!

— Ну, сожалѣнья можешь приберечь для другихъ: я въ нихъ не нуждаюсь!

Потомъ потянулся бракоразводный процессъ. Николай Павловичъ, принявъ на себя вину, возвратилъ женѣ свободу.

Сергѣй женился на Любочкѣ, и оба уѣхали изъ Z.

. . . .

. . . .

Всѣ эти картины въ послѣдовательномъ порядкѣ возставали въ памяти юбиляра, пока продолжалось чтеніе юбилейныхъ адресовъ и привѣтствій. Наконецъ, чтеніе прекратилось. Заговорилъ издатель газеты.

Его застольная рѣчь была составлена въ какомъ-то не то народномъ, не то древне-русскомъ стилѣ. Онъ повторялъ слова: „бью челомъ", „спасибо сердечное", „еще кланяюсь", „земной поклонъ за усердіе и добросовѣстность", „талантливому человѣку, который десять лѣтъ высоко и честно держалъ знамя газеты". И опять: „земной поклонъ" и „простое русское спасибо".

Юбиляръ облобызался съ издателемъ и выпилъ шампанское. Длинная вереница рукъ съ бокалами потянулась къ нему. Пришлось снова чокаться, цѣловаться и пить. А мысль продолжала свою работу, взвѣшивая слова издателя.

— Добросовѣстность... Вотъ справедливое относительно меня слово! Положа руку на сердце, могу сказать: я свое дѣло велъ добросовѣстно... Впрочемъ, заслуга-ли это? Пожа-

луй, добросовѣстность, взятая въ слишкомъ большомъ количествѣ, уже и не достоинство, а скорѣй недостатокъ?.. Но въ глазахъ издателя это качество наивысшая моя заслуга. Онъ благодарилъ отъ души, хоть и въ напыщенной формѣ.

Потомъ сталъ говорить некрасивый, развязный адвокатъ, извѣстное Z-ское свѣтило, теперь уже немного померкнувшее. Полились фразы: „газетная нива — общественная нива"... „слово вообще сила"... „печатное слово—двойная сила"... „со всякой силой нужно обходиться честно. А со словомъ — особенно. И вотъ передъ нами скромный, излишне скромный дѣятель честнаго слова!.." „Печать—это новая великая держава. Она руководитъ общественнымъ мнѣніемъ... И ежели въ ея руководящую сферу закрадется мракъ и неправда, тогда погибнетъ весь міръ"... „Но пока живутъ такіе дѣятели, какъ Николай Павловичъ, пока они отзываются своимъ чуткимъ сердцемъ на все, что „проситъ у сердца отвѣта",— правда на землѣ въ безопасности"... „Да здравствуетъ-же печать! Да здравствуетъ честное слово и честные люди, которые знаютъ, куда они идутъ, чего хотятъ"!.. „Да здравствуетъ нашъ дорогой юбиляръ! Многая лѣта Николаю Павловичу!"

Тутъ Николаю Павловичу вспомнился одинъ маленькій эпизодъ,—острота этого самаго оратора, произнесенная нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Тогда праздновали юбилей заслуженнаго драматическаго артиста. Шла подписка на подарокъ юбиляру. Адвокатъ ассигновалъ для этой цѣли 25 рублей и, улыбаясь, сказалъ:

— Не забывайте, господа: намъ, вѣроятно, скоро придется хоронить сегодняшнаго юбиляра. Опять будетъ подписка. Разсчетливость—прежде всего...

И Николаю Павловичу пришло на умъ, что, можетъ быть, вчера ораторъ и о немъ говорилъ нѣчто подобное. Однако, теперь его рѣчь вышла красивой, даже содержательной!.. Тамъ все есть, коли нѣтъ обмана... Только, къ сожалѣнію, это однѣ фразы... „слова, слова", съ которыми не всѣ умѣютъ, не всѣ желаютъ обходиться честно... Красивое, шаблонное слово, соотвѣтствующее случаю, всегда найдется въ запасѣ у такого оратора, и если бы ему пришлось выступать не на юбилейномъ ужинѣ, а на похоронахъ Николая Павловича, ораторъ-бы и тамъ заговорилъ по шаблону. И зазвенѣли-бы другія рѣчи! „Миръ праху твоему, честный труженикъ и гражданинъ!" „человѣкъ онъ былъ!" „Sit tibi terra levis!" и т. д. Словомъ, шаблонъ... вездѣ и во всемъ шаблонъ, болѣе или менѣе красивый, болѣе или менѣе удачный.

У юбиляра вдругъ всплыло въ памяти воспоминаніе, какъ

шаблонно и примитивно утѣшалъ его издатель, узнавшій' что Николай Павловичъ разводится съ женой.

— Этого нужно было ожидать, дорогой коллега! Всѣ литературные браки несчастливы, особенно газетные... У насъ нѣтъ времени угождать женамъ. Солдаты поютъ: „наши жены — ружья заряжены"... А у дѣятелей прессы: наши жены—наши строки! Но все имѣетъ свою хорошую сторону... Помните у Гейне:

„На могилѣ любви расцвѣтаетъ покоя цвѣтокъ".

Такъ и вы: успокоитесь, привыкнете... потомъ сами удивляться станете: какъ это я тянулъ семейную лямку, да еще сожалѣлъ о ней? Недаромъ Достоевскій сказалъ: человѣкъ—существо, ко всему привыкающее...

Николай Павловичъ грустно улыбнулся.

— Да! живучъ человѣкъ!—повторилъ онъ, въ свою очередь, слова Достоевскаго и съ тѣхъ поръ началъ избѣгать всякихъ разговоровъ о женѣ.

Онъ пуще прежняго погрузился въ работу, весь отдался редакціи, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ машины, которая тяготится бездѣйствіемъ. И онъ тяготился тѣми немногими днями въ году, когда газета не выходила въ свѣтъ. Тогда онъ не зналъ, куда дѣвать себя, и скучалъ невыносимо. Внѣ редакціи ему нечѣмъ было жить, и постепенно редакція сдѣлалась его вторымъ „я". Незамѣтно для самого Николая Павловича стало развиваться въ его душѣ озлобленіе и недовѣріе по отношенію къ людямъ. Часто сталкиваясь съ самыми разнообразными людьми, онъ привыкъ сразу угадывать ихъ скрытыя мысли, тайныя желанія. И, уставъ „раскусывать" людей, пересталъ довѣрять имъ. Когда однажды неутомимый редакторъ началъ проявлять особенную раздражительность и нервозность, издатель испугался переутомленія. Николаю Павловичу любезно предложили отпускъ, выпроваживая его на морскія купанья. Онъ поѣхалъ къ морю, но вскорѣ соскучился и возвратился обратно въ редакцію, не дождавшись, пока кончится срокъ отпуска.

И вотъ, въ юбилейный вечеръ, подъ звонъ бокаловъ, подъ звуки застольныхъ рѣчей, Николай Павловичъ задумался надъ своей дѣятельностью. Его личность раздвоилась: одинъ, сидѣвшій въ немъ человѣкъ, былъ юбиляръ. Онъ улыбался, благодарилъ, проявлялъ скромное довольство. Другой—продолжалъ размышлять и сводить итоги жизни за десять лѣтъ. И этотъ второй Николай Павловичъ кричалъ первому:

— Безплодно! безплодно! Это подогрѣтое чествованіе устроено не по заслугамъ! Талантливый труженикъ... общественный дѣятель... борецъ за истину! Красивыя слова... Десять лѣтъ ты писалъ не разгибаясь, но писалъ не о томъ, о чемъ хо-

тѣлось говорить, не то, что рвалось изъ души... Ты считался лишь со злобами дня, съ требованіями извѣстнаго момента! Ты даже думалъ не о томъ, что дѣйствительно интересовало тебя, а думалъ по обязанности, на заданныя темы. Ты спеціализировался, отсталъ отъ жизни, отъ литературы, перестал читать вещи, имѣющія обще-человѣческое значеніе. Есть столько хорошихъ, животрепещущихъ и неразрѣшенныхъ вопросовъ, печать должна служить дѣлу истины и справедливости, а для тебя важнѣе всего не пропустить послѣдняго сообщенія „Neue Freie Presse“ о результатѣ какой-нибудь дипломатической миссіи... Нѣтъ, ты не творецъ въ области слова, хоть ты и давалъ газетѣ извѣстную окраску соотвѣтственно твоимъ личнымъ вкусамъ и взглядамъ... У фотографа тоже есть свое усмотрѣніе, но фотографія—не художество, не искусство, а лишь ремесло...

Николай Павловичъ поспѣшно пришелъ къ заключенію, что за все время своей дѣятельности онъ, по собственному желанію и отъ души, только и написалъ, что однѣ новелки, теперь позабытыя всѣми.

Вѣдь на самомъ дѣлѣ это было рабство, полное рабство, заполонившее даже мысль его... А что, если бы теперь возвратиться назадъ, начать дѣятельность беллетристическую, или нѣтъ... лучше публицистическую? А еще лучше и то, и другое... Но писать исключительно о томъ, что считаешь достойнымъ вниманія?

Для начала можно было бы издать тѣ старые разсказы, потомъ приняться за сотрудничество въ журналахъ. За эти послѣдніе годы невольно накопилось столько наблюденій, впечатлѣній, знаній. Другіе пишутъ, едва ухватившись за какое-нибудь новое явленіе въ жизни общества, пишутъ почти по наслышкѣ, а ты знаешь всѣ детали окружающей жизни, наблюдаешь ее въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ. И ты молчишь...

Голова юбиляра продолжала усиленно работать, хотя онъ чувствовалъ, что начинаетъ пьянѣть отъ выпитаго шампанскаго.

— Непремѣнно издамъ разсказы... И посвящу Любочкѣ... Отчего я не послушался ее тогда, когда еще можно было идти назадъ? Какъ-то, въ прошломъ году, Любочка пріѣзжала съ Сергѣемъ въ Z. Пришлось встрѣтиться: она все еще хорошенькая; расцвѣла, пополнѣла, развилась, но грустная... Смѣется гораздо рѣже, почти совсѣмъ не смѣется... У нихъ есть дѣти, двое дѣтей. Говорятъ, веселые, разбитные ребятишки... Дѣвочка, вѣроятно, большая хохотушка и такъ же, смѣясь, закидываетъ кверху головку, какъ дѣлала это Любочка въ ранней юности... Славная, должно быть, дѣвочка!

Но Любочка не весела. Да, жизнь не шутка: у всякаго въ сердцѣ есть свой червячекъ, который грызетъ каждаго на особый ладъ. Не хотѣлось вникать въ подробности жизни Сергѣя и Любочки. Зачѣмъ? да и некогда мнѣ... Но „червячки" несомнѣнно есть и у нихъ въ сердцахъ... Думаю, что Любочка сожалѣетъ о прошломъ... Итакъ: издать поскорѣй разсказы и посвятить ей, въ воспоминаніе о быломъ. Можно не называть ея имя полностью, оставить однѣ буквы, лишь бы она догадалась, кому посвящается книжка. Слѣдовало бы приложить посвященіе въ стихахъ, хотя это и не въ модѣ... Когда-то я легко владѣлъ рифмой... Придумаю и теперь что-нибудь, приблизительно на такой ладъ:

Тебѣ, за всѣ мои страданья,
Я посвящаю этотъ трудъ!
Прими его въ воспоминанье
Давно умчавшихся минутъ.

— Довольно гладко, но напоминаетъ кого-то изъ прежнихъ. Все равно. Дальше!

Я помню радостныя встрѣчи
Съ тобой при дремлющей лунѣ,
Твои взволнованныя рѣчи
И наши ласки въ тишинѣ.

— Г-мъ! „При дремлющей лунѣ"? Начинающему поэту я вычеркнулъ бы, по праву редактора, это: „дремлющая"... Почему дремлющая? Впрочемъ, потомъ можно исправить...

И помню я твое участье,
Твои объятья, шопотъ твой,
Мое обманчивое счастье,
Миражъ красивый, но пустой...

— Это недурно выражаетъ мысль, хотя ничего новаго. Похоже на слова какого-то романса...

Я живо помню часъ прощанья
И слезы жгучія мои,
Мольбы невольнаго страданья
И крикъ поруганной любви...

— Тоже подражаніе, но не могу вспомнить, кому именно...

Я помню все, но безъ упрека
Я вспоминаю о тебѣ...

Здѣсь рифмы: „одиноко“, „судьбѣ“ и опять повторенiе начала:

И вотъ, за всѣ мои страданья
Тебѣ несу я этотъ трудъ.
Прими его въ воспоминанье
Давно умчавшихся минутъ.

— Нѣтъ, такое посвященiе не годится! Сантиментально и черезчуръ подражательно...

— Ура! Ура! Ура! — громовымъ раскатомъ пронеслось по залѣ. Николая Павловича окружили, снова стали пожимать руки, цѣловать, чокаться...

Ужинъ кончился.

— Качать! Качать юбиляра! Ура-а! Живiо, Николай Павловичъ!

Его подхватили десятки рукъ. Онъ не сопротивлялся. Почему-то вспомнилось, какъ недавно въ этомъ же клубѣ публика, въ приливѣ восторга, качала заѣзжаго тенора, и потомъ оказалось, что у пѣвца исчезъ изъ бокового кармана бумажникъ. Качая юбиляра, особенно усердствовалъ молодой человѣкъ съ преждевременно-измятой физiономiей. Николай Павловичъ задумался на мгновенье: гдѣ онъ видѣлъ это лицо? Наконецъ, сообразилъ: вѣдь это мѣстный поэтъ. Николай Павловичъ напечаталъ два или три его стихотворенiя. Стихи попали, какъ говорится на газетномъ жаргонѣ, „на затычку“, когда фельетоны были слишкомъ коротки, и „въ нижнемъ этажѣ“ газеты оставалось свободное мѣсто. Послѣднее произведенiе поэта редакторъ рѣзко забраковалъ:

— Помилуйте! Это цѣликомъ списано у Надсона! Измѣненiя почти не замѣтны: послушайте сами:

Ахъ, эти милые агатовые глазки!
О, сколько власти въ нихъ таится надо мной!

Тогда поэтъ обидѣлся, проворчалъ нѣсколько словъ на тему: „а судьи кто“? и ушелъ, не простившись.

Но теперь онъ такъ и лѣзетъ на глаза, такъ и подчеркиваетъ свое обожанiе. Чего добраго, завтра принесетъ:

Другъ мой и братъ мой, страдающiй братъ!...

Юбиляра опустили на полъ. Его воспоминанiя и грезы разсѣялись безъ слѣда.

Становилось скучно.

Артистка Кабарова, при оглушительныхъ аплодисментахъ, продекламировала Некрасовское: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное русскiй народъ!“ Хорошенькая Папошникова тоже не ударила лицомъ въ

грязь и торжественно прочитала слова Полонскаго: „Писатель, если только онъ—волна, а океанъ Россія“ и проч.

Программа вечера была исчерпана. Николай Павловичъ произнесъ благодарственное слово. Онъ подыскивалъ для своего голоса растроганныя, теплыя нотки, но чувствовалъ, что немножко фальшивитъ, быть можетъ, и незамѣтно для другихъ. Впрочемъ, въ общемъ вышло скромно и мило:

— Я такъ счастливъ, такъ благодаренъ... Но не могу не сознаться, что мое значеніе и заслуги сильно преувеличены... Сегодня мнѣ пришлось принимать оваціи на половину въ кредитъ... Благодарю за нихъ и прошу пожелать мнѣ заслужить все это на дѣлѣ въ самомъ недалекомъ будущемъ...

— Ура! Ура! Ура! Шампанскаго! Ура, Николай Павловичъ!

Это былъ послѣдній взрывъ.

Николай Павловичъ возвращался домой въ одномъ экипажѣ съ издателемъ. Не безъ лукавства юбиляръ подумалъ:

— Вотъ, если бъ издатель узналъ, какъ я только что съ пьяныхъ глазъ мечталъ о карьерѣ выдающагося писателя и публициста? И даже сочинилъ плохіе стихи! Воображаю его трусливый испугъ... Въ сущности, это единственный человѣкъ, который искренно желаетъ мнѣ многихъ лѣтъ и всяческаго благополучія. И ничего удивительнаго: вѣдь я его правая рука... Подумаешь, какъ далеко можетъ занесть человѣка мечта разгоряченнаго воображенія: писательство, новая жизнь, возможность счастья! Не могу себѣ представить, какъ бы я началъ писать теперь? Что бы вышло у меня вмѣсто художественной картины? Передовая статья газеты, претендующей на вліятельность? или репортерскій отчетъ, добросовѣстный протоколъ на тему: „вотъ еще одинъ случай“? Нѣтъ, на литературное поприще нельзя выходить съ опустѣвшей душой... Литература—это область, гдѣ одной добросовѣстности мало. Мало и одной наблюдательности, хотя бы даже весьма обширной... Необходимъ талантъ, незакопанный въ землю, нужна Божья искра — и если она погаснетъ, ее трудно раздуть: когда соль потеряетъ силу, ничто не сдѣлаетъ ее соленой. Болѣе, чѣмъ кто нибудь иной, могу примѣнить къ себѣ слова поэта:

Во мнѣ найдешь, быть можетъ, слѣдъ вчерашній,
Но ничего ужъ завтрашняго нѣтъ...

Серьезно работать на иномъ, не газетномъ поприщѣ, избирать новую спеціальность, я уже врядъ ли смогу... Я не въ силахъ жить безъ газеты: я полюбилъ свою тюрьму... Слишкомъ много силъ и энергіи отдано ей и, если отнять отъ меня газету, я—банкротъ...

О. Н. Ольнемъ.

КОНТОРЩИКЪ.

Изъ «Лондонскихъ идиллій».

Томаса Эши.

— Я смущенъ необычайно,
Я сегодня самъ не свой!
Утромъ видѣлъ я случайно
Сѣна клокъ на мостовой.

—

И клочокъ зеленый сѣна—
Онъ одинъ тому виной,
Что такая перемѣна
Совершается со мной.

—

Вижу садикъ нашъ и мызу
(Нынче всюду сѣнокосъ),
Плющъ зеленый по карнизу;
Слышу я жужжанье косъ.

—

А на розахъ — сколько почекъ!
Какъ лепечутъ ручейки!
— Въ люди выйдетъ нашъ сыночекъ!
Дома шепчутъ старики.

—

Можетъ быть пойду я въ гору,
Но отдать я все готовъ
Для того, чтобъ въ эту пору,
Бросивъ душную контору,
Тамъ съ косой по косогору
Побродить среди цвѣтовъ.

О. Чюмина.

Литературные факторы американской революціи.

«Въ завоеваніи независимости Америки перо сослужило службу не менѣе важную, чѣмъ мечъ... Не легко было поднять и объединить народъ и затѣмъ убѣждать его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переносить терпѣливо неудачи и лишенія въ надеждѣ на будущія блага... Все это было сдѣлано въ значительной мѣрѣ живою рѣчью и литературными трудами извѣстной части гражданъ; усилія ихъ обусловили самый успѣхъ военныхъ дѣйствій».

D. Ramsay, The History of Amer. Revolution.

I.

Характеръ американской революціи и значеніе литературныхъ факторовъ ея.

Человѣку, не занимавшемуся американской исторіей, трудно представить себѣ, какъ велико богатство американской исторической литературы и какъ велики ея достоинства. Достоинствамъ американской исторической литературы соотвѣтствуетъ и увлекательность самой американской исторіи, по крайней мѣрѣ для всѣхъ тѣхъ, кто сколько нибудь интересуется великими политическими и соціальными вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ такъ много трудилось и такъ много еще будетъ трудиться человѣчество.

Кромѣ богатства и необыкновеннаго изящества изложенія, американская историческая литература поражаетъ и своимъ безпристрастіемъ: лишь въ исключительныхъ случаяхъ можно найти у европейскихъ историковъ такое стремленіе быть справедливымъ въ оцѣнкѣ враждовавшихъ партій и ихъ руководителей, попеременно дававшихъ направленіе теченію общественной жизни, и въ особенности въ изложеніи критическихъ періодовъ національной исторіи, когда ставилась на карту вся судьба націи или когда все обще-

ство было потрясаемо до основанія гражданскими смутами и междоусобіями.

Примѣромъ такого безпристрастнаго изложенія американской исторіи, такого стремленія американскихъ историковъ возвыситься надъ страстями, волновавшими ихъ предковъ, представить каждую изъ враждовавшихъ сторонъ и партій, на которыя дѣлилось американское общество, въ возможно болѣе благопріятномъ для нея свѣтѣ и тѣмъ дать возможность современнымъ поколѣніямъ судить болѣе справедливо своихъ предковъ,—примѣромъ всего этого, какъ намъ кажется, можетъ служить вышедшее въ 1897 г. двухтомное сочиненіе „Литературная исторія американской революціи“ *) профессора американской исторіи въ одномъ изъ лучшихъ американскихъ университетовъ (Cornell university) Тайлера, извѣстнаго уже своей классической „Исторіей американской литературы въ колоніальную эпоху“.

„Литературная исторія американской революціи“ (т. е. борьбы съ Англіей за независимость) представляетъ собой попытку—и, по нашему крайнему разумѣнію, попытку, въ высшей степени удачную—изложить борьбу, которая подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мѣръ англійскаго правительства, ограничившихъ самоуправленіе американскихъ колоній, происходила въ американской литературѣ между представителями тѣхъ элементовъ американскаго общества, которые были склонны къ болѣе рѣзкимъ формамъ протеста противъ указанныхъ посягательствъ метрополіи и впослѣдствіи явились даже сторонниками полнаго разрыва съ Англіей, и тѣми, которые стояли за строго легальную форму оппозиціи и болѣе или менѣе рѣзко осуждали слова и поступки своихъ радикальныхъ соотечественниковъ, а впослѣдствіи, съ началомъ фактической борьбы съ метрополіей, частію даже открыто перешли на сторону послѣдней.

Эта литературная борьба двухъ теченій, господствовавшихъ въ американскомъ обществѣ, началась по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять раньше, чѣмъ началась борьба за независимость на полѣ брани, и въ значительной степени обусловила исходъ послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы это увидимъ ниже, литературой въ значительной степени были созданы и затѣмъ поддерживаемы тѣ нравственныя силы, та горячая преданность дѣлу освобожденія американскаго народа отъ англійскаго владычества, которыя однѣ только могли доставить побѣду совершенно неподготовленному въ военномъ отношеніи и малочисленному американскому народу надъ вооруженными силами одной изъ могущественнѣйшихъ въ то время державъ міра.

Выдающееся значеніе, которое имѣла литература въ движеніи, извѣстномъ подъ названіемъ „американской революціи“, побудила

*) The Literary History of American Revolution (1763—1783) by Moses Coit Tyler, New York, Putnam, 1897, 2 vol.

проф. Тайлера написать, какъ онъ выражается, „*Литературную* исторію американской революціи“, т. е. взглянуть на событія этой замѣчательной эпохи съ точки зрѣнія литературныхъ силъ, создавшихъ ее или служившихъ ей выраженіемъ.

„Кажется, что мы безъ преувеличенія можемъ сказать“,—читаемъ мы въ предисловіи къ труду проф. Тайлера,—„что настоящее сочиненіе представляетъ собой нѣчто новое по методу историческаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ этотъ методъ до сихъ поръ никогда еще не примѣнялся въ такихъ размѣрахъ къ критическому изложенію американской революціи. Внѣшняя исторія этого великаго движенія была описана много разъ... Въ настоящемъ же сочиненіи въ первый разъ въ систематическомъ и достаточно полномъ видѣ излагается внутренняя исторія революціи — исторія идей, настроеній, увлеченій, страстей учавствовавшихъ въ ней дѣятелей, насколько все это выразилось въ литературныхъ произведеніяхъ партій, содѣйствовавшихъ или противодѣйствовавшихъ великому движенію“.

„Мы стремились при этомъ“,—продолжаетъ проф. Тайлеръ,—„предоставить обѣимъ партіямъ — вигамъ и тори, или, какъ ихъ иначе называли, революціонерамъ и лойялистамъ говорить самимъ за себя, цитируя ихъ собственныя слова; мы воздерживались оскорблять память дѣятелей той и другой стороны своими подозрѣніями въ ихъ искренности, великодушіи, патріотизмѣ или мужествѣ“.....

„Въ цѣляхъ исторической интерпретаціи мы нашли цѣнными какъ болѣе серьезныя, такъ и болѣе легкія формы литературы и потому удѣлили значительное вниманіе пѣснямъ, балладамъ, сатирамъ, эпиграммамъ, шуткамъ“... „Мы сдѣлали обзоръ всей американской литературы между 1763 и 1783 годами, какъ серьезной, такъ и шутливой, какъ прозаической, такъ и стихотворной, и привели наиболѣе любопытные примѣры самыхъ разнородныхъ литературныхъ произведеній, чтобы, по возможности, полнѣе характеризовать разныя состоянія мысли и чувства, которыя пережилъ американскій народъ въ теченіе двадцатилѣтней агитаціи и борьбы, завершившейся политической самостоятельностью“ *).

„Въ предлагаемомъ вниманію читателя опытѣ изложенія американской революціи мы ставимъ въ иную перспективу, чѣмъ это

*) Какъ извѣстно, провозглашеніе независимости С. А. Соединенныхъ Штатовъ, равносильное оффиціальному объявленію войны съ Англіей, состоялось въ 1776 г., а ратификація мирнаго договора между воевавшими сторонами въ 1783 г.; на самомъ же дѣлѣ первыя серьезныя попытки ограничить самоуправленіе американскихъ колоній и начало болѣе или менѣе рѣшительныхъ протестовъ американцевъ относятся къ 1763 г. Въ теченіе тринадцати лѣтъ между этимъ послѣднимъ годомъ и 1776—годомъ объявленія независимости, отношенія метрополіи и колоній были большею частію очень обостренныя, и вотъ въ это то время литература подготовила умы къ окончательному разрыву съ Англіей и войнѣ.

дѣлается обыкновенно, силы, породившія революцію, средства, которыми она была совершена, преемственность событій, равно какъ и самыя событія и руководившихъ ими лицъ. Не игнорируя вовсе дѣйствій законодательныхъ собраній, министровъ и вообще лицъ, облеченныхъ властію, указывая иногда и на военныя операціи, мы всему этому отводимъ второстепенное мѣсто; если мы упоминаемъ о томъ или другомъ изъ подобныхъ фактовъ, то не иначе какъ въ связи съ характеристикой идей и настроеній, которыя скрывались за ними, которыя породили ихъ или сами были ими вызваны. Въ результатѣ получается совершенно новое распредѣленіе внѣшняго выраженія крупной исторической роли,—т. назыв. славы,—между лицами, участвовавшими въ этой великой драмѣ".

„Вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлается обыкновенно, направлять наши взоры почти исключительно на государственныхъ людей и генераловъ, на армію и флотъ, на американскій конгрессъ и англійскій парламентъ, на министровъ психически ненормальнаго короля или даже на самаго короля; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на всѣхъ этихъ лицъ, какъ на единственныхъ или какъ на главныхъ дѣятелей революціи,—мы по большей части сосредоточиваемъ все свое вниманіе на другихъ лицахъ, историческая дѣятельность которыхъ оставалась до сихъ поръ въ большомъ пренебреженіи или даже совершенно забыта; на тѣхъ лицахъ, которыя въ качествѣ писателей (независимо отъ того, занимали ли они выдающееся положеніе въ иныхъ отношеніяхъ или нѣтъ) создавали нравственныя силы этого великаго движенія, формировали и направляли общественное мнѣніе своихъ согражданъ. Это были люди, владѣвшіе лишь духовнымъ оружіемъ, и примѣръ ихъ дѣятельности въ высшей степени убѣдительно доказываетъ великое значеніе идей, созидательное и рѣшительное значеніе нравственныхъ силъ въ развитіи историческаго процесса"....

„Такимъ образомъ, въ настоящей исторіи американской революціи герои ея являются таковыми не потому, что они были могущественными министрами, законодателями или генералами; нѣтъ, наши герои являются таковыми главнымъ образомъ потому, что они были писателями: — авторами газетныхъ и журнальныхъ статей, брошюръ (памфлетовъ), пѣсенъ, разсказовъ, сатиръ и, наконецъ, проповѣдей въ церквахъ *). Изученіе трудовъ этихъ лицъ, какъ мы думаемъ, можетъ познакомить насъ съ болѣе

---

*) Какъ извѣстно, одной изъ наиболѣе серьезныхъ причинъ, побудившихъ извѣстную часть англичанъ выселиться въ XVII вѣкѣ въ Сѣв. Америку, были религіозныя преслѣдованія на родинѣ. Религіознымъ энтузіазмомъ первыхъ переселенцевъ, можетъ быть, объясняется та крупная—и въ первое время поселенія даже доминирующая—роль, которую духовенство играло въ американской общественной жизни, сохранивъ отчасти это вліяніе и до настоящаго времени. Въ эпоху революціи вліяніе духовенства было еще весьма значительно, какъ читатель убѣдится въ этомъ изъ послѣднихъ главъ настоящаго труда.

тонкими (delicate), менѣе уловимыми, но не менѣе глубокими или менѣе дѣйствительными силами, создававшими независимость американскаго народа".

Переходя далѣе къ характеристикѣ тяжелыхъ, ужасныхъ событій того критическаго времени, крайнихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, которыя пережилъ тогда американскій народъ, Тайлеръ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на огромную литературную производительность революціонной эпохи. „Этотъ фактъ первое время удивляетъ и даже поражаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это возможно?.. Мы всѣ склонны думать, что то было время, когда долженъ былъ дѣйствовать мечъ, а не перо... Между тѣмъ, если вникнуть серьезно въ вопросъ, то окажется, что мы даже должны были ожидать такой усиленной литературной производительности въ столь тревожную, полную волненій и страданій эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь литературная дѣятельность зависитъ отъ глубины мысли и чувства, а что можетъ такъ сильно возбуждать мысль и чувства людей, какъ не война, особенно гражданская война, особенно война революціонная".

„Правда, гражданскія смуты могутъ принять такой характеръ, что люди потеряютъ всякое чувство безопасности, всякую возможность для сосредоточенія мысли, но и тогда результатомъ такого положенія дѣлъ будетъ лишь прекращеніе всякихъ, если такъ можно выразиться, спокойныхъ формъ литературнаго творчества и ограниченіе послѣдняго формами, пригодными для рѣзкой борьбы враждующихъ общественныхъ движеній".

„Ко всему этому надо прибавить, что во время американской революціи можно было съ особеннымъ основаніемъ ожидать усиленной литературной производительности, такъ какъ эта революція въ самой сильной степени (preeminently) *была порождена* (caused by) идеями *и никогда не переставала быть борьбой идей* (pivoted on ideas). Правда, то же самое можно въ нѣкоторомъ смыслѣ сказать обо всѣхъ революціяхъ, однако въ большинствѣ изъ нихъ идейныя причины въ общемъ сознавались мало, а потому эти причины начинали дѣйствовать лишь тогда, когда онѣ уже осязательно чувствовались въ видѣ реальныхъ страданій и притомъ обыкновенно послѣ того, какъ эти страданія длились продолжительное время. Такъ было, напр., съ французской революціей".

„Не такъ развивалась революція американская. Американскій народъ не ждалъ, пока идейныя, возможныя въ будущемъ бѣдствія и страданія обратятся въ бѣдствія и страданія дѣйствительныя, настоящія. Достигнувъ уже въ то время сравнительно высокаго политическаго развитія, обладая такой политической прозорливостью, которая позволяла ему предвидѣть бѣдствія, возможныя хотя бы даже въ далекомъ будущемъ, американскій народъ *возсталъ не противъ фактической тираніи, а противъ тиран-*

ніи, ожидаемой въ будущемъ (anticipated). *Американцы произвели свою революцію не потому, что они дѣйствительно уже были страдальцами*, а потому что, будучи хорошими логиками, они оказались въ состояніи предвидѣть, что, если они тотчасъ не окажутъ сопротивленія, то впослѣдствіи дѣло дойдетъ до фактическихъ страданій, если не для нихъ самихъ, то для ихъ дѣтей. Какъ удачно выразился одинъ, жившій въ то время, великій государственный мужъ самой Англіи (Эдм. Боркъ), американцы судили „о степени тягостности мѣръ англійскаго правительства по ихъ принципіальному значенію“. Они „распознавали задатки дурного управленія въ самыхъ его зародышахъ“ и „обнаружили поразительное чутье ко всякимъ теченіямъ въ англійскихъ правящихъ сферахъ, въ которыхъ было сколько нибудь замѣтно расположеніе къ тиранническимъ мѣрамъ противъ Америки“.

„Такимъ образомъ наша революція болѣе, чѣмъ какая либо другая представляетъ борьбу идей, долгій логическій споръ по вопросу о политическихъ отношеніяхъ, рядъ изъ года въ годъ повторявшихся литературныхъ кампаній, причемъ эти словесныя схватки, борьба аргументами не только предшествовала схваткамъ и борьбѣ на полѣ брани, но часто превосходила послѣднія по своему вліянію на окончательный исходъ распри“.

II.

Колоніальная политика Англіи въ XVII и XVIII вѣкахъ и первыя попытки строгаго примѣненія ея въ Америкѣ.

Въ приведенной выше длинной цитатѣ изъ сочиненія Тайлера намъ важно отмѣтить признаніе американца, что возстаніе противъ Англіи было вызвано не столько дѣйствительными угнетеніями, сколько угнетеніями ожидаемыми, возможными. Въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи политической свободы большая часть колоній пользовались почти полной самостоятельностью; всѣ онѣ имѣли представительныя учрежденія, вездѣ налоги опредѣлялись законодательными собраніями, получавшими свои полномочія путемъ избранія мѣстнымъ населеніемъ (правда, что въ этихъ выборахъ, вообще говоря, участвовала лишь болѣе или менѣе достаточная часть населенія). Въ рукахъ колонистовъ же была въ значительной мѣрѣ и исполнительная власть, такъ какъ лишь немногія должностныя лица назначались правительствомъ метрополіи. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ (Коннектикутъ, Родъ Айлэндъ) даже губернаторы были выборные, а не назначаемые правительствомъ Англіи. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, эти колоніи представляли „чистыя представительныя демократіи (simple representative democracies) съ полной законодательной самостоятельностью *при отсутствіи какого бы то ни было представителя*

власти, назначаемаго короной (т. е. правительствомъ Англіи). Политическая организація этихъ двухъ колоній представляла собой примѣръ наивысшаго выраженія самостоятельности, которой стремились достичь и другія колоніи англичанъ въ Америкѣ“ (Johnston. United States. 1890, стр. 9).

Слѣдуетъ замѣтить также, что въ колоніяхъ была полная свобода религіозная, полная свобода печати, ассоціацій, сходокъ и т. п.; вѣрнѣе было бы сказать, что все это было предоставлено на полное усмотрѣніе самихъ колонистовъ, и тѣ незначительныя ограниченія, которыя существовали въ тѣхъ или иныхъ колоніяхъ въ указанныхъ отношеніяхъ, являлись результатомъ желанія самихъ колонистовъ, законодательныхъ актовъ избранныхъ ими же властей.

Всѣмъ извѣстно, какъ мало похожаго такимъ порядкамъ представляло отношеніе Испаніи или Франціи къ своимъ колоніямъ: деспотизмъ, безгранично царившій въ метрополіи, переносился въ еще болѣе рѣзкой формѣ и въ колоніи, результатомъ чего и оказалась полная утрата колоній одной и жалкое состояніе колоніальныхъ владѣній другой, нѣсколько улучшившееся лишь на глазахъ нынѣ живущаго поколѣнія.

Въ одномъ только англичане въ прошломъ вѣкѣ сравнительно мало отличались отъ другихъ народовъ: въ своихъ отношеніяхъ къ колоніямъ. Подобно другимъ народамъ они смотрѣли на колоніи, какъ на средство обогащенія метрополіи и стѣсняли ихъ нормальное экономическое развитіе для вящшаго матеріальнаго преуспѣянія метрополіи *). Еще въ 1651 году былъ изданъ знаменитый Navigation Act, которымъ запрещалось ввозить колоніальные продукты въ Англію или подвластныя ей территоріи иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ или (эта прибавка значительно ослабляла суровость акта) на корабляхъ, построенныхъ въ самихъ колоніяхъ. Черезъ десять лѣтъ этотъ актъ былъ дополненъ другимъ, которымъ запрещалось нѣкоторые поименованные (табакъ, сахаръ, мѣха; впослѣдствіи число этихъ „поименованныхъ“, „enumerated“, предметовъ увеличивалось) возить куда бы то ни было, кромѣ Англіи. Этимъ англичане обезпечивали себѣ роль и прибыли посредниковъ при продажѣ колоніальныхъ продуктовъ въ странахъ Европы. Въ теченіе XVIII столѣтія англійскій парламентъ издалъ рядъ законовъ, стѣснявшихъ развитіе въ Америкѣ шерстяной, желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности, чтобы обезпечить болѣе вѣрный сбытъ своимъ товарамъ на американскомъ рынкѣ.

*) Какъ извѣстно, въ настоящее время англійскія колоніи большею частью пользуются полными правами самоуправленія; онѣ свободны и въ своей экономической и таможенной политикѣ, каковой иногда и пользуются (нѣкоторыя колоніи Австраліи), облагая значительными пошлинами товары, привозимые изъ Англіи, и тѣмъ ограждая тѣ или иныя отрасли промышленности отъ конкурренціи метрополіи.

Наконецъ, въ половинѣ XVIII стол., англійское правительство посягнуло уже болѣе прямо на американскіе карманы, обложивъ *пошлиной* сахаръ и ромъ, ввозимый въ американскія колоніи изъ другихъ колоній, *не принадлежащихъ* Англіи. Правда, правительство вмѣстѣ съ этимъ заявляло, что дѣлаетъ это не изъ фискальныхъ цѣлей, т. е. не для собиранія извѣстнаго дохода съ колонистовъ, а лишь для покровительства англійскимъ колоніямъ, производящимъ сахаръ, и для огражденія ихъ отъ конкурренціи колоній соперничествующихъ державъ. Такимъ образомъ и эта мѣра, съ извѣстной точки зрѣнія, не была посягательствомъ на исключительное право колонистовъ облагать себя налогами черезъ посредство выборныхъ законодательныхъ собраній. (Thaites. Colonies. New York, 1891).

Надо сказать, что всѣ эти мѣры не вызывали особенно рѣзкаго протеста со стороны колонистовъ, отчасти по той простой причинѣ, что онѣ весьма плохо выполнялись... Чиновники, которые должны были слѣдить за ввозомъ обложенныхъ пошлиной предметовъ, не всегда рѣшались преслѣдовать виновныхъ и возбуждать противъ себя смѣлое, рѣшительное и самостоятельное населеніе; къ тому же трудно было найти лицъ, готовыхъ засвидѣтельствовать въ судѣ фактъ контрабанды, да и судьи не были расположены осуждать провинившихся въ преступленіи, котораго не считало таковымъ мѣстное общественное мнѣніе. Однако колонисты не желали прямо и рѣшительно протестовать противъ такихъ посягательствъ метрополіи на ихъ экономическую самостоятельность, такъ какъ крайне непріятное для нихъ господство французовъ въ Канадѣ заставляло ихъ дорожить могущественнымъ покровительствомъ англійскихъ военныхъ и морскихъ силъ. Это же обстоятельство, т. е. существованіе французской колоніи въ Канадѣ сдерживало, и англійское правительство въ его отношеніяхъ къ своимъ американскимъ колоніямъ.

Но вотъ въ 1763 г. закончилась Парижскимъ миромъ продолжительная война между Франціей и Англіей, и Франція должна была уступить Канаду Англіи, а такъ наз. въ то время Луизіана, т. е. области къ западу отъ Миссиссипи перешли къ Испаніи. Война стоила Англіи большихъ денегъ, и уже въ 1764 г. она рѣшила привлечь къ участію въ имперскихъ расходахъ и свои американскія колоніи, начавъ съ болѣе строгаго взиманія пошлинъ съ обложенныхъ товаровъ и даже нѣсколько увеличивъ самыя эти пошлины.

„Всѣ эти признаки перемѣны политики по отношенію къ колоніямъ были сейчасъ же замѣчены болѣе проницательной частью американскаго общества и произвели крайне тягостное впечатлѣніе на всѣхъ колонистовъ вообще... Хуже всего было то, что теперь не считалось даже нужнымъ стремленіе взимать извѣстный налогъ съ колонистовъ прикрывать благовиднымъ предлогомъ регулиро-

ванія внѣшней торговли имперіи. Въ первый разъ со времени основанія американскихъ колоній въ относящемся до нихъ актѣ парламента было прямо сказано, что цѣлью этого акта было обезпечить имперіи извѣстный доходъ съ колонистовъ. Одно изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ финансоваго управленія въ Англіи, писало даже въ оффиціальной бумагѣ: „этихъ новыхъ пошлинъ, конечно, недостаточно, чтобы въ должной мѣрѣ привлечь Америку къ участію въ имперскихъ расходахъ: она можетъ и должна платить больше. Придется ввести еще новые налоги". Въ самомъ дѣлѣ, въ это время былъ уже поставленъ на очередь вопросъ о введеніи въ С.-Америкѣ знаменитаго гербоваго сбора". (Tyler. vol. I, 46—7).

Первымъ литературнымъ протестомъ противъ такого направленія колоніальной политики Англіи былъ вышедшій уже въ іюлѣ 1764 г. и имѣвшій громадный успѣхъ памфлетъ подъ названіемъ „Права британскихъ колоній", написанный однимъ изъ самыхъ выдающихся юристовъ колоніи Массачузетсъ и Америки вообще, Дж. Отисомъ, уже ранѣе пріобрѣвшимъ извѣстность въ качествѣ смѣлаго защитника народныхъ правъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь теоріи происхожденія и значенія верховной власти вообще, развиваемой Отисомъ въ его памфлетѣ, и остановимся лишь на наиболѣе любопытныхъ мѣстахъ, относящихся къ характеристикѣ правъ колоній по отношенію къ метрополіи. Колоніи, говоритъ Отисъ, не составляютъ какого-нибудь совершенно чуждаго или ничтожнаго, по значенію, придатка имперіи, которой онѣ принадлежатъ. „Колонія есть общество гражданъ, живущихъ въ территоріи, не соединенной непосредственно съ территоріей метрополіи, или находящейся отъ нея въ далекомъ разстояніи". Новѣйшіе колонисты представляютъ собой „благородныхъ изслѣдователей и поселенцевъ новаго свѣта, который въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій доставилъ Европѣ столь много богатства, величія, силы"... Въ то же время „эти колоніи, кромѣ колоній Англіи, не получили взамѣнъ отъ своихъ метрополій... ничего, кромѣ дурного управленія, порабощенія и цѣпей"... Между тѣмъ „колонисты имѣютъ право претендовать на ту же свободу, тѣ же привилегіи и вольности, какъ и жители метрополіи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ права должны быть даже выше".

Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было положеніе колоній другихъ народовъ, колоніи Англіи не могутъ носить никакихъ знаковъ политическаго рабства... Всякій британскій подданный, въ какой бы части Британской имперіи онъ ни находился, „по закону Божію и по закону природы, по обычаю и по парламентскимъ актамъ... долженъ пользоваться всѣми естественными, основными, неотъемлемыми правами, которыя обезпечиваетъ всѣмъ англійскимъ гражданамъ ихъ славная конституція". Далѣе Отисъ, допуская, что англійскій парламентъ въ качествѣ верховнаго имперскаго законодательнаго собранія „имѣетъ несомнѣнное право

издавать законы, одинаково обязательные для всѣхъ частей Великобританіи", въ то же время доказываетъ, „что никакое законодательное собраніе какъ высшее, такъ и подчиненное (колоніальное), не можетъ брать отъ человѣка часть его собственности (здѣсь разумѣется взиманіе налоговъ) безъ его на то согласія, выраженнаго лично или черезъ представителей; что поэтому нигдѣ во владѣніяхъ его королевскаго величества нельзя брать съ народа налоговъ безъ согласія самого народа; что всякое общество англійскихъ гражданъ имѣетъ право избирать представительное собраніе, которому одному принадлежитъ право обложенія налогами; отказывать въ этомъ колоніямъ значитъ фактически нарушать англійскую конституцію въ самыхъ существенныхъ ея частяхъ". При современномъ положеніи вещей, доказываетъ далѣе Отисъ, „колонисты должны имѣть не только свои собственныя подчиненныя законодательныя собранія, но и должны соразмѣрно своему богатству и населенности пользоваться правомъ представительства въ верховномъ законодательномъ собраніи королевства, такъ какъ только при такихъ условіяхъ можно достигнуть тѣснаго единенія, мира и преуспѣянія всѣхъ частей имперіи, которой не придется болѣе бояться никакихъ враговъ, ни даже всесокрушающаго вліянія времени".

Своимъ памфлетомъ *) Отисъ желалъ не вызвать революцію, а предупредить таковую. Нельзя сомнѣваться въ искренности выраженныхъ имъ за себя и за своихъ согражданъ чувствъ преданности Англіи. „Мы всѣ считаемъ себя счастливыми тѣмъ, что мы принадлежимъ къ числу гражданъ Великобританіи", писалъ въ своемъ памфлетѣ Отисъ. „Мы любимъ, уважаемъ, почитаемъ нашу метрополію (mother country) и обожаемъ (adore) короля. Если бы американскимъ колонистамъ предложили на выборъ: независимость или подчиненіе Великобританіи, то я убѣжденъ, они выбрали бы первое лишь въ томъ случаѣ, если бы подчиненіе должно было бы повести за собой абсолютное рабство. Англійское правительство и впредь можетъ быть увѣрено, что американцы только тогда перестанутъ быть вѣрными поддаными Англіи, когда ихъ принудятъ къ этому нестерпимыя притѣсненія, которыя лишатъ разсудка самыхъ благоразумныхъ и дадутъ силу самымъ слабымъ".

*) Мы употребляемъ это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понималось и понимается въ англо-саксонскихъ странахъ. Памфлетомъ англичане называютъ всякое сравнительное небольшое сочиненіе на занимающую общество тему безо всякаго отношенія къ качеству этого произведенія. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ памфлетъ былъ одною изъ главныхъ формъ текущей литературы, особенно литературы по вопросамъ, составляющимъ злобу дня. Памфлетъ доминировалъ въ Англіи въ революціонную эпоху (XVII), онъ доминировалъ и въ Америкѣ въ изучаемое нами время, вотъ почему мы вслѣдъ за Тайлеромъ удѣляемъ памфлету главное вниманіе въ своей работѣ. Въ настоящее время съ развитіемъ періодической прессы памфлетъ не играетъ болѣе такой важной роли въ литературѣ.

Хотя, какъ мы уже сказали, цѣлью Отиса было предотвратить революцію, на самомъ дѣлѣ памфлетъ его сдѣлался исходнымъ пунктомъ ряда революціонныхъ разсужденій, которыми оправдывали свои дѣйствія три милліона американскихъ гражданъ въ теченіе ближайшихъ годовъ, подготовлявшихъ разрывъ съ метрополіей. Памфлетъ Отиса сталъ на нѣкоторое время настольной книгой для противниковъ политики Англіи, почерпавшихъ въ ней, какъ въ арсеналѣ, нѣкоторыя изъ самыхъ лучшихъ орудій борьбы съ посягательствами метрополіи.

Едва ли нужно прибавлять, что одновременно съ памфлетомъ Отиса появилось нѣсколько аналогичныхъ произведеній другихъ авторовъ, которымъ, однако, не удалось въ той же мѣрѣ привлечь общественное вниманіе.

III.

Проектъ введенія гербоваго сбора въ Америкѣ и вызванный имъ литературный протестъ (1764—1765).

Въ томъ же 1764 году, когда появился памфлетъ Отиса, англійское правительство рѣшило держать въ Америкѣ небольшое постоянное войско (около 10,000 солдатъ) и, чтобы хотя отчасти привлечь колонистовъ къ возмѣщенію издержекъ по содержанію войска, рѣшило обложить гербовымъ сборомъ разнаго рода документы, удостовѣряющіе коммерческія сдѣлки и вообще всякаго рода легальные акты. Предполагалось, что этотъ гербовый сборъ покроетъ около одной трети стоимости содержанія войска.

Согласно заявленію министерства (лорда Гренвиля), англійскіе гарнизоны въ Америкѣ назначались для защиты колонистовъ отъ нападеніи со стороны краснокожихъ и частію отъ вторженія иноземныхъ армій въ случаѣ возможной войны Англіи съ однимъ изъ народовъ Европы. Колонисты отнеслись подозрительно къ такимъ заботамъ метрополіи, предпочитая разсчитывать лишь на свои силы; они опасались, какъ бы англійскіе гарнизоны не стали орудіемъ для ограниченія свободы самихъ американцевъ. Однако это недовольство, вѣроятно, скоро улеглось бы, если бы вмѣстѣ съ обѣщаніемъ посылки гарнизоновъ въ города не было объявлено и о предполагаемомъ введеніи закона о гербовомъ сборѣ.

Теперь для всѣхъ стало очевиднымъ желаніе Англіи распространить и на Америку компетенцію парламента по обложенію населенія налогами. По мнѣнію колонистовъ, это уже въ корнѣ нарушало основныя права англійскихъ гражданъ вообще и ихъ, колонистовъ, въ особенности. Первыя же извѣстія о предполагаемомъ введеніи гербоваго сбора вызвали всеобщій и рѣшительный протестъ во всей странѣ и заставили усиленно работать печатный станокъ...

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ выраженій новаго общественнаго настроенія было появленіе въ лучшей изъ газетъ, выходившихъ въ колоніи Родъ Айлендъ *) (Providence Gazette), разсказа, передававшаго въ формѣ шутливой аллегоріи событія, переживаемыя Америкой. Американцы уже тогда отличались стремленіемъ къ юмору, стремленіемъ выразить въ какомъ нибудь съ виду просто забавномъ анекдотѣ или разсказѣ свои серьезныя жизненныя заботы и думы. Такъ и въ данномъ случаѣ разсказъ яко бы исходилъ отъ простого бѣднаго колониста, который, по его собственнымъ словамъ, не могъ похвалиться даже и образованіемъ, такъ какъ не читалъ ничего, кромѣ Библіи и Bunyan's Pilgrim Progress" **).

Недавно, такъ разсказываетъ колонистъ, я какъ-то вечеромъ заговорился съ сосѣдомъ часовъ до 11 вечера, обсуждая такъ поразившую насъ всѣхъ необыкновенную новость о введеніи гербоваго сбора... Придя домой, я легъ спать, тотчасъ же крѣпко заснулъ и увидалъ замѣчательный сонъ. „Мнѣ снилось, что законъ о штампованіи всѣхъ дѣловыхъ бумагъ (надо сказать, что въ прошломъ столѣтіи не было еще ни гербовыхъ, ни почтовыхъ марокъ, и достоинство гербовой бумаги означалось наложеніемъ извѣстной печати или штампа, который находился у лицъ, которымъ была поручаема продажа гербовой бумаги) былъ распространенъ на всѣхъ нашихъ вьючныхъ животныхъ, и что въ Америку пришелъ корабль со штамповальнымъ чиновникомъ и цѣлой свитой помощниковъ. Чиновникъ послалъ къ намъ въ село приказъ привести весь нашъ домашній скотъ въ назначенное мѣсто. На другой день въ самомъ дѣлѣ лошади со всего села были загнаны на лугъ моего сосѣда, при чемъ всѣ загородки, окружавшія лугъ, были передъ этимъ тщательно исправлены. Между множествомъ приведенныхъ лошадей оказалось и шесть ословъ—всѣ, сколько ихъ было въ нашемъ селѣ. Вотъ съ большой важностью является самъ штамповальный чиновникъ со свитой, при чемъ одинъ изъ этой почтенной компаніи несъ большой штампъ въ формѣ буквы S (здѣсь ясный намекъ на слово slave—рабъ). Они тотчасъ начали

*) Надо сказать, что душою агитаціи противъ притязаній Англіи и впослѣдствіи душою возстанія были сѣверо-восточныя американскія колоніи, носящія общее названіе «Новой Англіи». Новая Англія состояла изъ колоній: Массачузэтсъ, Коннектикутъ, Родъ Айлендъ, Нью Гемпширъ и Мэнъ. Эти колоніи, въ противоположность центральнымъ и въ особенности южнымъ, образовались безъ всякаго содѣйствія англійскаго правительства или аристократіи и твердо сохраняли демократическій духъ, господствовавшій, какъ извѣстно, въ самой Англіи въ то время, когда состоялось заселеніе этихъ колоній.

**) Сочиненіе, носящее религіозный характеръ, вышедшее въ XVII вѣкѣ въ Англіи и сразу пріобрѣвшее огромную популярность сначала въ Англіи, а затѣмъ и въ Америкѣ. Оно переведено на всѣ главные языки міра, не исключая японскаго. На русскій языкъ переведено въ 1878 г. (Буніанъ. Путешествіе пилигримма).

клеймить штампомъ ословъ, которые при этомъ не выказали ни малѣйшаго сопротивленія. Затѣмъ они перешли къ лошадямъ и готовы были уже наложить клеймо на чудную гнѣдую лошадь, когда она, испугавшись, должно быть, сверкнувшаго на солнцѣ штампа, фыркнула, лягнула своими задними ногами и убѣжала прочь, обдавъ при этомъ грязью все лицо почтеннаго джентльмена, какъ я это замѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ. Испугъ одной лошади сообщился другимъ, и черезъ минуту всѣ онѣ съ такой же поспѣшностью пустились прочь, перескочили черезъ загородку, а затѣмъ и вовсе скрылись изъ вида".

„Все это произошло такъ быстро, что почтенная компанія чиновниковъ была совсѣмъ озадачена и стала выражать крайнее изумленіе по поводу такого необычайнаго происшествія, но тутъ къ нимъ подошелъ кто-то изъ нашихъ самыхъ захудалыхъ мужичковъ и съ легкой усмѣшкой на лицѣ сказалъ, что онъ всегда думалъ, что всякому англичанину хорошо извѣстно, что только одни ослы будутъ стоять смирно, когда ихъ станутъ клеймить". Среди краснорѣчиваго молчанія, наступившаго послѣ этого замѣчанія нашего мужичка, одинъ изъ чиновниковъ подошелъ къ стоявшему поодаль человѣку, имѣвшему видъ барина и державшему за узду своего прекраснаго коня, и попросилъ у него позволенія воспользоваться его скакуномъ, чтобы пригнать назадъ убѣжавшій табунъ. Господинъ согласился, но сказалъ при этомъ чиновнику, чтобы тотъ снялъ свои шпоры, такъ какъ конь его не станетъ держать на сѣдлѣ всадника съ такимъ вооруженіемъ. Пока чиновникъ снималъ шпоры, господинъ ему объяснилъ, что едва ли ему удастся чего нибудь достигнуть, такъ какъ лошади въ табунѣ чистой англійской породы и большая часть изъ нихъ происходитъ отъ одного, жившаго давно, очень замѣчательнаго коня, по имени Old Noll (старый Ноль) *). Этотъ конь, не казистый на видъ, былъ за то крѣпкій и смѣлый и могъ бы сослужить своему хозяину хорошую службу, если бы хозяинъ, заразившись примѣромъ французовъ, не вздумалъ ѣздить на немъ со шпорами. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только конь почувствовалъ шпоры у хозяина, онъ такъ его подбросилъ, что тотъ сломалъ себѣ шею, послѣ чего Old Noll и вся его порода были высланы сюда (въ Америку) и здѣсь сильно размножились (здѣсь очевидные намеки на неудачныя попытки англійскихъ королей перенести въ Англію французскій произволъ и на происхожденіе американскихъ колоній)".

„Послѣ этого непріятнаго сообщенія чиновникъ рѣшилъ не брать коня у господина, и вся компанія стала придумывать, какое бы еще употребить средство, чтобы вернуть лошадей. Изъ ихъ разговоровъ, однако, ничего не вышло... Тогда одинъ изъ нашихъ стари-

*) Old Noll или Старый Нолль прозвище, которое дали Оливеру Кромвелю его политическіе противники.

ковъ рѣшился подойти къ чиновникамъ и далъ имъ такой совѣтъ: „Развѣ вы не знаете, что клеймить можно только свою собственность? Теперь вы пришли клеймить нашъ скотъ, а потомъ вы станете его у насъ отбирать. Взаимное довѣріе можетъ обезпечить нашему хозяину (master) большій, и главное болѣе вѣрный доходъ съ того, что мы имѣемъ, чѣмъ какое бы то ни было клейменіе. Когда же наступаетъ взаимное недовѣріе и раздоръ, ничего хорошаго ожидать нельзя: всегда найдется случай—для хозяевъ притѣснять своихъ слугъ, а для слугъ дать хорошаго пинка своимъ хозяевамъ". Тутъ всѣ мы трижды крикнули ура, выражая полное согласіе съ нашимъ старикомъ; я самъ такъ гаркнулъ, что добрая женщина, лежавшая рядомъ со мной, сильно толкнула меня локтемъ и спросила, что со мной: не животъ ли у меня схватило— тутъ уже и я самъ проснулся, и мой сонъ кончился".

Нѣсколько недѣль спустя послѣ появленія этого разсказа, представившаго въ аллегорической формѣ начинающійся разладъ между метрополіей и ея американскими колоніями, въ той же колоніи Родъ Айлендъ вышелъ обратившій на себя всеобщее вниманіе памфлетъ подъ названіемъ „Права колонистовъ". Памфлетъ вышелъ анонимно, но скоро всѣмъ стало извѣстно, что онъ написанъ самимъ губернаторомъ колоніи Стеф. Хопкинсомъ *) (напоминаемъ, что въ колоніяхъ Коннектикутъ и Родъ Айлендъ губернаторъ избирался народомъ; губернаторъ Коннектикута около этого же времени также выпустилъ памфлетъ, о содержаніи котораго можно судить по его заглавію: „Причины, по которымъ англійскій парламентъ не долженъ облагать налогами американскія колоніи").

Подобно многимъ другимъ политическимъ писателямъ того времени, Хопкинсъ подходитъ къ вопросу о власти парламента послѣ разсмотрѣнія вопроса о происхожденіи общества, природы правительства, основъ британской конституціи и обезпечиваемыхъ ею правъ англійскаго гражданина. Но принадлежатъ ли американскимъ колонистамъ всѣ права англійскихъ гражданъ? Хопкинсъ въ этомъ не сомнѣвается, утверждая, что колоніи въ новѣйшіе времена „всегда пользовались такой же свободой, какая была въ метрополіи". Британскія колоніи не могутъ составлять исключенія, „какъ колоніи государства, славнаго своей конституціей, колоніи народа, наиболѣе ревниво оберегающаго свои права".

Одно извѣщеніе о предполагаемомъ введеніи гербоваго сбора „болѣе чѣмъ что либо и когда либо взволновало американскій народъ, и взволновало вполнѣ основательно... Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никто не станетъ спорить противъ того, что тѣ, кого можно по произволу облагать налогами, не могутъ имѣть прочной соб-

*) Есть основаніе думать, что авторомъ ранѣе приведеннаго аллегорическаго разсказа «Сонъ» надо считать того же Хопкинса. См. Tyler, цитир. сочин. томъ I, 61.

ственности,.. а кто не имѣетъ собственности, тотъ не имѣетъ и свободы, ему грозитъ полное порабощеніе"...

Дѣло не измѣняется отъ того, что, какъ говорятъ „тѣ, которые облагаютъ колоніи налогами (т. е. члены англійскаго парламента), люди, извѣстные своимъ умомъ, справедливостью, честностью... такъ какъ тотъ, кто вынужденъ повиноваться волѣ другого, всегда будетъ всетаки рабомъ, какъ бы ни былъ хорошъ его хозяинъ"...

Не легче колонистамъ и отъ того, что взимаемыя съ нихъ деньги „составятъ особый фондъ и будутъ затрачиваться лишь на ихъ защиту. Этимъ еще болѣе подчеркивается рабское состояніе народа. Народы свободные всегда думали и всегда будутъ думать, что ихъ защита вѣрнѣе всего обезпечена тогда, когда необходимыя на нее деньги находятся въ рукахъ у самого народа до тѣхъ поръ, пока не приходитъ дѣйствительная нужда ихъ тратить".

Говорятъ, что Англія затратила много денегъ на свои колоніи и теперь въ правѣ получать съ нихъ какой нибудь доходъ. Что такое Англія тратила на колоніи? спрашиваетъ Хопкинсъ. Не вѣрнѣе ли было бы сказать, что американскія колоніи не стоили Англіи ни копѣйки; съ самаго своего возникновенія имъ пришлось самимъ выносить наибольшее бремя расходовъ на свою защиту, а во время войнъ Англіи съ Франціей американцы, можетъ быть, больше, чѣмъ это слѣдовало бы по ихъ числу и богатству, тратили силъ, денегъ, человѣческихъ жизней...

Не основательны утвержденія и тѣхъ, кто говоритъ, что, если освободить колоніи отъ обложенія налогами англійскимъ парламентомъ, то „этимъ колоніи будутъ освобождены отъ несенія справедливой доли бремени содержанія правительства. Одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ. Развѣ колоніи не содержатъ каждая свое правительство, которое обходится имъ не дешевле, чѣмъ жителямъ метрополіи ихъ собственное? Развѣ колоніи отказывались когда нибудь, когда это предлагалъ имъ сдѣлать король, выдавать извѣстныя субсидіи англійскому правительству, дѣлая это съ такой же охотой, съ какой англійскій парламентъ вотируетъ деньги по требованіямъ министровъ короля? Развѣ такой способъ полученія денегъ съ колоній — не есть способъ наиболѣе естественный и въ то же время наиболѣе согласный съ англійской конституціей? Зачѣмъ требовать отъ колонистовъ способами, противными конституціи, того, что они никогда не отказывались давать по доброй волѣ" *).

*) Выражаясь такимъ образомъ, Хопкинсъ въ сущности предлагалъ англійскому правительству и впредь держаться того же способа получать деньги съ колоній, какъ это всегда дѣлалось до тѣхъ поръ. Министерство, нуждаясь въ денежной помощи колоніи по тому или иному случаю, обращалось именемъ короля къ губернаторамъ колоній, которые передавали желаніе короля законодательнымъ собраніямъ. Отъ этихъ послѣднихъ зависѣло опредѣлить какъ сумму, которая считалась ими необременительной сообразно экономическому положенію,

„Парламентъ, какъ всѣ признаютъ, имѣетъ право регулировать торговыя отношенія всей имперіи. Развѣ одно это не является само по себѣ достаточнымъ средствомъ, чтобы отвлекать сколько угодно богатствъ колоній къ метрополіи? Что же въ такомъ случаѣ можетъ побуждать парламентъ къ посягательствамъ на права и привилегіи самыхъ вѣрныхъ англійскихъ подданныхъ, съ полнымъ основаніемъ отстаивающихъ свою свободу, которой они уже давно пользуются и которой никогда не злоупотребляли?.....

„Мы, наконецъ, считаемъ долгомъ поставить на видъ, что первые поселенцы этихъ колоній были благочестивые христіане и вѣрные подданные Англіи, сумѣвшіе, благодаря своей огромной энергіи и чрезмѣрнымъ трудамъ, къ сожалѣнію мало извѣстнымъ и недостаточно оцѣненнымъ, привести въ цвѣтущее состояніе эти дикія страны и этимъ доставить Великобританіи новыя и чрезвычайно цѣнныя владѣнія“....

„Пусть милосердный Богъ, который руководилъ первыми поселенцами, покровительствовалъ имъ въ ихъ тяжелые годы основанія колоніи, который научилъ въ свое время королей быть милостивыми и парламентъ быть заботливымъ, пусть милосердный Богъ сохранитъ на долгіе годы нашего короля, сообщитъ мудрость министрамъ, разумъ парламенту, продлитъ до конца временъ верховенство британской конституціи и сыновнюю (filial) преданность и счастье колоніи“.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ убѣдительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень сдержаннымъ памфлетомъ, было очень сильно; онъ быстро былъ перепечатанъ почти во всѣхъ (тринадцати) колоніяхъ. Вслѣдствіе своей сдержанности памфлетъ получилъ широкое распространеніе даже въ самой Англіи, увлекая многихъ такихъ людей, которыхъ оттолкнулъ бы рѣзкій и суровый тонъ разсужденій Джемса Отиса *).

такъ и способъ взиманія ея съ населенія, Министерство же Гренвиля, вводя гербовый сборъ, покушалось, очевидно, лишить американцевъ одного изъ самыхъ существенныхъ элементовъ ихъ свободы.

*) Считаемъ нужнымъ сообщить читателю, что въ послѣдующемъ изложеніи мы сплошь и рядомъ позволяемъ себѣ говорить словами автора «Literary History of American Revolution», не цитируя каждый разъ тома и страницы. Это испещрило бы нашу работу ссылками, тѣмъ болѣе, что мы почти вездѣ вставляемъ и дополненія, необходимыя для болѣе яснаго пониманія того или иного вопроса русскими читателями и извлекаемыя нами изъ другихъ трудовъ по исторіи Америки. Во всякомъ случаѣ мы не претендуемъ на оригинальность настоящей работы и выдаемъ ее лишь за извлеченіе изъ обширнаго труда проф. Тайлера (2 тома болѣе чѣмъ въ 500 страницъ каждый).

IV.

Выступленіе въ литературу т. наз. лойялистовъ.

При всѣхъ выраженіяхъ глубокой преданности метрополіи, при всѣхъ похвалахъ великой британской конституціи и обезпечиваемыхъ ею благъ, въ знакомыхъ намъ памфлетахъ Отиса, Хопкинса, равно какъ и въ другихъ, о которыхъ мы не сочли возможнымъ говорить, ясно сквозитъ, а иногда достаточно ясно и опредѣленно высказывается мысль, что для покорности колоній есть граница; что, если парламентъ перейдетъ эту границу, то колонисты будутъ считать себя въ правѣ сойти съ законныхъ способовъ протеста и совершенно отвергнуть власть парламента, т. е. такимъ образомъ, если не формально, то фактически поднять революцію... Извѣстная часть общества,—ниже мы увидимъ, какъ велика была эта часть и изъ кого она состояла,—не могла, однако, допустить мысли о такомъ нелегальномъ, революціонномъ протестѣ. Не сочувствуя вовсе дѣйствіямъ англійскаго правительства, эта часть американцевъ еще менѣе склонна была сочувствовать всякимъ революціоннымъ затѣямъ и считала возможнымъ добиться перемѣны въ политикѣ Англіи чисто легальными, мирными путями. Болѣе радикальная часть американскаго народа, бывшая въ то же время частью болѣе смѣлой и рѣшительной, называла такихъ людей рѣзкимъ въ то время прозвищемъ тори или, какъ мы бы выразились, реакціонеровъ; эти же лица сами себя называли лойялистами (loyalist), т. е. вѣрными подданными или, точнѣе, сторонниками законныхъ властей.

Уже съ самаго начала разлада между Америкой и ея метрополіей положеніе лойялистовъ было не изъ пріятныхъ, почему писатели, выступавшіе на защиту ихъ точки зрѣнія въ литературѣ, не только скрывали свои имена подъ разными псевдонимами, что дѣлали, впрочемъ, многіе и изъ памфлетистовъ противнаго лагеря, но даже старались отвлечь общественное вниманіе отъ своихъ личностей, опредѣляя невѣрно свое мѣстожительство и мѣсто печатанія своихъ сочиненій.

Однимъ изъ первыхъ представителей лойялистской части американскаго общества въ литературѣ былъ талантливый анонимный авторъ памфлета подъ названіемъ „Письмо отъ одного джентльмена изъ Галифакса *) къ своему другу въ Родъ Айлендъ“. Это письмо, какъ отчасти видно изъ самого названія, было отвѣтомъ

*) Halifax былъ въ то время главной военной и морской станціей англичанъ въ Канадѣ и на материкѣ Америки вообще, поэтому тамъ доминировало англійское вліяніе и были особенно сильны лойялистскія тенденціи. Вотъ почему авторъ излагаемаго памфлета назвалъ себя «джентльменомъ изъ Галифакса».

на знакомый намъ памфлетъ губернатора Родъ Айленда Хопкинса и появилось около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ памфлета Хопкинса (февраль 1765 г.).

„Джентльменъ изъ Галифакса“ подвергаетъ рѣзкой критикѣ памфлетъ Хопкинса и рѣшительно возражаетъ противъ того, что колонистамъ яко бы принадлежатъ всѣ права природныхъ англичанъ. „Мнѣ кажется, что когда мы говоримъ или думаемъ о правахъ, принадлежащихъ отъ рожденія всѣмъ англичанамъ, мы смѣшиваемъ личныя права и права политическія.... Личныя права, разумѣя подъ этимъ право на жизнь, свободу, собственность, обезпечиваются всѣмъ намъ нашимъ обычнымъ правомъ (common law); эти права принадлежатъ неотъемлемо всѣмъ и каждому, гдѣ бы кто ни родился, въ самой ли Англіи, въ ея ли колоніальныхъ владѣніяхъ, или хотя бы въ океанѣ на кораблѣ. Въ этомъ смыслѣ мы и можемъ говорить, что мы всѣ пользуемся всѣми правами англійскаго гражданина... Въ иномъ положеніи стоитъ вопросъ о политическихъ правахъ колонистовъ, т. е. объ ихъ правахъ на направленіе и контроль всѣхъ сторонъ общественной жизни. Природа, качество и размѣръ этихъ правъ всецѣло зависитъ отъ королевскихъ хартій, которыми учреждены и созданы колоніальныя управленія. Въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ колонисты пользуются всѣми правами, которыя каждому обезпечиваетъ англійская конституціи; въ качествѣ членовъ особыхъ политическихъ обществъ колонисты пользуются лишь тѣми правами, какія имъ даны хартіями. Велики ли или малы эти права — жаловаться не приходится, такъ какъ, принявъ хартіи, колонисты согласились *implicite* подчиняться всѣмъ тѣмъ условіямъ жизни, которыя изъ нихъ вытекаютъ“.

Особенно подробно „джентльменъ изъ Галифакса“ останавливается на вопросѣ о правѣ парламента облагать налогами колонистовъ. Американскія колоніи, говоритъ онъ, „не были никогда формально изъяты изъ сферы компетенціи парламента“; кромѣ того, члены парламента, какъ только они должнымъ образомъ избраны, „становятся представителями всѣхъ британскихъ подданныхъ, гдѣ бы эти подданные ни жили, и потому интересы колонистовъ можно считать столь же хорошо обезпеченными существующимъ составомъ парламента, какъ если бы они принимали участіе въ выборѣ его членовъ... Позвольте спросить васъ, имѣются ли въ парламентѣ представители отъ острововъ Мэна, Джерси и Герней? Какое значеніе имѣетъ для каждаго отдѣльнаго шотландца представительство Шотландіи въ парламентѣ, Шотландіи, имѣющей два милліона жителей и только три тысячи избирателей? Вспомнимъ далѣе, что англійскіе капиталисты, какъ ни громадны ихъ интересы, не имѣютъ однако представителей въ парламентѣ. Какой нибудь владѣлецъ негоднаго помѣстья участвуетъ въ парламентскихъ выборахъ, а купецъ - милліонеръ, но имѣющій только

движимую собственность, въ нихъ не участвуетъ. Тѣмъ не менѣе было бы совершенно невѣрно предположить, что парламентъ принимаетъ во вниманіе интересы перваго и игнорируетъ интересы послѣдняго... Повѣрьте, другъ мой, свобода и счастіе каждаго англичанина зависитъ не отъ доли его участія въ парламентскихъ выборахъ, а отъ общихъ достоинствъ англійской конституціи, а это, въ свою очередь, зависитъ отъ достоинствъ и добродѣтелей всего англійскаго народа".

Что касается стараго конституціоннаго принципа—„никакихъ налоговъ безъ представительства" (no taxation without representation), онъ, конечно, вѣренъ въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, который ему придавали люди, создавшіе его и завѣщавшіе его намъ, но онъ не вѣренъ „будучи понимаемъ буквально", какъ его понимаютъ многіе американцы. „Плохое пониманіе и ложное толкованіе этого принципа—вотъ источникъ всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на колоніи".

Раздоръ, возникшій въ настоящее время между колоніями и метрополіей, по мнѣнію джентльмена изъ Галифакса, имѣетъ въ основѣ два главные элемента: первый относится къ вопросу о компетенціи парламента, второй относится къ вопросу объ умѣстности и достоинствахъ тѣхъ мѣръ, которыя приняты парламентомъ для достиженія цѣлей, лежащихъ, по его мнѣнію, въ его компетенціи. Если колонисты благоразумны, имъ слѣдуетъ вовсе оставить первый вопросъ и сосредоточить все свое вниманіе исключительно на второмъ. Протестуйте противъ какого угодно акта парламента, если находите это нужнымъ, но не потому, что это актъ парламента, относящійся къ Америкѣ, а лишь потому, что этотъ актъ неразуменъ или нецѣлесообразенъ. „Скажу болѣе", говоритъ джентльменъ изъ Галифакса, „я даже желалъ бы, чтобы критика актовъ парламента велась съ той свободой, съ какой англичане всегда ведутъ свои политическіе споры. Можно добиться устраненія всякихъ затрудненій, можно достигнуть отмѣны всякихъ несправедливостей, если только вести агитацію терпѣливо и сдержанно и во всякомъ случаѣ въ границахъ, указанныхъ конституціей"...

„Повѣрьте мнѣ *), мой дорогой другъ, мнѣ крайне тяжело видѣть такую неблагодарность со стороны колоній по отношенію къ метрополіи, которая недавно еще затратила такъ много силъ и денегъ для защиты насъ отъ французовъ. Мнѣ говорятъ, что нѣкоторые въ своей оппозиціи Англіи заходятъ такъ далеко, что готовы предпочесть французское владычество англійскому. Призываю Бога въ свидѣтели, что я вообще человѣкъ чуждый всякой

*) Эта и заключительная часть выдержки изъ памфлета джентльмена изъ Галифакса заимствована нами изъ недавно вышедшаго сборника проф. Харвардскаго университета А. Бушнелля Харта. American History as told by Contemporaries. vol. II. 397—8.

злобы и раздраженія, но даже и я не могу удержаться отъ желанія, чтобы эти недостойные сыны Британіи почувствовали хоть на минуту желѣзный режимъ испанскаго инквизитора или французскаго генералъ-губернатора; это было бы наказаніе достойное ихъ неблагодарности"...

... „Я знаю, что колонисты всегда были вѣрными подданными Англіи, но теперь, вслѣдствіе высокомѣрія однихъ и невѣжества другихъ, возбужденіе противъ метрополіи переходитъ быстро отъ колоніи къ колоніи, и есть основаніе опасаться, что это возбужденіе можетъ принять такіе размѣры, когда уже трудно будетъ его сдерживать или уничтожить".

Трудно представить себѣ то негодованіе, которое возбудило это „Письмо джентльмена изъ Галифакса". Не говоря уже о массѣ газетныхъ и другихъ статей, написанныхъ въ отвѣтъ на „письмо", оно сдѣлалось даже предметомъ горячихъ преній въ палатѣ представителей колоніи Родъ Айлендъ гдѣ вице-губернаторъ (Deputy governor) колоніи предложилъ преслѣдовать законными путями автора или издателя зловреднаго пасквиля, а самый пасквиль публично сжечь.

Не остался въ долгу и губернаторъ колоніи Ст. Хопкинсъ, противъ памфлета котораго было направлено „Письмо джентльмена изъ Галифакса". Онъ написалъ рядъ статей въ „Providence Gazette", въ которыхъ старался уничтожить значеніе доводовъ этого перваго открытаго лойялиста. Цѣлымъ потокомъ ругательствъ обрушился на „джентльмена изъ Галифакса" и знакомый намъ Отисъ, въ памфлетѣ котораго встрѣчаются, впрочемъ, и очень вѣскія возраженія разсужденіямъ „джентльмена" изъ Галифакса. Возражая на доводъ послѣдняго, утверждавшаго, что, такъ какъ въ самой Англіи лишь самая незначительная часть народа принимаетъ участіе въ парламентскихъ выборахъ, то по этому и американцамъ не приходится жаловаться, что никто изъ нихъ не участвуетъ въ тѣхъ же выборахъ, Отисъ справедливо говоритъ слѣдующее:

„Многіе выдающіеся люди Англіи не разъ высказывали сожалѣніе о крайнемъ несовершенствѣ англійскаго представительства. Это несовершенство никакъ нельзя считать основаніемъ для того, чтобы дѣлать его еще болѣе рѣзкимъ".

Литературная полемика на этомъ не кончилась, такъ какъ „джентльменъ изъ Галифакса" вскорѣ написалъ новую брошюру съ возраженіями и ѣдкими насмѣшками надъ своими оппонентами, которые опять въ свою очередь, не щадя выраженій, отвѣчали „джентльмену". Къ этому времени, однако, стало извѣстнымъ, что „джентльменъ изъ Галифакса" — весьма извѣстный политическій дѣятель Родъ Айленда — нѣкто Март. Говардъ, проживающій въ городѣ Ньюпортѣ. Ничто, можетъ быть, не можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того впечатлѣнія, какое производили

„письма джентльмена изъ Галифакса“, какъ то народное возбужденіе и негодованіе, которое обрушилось на несчастнаго Говарда. Вечеромъ 27 іюля (1765 г.) крайне возбужденная толпа народа ворвалась въ домъ Говарда, сломала и сожгла всю мебель; самъ Говардъ, на котораго набросилась часть пришедшихъ, долженъ былъ бѣжать и нашелъ себѣ надежное убѣжище лишь на англійскомъ кораблѣ, на которомъ вскорѣ уѣхалъ навсегда въ Англію.

Читатель, конечно, нисколько не удивится тому, что въ Англіи больше всего появлялось брошюръ и статей, рѣзко доказывавшихъ правильность дѣйствій англійскихъ министровъ и парламента и столь же рѣзко осуждавшихъ колонистовъ.

Изъ массы такой литературы особенно выдѣляется памфлетъ извѣстнаго въ свое время англійскаго политическаго дѣятеля, литератора и члена парламента Сома Дженинса (Soame Genyns).

Право парламента облагать колоніи налогами и необходимость и умѣстность такого права, по мнѣнію Дженинса, вещи настолько очевидныя, что вѣроятно никому и въ голову не пришло бы ихъ доказывать, „если бы въ настоящее время не приходилось часто читать въ газетахъ и слышать въ обществѣ нѣкоторыя разсужденія, отрицающія это право, разсужденія, наглость которыхъ можетъ быть сравниваема развѣ лишь съ ихъ нелѣпостью“. Къ тому же эти аргументы „обыкновенно перемѣшиваются разными высокими фразами о свободѣ, правахъ собственности, англійской конституціи и т. п., фразами, производящими впечатлѣніе на ту весьма многочисленную часть человѣчества, которая имѣетъ уши, но у которой въ головѣ пусто“. Особенно часто и на всѣ лады повторяется въ послѣднее время фраза: „ни одинъ англичанинъ не бываетъ, да и не можетъ быть привлекаемъ къ уплатѣ налоговъ, установленныхъ безъ согласія большинства лицъ, избранныхъ имъ или его согражданами въ качествѣ представителей народа“. Между тѣмъ эта фраза представляетъ сущій вздоръ, „такъ какъ каждый англичанинъ платитъ налоги, а въ парламентскихъ выборахъ не участвуетъ и одинъ изъ двадцати... Манчестеръ, Бирмингамъ и многіе другіе наши богатѣйшіе города не имѣютъ вовсе представителей въ парламентѣ и, слѣдовательно, лишены возможности выражать свое согласіе или несогласіе на обложеніе налогами *). Значитъ, тамъ живутъ не англичане или, можетъ быть, жители этихъ городовъ налоговъ не платятъ?.. Если же англійскій парламентъ служитъ выразителемъ нуждъ Бирмингама и Манчестера, не имѣющихъ особыхъ представителей, то по-

*) Все это совершенно вѣрно и, конечно, англійскій парламентъ до знаменитаго Reform Act'а 1832 года служилъ весьма несовершеннымъ выразителемъ желаній и нуждъ народа, такъ какъ представительство находилось почти исключительно въ рукахъ поземельной аристократіи.

чему его нельзя считать такимъ же выразителемъ нуждъ Бостона или Нью-Іорка"?

Мы не можемъ позволить себѣ дѣлать дальнѣйшія выписки изъ презрительнаго, насмѣшливаго памфлета Дженинса. Въ Америкѣ этотъ памфлетъ вызвалъ сильнѣйшее негодованіе и цѣлый рядъ возраженій, авторы которыхъ, въ свою очередь, также не стѣснялись въ выраженіяхъ. Наибольшій успѣхъ имѣли полныя полемическаго задора статьи знакомаго намъ Отиса „Соображенія въ пользу колоній", появившіяся первоначально въ „Boston Gazette", и затѣмъ изданныя отдѣльно въ Америкѣ и даже въ Лондонѣ, гдѣ памфлетъ Отиса былъ изданъ дважды.

„Къ чему постоянно тыкать въ носъ колонистамъ примѣры Манчестера, Бирмингама, Шеффильда, не имѣющихъ представителей въ парламентѣ", пишетъ, между прочимъ, Отисъ... „если эти города не имѣютъ представителей, то они должны имѣть таковыхъ. Кромѣ того, если самые города эти не имѣютъ представителей, ихъ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, графства, въ которыхъ находятся города... Я думаю, кромѣ того, что всякій владѣлецъ большого помѣстья, находящагося вблизи какого нибудь крупнаго промышленнаго центра, конечно будетъ достаточно заботиться объ интересахъ этого центра... Правда, богатая Остъ-Индская компанія не имѣетъ собственныхъ представителей въ парламентѣ, но многіе изъ ея акціонеровъ вмѣстѣ съ тѣмъ и члены парламента; это уже ручается за то, что за интересами компаніи всегда будутъ слѣдить зорко" *).

„Дженинсъ говоритъ, что „большая часть жителей Великобританіи не избиратели". Тѣмъ хуже для нихъ! „Каждый англичанинъ платитъ налоги, а въ выборахъ не участвуетъ и одинъ изъ двадцати", говоритъ далѣе тотъ же Дженинсъ. Итакъ, значитъ, по его же словамъ, ничтожное меньшинство управляетъ большинствомъ!.. Кто же это могъ дать этой одной двадцатой части населенія верховную власть надъ остальными девятнадцатью частями... Разсуждая такъ, какъ дѣлаетъ Дженинсъ, можно, пожалуй, дойти до того вывода, что британскій парламентъ является представителемъ не только Америки, но и всего свѣта"...

V.

Литературная агитація по поводу введенія гербоваго сбора (1765) и отмѣна послѣдняго (1766).

Не смотря на всѣ протесты, которые вызвалъ въ Америкѣ одинъ слухъ о предполагаемомъ введеніи гербоваго сбора, мини-

*) Отисъ упоминаетъ объ Остъ-Индской компаніи, возражая Дженинсу, ссылавшемуся на нее, какъ на примѣръ богатой и могущественной компаніи не имѣющей, однако, защитника своихъ интересовъ въ парламентѣ.

стерство не думало отказываться отъ этой мѣры, и уже въ маѣ 1765 г. новый законъ благополучно прошелъ черезъ обѣ палаты и былъ подписанъ вмѣсто короля (Георга III), временно лишившагося разсудка, особой коммиссіей.

Трудно изобразить то крайнее возбужденіе, которое охватило всѣ американскія колоніи при извѣстіи о совершившемся уже фактѣ—введеніи гербоваго сбора. Законодательныя собранія всѣхъ колоній объявили формальные и торжественные протесты. Такъ, законодательное собраніе Виргиніи утвердило резолюцію, въ которой было сказано, что собраніе „считаетъ себя единственнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ право облагать жителей колоніи (Виргиніи) налогами“ и что „законъ о гербовомъ сборѣ“ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ стремленія сократить вольности американцевъ. Колонія Массачузэтсъ пошла далѣе и предложила созвать въ Нью-Іоркѣ делегатовъ отъ всѣхъ колоній для представленія общаго вѣрноподданническаго (loyal) и почтительнаго протеста Его Величеству и парламенту. Во многихъ городахъ произошли уличные безпорядки...

Въ октябрѣ мѣсяцѣ состоялся, дѣйствительно, т. наз. Stamp Act Congress, т. е. конгрессъ для протеста противъ гербоваго сбора. Послѣ двухнедѣльныхъ занятій конгрессъ вотировалъ т. наз. „Декларацію правъ колоній и причинъ ихъ неудовольствій“ и три петиціи королю и обѣимъ палатамъ парламента. Какъ ни интересны эти документы, какъ ни значительно было ихъ вліяніе на настроеніе американцевъ, мы не находимъ возможнымъ знакомить съ ними читателей, такъ какъ мы вообще будемъ оставлять безъ разсмотрѣнія литературу оффиціальныхъ документовъ.

О настроеніи, въ какомъ находилось тогда американское общество, можно судить по статьямъ, появившимся около времени засѣданій конгресса въ „New London Gazette“ и принадлежавшимъ *пастору* конгрегаціонной церкви въ Коннектикутѣ Стеф. Джонсону. „Мы переживаемъ критическое время“, писалъ Джонсонъ, „время, когда рѣшается вопросъ о всемъ, что у насъ есть на свѣтѣ самого дорогого... Если парламентъ можетъ попирать наши старинныя права, обезпеченныя торжественными королевскими обѣщаніями и хартіями, ...гдѣ же можно ожидать конца такимъ посягательствамъ?.. Если парламентъ имѣетъ право взимать гербовый сборъ, онъ имѣетъ право обложить насъ подушнымъ налогомъ, поземельнымъ налогомъ, онъ можетъ брать акцизъ съ пива, сидра, объявить налогъ на окна, на дома; почему ему, идя далѣе въ томъ же направленіи, не обложить затѣмъ свѣтъ солнечный, воздухъ, которымъ мы дышемъ, землю, гдѣ насъ хоронятъ?..“

Нѣтъ, Англія должна остановиться, иначе ей грозитъ кровавая революція, и „она потеряетъ два милліона своихъ преданѣйшихъ сыновъ... Нѣтъ на свѣтѣ власти, которая могла бы уничтожить наши права... Американскія колоніи удастся поработить лишь

тогда, когда онѣ сами будутъ этому содѣйствовать своимъ безразсудствомъ или своимъ бездѣйствіемъ".

Въ то самое время, когда происходили засѣданія Stamp Act конгресса, вышелъ изъ печати одинъ въ высшей степени талантливо написанный памфлетъ, быстро пріобрѣвшій чрезвычайную извѣстность какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько изданій. Памфлетъ назывался „Соображенія объ умѣстности обложенія налогами британскихъ колоній парламентомъ". Имя автора не было обозначено, мѣстомъ печатанія названа „Сѣверная Америка", предисловіе подписано „жителямъ Виргиніи". Не смотря на всѣ мѣры ко введенію въ заблужденіе читателей, довольно скоро выяснялось, что авторомъ памфлета былъ весьма почтенный и далеко не молодой юристъ и политическій дѣятель колоніи Мэрилендъ, Дан. Дьюлани (Dulany). Мы не можемъ останавливаться долго на этомъ памфлетѣ и потому коснемся лишь наиболѣе существенныхъ пунктовъ его.

Дьюлани въ своемъ памфлетѣ задался цѣлью доказать главнымъ образомъ отсутствіе аналогіи между положеніемъ лицъ, не имѣющихъ избирательнаго голоса въ Англіи, и американцами. „Въ Англіи", говоритъ Дьюлани, „интересы избирателей, неизбирателей и самыхъ представителей въ значительной степени однородны, не говоря уже о той связи, которая образуется между ними отношеніями родства, дружбы и, наконецъ, простого сосѣдства, знакомства и т. п. Обезпеченіемъ отъ угнетеній для неизбирателей служитъ то, что такія притѣсненія затронутъ и избирателей и самихъ народныхъ представителей... Кромѣ того, если бы англійскій парламентъ не облагалъ налогомъ неизбирателей въ Англіи, то они вовсе не несли бы налоговъ... Такимъ образомъ избирателей въ Англіи, тѣсно связанныхъ интересами съ неизбирателями, можно съ извѣстнымъ основаніемъ считать представителями неизбирателей, и лицъ, выбранныхъ въ парламентъ избирателями, можно поэтому считать въ извѣстномъ смыслѣ представителями тѣхъ и другихъ... Не таково положеніе колонистовъ: изъ нихъ никто не можетъ участвовать въ выборахъ въ англійскій парламентъ. ...Кромѣ того, если бы парламентъ отказался отъ обложенія налогами американскихъ колоній, каждая изъ нихъ имѣетъ свое законодательное собраніе, которому принадлежитъ полное право облагать и которое, дѣйствительно, облагаетъ налогами населеніе... Наконецъ, между избирателями Англіи и жителями колоніи нѣтъ такихъ тѣсныхъ связей, которыя объединяли бы ихъ интересы... Часто могло бы случиться, что одинъ избиратель въ Англіи не былъ бы нисколько задѣтъ тѣмъ или инымъ закономъ, вводящимъ какой нибудь налогъ въ Америкѣ. Колонистовъ можно было бы угнетать тысячью способами, не возбуждая въ Англіи ни симпатіи, ни тревоги. Даже болѣе того, законы, крайне вредные и гибельные для колоній, могли бы быть весьма популярными въ Англіи

въ виду предполагаемыхъ выгодъ отъ нихъ для послѣдней. Мы лично, конечно, не сомнѣваемся въ томъ, что интересы метрополіи и колоній въ дѣйствительности связаны самымъ тѣснымъ образомъ, и что все, что приноситъ существенный ущербъ колоніямъ, въ концѣ концовъ, вредно отражается и на метрополіи. Но такихъ послѣдствій—часто болѣе или менѣе отдаленныхъ—обыкновенно не предусматриваютъ; для этого требуется цѣлый рядъ логическихъ выводовъ и соображеній, къ которымъ мало склонны даже и тѣ немногіе, кто имѣетъ необходимыя для того свѣдѣнія и соотвѣтственное умственное развитіе"...

Приходя, въ концѣ концовъ, къ тому выводу, что парламентъ не долженъ былъ и не имѣлъ права издавать законъ о гербовомъ сборѣ, Дьюлани въ тоже время рѣшительно осуждаетъ всякія незаконныя формы протеста и тѣмъ болѣе активное сопротивленіе. (Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, его сограждане, истощивъ всѣ законныя средства, перешли къ мѣрамъ чисто революціоннымъ, Дьюлани рѣшительно отказался отъ всякаго соучастія и содѣйствія и потерялъ сразу всю ту популярность, которую пріобрѣлъ было своимъ талантливымъ литературнымъ протестомъ противъ закона о гербовомъ сборѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ въ глазахъ всѣхъ революціонеровъ ненавистнымъ тори, имущество его было конфисковано и, чтобы сохранить свою жизнь, онъ долженъ былъ искать полнаго уединенія и удаленія отъ всякой общественной дѣятельности).

Какъ можно было ожидать, судя по формѣ памфлета Дьюлани, написаннаго въ крайне сдержанныхъ выраженіяхъ, онъ произвелъ огромное впечатлѣніе на самихъ англичанъ. Такъ, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Англіи и одинъ изъ величайшихъ ея ораторовъ, Вил. Питтъ, въ своей рѣчи, произнесенной въ 1766 г. въ парламентѣ, рѣзко осудилъ дѣйствія министерства по отношенію къ американцамъ и, указывая рукой на талантливый памфлетъ Дьюлани, настаивалъ на немедленной и полной отмѣнѣ ненавистнаго для американцевъ закона о гербовомъ сборѣ. Самая рѣчь Питта представляла въ значительной своей части парафразъ смѣлаго по содержанію и сдержаннаго по формѣ памфлета Дьюлани *).

---

*) Проф. Тайлеръ (стр. 111—115) приводитъ параллельно нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи Питта и памфлета Дьюлани, изъ которыхъ очевидны заимствованія Питта, которыхъ тотъ и не скрывалъ. Проф. Хартъ въ цитированномъ сборникѣ приводитъ часть этой знаменитой рѣчи великаго оратора: «Говорятъ, что Америка открыто возстала», сказалъ, между прочимъ, Питтъ. «Я радуюсь этому сопротивленію американцевъ. Трехмилліонный народъ, у котораго настолько заглохло всякое стремленіе къ свободѣ, чтобы его можно было безъ сопротивленія обратить въ рабство, могъ бы сдѣлаться орудіемъ для порабощенія остальныхъ англичанъ... Американцы были доведены до безумія вашей несправедливостью. И что же? Всѣ ихъ теперь упрекаютъ въ безумныхъ поступкахъ, на которые вы сами же ихъ толкнули»...

Извѣстно, что историческія засѣданія парламента (январь 1766 г.), когда обсуждалась политика министерства по отношенію къ американскимъ колоніямъ и когда произносилъ свои рѣчи В. Питтъ, привели къ отмѣнѣ Stamp Act'a. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Дьюлани своимъ памфлетомъ оказалъ, если не прямое, то во всякомъ случаѣ косвенное содѣйствіе къ уничтоженію ненавистнаго для его соотечественниковъ закона о гербовомъ сборѣ и примиренію ихъ съ метрополіею, примиренію—увы!—оказавшемуся недолговѣчнымъ.

VI.

Новыя посягательства парламента на самоуправленіе американскихъ колоній и вызванный ими литературный протестъ.

Велика была радость американцевъ при первыхъ извѣстіяхъ объ отмѣнѣ гербоваго сбора. Во всѣхъ колоніяхъ устраивались общественныя празднества, фейерверки, процессіи, торжественныя службы въ церквахъ и т. п. Министрамъ, парламенту и нѣкоторымъ выдающимся ораторамъ, говорившимъ въ пользу колоній, были посланы адресы, въ законодательныхъ собраніяхъ колоній рѣшено было поставить статуи короля и Вил. Питта.

Однако эта радость была не безъ примѣси безпокойства. Дѣло въ томъ, что парламентъ, отмѣняя гербовый сборъ, тогда-же торжественно объявилъ о своемъ полномъ правѣ въ качествѣ верховнаго законодательнаго собранія „издавать законы и постановленія, касающіеся всѣхъ сторонъ жизни колоній".

Такимъ образомъ отмѣна гербоваго сбора уничтожила раздоръ между Англіей и Америкой, но не уничтожила основной причины его. Въ томъ же году, когда состоялась отмѣна Stamp Act'a, В. Питтъ, въ то время первый министръ Англіи, окончательно потерялъ свои быстро слабѣвшія, физическія силы и фактически пересталъ дѣятельно участвовать въ направленіи политической жизни своего отечества *)... Въ то же время, въ теченіе 1767 года въ Америкѣ стали распространяться все болѣе и болѣе настойчивые слухи о предполагаемомъ введеніи парламентомъ новыхъ налоговъ (въ Америкѣ)... Въ самомъ дѣлѣ, въ іюнѣ этого года парламентъ принялъ законъ о введеніи пошлинъ на нѣкоторые товары, ввозимые въ Америку. Этимъ англійское правительство желало избѣжать упрека въ попыткахъ вводить въ Америкѣ *налоги* (internal taxes) и, слѣдовательно, посягать на область, кото-

*) Въ іюлѣ 1767 года Георгъ III предложилъ составить министерство Питту, которому былъ данъ титулъ графа Чатама. Питтъ образовалъ кабинетъ, но вскорѣ болѣзнь лишила его возможности заниматься дѣлами, такъ что, пробывъ нѣкоторое время номинально первымъ министромъ, Питтъ или графъ Чатамъ долженъ былъ отказаться отъ активной политической дѣятельности.

рую американцы считали принадлежащей исключительно законодательнымъ собраніямъ самихъ колоній; пошлинами же регулировалась внѣшняя торговля Америки, что считалось и ранѣе въ сферѣ компетенціи парламента. Пошлинами были обложены стекло, свинецъ, бумага, краска и чай. Предполагалось, что въ общемъ эти пошлины дадутъ до 400,000 руб. (40,000 фунт. стерл.) въ годъ, которые пойдутъ: на жалованье губернаторамъ (до того времени губернаторы получали жалованье по бюджету, вотируемому законодательнымъ собраніемъ каждой колоніи и, слѣдовательно, ихъ матеріальное обезпеченіе зависѣло отъ правительства колоній) и судьямъ. Въ тоже время были приняты нѣкоторыя мѣры для болѣе строгаго наблюденія за исполненіемъ законовъ о таможенныхъ сборахъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшались обыски въ домахъ). Эти послѣднія мѣры шли въ разрѣзъ съ установившимися въ Америкѣ понятіями о неприкосновенности личности, и потому въ высшей степени возбудили американцевъ даже помимо фискальнаго своего значенія.

Еще большее негодованіе возбудилъ среди американцевъ третій актъ парламента, которымъ кассировалось постановленіе законодательнаго собранія колоніи Нью-Іоркъ, отказавшагося назначить субсидію на содержаніе англійскаго гарнизона; такой фактъ не имѣлъ еще прецедентовъ въ американской исторіи (парламентъ отказался признавать дѣйствительными какіе-бы то ни было акты законодательнаго собранія колоніи Нью-Іорка, пока оно не представитъ помѣщенія для гарнизона англійскихъ войскъ и средствъ для ихъ содержанія).

Чрезвычайное возбужденіе, которое охватило всѣхъ американцевъ послѣ объявленія этихъ трехъ мѣръ парламента, выразилось въ литературѣ огромнымъ количествомъ всякаго рода политическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, наводнившихъ газеты и журналы и занявшихъ доминирующее положеніе и среди отдѣльныхъ изданій на книжномъ рынкѣ.

Среди этой литературы видное мѣсто принадлежитъ статьямъ, появившимся (во второй половинѣ 1767 г.), въ одной газетѣ въ Филадельфіи (главный городъ колоніи Пенсильванія) подъ названіемъ „Письма пенсильванскаго фермера къ жителямъ британскихъ колоній". Хотя эти письма явились безъ подписи, однако скоро стало извѣстно, что авторъ ихъ выдающійся пенсильванскій адвокатъ Дж. Дикинсонъ, одинъ изъ видныхъ членовъ законодательнаго собранія колоніи, бывшій членъ конгресса для протеста по поводу Stamp Act'а.

Задача моя, писалъ Дикинсонъ, заключается въ томъ, чтобы „показать жителямъ американскихъ колоній, что имъ грозятъ величайшія опасности, и убѣдить ихъ къ немедленному, единодушному и энергичному, но въ то же время легальному, мирному протесту противъ дѣйствій метрополіи". Дѣло свободы, продол-

жалъ Дикинсонъ, „слишкомъ высоко, чтобы его ронять грубыми уличными выходками и безпорядками *). Самый способъ протеста долженъ соотвѣтствовать величію принципа: намъ слѣдуетъ выказать благоразуміе, умѣренность, справедливсстъ, смѣлость, гуманность и великодушіе... такъ, чтобы послѣдующія поколѣнія затруднялись въ рѣшеніи того, что слѣдуетъ считать наиболѣе характернымъ въ нашихъ дѣйствіяхъ—преданность королю **), чувство долга къ метрополіи, любовь къ свободѣ, или любовь къ родинѣ... Будемъ поступать подобно дѣтямъ, получившимъ незаслуженное оскорбленіе (blows—удары) отъ любимаго родителя. Выскажемъ свое неудовольствіе,но въ выраженіяхъ,исполненныхъ любви и почтенія".

Протестуя самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякой мысли объ отдѣленіи отъ Англіи, считая такое дѣло прямо гибельнымъ, Дикинсонъ пишетъ въ то же время такія строки: „Мы не должны ни на минуту терять изъ вида, что мы не можемъ быть счастливыми, не будучи свободными, не можемъ быть свободными, не будучи увѣрены въ неприкосновенности своей собственности, не можемъ считать безопасной нашу собственность, если другіе будутъ въ правѣ брать ее у насъ безъ нашего на то согласія, какъ это можетъ дѣлать англійскій парламентъ, облагая насъ налогами... Будемъ защищать свои права, мы этимъ защитимъ и свое матеріальное благополучіе... Порабощенію всегда предшествуетъ равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ (sleep—сонъ)... Отдѣльныя личности могутъ полагаться на милости министровъ, политическія общества (въ данномъ случаѣ разумѣются колоніи) должны съ негодованіемъ отвергать всякую такую мысль... Американцы обладаютъ истиннымъ великодушіемъ тѣхъ, кто, чувствуя наносимыя имъ обиды, не теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ самообладанія и не приходятъ въ ярость... Будемъ любить, будемъ глубоко любить Великобританію, но не будемъ забывать, что, кромѣ обязанностей къ ней, у насъ есть еще болѣе важныя обязанности по отношенію къ самимъ себѣ".

Ни одно серьезное политическое сочиненіе изъ эпохи революціи не пріобрѣло сразу такой извѣстности, не оказало такого вліянія на ходъ событій, какъ „Письма Пенсильванскаго фермера"; единственное исключеніе составляютъ вышедшія девять лѣтъ спустя политическія сочиненія Том. Пэна, вліяніе которыхъ было еще болѣе значительно.

---

*) Здѣсь Дикинсонъ, очевидно, разумѣлъ бывшіе въ предшествовавшемъ году во многихъ городахъ уличные безпорядки и акты насилія по отношенію къ лицамъ, назначеннымъ для взиманія гербоваго сбора.

**) Самый рѣшительный протестъ дѣйствіямъ министерства могъ ужиться — по крайней мѣрѣ въ теоріи—съ чувствомъ глубокаго уваженія къ монарху, такъ какъ уже въ то время въ Англіи болѣе или менѣе установился принципъ, по которому король царствуетъ, но не управляетъ; управляютъ же министры, которые одни и несутъ отвѣтственность за теченіе и ходъ дѣлъ.

Успѣхъ „Писемъ фермера“ объясняется въ значительной степени необыкновенными литературными достоинствами ихъ, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Эти письма по мѣрѣ появленія въ одномъ изъ еженедѣльныхъ изданій Филадельфіи читались съ величайшимъ интересомъ тысячами мѣстныхъ жителей, затѣмъ тотчасъ же были перепечатываемы почти всѣми 25 газетами, выходившими въ то время въ Америкѣ. Вслѣдъ за окончаніемъ писемъ они были перепечатаны отдѣльнымъ памфлетомъ въ восьми различныхъ городахъ американскихъ колоній. Немного времени спустя вышло два разныхъ изданія „Писемъ фермера“ въ Лондонѣ и одно въ Дублинѣ. Въ слѣдующемъ году вышелъ въ Амстердамѣ французскій переводъ памфлета Дикинсона и получилъ весьма широкое распространеніе на всемъ континентѣ Европы.

Такимъ образомъ, „Письма фермера“ въ значительной степени содѣйствовали возбужденію повсемѣстнаго интереса къ американскимъ дѣламъ. Памфлетъ Дикинсона сталъ даже на нѣкоторое время моднымъ въ Европѣ и въ особенности во Франціи, гдѣ еще такъ живо было воспоминаніе объ утратѣ Канады и о рядѣ пораженій, нанесенныхъ французамъ англичанами въ недавно закончившуюся войну.

„Письма фермера“ произвели огромное впечатлѣніе даже въ Англіи, какъ это видно изъ рѣзкихъ порицаній и сильныхъ похвалъ, выпавшихъ въ изобиліи на долю Дикинсона. Лордъ Хиллсборо *) назвалъ ихъ „крайне дикими“. Журналъ „Критическое обозрѣніе“ въ презрительной статьѣ выразилъ мнѣніе, что „Дикинсонъ былъ бы болѣе полезнымъ членомъ общества, если бы его не научили читать и писать“, и что его книга „возмутительна по своимъ принципамъ, поверхностна по исполненію и можетъ только содѣйствовать гибели страны, ярымъ защитникомъ которой выступаетъ ея авторъ“. Съ другой стороны, одинъ изъ величайшихъ англійскихъ ораторовъ Эдм. Боркъ выразилъ публично свое сочувствіе основнымъ положеніямъ Дикинсона, а въ критикѣ сочиненія Дикинсона, появившейся въ „Monthly Review“, было сказано, что если разбирать споръ колоній съ метрополіей на основаніи требованій здраваго смысла, то „трудно найти какія нибудь основательныя возраженія книгѣ Дикинсона“.

Невозможно перечислить всѣ формы, въ какія вылились выраженія восторга и благодарности американцевъ по отношенію къ автору „Писемъ фермера“. Роялистскій губернаторъ колоніи Георгія писалъ лорду Хиллсборо, что американцы обожаютъ „пенсильванскаго фермера“ и „не находятъ никакого знака уваженія достаточнымъ для его заслугъ“. Дикинсону была выражена бла-

*) Если не ошибаемся, занимавшій въ то время положеніе, соотвѣтствующее въ извѣстной мѣрѣ нынѣшнему министру колоній.

годарность всевозможными обществами—какъ политическими, такъ и всякими иными.

Колледжъ колоніи Нью Джерси далъ Дикинсону степень доктора правъ, всѣ клубы наперерывъ предлагали ему вступить въ число членовъ, за его здоровье пили на всякихъ праздничныхъ собраніяхъ. Даже судъ однажды пріостановилъ засѣданіе при входѣ Дикинсона въ залъ засѣданія, чтобы торжественно выразить уваженіе къ его заслугамъ передъ родиной. Дикинсона прославляли и въ стихахъ, и въ прозѣ...

Въ февралѣ 1768 года появилось послѣднее письмо „пенсильванскаго фермера“, а въ апрѣлѣ того же года произошли событія, которыя какъ нельзя болѣе ясно доказали неосновательность надежды Дикинсона на то, что Англія вернется, наконецъ, на путь справедливости и уваженія къ правамъ колонистовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ, когда вышло послѣднее письмо Дикинсона, законодательное собраніе Массачусэтса разослало циркулярное предложеніе такимъ же собраніямъ другихъ колоній выразить общій протестъ противъ незаконности дѣйствій министерства. Министры отвѣчали на это приказомъ губернаторамъ колоній распускать всякое законодательное собраніе, которое вотируетъ протестующія резолюціи. Въ то же время были посланы изъ Англіи войска въ Бостонъ (главный городъ Массачузэтса), какъ очагъ революціоннаго движенія, гдѣ они и оставались вплоть до начала непріязненныхъ дѣйствій. Наконецъ, въ парламентѣ было сдѣлано даже предложеніе высылать американскихъ агитаторовъ на судъ въ Англію, опираясь на всѣми забытый и болѣе ста лѣтъ не примѣнявшійся законъ временъ Генриха VIII (1509—1547).

Все это, конечно, подняло бурю негодованія въ Америкѣ, однимъ изъ литературныхъ выраженій которой была „Пѣсня американской свободы“, написанная тѣмъ же Дикинсономъ и напечатанная въ „Boston Gazette“ 18 іюля 1768 г. Эта пѣсня была написана размѣромъ и на мотивъ одной весьма популярной англійской пѣсни и сразу получила самое широкое распространеніе по всей Америкѣ, оставаясь долгое время любимой политической народной пѣснью и поддерживая въ населеніи твердую рѣшимость стоять за свои права. Вотъ переводъ нѣсколькихъ стиховъ этой пѣсни:

„Подайте другъ другу руки, храбрые американцы, воспряньте сердцемъ на призывъ славной свободы, пусть никакія угрозы не смущаютъ васъ въ защитѣ своихъ законныхъ правъ: честь Америки должна оставаться незапятнанной! Мы родились свободными и останемся свободны, мы щедро даемъ деньги, но не какъ рабы, а какъ свободные люди“...

„Какъ сладостна работа человѣка, который самъ пользуется плодами своихъ трудовъ; у американцевъ не будетъ такой ра-

боты, если англичане будутъ пожинать то, что посѣютъ американцы. Мы родились свободны" и т. д.

. . . .

„Всѣ грядущія поколѣнія будутъ говорить съ удивленіемъ и восторгомъ о нашемъ мужествѣ въ борьбѣ за свои права; умереть мы можемъ, но не можемъ снести рабства, такъ какъ позоръ для свободнагочеловѣка страшнѣе, чѣмъ смерть. Мы родились свободны" и т. д.

Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя съ другой, также весьма популярной пѣсней „Свобода", появившейся около того же времени имѣвшей эпиграфомъ слѣдующія слова, которыя неисчислимое количество разъ повторялись въ это бурное время: „всякій, кто жертвуетъ существеннымъ элементомъ свободы, чтобы обезпечить себѣ временную безопасность, не стоитъ ни свободы, ни безопасности". Въ самой пѣснѣ въ звучныхъ и сильныхъ стихахъ доказывается несокрушимость стремленія американцевъ къ свободѣ, такъ какъ они плоть отъ плоти, кровь отъ крови самихъ англичанъ, почему для нихъ такъ же дороги завѣты ихъ общихъ предковъ, защищавшихъ свободу англичанъ, какъ и для ихъ собратьевъ, оставшихся жить по ту сторону Атлантическаго океана (т. е. для самихъ англичанъ).

VII.

Обостреніе отношеній между метрополіей и колоніями и литературно-политическая дѣятельность Самуила Адамса.

Итакъ, парламентъ ввелъ или увеличилъ пошлины на рядъ продуктовъ, привозимыхъ въ Америку, и принялъ рядъ мѣръ къ борьбѣ противъ широко практиковавшагося ввоза товаровъ контрабандой. Въ результатѣ оказалось, что доходъ отъ сбора пошлинъ достигъ 160,000 руб. (16,000 фунт. стерл.), расходъ по взиманію тѣхъ же пошлинъ превышалъ 150,000 руб., а чрезвычайные военные расходы, вызванные обострившимися отношеніями съ Америкой, достигли почти 2.000,000 руб. Ничтожность таможеннаго сбора объясняется между другими обстоятельствами тѣмъ также, что американцы стали сговариваться и давать взаимныя обѣщанія не употреблять вовсе товаровъ, обложенныхъ пошлинами, замѣняя ихъ всевозможными суррогатами. Особенно трудно было однако американцамъ чѣмъ нибудь замѣнить чай, къ которому они въ то время уже успѣли сильно привыкнуть, а потому этому невинному напитку очень доставалось отъ ярыхъ патріотовъ, видѣвшихъ въ немъ предметъ, наиболѣе способный ввести въ искушеніе недостаточно твердыя души. Такъ, одна дама, жительница колоніи Виргинія, написала даже стансы подъ названіемъ „Виргинія, изгоняющая чай", гдѣ встрѣчается такой стихъ:

«Къ чорту проклятый, гибельный чай,
Таящій въ себѣ всѣ бѣды Пандоры!
Ты не будешь больше искушать моихъ благородныхъ сыновей,
Ты не будешь больше терзать ихъ и мучить!

Другой такой же поэтъ изъ колоніи Нью-Гемпширъ обращается къ своимъ согражданамъ съ такимъ воззваніемъ:

Встаньте, проснитесь, благородныя души:
Намъ всѣмъ грозитъ опасность!
Если вы хотите обезпечить себѣ навсегда свободу,
Бросьте, изгоняйте чай!

Третій поэтъ изъ Нью-Іорка—въ тотъ день, когда должно было начаться для лицъ, примкнувшихъ къ соглашенію, полное воздержаніе отъ чая,—напечаталъ слѣдующій стихъ:

О злополучное растеніе Индійскихъ береговъ!
Твой запахъ не долженъ болѣе быть слышнымъ
Въ священной странѣ свободы.
Сегодня ея доблестные сыны рѣшили
Разбить въ дребезги сосуды,
Наполненные злокозненнымъ ядомъ.

Существуетъ, впрочемъ, и одно меланхолическое „Прощанье хозяйки со своимъ чайнымъ приборомъ“, гдѣ эта хозяйка—рѣшительная патріотка—съ грустью, но съ непоколебимой твердостью прощается съ поэзіей чайнаго стола и мирныхъ бесѣдъ, среди которыхъ она проводила обыкновенно время за вечернимъ или послѣобѣденнымъ чаемъ.

Надо сказать, что вопросъ о пошлинѣ на чай потому, между прочимъ, занялъ видное мѣсто въ дальнѣйшихъ раздорахъ между Англіей и ея американскими колоніями, что правительство Англіи, видя, что новыя пошлины только раздражаютъ американцевъ, не принося никакой выгоды метрополіи, отмѣнило ихъ въ апрѣлѣ 1770 года, кромѣ одной лишь пошлины на чай. При этомъ министерство оффиціально заявило, что, сохраняя пошлину на чай, оно не имѣетъ въ виду какихъ нибудь фискальныхъ выгодъ, а дѣлаетъ это исключительно для того, чтобы поддержать въ принципѣ свое право облагать колоніи пошлинами.

Однако и это не помогло. Возбужденіе не прекращалось, и вопросъ о пошлинѣ на чай занялъ центральное мѣсто въ спорахъ о взаимныхъ правахъ колоній и метрополіи. Такъ продолжалось три года. Наконецъ, министерство пошло на дальнѣйшій компромисъ: оно сдѣлало такую скидку съ акциза на чай, вывозимый изъ Англіи въ Америку *), что благодаря этому въ Америкѣ чай вмѣстѣ съ пошлиной **) стоилъ нѣсколько *дешевле*,

*) Чай изъ Индіи и Китая доставлялся въ Англію, откуда уже его вывозили въ Америку.

**) Пошлина съ чаю, ввозимаго въ Америку, равнялась всего 3 пенсамъ.

чѣмъ тотъ же чай стоилъ въ Англіи. Это уже была не только уступка, но даже въ нѣкоторомъ смыслѣ взятка, подачка американцамъ. Они однако и тутъ не успокоились. Во все время спора американцы не переставали повторять, что они протестуютъ не противъ обременительности взимаемыхъ съ нихъ сборовъ, а лишь противъ принципа, противъ права парламента облагать ихъ какими бы то ни было формами сборовъ безъ ихъ на то согласія.

„Изобрѣтатели этой хитроумной политической затѣи", писалъ Франклинъ по поводу послѣдняго поступка министерства, „очевидно, не понимаютъ, что народъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ какихъ нибудь иныхъ побужденій, кромѣ корысти и выгоды; они думаютъ, что, даря американцамъ три пенса на каждомъ фунтѣ чаю, котораго, кстати сказать, рѣдко кто выпиваетъ болѣе 10 фунтовъ въ годъ, они будутъ въ состояніи побороть весь патріотизмъ американскаго народа". „Никто никогда не сомнѣвался", говорилъ тогда же Боркъ въ палатѣ общинъ, что „чай можетъ вынести пошлину въ три пенса (12 коп.), но никакой жизненный продуктъ не вынесетъ пошлины въ три пенса и даже въ одинъ пенсъ, если народъ находится въ крайне возбужденномъ состояніи и рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не платить никакихъ пошлинъ".

Для того, чтобы объяснить такое настроеніе американцевъ, надо указать и на нѣкоторыя другія мѣры англійскаго правительства, кромѣ попытокъ обложенія извѣстныхъ продуктовъ пошлинами, которыя, какъ мы видѣли, фактически были сведены къ нулю или даже отрицательной величинѣ. Населеніе Бостона было крайне недовольно присутствіемъ англійскаго гарнизона; между солдатами и мѣстными жителями постоянно происходили перебранки и ссоры, окончившіяся однажды схваткой, въ которой было застрѣлено пять американцевъ (5 марта 1770 г.). Какъ пишетъ одинъ въ высшей степени добросовѣстный американскій историкъ: „Обѣ стороны держали себя вызывающимъ образомъ, и солдаты выстрѣлили лишь послѣ многихъ и рѣзкихъ выходокъ со стороны американцевъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ не было никакой политической подкладки, но при господствующемъ возбужденіи умовъ происшествію въ Бостонѣ было придано громадное общественное значеніе, и оно попало даже въ исторію подъ названіемъ „бостонскаго избіенія" (massacre). На слѣдующій же день послѣ упомянутаго происшествія въ Бостонѣ на собраніи гражданъ было постановлено (voted), „что при существующемъ положеніи дѣла нѣтъ никакихъ основаній ожидать возстановленія

съ фунта, т. е. четверти шиллинга или 12 копѣекъ. Если мы примемъ даже, что тогда цѣнность денегъ была вдвое или даже втрое болѣе значительной, то и въ этомъ случаѣ эта пошлина не составляла и половины акциза, взимаемаго у насъ съ фунта чая.

мирной жизни для жителей города и прекращенія кровавыхъ сценъ до тѣхъ поръ, пока королевскія войска не будутъ удалены изъ города". Вскорѣ войска, дѣйствительно, были удалены изъ города и расквартированы на островѣ противъ Бостонской гавани. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ населеніе Массачусэтса, повидимому, какъ будто нѣсколько успокоилось *).

Поддержанію духа неудовольствія среди колонистовъ вообще и города Бостона въ особенности много содѣйствовалъ извѣстный ревнитель народныхъ правъ, членъ законодательнаго собранія Массачусэтса Самуилъ Адамсъ. Будучи человѣкомъ самыхъ крайнихъ демократическихъ взглядовъ, Адамсъ постоянно дѣйствовалъ въ томъ же направленіи на своихъ согражданъ и живымъ словомъ на всевозможныхъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, и еще болѣе перомъ въ безконечномъ числѣ статей, написанныхъ имъ для всевозможныхъ изданій во время революціи и во время ближайшихъ къ ней предшествующихъ и послѣдующихъ годовъ.

„Да будетъ проклятъ этотъ Адамсъ", писалъ по поводу Самуила Адамса одинъ американскій губернаторъ, „каждая его строка такъ же ядовита, какъ и змѣиный укусъ". Такимъ образомъ даже враги Адамса признавали великое искусство, съ которымъ онъ владѣлъ перомъ, нанося имъ крайне чувствительные удары противникамъ. Политическіе противники называли Адамса „великимъ поджигателемъ (возмутителемъ)", „архи-интриганомъ" и т. п., люди одного образа мыслей съ Адамсомъ называли его „отцомъ демократіи". Будучи совершенно увлеченъ общественными дѣлами, С. Адамсъ не находилъ времени для личныхъ и потому оставался всю жизнь бѣднякомъ, такъ что въ концѣ своей продолжительной жизненной карьеры, въ теченіе которой онъ игралъ крупнѣйшую политическую роль, онъ съ гордостью говорилъ, что въ его рукахъ „никогда не было золотого" (одной гинеи). „Онъ ѣстъ мало, пьетъ мало, спитъ мало, думаетъ много и неутомимъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей", писалъ по поводу Сам. Адамса одинъ изъ его политическихъ противниковъ въ эпоху созванія т. наз. континентальнаго конгресса (1774). „Вліяніе С. Адамса на народныя массы", говоритъ одинъ изъ его біографовъ, „было настолько значительно, что въ бурные дни, непосредственно предшествовавшіе началу революціи, среди простыхъ и необразованныхъ людей было распространено даже мнѣніе, что Адамсъ обладаетъ даромъ пророчества; находились даже такіе наивные люди, которые думали, что отъ Адамса зависитъ, начнется или нѣтъ война съ Англіей".

Какъ мы уже говорили, главнымъ орудіемъ, которымъ Адамсъ формировалъ и направлялъ общественное мнѣніе было его перо.

*) Epochs of American History A. Bushnell Hart. Formation of the Union (1750—1829); New York, 1892, 56—7.

Онъ рано понялъ, какое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ пресса, и употребилъ все стараніе, чтобы вполнѣ ею воспользоваться для распространенія своихъ идей. Поэтому, какъ говоритъ проф. Тайлеръ, Сам. Адамсъ былъ, вѣроятно, самымъ неутомимымъ, самымъ плодовитымъ, самымъ вліятельнымъ изо всѣхъ писавшихъ въ американскихъ газетахъ и журналахъ между 1754 и 1776 годомъ (годъ объявленія независимости). Адамсъ полагалъ, что безконечное число его статей будетъ прочтено большимъ кругомъ читателей, окажетъ большое вліяніе, если будетъ имѣть видъ выраженія мнѣнія и настроенія многихъ лицъ, а не одного. Поэтому онъ никогда не подписывался своимъ именемъ, а цѣлымъ рядомъ псевдонимовъ, которые и до сихъ поръ не всѣ еще опредѣлены. Такъ въ теченіе цѣлой трети столѣтія этотъ неутомимый политикъ стремился распространить свои идеи, выражая ихъ по преимуществу въ формѣ газетныхъ статей, разсѣянныхъ по всѣмъ американскимъ изданіямъ. „Нѣкоторыя изъ его статей“, говоритъ одинъ изъ біографовъ Сам. Адамса (Wells), „подписанныхъ однимъ псевдонимомъ, представляютъ послѣдовательную серію, тянущуюся нѣсколько лѣтъ, въ которой ведется все время борьба съ разными аргументами, которые приводили для защиты своей точки зрѣнія лойялисты въ теченіе раздора и несогласія колонистовъ съ Англіей и въ теченіе послѣдующей борьбы съ ней. Въ то же время подъ другимъ псевдонимомъ Адамсъ печаталъ рядъ другихъ статей по поводу разныхъ общественныхъ событій и вопросовъ... Наконецъ, тогда же перо Адамса неустанно работало для составленія разныхъ государственныхъ бумагъ для законодательныхъ и иныхъ общественныхъ собраній, въ трудахъ которыхъ онъ принималъ участіе. Сверхъ того онъ велъ обширную корреспонденцію со своими единомышленниками въ другихъ колоніяхъ и съ нѣкоторыми лицами въ Англіи“... Все это въ совокупности дѣлаетъ Сам. Адамса одной изъ центральныхъ фигуръ революціоннаго движенія противъ Англіи, и, его литературная и политическая дѣятельность настолько способствовала тому народному увлеченію и возбужденію, которое доставило, наконецъ, побѣду оружію колонистовъ, что среди серьезныхъ американскихъ историковъ есть такіе (напр., J. Fiske), которые заслуги Адамса и его роль въ эту великую эпоху американской жизни считаютъ уступающими лишь заслугамъ и роли Дж. Вашингтона.

Каково бы ни было, однако, взаимное отношеніе заслугъ Вашингтона и Сам. Адамса передъ американскимъ народомъ, несомнѣнно одно, что вліяніе Адамса на своихъ соотечественниковъ было весьма значительно, до такой степени значительно, что А. Бушнель Хартъ, профессоръ исторіи въ одномъ изъ лучшихъ американскихъ университетовъ (Харвардскомъ) въ своей превосходной книгѣ „Formation of the (American) Union“, приписываетъ въ значительной степени Адамсу даже то обстоятельство, что коло-

нисты не пришли ни къ какому соглашенію съ Англіей и повели дѣло къ разрыву.

„Въ ноябрѣ 1772 года", говоритъ А. Б. Хартъ, „Самуилъ Адамсъ предложилъ собранію гражданъ города Бостона „составить комитетъ сношеній (committee of correspondence).... для защиты правъ американскихъ колонистовъ вообще и жителей Массачусэтса въ частности—правъ, какъ людей, христіанъ и британскихъ подданныхъ". Адамсъ рекомендовалъ далѣе собранію „предложить всѣмъ городамъ и селамъ Массачусэтса сообщить въ „комитетъ сношеній" свои мысли по тому же предмету". Этотъ комитетъ сильно содѣйствовалъ возбужденію умовъ постоянными напоминаніями о правахъ колонистовъ и объ основаніяхъ для неудовольствія на метрополію, но главная его заслуга состояла въ установленіи сношеній городовъ и селъ между собой. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, каждая колонія устроила у себя такіе же комитеты для сношеній со всѣми другими колоніями".

„Эти комитеты сношеній значительно облегчили дѣло революціи. Они распространяли аргументы въ пользу возстанія, они составляли списки лицъ, готовыхъ поднять оружіе, они вліяли на законодательныя собранія, они создали ту организацію общественныхъ силъ, которая была необходима для возстанія въ 1774 и 1775 г".

„Нѣсколько раньше организаціи названныхъ комитетовъ", пишетъ далѣе тотъ же американскій историкъ, „въ колоніи Родъ Айлендъ былъ совершенъ колонистами актъ насилія, который ясно показалъ, какъ велико недовольство американцевъ строгимъ исполненіемъ законовъ о таможенныхъ пошлинахъ. Англійское военное судно „Gaspee" усердно преслѣдовало контрабандный ввозъ товаровъ, позволяя себѣ при этомъ прибѣгать и къ незаконнымъ дѣйствіямъ. Въ іюнѣ 1772 г., преслѣдуя одно судно, Gaspee сѣлъ на мель. Въ ту же ночь на это судно было сдѣлано нападеніе вооруженными людьми, которые отбили его у команды и затѣмъ сожгли. Колоніальныя власти отнеслись къ этому факту безразлично, преступниковъ не только не судили, ихъ даже не преслѣдовали и не арестовали. 16 декабря 1773 года второй подобный же актъ насилія показалъ, какъ раздражены колонисты даже и тѣмъ немногимъ, что осталось неотмѣненнымъ изъ закона о таможенныхъ пошлинахъ... Въ Бостонъ пришли три корабля остъ-индской компаніи съ грузомъ чая. 16 декабря 1773 г. на эти корабли, стоявшіе въ гавани, ворвалась толпа людей, переодѣтыхъ индѣйцами, и выбросила за бортъ 342 ящика чая. Подобные же акты насилія были совершены колонистами и въ Сѣверной и Южной Каролинѣ"... „Англійское правительство", говоритъ по этому поводу американскій ученый, „поступило дурно, издавъ указанный выше законъ 1770 года о сборѣ таможенныхъ пошлинъ, колонисты поступили также дурно, совершивъ рядъ насильствен-

ныхъ актовъ. Положеніе приняло такой оборотъ, что исходомъ изъ него могло быть или отмѣна закона о пошлинѣ на чай и освобожденіе парламента отъ упрековъ въ обложеніи колоній, не имѣющихъ въ парламентѣ своихъ представителей, или же настойчивое исполненіе акта о пошлинахъ, но строго законными мѣрами. Однако, не въ характерѣ англичанъ и въ особенности ихъ короля было отказываться отъ непопулярныхъ законовъ въ виду рѣзкихъ и смѣлыхъ протестовъ колонистовъ. Безнаказанность же лицъ, уничтожившихъ „Gaspee", заставило лишь англійское правительство относиться съ недовѣріемъ къ американской юстиціи"...

„Англія не послѣдовала политикѣ примиренія и совершила роковую ошибку, издавъ рядъ противозаконныхъ мѣръ въ качествѣ наказанія за столь же противозаконныя дѣйствія колонистовъ. Парламентъ *), во первыхъ, поспѣшилъ наказать Бостонъ, издавъ законъ, которымъ въ этомъ портовомъ городѣ прекращалась всякая (морская) торговля до тѣхъ поръ, пока жители не заявятъ свою полную покорность. Вторымъ закономъ, изданнымъ въ то же время парламентомъ, была наказана вся колонія Массачусэтсъ отмѣной извѣстной части вольностей колоній, дарованной ей хартіей 1692 года. Это былъ самый сильный ударъ колонистамъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ парламентъ налагалъ руку на основные законы каждой колоніи, и такимъ образомъ устранялись всякія границы для его вмѣшательства во внутреннія дѣла колонистовъ... Наконецъ, былъ изданъ законъ, которымъ допускалось въ извѣстныхъ случаяхъ принудительное расквартированіе войскъ среди обывателей, чѣмъ имѣлось въ виду облегчить временное введеніе военнаго управленія въ Массачусэтсѣ".

„Почти одновременно съ тѣмъ, какъ въ Массачусэтсѣ было получено извѣстіе объ этомъ рядѣ принудительныхъ мѣръ, пріѣхалъ и вновь назначенный военный губернаторъ колоніи генералъ Гэджъ **). Новый губернаторъ поспѣшилъ распорядиться о немедленномъ приведеніи въ исполненіе закона о прекращеніи морской торговли Бостона. Ему, однако, пришлось сейчасъ же убѣдиться, что за Бостономъ стоитъ вся Америка. Пожертвованія пищевыхъ продуктовъ (съ прекращеніемъ морской торговли, дававшей средства къ жизни населенію города, для многихъ наступила, конечно, крайняя нужда. П. М.) и выраженія сочувствія постоянно приходили въ Бостонъ изъ другихъ городовъ и колоній".

„17 іюня (1774 г.), благодаря стараніямъ Самуила Адамса, за-

*) Т. е. министерство, располагавшее большинствомъ въ парламентѣ. Извѣстно, что въ то время члены англійскаго парламента были доступны подкупу не столько деньгами, сколько назначеніемъ на разныя доходныя мѣста. Король Георгъ III и его послушные министры не стѣснялись прибѣгать къ такимъ средствамъ, чтобы обезпечить желательное большинство въ парламентѣ.

**) До тѣхъ поръ губернаторы были всегда гражданскіе. Геджъ (Gage) былъ назначенъ сверхъ того главнокомандующимъ военными силами въ Америкѣ.

конодательное собраніе Массачусэтса утвердило предложеніе о созваніи колоніальнаго конгресса, т. е. съѣзда представителей отъ колоній, 1 сентября того же года въ Филадельфіи. Въ то время, когда шло обсужденіе этого предложенія, курьеръ отъ губернатора тщетно стучалъ въ запертую дверь, чтобы передать распоряженіе губернатора (Гэджъ) о распущеніи собранія. Когда же оно было оффиціально распущено, роль его временно взялъ на себя частію комитетъ сношеній, въ которомъ руководящую роль игралъ Самуилъ Адамсъ, частію всякаго рода иные союзы и собранія гражданъ".

Дальнѣйшія столкновенія губернатора Массачусэтса съ населеніемъ Бостона и колоніи Массачусэтсъ лишь содѣйствовали увеличенію симпатій къ послѣднимъ со стороны жителей другихъ колоній. Созваніе конгресса было уже въ нѣкоторомъ родѣ актомъ борьбы съ метрополіей, актомъ революціоннымъ. Напрасно губернаторы колоній распускали законодательныя собранія, которыя обнаруживали склонность послать делегатовъ въ конгрессъ. Роль распущенныхъ законныхъ собраній играли другія—незаконныя уже—собранія, и въ результатѣ на конгрессъ явились делегаты отъ всѣхъ колоній, кромѣ Георгіи. 5 сентября 1774 года начались въ Филадельфіи засѣданія этого перваго американскаго конгресса, называемаго, обыкновенно, континентальнымъ или филадельфійскимъ конгрессомъ *).

„Хотя это было совершенно нелегальное собраніе, однако въ числѣ членовъ его мы находимъ рядъ самыхъ вліятельныхъ американскихъ дѣятелей, какъ напр., Самуила, и Джона Адамсовъ, Дж. Вашингтона, Патрика Генри, Дж. Джэя (Jay)... **). Это обстоятельство, равно какъ и тотъ фактъ, что делегаты были присланы отъ 12 колоній (изъ 13), ясно доказывало, что вся Америка сознавала опасность подчиненія контролю парламента и чувствовала оскорбленіе, нанесенное всѣмъ колонистамъ посягательствомъ на Массачусэтсъ" ***).

П. Г. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Такъ называемый «первый континентальный конгрессъ», т. е. съѣздъ представителей не одной колоніи, а всего «континента». Названіе немножко громкое, такъ какъ часть Сѣв. Америки къ западу отъ Миссисипи принадлежала въ то время Испаніи; кромѣ того, въ возстаніи не могла участвовать, конечно, Канада, которая, принадлежа Англіи, была заселена французами, которымъ были одинаково чужды англичане стараго и новаго свѣта.

**) Имена Патрика Генри, Джона Джэя и другихъ лицъ, упоминаемыхъ проф. Хартомъ, говорятъ — особенно первое имя—очень много лицамъ, занимавшимся американской исторіей, но таковыхъ въ Россіи, конечно, весьма немного, почему мы и не приводимъ перечисленія именъ выдающихся членовъ конгресса.

***) Alf. Bushnell Hart, цитир. сочин., 59—62.

ЖИЗНЬ.

Хорошо жилось маленькому Володѣ Петровскому! Онъ былъ шустрый ребенокъ, съ розовыми щеками и круглыми голубыми глазами, всегда широко раскрытыми и ясными. Когда онъ смѣялся, на щекахъ и на подбородкѣ появлялись у него ямочки, а вмѣсто глазъ блестѣли двѣ узенькія веселыя щелки... Сестры его, Соня, семи лѣтъ, и Кланя, шести,— были похожи на брата: старшая—побѣлѣе, младшая — смуглѣе. Дѣти были большими шалунами, но никто не взыскивалъ съ нихъ строго за шалости: „Ну, они еще маленькія,—что съ нихъ взять?“ Бывали у нихъ свои огорченія, но они тотчасъ же забывались: иной разъ слезы еще на глазахъ не просохли, а дѣти ужъ покатываются со смѣху... Да, всѣмъ имъ—и Володѣ, и дѣвочкамъ—жилось очень хорошо. „Ну, какъ, братъ, поживаешь?“ шутя, спрашивалъ кто-нибудь Володю. „Слава Богу“, — отвѣчалъ Володя тономъ взрослаго,—и это было совершенно вѣрно.

Вотъ, напримѣръ, зимой... Когда выпадалъ первый снѣгъ, и дѣти, тщательно укутанныя заботливой рукой матери, выходили съ салазками на дворъ, Володя положительно захлебывался отъ удовольствія. Снѣгъ, снѣгъ! Какой онъ бѣлый, мягкій и какъ хорошо пахнетъ!. Володя ощущалъ особенный запахъ зимы, и ему сразу дѣлалось неудержимо весело. Такъ бы и кувыркаться и валяться въ снѣгу, такъ бы и скользить по немъ на салазкахъ все шибче, шибче, все дальше, дальше!.. Накатавшись и нахохотавшись вдоволь, дѣти возвращаются домой веселыя, шумныя, съ разгорѣвшимися отъ мороза и движенія лицами, — и такъ хорошо, уютно кажется имъ въ теплой, освѣщенной комнатѣ. А въ окна, сквозь причудливо разрисованныя стекла, смотритъ морозъ, и слышно, какъ поскрипываютъ полозья саней... А вотъ и Рождество. Вечеромъ будетъ елка. Дѣти съ утра волнуются и не могутъ спокойно посидѣть на мѣстѣ. „Ахъ, что̀ у насъ будетъ нынче! Вотъ весело, вотъ весело!.“ Зажигаются звѣзды на небѣ, зажигается и елка... Ахъ, какъ все это блеститъ, какія игрушки висятъ на елкѣ! Смотрите, смотрите: вонъ золотой барабанъ,

вонъ куколки въ серебряныхъ, розовыхъ, голубыхъ платьяхъ, вонъ золотые орѣхи, и коробочки, и обезьянки... да всего не пересмотришь заразъ!.. „Вотъ весело, вотъ весело! Когда я буду большой, у меня всегда, всегда будетъ горѣть елка!..“

А когда весной выставятъ рамы и въ комнату волной хлынетъ весенній воздухъ вмѣстѣ съ тысячью звуковъ, у дѣтей просто захватываетъ духъ отъ какой-то бурной радости: такъ бы и помчались куда-нибудь вслѣдъ за мутными ручейками, торопливо бѣгущими вдоль тротуаровъ!.. Выбѣжавъ на дворъ, дѣти съ восторгомъ глядятъ на свѣжую, едва пробивающуюся травку и чувствуютъ блаженство, перебирая въ блещущихъ на солнцѣ лужахъ камешки, такіе чистенькіе, гладкіе, веселенькіе, долго-долго лежавшіе подъ снѣгомъ... „Ахъ, Боже мой, да они простудятся около воды!“ кричитъ въ окно мать, и дѣти, набивъ карманы камешками, идутъ съ няней къ крыльцу, нагрѣтому солнцемъ.

Но еще лучше было лѣтомъ въ деревнѣ, когда Петровскіе переѣзжали въ свое крошечное имѣніе, казавшееся Володѣ громаднымъ. Ему представлялось тогда, что зима была когда-то давно, давно и что теперь всегда будетъ зеленая трава, одуванчики, желтые цвѣты на пруду... Что за просторъ и какъ легко бѣгать въ одной ситцевой рубашонкѣ, гоняясь за высоко прыгающими кузнечиками!.. Вотъ прошелъ крупный дождь, отъ котораго дѣти, съ визгомъ и смѣхомъ, спасаются въ комнаты... Какими свѣжими, зелеными стали листья послѣ дождя, какъ славно блестятъ на нихъ крупныя капли воды, какъ весело свѣтитъ опять солнце!.. Вотъ проскрипѣла мимо Володи телѣга; ему знакомъ этотъ пріятный для него запахъ лошади и дегтю; знакома и эта пѣгая лошаденка съ добрыми, усталыми глазами: онъ одинъ разъ даже прокатился на Пѣгашкѣ верхомъ и съ тѣхъ поръ считаетъ ее своей хорошей знакомой... А вотъ возвращается съ поля стадо, и дѣти бѣгутъ смотрѣть, какая корова идетъ впереди. „Красная, красная!“ кричитъ Володя громче всѣхъ и подпрыгиваетъ на одной ножкѣ. „Завтра хорошая погода будетъ!“ подхватываютъ сестры, хлопая въ ладоши,—и всѣ трое съ признательностью смотрятъ на красную корову, которая неторопливо идетъ, помахивая головой и пуская до деревнѣ пыль... „Дѣти, дальше, дальше отъ стада!“ раздается тревожный голосъ матери.

Но больше всего любили дѣти ходить съ няней или матерью въ рощу. Шли сначала полемъ между золотистой рожью, пересыпанной васильками. Какая она большая: точно лѣсъ! Володя поднимается на цыпочки и все хочетъ заглянуть черезъ рожь, но не видитъ ничего, кромѣ плавно покачивающихся и ласково шуршащихъ колосьевъ... А вотъ и роща. Ноги утопаютъ въ мягкомъ мху. Проворная ящерица

зашелеститъ подъ ногами и проскользнетъ въ дупло... Бѣлка съ огромнымъ пушистымъ хвостомъ мелькнетъ невдалекѣ, быстро взлетитъ на дерево, и дѣти, затаивъ дыханіе, жадно слѣдятъ за ея смѣлыми прыжками съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево. Володѣ самому смерть хотѣлось бы прыгать точно такъ же... „Ку-ку! Ку-ку!“ раздается въ лѣсу, и дѣти начинаютъ считать, сколько разъ прокукуетъ кукушка... Гдѣ-то, неподалеку долбитъ дятелъ, но дѣти никакъ не могутъ разсмотрѣть его: онъ такъ и остается невидимкой... Тамъ и сямъ пестрѣютъ цвѣты, красуются яркіе мухоморы, пахнетъ сыростью, грибами... Вдругъ выскочитъ изъ-подъ ногъ лягушка и тяжело шлепнется въ болото... „Да тутъ мокрехонько!“ кричитъ нянька и ведетъ дѣтей въ другую сторону... Гдѣ-то близко, совсѣмъ надъ головами, щебечетъ птичка... Что-то жужжитъ не то вдали, не то надъ самымъ ухомъ... А потомъ вдругъ станетъ тихо—тихо, и дѣлается слышно, какъ журчитъ въ сторонѣ ручеекъ... Подуетъ вѣтеръ, залепечутъ березки, загудятъ въ вышинѣ сосны, пронесется надъ головами маленькая тучка и заслонитъ на минуту солнце: дѣтямъ и пріятно, и немножко жутко, и чѣмъ-то сказочнымъ вѣетъ кругомъ отъ потемнѣвшей рощи... „Ау!“ кричитъ Володя, спрятавшись за кустъ. „Ау, ау!“ звонко откликаются сестры — и затѣваютъ игру въ прятки. Нагулявшись, выходятъ изъ рощи и на опушку съ букетами цвѣтовъ, со шляпами, сбитыми на затылки... Стало прохладнѣе, вѣтерокъ освѣжаетъ раскраснѣвшіяся лица... Далеко, далеко вьется передъ глазами проселочная дорога, поросшая мѣстами травой, и пропадаетъ гдѣ-то на горизонтѣ... „Давайте обгоняться!“ предлагаетъ Володя, и дѣти несутся взапуски... все шибче и шибче, а няня напрасно кричитъ имъ вслѣдъ...

Хорошо также было въ деревнѣ рано утромъ. Случалось, Володя поднимется на зарѣ и тайкомъ выскочитъ въ одной рубашкѣ на крыльцо. Роса серебрится на травѣ, птицы безъ умолку чирикаютъ на деревьяхъ садика, на крышѣ дома, даже на ступеняхъ крыльца... Со всѣхъ сторонъ слышится задорный пѣтушиный крикъ. Володя начинаетъ перекликаться съ пѣтухами и съ гордостью думаетъ, что его никто не отличитъ отъ настоящаго пѣтуха. Ему кажется, что всѣ пѣтухи узнаютъ его, какъ знакомаго, и здороваются съ нимъ; узнаетъ и Пѣгашка, которая издали привѣтливо косится на него и киваетъ ему головой, приглашая его съ собой въ поле; узнаетъ и Цыганъ: онъ ласково спросонья посмотрѣлъ на Володю, вильнулъ хвостомъ и опять задремалъ, свернувшись калачикомъ и помахивая время отъ времени въ знакъ пріязни кончикомъ хвоста; узнаютъ и птички, которыя что-то поютъ ему; и роща, синѣющая вдали, поджидаетъ его, и бѣлоголовый

мальчикъ, съ коричневыми ногами и большой горбушкой въ рукѣ, обрадовался ему и все хочетъ подойти, заговорить... „Ты умѣешь по пѣтуховому?“ кричитъ ему Володя. „Знамо, умѣю“... отвѣчаетъ маленькій человѣкъ съ большой горбушкой, затѣмъ усаживается рядомъ съ Володей на ступенькѣ крыльца, и два пронзительныхъ пѣтушиныхъ крика мѣшаютъ Цыгану спать: онъ встаетъ, потягивается и, вывернувъ зачѣмъ-то ухо на изнанку идетъ къ мальчикамъ здороваться...

Осенью дѣтей рѣже пускали гулять, боясь сырости. Но и въ комнатахъ Володя не скучалъ: игралъ съ сестрами, ѣздилъ на стульяхъ верхомъ, строилъ карточные домики или въ сотый разъ и все съ одинаковымъ удовольствіемъ разсматривалъ картинки въ книжкахъ... Любилъ онъ также читать: для этого бралъ книгу, садился для уютности въ темный уголокъ возлѣ лежанки и шевелилъ губами, бормоча что-то про себя... Когда спускались сумерки и отецъ похрапывалъ послѣ обѣда у себя въ кабинетѣ, Володя усаживался въ столовой съ сестрами на огромномъ старомъ диванѣ; тамъ, забившись въ уголъ и плотно прижавшись другъ къ другу, дѣти разговаривали и мечтали вслухъ: что будетъ, когда они станутъ большими? или: „а что было бы, если бы вдругъ“... Глаза ихъ блестѣли въ сумеркахъ, и такъ хорошо было дѣтямъ сидѣть, прижавшись другъ къ другу, и говорить, говорить безъ конца... Когда мать, услыхавъ ихъ болтовню, замѣчала: „Что это какія глупости вы говорите?“ — Володя отвѣчалъ ей: „Нѣтъ, мы не говоримъ глупости, мы говоримъ умности“...

А когда въ столовой зажигали висячую лампу и круглолицая Домна вносила блестящій самоваръ, дѣтямъ становилось такъ весело, точно они видѣли и лампу, и самоваръ въ первый разъ въ жизни, — и они принимались отъ удовольствія кувыркаться по дивану... А когда послѣ чаю няня забирала ихъ въ дѣтскую и разсказывала имъ однѣ и тѣ же сказки про волка и медвѣдя, про карликовъ и великановъ, про Аленушку сестрицу и братца ея, Козленочка, Володѣ казалось, что всѣ эти медвѣди, волки, карлики, великаны гдѣ-то тутъ, близко — и вотъ вотъ, того гляди, появятся передъ нимъ... вообще, мало ли что можетъ случиться вдругъ? — и дѣти, незамѣтно для себя, жались другъ къ другу и къ нянѣ... Да, хорошо жилось маленькому Володѣ Петровскому,—и какою огромною, безконечною представлялась ему жизнь: громадные лѣса, громадныя рѣки, улицы, дома, комнаты,—и вездѣ такая пропасть интереснаго!... Когда утренній лучъ солнца прокрадывался въ дѣтскую и на потолкѣ игралъ веселый „зайчикъ“, Володя, только что проснувшійся, уже чувствовалъ, какъ хорошо, какъ весело жить на свѣтѣ, и любилъ всѣхъ: и отца, и мать, и сестеръ, и няню, и кухарку Домну,

и мальчика, съ которымъ онъ недавно катался на салазкахъ, и всѣхъ, всѣхъ... Люди казались ему такими большими, такими добрыми и умными: они все знаютъ и все могутъ; и самъ онъ, когда будетъ большимъ, тоже все будетъ знать и сдѣлаетъ все, что захочетъ.

II.

Между тѣмъ время шло. Володя носилъ уже сапоги, а не башмаки, и считалъ себя большимъ, потому что были люди на свѣтѣ меньше его. Теперь взрослые все чаще говорили ему: „Ай, какой стыдъ! мальчикъ—и плачетъ... фи!“—и Володя чувствовалъ тогда, что роняетъ достоинство мальчика.

Сестры тоже твердо знали и помнили, что онѣ—дѣвочки, а не мальчики, что, здороваясь, онѣ должны не шаркать ногой, какъ Володя, а присѣдать плавно, и что косички ихъ должны быть всегда въ исправности. Когда онѣ забывались и начинали бѣшено скакать, возиться, бороться, имъ кричали: „Что вы, что вы! Развѣ можно такъ? Точно мальчишки!“—и онѣ, опомнившись, конфузливо затихали. Онѣ помнили также, что, идя по улицѣ, нельзя размахивать руками, подталкивать ногами камешки, заговаривать съ незнакомыми; что надо держать волосы и платья въ порядкѣ и любить Бога. По праздникамъ дѣтей аккуратно водили въ церковь, гдѣ они старались стоять чинно, безъ всякихъ мыслей, слушать, что поютъ и читаютъ, такъ же внимательно, какъ слушали они объясненіе урока, креститься и кланяться всякій разъ, какъ это дѣлала мать... „Сейчасъ видно правильное воспитаніе“, говорила про нихъ тетка, Анна Аѳанасьевна...

Дѣвочки уже учились, а скоро очередь дошла и до Володи.

— Довольно тебѣ шалопайничать. Ты уже большой: пора тебѣ учиться, — сказалъ однажды отецъ, и Володѣ почудилась въ его голосѣ какая-то угроза. „Учиться“ — вѣдь это значитъ: сидѣть на мѣстѣ и водить по книгѣ деревянной палочкой, слышать сердитые окрики матери, видѣть передъ собой ея строгое, озабоченное лицо... И у Володи невольно шевельнулось въ душѣ: „За что папа хочетъ учить меня?“ Онъ видѣлъ на сестрахъ, какая это непріятная вещь: это совсѣмъ не то, что гулять, разговаривать, строить снѣжную гору, разсматривать картинки... Сестры, какъ только начали учиться, уже рѣже прежняго играли съ нимъ: днемъ онѣ сидѣли съ матерью, водя деревянными палочками по книжкамъ, а вечеромъ сидѣли однѣ съ тѣми же книжками и съ тѣми же палочками и твердили какія-то слова... Ахъ, какъ это скучно!

Однако, пришлось, скрѣпя сердце, взять деревянную палочку, нарочно изготовленную для него, водить ею по букварю и повторять за матерью: *а, б, в...* Онъ вертѣлся на стулѣ, засыпалъ мать вопросами, просилъ показать картинки, но мать сердилась и говорила: „Надо учиться, а не болтать"... Странное дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ началось ученье, всѣ сдѣлались какими-то хмурыми, сердитыми, всѣ какъ-то притихли... Прежде отецъ мало занимался дѣтьми и только изрѣдка возился и шутилъ съ ними, а теперь все дѣлалъ строгое лицо и все чаще говорилъ имъ: „Не балбесничать надо, а учиться: вы уже большіе! Теперь я самъ буду слѣдить за вашими занятіями"...

„Надо быть внимательнымъ, прилежнымъ... — твердила за урокомъ мать, и ея доброе, красивое лицо казалось Володѣ недобрымъ и непріятнымъ. — „Смотри въ книгу, смотри въ книгу, а не на меня!.. Вотъ я пожалуюсь отцу"!.. Володя смотрѣлъ въ книгу, но ему все мерещилось раздраженное лицо матери, въ ушахъ звенѣлъ ея голосъ, въ которомъ слышалась и досада, и мука... „Терпѣнія моего нѣтъ съ этимъ мальчишкой"! разражалась она, наконецъ, и Володя весь съеживался... Матери стало казаться, что онъ — совсѣмъ глупенькій и никогда ничему не научится, что онъ—какой-то выродокъ среди другихъ дѣтей... — „Ахъ, что это за мученіе!" говорила она и плакала...—„Вотъ, до чего ты довелъ мать!" упрекалъ Володю отецъ.—Балбесничать тебѣ не лѣнь,—а учиться лѣнь? Вспомни: ты ужъ большой!.."

Къ дѣтямъ приставили для занятій дальнюю родственницу Екатерины Аѳанасьевны (Володиной матери), Глафиру Ивановну, высокую, черную, худую, съ большими зубами наружу, насквозь пропахшую нафталиномъ. Володя давно зналъ ее: она отъ времени до времени заходила къ Петровскимъ, всегда унылая, молчаливая, пила чай съ вареньемъ, затѣмъ вышивала что-то на пяльцахъ и уходила... Ахъ, какъ скучно было ему заниматься съ Глафирой Ивановной! Едва начинался урокъ, какъ на Володю нападало уныніе, и онъ поминутно зѣвалъ, прикрывая ротъ рукой. „Бери примѣръ съ сестеръ"... говорила Глафира Ивановна своимъ монотоннымъ голосомъ,— и Володя исподлобья тупо смотрѣлъ, какъ дѣвочки, неподвижныя, съ озабоченными лицами, съ аккуратно заплетенными косичками, сидятъ, сгорбившись, надъ книжками и все что-то шепчутъ, шепчутъ...

Да, положительно, жизнь Володи пошла хуже. Отецъ, уходя утромъ на службу, въ своемъ вѣчномъ вицъ-мундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой, останавливался противъ Володи и, стуча ему пальцемъ по лбу, говорилъ: „Смотри,— если и сегодня ты будешь такъ же скверно учиться, какъ

вчера, — не помилую! Другіе въ твои годы въ гимназію поступаютъ, а ты"... Или вечеромъ призывалъ его его къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ сидѣлъ въ халатѣ передъ кипой бумагъ, и, повернувъ къ нему сердито наморщенное лицо въ очкахъ, говорилъ сухимъ, брезгливымъ тономъ:

— Владиміръ, ты опять скверно учился. Ты—лѣнтяй. Я тебя въ пастухи отдамъ. О тебѣ родители заботятся, а ты... Пороть буду...

Въ домѣ стало скучнѣе. То и дѣло раздавалось: „А ты приготовилъ уроки? А ты опять лѣнтяйничаешь?" Сестры привыкли какъ-то странно поджимать губы и дѣлать морщинки на лицѣ; Володя поминутно слышалъ отъ нихъ: „Отстань, не мѣшай! Готовь лучше уроки"... За обѣдомъ, за чаемъ отецъ съ матерью безпрестанно говорили о томъ, какъ трудно воспитывать дѣтей: „Вотъ еще, пожалуй, въ гимназію не попадутъ"... „Ну, допивайте скорѣй чай: вамъ еще надо готовить уроки"... Нянька журила дѣтей, когда, уходя спать, они оставляли книги открытыми: „Вотъ смотрите, къ утру забудете все, что вытвердили!"—а Володѣ то и дѣло напоминала: „Долби, гвозди, — вѣдь на экзаменъ пойдешь"... Глафира Ивановна, съ своей стороны, пугала его, указывая на икону: „Погоди, погоди,—Богъ тебя накажетъ! Богъ не любитъ лѣнивцевъ... Погоди!" — и Володя въ смущеніи косился на образъ. Прежде при словѣ „Богъ" Володя представлялъ себѣ только какое-то сіяніе; потомъ онъ началъ представлять себѣ Бога сидящимъ на небѣ: рядомъ съ нимъ сидитъ Іисусъ Христосъ, а кругомъ летаютъ ангелы,—словомъ, все представлялось ему такъ, какъ было нарисовано на потолкѣ церкви, куда водили его по праздникамъ; ласково, какъ добрые родственники, глядѣли на него тогда лики ангеловъ и святыхъ... Теперь Богъ казался ему строгимъ, даже строже отца, а лики святыхъ въ церкви—укоризненными и сердитыми...

Дядя и тетки приходили, какъ и прежде, по праздникамъ обѣдать, но уже меньше шутили съ дѣтьми и рѣже ласкали ихъ. Они тоже разговаривали о томъ, какъ трудно воспитывать дѣтей, и сокрушенно покачивали головами. А дядя, чистенькій, румяный старичокъ, всегда гладко выбритый и всегда въ бѣломъ галстухѣ, не заставлялъ уже говорить Володю: „Сшитъ колпакъ да не поколпаковски", а заботливо морщилъ брови и экзаменовалъ дѣтей...

Въ свободные отъ уроковъ часы мать засаживала дѣтей по очереди за фортепьяно, и въ комнатахъ раздавались унылые звуки *до, ре, ми... до—ми, ре—фа, ми—соль...* Володя, иногда со слезами на глазахъ, выколачивалъ скрюченными пальцами: *до, ре, ми...* и думалъ: „За что?!"

Въ августѣ предстоялъ экзаменъ, и потому все лѣто уси-

ленно занимались. Вмѣсто Глафиры Ивановны былъ приглашенъ на лѣто знакомый учитель въ отставкѣ, Артикуловъ, косоглазый человѣчекъ, съ грушевиднымъ мизинцемъ. Это былъ старый дятелъ, который упорно долбилъ въ головы учениковъ, — монотонно, назойливо и неукоснительно. Володя бѣсилъ его своей разсѣянностью, и къ концу урока Артикуловъ начиналъ выходить изъ себя...

— „Пахнетъ сѣномъ надъ лугами... надъ лугами... надъ лугами...“ бубнитъ Володя, слѣдя изъ окна за пѣтухами, которые съ ожесточеніемъ дерутся..

— Ну!

— „Въ пѣснѣ душу шевеля“...

— „Веселя“! запальчиво поправляетъ учитель.—Ну!

— „Грабли съ бабами рядами“...

— Что-о?

— „Грабли съ бабами“...

— Не „грабли съ бабами“, деревяшка ты этакая, а „бабы съ граблями“, „бабы!“... выходитъ изъ себя Артикуловъ.

— „Бабы... грабли“... машинально повторяетъ Володя, глядя, какъ перья летятъ изъ пѣтуховъ...

Солнце немилосердно жаритъ. Мальчишки въ десятый разъ бѣгутъ на рѣчку купаться, снимая на ходу рубашонки. Въ комнатѣ рой мухъ, которыхъ Володя ловитъ то и дѣло у себя на лицѣ и давитъ потными пальцами. Вдали синѣетъ роща, куда Володю такъ и подмываетъ сбѣгать. Но это невозможно: надо еще рѣшить ариѳметическую задачу. Володя съ отвращеніемъ наблюдаетъ, какъ близорукій Артикуловъ, чуть не водя носомъ по тетради, выводитъ своимъ круглымъ почеркомъ одну за другой цифры, изъ которыхъ выстраивается нѣсколько постылыхъ этажей... А тамъ еще диктантъ... Этотъ гадкій *ѣ!* „Что можетъ быть хуже его во всемъ свѣтѣ!?“..

Наконецъ, когда и ученикъ, и учитель доходятъ до полнаго одурѣнія и чувствуютъ другъ къ другу почти ненависть, урокъ кончается.

— Боже, за что Ты меня наказуешь?!—восклицаетъ Артикуловъ, закатывая въ отчаяніи свои косые глаза, и уходитъ съ удочкой на рѣку...

Экзаменъ, какъ кошмаръ, виситъ надъ дѣтьми и взрослыми и насыщаетъ собою весь воздухъ. Дѣвочки, зажавъ уши и мѣрно раскачиваясь, зубрятъ съ утра до вечера и во снѣ бредятъ грамматикой. Володя осунулся. Видъ у него растерянный, хмурый, взъерошенный. Нѣтъ у него больше розовыхъ щекъ, пропали и ямочки. Онъ весь въ чернильныхъ кляксахъ, точно татуированный, такъ какъ поминутно вытираетъ перо и пальцы о волосы, о куртку, обо что придется:

чернила у него на лбу, на ладоняхъ, а съ пальцевъ не отмываются никакими средствами.

— Ахъ, провалится онъ, непремѣнно провалится!—то и дѣло говоритъ своимъ стонущимъ голосомъ мать.

— Посмѣй только у меня провалиться!—грозно заявляетъ Володѣ отецъ.

— Эхъ, сердяга!—скажетъ ему при встрѣчѣ старичокъ-кучеръ, возбуждавшій въ Володѣ зависть своимъ умѣньемъ плевать сквозь зубы удивительно далеко и ловко. — Глянь-ка на себя: ровно угольникъ какой... право! Страшнѣе волка на четверть... Эхъ!

III.

Володя сидитъ въ актовомъ залѣ гимназіи среди другихъ мальчиковъ, явившихся на экзаменъ, и пишетъ диктантъ. За большимъ зеленымъ столомъ помѣщаются люди въ вицъ-мундирахъ. Тишина въ залѣ, скрипъ перьевъ, вицъ-мундиры, зеленый столъ—все это кажется Володѣ зловѣщимъ: сердце у него то заколотится, то вдругъ какъ будто перестанетъ биться...

— Владиміръ Петровскій!—гулко раздается по залу.

Въ первый разъ въ жизни Володю называютъ Владиміромъ Петровскимъ, и въ этомъ опять слышится ему какая-то угроза. Не стало больше Володи: дѣтство кончилось... Къ страшному зеленому столу, какъ къ эшафоту, подходитъ поблѣднѣвшій отъ волненія Владиміръ Петровскій, что-то отвѣчаетъ на вопросы, что-то разсказываетъ, видитъ передъ собой лица экзаменующихъ, свѣтлыя пуговицы вицъ-мундировъ, но все это представляется ему какимъ-то сномъ...

Владиміръ Петровскій принятъ въ гимназію! Родители, съ красными отъ радости лицами, цѣлуютъ его, гладятъ по головѣ... У матери на глазахъ слезы: „Вотъ умникъ, вотъ умникъ! А я ужъ испугалась“.

— Молодецъ!—говоритъ Николай Харитоновичъ, похлопывая сына по плечу.—Не ударилъ лицомъ въ грязь!

— Поступить-то поступилъ, да вотъ какъ еще дѣло пойдетъ въ гимназіи?—вздыхаетъ мать послѣ первыхъ порывовъ радости.

— Теперь, братъ, смотри, держи ухо востро,—прибавляетъ отъ себя отецъ.—Трудно поступить,—еще труднѣе кончить...

Сестры также приняты въ гимназію. Онѣ ходятъ въ коричневыхъ платьяхъ и еще туже заплетаютъ косички. Скоро уже годъ, какъ онѣ окончательно забросили куклы и, записывая передъ Рождествомъ и Пасхой у себя на бумажкахъ подарки, которые имъ хотѣлось бы получить, вносили въ ре-

естръ: „Туфельки съ бантиками“, „духи—резеда“ и тому подобное. Онѣ сдѣлались совсѣмъ чинными и называютъ Володю „гадкимъ мальчишкой“, а тотъ, въ свою очередь, зоветъ ихъ „жалкими дѣвчонками“ и при этомъ старается басить...

Если они разговариваютъ между собою въ свободное время, то больше въ такомъ родѣ:

— Меня нынче вызывали изъ батюшки, поставили 12-ть,— говоритъ Соня.

— А меня спрашивалъ французъ; онъ никогда 12-ти не ставитъ: говоритъ, что одинъ только Богъ знаетъ на 12-ть,— замѣчаетъ Кланя.

— Меня „Хорекъ“, чортъ подери, хотѣлъ нынче сбить на дробяхъ,—гудитъ Володя,—да я здорово вызубрилъ. Четыре съ возжами поставилъ, чортъ подери, а надо было пятишницу...

Онъ почему-то убѣжденъ, что слово „чортъ“ придаетъ ему солидности и приближаетъ его къ взрослымъ.

— Вчера „Буцефалъ“ чуть было не оставилъ меня послѣ класса, чортъ подери...

— Какой это Буцефалъ?—удивляются сестры.

— Инспекторъ,—отвѣчаетъ Володя, удивленный въ свою очередь тѣмъ, что онѣ не понимаютъ слова „Буцефалъ“.— Мы стѣнку устраивали...

— Потому что вы—гадкіе мальчишки...

— А вы—жалкія дѣвчонки, дрызготня!...

Первое время Володя увлекся гимназіей, — мундиромъ, шумной ватагой товарищей, соревнованіемъ въ ученьѣ, въ дракахъ, въ забавахъ,—и свысока посматривалъ на мальчиковъ, не доросшихъ еще до гимназическаго мундира. Утромъ прибѣгалъ въ гимназію спозаранку, поднималъ съ товарищами возню и все время ходилъ гоголемъ... Но мало-по-малу это прошло, и большинство новоиспеченныхъ гимназистовъ пришипилось. Двойки и единицы, угрозы свирѣпаго „Буцефала“, громовыя рѣчи директора, наказанія всѣхъ сортовъ, домашнія острастки—все это скоро подрѣзало крылья у юной ватаги. Павлова на первый же годъ исключили, Стручинскій въ теченіе мѣсяца стоялъ каждую большую перемѣну въ корридорѣ у стѣнки, Гольба записали въ штрафную книгу и т. д. Учиться становилось труднѣе, учителя спрашивали строго, во время перемѣнъ въ классъ то и дѣло заглядывалъ надзиратель, прозванный „Барабанщикомъ“, и записывалъ шалуновъ... Володя охладѣлъ къ гимназіи и не приходилъ уже туда спозаранку, а норовилъ прибѣжать къ послѣднему звонку и прошмыгнуть въ классъ передъ носомъ учителя.

Потянулись для него однообразные дни, всецѣло заполненные гимназіей: учителя, звонки, казенныя стѣны, „Хорьки“, „Буцефалы“, ненавистный *ѣ*, отмѣтки, пересадки, переэкза-

меновки, переводы съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій, переходы изъ класса въ классъ и запахъ свѣжей краски въ гимназіи послѣ каникулъ..

— Учебниковъ-то какую пропасть придется покупать!—ужасается Николай Харитоновичъ.

— А форма-то, форма-то чего стоитъ!—подхватываетъ Екатерина Аѳанасьевна:—Владиміръ опять выросъ изъ мундира!

— Скорѣй бы ужъ кончали они курсъ!

— Ахъ, какое мученіе съ этими дѣтьми!..

По латыни пошли двойки.

— Выгонять,—куда я тебя дѣну?—говоритъ съ ожесточеніемъ отецъ.—Въ кантонисты развѣ!

— Хоть бы ты отца-то пожалѣлъ, безсовѣстный!—замѣчаетъ мать, прикладывая платокъ къ глазамъ.

Владиміръ стоитъ, какъ пень. У него ужъ давно выработался какой-то особенный, угрюмо-упрямый видъ, съ которымъ онъ выслушивалъ нотаціи учителей, угрозы начальства, упреки родителей, тупо смотря въ уголъ и думая объ одномъ только: „Когда же отпустятъ меня, наконецъ“?

— Ты долженъ ежечасно и ежеминутно помнить о томъ, что тебѣ надо кончить курсъ и получить аттестатъ, — твердилъ отецъ.—Умри, а кончи! Лѣнтяйничать можетъ тотъ, у кого денегъ много, а у тебя капиталовъ нѣтъ. Ты долженъ въ лепешку расшибаться, а то тебя въ жизни всѣ опередятъ, всѣ мѣста расхватаютъ... Вонъ Лѣпинскій идетъ первымъ, Копытовъ перешелъ съ похвальнымъ листомъ,—а ты... Коровъ пасти будешь!

Владиміръ смотритъ изподлобья на отца и чувствуетъ къ нему вражду, какъ и къ инспектору, и къ учителямъ, и къ надзирателямъ: всѣ они безпрерывно внушаютъ ему, дѣлаютъ выговоры, грозятъ...

Однажды Владиміръ попался во время класса съ посторонней книгой и не хотѣлъ сказать учителю, кто далъ ему книгу. Отецъ, вызванный въ гимназію для объясненій, вернулся домой въ испугѣ и гнѣвѣ...

— Что это за фанфаронство?—кричалъ онъ на сына.—Ты хочешь, чтобъ тебя выгнали изъ гимназіи?

— Но я далъ слово не выдавать, если попадусь...

— „Слово!“ Какія у мальчишки могутъ быть „слова“?

— Да вѣдь нечестно выдавать товарища...

— Онъ-то кончитъ курсъ, а тебя вытурятъ! Ты обязанъ исполнять требованія начальства... Завтра же извинись передъ учителемъ, а до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не показывайся.

Владиміръ нѣсколько дней упорствовалъ, а потомъ, махнувъ рукой, назвалъ товарища, отъ котораго и получилъ за это „подлеца“.

Бывали случаи, когда Владиміръ пробовалъ жаловаться отцу на несправедливость учителей, на грубость инспектора, на тоску гимназической лямки, но каждый разъ слышалъ въ отвѣтъ:

— Ты будешь разсуждать объ этомъ, когда кончишь курсъ.

А мать прибавляла съ испугомъ:

— Ты, того гляди, нагрубишь кому-нибудь и вылетишь изъ гимназіи...

Если Владиміръ жаловался, что не понимаетъ урока, отецъ говорилъ:

— Не понимаешь,—такъ выучи на зубокъ; но чтобы двоекъ я у тебя не видалъ!

И Владиміръ зубрилъ, подстегиваемый, какъ кнутомъ, мыслью, что если онъ не выучитъ, ему придется плохо; когда можно было списать у товарища, списывалъ; когда можно было обмануть учителя, обманывалъ. Онъ научился подправлять въ бальникѣ отмѣтки, дѣлать изъ единицы четверку, изъ тройки—пятерку; научился подвязывать щеку и стонать отъ мнимой зубной боли; умѣлъ ловко провести и семью, и школу... Въ классѣ онъ сидѣлъ, какъ автоматъ, и жевалъ резину; это занятіе помогало многимъ изъ гимназистовъ убивать тягучее время уроковъ и, по мнѣнію Владиміра, какъ нельзя болѣе подходило къ изученію латинской грамматики, писанію экстемпоралей и вообще ко всей гимназической жвачкѣ. Въ его глазахъ сдѣлалось безразличнымъ все, кромѣ полученія единицы. Когда передъ началомъ уроковъ читали: „Преблагій Господи, ниспосли намъ благодать духа Твоего святаго“...—онъ думалъ про себя: „Дай-то, Господи, чтобы сегодня не вызвали!“ Ветхій завѣтъ и Новый завѣтъ, алгебраическая формула и Варѳоломеева ночь, Пиѳагоровы штаны и стихотворенія Пушкина—все это одинаково были для него только уроки, которые сначала задаютъ, потомъ спрашиваютъ... „Лишь бы не напороться на колъ!“—таково было его міросозерцаніе. Слышалъ ли онъ про Наполеона, Владиміра Мономаха, Іисуса Навина или про Алкивіада („Алкивіадъ былъ богатъ и знатенъ; природа щедро одарила его“...),—онъ съ однимъ и тѣмъ же апатичнымъ видомъ жевалъ резину и думалъ: „Что это какъ нынче долго тянется урокъ?“ Приходя изъ гимназіи, онъ швырялъ ранецъ подъ столъ и, наскоро пообѣдавъ, принимался читать. Онъ ложился на животъ, клалъ книгу на ранецъ и упивался до самозабвенія Ж. Верномъ, уголовными романами, всевозможными „Трущобами“ и „Тайнами“... Онъ читалъ все, безъ разбору, пока въ глазахъ не зарябитъ или пока мать не просунетъ голову въ дверь и не скажетъ своимъ испуганнымъ голосомъ:

— Ты все читаешь?!.. Когда же ты уроки будешь готовить?.

Въ домѣ царствовала могильная тишина. Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ за бумагами; мать священнодѣйствовала надъ пяльцами (пяльцы были ея фамильнымъ занятіемъ); сестры жужжали въ своей комнатѣ, подобно мушиному рою (онѣ не могли учить уроковъ про себя), а Владиміръ, зѣвая, потягиваясь, медленно и лѣниво переводилъ какого-нибудь Саллюстія или Цицерона:

„Quousque tandem, Catilina“... „Завтра „Двуутробка“ непремѣнно спроситъ!..“

Такъ проходили дни, мѣсяцы, годы. Сколько разъ на протяженіи гимназическаго курса онъ высчитывалъ на бумажкѣ количество дней, часовъ, даже минутъ, оставшихся до каникулъ или Рождества или Пасхи! Ему казалось, что гимназическая страда будетъ тянуться цѣлую вѣчность, и какъ-то не вѣрилось, что когда-нибудь настанетъ ей конецъ. А когда Владиміръ, переходя съ грѣхомъ пополамъ изъ класса въ классъ, добрался до 8-го, онъ съ изумленіемъ спросилъ себя: „Да неужели я уже взрослый, почти студентъ? Неужели цѣлыхъ семь лѣтъ прошло въ гимназіи?“ Эти семь лѣтъ представлялись ему теперь однообразной, безцвѣтной линіей, точно онъ провелъ эти годы въ тяжелой полудремотѣ... Въ немъ забродили мечты объ университетѣ, мысли о новой жизни, живой и полной, не похожей на ту, какою онъ жилъ. Онъ мечталъ о томъ, съ какою страстью набросится онъ на настоящую науку (о которой онъ, впрочемъ, не имѣлъ представленія), какъ онъ сблизится съ настоящими, живыми людьми, будетъ дорожить каждымъ часомъ и дѣлать сознательно какое-нибудь умное дѣло... Гимназисты чаще собирались въ кучки и мечтали вмѣстѣ объ университетѣ: одинъ хотѣлъ сдѣлаться ученымъ, другой—знаменитымъ адвокатомъ, третій—просто пожить хорошенько... Владиміръ, послѣ нѣкотораго колебанія, заявилъ, что пойдетъ на историко-филологическій факультетъ и будетъ изучать литературу: онъ любилъ читать романы, и потому ему казалось, что его призваніе—быть профессоромъ литературы... Мечтали также и о томъ, какъ они, будучи уже студентами, встрѣтятъ на улицѣ „Буцефала“, преспокойно посмотрятъ ему въ глаза и не поклонятся... „Пыхти тогда отъ злости!“...

Но предаваться мечтамъ стало некогда: приближался экзаменъ зрѣлости... Опять стонала мать: „Провалишься ты, Владиміръ!“—опять гимназическіе дятлы упорно долбили въ головы учениковъ, подгоняя ихъ къ экзамену... Владиміру пришлось вплотную засѣсть за учебники, такъ какъ онъ чувствовалъ за собой большіе недочеты. За мѣсяцъ до экзаменовъ въ семьѣ Петровскихъ всѣ окончательно затихли, точно въ квартирѣ находился тяжелый больной; уныніе и страхъ

висѣли въ воздухѣ—вплоть до того дня, когда Владиміръ пришелъ домой съ послѣдняго экзамена, съ торжествующимъ и вмѣстѣ безсмысленнымъ лицомъ, и объявилъ, что всѣ испытанія благополучно кончились. Опять, какъ восемь лѣтъ назадъ, отецъ цѣловалъ его, мать плакала отъ радости, гладила сына по головѣ, цѣловала и не вѣрила своему счастію...

— Ну, теперь только бы университетъ кончить! Тогда я буду спокойна...

IV.

„Милостивые государи! приступая къ изложенію своего курса“...

Такъ началъ профессоръ свою первую лекцію, и Петровскому было лестно, а вмѣстѣ съ тѣмъ странно слышать такое обращеніе: эти „милостивые государи“ къ чему-то обязывали,—но къ чему именно?.. Университетъ засталъ его врасплохъ. Изъ гимназіи онъ вынесъ только антипатію ко всему гимназическому да лоскутки знаній, изъ которыхъ, какъ изъ образчиковъ, ничего нельзя было сшить. Съ одной стороны, „милостивые государи“, а, съ другой,—вѣдь онъ все тотъ же гимназистъ: къ нему профессоръ обращается, какъ къ равному, а ему все кажется, что тотъ вдругъ строго посмотритъ въ его сторону и скажетъ: „Извольте-ка повторить, что я сейчасъ объяснялъ“... обмокнетъ перо въ чернила и приготовится провести въ клѣткѣ журнала единицу... Отправляясь на первую лекцію, Петровскій съ волненіемъ думалъ, какъ она сразу прольетъ ему на все новый свѣтъ и какъ онъ сразу почувствуетъ себя гражданиномъ какого-то особаго міра, громаднаго, интереснаго!.. Но прошла 1-ая лекція, за ней—2-ая, 3-ья... а ничего подобнаго онъ не испытывалъ. Ему казалось, что передъ нимъ — какая-то большая, сложная машина, всѣ винтики которой работаютъ отдѣльно другъ отъ друга, даже не помышляя о томъ, что хочетъ выработать машина. Приходилъ одинъ профессоръ и доказывалъ, что его наука—самая важная; за нимъ являлся другой и выхвалялъ свою науку, за нимъ — третій... Студенты торопливо записывали все и уходили домой, нафаршированные 4-мя или 5-ью лекціями, не имѣющими между собой ничего общаго. Греческая литература, славянскія нарѣчія, Тацитъ, клинообразныя—все это заразъ, и все комомъ ложилось въ головѣ Петровскаго. Можетъ быть, онъ самъ не умѣлъ подойти къ университету? Можетъ быть, гимназія до такой степени пропитала собою все его существо, что ему суждено было на всю жизнь остаться неизлѣчимымъ гимназистомъ?.. Какъ бы то ни было, но университетъ вскорѣ началъ казаться ему повтореніемъ все той

же гимназіи: не задавалось уроковъ, не производилось пересадокъ, но было такое же отбываніе классовъ, которые теперь назывались лекціями, такое же стремленіе поскорѣе кончить курсъ и заполучить дипломъ, тѣ же экзамены и разговоры о томъ, кто строгій экзаменаторъ и кто—добрый, и такъ же далеки были отъ него славянскія нарѣчія и клинообразныя, какъ въ гимназіи—латинская и греческая грамматика; и надзиратели, и инспекторъ, и учителя въ вицъ-мундирахъ—все это то же самое... Да, положительно онъ не ощущалъ въ университетѣ той волны, которая, какъ ему грезилось, подхватитъ его и вознесетъ высоко. Все разрѣшилось такъ банально и такъ мизерно!...

И дома у него мало измѣнилось. Онъ почему-то воображалъ, что какъ только онъ станетъ студентомъ, все въ его жизни рѣзко измѣнится. На самомъ дѣлѣ ничего такого не произошло. Такъ же, какъ и прежде, отецъ говорилъ ему:

— Поступить-то поступилъ, а какъ кончишь?

А мать твердила:

— Поскорѣй бы ужъ кончалъ курсъ, успокоилъ бы насъ съ отцомъ!

Когда онъ пропускалъ лекцію, отецъ ворчалъ: „Погоди,— вотъ провалишься на экзаменѣ!“ По-прежнему родителямъ не было дѣла до того, какими науками занимается сынъ: лишь бы поскорѣй получилъ аттестатъ; по прежнему они больше всего боялись, какъ бы дѣти не сдѣлали какихъ-нибудь поступковъ и не выбились изъ своей колеи. Когда въ университетѣ бывало не спокойно, отецъ и мать, ничего не разбирая, ничего не слушая и ни о чемъ не спрашивая сына, только твердили ему поперемѣнно: „Боже тебя сохрани! Боже тебя избави!“. Если Владиміръ заговаривалъ о какихъ бы то ни было „правахъ“, отецъ съ матерью пугались, махали руками и говорили: „Дождешься ты: погоди!“—а отецъ наставительно толковалъ ему:

— Помни, что ты еще не живешь, а лишь готовишься къ жизни: вѣдь ты еще не получилъ диплома.

Когда Петровскіе замѣчали, что у дѣтей есть какая-то своя жизнь, какіе-то секреты, они огорчались, раздражались и говорили: „Сперва похороните насъ, а потомъ живите, какъ знаете“.

Владиміръ хорошо понималъ теперь, что и отецъ, и мать любятъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяготился ихъ опекой; нерѣдко онъ думалъ съ ожесточеніемъ: „Да неужели они воображаютъ, что я до сихъ поръ — глупый мальчишка?“ — и взгляды ихъ казались ему убогими, а вся жизнь ихъ — затхлой и мизерной. Но брюзжа на нихъ въ душѣ, онъ въ то же время не могъ или не умѣлъ создать себѣ какую-нибудь иную

жизнь, поживѣе, поинтереснѣе, и все ждалъ, что вотъ-вотъ это какъ-то само собой измѣнится къ лучшему...

Сестры также окончили гимназію и теперь слонялись по комнатамъ, не зная, что начать. Не стало уроковъ, классныхъ дамъ, звонковъ, гимназическихъ заботъ и волненій, не стало привычнаго времяпровожденія,—и дѣвушки растерялись. Соня пробовала заняться музыкой, которую дѣти съ наслажденіемъ бросили, какъ только поступили въ гимназію („До музыки-ли тутъ?" заявила мать, озабоченно махнувъ рукой). Опять по комнатамъ разносились унылые *до, ре, ми...* — и на Владиміра повѣяло чѣмъ-то безнадежнымъ. Впрочемъ, къ его радости, сестра скоро забросила музыку и, по настоянію матери, взялась за хозяйство. Тогда обѣ—мать и дочь,—стараясь наперерывъ другъ передъ другомъ, расплодили въ домѣ, отъ нечего дѣлать, такое множество дрязгъ, что прислуга то и дѣло мѣнялась...

Кланя устранилась отъ хозяйства и хотѣла поступить на курсы, но встрѣтила со стороны отца и матери рѣшительный отпоръ: „Одной таскаться вечеромъ по улицѣ!.. Еще въ исторію какую-нибудь попадешь на этихъ курсахъ. Да мы за тебя совсѣмъ изволнуемся!"... Тогда Клавдія набросилась на книги и стала глотать ихъ, въ смутной надеждѣ что-то „вычитать" оттуда; старалась и дома устроить совмѣстное чтеніе, но это не удалось; завела себѣ толстую тетрадь, куда вносила выписки изъ книгъ въ прозѣ и стихахъ. Иногда, прочитавъ романъ, она по цѣлымъ часамъ мечтала: вотъ молодая дѣвушка жертвуетъ собой для любимаго человѣка; вотъ другая уходитъ изъ богатаго дома, живетъ съ бѣдняками, терпитъ лишенія и трудится „всю свою жизнь"; потомъ декорація внезапно мѣняется: вотъ двое влюбленныхъ плывутъ въ гондолѣ, наслаждаясь закатомъ солнца; вотъ роскошный балъ, шумное веселье и интимные разговоры подъ звуки музыки... „Къ ужину свари картошку"... слышится откуда-то голосъ матери,—и Кланя морщится отъ раздраженія...

Отецъ замѣтно состарился, сталъ туговатъ на ухо, но старался скрыть это отъ всѣхъ; онъ сердился, когда съ нимъ говорили тихо,—еще больше сердился, когда говорили слишкомъ громко. Все чаще и чаще, читая по утрамъ газету, встрѣчалъ онъ публикаціи о смерти знакомыхъ, но не любилъ говорить объ этомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывалъ объ удивительныхъ случаяхъ долголѣтія. Мать уродливо растолстѣла, страдала одышкой и все чаще говорила съ Соней о томъ, что будетъ, если отецъ умретъ...

— Хоть бы выдать тебя поскорѣе за порядочнаго человѣка!—каждый разъ вздыхала она въ заключеніе.

Глафира Ивановна пожелтѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ

будто еще больше почернѣла; она стала сестрой милосердія, носила на груди красный крестъ и съ обычнымъ унылымъ видомъ говорила, что она теперь вполнѣ счастлива; потомъ пила чай съ вареньемъ, цѣловалась съ дамами и неслышно уходила. Изрѣдка захаживалъ Артикуловъ, который пришелся у Петровскихъ ко двору; онъ сморщился, шамкалъ и когда говорилъ, то писалъ, какъ и прежде, пальцемъ по столу, а Владиміръ смотрѣлъ на его грушевидный мизинецъ, и ему казалось, что Артикуловъ выводитъ своимъ круглымъ почеркомъ цифры, готовя для него задачу... По праздникамъ у Петровскихъ, какъ и раньше, бывали гости, больше все родственники: пили чай, закусывали, опять пили чай, говорили о томъ, что студенты бунтуютъ и что Сонѣ съ Кланей пора замужъ, перебирали новости, кто умеръ, кто женился... Барышни болтали и шуршали шелковыми юбками, а старики жаловались между собой на то, что все какъ-то по нынѣшнимъ временамъ потускнѣло, начиная съ солнца и кончая стеариновой свѣчкой... Тетка Анна Аѳанасьевна, сдѣлавшаяся какой-то дряблой, по прежнему приносила съ собой каждый разъ кучу выкроекъ и образчиковъ и по прежнему курила тончайшія папиросы; Желтухинъ, сослуживецъ Николая Харитоновича, по прежнему ломалъ сахаръ пальцами и самъ первый смѣялся надъ своей толщиной, а когда заговаривалъ о службѣ, то дѣлалъ строгое, значительное лицо... По прежнему бывали каждый разъ два-три старичка изъ тѣхъ, которые плохо видятъ, еще хуже слышатъ, но все еще ходятъ по именинамъ и званымъ вечерамъ съ единственной цѣлью— хоть потереться около людей. Кое-кто изъ прежнихъ посѣтителей умеръ,—въ томъ числѣ дядя Владиміра; но на смѣну имъ у Петровскихъ подобрались люди такого-же типа, такъ что разницы большой не ощущалось. Восклицанія и поцѣлуи при встрѣчахъ, безобидные разговоры о чемъ придется, невинные тяжеловатые каламбуры—все было по старому.

Товарищи Владиміра,—Кудринъ, Можжевеловъ, Ржевскій, Булыжниковъ — уклонялись отъ этихъ ассамблей: атмосфера озабоченности, пропитавшая самыя стѣны квартиры Петровскихъ и просвѣчивающая сквозь невинную болтовню дѣвицъ и воркотню стариковъ, вѣчная боязнь родителей, какъ-бы кто-нибудь не увлекъ ихъ дѣтей на опасный путь (—„Долго-ли до грѣха: придутъ, заберутъ, засадятъ“...), необходимость держать себя вѣчно настороже, — все это отбивало у молодежи охоту посѣщать семью Петровскихъ. Соня и Кланя, недурненькія собой, были, не смотря на это, мало интересны для товарищей брата. Выдрессированныя съ дѣтства родителями, онѣ умѣли только „держать себя“ въ обществѣ да разговаривать о самыхъ обыденныхъ вещахъ; Клавдія, быть можетъ,

и поговорила-бы, но ее стѣсняли отецъ съ матерью и вся домашняя атмосфера: ей иной разъ очень хотѣлось высказаться, но сдѣлать это такъ, „чтобы никто ничего не понялъ, а то стыдно"... Поэтому обѣ онѣ—и Софья, и Клавдія—отдѣлывались ничего не значащими фразами и заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы не сказать и не сдѣлать чего-нибудь лишняго, не принятаго въ хорошемъ обществѣ... Булыжниковъ, котораго Владиміръ затащилъ какъ-то на одну изъ своихъ семейныхъ ассамблей, посидѣвъ съ полчаса, поднялся съ мѣста и шепнулъ на ухо Владиміру:

— Пойдемте-ка лучше въ трактиръ „ставить банки"...

На другой день Владиміръ сидѣлъ съ Булыжниковымъ въ трактирѣ, пилъ водку и жаловался на жизнь. Булыжниковъ, уже говорившій Владиміру „ты", ерошилъ волосы и удивлялся, почему тотъ до сихъ поръ не повѣсился, ругалъ семейные дома, „гдѣ маринуютъ невѣстъ", и проповѣдывалъ разгулъ. Съ легкой руки Булыжникова, Владиміръ полюбилъ трактиръ. Подобралась пьющая компанія изъ студентовъ; большая часть изъ нихъ ютилась по сквернымъ номерамъ, послѣ которыхъ трактирная обстановка казалась комфортабельной. Компанія пила водку и пиво, вела шумныя бесѣды о подлой рутинѣ, проклинала филистеровъ, издѣвалась надъ разными условностями жизни, бродила по улицамъ и бульварамъ, выворачивала тумбы, и въ воздухѣ носилось слово „протоколъ"... Въ этомъ угарѣ Владиміру нравился какой-то размахъ, энтузіазмъ, подогрѣтый водкой, непринужденность и дерзость рѣчей... Потомъ онъ почувствовалъ, что ораторы застольныхъ бесѣдъ стали повторяться и выдыхаться: разгулъ потерялъ для него прелесть новизны; въ головѣ оставался отъ него только чадъ, во рту утромъ горчило, и было противно вспомнить вчерашнюю попойку. Вдобавокъ, и дома всѣ возстали противъ него: укоряли, стыдили, грозили... Мать была убѣждена, что Владиміра, въ концѣ концовъ, „заберутъ", что ему не сносить головы; а на лицахъ сестеръ появилось какое-то фатальное выраженіе, которое возбуждало въ его душѣ необъяснимую тревогу...

Разгулъ былъ брошенъ, и для Владиміра опять потянулась безцвѣтная, прѣсная жизнь: кой-чѣмъ занимался, кой-чѣмъ развлекался и жилъ изо дня въ день... Впрочемъ, на 3-мъ курсѣ онъ началъ серьезно мечтать объ ученой карьерѣ: зарылся въ книги, ходилъ въ публичную библіотеку, писалъ рефераты, изучалъ иностранные языки... Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ онъ понялъ, что въ немъ нѣтъ постояннаго, страстнаго интереса къ наукѣ: пріятно читать умную интересную книгу, но скучно корпѣть надъ изученіемъ какого-нибудь древняго памятника... Владиміръ сталъ

заниматься, спустя рукава, хотя все еще не бросилъ мысли о профессурѣ.

Лѣтомъ онъ по прежнему перекочевывалъ съ семьей въ имѣніе и первые дни чувствовалъ себя тамъ хорошо. Свѣтлыя іюньскія ночи, чуть слышная пѣсня вдали, запахъ сѣна, однообразный, навѣвающій задумчивость звукъ коростеля—все это говорило о чемъ-то поэтичномъ и заставляло мечтать о любви... Случалось, Владиміръ простаивалъ до глубокой ночи на балконѣ; весь небесный сводъ какъ будто трепещетъ и столько разлито въ немъ жизни, красоты и тайны, что кажется, будто все на землѣ смолкло, очарованное этимъ величіемъ; едва замѣтный вѣтерокъ шелеститъ листьями и приноситъ изъ сада запахъ жасмина... Вотъ плеснула рыба на рѣкѣ... Вотъ гдѣ-то далеко-далеко пролаяла собака... Въ воздухѣ слышатся какіе-то шорохи, шелесты, какіе-то едва различимые звуки...

— И чего ты до сихъ поръ не спишь, Владиміръ?— скажетъ, вдругъ появляясь въ дверяхъ, отецъ въ халатѣ или мать въ капотѣ.—Тебѣ отдыхать надо послѣ зимы, а ты полунощничаешь. Ужь догуляешься ты до чего-нибудь!..

Черезъ недѣлю, много черезъ двѣ послѣ пріѣзда, Владиміръ утрачивалъ вкусъ къ деревнѣ. И роща, и рѣка, и поле казались ему ужъ черезчуръ мизерными. Мать варила варенье и жаловалась на жару, Софья помогала ей въ варкѣ, Клавдія то и дѣло твердила: „экая скучища! экая жарища!“— а отецъ наполнялъ тягучее время старческой воркотней. Онъ бралъ лѣтомъ отпускъ, чтобы похозяйничать въ имѣніи, ругалъ мужиковъ нехорошими словами и безпрестанно жаловался всѣмъ, что „эти канальи“ разоряютъ его. Крестьяне отплачивали ему за это иронически-враждебнымъ отношеніемъ. „Одно только званіе, что господа... Тоже дворяне называются. Такъ... кляузники!“ Гуляя, Владиміръ избѣгалъ проходить по деревнѣ: ему было какъ-то неловко и вмѣстѣ жутко встрѣчаться съ крестьянами, чувствовать на себѣ ихъ взгляды; ветхія избы, покрытыя соломой, тощія лошаденки, ребятишки съ раздутыми животами, непролазная грязь послѣ дождя на деревенской улицѣ—все это стояло передъ нимъ какимъ-то укоромъ, унижало его, грозило чѣмъ-то...—и онъ старался прошмыгнуть незамѣтно задами; а если случалось проходить въ толпѣ крестьянъ, онъ шелъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ идетъ среди стада городской житель, не привыкшій къ коровамъ... „Ахъ, поскорѣй-бы проходило это несносное лѣто!“

Лѣто проходило, наступала осень. Петровскіе переѣзжали въ городъ, гдѣ повторялось то же, что было въ прошлую и позапрошлую осень. За осенью шла зима, точно такая-же,

какъ и прежде. А тамъ Великій постъ, грибы, экзамены... „Ахъ, наступало-бы скорѣе лѣто, что-ли!“

V.

— Ваше высокопревосходительство, позвольте вамъ представить: мой сынъ, кандидатъ университета!

Владиміръ Николаевичъ Петровскій стоялъ передъ большимъ лысымъ старикомъ, который разглядывалъ его въ пенснэ, между тѣмъ какъ Николай Харитоновичъ, почтительно склонившись, говорилъ что-то своимъ беззубымъ ртомъ про кандидатство сына, которое, по его понятіямъ, давало ему право числиться кандидатомъ на хлѣбное мѣсто. Генералъ одобрительно кивалъ головой, Петровскій-отецъ кланялся, Петровскій-сынъ что-то почтительно бормоталъ...

— Ты принятъ на государственную службу!—торжественно возгласилъ Николай Харитоновичъ, по выходѣ изъ кабинета начальника, и дрожащими отъ волненія руками обнялъ сына.—Это моя послѣдняя забота о тебѣ: я тебя вывелъ на дорогу, —теперь изловчайся самъ. Государственная служба—дѣло не шуточное. До сихъ поръ ты подготовлялся къ жизни,—а вотъ теперь поживи! Трудно поступить на службу, еще труднѣе—удержаться, а самое трудное—пробраться впередъ... Сохрани тебя Богъ неглижировать: пропадешь!..

Владиміръ Николаевичъ сталъ чиновникомъ департамента. Онъ самъ не зналъ хорошенько, какъ это случилось. Собирался быть учителемъ, но при воспоминаніи о гимназіи почувствовалъ рѣшительное отвращеніе къ учительству; мечталъ о профессурѣ, но это казалось ужъ черезчуръ отдаленнымъ; мать твердила: „Еще когда-то что-то будетъ, а время-то уйдетъ“; а отецъ уговаривалъ: „Поступай на государственную: тутъ, по крайней мѣрѣ, протекція есть; да и спокойнѣе: сиди себѣ да пиши... Что касается оклада“... Словомъ, Владиміръ Николаевичъ и не замѣтилъ, какъ очутился въ такомъ-же вицъ-мундирѣ, какъ его отецъ. Впрочемъ, ему все казалось, что это „пока только“, на время, а тамъ онъ добьется, чего хочетъ...

Было и еще одно обстоятельство, заставившее его поступить поскорѣе на службу.

Наденька Желтухина, которую Владиміръ зналъ съ дѣтства, выросла и оказалась вдругъ очень миловидной барышней: у нея былъ такой славный, звонкій голосъ, а ея каріе глаза бѣгали быстро-быстро, какъ два юркихъ пруссака. По мнѣнію Желтухиныхъ, ее надо было выдать замужъ, а по мнѣнію Петровскихъ, Владиміра слѣдовало женить. Петровскіе хва-

лили Наденьку, Желтухины расхваливали Владиміра. Наденька старалась быть интересной въ глазахъ Владиміра Николаевича и передъ его приходомъ подолгу простаивала въ кухнѣ у плиты, чтобы разрумяниться; а Владиміръ Николаевичъ, въ свою очередь, невольно охорашивался передъ Наденькой. Оба въ присутствіи другъ друга оживлялись, и каждый изъ нихъ думалъ, что это—любовь. Наденька ожидала много хорошаго отъ Владиміра, Владиміръ—отъ Наденьки. Когда она, случалось, вбѣгала при немъ впопыхахъ и говорила матери нѣжнымъ голосомъ: „Мамочка,—папочка проситъ булавочку“...—Владиміръ Николаевичъ положительно чувствовалъ себя восхищеннымъ... Кромѣ того, мысль о свадьбѣ оживляла рѣшительно всѣхъ: матери помолодѣли, дочери пріятно волновались, точно сами выходили замужъ... Не жениться при такихъ обстоятельствахъ значило-бы — всѣхъ обидѣть и разочаровать... Тѣмъ болѣе, что по мнѣнію Наденькиной матери „въ такихъ дѣлахъ, все равно что въ денежныхъ, проволочекъ нельзя допускать“... Свадьба состоялась. Опять Владиміра Николаевича обнимали, цѣловали, поздравляли, и опять мать прибавляла, какъ всегда, съ испуганнымъ видомъ: „Только-бы дѣти, Боже избави, не болѣли, да жена не была мотовкой... Охъ, трудное это дѣло!“

— Помни, Владиміръ,—говорилъ, съ своей стороны, отецъ, глядя на сына влажными глазами: — помни, что ты теперь принадлежишь не себѣ, а семьѣ, за которую долженъ будешь дать отвѣтъ Богу... Ну, поцѣлуемся!

Семейная жизнь началась. Супруги должны были въ глубинѣ души признаться, что они нѣсколько ошиблись другъ въ другѣ: Владиміръ Николаевичъ не былъ такъ милъ и интересенъ, какъ думала Наденька, а Наденька оказалась скучнѣе и капризнѣе, чѣмъ думалъ Владиміръ Николаевичъ. Оставаясь вдвоемъ, они часто не находили о чемъ разговаривать: прежніе ихъ разговоры, казавшіеся имъ тогда интересными и значительными, теперь вызывали у обоихъ зѣвоту. Но въ то же время они считали себя обязанными быть вмѣстѣ: сидѣли вдвоемъ по цѣлымъ часамъ и молчали. Наденька думала про себя: „Однако, съ товарищами онъ находитъ, о чемъ говорить“... — и дулась; а Владиміръ Николаевичъ говорилъ себѣ, подавляя вздохъ: „Хорошо бы найти вечернюю работу гдѣ-нибудь на сторонѣ“. На почвѣ этого тяжелаго обоюднаго молчанія выростали споры изъ-за выѣденнаго яйца, необъяснимые капризы, припадки раздраженія, ревности ко всему на свѣтѣ и тысячи обидныхъ, маленькихъ недоразумѣній, въ которыхъ родные считали себя обязанными принять участіе. Постоянно кто-нибудь на кого-нибудь дулся, кто-нибудь съ кѣмъ-нибудь не разговаривалъ; сплошь и рядомъ, при появ-

леніи тещи, свекровь снималась съ мѣста и демонстративно выходила изъ комнаты, или, при появленіи свекрови, Наденька подходила къ окну и молча стояла, упершись лбомъ въ стекло.

— Теперешнія жены готовы носы перекусать мужьямъ-то...—ворчала Екатерина Аѳанасьевна.

— Жалко, что я не у васъ воспитывалась, — огрызалась невѣстка.

Съ рожденіемъ перваго ребенка, всѣ оставили молодыхъ супруговъ въ покоѣ и набросились на новорожденнаго, котораго безпрестанно тормошили, мяли, душили поцѣлуями... Наденька тоже вся ушла въ сына, и дѣло такимъ образомъ, по выраженію Глафиры Ивановны, „обошлось“... Впрочемъ, вопросъ о воспитаніи ребенка вызывалъ не мало споровъ и перекоровъ. Екатерина Аѳанасьевна не могла примириться съ мыслью, что мальчика назвали *Григоріемъ*, а не *Владиміромъ*; Клавдія горячо доказывала, что его надо воспитывать, „какъ велитъ наука“ (она читала кое-что по этой части); Софья была убѣждена, что ребенка непремѣнно простудятъ...

— Пеленать, непремѣнно пеленать!—категорически заявляла теща.

— Теперь, слава Богу, бросаютъ этотъ дикій обычай, — возражалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Оттого-то онъ у тебя и оретъ такъ, — вставлялъ свое слово Николай Харитоновичъ...

Только тесть, не признававшій маленькихъ дѣтей за людей, иронически относился ко всей этой суматохѣ:

— Экъ раскудахтались!—говорилъ онъ иногда. — Курица снесла яйцо,—что же тутъ особеннаго?..

Какъ бы то ни было, но жизнь молодыхъ Петровскихъ потекла болѣе мирно. Владиміръ Николаевичъ, уже достаточно привыкшій къ жизни отдѣльно отъ родителей, чувствовалъ себя теперь совсѣмъ взрослымъ. Каждое утро онъ аккуратно отправлялся на службу, какъ нѣкогда—въ гимназію, и писалъ бумаги, до которыхъ, какъ прежде до латинской грамматики, ему не было никакого дѣла, — писалъ и думалъ: „Что это какъ долго тянется сегодня время?“—все чаще и чаще посматривалъ на часы и ждалъ конца присутствія съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ въ гимназіи—звонка, и работалъ надъ бумагами, пришпориваемый все тою же старой мыслью, что если онъ не сдѣлаетъ этого, то ему будетъ плохо...

Поступая на службу, онъ мечталъ внести современемъ въ среду сослуживцевъ что-нибудь свѣжее, „литературное“ (какъ онъ мысленно называлъ), но самъ еще хорошенько не уяснилъ себѣ, что именно долженъ внести. Наоборотъ, онъ самъ на первыхъ же порахъ началъ чувствовать, какъ за департа-

ментскимъ столомъ, среди дѣловыхъ лицъ и вицъ-мундировъ, мало-по-малу тускнѣетъ и отмѣняется все то, что значилось у него подъ неопредѣленными терминами „свѣжаго и литературнаго“... Когда онъ буркнулъ однажды что-то очень неодобрительное по адресу одного глупаго новичка, замѣтивъ, что „протекція есть нѣчто не нормальное“, онъ тотчасъ же услыхалъ насмѣшливый голосъ одного изъ сослуживцевъ:

— А вы-то сами не по протекціи, что ли? Вамъ-то бабушка не ворожитъ?

И Петровскій, краснѣя, умолкъ...

Когда онъ позволялъ себѣ иронически отзываться по поводу „священнодѣйствія надъ бумагой“, Желтухинъ, его тесть, дѣлалъ значительное лицо и строго замѣчалъ:

— Не по окладу, Владиміръ Николаевичъ, разсуждаете.

И Владиміръ Николаевичъ замолкалъ. По мѣрѣ того, какъ шло время, онъ ворчалъ все тише и тише, а наконецъ, и совсѣмъ замолкъ...

Приходя со службы домой, онъ швырялъ портфель, какъ прежде швырялъ ранецъ, и садился съ женой обѣдать. Разговаривали о службѣ, о ребенкѣ, о прислугѣ... Послѣ обѣда онъ говорилъ женѣ: „Я хочу отдохнуть“... бралъ какую-нибудь книгу и заваливался съ нею на диванъ, а жена возилась въ дѣтской или уходила къ роднымъ, гдѣ у нея всегда были какія-то дѣла...

Вотъ въ эти-то минуты послѣобѣденнаго кейфа и нападало обыкновенно на Владиміра Николаевича раздумье.

— „Какъ-то все глупо вышло“,—говорилъ онъ себѣ... Его преслѣдовала мысль, что все — и ученье, и поступленіе на службу, и женитьба—совершилось помимо него, и ему пришлось только покорно росписаться въ полученіи жены и службы, всей этой упряжи, въ которой онъ машинально, какъ ломовая лошадь, идетъ по избитой дорогѣ. „Ну, все-таки я люблю жену и сына... всетаки я получилъ высшее образованіе... всетаки приношу какую-нибудь пользу на службѣ“... утѣшалъ онъ себя, но это „всетаки“ произносилось имъ, скрѣпя сердце, и онъ чувствовалъ, что всетаки это не то: мерещилась прежде другая жизнь, другая любовь и дѣятельность... „Такъ неужели и всегда такъ будетъ—и ничего другого, кромѣ этого?“ невольно проносилось у него въ головѣ...

— Иди чай пить,—говорила жена, заглядывая въ комнату.

— Сейчасъ, сейчасъ, — машинально отвѣчалъ Владиміръ Николаевичъ и продолжалъ ворочаться съ боку на бокъ, силясь что-то „додумать“ поскорѣе. Ему казалось, что онъ прошелъ всѣ заставы — домашнюю учебу, гимназію, университетъ—и вышелъ на какую-то однообразную равнину, гдѣ все пусто и плоско. А главное: жизнь вдругъ какъ будто

остановилась и застыла въ одномъ положеніи... точно поѣздъ, который вдругъ пересталъ двигаться; хочется нестись все дальше и дальше, все впередъ, а поѣздъ не трогается съ мѣста, и передъ глазами у тебя все одна и та же давно намозолившая глаза картина: видишь все время передъ собой безконечное снѣжное поле да какую-нибудь жалкую будку съ жалкимъ сторожемъ, а взглянешь внутрь вагона, непремѣнно упрешься взглядомъ въ толстаго господина, мирно похрапывающаго въ самой неестественной позѣ, или какую-нибудь неопредѣленную личность съ сумкой черезъ плечо, терпѣливо и тупо смотрящую на телеграфный столбъ...

— Иди чай пить,—нетерпѣливо звала жена, просовывая голову въ дверь.—Что ты все хандришь?

— Такъ что-то...

— Не пей водки,—вотъ и хандра пройдетъ.

— Во первыхъ, я водки почти не пью, — раздражался Владиміръ Николаевичъ, — а во вторыхъ, если и пью, то именно отъ хандры.

— Чего жъ тебѣ нужно? И зачѣмъ ты злишься?

Владиміръ Николаевичъ начиналъ горячо и сбивчиво объяснять, что ему нужно живой жизни, которой ему никогда не давали, но скоро убѣждался по глазамъ жены, что она не понимаетъ его и не придаетъ его словамъ серьезнаго значенія, да и самъ онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета, чего именно ему нужно...

— Не стоитъ говорить объ этомъ,—вдругъ обрывалъ онъ разговоръ, и жена, надувшись, уходила изъ комнаты—съ тѣмъ, чтобы черезъ минуту вернуться и сухо напомнить мужу:

— Ты, кажется, забылъ, что тебѣ еще бумаги писать надо?...

Тогда Владиміръ Николаевичъ срывался съ дивана и шелъ писать...

Ему начинали, наконецъ, надоѣдать эти „гнилыя“, навязчивыя мысли, безсильныя и безплодныя, сдѣлавшіяся для него второй лямкой, и онъ старался жить такъ, чтобы ни о чемъ не думать, не оглядываться на прошлое, не спрашивать себя о будущемъ.. Словомъ (какъ онъ выражался): „перестать, наконецъ, вертѣться вокругъ своей оси“.

VI.

Такъ текла жизнь. Владиміръ Николаевичъ получилъ Станислава. Узнавъ объ этомъ, Николай Харитоновичъ прослезился и перекрестился, что вызвало на губахъ сына улыбку... Старикъ ужъ совсѣмъ одряхлѣлъ, говорилъ только: „Ну вотъ,

ну вотъ"... а когда слушалъ, открывалъ ротъ и приставлялъ руку къ уху. Съ нимъ былъ ударъ, послѣ котораго онъ хоть и поправился, но окончательно затихъ, пересталъ интересоваться жизнью и проводилъ время въ безконечномъ раскладываніи пасьянса. Только Станиславъ вывелъ его на время изъ апатіи:

— „Нынѣ отпущаеши"...—говорилъ старикъ, смотря съ гордостью на сына.—Ну, теперь и помирать можно...

Мать была бодрѣе отца, хотя стала совсѣмъ шарообразной и на ходу задыхалась. Ея больнымъ мѣстомъ сдѣлалось воспитаніе внука: она пріучала Гришу цѣловать у всѣхъ ручки, „чтобы дѣти съ малыхъ лѣтъ становились почтительны и ласковы"—а мать и другая бабушка запрещали ему—въ пику Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ. Послѣднюю больше всего угнетало то обстоятельство, что она не могла „поговорить, какъ слѣдуетъ", ни съ невѣсткой, ни съ свекровью. „Уморятъ онѣ ребенка, непремѣнно уморятъ!" начинала она сгоряча, но сейчасъ-же задыхалась, махала безпомощно руками, падала въ кресло и только стонала:

— Уморятъ... охъ, уморятъ!

Она жила теперь одной мечтой: выдать дочерей замужъ и потомъ кочевать съ сакъ-вояжемъ въ рукахъ отъ одного зятя къ другому, отъ однихъ внучатъ къ другимъ, показывая вездѣ, „какъ надо обращаться съ дѣтьми, если хочешь сдѣлать изъ нихъ людей, а не уродовъ"...

Соню Владиміръ Николаевичъ нѣсколько разъ заставалъ съ заплаканными глазами: оказалось, что ей сдѣлалъ предложеніе Налимовъ, мелкій землевладѣлецъ, сосѣдъ Петровскихъ по имѣнію. Среднихъ лѣтъ, видный собой, смирный и не пьющій, Налимовъ имѣлъ особенность располагать къ себѣ стариковъ и наводить на молодежь скуку, близкую къ оцѣпенѣнію. Что-то убогое поселилось въ его осанистой фигурѣ, неторопливой походкѣ, размѣренной рѣчи, которая сочилась изъ него, какъ приторное сусло. „Есть на свѣтѣ хорошія книжки, есть и дурныя"... „Хорошая проза лучше, нежели плохіе стихи"... говорилъ онъ, обсасывая каждое слово, какъ карамельку. Даже когда ему случалось высказывать довольно смѣлые афоризмы, въ родѣ того, что „для женщины любовь—пища, а для мужчины—приправа", Владиміру Николаевичу все представлялся чревовѣщатель, видѣнный имъ въ дѣтствѣ. Что касается Клавдіи, то она говорила про Налимова брезгливымъ тономъ:

— Не знаю... онъ какой-то жеваный...

Такъ это прозвище и осталось за нимъ среди молодежи...

— О чемъ же ты плачешь, Софья?—допытывался Владиміръ Николаевичъ.—Если тебѣ не нравится Налимовъ, такъ не выходи за него.

— Нѣтъ, онъ, кажется, хорошій...

— Такъ выходи... Чего же плакать-то?

Соня прикладывала платокъ къ глазамъ и торопливо выходила изъ комнаты. Никто не могъ дознаться, отчего она плачетъ, да и сама она, кажется, не знала этого: можетъ быть, она смутно чувствовала, что не того ей хотѣлось отъ жизни, когда, бывало, лѣтомъ, покончивъ съ варкой варенья, она усаживалась въ жидкомъ садикѣ, глядѣла на чернѣющую вдали рощу, на блѣдный мѣсяцъ, на темную полосу горизонта и о чемъ-то думала...

Какъ бы то ни было, пѣвчіе пропѣли: „Гряди, голубица", въ церкви было полное освѣщеніе, и всѣ радовались, а барышни Желтухины слѣдили съ замираніемъ сердца, кто первый ступитъ на коверъ: женихъ или невѣста?—и были удовлетворены, когда Соня шагнула первая... Женихъ былъ очень представителенъ подъ вѣнцомъ, а невѣсту немножко портилъ покраснѣвшій кончикъ носа. Владиміръ Николаевичъ стоялъ, украшенный Станиславомъ, который онъ, пожимая плечами, надѣлъ для удовольствія родителей... Явилась Глафира Ивановна, такъ какъ безъ нея не обходился ни одинъ торжественный случай въ семьѣ Петровскихъ: „Ужъ я такъ рада, такъ рада!" говорила она голосомъ умирающей и цѣловала своими мертвенными губами молодую... Приплелась изъ богадѣльни бывшая нянька; она слезилась отъ радости и повторяла: „Ну, вотъ и слава Царицѣ Небесной! Теперь бы Клавденьку пристроить". А Екатерина Аѳанасьевна прибавляла: „Да, одного прошу у Бога"... Николай Харитоновичъ ухватилъ подъ руку зятя и все ходилъ съ нимъ, едва волоча ноги... „Я полюбилъ васъ, какъ сына", твердилъ онъ, называя молодого то Иваномъ Архиповичемъ, то Архипомъ Ивановичемъ.— Вамъ бы на государственную службу... право, на государственную".

Соня въ тотъ же день уѣхала съ мужемъ въ его имѣнье, а черезъ недѣлю Екатерина Аѳанасьевна съ сакъ-вояжемъ въ рукахъ отправилась къ дочери погостить: давнишняя мечта ея начинала осуществляться.

Впрочемъ, ей не долго пришлось погостить: Николая Харитоновича постигъ вторичный ударъ, и за свадьбой послѣдовали похороны.

Передъ смертью Николай Харитоновичъ разговаривалъ съ сыномъ о службѣ и радовался, что тому уже немного остается до пенсіи: старикъ забылъ, что его сынъ служитъ только четыре года. „Государственная служба... пенсія..."—это были послѣднія слова, которыя Владиміръ Николаевичъ слышалъ отъ отца...

Опять сошлись и съѣхались люди, бывшіе недавно на

свадьбѣ. Пріѣхала Соня съ мужемъ и матерью, явилась неизбѣжная Глафира Ивановна, которую похороны замѣтно оживили; притащилась нянька изъ богадѣльни и потрогала умершаго за туфли, „чтобы не бояться покойниковъ"; барышни Желтухины не упустили случая пококетничать траурнымъ костюмомъ, который такъ хорошо сидѣлъ на нихъ... Владиміръ Николаевичъ съ грустью смотрѣлъ на бренную оболочку отца, вспоминалъ такъ быстро пролетѣвшіе годы и, подъ звуки похороннаго пѣнія, настраивался все болѣе и болѣе возвышенно; но неожиданно взглядъ его упалъ на стоящаго невдалекѣ директора деепартамента, и съ этой минуты Владиміръ Николаевичъ думалъ только о томъ, раскланяться ли ему съ начальникомъ, или отложить это до конца церемоніи?..

Не обошлось и безъ непріятностей. Теща Владиміра Николаевича заняла мѣсто у изголовья покойнаго, чѣмъ возмутила вдову, которая всячески старалась вытѣснить ее съ позиціи. Но теща не ограничилась этимъ: какъ женщина энергичная, громогласная, да еще съ довольно густыми усами, она забрала въ свои руки всю организацію похоронъ,—„точно она хоронитъ своего собственнаго мужа, а не чужого!" въ негодованіи говорила Екатерина Аѳанасьевна...

Вышли у вдовы контры и съ Глафирой Ивановной. Когда всѣ ушли отъ зарытой могилы, Екатерина Аѳанасьевна осталась, чтобы еще разъ помолиться и проститься съ покойнымъ: вѣдь тридцать лѣтъ прожили съ мужемъ! Но по странному капризу сердца, рядомъ съ искренней печалью, въ душѣ старухи шевелилось тщеславное чувство: „а всетаки я больше всѣхъ жалѣю его, всетаки онъ для меня ближе, чѣмъ для другихъ; другіе разошлись,—а я молюсь!.." На бѣду такое же тщеславное чувство приковало и Глафиру Ивановну къ могилѣ... Вопросъ обострился: никто не хотѣлъ уходить раньше другой, каждая хотѣла „перемолить" соперницу. Наконецъ, Екатерина Аѳанасьевна, выбившись изъ силъ, ушла отъ могилы, повторяя въ раздраженіи: „Не знаю, что она хочетъ доказать этимъ? Вѣдь я вижу всѣ ея фокусы"...

— Какъ хорошо похоронили-то! „Дай Богъ всякому"... говорила Глафира Ивановна Владиміру Николаевичу, покидая не безъ сожалѣнія кладбище, которое было ей такъ къ лицу. Послѣдняя непріятность вышла съ памятникомъ, который заказывалъ Владиміръ Николаевичъ. Мать, прочитавъ надпись: „Здѣсь погребено тѣло Николая Харитоновича Петровскаго", залилась слезами и обвинила сына въ томъ, что онъ „хоронитъ отца, какъ какого-нибудь сапожника." Родные поддержали ее, и на памятникѣ были прибавлены слова: „статскаго совѣтника"...

Послѣ похоронъ мать окончательно переселилась къ Сонѣ,

а Клавдію взялъ къ себѣ Владиміръ Николаевичъ. Такимъ образомъ, старое гнѣздо Петровскихъ исчезло.

VII.

Новое гнѣздо, наоборотъ, плодилось и размножалось. У Петровскихъ было уже трое дѣтей, ожидался четвертый. Наденька, превратившаяся въ самоувѣренную Надежду Петровну, съ такими же усиками, какъ у матери, сдѣлалась полновластнымъ лицомъ въ семьѣ: нагоняла страху на бонну, громила прислугу и хотя въ ласковыя минуты называла мужа: „мой капризанъ“, тѣмъ не менѣе порядкомъ муштровала его; недаромъ сослуживцы говорили про Петровскихъ: „Жена идетъ въ корню, а мужъ—на пристяжкѣ“...

Съ Клавдіей онѣ тотчасъ же повздорили: Надежда Петровна подпускала ей шпильки, Клавдія отвѣчала булавками. Надежда Петровна считала себя идеальной матерью и воспитательницей, Клавдія позволяла себѣ сомнѣваться въ этомъ. Надежда Петровна хвасталась передъ Клавдіей своими дѣтьми и высказывала обидное сожалѣніе по адресу старыхъ дѣвъ, „которыя не живутъ, а вѣчно мечутся, какъ угорѣлыя кошки“. Клавдія бросала брезгливые взгляды на дѣтей, называла ихъ „піявками“ и презрительно отзывалась о женщинахъ, погрязшихъ въ пеленкахъ. Надежда Петровна иронически говорила о дѣвушкахъ, которыя „бѣгаютъ на курсы и что-то изъ себя изображаютъ“; Клавдія возражала на это, что „не всѣ рождаются насѣдками и что ее всего больше возмущаетъ человѣческая глупость“. Она хвасталась тѣмъ, что свободна, какъ вѣтеръ, и счастлива своей свободой; но ея вѣчно раздраженное лицо, звенящій голосъ, сердитыя, порывистыя движенія противорѣчили этому. Утромъ встанетъ, напьется чаю и потомъ бродитъ цѣлый день изъ угла въ уголъ, смотря съ отвращеніемъ на все: на стѣны комнаты, на лица дѣтей, на пѣшеходовъ, идущихъ подъ окнами... Или откроетъ, не смотря на зимнее время, форточку и высунетъ въ нее голову.

— Что ты дѣлаешь?!—крикнетъ Владиміръ Николаевичъ.

— Простудиться хочу...

Братъ силой отводитъ ее отъ окна и захлопываетъ форточку...

— Господи, хоть бы пожаръ случился!.. Хоть бы умереть, что ли!..

— А ты бы занялась чѣмъ-нибудь,—замѣчаетъ братъ.

— Чѣмъ?

— Почитала бы...

— Надоѣли мнѣ книги!.. Что я оттуда вычитаю?.. Мнѣ жизни надо!

Владиміръ Николаевичъ знаетъ, что и онъ ничего не „вычиталъ“, и молчитъ...

— Какая скука, какая скука!—стонетъ Клавдія и идетъ куда-нибудь спасаться отъ скуки, но скоро возвращается домой, еще болѣе недовольная, и объявляетъ, что тамъ еще скучнѣе и вездѣ скучно:

— Не люди, а манекены какіе-то!.. Господи, какая мерзость жизнь!..

„А все оттого, что—старая дѣва“, шепчетъ Надежда Петровна мужу.—У вашего мужа будетъ злая жена, — говоритъ она Клавдіи, и между ними возникаютъ „пренія“, какъ привыкъ называть это Владиміръ Николаевичъ.

Судорожно пометавшись такъ нѣсколько мѣсяцевъ, измучившись безсонницей и головными болями и дойдя до полнаго ожесточенія, Клавдія, для разнообразія, уѣхала къ сестрѣ въ деревню:

— Знаю, что тамъ будетъ такая же гадость, а всетаки поѣду, потому что мнѣ все надоѣло до тошноты...

Съ ея отъѣздомъ, жизнь Владиміра Николаевича стала какъ будто еще однообразнѣе и безвкуснѣе. Семья увеличивалась, становилось труднѣе жить; жена все чаще жаловалась на дороговизну квартиръ и съѣстныхъ припасовъ, на безсовѣстность прислуги, на небрежность докторовъ... „Обувь на дѣтяхъ такъ и горитъ... Кухарка всю посуду переколотила. Прачка все бѣлье перепортила... Денегъ на дрова нужно“... и т. д. Владиміру Николаевичу пришлось взять приватную работу: такимъ образомъ, онъ сдѣлался, наконецъ, совсѣмъ бумажнымъ человѣкомъ.

Изрѣдка Петровскіе устраивали у себя вечеринки для сослуживцевъ Владиміра Николаевича: этого требовали служебныя отношенія. Дѣти тщательно укупоривались въ дѣтской, а хозяева вооружались терпѣніемъ. Собирались гости, говорили о погодѣ, объ инфлуэнцѣ, о дѣтяхъ, о начальствѣ; пили чай, потомъ засаживались за карты. Хотя Владиміръ Николаевичъ и заявилъ, что онъ въ принципѣ отрицаетъ карты, тѣмъ не менѣе принужденъ былъ научиться и въ преферансъ, и въ винтъ, чтобы, въ случаѣ надобности, составить партію... Потомъ слѣдовалъ ужинъ, за которомъ велись болѣе непринужденные разговоры. Здѣсь душой общества былъ Боярышниковъ, прозванный „увеселительнымъ газомъ“, вѣчно юный и розовый, не смотря на свои 50 лѣтъ, съ камердинерскими баками и манерами лакея изъ очень хорошаго дома. Онъ говорилъ тосты, съ барышнями сентиментальничалъ, съ дамами былъ игривъ, мужчинамъ шепталъ на ухо сальности, пить и ѣсть могъ, сколько угодно: „Лучше желудокъ себѣ испортить, чѣмъ хозяину что-нибудь оставить“,—острилъ онъ...

Всѣ хозяйки очень дорожили имъ, такъ какъ при немъ нечего было опасаться мертвыхъ паузъ, во время которыхъ слышится только звукъ ножей да чавканье...

— Говорятъ, натощакъ ѣсть вредно?—каждый разъ острилъ онъ, приступая къ ужину, и сразу водворялъ за столомъ веселое настроеніе. Потомъ, среди ужина, онъ каждый разъ вставалъ съ бокаломъ въ рукѣ и говорилъ:

— Милостивые государи и mes dames! три вещи я люблю больше всего въ жизни: женщинъ, хорошихъ извозчиковъ и хорошія папиросы!..

Каждый разъ неизбѣжно дамы нападали на него за то, что онъ остается холостякомъ, а Боярышниковъ при этомъ каждый разъ вставалъ, кланялся, прижавъ руку къ сердцу, и говорилъ:

— Я не имѣю права на Гименей: я принадлежу всѣмъ дамамъ!—и запѣвалъ жиденькимъ теноркомъ: „Милыя женщины, всѣмъ намъ пріятныя“...

И каждый разъ присутствующіе встрѣчали это дружнымъ смѣхомъ. Просидѣвъ до положеннаго часа, гости вставали, какъ по командѣ, прощались съ хозяевами и уходили, оставляя послѣ себя въ опустѣвшей квартирѣ впечатлѣніе неопредѣленнаго шума да табачный дымъ. Убиралось угощеніе, приводилась мебель въ порядокъ, открывались для освѣженія воздуха форточки, и хозяева со вздохами облегченія шли спать...

— Ушли,—и слава Богу,—говорила, зѣвая, Надежда Петровна.—Хорошо еще, что Боярышниковъ смѣшилъ...

— Ну, всѣ они хороши!—ворчалъ Владиміръ Николаевичъ...—Всѣ разговариваютъ единственно для сотрясенія воздуха...

И вправду: сослуживцы Петровскаго представляли мало интереса. Фогель, „нѣмецъ аккуратный“, былъ извѣстенъ развѣ только тѣмъ, что усердно пропагандировалъ повсюду бумажное бѣлье и первый ввелъ его въ употребленіе среди сослуживцевъ. Каретовъ, влюбленный въ свой вицъ-мундиръ и страстно мечтающій объ орденѣ, суетливый и неустанный, вѣчно бѣгалъ то туда, то сюда съ дѣловымъ, озабоченнымъ видомъ, согнувъ голову такъ, какъ будто собирался боднуть, и Петровскому казалось, что если снять съ Каретова вицъ-мундиръ, то онъ моментально уничтожится, какъ та знаменитая рыба, которая, пролежавъ тысячу лѣтъ, разсыпалась въ прахъ при первомъ прикосновеніи къ ней свѣжаго воздуха; разговаривалъ Каретовъ только о повышеніяхъ, орденахъ, наградахъ, а жена его, существо крайне сиротливое, сидя въ уголкѣ съ своей вѣчной рогулькой, исполняла роль мужнина эхо... Мало любопытнаго представляла изъ себя и чета На-

деждинскихъ: мужъ завалилъ себя по горло приватной работой, а жена служила на желѣзной дорогѣ, откуда брала себѣ еще работу на домъ; оба они цѣлые дни и вечера писали, считали, щелкали на счетахъ, одержимые маніей копить и носить сбереженія въ ссудо-сберегательныя кассы; молодые, здоровые, бездѣтные, они были ко всему на свѣтѣ равнодушны и оживлялись только тогда, когда рѣчь заходила о деньгахъ, доходахъ, процентахъ... Даже тѣ изъ сослуживцевъ—Гудасовъ, Ежовъ, Замятинъ,—которые читали журналы, бывали въ театрахъ, слѣдили за политикой, не были занимательны для Петровскаго: когда они затѣвали разговоръ, ему казалось, что они все списываютъ какія-то копіи, и даже копіи съ копій...

— „Или ужъ я въ самомъ себѣ ношу эту скуку?“ думалъ онъ иногда.

Съ прежними товарищами—Кудринымъ, Ржевскимъ, Можжевеловымъ и Булыжниковымъ—онъ всячески старался поддерживать отношенія, но не могъ приручить ихъ къ своему дому. Кудринъ училъ въ гимназіи словесности, любилъ свой предметъ, мечталъ „поставить его на должную высоту“, но... плохо ладилъ съ начальствомъ и вслѣдствіе этого страдалъ разлитіемъ желчи; Ржевскій готовился къ магистерскому экзамену и вращался въ университетскихъ кружкахъ; Можжевеловъ былъ ординаторомъ въ больницѣ и въ то же время страстнымъ музыкантомъ, а Булыжниковъ давалъ частные уроки за грошевую плату и все мечталъ сдѣлаться литераторомъ: пописывалъ изрѣдка въ газетахъ, помѣстилъ два — три очерка въ толстомъ журналѣ и задумывалъ большой романъ, за который никакъ не могъ приняться, потому что „нужда погоняла“... Неудачи преслѣдовали его: большая часть его очерковъ и статей возвращались къ нему изъ редакцій „безъ объясненій причинъ“.—Литературныхъ знакомствъ не имѣю—вотъ въ чемъ бѣда,—жаловался онъ Петровскому.— Вѣдь громадная разница, батенька, начнешь ли ты: „Милостивый государь, г. редакторъ! полтора года тому назадъ была прислана мною рукопись...“ или: „Милѣйшій Петръ Ивановичъ! третьяго дня за винтомъ, когда Васъ смѣнилъ добрѣйшій Иванъ Лукьяновичъ, я вручилъ Вамъ свою работу...“ и т. д... А вотъ я—увы! не играю съ Петромъ Ивановичемъ въ винтъ и не няньчу многочисленныхъ дѣтой Ивана Лукьяновича...

Всѣ эти товарищи, заходя изрѣдка къ Петровскому, начинали тотчасъ же посматривать на часы и ссылались на недосугъ: Кудринъ торопился довести до конца составляемый имъ учебникъ; Ржевскому необходимо было присутствовать въ какомъ-нибудь засѣданіи; Можжевелову предстояло играть въ квартетѣ, а Булыжникову—бѣжать на урокъ или въ редак-

цію... Петровскій понималъ, что имъ просто скучно у него: разговаривать съ Надеждою Петровной имъ не интересно, а молчать— неловко; съ сослуживцами его они говорятъ на разныхъ языкахъ и, видимо, въ душѣ считаютъ ихъ ничтожными людьми... Поэтому онъ предпочелъ, въ концѣ концовъ, сходиться съ ними въ ресторанѣ: тамъ, послѣ выпивки и закуски, языки развязывались, и говорились, какъ прежде когда-то, смѣлыя рѣчи о необходимости „реформировать" жизнь. Ржевскій проповѣдывалъ новую „эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, которую должны создать новые люди"; Кудринъ горячо говорилъ о „забытыхъ словахъ" и объ идеалахъ, завѣщанныхъ намъ лучшими людьми; Можжевеловъ стучалъ кулакомъ по столу, грозился „вывести всѣхъ интеллигентныхъ пошляковъ и буржуевъ на свѣжую воду"; а Булыжниковъ, аккуратно напивавшійся къ концу вечера, пропагандировалъ „крестовый походъ противъ рутины схоластики и всякаго пустоутробія", обѣщая на этихъ же дняхъ начать его въ газетахъ...

— Вотъ погодите, засяду за романъ, тогда и пить брошу!— повторялъ онъ, точно угрожая кому-то...

Петровскій уходилъ изъ ресторана въ самомъ воинствующемъ настроеніи: ему казалось, что онъ стоитъ теперь на порогѣ къ живому дѣлу, живой жизни...

Но уже на другой день утромъ, отправляясь съ портфелемъ на службу, онъ твердо зналъ, что ничего изъ этихъ разговоровъ не выйдетъ и все останется по прежнему. Да и обѣщанныя Булыжниковымъ статьи въ газетахъ не говорили ни о какомъ походѣ, а, наоборотъ, звучали чѣмъ-то не искреннимъ и трусливымъ: „съ одной стороны—съ другой стороны"... „нельзя не признать... но въ то же время нельзя и не пожелать"... Отъ всего этого вѣяло тѣмъ „пустоутробіемъ", на которое собирался ополчиться Булыжниковъ.

— Что это, братъ, какихъ петель ты напетлялъ въ своихъ статьяхъ?—спросилъ Петровскій, встрѣтивъ Булыжникова на улицѣ.

— Ничего не подѣлаешь!—вздохнулъ тотъ.—У насъ съ тобой одни взгляды, а у издателя — другіе; уперся на своемъ: „необходимо елеемъ смазать",—ну, я и смазалъ... Вѣдь у него всѣ убѣжденія сводятся къ одному: получать солидный дивидендъ съ газеты. Ну, а что касается меня, то... Когда съ одной стороны,—„независящія причины", а съ другой, — „обстоятельства, не терпящія отлагательства", вродѣ отсутствія сапоговъ,—тогда, братъ, призадумаешься... Знаю, что расхожусь по мелочамъ и притомъ довольно сквернымъ... Ну, да погоди: я вложу всю квинтъ—эссенцію въ свой романъ и разомъ искуплю всѣ свои грѣхи... А пока до свиданія. Пишу статью объ обществахъ трезвости: надо справки собрать...

Но Петровскій не вѣрилъ уже ни въ романъ, ни въ реформы, ни въ воскресеніе идеаловъ. Съ другой стороны, теща то и дѣло упрекала его:

— Бога вы не боитесь: у васъ дѣти, а вы по трактирамъ ходите!..

Мало-по-малу онъ отсталъ отъ компаніи, махнулъ рукой на всякія реформы и утѣшалъ себя только тѣмъ, что воспитаетъ дѣтей не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ, а по новому: „Если мнѣ самому суждено остаться получеловѣкомъ, такъ пускай хоть изъ дѣтей выйдутъ живые люди, а не автоматы"...

Но по временамъ внутри него что-то роптало и ныло. Иногда, торопясь на службу или со службы домой или въ гости съ женой, онъ чувствовалъ, какъ все его существо наполняетъ что-то сѣренькое, сѣренькое, точно безпросвѣтная осенняя мразь,—и конца этому сѣренькому не видно...

VIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Петровскій схоронилъ мать, впавшую за послѣднее время въ дѣтство, потомъ похоронилъ тестя, которому очень не хотѣлось умирать, такъ какъ онъ готовился быть дѣйствительнымъ статскимъ и уже писалъ въ свободпое время на бумажкѣ какимъ-то новымъ почеркомъ: „дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Тимоѳеевичъ Желтухинъ..."

Въ томъ и другомъ случаѣ появлялась неизбѣжная Глафира Ивановна (про нее говорили, что она, должно быть, набальзамирована), одушевленно хлопотала на похоронахъ и каждый разъ говорила съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія:

— Ну, кажется, все хорошо обошлось. Дай Богъ всякому...

Было раннее лѣто. Петровскій взялъ мѣсячный отпускъ и уѣхалъ съ семьей къ Софьѣ. Собственное имѣніе Петровскихъ было давно продано, и Владиміръ Николаевичъ съ трудомъ узнавалъ знакомое мѣсто: на рѣкѣ построили плотину, на мѣстѣ усадьбы Петровскихъ строился кирпичный заводъ; роща была вырублена, болота высушены, на мѣстѣ сада—огородъ: кругомъ стало ровно, однообразно, неприглядно. Попавъ на старое пепелище, Петровскій невольно вспомнилъ дѣтство, сестеръ—дѣвочекъ, прогулки въ рощу, веселую бѣготню по лугамъ и лѣснымъ полянамъ, беззаботный радостный смѣхъ и утреннія зори, когда онъ, проснувшись, выбѣгалъ потихоньку на крыльцо и весело перекликался съ пѣтухами... Невольно щемящее чувство грусти закралось къ нему въ душу отъ этихъ воспоминаній: сколько

тогда обѣщала жизнь—и какъ мало дала! Сколько съ тѣхъ поръ было затрачено имъ силъ, сколько принято на себя заботъ—и все для того только, чтобы потерять навсегда самое драгоцѣнное: радости жизни! Жизнь какъ будто подмѣнили и дали ему взамѣнъ ея черствую лямку... Когда это произошло и какъ, онъ не могъ отвѣтить на это, а только съ горечью повторялъ: „Нѣтъ, тутъ какая-то роковая ошибка, которую ужъ теперь не поправишь“...

— Помнишь, Софья, какъ мы тутъ бѣгали съ тобой?—говоритъ онъ сестрѣ.

— Да, да...—съ грустью отвѣчаетъ Софья.—А теперь вотъ даже ходить скоро не могу: сейчасъ дѣлается одышка...

Дѣйствительно, Софья страшно растолстѣла и стала очень похожа на покойную мать. Она порядкомъ одичала въ деревнѣ, отвыкла разговаривать, ходила въ широчайшей блузѣ и казалась старше своихъ лѣтъ. Съ мужемъ живетъ согласно—тѣмъ болѣе, что онъ ни во что не вмѣшивается, а сидитъ почти все время у себя въ кабинетѣ и занимается папиросами: то набиваетъ ихъ, то куритъ, то опять набиваетъ. Софья иногда забываетъ о его существованіи и даже не спрашиваетъ себя, любитъ она его или нѣтъ? Ее гораздо больше интересуетъ птичій дворъ, который она все расширяетъ. Къ курамъ она привязана почти такъ же нѣжно, какъ и къ двумъ своимъ малышамъ, толстымъ и бѣлымъ, какъ просвирки... Вѣчно озабоченная, вѣчно насторожѣ, она заранѣе терзается мыслью, что дѣти вдругъ заболѣютъ, вдругъ умрутъ, вдругъ будутъ плохо учиться. Ребенокъ еще не захворалъ, а она уже укладываетъ его въ постель; заслышавъ слово „скарлатина“, блѣднѣетъ и теряется отъ испуга; то и дѣло шлетъ земскому врачу тревожныя записки, умоляя его немедленно пріѣхать, или сама пріѣзжаетъ къ нему и изводитъ его жалобными разговорами на тему: „А вдругъ эпидемія? а вдругъ дифтеритъ?“... Или вдругъ ей ночью представится, что мужъ неизлѣчимо боленъ („Какъ-то странно онъ храпитъ по ночамъ“...), или что любимую ея курицу „княгиню“ утащилъ хорекъ (утромъ она замѣтила слѣды хорька возлѣ курятника): тогда она вскакиваетъ съ постели, крестится маленькими крестиками и будитъ мужа или идетъ справляться о курицѣ...

Въ послѣднее время ее безпокоитъ сестра. Клавдія такъ усердно учительствовала эту зиму въ сосѣдней школѣ, что исхудала и стала кашлять...

— Я боюсь, что у нея чахотка,—шептала Софья брату.

— А я боюсь, что она неравнодушна къ этому дураку съ блестящими глазами,—говорилъ Петровскій.

„Дуракъ съ блестящими глазами“ это—молодой Пустожиловъ, про котораго было извѣстно только, что онъ—родствен-

никъ Налимова. Гостя лѣтомъ у Налимова, онъ ухаживалъ за Клавдіей.—Хотя онъ разговарилъ только о лошадяхъ и собакахъ, но глаза его блестѣли такъ ярко, точно ихъ спрыснули апельсиннымъ сокомъ, и неотразимо дѣйствовали на Клавдію. Всѣ видѣли, что она какъ будто ожила и помолодѣла... Начали уже перешептываться о возможности свадьбы и намѣчали шаферовъ, какъ вдругъ Пустожиловъ скоропостижно женился на дочери предсѣдателя земской управы и укатилъ съ нею за-границу. Клавдія сразу осунулась, постарѣла, и на лицѣ ея застыло жалкое выраженіе... Она не могла больше ни учительствовать, ни жить у сестры и уѣхала съ братомъ.

— Опять будетъ цѣлые дни брюзжать,—ворчала Надежда Петровна.

Но Клавдія была уже не та, что прежде: не перекорялась съ Надеждой Петровной, не жаловалась вслухъ на тоску, а сидѣла молча у себя въ комнатѣ, и никто не зналъ, что она тамъ дѣлаетъ, о чемъ думаетъ. Изрѣдка появлялась набальзамированная Глафира Ивановна, проходила прямо въ комнату Клавдіи, и тамъ онѣ подолгу о чемъ-то шептались.

А время шло. Вотъ уже старшаго сына Петровскихъ, Гришу, начали учить. За это взялась Клавдія, которая знала звуковой методъ: въ комнатѣ стали по цѣлымъ часамъ раздаваться *ж-ж... с-с...*—шипящіе, свистящіе и другіе звуки. Вскорѣ послышались и унылые: *до, ре, ми, до-ми, ре-фа, ми-соль...*—и на Петровскаго, какъ встарь, пахнуло чѣмъ-то могильнымъ. И опять, какъ встарь, пошли въ квартирѣ Петровскихъ озабоченные разговоры о томъ, какъ трудно воспитывать дѣтей: въ какое учебное заведеніе ихъ готовить? отдавать ли Гришу въ классическую или въ реальную? да и какъ еще пойдутъ дѣти въ гимназіи?..

— Для дѣтей всего опаснѣе — переутомленіе, — говоритъ Петровскій.

— А всетаки нельзя терять времени,—возражаетъ Клавдія.

— А то дѣти отстанутъ отъ другихъ,—подхватываетъ Надежда Петровна.—Вотъ у Гудасовыхъ сынъ—ровесникъ Гриши, а онъ ужъ въ гимназіи. Нынче вездѣ такая конкурренція — страшно подумать! Чуть оплошаешь,—сейчасъ затрутъ! Пора ужъ и Лизу, и Юрочку учить... Вѣра Замятина уже подъ диктантъ пишетъ, а наша еще и читать не умѣетъ... Или ты не знаешь, что теперь на экзаменѣ требуютъ больше, чѣмъ стоитъ въ программѣ? Вотъ увидишь, что наши останутся въ хвостѣ... Тутъ зѣвать нельзя!

Петровскому давно знакомъ этотъ испугъ, это буравящее всѣхъ лихорадочное и жадное стремленіе урвать кусокъ для себя и для дѣтей, схорониться въ укромное мѣстечко и тамъ наскоро и боязливо глодать свой кусъ, съ вѣчной мыслью о

томъ, что вотъ-вотъ его не хватитъ, что вотъ-вотъ его отнимутъ, а въ другой разъ, пожалуй, и не урвешь... Петровскій чувствуетъ въ этой суматошной озабоченности что-то безсмысленное и унизительное, пробуетъ спорить съ женой, но когда она, скрестивъ руки, запальчиво спрашиваетъ: „Такъ что же прикажете дѣлать?“—онъ теряется и замолкаетъ съ видомъ непонятаго человѣка.

— Величественно-то молчать умѣетъ всякій, — саркастически замѣчаетъ жена, увѣренная, что ему нечего возразить.

И правда: въ глубинѣ души Владиміръ Николаевичъ и самъ ощущаетъ безсознательную тревогу, которую поселили въ немъ съ дѣтства; вѣдь и самъ онъ боится: а ну, какъ упустишь время? а ну, какъ дѣти вдругъ окажутся малоспособными и останутся за флагомъ?

— Поскорѣй бы ужъ отдать ихъ въ гимназію: все какъ будто спокойнѣе, и отвѣтственности меньше...—проносилось вдругъ въ его головѣ.

Но тотчасъ же ему дѣлалось стыдно: давно ли онъ самъ помышлялъ о болѣе разумномъ воспитаніи дѣтей и твердо намѣревался не приносить ихъ въ жертву рутинѣ? „Вѣдь они такъ любознательны, такъ воспріимчивы ко всему: многому хорошему можно бы научить ихъ“,—говорилъ онъ себѣ, глядя на оживленныя лица Гриши и Лизы... Но вслѣдъ за этимъ передъ нимъ вставалъ Горя Гудасовъ, уже зубрящій латынь, и Вѣра Замятина, уже познакомившаяся съ буквой *ѣ*... Онъ ощущалъ неопредѣленный страхъ и озабоченно твердилъ дѣтямъ:

— Ну, ну, довольно вамъ болтать... Вы приготовили свои уроки?..

Гришу и Лизу готовятъ въ гимназію и усиленно налегаютъ на букву *ѣ*, которая нѣкогда становилась поперекъ горла и Петровскому, и женѣ его, и сестрѣ...

— Въ сущности какая ерунда этотъ *ѣ*: стоитъ ли изъ-за него такъ надрываться?—сто разъ говорилъ Клавдіи и самому себѣ Петровскій; но когда Гриша писалъ *гулѣ* вмѣсто *гулять* (такъ какъ *ѣ*, по мнѣнію Гриши, = *ять*), Владиміръ Николаевичъ возмущался и кричалъ:

— Что это за идіотизмъ? Надо быть совсѣмъ глупымъ, чтобы писать такой вздоръ!..

Нерѣдко онъ съ горечью и насмѣшкой отзывался о гимназическихъ программахъ, чего никогда не приходило въ голову покойному Николаю Харитоновичу; но когда вспоминалъ, что дѣтямъ вскорѣ предстоитъ идти на экзаменъ, то морщился и, махнувъ рукой, говорилъ себѣ со вздохомъ:

— „Нѣтъ, ужъ пусть лучше придерживаются программы: вѣрнѣе будетъ“...

Къ тому же онъ получилъ болѣе видное мѣсто на службѣ,—занятія усложнились, и съ дѣтьми стало некогда возиться. Въ концѣ концовъ, онъ довольствовался тѣмъ, что, уходя утромъ на службу, въ вицъ-мундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой, останавливался противъ дѣтей и говорилъ:

— Ну, дѣти, смотрите,—не лѣнтяйничать!

А возвращаясь со службы, подзывалъ ихъ къ себѣ и долбилъ, какъ дятелъ:

— Надо быть внимательными. Надо готовить, какъ слѣдуетъ, уроки. Что дѣлать?—всѣ учатся, и вы должны учиться... Вы ужъ большіе: можете сами понять... Вамъ надо будетъ идти на экзаменъ. Вы провалитесь на экзаменѣ, если не будете учиться... Думайте объ экзаменѣ...—Потомъ, отпустивъ дѣтей, онъ съ досадой ударялъ кулакомъ по столу, и съ его губъ срывалось безпомощное:

— Эхъ!!...

IX.

Старое поколѣніе, какъ будто торопясь, сходило на глазахъ Петровскаго со сцены; нарождавшееся такъ же торопливо росло, училось, ломилось въ гимназіи, переходило изъ класса въ классъ... Жизнь катилась, какъ шаръ по наклонной плоскости. Старики уступали дорогу. Давно-ли теща ходила съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ и такъ энергично пристраивала сыновей къ мѣстамъ, а дочерей — къ мужьямъ? Давно-ли она умѣла такъ постоять за себя и за свою семью, такъ властно требовать себѣ повсюду привилегій — во-первыхъ, за то, что она—дама, во-вторыхъ, за то, что она—мать? А вотъ теперь она вдругъ какъ-то захирѣла, опустилась и потеряла всякій авторитетъ для дѣтей: они выслушиваютъ ее съ снисходительными улыбками, какъ старую чудачку, и продолжаютъ поступать по своему. У нихъ свои интересы, своя жизнь, отъ которой они ее ласково и почтительно отстраняютъ. Ей остается бродить по комнатамъ, звеня ключами, соваться безцѣльно по шкапамъ, ящикамъ, пересчитывать посуду, ложки, бѣлье... Смутно чувствуетъ старуха, что и здѣсь ея хлопоты не нужны, потому что все сдѣлано безъ нея двумя старшими дочерьми, которыхъ ей не удалось пристроить замужъ, — и всетаки она тычется день-деньской изъ угла въ уголъ, бьетъ со-слѣпу посуду, сыплетъ сахаръ въ соль, кладетъ вмѣсто салфетокъ носовые платки, возбуждаетъ въ прислугѣ смѣхъ...

Наконецъ, ея не стало. Она умерла, наказавъ передъ смертью дочерямъ прогнать кухарку, которую она заподозрила въ кражѣ сахара. Явилась Глафира Ивановна, грозившая

пережить нѣсколько поколѣній, и съ аппетитомъ похоронила покойницу: этой погребальной функціи у нея теперь уже никто не оспаривалъ...

Выходя послѣ похоронъ изъ воротъ кладбища, Петровскій услыхалъ за собой жидкій и безпокойный, знакомый ему голосъ:

— Никогда не надо выходить изъ дому безъ зонтика...

Петровскій обернулся и увидалъ Сергѣя Желтухина, младшаго сына покойной. Довольно плотный на видъ, но съ морщинистымъ, старообразнымъ лицомъ, медлительный и вялый, Желтухинъ шелъ сгорбившись, съ опущенной головой, возя по землѣ ногами; студенческая фуражка была надвинута до самыхъ ушей, шея втянута въ плечи, руки засунуты глубоко въ рукава... Накрапывалъ весенній дождикъ, и Желтухинъ поторопился взять Петровскаго подъ руку, чтобы укрыться подъ его зонтомъ.

— Вы знаете, — говорилъ какимъ-то мучительнымъ голосомъ Желтухинъ, волоча ноги въ высокихъ галошахъ: — эти весенніе дожди чрезвычайно опасны. Къ тому-же у меня голова озябла: вѣдь на могилѣ пришлось стоять безъ фуражки... Право, это—варварскій обычай. Не такъ-ли?

Петровскій не отвѣчалъ. Его ставилъ въ тупикъ этотъ сынъ, только что схоронившій мать, этотъ студентъ - математикъ, воплотившій въ себѣ цѣлую богадѣльню. Когда Петровскій обѣдалъ по праздникамъ у Желтухиныхъ, его смѣшилъ этотъ ходячій законъ самосохраненія, обнюхивающій каждый кусокъ, тревожно спрашивающій у всѣхъ: „не вредно-ли для желудка это блюдо?“ Онъ никогда не ѣлъ рыбы изъ страха подавиться костью, не пилъ сырой воды, горячаго чая, квасу, молока; методически разжевывалъ каждый кусокъ, предварительно остудивъ его, и послѣ обѣда въ продолженіе получаса полоскалъ ротъ теплой водой съ примѣсью какихъ-то капель. Ему вѣчно мерещились сквозняки, вредные запахи, чрезмѣрная сырость или чрезмѣрная сухость; когда подавали самоваръ, онъ тревожно нюхалъ воздухъ: „Кажется, чадъ?“— а когда подозрѣвалъ у кого-нибудь насморкъ, отсаживался отъ него подальше. Онъ не выносилъ шуму, громкихъ разговоровъ, хохоту, возни и, когда у Желтухиныхъ собиралось большое общество, не выходилъ изъ своей комнаты, дверь которой была завѣшана ковромъ, а щелки возлѣ петель тщательно заткнуты гигроскопической ватой...

— Теперь безъ мамаши у насъ въ домѣ будетъ еще больше безпорядка,—говорилъ Желтухинъ убитымъ голосомъ, стараясь цѣликомъ залѣзть подъ зонтикъ Петровскаго. — Я, знаете, думаю переѣхать куда-нибудь въ комнату, только это ужасно трудно: мнѣ вѣдь нужно прежде всего спокойствіе,

потому что, знаете, у меня неврастенія. Мнѣ надо, чтобы была капитальная стѣна, а вѣдь вы знаете, какія стѣны у этихъ комнатъ?.. И потомъ — воздухъ. Гдѣ вы найдете порядочную вентиляцію?—Форточки? Да вѣдь можно на смерть простудиться... И потомъ, вы знаете, мнѣ необходимо обѣдать въ опредѣленное время, потому что я въ значительной степени расположенъ къ диспепсіи...

Когда подъѣхали къ квартирѣ Желтухиныхъ, Петровскій былъ до того угнетенъ этими причитаніями, что счелъ необходимостью залпомъ выпить двѣ большихъ рюмки водки: „изъ закона самосохраненія“... мысленно пояснилъ онъ себѣ. Во время поминокъ Сергѣй усѣлся было съ однимъ изъ шуриновъ, но тотъ какъ-то подозрительно сопѣлъ, и студентъ поторопился пересѣсть къ Петровскому.

— Какъ это вы не боитесь пить водку? — говорилъ онъ, глядя на него испуганными глазами. — А потомъ этотъ кисель... Право, отъ него все слипнется внутри...

Съ этого дня Желтухинъ повадился ходить чуть не ежедневно къ Петровскому. Онъ приходилъ вечеромъ, такъ какъ поставилъ себѣ за правило прогуливаться на сонъ грядущій. Придетъ, поздоровается, вынетъ вату изъ ушей и скажетъ:

— А знаете, у меня сегодня вдругъ мурашки по спинѣ и нервозный жаръ...

Или:

— Представьте: насморкъ до сихъ поръ не проходитъ. Не знаю, что и дѣлать... Боюсь, какъ-бы онъ не обратился въ хроническій... А что, если у меня полипы?..

Или спроситъ:

— Какъ вы думаете: не отказаться-ли мнѣ совершенно отъ употребленія чаю?..

Затѣмъ садится и ноетъ въ продолженіе цѣлаго часа:

— Вчера гулялъ, переутомился, а третьяго дня поздно легъ: вотъ и плачусь за это... Я долженъ спать, по крайней мѣрѣ, десять часовъ въ сутки, а у насъ дома шумятъ... Знаете, я не выношу никакого прикосновенія реальной жизни; я даже думаю выйти на время изъ университета....

Чѣмъ-то противнымъ, вяжущимъ отдаетъ каждое его слово, каждое движеніе, и Петровскій мало по малу начинаетъ ощущать безпокойство, какое бываетъ при первыхъ приступахъ морской болѣзни...

Однажды, когда Петровскому пришлось съ утра корпѣть надъ бумагами, дома за обѣдомъ разговаривать о дороговизнѣ припасовъ и малоуспѣшности дѣтей, потомъ выслушивать унылые *до, ре, ми...* а вечеромъ—утѣшать Желтухина,—Петровскій не выдержалъ: схватилъ шапку и побѣжалъ къ Булыжникову, который незадолго передъ этимъ заходилъ къ нему

въ департаментъ и усиленно звалъ къ себѣ: „побесѣдовать, согнать съ лица морщины“.!.

Булыжниковъ сидѣлъ въ своемъ скверномъ номерѣ, заваленномъ ворохомъ газетъ, и писалъ. Онъ повернулъ къ Петровскому свое хмурое, припухшее отъ водки лицо, и, съ ожесточеніемъ ероша волосы, произнесъ:

— Ты застаешь меня за актомъ величайшей подлости!

— Что такое?

Булыжниковъ указалъ трагическимъ жестомъ на рукопись:

— Пишу для одной поганой газеты поганую статью.

— Это что-же значитъ? Съ какой стати?

— Разругался съ своимъ редакторомъ, этимъ румянымъ либераломъ: опротивѣлъ онъ мнѣ, какъ цытварное сѣмя!. Ну, да одинъ чортъ на дьяволѣ: одинъ другого лучше! Тутъ такая неразбериха пошла, что, право, все равно, гдѣ ни писать, лишь бы платили...

Онъ всталъ и заметался по тѣсной комнатѣ, половицы которой жалобно скрипѣли; потомъ остановился передъ Петровскимъ:

— Ты, конечно, бросишь въ меня камнемъ? Не возражай:— вижу!.. Развратился я—самъ это знаю... Да кто изъ насъ не развратился? Посмотришь кругомъ и скажешь себѣ въ утѣшеніе: „Не я одинъ,—и всѣ такъ“... Шиллеры превращаются въ Санчо-Пансовъ, идеалисты - учителя—въ деревянныхъ педантовъ, созданныхъ для того, чтобы умерщвлять все живое, передовые люди—въ убогихъ рутинеровъ. Сначала пробуютъ плыть противъ теченія, потомъ берутъ наискось, а тамъ и вовсе плывутъ по теченію... да еще похваливаютъ себя за это! Эхъ, братъ, обнищали мы всѣ душой! Были между нами такіе, которые когда-то ярко пылали, а теперь они тускло мерцаютъ, да еще коптятъ при этомъ... Ахъ, дружище, какъ нехороши „хорошіе“ люди и какъ непорядочны „порядочные!“ Сколько теперь развелось интеллигентныхъ кулаковъ, журналистовъ—лавочниковъ, поэтовъ съ маргариновой душой, студентовъ—фельдфебелей, разныхъ практическихъ молодыхъ людей, проворныхъ какъ ящерицы, и всякаго „мелкаго и крупнаго скота“!.. Знаешь что: сходимъ-ка къ Кудрину для душевныхъ разговоровъ: онъ—парень хорошій...

Кудрина застали за просмотромъ ученическихъ тетрадокъ.—„Зрѣніе ослабѣваетъ — вотъ, что плохо“... жаловался онъ гостямъ. — „А тутъ цѣлая гора тетрадей... Днемъ придешь изъ гимназіи разбитый, вечеромъ—частный урокъ или какое-нибудь засѣданіе: ну, и приходится сплошь и рядомъ по ночамъ сидѣть за тетрадями“...

Булыжниковъ предложилъ пойти „освѣжиться“:—Захватимъ Можжевелова... пожалуй, и Ржевскаго — и пойдемъ in

corpore въ ресторацію для междоусобныхъ разговоровъ. Кстати, во рту у меня послѣ вчерашняго какъ-то не уютно...

Можжевелова захватили въ больницѣ за вечернимъ обходомъ, Ржевскому оставили записку...

— Ржевскій придетъ, — замѣтилъ Булыжниковъ Петровскому:—онъ скоро читаетъ публичную лекцію,—ну и боится, какъ бы я не продернулъ его въ газетѣ... Приволочется!...

Скоро компанія сидѣла въ ресторанѣ за столомъ, уставленномъ закусками, и выпивала...

Спустя немного, явился Ржевскій и, при видѣ Петровскаго, сказалъ, кивнувъ на его животъ: „Однако“!.. Петровскій сконфузился и поспѣшилъ втянуть въ себя животъ, какъ эмблему буржуазной пошлости... Не смотря на водку разныхъ сортовъ, разговоръ плохо клеился...

— Снабжаете юношество полезными мыслями?—говорилъ Ржевскій Кудрину съ оттѣнкомъ покровительства. — „Даніилъ—Паломникъ, Даніилъ—Заточникъ... „Не лѣпо ли бяшеть, братіе“... и... что тамъ еще у васъ?

— Не всѣмъ же двигать науку, — возражалъ Кудринъ.— Однимъ дано вѣщать, а другимъ—кое-какъ излагать своими словами чужія мысли... Мы сидимъ,—вы возсѣдаете; мы смотримъ,—вы взираете: „чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ“...

Булыжниковъ заговорилъ было опять о своемъ романѣ, первую главу котораго онъ уже написалъ, а ко второй никакъ не могъ приступить, потому что „жрать надо“; впрочемъ, онъ скоро замѣтилъ, что всѣмъ было какъ-то неловко слушать его, махнулъ рукой и сказалъ: „Э, давайте лучше пить водку!“ Петровскій, по старой привычкѣ, началъ жаловаться на свое „глупое существованіе, не освѣщенное никакой идеей“, но тотчасъ же спохватился, вспомнивъ, что онъ уже тысячу разъ жаловался на это и тысячу разъ говорилъ о необходимости „какъ-нибудь реформировать жизнь“...

— Какія ужъ тутъ реформы!—возражалъ съ горечью Кудринъ, который прежде такъ горячо стоялъ за новыя формы жизни.—Надо заработать 250 рублей въ мѣсяцъ,—иначе концовъ съ концами не сведешь; ну, и бѣгаешь, высуня языкъ, по урокамъ. Пробовалъ урѣзать что-нибудь въ своемъ обиходѣ:—немыслимо! Жена, дѣти... Ничего не подѣлаешь.

— Такъ, батюшка, сложилась жизнь, — говорилъ Петровскому Ржевскій, точно дѣлая ему выговоръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ магистромъ исторіи, онъ усвоилъ манеру, разговаривая, „вколачивать гвозди“: выскажетъ сентенцію и затѣмъ глубокомысленно сопитъ, давая этимъ понять собесѣднику, что вопросъ исчерпанъ...

— Вы, милый мой, игнорируете историческій процессъ,—

продолжалъ онъ, просматривая въ пенснэ меню кушаній.— Съѣмъ-ка я почки въ мадерѣ.

— Но вѣдь такъ можно оправдать всякую пошлость!—горячился по старой привычкѣ Петровскій.

— Повторяю: нельзя игнорировать того, что называется генезисомъ...

— Ну, да вѣдь и у червоннаго валета есть свой генезисъ,—возражалъ Булыжниковъ, жадно глотая водку.—А вотъ вы, ученый мужъ, попробуйте-ка лучше мою комбинацію: полрюмки простой, полрюмки горечи и нѣсколько капель лимоннаго сока... Да вы понюхайте только! Не хвастаясь скажу, что этотъ вопросъ я разработалъ академически...

Послѣ пятой рюмки онъ говорилъ:

— Гнусненекъ я становлюсь,—чувствую, что гнусненекъ!

Послѣ седьмой восклицалъ:

— Да кто мы такіе? Мы—обноски человѣка! Мы—люди пошлые... въ лучшемъ смыслѣ этого слова!

А послѣ десятой коснѣющимъ языкомъ уныло бормоталъ что-то о необходимости „ур-регулировать ж-жизнь".

Можжевеловъ, потный, красный, смотрѣлъ на Петровскаго ласковыми, мутными глазами, хлопалъ его по колѣнкѣ и повторялъ патетически:

— О, жизнь, жизнь! „Гдѣ моя юность, гдѣ моя свѣжесть"? До чего изгадился! Прежде, бывало, Моцартъ, Бетховенъ, а теперь придешь домой,—нажрешься, напьешься и завалишься... Сквернота!..

— ...Пора, пора бросить это мальчишество!—съ ожесточеніемъ говорилъ себѣ Петровскій, идя на другой день на службу и вспоминая трактирные разговоры.—Вѣдь я ужъ коллежскій совѣтникъ... Стыдно!..

X.

Годы шли... Петровскому уже сорокъ слишкомъ лѣтъ. Онъ—статскій совѣтникъ. Животъ его еще больше закруглился, но теперь онъ не втягиваетъ его въ себя, а выпячиваетъ впередъ и при этомъ важно покачивается на ходу...

Съ подчиненными онъ начинаетъ уже усваивать генеральскій тонъ, а для просителей выработалъ систему невнятнаго бормотанья: „Конечно, вы совершенно правы, говоря вообще. И я, съ своей стороны,—разумѣется, въ предѣлахъ возможнаго... Все, что отъ меня зависитъ, хотя, впрочемъ, это— вопросъ будущаго.. Словомъ, будьте спокойны"...

По понедѣльникамъ у Петровскихъ бываютъ журфиксы, причемъ одинъ понедѣльникъ отводится для людей нужныхъ,

а другой—для мелочи. Оба Петровскіе, особенно Надежда Петровна,—страстные винтеры и могутъ просиживать за картами до утра... Лѣтомъ Владиміръ Николаевичъ катается на велосипедѣ, такъ какъ докторъ сказалъ ему, что лучшее средство противъ недовольства жизнью это—общій массажъ или движеніе на свѣжемъ воздухѣ...

Изрѣдка онъ заходитъ съ сослуживцами въ ресторанъ. Подбираются преимущественно солидные люди, обладающіе почтенными лысинами и не менѣе почтенными супругами... Идетъ Владиміръ Николаевичъ непремѣнно въ такой ресторанъ, гдѣ можно очень хорошо поѣсть; тщательно штудируетъ ресторанную карту, обсуждая меню обѣда съ видомъ человѣка, рѣшающаго сложную математическую задачу, и не безъ глубокомыслія толкуетъ о преимуществѣ балыка передъ бѣлорыбицей, а когда ѣстъ, то смакуетъ и повременамъ закрываетъ глаза, какъ бы прислушиваясь къ голосу желудка... Послѣ хорошаго обѣда онъ не прочь, разстегнувъ жилетъ, поговорить на игривыя темы: когда собирается исключительно мужская компанія, бесѣда, наскоро скользнувъ по разнымъ темамъ, сосредоточивается на клубничкѣ, какъ муха, которая, перелетая съ мѣста на мѣсто, усаживается, наконецъ, на блюдечкѣ съ вареньемъ...

Воспитаніе дѣтей по прежнему служитъ для Петровскихъ постояннымъ источникомъ заботъ и огорченій. Какъ прежде, Петровскій ругаетъ гимназію, ея учебники, программы и системы, но въ то же время безпрестанно говоритъ сыну:

— Помни, Григорій: чтобы двоекъ я у тебя не видалъ!

— Да „Пожарный“ ко мнѣ придирается...—гудитъ Григорій, какъ шмель.

— Вздоръ! Я самъ былъ гимназистомъ... Неужели ты настолько глупъ, что не въ состояніи вызубрить всю эту чепуху?

И понизивъ голосъ, онъ внушаетъ ему, такимъ тономъ, точно они представляютъ собой двухъ заговорщиковъ:

— Я самъ понимаю, что все это—галиматья; ну, и нужно отбыть поскорѣе эту повинность... А то, братъ, тебя всѣ опередятъ... да и отъ матери тебѣ влетитъ. Надо, братъ, какъ ни какъ изловчаться. Ничего не подѣлаешь: таковъ ужъ порядокъ вещей...

Григорій стоитъ, насупившись, и молча пощипываетъ зародыши усовъ на губѣ. У него, какъ нѣкогда у отца, уже выработался тотъ упрямо-угрюмый видъ, съ которымъ онъ выслушиваетъ всевозможныя внушенія, смотря въ уголъ и думая про себя: „Э, давно я знаю всѣ эти рацеи!“

Когда онъ выходитъ отъ отца, на него обрушивается мать:

— Будешь ли ты, наконецъ, думать о себѣ? Вонъ Петя Извольскій идетъ первымъ, Степановъ каждый годъ пере-

ходитъ съ наградой, а ты торчишь въ послѣднемъ десяткѣ! У тебя опять двойки... Ты не кончишь курса, гадкій мальчишка! Ты никогда не пробьешь себѣ дороги!

Голосъ Надежды Петровны, властный и зычный, раздается по всей квартирѣ, такъ что самъ Владиміръ Николаевичъ, сидя у себя въ кабинетѣ, ежится и потихоньку называетъ жену „брантъ-мейстеромъ"...

Отдѣлавшись отъ матери, Григорій, подъ предлогомъ совмѣстныхъ занятій, бѣжитъ къ кому-нибудь изъ товарищей, съ которымъ долго болтается по улицамъ, засматривая безцеремонно подъ шляпки встрѣчныхъ дамъ. Григорій любитъ стричься бобрикомъ и лихо заламывать фуражку на бекрень. Играетъ потихоньку отъ родителей на тотализаторѣ, влюбленъ въ лошадей и мечтаетъ сдѣлаться поскорѣе студентомъ, чтобы носить шинель, шпагу и быть похожимъ на офицера.

Сестра его, Лиза, тоже имѣетъ секреты отъ родителей. Она развита не по лѣтамъ, практична, умѣетъ отлично притворяться наивной и хочетъ во что бы то ни стало выдти за богатаго, чтобы ѣздить на своихъ лошадяхъ: она, какъ и братъ, всему въ мірѣ предпочитаетъ хорошихъ, породистыхъ лошадей...

Раза два-три въ годъ наѣзжаетъ Софья Николаевна съ мужемъ и дѣтьми, которыхъ не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ. Она больше прежняго страдаетъ одышкой, вѣчно жалуется на развращенность мужиковъ, которые разоряютъ ее съ мужемъ, и вѣчно со страхомъ ждетъ, что вотъ—вотъ они подожгутъ усадьбу... У нея было шестеро дѣтей, но въ живыхъ остались только двѣ дѣвочки, блѣдныя, худосочныя, съ бѣлесоватыми глазами, вѣчно страдающія золотухой; мать кормитъ ихъ только бульономъ и котлетами, кутаетъ даже лѣтомъ, а въ холодную погоду совсѣмъ не выпускаетъ изъ комнаты. Надо признаться, что курамъ у нея живется лучше, чѣмъ дѣтямъ: куры совершенствуются, а дѣти хилѣютъ... Учатся онѣ у нѣмки гувернантки, которая выше всего на свѣтѣ ставитъ чистоплотность.

Самъ „Жеваный" по прежнему ни во что не вмѣшивается: онъ участвуетъ только въ рожденіи дѣтей, а затѣмъ—въ ихъ похоронахъ. Ничего не читаетъ, а если и прочтетъ случайно книжку журнала, то можетъ черезъ недѣлю перечитывать ее, какъ новую. Бывая у Петровскихъ, онъ молча по цѣлымъ часамъ перелистываетъ ноты на роялѣ или вертитъ въ рукахъ какую-нибудь бездѣлушку; подойдетъ къ окну и посмотритъ на улицу, откроетъ рояль и машинально надавитъ пальцемъ клавишу; развернетъ книгу и опять закроетъ ее... Надежда Петровна презираетъ его отъ всей души.

Клавдія Николаевна стала сестрой милосердія, ходитъ съ

крестомъ на груди и уныло говоритъ, что она теперь „совсѣмъ, совсѣмъ счастлива“... Пожелтѣла, высохла и все собирается ѣхать на чуму; но и теперь еще у нея на щекахъ появляются красныя пятна, всякій разъ когда при ней упоминаютъ про Пустожилова. „Дуракъ съ блестящими глазами“ сдѣлался недавно инспекторомъ народныхъ училищъ: это устроила его жена, при помощи которой онъ со всѣмъ уѣздомъ породнился.

Желтухинъ два раза выходилъ изъ университета, но, наконецъ, кончилъ таки курсъ и женился, такъ какъ пришелъ къ убѣжденію, что бракъ — одно изъ сильныхъ средствъ противъ неврастеніи. Женился онъ на богатой вдовѣ, которая старше его на десять лѣтъ: полная женщина съ большими маслянистыми глазами на выкатѣ, которыми она, по выраженію старичковъ, „какъ-то мажетъ по сердцу“... У Желтухиныхъ очень теплая и сухая квартира и прекрасная обстановка, составляющая предметъ гордости хозяйки; но обстановку съѣдаетъ моль, а хозяевъ — скука. Впрочемъ, Желтухинъ убѣжденъ, что для неврастеника нужны двѣ вещи: отсутствіе впечатлѣній и усиленное питаніе... Бывая у Желтухиныхъ, Петровскій выходитъ отъ нихъ съ такимъ чувствомъ, точно онъ провалялся въ жаркій лѣтній день на мягкой перинѣ. „Живутъ мирно и жирно“, говоритъ онъ про нихъ съ насмѣшкой...

А Глафира Ивановна все жива и даже за послѣднее время какъ будто помолодѣла. Хоронить—сдѣлалось положительно маніей этого ходячаго бюро похоронныхъ процессій. Она обожаетъ покойниковъ, и Петровскому, когда она ласково смотритъ на него, каждый разъ чудится, что Глафира Ивановна все хочетъ сказать ему:

— Умирайте-ка поскорѣе: ужъ я васъ такъ-то хорошо похороню!..

Но Петровскому умирать не хочется; а между тѣмъ онъ съ грустью замѣчаетъ, что у него начинаютъ рѣдѣть волосы, выпадаютъ зубы, побаливаетъ поясница... Все чаще встрѣчаетъ онъ въ газетахъ публикаціи о смерти людей его поколѣнія, и каждый разъ при этомъ по его душѣ пробѣгаетъ холодная струйка: надвигается неизбѣжная старость, а за нею—смерть...

Однажды утромъ онъ прочиталъ въ газетѣ публикацію о смерти Булыжникова. Это потрясло его и выбило на время изъ привычной колеи. Не такъ давно еще Булыжниковъ приходилъ къ нему чуть не ежедневно, осунувшійся, съ воспаленными глазами, въ пальто, пестрѣющемъ заплатками; его брюки, выгорѣвъ на солнцѣ, пріобрѣли всѣ цвѣта радуги съ замѣтнымъ преобладаніемъ оранжеваго. Булыжниковъ входилъ,

здоровался и, глядя на Петровскаго виноватымъ взглядомъ, говорилъ нерѣшительно:

— А не пойти ли намъ пирожокъ съѣсть?

„Съѣсть пирожокъ" значило: пойти въ трактиръ и напиться. Петровскій нѣсколько разъ ходилъ съ нимъ „ѣсть пирожокъ", терпѣливо выслушивалъ его жалобы на то, что у него нѣтъ „никакого ни удовольствія, ни продовольствія", старался понять его несвязныя рѣчи о задуманномъ романѣ и убѣждалъ его бросить водку. Каждый разъ Булыжниковъ давалъ зарокъ, а на другой день являлся съ приглашеніемъ „отвѣдать пирожка". Наконецъ, Петровскій началъ тяготиться его компаніей и отказываться отъ „пирожка"; но Булыжниковъ все ходилъ къ нему въ своихъ оранжевыхъ брюкахъ, принося водку съ собой, и, потирая съ жалкимъ видомъ руки, говорилъ:

— Если я ужъ такъ противенъ твоей женѣ, то я лучше уйду... Я самъ знаю, что мой костюмъ... мои панталоны вносятъ нѣкоторый диссонансъ, но дѣло въ томъ, что на душѣ смрадно...

Надеждѣ Петровнѣ онъ, дѣйствительно, былъ противенъ, и она за глаза называла его не иначе, какъ „голландскимъ нищимъ"... Въ послѣдній разъ Булыжниковъ вошелъ въ комнату, не снимая пальто, растерянно потоптался по ковру и, сказавъ: „околѣвать надо", ушелъ.

Послѣ этого онъ больше не приходилъ,—какъ вдругъ появилась въ газетахъ публикація о его смерти и коротенькій некрологъ...

На похоронахъ Петровскій встрѣтилъ, послѣ долгой разлуки, Кудрина, Можжевелова и Ржевскаго, еще болѣе, чѣмъ прежде, чуждыхъ другъ другу и покойнику. Кудринъ безпрестанно посматривалъ на часы и все боялся опоздать на урокъ; Можжевеловъ пріѣхалъ на кладбище на парѣ рыжихъ и, снявъ шапку, обнаружилъ лысину во всю голову; а когда пропѣли „Вѣчную память", онъ, обращаясь къ Петровскому, сказалъ только:

— Да, любилъ покойничекъ выпить, — и уѣхалъ, важно покачиваясь на резиновыхъ шинахъ.

Ржевскій, сухой и надменный, носилъ золотыя очки и подавлялъ всѣхъ своей неумолимой корректностью.

— А вѣдь было время, когда возлагали на него какія-то надежды,—сказалъ онъ Петровскому, кивая на гробъ.—Ну, а вы что подѣлываете?

Говоря это, онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника такъ, какъ будто заранѣе изумлялся нелѣпости того, что тотъ отвѣтитъ: это появилось у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался профессоромъ.

— Ничего, служимъ, отечество спасаемъ,—отвѣчалъ Петровскій съ той иронической усмѣшкой, которая появлялась у него всякій разъ, когда онъ говорилъ о своей службѣ.

— Ну, и въ чемъ же, собственно, состоитъ ваша служба?

Петровскій разсказывалъ, а Ржевскій смотрѣлъ на него черезъ очки съ такимъ видомъ, съ какимъ разсматриваютъ въ Зоологическомъ саду обезьянъ, ловко копирующихъ движенія человѣка...

Петровскій покинулъ кладбище съ тяжелымъ чувствомъ, какого онъ не испытывалъ прежде ни на однихъ похоронахъ. Онъ все еще видѣлъ передъ собой только что вырытую, поджидающую своей жертвы могилу, слышалъ звуки мерзлой земли, сбрасываемой на гробъ. Въ ушахъ его звучали слова Булыжникова: „околѣвать надо“,—и въ первый разъ въ жизни ему показалось дикимъ, какъ никто изъ живыхъ не принималъ этого на свой счетъ. Каждый, глядя на могилу, какъ будто думалъ, что *это* относится только къ Булыжникову, а ужъ никакъ не къ нему...

— „А вѣдь на этихъ же дняхъ могутъ опустить меня, Кудрина, Ржевскаго въ такую же яму“, — говорилъ себѣ Петровскій, уходя съ кладбища,—и ни погребальные обряды, ни цвѣты, ни вѣнки, ни памятники съ утѣшительными надписями, ни философствованія на тему: „Спящій въ гробѣ мирно спи“...—не могли закрыть отъ него жестокую картину тщеты и разрушенія. Невольно промелькнула передъ нимъ вся его быстро промелькнувшая жизнь, начиная съ дѣтства, и онъ спрашивалъ себя съ изумленіемъ, съ испугомъ:

— Такъ неужели вотъ это-то, маленькое, скудное, безсодержательное, что̀ составляло и составляетъ мою жизнь, и есть именно жизнь?!

Въ эту минуту онъ такъ ясно видѣлъ ничтожный конецъ своей ничтожной жизни, и ему хотѣлось остановить жизнь, задержать ее, чтобы не летѣли съ такой безпощадной быстротой мѣсяцы и годы; но онъ зналъ, что они мчатся, не останавливаясь, какъ будто весь смыслъ жизни заключается въ томъ, чтобы прожить ее какъ можно скорѣе...

Впрочемъ, то, чего не могли сдѣлать философскія размышленія, сдѣлала обыденная жизнь: бумаги за такими-то №№, приходо-расходная книга, коклюшъ у младшаго, двойки за экстемпорале у старшаго, новости, сплетни и пересуды дома и на службѣ и тысячи неуловимыхъ мелочей, изъ которыхъ сплетается жизнь, все это затянуло прорвавшуюся тину, и къ вечеру того же дня Петровскій уже значительно поуспокоился. Ложась спать и разсѣянно перелистывая одинъ изъ очерковъ Булыжникова, Петровскій раздумывалъ о жизни, и въ душѣ его шевелилось сожалѣніе о чемъ-то, желаніе че-

го-то, смутное недовольство собой... Но потомъ онъ началъ жмуриться, потягиваться въ полудремотѣ.

— Туши свѣчку,—пробормотала спросонья жена. — Еще пожару надѣлаешь.

Петровскій дунулъ на свѣчку, натянулъ на себя одѣяло и, позѣвывая, произнесъ, въ видѣ возраженія кому-то:

— Н-да... какъ ты тамъ ни разсуждай, а прежде всего надо дослужить до пенсіи...

Н. Тимковскій.

ТѢНИ.

I.

„Свѣтъ побѣдитъ! Молчите вы, сомнѣнья!"
— И вотъ опять ликуютъ ложь и грязь...

„Весь міръ придетъ на праздникъ примиренья
Торжествовать любви и братства связь".
— Но вотъ гремятъ орудья разрушенья,
И снова кровь рѣкою полилась...

II.

Все выше волны,
  Грознѣе шумъ...
Часъ, страха полный
  И гордыхъ думъ!
Какъ жадно сердце
  Стремится жить,
Все, все увидѣть,
  Обнять, вмѣстить;
Какъ сладко думать:
  Подобный мигъ
Среди столѣтій
  Лишь разъ возникъ!
Но... челнъ твой въ бездну
  Летитъ съ горы:
Ты не узнаешь
  Конца игры...

П. Я.

ВОДЫ ЭДЕРЫ.

Романъ Уйда.

(Переводъ съ англійскаго).

I.

То была страна обширныхъ пастбищъ, поросшихъ верескомъ пустошей, горныхъ ключей и рѣчекъ, лѣсовъ, холмовъ и малонаселенныхъ долинъ, съ невидимымъ моремъ на западѣ и горами, видимыми отовсюду и безконечно мѣняющими свои очертанія.

По ней бродили лишь пастухи. На ея заброшенныхъ дорогахъ очень рѣдко появлялись вьючные мулы и разносчики. Подъ ея дерномъ таился мраморъ и другіе минералы, но никто ихъ не искалъ; безмятежный покой озеръ нарушался только водяными птицами да ихъ преслѣдователями. Развалины храмовъ и дворцовъ покрылись дикими цвѣтами и ягодами. Буйволы паслись тамъ, гдѣ пировали императоры, и выпь, медленно махая крыльями, пролетала надъ полями давно забытыхъ битвъ.

Стояло время года, когда черезъ эту пустынную страну проходили стада, перегоняемыя изъ долинъ въ горы. Пастухи, въ козьихъ шкурахъ мѣхомъ наружу, загорѣлые, бородатые, обросшіе волосами, напоминали сатировъ. Стада—охромѣвшія, измученныя дорогой, жалобно блеющіе ягнята и козлята, порой выбивались изъ силъ. Отстававшимъ перерѣзывали горло и жарили ихъ мясо на вечернемъ кострѣ, пекли въ горячей золѣ, а если по близости оказывался городъ или селеніе, то маленькіе трупики павшихъ сбывались туда. Часто такимъ же образомъ падаетъ и овчарка или ея щенокъ, но ради нихъ пастухи, конечно, не остановятся: эти животныя оставляются на произволъ судьбы и гибнутъ отъ голода и жажды.

Добрый пастырь — лживыя слова. Никто не бываетъ такъ жестокъ, какъ пастухъ. Да иначе онъ не вынесъ бы и дня подобной жизни.

Все, что онъ дѣлаетъ, жестоко. Онъ бросаетъ каменьями въ свое стадо, когда оно останавливается противъ его желанія. Онъ калѣчитъ самцовъ и отгоняетъ отъ сосуновъ самокъ. Онъ

стрижетъ ихъ шерсть каждую весну, не обращая вниманія на то, что кровь сочится черезъ ободранную кожу. Хромоногихъ, искалѣченныхъ животныхъ онъ гонитъ по голышамъ, по сланцамъ и по знойной пыли, заставляя дѣлать иногда по двадцати миль въ день.

Для развлеченія онъ стравливаетъ лучшихъ животныхъ изъ своего стада. Въ праздничные дни это отдыхъ и забава всѣхъ пастуховъ; они бьются объ закладъ до тѣхъ поръ, пока на голову барана не поставятъ всего, что имѣютъ, а это весьма немного: одинъ—свои штаны, другой—свою кожаную куртку, третій—свою пригожую жену. Побитый баранъ, если въ немъ еще осталось сколько нибудь жизни, закалывается владѣльцемъ, такъ какъ считается, что онъ опозорилъ свое „branco“ *).

Въ это воскресенье, въ день всѣхъ святыхъ, они забавлялись такимъ образомъ на участкѣ луга, въ округѣ, извѣстномъ подъ именемъ Долины Эдеры.

На луговинѣ, очищенной отъ папоротника и вереска, образуя кругъ, сидѣли зрители; трое изъ нихъ были пастухи, остальные крестьяне. По серединѣ круга были два барана, выбранные изъ стада и натравленные другъ на друга подобно двумъ боксерамъ. Они сначала подвигались медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, пока, наконецъ, не столкнулись со страшной силой и съ трескомъ ихъ твердые, какъ бы высѣченные изъ камня, два лба; затѣмъ каждый боецъ, пораженный ударомъ, отступилъ назадъ, ошеломленный и огорошенный ударомъ, чтобы оправиться, перевести духъ и собрать новыя силы; они нападали другъ на друга послѣдовательными приступами, пока, наконецъ, слабѣйшій не падалъ, искалѣченный и безъ сознанія, чтобы больше не подняться.

Одинъ изъ барановъ былъ старый, другой молодой: нѣкоторые изъ пастуховъ говорили, что старый, какъ болѣе осторожный и болѣе опытный, имѣлъ преимущества; по силѣ и по росту они были почти равны, но старый былъ уже прежде въ подобныхъ поединкахъ, молодой же—никогда.

Молодой думалъ, что для побѣды ему нужно только броситься стремительно, опустивъ голову внизъ; старый зналъ, что этого недостаточно. Молодой былъ ослѣпленъ страстью и рвался въ бой нетерпѣливо, старый былъ хладнокровенъ и разсудителенъ, парировалъ и выжидалъ.

Бойцы встрѣтились въ послѣдней, четвертой схваткѣ; старшій ударилъ головою съ такой яростью, что младшій зашатался и не могъ уже возвратить удара: его лобная кость была разбита, онъ упалъ на землю; старшій ударилъ его

*) Стадо.

разъ, другой и третій, среди шумныхъ аплодисментовъ тѣхъ, которые держали за него; кровь била ключомъ изъ черепа, раздробленнаго на мелкіе осколки, страшныя судороги потрясали его тѣло и конечности; баранъ высовывалъ языкъ, какъ бы хватая имъ воду; проигравшіе проклинали его всѣми проклятіями, которыя они только знали; они не перерѣзали ему горла, считая его все равно уже мертвымъ.

— Это было подло, что вы сдѣлали,—сказала маленькая нищая, которая, проходя мимо и захваченная отвратительной картиной битвы, невольно остановилась, дожидаясь ея исхода. Пастухи смѣялись; выигравшіе обмывали раны побѣдителя у маленькаго ручейка, который былъ подъ рукою; проигравшіе швыряли каменьями въ побѣжденнаго.

Дѣвочка опустилась на колѣни возлѣ умирающаго барана, чтобы спасти его отъ града камней; она осторожно приподняла его голову и попыталась влить въ ротъ ему воды изъ бывшей съ нею, маленькой деревянной чашки, которую она наполнила водой изъ рѣчки. Но онъ не могъ глотать; его прекрасные опаловые глаза подернулись пеленою, онъ дышалъ съ трудомъ, на губахъ его появилась кровавая пѣна, и струя крови сбѣгала по мордѣ; дрожь снова пробѣжала по всему его тѣлу, затѣмъ голова его безжизненно упала къ колѣнямъ. Дѣвочка съ нѣжностью коснулась его разбитыхъ роговъ, его свалявшейся шерсти.

— Зачѣмъ вы стравили ихъ?—сказала она голосомъ, въ которомъ звучало негодованіе.—Это подло. Онъ былъ моложе и зналъ меньше.

Выигравшіе смѣялись. Проигравшіе начали снова проклинать его: осрамилъ свое „branco“. Они сдерутъ съ него шкуру, положатъ его въ котелъ надъ костромъ и, даже когда примутся глодать его кости, будутъ проклинать его, какъ ничтожное отродье негодяевъ; это сынъ трижды проклятой овцы.

Дѣвочка знала, что они всегда поступали такимъ образомъ. Она осторожно положила его разбитую голову на траву и выплеснула воду изъ своей чашки; глаза ея были полны слезъ; она не могла возвратить ему его молодой жизни, его идиллическихъ наслажденій, удовольствія, съ которымъ онъ щипалъ траву, его грубой любви, его веселыхъ прыжковъ, его здороваго сна, его ароматнаго дыханія.

Онъ умеръ ради увеселенія и возбужденія безобразныхъ страстей людей, точно такъ же какъ, если бы онъ жилъ дольше, онъ умеръ-бы, въ концѣ концовъ, для удовлетворенія ихъ аппетитовъ.

Она смотрѣла на его трупъ съ состраданіемъ, слезы стояли у нея въ глазахъ; затѣмъ она отвернулась и, когда пошла, то увидала, что убогое и дырявое платье ея было все

забрызгано кровью, а также были красны отъ крови и ея руки; раньше она объ этомъ не подумала; она думала только о немъ. Пастухи не обратили на нее вниманія, они жестоко спорили и ссорились изъ за того, кто проигралъ и выигралъ, тыкая пальцами другъ другу въ лицо и оскверняя мирный покой дня грязными ругательствами.

Дѣвочка проскользнула въ верескъ съ безшумной быстротою зайца; теперь, когда не было больше стимула для негодующаго состраданія, она стала бояться этихъ животныхъ: если имъ взбредетъ въ голову, они могутъ такъ-же жестоко поступить съ ней, какъ и со своимъ стадомъ.

Изъ страха къ нимъ она спустилась къ рѣкѣ не сразу, а направилась сперва въ благоухающій, кишѣвшій пчелами, густолиственный верескъ; она слышала шумъ рѣки справа все время, пока шла. Эту мѣстность она знала мало, но она видѣла уже Эдеру и переходила ее выше по теченію, по одному изъ грубыхъ бревенчатыхъ мостовъ.

Когда она отошла отъ мѣста, гдѣ былъ бой барановъ, приблизительно, какъ ей казалось, на полмили, она измѣнила направленіе и повернула вправо. Журчаніе воды въ рѣкѣ служило ей путеводителемъ. Она подвигалась впередъ медленно, съ трудомъ пробираясь черезъ чащу вереска и дрока, которые поднимались выше головы ея и вѣтви которыхъ плотно переплелись между собою.

Черезъ нѣкоторое время, однако, она достигла спуска къ берегу, гдѣ пѣсня рѣки стала доноситься до нея яснѣе. За нѣсколько ярдовъ до потока верескъ исчезъ и замѣнился разнообразными водяными растеніями и густой чащей акацій; она сошла внизъ по берегу между стволами и спустилась босыми ногами къ тому мѣсту, гдѣ густо засѣлъ конскій щавель и песокъ становился вязкимъ. Она осмотрѣлась кругомъ, вверхъ и внизъ по теченію; никого и ничего не было видно, кромѣ береговъ, розовыхъ отъ цвѣтущаго вереска, да по ту сторону, на противоположномъ берегу, вдали возвышались горы нѣжныхъ аметистовыхъ оттѣнковъ. Вода вообще была довольно низкая, песокъ и голыши оставались обнаженными, но во многихъ мѣстахъ было все еще глубоко.

Она раздѣлась, вошла въ воду и смыла кровь, которая къ этому времени успѣла присохнуть къ ея тѣлу. Кажется, ей было жаль грязнить этотъ чистый, свѣтлый, блестящій потокъ; но она не имѣла возможности избавиться отъ этихъ темныхъ пятенъ инымъ путемъ, и у нея не было другой одежды, кромѣ несчастныхъ шерстяныхъ лохмотьевъ.

Ея сердце все еще болѣло о судьбѣ побѣжденнаго барана, и глаза ея снова наполнились слезами, когда она смывала

кровь его въ веселыхъ струяхъ потока. Но свѣжая вода дѣйствовала успокоительно, солнце блестѣло на ея свѣтлой поверхности, вѣтерокъ раскрывалъ цвѣты живокости и норичника, запахъ вереска стоялъ въ воздухѣ.

Она была только ребенокъ и развеселилась, и перепрыгивала съ отмели на отмель, и плескала себѣ водою черезъ голову, и скакала передъ своимъ собственнымъ въ ней отраженіемъ, и забыла свое горе. Послѣ она вымыла свои юбки, на сколько это было возможно въ одной водѣ, безъ мыла, и въ продолженіи всего этого времени она оставалась голой, какъ наяда; солнце играло на ея смугломъ, худощавомъ, дѣтскомъ тѣлѣ такъ-же, какъ играло на стволѣ смоковницы или на перьяхъ лысухи.

Затѣмъ, когда она вымыла свою юбку, она разложила ее сушить на пескѣ и сѣла около нея, чтобы, послѣ продолжительной ванны, пожарить на солнцѣ свои члены. Кругомъ не было видно никого; если бы кто - нибудь приблизился, она могла - бы спрятяться подъ большими листьями лопушника, пока тотъ не прошелъ-бы мимо. Былъ самый полдень; обѣ юбки, шерстяная и пеньковая, подъ вертикальными лучами солнца нагрѣлись и отъ нихъ шелъ паръ; вскорѣ она была такъ-же суха, какъ берегъ, покрытый гальками, съ котораго вода сбыла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Она сидѣла, обнявъ руками колѣни, голова ея отяжелѣла, но ей не слѣдовало спать, хотя то и былъ часъ сна. Кто-нибудь могъ пройти мимо и украсть ея одежду, — думала она, а тогда—откуда она достанетъ себѣ другую?

Когда юбка совершенно высохла, кровяныя пятна были все еще видны на ней; но они были уже не красныя, а казались какъ-бы запачканными пескомъ. Она завязала ее вокругъ таліи, затѣмъ надѣла рубашку и поверхъ всего повязала старый малиновый кушакъ. Затѣмъ она подняла свой маленькій узелокъ, въ которомъ была деревянная чашка и изломанный гребень, нѣсколько лоскутковъ пеньковой матеріи и маленькій кукурузный хлѣбецъ, и направилась внизъ по рѣкѣ, шлепая и прыгая, какъ это дѣлаютъ трясогузки, перескакивая съ камня на камень и проваливаясь иногда по колѣна въ ямы.

Она не имѣла понятія о томъ, гдѣ проведетъ ночь или гдѣ достанетъ себѣ что-нибудь поѣсть; но эти размышленія едва-ли тяготили ее; она спала превосходно подъ стогомъ или въ какомъ-нибудь сараѣ и привыкла къ голоду. Пока никто не трогалъ ее, она была довольна. Погода стояла хорошая, и страна была спокойная. Она горевала только о мертвомъ баранѣ. Теперь они подвѣсили его уже, вѣроятно, за ноги на деревѣ и содрали шкуру.

Ей было жаль его; но она весело прыгала въ водѣ, какъ прыгаетъ зимородокъ, и едва-ли даже интересовалась тѣмъ, куда теченіе приведетъ ее.

На одномъ изъ изгибовъ рѣки она подошла къ мѣсту, гдѣ между камышами, наблюдая за своими рыболовными сѣтями, сидѣлъ молодой парень.

— Ай! — раздался ея пронзительный, испуганный крикъ, какъ крикъ птицы, которая увидала охотника. Она сразу остановилась; въ этотъ моментъ вода ей доходила до колѣнъ. Она обѣими руками придерживала свои юбки, чтобы спасти ихъ и не замочить вторично; ея маленькій узелокъ раскачивался у нея на головѣ, огонь засверкалъ въ ея большихъ темныхъ глазахъ. Юноша обернулся и увидалъ ее.

Она была еще очень молоденькая дѣвочка, самое большее лѣтъ тринадцати; ея узкая, плоская грудь была еще грудью ребенка, ея узкія плечи и узкія бедра показывали скудость питанія и лишенія всякаго рода; ея руки и ноги были коричневыя отъ игры солнца на обнаженномъ тѣлѣ; онѣ состояли изъ кожи и костей, нервовъ и сухожилій, и походили на деревянныя палки. Всѣ вены и мускулы выступали, какъ въ анатомическомъ препаратѣ. Ея лицо, которое могло-бы быть лицомъ ребенка или лицомъ нимфы, съ прямыми бровями, чистымъ правильнымъ профилемъ и маленькими, плотно прижатыми ушами, какъ раковины, было такое худое и такое загорѣлое, что она совершенно походила на мумію. Въ ея глазахъ были удивленіе и печаль, какъ въ глазахъ теленка, отнятаго отъ матери; ея волосы, слишкомъ обильные для такой маленькой головки, не будь они такими пыльными и спутанными, были-бы золотисто-красной бронзы, цвѣта вылупившихся только-что изъ зеленой скорлупы каштановъ.

— Кто ты? — сказалъ юноша, смотря на нее съ удивленіемъ.

— Я Нерина,—отвѣтила дѣвочка.

— Откуда ты пришла? Гдѣ твой домъ?

Она неопредѣленно указала на юго-западныя горы, гдѣ снѣгъ все еще лежалъ на вершинахъ и толпами собирались тучи.

— Изъ Абруццо?

Она молчала. Она не знала, какъ назывались горы, которыя были ея родиной.

— Кто твой отецъ? — спросилъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Мой отецъ былъ Черный Фаустъ.

— Чѣмъ онъ жилъ?

— Въ рабочую пору онъ спускался внизъ, въ Римскую долину.

Онъ понялъ: отецъ ея, безъ сомнѣнія, былъ земледѣльцемъ, однимъ изъ тѣхъ, которые спускались толпами внизъ изъ деревень Абруццо, чтобы пахать и косить, сѣять и жать на земляхъ Кастели Романи; люди, работающіе артелями и которыхъ кормятъ и поселяютъ гурьбами, какъ скотину, которые работаютъ съ утра до ночи въ самые длинные, жаркіе лѣтніе дни и злѣйшую непогоду зимы; люди, почернѣвшіе отъ солнца, полуголые, истощенные и косматые, на которыхъ никогда не высыхаютъ капли пота, но которые добросовѣстно приносятъ то немногое, что заработаютъ, домой, въ свои горныя деревни, гдѣ живутъ ихъ жены и дѣти.

— Онъ ходилъ, ты сказала? Развѣ теперь онъ боленъ и больше не работаетъ?

— Онъ умеръ въ прошломъ году.

— Отъ чего?

Она сдѣлала безнадежный жестъ рукой.

— Кто знаетъ? Онъ вернулся съ волкомъ въ животѣ, который все время, какъ онъ говорилъ, грызъ и терзалъ его; онъ пилъ воду весь день и всю ночь, лицо его горѣло, ноги были холодныя... потомъ онъ смолкъ и не сказалъ больше намъ ни слова. Многіе изъ нихъ, вѣдь, умираютъ такъ послѣ жаркой поры внизу въ долинахъ.

Онъ понялъ: голодъ и жаръ, испорченный воздухъ въ мѣстахъ, гдѣ они спятъ, инфузоріи въ канавной и дождевой водѣ, непосильная работа въ чрезмѣрную жару и холодъ дѣлаютъ каждый годъ бреши въ рядахъ этой нанятой толпы, какъ будто въ нихъ палили изъ пушки.

— Кто-же теперь о тебѣ заботится?—спросилъ онъ съ состраданіемъ, какъ о бездомномъ щенкѣ.

— Никто. Тамъ никого не осталось. Они всѣ сошли въ землю.

— Но какъ-же ты живешь?

— Когда могу, работаю. Когда нѣтъ работы, прошу милостыню. Меня пускаютъ спать въ хлѣва или въ сараи и даютъ мнѣ хлѣба.

— Это плохая жизнь для дѣвочки!

Она пожала плечами.

— Не я ее сдѣлала.

— Куда-же ты теперь идешь?

Она широко развела руками и взмахнула ими въ воздухѣ.

— Куда-нибудь. Внизъ по рѣкѣ... пока не найду какого-нибудь дѣла. Я не могу дѣлать многое,—прибавила она, помолчавъ. — Я еще маленькая, и никто не училъ меня. Но я могу стричь траву и чесать шерсть.

— Время сѣнокоса короткое, а пора шерсти еще далеко. Почему ты не осталась въ своей деревнѣ?

Она молчала. Она не знала, почему она покинула ее: она сошла по склону горы внизъ, побуждаемая инстинктомъ бродяги, со смутнымъ представленіемъ найти что-нибудь лучшее, чѣмъ дальше отойдетъ отъ дома; отецъ ея всегда возвращался съ серебряными монетами въ карманѣ, послѣ того какъ онъ побывалъ тамъ, въ этихъ долинахъ, которыхъ она никогда не видала, такъ какъ онѣ были далеко, внизу, и, окутанныя золотистымъ туманомъ, казались безконечнымъ пространствомъ.

— Ты не голодна?—спросилъ рыбакъ.

— Я всегда голодна,—сказала она, какъ-бы удивляясь такому наивному вопросу. — Я голодна съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Мы всѣ тамъ голодали. Иногда мы высушивали даже для ѣды траву. Отецъ приносилъ съ собой домой мѣшокъ кукурузы; было лучше, пока она не выходила.

— Ты голодна теперь?

— Конечно.

— Пойдемъ со мной, ко мнѣ въ домъ. Мы покормимъ тебя. Пойдемъ, не бойся. Я—Адонъ Альба, изъ Терра Верджина, а моя мать—добрая женщина. Она не пожалѣетъ дать тебѣ кусокъ.

Дѣвочка засмѣялась всѣмъ своимъ худенькимъ коричневымъ личикомъ.

— Вотъ хорошо!—сказала она, выскакивая изъ воды.

— Несчастное созданіе! бѣдная дѣвочка!—подумалъ молодой парень съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія.

Когда дѣвочка выскочила изъ рѣки, стряхивая съ себя воду, какъ маленькая такса, онъ увидалъ, что она давно уже испытываетъ огромный недостатокъ въ насущномъ хлѣбѣ; всѣ кости ея видны были черезъ кожу. Онъ воткнулъ глубже въ землю свой рыболовный шестъ, спустилъ въ воду сѣть на полъ-ярда ниже поверхности и затѣмъ сказалъ дѣвочкѣ:

— Пойдемъ, пойдемъ, разговѣйся. Я боюсь, что постъ твой продолжался слишкомъ долго.

Нерина поняла только, что ее хотятъ накормить, и этого было для нея достаточно. Она, какъ затерявшаяся дворняжка, которую поманила сострадательная душа, слѣдовала за нимъ, когда онъ направился сперва черезъ верескъ и дрокъ, потомъ чрезъ луговину, на которой росли огромныя оливковыя деревья, и затѣмъ черезъ поля и виноградники къ старой фермѣ, построенной изъ бревенъ и камня, большой, длинной, солидной, выстроенной такъ, чтобы устоять отъ нападенія разбойниковъ въ дни, когда они расхаживали вооруженными

шайками. Передъ домомъ былъ невоздѣланный садъ, полный махровыхъ розъ, лавенды, мирта, левкоевъ и желтофіолей. Надъ аркой двери вился кустъ мѣсячныхъ розъ.

Домъ, старинный и обширный, съ высокой крутой крышей изъ красноватой черепицы, внушалъ Awinѣ чувство благоговѣнія, почти трепета. Она остановилась въ нерѣшимости на дорожкѣ сада, гдѣ цвѣли бѣлые и красные левкои.

— Матушка,—сказалъ Адонъ, — вотъ голодный ребенокъ. Дайте ему, по добротѣ вашей, супу и хлѣба.

Клелія Альба вышла на порогъ и съ неудовольствіемъ смотрѣла на маленькую дѣвочку. Она была добра и милосердна, но она не любила нищихъ и бродягъ, и эта полуголая дѣвочка-оборванецъ оскорбила въ ней чувство приличія, добропорядочности и женское чувство собственнаго достоинства. Сама она была видная и красивая женщина.

— Ребенокъ умираетъ съ голоду,—сказалъ Адонъ, видя неудовольствіе матери.

— Въ такомъ случаѣ нужно накормить ее; но пусть она ѣстъ на улицѣ,—сказала Клелія Альба и пошла назадъ въ кухню.

Нерина дожидалась на порогѣ, робкая, безмолвная и покорная, какъ заблудшая собака; одни только глаза ея выражали тягостное волненіе: страхъ, надежду и неукротимый голодъ.

Клелія Альба вышла черезъ нѣсколько минутъ съ чашкой горячаго супа, свареннаго изъ зелени, и большимъ кускомъ маисоваго хлѣба.

— Возьми это,—сказала она сыну.

Адонъ взялъ у нея все и передалъ ребенку.

— Сядь и ѣшь здѣсь,—сказалъ онъ, указавъ на каменную скамью у стѣны, подъ кустомъ вьющейся розы.

Руки Нерины тряслись отъ волненія, глаза горѣли, губы дрожали, дыханіе ея было быстро и лихорадочно. Запахъ супа раздражалъ ее. Она не сказала ни слова, но схватила и съ алчной жадностью начала пить вкусный наваръ изъ зелени, хотя шедшій отъ него паръ обжигалъ ее.

Адонъ, побуждаемый чувствомъ состраданія и деликатности, оставилъ ее безъ присмотра и вошелъ въ домъ.

— Гдѣ ты нашелъ это пугало?—спросила его мать.

— Внизу у рѣки. У нея нѣтъ никого и ничего. Она сошла съ горъ.

— Бѣдныхъ достаточно и въ Рушино, безъ прибавленія къ нимъ чужихъ,—сказала Клелія Альба съ раздраженіемъ. — Смотри, чтобы она не украла чего нибудь изъ курятника, прежде чѣмъ улизнетъ.

— У нея честные глаза,—сказалъ Адонъ.—Я увѣренъ, что она не сдѣлаетъ намъ никакого вреда.

Когда, какъ ему казалось, онъ далъ ей времени достаточно, чтобы покончить съ супомъ, онъ вышелъ; дѣвочка растянулась во всю длину на каменной скамьѣ и, лежа на спинѣ, спала глубокимъ сномъ; на землѣ стояла пустая чашка, отъ хлѣба не осталось ни крошки. Она спала спокойно и крѣпко, худенькія руки ея были сложены на голой, коричневой груди, съ розоваго куста, росшаго на стѣнѣ, упало на нее нѣсколько розовыхъ лепестковъ.

Онъ стоялъ и нѣкоторое время смотрѣлъ на нее, молча, затѣмъ возвратился къ матери.

— Она устала. Она спитъ. Не тревожьте ее.

— Это не безопасно.

— Почему небезопасно, матушка? Она вѣдь только ребенокъ.

— За нею могутъ быть и мужчины.

— Не похоже на то.

Адонъ не могъ опредѣлить, почему онъ чувствовалъ увѣренность, что этотъ несчастный маленькій найденышъ не употребитъ во зло ихъ гостепріимства. „Она ребенокъ",—отвѣтилъ онъ довольно глупо, потому что дѣти бываютъ часто вѣроломны и порочны, а онъ не зналъ ничего объ этой дѣвочкѣ, кромѣ того, что она сама нашла нужнымъ сообщить ему.

— За ней могутъ быть другіе люди, — повторила его мать.

— Тѣ, о которыхъ вы думаете, матушка, не приходятъ теперь больше въ эту долину. Улиссъ Ферреро былъ послѣднимъ изъ нихъ. Право же, мнѣ кажется, это маленькое существо на свѣтѣ совершенно одиноко. Подите, посмотрите на нее. Вы увидите, какая она маленькая и безпомощная.

Она вышла на порогъ и взглянула на спавшую нищенку; взглядъ ея смягчился въ то время, какъ она пристально смотрѣла на нее; поза и вся наружность ребенка были такія жалкія и такія невинныя, такія безпомощныя и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойныя, что ея материнское сердце тронулось; найденышъ спала на каменной скамьѣ, у двери чужихъ для нея людей, какъ будто она была въ безопасномъ и родномъ домѣ.

Клелія Альба смотрѣла на нее нѣсколько секундъ, потомъ сняла съ волосъ платочекъ и, осторожно, чтобы не разбудить спящую, прикрыла имъ грудь и лицо ребенка, по которымъ разгуливали мухи.

Затѣмъ она подняла пустую глиняную чашку и вернулась въ домъ.

— Я пойду назадъ на рѣку,—сказалъ Адонъ,—я оставилъ тамъ сѣть.

Мать кивнула ему головой въ знакъ согласія.

— Вѣдь вы не отошлете эту маленькую чужестранку,

пока я не вернусь?—спросилъ онъ. Каждый, кто не родился въ долинѣ Эдеры, считался здѣсь иностранцемъ.

— Нѣтъ, пока ты не вернешься.

И онъ пошелъ по солнцу и подъ тѣнью оливъ. Онъ зналъ, что его мать никогда не нарушала своего слова. А она мыла чашку, и думала:

„Маленькій заблудшій щенокъ, непородистый, какъ эта, можетъ больно укусить современемъ. Она должна уйти. Теперь—она ничто; но скоро она можетъ начать кусаться“.

Клелія Альба знала человѣческую натуру, хотя она и не покидала никогда рѣки Эдеры. Она взяла свою прялку и сѣла на крылечкѣ. У нея не было никакого спѣшнаго дѣла, и она могла съ порога наблюдать за маленькой бродягой и замѣтить, когда та проснется. Все кругомъ было спокойно. Ей видна была, по ту сторону серебристой зелени большихъ оливковыхъ деревьевъ, вся долина, а за ней дальше возвышались въ своей трагической безпомощности развалины большой крѣпости. Солнце сіяло надъ полями молодой пшеницы, надъ ея отлогими пастбищами. Вишни и груши были въ цвѣту, между ними отъ одного дерева къ другому тянулся трельяжъ изъ виноградныхъ лозъ. Гороховникъ, желтый подорожникъ, пурпуровыя кукушкины слезки пестрѣли въ травѣ, перемѣшиваясь съ голубымъ цвѣтомъ огуречной травы и бѣлымъ съ золотомъ—бычачьихъ глазокъ. Она не обращала вниманія на все это, предоставляя эти фантазіи сыну. Она сама предпочла бы, чтобы цвѣтовъ не было въ травѣ совсѣмъ, такъ какъ, прежде чѣмъ кормить скошенной травой коровъ, цвѣты изъ нея надо было выбирать; они, по ея мнѣнію, были ни къ чему, потому что она не знала другихъ пчелъ, кромѣ дикихъ, меда которыхъ, спрятаннаго отъ взоровъ въ дуплахъ деревьевъ, никто никогда не пробовалъ.

Нерина продожала спать безмятежнымъ сномъ безъ сновидѣній. Отъ времени до времени падали на нее снова розовые лепестки, или жужжала надъ ней пчела, но покой ея оставался ненарушеннымъ. Сытость даже во время сна наполняла ее глубокой удовлетворенностью, и мозгъ ея, хорошо насыщенный кровью, не работалъ.

Клелія Альба чувствовала, что сердце ея невольно смягчается къ этому одинокому созданію,—хотя она всетаки относилась къ ней подозрительно; она никогда не видала ничего хорошаго съ этихъ горныхъ вершинъ, кромѣ воровства, поджоговъ, убійствъ и шаекъ, облегчавшихъ свою бѣдность преступленіями. Въ ея молодости имена знаменитыхъ разбойииковъ Верхняго Абруццо наводили ужасъ въ Рушино и въ поселкахъ, лежащихъ вдоль теченія Эдеры. Не разъ къ дверямъ церкви или хижины оказывалось приколотымъ кин-

жаломъ письмо, написанное кровью, въ которомъ сообщалась порабощенному населенію воля таинственнаго атамана. Въ позднѣйшіе годы о такихъ людяхъ слышно было меньше; но все-же можно было еще услышать или пострадать отъ нихъ въ лѣсахъ, уединенныхъ вершинахъ или внизу, въ вересковой пустынѣ, гдѣ тихо текутъ глубокія воды Эдеры. Во времена ея дѣтства ея отецъ, сынъ и внукъ были убиты въ глухомъ мѣстѣ верхней долины, потому что они осмѣлились занять ферму и водяную мельницу послѣ того, какъ одинъ изъ этихъ горныхъ жителей постановилъ, чтобы никто не смѣлъ жить на этомъ мѣстѣ и пускать въ ходъ колеса водяной мельницы.

Правда, это было давно, и много уже лѣтъ Эдера не видала людей въ маскахъ, съ поясами вокругъ бедеръ, утыканными оружіемъ и набитыми золотомъ; но все-же этого никогда не угадаешь,—думала она,—и незванные гости чаще бываютъ дьяволами, чѣмъ ангелами.

И ей казалось странно, что ребенокъ, въ самомъ дѣлѣ, спитъ все это время въ чужомъ мѣстѣ и на открытомъ воздухѣ. Наконецъ, она встала, подошла снова къ скамьѣ, сдернула свой платокъ и взглянула на спящую,—на тощую узкую грудь, на маленькія костлявыя руки, на крошечныя, дѣвственныя груди, подобныя лѣсной земляникѣ.

Она увидала, что сонъ былъ настоящій, а дѣвочка совсѣмъ еще молоденькая и измученная голодомъ. „Пусть ее забудется, если можетъ,—подумала она и снова покрыла ея лицо.—Часъ еще ранній“.

Пчелы продолжали жужжать; пробѣжалъ вѣтерокъ и раскидалъ по землѣ легкіе лепестки отцвѣтающей розы. Тѣнь отъ развалинъ башни пала уже на поля, ближайшія къ рѣкѣ, что было признакомъ двухъ часовъ пополудни.

II.

Большая, квадратная, рѣчная рыбачья сѣть потонула въ водѣ, и ея камышевая рама исчезла съ поверхности; только большой центральный шестъ, на которомъ она держалась, все еще торчалъ, воткнутый въ землю на берегу, и, хотя наклонялся и изгибался, но устоялъ и не сломился. Такія-же сѣти омывались прозрачными зеленоватыми водами затоновъ и потоковъ Эдеры со временъ этрускихъ боговъ и латинскихъ авгуровъ; вѣрованія измѣнились, но рѣка и обычаи прибрежныхъ жителей остались неизмѣнными.

Адонъ не тронулъ сѣти, она была на хорошемъ мѣстѣ. Онъ присѣлъ на берегу, готовый схватить ее и удержать, если шестъ начнетъ поддаваться и уступать теченію. Онъ сидѣлъ

такимъ образомъ среди тростника, въ продолженіе долгихъ часовъ, многіе весенніе дни и лѣтнія ночи. Хотя рыбы было и не много, но онъ никогда не скучалъ здѣсь, убаюканный шумомъ потока, который плескался между камнями и бурлилъ въ камышахъ; болѣе низкая мелодія доносилась съ верховьевъ, гдѣ онъ падалъ съ груды скалъ и прыгалъ въ воздухѣ, какъ живое существо. И, дѣйствительно,—какъ много жизни въ этой свѣжей, чистой, ничѣмъ не взмученной водѣ, веселой, какъ ребенокъ, быстрой, какъ ласточка, поющей для своей забавы, какъ поетъ счастливый мальчикъ, сбѣгая внизъ съ горной вершины?

Для молодого человѣка, сидѣвшаго среди камыша на ея берегу, она была существомъ такимъ-же живымъ, какъ и онъ самъ, товарищемъ его игръ, другомъ и хозяиномъ,—въ себѣ одной она соединяла все. Первыя раннія воспоминанія его были связаны съ ея блескомъ и свѣжестью, когда въ дѣтствѣ, въ лѣтніе дни, онъ купался въ ней или, придерживаемый надежною рукою матери, шлепая розовыми ножками, переступалъ нетвердыми шагами по ея кремнистому дну! Какъ часто по утрамъ, будучи уже отрокомъ и затѣмъ юношей, онъ спасался отъ вертикальныхъ лучей солнца въ ея затонахъ, защищенныхъ акаціями; сколько разъ въ лунныя, благоухающія ночи онъ купался въ ея тихихъ заливахъ и, ныряя, разрѣзалъ свѣтлое, какъ расплавленный металлъ, серебро ея поверхности! Сколько мирныхъ часовъ такихъ, какъ теперь, проводилъ онъ здѣсь, поджидая, чтобы рыба попалась въ его большую сѣть, между тѣмъ, какъ воздухъ и вода были такъ спокойны, что онъ могъ слышать и маленькую полевую мыщь, шнырявшую среди камышей взадъ и впередъ, и свиристеля, шуршавшаго голышами въ пескѣ, разыскивая насѣкомыхъ, хотя и звѣрекъ, и птица оставались для него невидимыми! Сколько разъ на зарѣ въ праздничный день онъ мылся и плавалъ въ ея водахъ, въ то время, какъ звонъ колоколовъ старой церкви наверху, въ селѣ уныло гудѣлъ въ мягкихъ сумеркахъ!

Онъ не представлялъ себѣ этихъ картинъ прошлаго опредѣленно, потому что онъ былъ молодъ и счастливъ, а люди, довольные судьбой, живутъ настоящимъ; но всѣ онѣ смутно проносились въ его головѣ въ то время, какъ онъ сидѣлъ на берегу рѣки, какъ воспоминанія о друзьяхъ, дорогихъ съ дѣтства, проносятся порой въ мечтѣ.

Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ сыномъ Эдеры, потому что онъ родился почти въ самой водѣ ея: мать его стирала бѣлье у брода съ другими женщинами, когда вдругъ, неожиданно, за два мѣсяца до срока, къ ней подошли роды. Ея товарки не успѣли и сдѣлать для нея ничего больше, какъ

протянуть ее на сыромъ пескѣ, положивъ между нею и землею нѣсколько пеньковыхъ простынь, еще не смоченныхъ въ водѣ; и рѣка огласилась ея громкими стонами, которые спугнули зимородковъ въ тальникѣ и дикихъ утокъ въ болотѣ, и краснобурыхъ совъ, спавшихъ въ селѣ на колокольнѣ. Она мучилась не долго, хотя и жестоко, и ея сынъ увидалъ въ первый разъ свѣтъ подлѣ воды; это былъ крѣпкій и здоровый ребенокъ, не смотря на преждевременное свое появленіе; суровыя прибрежныя жительницы окунули его въ воду тамъ, гдѣ лежало ихъ бѣлье и вальки, завернули его въ грязную шерстяную рубашку и положили лицомъ къ молодой груди матери, разжимая своими грубыми пальцами его сжатый безсознательно ротикъ и крича ему въ ухо:

— Соси и рости, чтобы стать мужчиной.

Клеліи Альбѣ шелъ теперь 41 годъ, а ему, ея единственному сыну, было 24 года; они назвали его Адономъ. Прекрасный греческій Адонисъ перешелъ въ число святыхъ латинской церкви, — переходъ столь частый въ гагіологіи, что странность его забывается всѣми и отмѣчается только отъ времени до времени учеными. Когда онъ родился, она была юнымъ созданіемъ семнадцати лѣтъ, съ дикой граціей лѣсной лани, съ той благородной красотой, правильностью контуровъ и совершенствомъ формъ, которыя удержались еще въ Италіи, тамъ, гдѣ чистая кровь италіотовъ не испорчена примѣсью крови другихъ народностей. Теперь ея роскошные волосы посѣдѣли, ея лицо потемнѣло и покрылось морщинами отъ работы на открытомъ воздухѣ, ея руки превосходной формы стали жестки, какъ рогъ, вслѣдствіе работы въ полѣ. Она выглядѣла старой женщиной, старой считали ее другіе и она сама,—потому что въ этихъ мѣстахъ молодость проходитъ скоро, а между молодостью и старостью нѣтъ остановки для крестьянской женщины.

Но, помимо этого, Клелія Альба молодость свою потеряла ранѣе другихъ: она утратила ее навсегда, когда мужъ ея, 25-ти лѣтъ отъ роду, убился, упавъ съ оливковаго дерева, вѣтвь котораго сломилась подъ его тяжестью. При паденіи онъ сломалъ себѣ шею. Она плясала и рѣзвилась въ это время съ своимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ на лугу неподалеку, прыгая и играя съ нимъ въ мячъ нѣсколькими упавшими каштанами; когда игра ихъ кончилась, она подняла своего мальчика, посадила его къ себѣ на плечо и побѣжала съ нимъ отыскивать отца. Подъ однимъ изъ большихъ сучковатыхъ, развѣсистыхъ оливковыхъ деревьевъ она увидала его, какъ ей показалось,—спящимъ.

— Ахъ ты лѣнтяй, вставай! Солнце будетъ свѣтить еще только два часа!—закричала она весело, и подражая ей, дитя

на ея плечѣ лепетало и кричало тоже:—Тавай, тавай, тавай!—И, смѣясь, она бросила въ недвижимую фигуру каштанъ, который былъ у нея въ рукѣ. Затѣмъ, такъ какъ распростертое на землѣ тѣло не шевелилось, внезапный ужасъ охватилъ ее, она опустила ребенка на траву и подбѣжала къ дереву. Тутъ она увидала, что это была смерть, потому что, когда она подняла его, голова его упала, и, казалось, висѣла, какъ головка мака, сломанная порывомъ вѣтра. Его глаза не глядѣли, ротъ не дышалъ.

Съ этого ужаснаго часа Клелія Альба никогда больше не смѣялась. Ея волосы посѣдѣли, и молодость покинула ее навсегда.

Она жила ради своего сына, но между нею и счастіемъ съ тѣхъ поръ не было ничего общаго.

Смерть мужа сдѣлала ее единственной управительницей Терра Верджина; она обладала и знаніемъ, и силой, необходимыми для занятій земледѣліемъ, и научила своего мальчика цѣнить и почитать землю.

— Какъ мы обращаемся съ землей, дурно-ли, хорошо-ли, такъ и земля обращается съ нами,—говорила она ему.

Она всегда носила костюмъ своей провинціи, который былъ сходенъ съ костюмомъ селеній Абруццо и шелъ къ типу ея лица и ко всей ея сильной, гордой фигурѣ. Въ торжественные дни она надѣвала вокругъ шеи три нитки прекраснаго жемчуга и браслеты массивнаго золота, тонкой работы, въ такомъ большомъ количествѣ, что отъ нихъ деревенѣли ея руки; они принадлежали ея матери, бабушкѣ и прабабушкѣ и были въ ея приданомъ. Продать или заложить ихъ хотя-бы и въ крайней нуждѣ никому изъ ея поколѣнія никогда не представлялось возможнымъ. Это было-бы, казалось, такимъ-же святотатствомъ, какъ взять съ алтаря церковный сосудъ и его серебро и драгоцѣнные камни расплавить на огнѣ. Когда она должна будетъ сойти въ могилу, эти украшенія перейдутъ въ наслѣдство къ Адону: изъ ея семьи никого не осталось въ живыхъ.

— Не говорите никогда о смерти, матушка, — говорилъ онъ, когда она заговаривала объ этихъ вещахъ. — Смерть всегда подслушиваетъ и, если она услышитъ свое имя, она хлопаетъ разговаривающаго по плечу для того, чтобы показать ему, что она здѣсь и что съ ней надо свести счеты.

— Нѣтъ, это не такъ, сынъ мой!—возражала Клелія Альба, со вздохомъ. — У нея каждая живая душа записана въ книжку со времени ея рожденія; каждому изъ насъ опредѣленъ часъ, когда уйти, и никто не можетъ измѣнить его.

— Я въ это не вѣрю, — сказалъ Адонъ. — Мы часто уби-

ваемъ себя или ускоряемъ нашу кончину, какъ дѣлаютъ это пьяницы.

— Развѣ отецъ твой ускорилъ самъ свой конецъ? — сказала мать. — Развѣ кто-нибудь надломилъ эту вѣтвь оливковаго дерева? Дерево невиновато, хотя народъ въ Рушино и хотѣлъ срубить его, потому что называлъ его преступникомъ.

— Виноватъ былъ дьяволъ.—сказалъ Адонъ.

Онъ, конечно, вѣрилъ въ чорта, какъ его этому учили, и развѣ онъ не встрѣчалъ ребенкомъ дьявольское изображеніе вездѣ—на мраморѣ, на камнѣ, на деревѣ, на картинкахъ, въ церкви и внѣ ея, на водопроводныхъ кранахъ и фонарныхъ столбахъ и даже на страницахъ азбуки? Но ему казалось, что дьяволъ взялъ себѣ „troppo braccio“, ему дали слишкомъ много воли, слишкомъ много ходу, если только дѣйствительно это онъ портитъ всякое дѣло, а Адонъ не зналъ, кто другой могъ-бы сдѣлать это. Здѣсь, въ долинѣ Эдеры, всѣ вѣровали въ Сатану, какъ въ святую воду, или насущный хлѣбъ.

Клелія Альба перекрестилась торопливо, потому что она была женщина набожная.

— Мы богохульствуемъ, сынъ мой,—сказала она строго.— Конечно, есть добрый Богъ, который опредѣляетъ число дней для каждаго изъ насъ и находится надъ нами.

Адонъ молчалъ. Для него это казалось сомнительнымъ. Можетъ-ли добрый Богъ убивать хорошенькихъ маленькихъ дѣтей, какъ мясникъ въ городѣ убиваетъ своихъ овецъ? Но онъ никогда не противорѣчилъ и не раздражалъ своей матери: онъ питалъ къ ней большую нѣжность и любовь. Онъ былъ менѣе невѣжественъ, чѣмъ она, и видѣлъ многое, чего она не могла видѣть; онъ былъ какъ-бы на вершинѣ горы, она-же внизу, въ долинѣ, но онъ относился къ ней съ глубокимъ уваженіемъ; онъ повиновался ей безотчетно, какъ-будто онъ все еще былъ ребенкомъ; онъ думалъ, что не было на свѣтѣ женщины равной ей.

Когда въ этотъ вечеръ онъ вернулся домой съ своей большой сѣтью на плечахъ, раскачивая въ одной рукѣ нѣсколько рѣчныхъ рыбъ, онъ взглянулъ на каменную скамью, на которой не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ упавшихъ на нее розовыхъ лепестковъ, и затѣмъ озабоченно и вопросительно въ лицо матери. Она отвѣтила на этотъ взглядъ:

— Дѣвочка подъ присмотромъ Джіаны,—сказала она довольно сурово.—Джіана дастъ ей поужинать и уложитъ ее спать на чердакѣ. Утромъ мы посмотримъ, что можно будетъ для нея сдѣлать и какъ и куда ее направить.

Адонъ поцѣловалъ ея руки.

— Вы всегда добрая,—сказалъ онъ просто.

— Я слаба,—отвѣтила его мать,—я слаба, Адонъ: когда ты чего нибудь хочешь, я соглашаюсь на это вопреки моему мнѣнію.

На утро Нерину не отослали. Старуха Джіана отозвалась объ ней хорошо.

— Она чиста, какъ камень въ водѣ, — сказала она, — на ней грязныя, вонючія лохмотья, но ея тѣло чистое. Она встала съ разсвѣтомъ и попросила дать ей какое-нибудь дѣло. Она ничего не знаетъ, услужлива и понятлива. Она можетъ стать намъ полезной. Идти ей некуда: она затерявшійся маленькій щенокъ. Ея родные были бѣдны, но, кажется, они были люди благочестивые: на плечѣ у нея вытравленъ крестъ. Она говоритъ, что мать сдѣлала это ей, когда она была маленькой, чтобы отогнать отъ нея дьявола. Я не знаю, что сказать; она бѣдная, одинокая, маленькая тварь; если вы захотите ее оставить, я, съ своей стороны, берусь за ней присматривать. Я стара: хорошо сдѣлать доброе дѣло, прежде чѣмъ умрешь.

Джіана была старая женщина, наполовину служанка, наполовину работница, вполнѣ другъ; она прожила въ Терра Верджина всю свою жизнь; высокая, сухощавая и очень сильная, она могла работать за мужика, хотя ей было уже болѣе семидесяти лѣтъ; почернѣлая на солнцѣ и съ пучкомъ сѣдыхъ волосъ, какъ мотокъ кудели на ея прялкѣ, она внушала опасенія всѣмъ въ округѣ своимъ проницательнымъ взглядомъ и неутомимою энергіей. Заслужить ея одобреніе было такъ трудно, что народъ говорилъ: скорѣе звѣзды измѣнятъ свой путь, чѣмъ похвалитъ Джіана; поэтому фактъ,— что эта маленькая бродяга угодила ей, казался одновременно чудомъ и неоспоримой порукой.

Итакъ, ребенокъ остался. Его присутствіе безпокоило мать Адона, — хотя Нерина была смиренна, какъ бездомная собака; она была тиха, почти невидима, послушна, ловка и сдѣлалась полезной во многихъ отношеніяхъ; она съ одинаковой любознательностью училась работамъ на фермѣ подъ руководствомъ Джіаны и христіанскимъ догматамъ, преподаваемымъ ей дономъ Сильверіо, потому что она была дѣвочкой смышленой и податливой во всѣхъ отношеніяхъ. Однако Клелія Альба думала: можетъ быть, доброе сердце Джіаны вводитъ ее въ заблужденіе? Джіана сурова, но, въ сущности, сердце ея такъ-же нѣжно, какъ мякоть спѣлой дыни.

Какъ-бы то ни было, она вняла словамъ своей служанки и позволила ребенку остаться. Она не могла принудить себя оставить на произволъ судьбы маленькое существо, допустить дѣвочку скитаться бездомной и голодной и погибнуть, наконецъ, въ какой-нибудь ямѣ. Ребенокъ могъ быть исча-

діемъ дьявола, — никто не можетъ быть отъ этого обезпеченъ. Но ея глаза смотрѣли прямо и правдиво, они были такъ-же прозрачны, какъ вода въ рѣкѣ, гдѣ она бѣжитъ въ тѣни надъ голышами. Когда въ душѣ сидитъ дьяволъ, онъ всегда выскакиваетъ въ глазахъ; его нельзя скрыть, и вы его всегда распознаете; по крайней мѣрѣ, всѣ думали такъ въ Рушино и во всей долинѣ Эдеры; но и въ глазахъ Нерины дьяволъ не проявлялся.

— Хорошо ли я сдѣлала, преподобный отецъ? — спрашивала Клелія Альба священника въ Рушино.

— О, да, да—милосердіе всегда хорошо, — отвѣтилъ онъ, не желая отклонять ее отъ благотворительности; но въ глубинѣ души онъ думалъ: ребенокъ только ребенокъ, но онъ выростетъ; онъ теперь черный, заморенный и некрасивый, но когда дѣвочка выростетъ, то будетъ, я думаю, современемъ красивой; было бы благоразумнѣе положить ей въ руку нѣсколько монетъ и немного бѣлья въ ея котомку и оставить ее идти внизъ по рѣкѣ своей дорогой. Конечно, святые запрещаютъ вселять горечь въ сердца дѣтей; но вѣдь ребенокъ этотъ выростетъ.

Клелія Альба догадалась, что у него были свои сомнѣнія, какъ и у нея. Но они ничего другъ другу объ нихъ не сообщили. Какъ бы то ни было, на благо или на бѣду, она была здѣсь, и онъ зналъ, что, разъ уже пріютивъ ее, они никогда не оставятъ ее на произволъ судьбы. Клелія Альба была во всѣхъ отношеніяхъ хорошей женщиной; порой черствая, скупая на сочувствіе, слишкомъ замкнувшаяся въ своей материнской страсти, но по большей части — сострадательная и справедливая.

— Если бы ребенокъ этотъ былъ недобрымъ, рѣка не послала бы его намъ, — сказалъ ей Адонъ; и онъ вѣрилъ этому.

— Доброе утро, сынъ мой, — раздался позади Адона въ полѣ, гдѣ онъ работалъ, голосъ священника дона Сильверіо Фраскара. — Гдѣ обрѣли вы это пугало, которое только что показала мнѣ ваша мать?

— Она была въ рѣкѣ и танцовала въ ней такъ же беззаботно, какъ принцесса.

— Но она настоящій скелетъ.

— Почти.

— И вы ничего объ ней не знаете?

— Нѣтъ, сударь.

— Вы были болѣе милосердны, чѣмъ благоразумны.

— Нельзя оставить дѣвчонку умирать съ голоду, когда у васъ есть хлѣбъ въ закромѣ. Моя мать добродѣтельная женщина, и сдѣлаетъ ее такой же.

— Будемъ надѣяться, — сказалъ донъ Сильверіо.—Но не всѣ воспринимаютъ эти уроки.

— Что будетъ, то будетъ. Рѣка принесла ее.

Онъ довѣрялъ рѣкѣ болѣе, чѣмъ людской проницательности. Онъ питалъ къ ней благоговѣніе, какъ къ божеству, такъ же какъ древніе Греки чтили свои потоки. Но онъ не сказалъ этого, потому что боялся тонкой, иронической улыбки дона Сильверіо.

Овчаръ, который нѣсколько дней спустя проходилъ съ своимъ стадомъ мимо, по дорогѣ въ горы, узналъ дѣвочку.

— Вы дочь Чернаго Фауста,—сказалъ онъ ей.—Развѣ онъ умеръ? Эхъ, ну что же, всѣ мы умремъ. Царство ему небесное.

Джіанѣ, которая начала его допрашивать, онъ отвѣтилъ:

— Да, онъ былъ добрая душа. Я часто встрѣчалъ его внизу, въ римскихъ равнинахъ. Онъ заработался до смерти. Эти артели рабочихъ получаютъ нищенское вознагражденіе. Я видѣлъ его также и въ горахъ, откуда пришла эта дѣвочка; это тамъ, высоко... тамъ вы какъ будто касаетесь головой неба. Я провелъ въ ихъ мѣстахъ лѣто два года тому назадъ; его бабы оставались въ хижинѣ, и онъ приносилъ имъ домой все, что добывалъ. Конечно, онъ былъ добрый малый. Мы всегда можемъ уйти отъ жары, а имъ приходится это время проводить внизу, потому что ихъ главный заработокъ — жнитво и посѣвъ... Лихорадка заползаетъ къ нимъ въ кровь, а черви въ ихъ брюхо, и это ихъ убиваетъ по большей части раньше сорока лѣтъ. Видите ли, — въ Ансальдѣ, откуда онъ родомъ, снѣгъ лежитъ восемь мѣсяцевъ изъ двѣнадцати. Вотъ почему жары и туманы доканали его: воздухъ, въ которомъ вы родились, вамъ необходимъ, и если у васъ его нѣтъ во время, вы заболѣваете.

— Это очень возможно, — согласилась Джіана, которая сама никогда не разставалась съ берегами рѣки Эдеры, съ тѣхъ поръ, какъ явилась на свѣтъ.—Ну, а скажи мнѣ, любезный, что—ребенокъ этотъ былъ прижитъ въ бракѣ?

— Эхъ,—сказалъ овчаръ, оскаливъ зубы.—На это ужъ я не возьмусь отвѣтить. Но это возможно, да, это очень возможно; они на этихъ вершинахъ всегда охотно ходятъ къ священникамъ.

Между тѣмъ дѣвочка покорно и безъ принужденія приспособилась къ своему положенію; она не была раболѣпна, но неутомимо услужлива и безконечно благодарна. Жить съ этими добрыми людьми, имѣть крышу надъ головой и пищу каждый день — ей казалось удивительной милостью небесъ. Тамъ, дома, наверху, среди скалъ Ансальды она никогда не знала, что значитъ не чувствовать ежедневно голода, грызу-

щаго всегда внутренности и заставляющаго корчиться по ночамъ на постели изъ сухихъ листьевъ. Въ продолженіи тринадцати лѣтъ своей жизни она никогда, ни разу, не знала довольства и никто не зналъ его. Полный желудокъ это было ощущеніе совершенно неиспытанное.

Она начала расти, кости ея начали понемногу обростать мясомъ; ей коротко остригли волосы, потому что они были такіе всклокоченные. Но они выросли снова, блестящіе и яркіе, какъ мѣдь; щеки и зубы ея окрасились; казалось, она на глазахъ поднимается кверху, какъ молодой тростникъ. Она работала усердно, но работа ея была добровольная; кормили ее хорошо, здоровой пищей, хотя однообразной и исключительно растительной; и каждый день она спускалась къ рѣкѣ и купалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла голой подъ листьями лопушника въ то время, какъ юбка ея сохла на солнцѣ.

Для нея Терра Верджина казалась раемъ; быть накормленной, быть одѣтой, имѣть матрацъ для спанья, работать среди цвѣтовъ, травъ и животныхъ—все это было такъ прекрасно, что по временамъ она считала себя въ раю. Она разговаривала мало. Съ тѣхъ поръ, какъ она была подъ этой крышей, она стала стыдиться нищеты, голода и бѣдности своего прошлаго. Она не любила даже думать объ этомъ; то была не ея вина, но она стыдилась самой себя, что она когда либо могла быть этимъ маленькимъ, грязнымъ, нечесаннымъ, голымъ существомъ, ползавшимъ на глиняному полу и дравшимся изъ за заплѣсневѣлыхъ корокъ съ другими дѣтьми на скалахъ Ансальдо.

— Если бы я только знала, когда отецъ былъ живъ!..— думала она; но если бы она даже и знала все то, что она знала теперь, что могла бы она сдѣлать? Тамъ не было ничего, что можно употребить въ дѣло, нечего было ѣсть, нечего было носить; снѣгъ и вѣтеръ проникали къ нимъ, дождь капалъ на нихъ, когда они лежали, прижавшись другъ къ другу, на постели изъ гнилыхъ листьевъ.

Отъ времени до времени она сообщала кое-что о своемъ суровомъ дѣтствѣ Адону; она боялась женщинъ, но не его; она слѣдовала за нимъ, какъ маленькая, бѣлая, курчавая собачка Синьорина слѣдовала за дономъ Сильверіо.

— Не думай объ этихъ мрачныхъ дняхъ, дитя!—говорилъ онъ ей.—Они прошли. Думай о своихъ родныхъ и молись объ ихъ душахъ; объ остальномъ забудь; у тебя еще вся жизнь впереди.

— Моя мать умерла молодой,—сказала дѣвочка.—Если бы у нея была пища, она не умерла бы. Она такъ говорила. Она

жевала кусокъ тряпки, намоченной въ водѣ; такимъ путемъ заглушаешь голодъ, но это не насыщаетъ.

— Бѣдныя существа, бѣдныя существа!—сказалъ Адонъ, и ему припомнились обширные рынки, видѣнные имъ на сѣверѣ, гурты быковъ, груды плодовъ, длинные ряды телѣгъ съ виномъ, кучи битой дичи, безчисленныя лавки, съ электрическимъ освѣщеніемъ, поѣзда, бѣгущіе одинъ за другимъ всю ночь и каждую ночь, чтобы кормить богатыхъ; и онъ подумалъ, какъ во времена дѣтства, что у дьявола „troppo braccio“, если есть, дѣйствительно, дьяволъ.

Есть ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ на землѣ молодыя женщины, хорошія жены и матери, которыя умерли бы прямо съ голода, какъ умерла мать Нерины тамъ, наверху, въ снѣгахъ Абруццо? Онъ думалъ—нѣтъ; его сердце возмущалось этимъ призракомъ, живымъ скелетомъ на грудѣ листьевъ.

— Отецъ приносилъ все, что зарабатывалъ,—продолжала дѣвочка,—но онъ не могъ возвратиться раньше конца жатвы, а когда онъ вернулся, она лежала въ землѣ уже два мѣсяца или даже больше. Они опустили его въ тотъ же ровъ, когда насталъ и его чередъ; но ея уже тамъ не было, потому что они вынимаютъ кости каждые три года и сжигаютъ ихъ. Они говорятъ, что должны такъ дѣлать, иначе ровъ слишкомъ переполнится!

Адонъ содрогнулся. Онъ зналъ, что десятки изъ тысячъ умираютъ такимъ образомъ и умирали со временъ финикіянъ, галловъ и готовъ. Но это возмутило его. Меньшинство сытое по горло, большинство—голодающее, удивительная несоразмѣрность! жестокое и несправедливое равновѣсіе!

Но какъ же помочь этому?

Адонъ прочелъ кое-что изъ соціалистической и коммунистической литературы; но она не удовлетворила его: она казалась ему многословной и заманчивой, но не существенной, не болѣе приспособленной исцѣлить настоящій голодъ, чѣмъ намоченная тряпка матери Нерины.

III.

Долина Эдеры расположена къ югу отъ Марчеса, на рубежѣ, составляющемъ территоріальную границу Абруцца-Молеза; она лежитъ, такимъ образомъ, между Апеннинскими горами и Адріатическимъ моремъ и лѣтомъ освѣжается прохладными вѣтрами съ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горныхъ вершинъ и круглый годъ—здоровымъ, укрѣпляющимъ вѣтромъ съ Адріатическаго моря.

Рушино, расположенное на полпути въ долинѣ—ни что иное, какъ село, въ которое уже много лѣтъ не заглядывалъ ни одинъ путешественникъ и о которомъ не говорится ни въ одной географіи; оно отмѣчено на картахъ военныхъ топографовъ и, конечно, записано въ казенныхъ росписяхъ, но теперь это только село; нѣкогда-же, когда міръ былъ еще молодъ, здѣсь была Рушіа Этрусковъ, затѣмъ Рушинонисъ Латиновъ, а потомъ, во времена папскаго могущества,—военное княжество укрѣпленнаго города Рушино. Но въ дни, когда приходъ былъ въ завѣдываніи дона Сильверіо, это было село почти необитаемое; бѣдный, жалкій, ничтожный остатокъ героическаго прошлаго; о существованіи его едва-ли знаетъ кто-либо, кромѣ тѣхъ немногихъ, которые тамъ живутъ, дѣтей страны, которые зарождаются изъ ея мраморнаго праха и въ него возвращаются.

По числу своего населенія оно сократилось до простого поселка и все уменьшается съ каждой переписью. Теперь это только горсть бѣдняковъ, которая, собранная вмѣстѣ въ большой церкви, кажется не болѣе, какъ кучкой мухъ на мраморной плитѣ.

Самые старые изъ мѣстныхъ стариковъ и старухъ могутъ припомнить время, когда мѣсто это еще имѣло нѣкоторое значеніе, какъ почтовая станція на горной дорогѣ между прибрежными рынками и лежащими на западѣ городами, когда проѣзжія дороги черезъ лѣса и горы расчищались и поддерживались въ порядкѣ для общественнаго и частнаго пользованія и когда топаніе лошадиныхъ копытъ и веселые звуки рога будили эхо на его утесахъ. Въ первой половинѣ этого столѣтія они жили еще прекрасно: вино и птицы почти ровно ничего не стоили, и хлѣба домашняго печенія было всегда достаточно, чтобы удѣлить кусокъ нищему или заблудшей собакѣ. Но эти времена давно миновали; теперь каждый былъ голоденъ и каждый былъ нищимъ, „для развлеченія и для уравненія“, какъ говорилъ народъ съ мрачной веселостью и безпомощной покорностью судьбѣ. Какъ большинство прибрежныхъ жителей, они жили главнымъ образомъ рѣкой, срѣзая и продавая ея тростникъ, ея ивнякъ, ея камышъ, ея осоку, вылавливая ея рыбу, выкапывая ея песокъ; но въ этомъ обезлюдѣвшемъ краѣ мало было покупателей.

Донъ Сильверіо Фраскара, священникъ, присланъ былъ сюда въ наказаніе за свой слишкомъ скептическій пытливый умъ и слишкомъ непокорный характеръ. Почти двадцать лѣтъ, проведенныхъ въ этомъ уединеніи, обуздали и то, и другое; пламя потухло въ его груди, и огонь въ его глазахъ. Его дни шли такъ-же однообразно, какъ дни слѣпого осла,

приспособленнаго вращать виноградный прессъ. Сталь его характера заржавѣла, блескъ его ума заволокло тучами; его жизнь была какъ хорошая рапира, оставленная въ углу пыльнаго мезонина и тамъ забытая.

При рѣдкомъ исключительномъ состоянiи атмосферы золотой крестъ собора Св. Петра бываетъ виденъ съ нѣкоторыхъ вершинъ Апеннинскихъ Абруццъ. Онъ кажется какъ-бы свѣтлымъ пятномъ далеко, далеко на серебристо-зеленомъ горизонтѣ запада. Когда, взобравшись одинъ разъ на такую высоту, онъ увидалъ его, сердце его сжалось мучительной болью, потому что въ Римѣ онъ мечталъ о многомъ; въ Римѣ, до своей ссылки въ долину Эдеры, онъ былъ проповѣдникомъ и славился своимъ краснорѣчiемъ, отличавшимся блескомъ, увлекательностью и смѣлостью мысли.

Тамъ были длинныя кипарисовыя аллеи, которыя во время заката горѣли пурпуромъ и золотомъ, гдѣ онъ въ рѣдкiе часы досуга мечталъ и рисовалъ себѣ картины будущаго, такъ-же, какъ невѣдомые годы будущаго освѣщались въ глазахъ Игнатiя, Гильдебранда, Лакордера, Боссюэта. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде величественныя аллеи тянулись зеленой лентой къ западу и гдѣ по газону шагали семинаристы, теперь были длинныя, мрачныя линiи камня и кирпича, убитая пыль улицы, стукъ и копоть машинъ; какъ исчезли сады, такъ-же исчезли и его честолюбивыя стремленiя и мечты; какъ кипарисы были растерты въ порошокъ на лѣсопилкѣ, точно такъ-же и онъ былъ подавленъ и стертъ неумолимой судьбою. Католическая церковь, не терпящая индивидуальности, какъ и всякiй деспотизмъ, сломила его характеръ; какъ и всякiй деспотизмъ, тиранiя ея была слѣпа. Онъ возмущался противъ догматовъ: она привязала его къ столбу.

Онъ былъ-бы, быть можетъ, великимъ прелатомъ или даже великимъ папой; но онъ былъ-бы въ то-же время и великимъ реформаторомъ; и вотъ, она придавила и уничтожила его своей желѣзной пятой. И почти двадцать лѣтъ она держала его въ Рушино, гдѣ онъ хоронилъ и крестилъ старыхъ и новорожденныхъ, гдѣ всякiй заурядный, деревенскiй священникъ, способный прогнусить свой требникъ, могъ-бы такъже хорошо справиться, какъ и онъ. Немногiе изъ наиболѣе либеральныхъ и наиболѣе образованныхъ сановниковъ церкви думали, дѣйствительно, что пропадаетъ большой талантъ, но противъ него былъ соборъ кардиналовъ, и никто не рѣшался замолвить за него слово въ Ватиканѣ. У него не было благочестивыхъ, высокопоставленныхъ дамъ, чтобы хлопотать за него, ни миллiонеровъ или вельможъ, чтобы ходатайствовать объ его производствѣ. Спустя нѣкоторое время, онъ былъ совершенно забытъ, какъ забывается на полкѣ библiотеки фо-

ліантъ, пока сырость не съѣстъ чернилъ и пауки не совьютъ гнѣздъ между его листами. Онъ имѣлъ 300 р. въ годъ, которые казна платитъ священникамъ такихъ приходовъ, и ничего больше.

Отъ природы онъ былъ человѣкомъ высокаго роста и представительной наружности, но его туловище сгорбилось вслѣдствіе недостатка питанія, что составляетъ хроническую болѣзнь многихъ мѣстъ Италіи. Не много можно было достать въ Рушино, но если бы и нашлись припасы поразнообразнѣе, никто не съумѣлъ-бы многое здѣсь и приготовить. Хлѣбъ, бобы, немного оливковаго масла, немного топленаго свиного сала, овощи, которыя росли въ дикомъ видѣ сами собою, козье молоко, сыръ и иногда нѣсколько мелкой рѣчной рыбы, вотъ изъ чего состояла вся его пища; праздничные и постные дни были почти сходны; немного вина, которое у него было,—онъ отдавалъ больнымъ и старымъ. Вслѣдствіе этого его высокая фигура была сгорблена, и цвѣтъ лица его отливалъ прозрачной желтоватой блѣдностью стараго мрамора; его профиль походилъ на контуръ головы Цезаря на античной медали, и въ его глазахъ глубоко затаилась непроницаемая мысль; его изящно вырѣзанныя губы улыбались рѣдко, на нихъ всегда оставалось выраженіе горечи, какъ будто яблоко жизни, доставшееся на его долю, было горькимъ и твердымъ, какъ зерновка.

Его домъ былъ рядомъ съ церковью,—мрачное мѣсто, внутри котораго было только самое необходимое и много книгъ; его единственная служанка была въ то-же время и ризничимъ.

Это былъ приходъ, который простирался на много миль, но насчитывалъ мало прихожанъ. Внѣ старыхъ стѣнъ Рушино почти вся земля долины Эдеры оставалась невоздѣланной, а въ ихъ предѣлахъ немногочисленное, пораженное нищетой населеніе влачило свои дни забытое всѣми и вспоминаемое только сборщиками казенныхъ податей. — „Они никогда не забываютъ,—говорилъ народъ.—Какъ только кто-нибудь родится, всегда и во всякое время года, пока кости его не спущены въ ровъ для мертвецовъ, они всегда о немъ помнятъ“.

Здѣсь, въ Рушино, были могилы, которыя висѣли надъ рѣкой въ продолженіе тридцати столѣтій; но эти могилы никогда не видали и не увидятъ ничего другого, пока свѣтъ и теплота солнца не изсякнутъ и земля не останется одинока съ похороненнымъ въ ней человѣчествомъ.

Только одинъ донъ Сильверіо, какъ образованный человѣкъ, совершенно одинокій среди дикарей, думалъ здѣсь о подобныхъ вещахъ, потому что сердце его болѣло за этихъ

варваровъ, которые, взамѣнъ состраданія, не дарили ему своей любви. Они предпочли-бы ему сплетника, упитаннаго, развязнаго, невѣжественнаго сельскаго священника, подобнаго имъ самимъ, бормочущаго невозмутимо формулы молитвъ надъ тѣлами мертвыхъ.

За неимѣніемъ другихъ интересовъ онъ занимался изслѣдованіемъ этого античнаго мѣста, заброшеннаго и преданнаго забвенію, какъ его собственная жизнь. Здѣсь были этрусскія могилы, пещеры пелазговъ, ограбленныя нѣсколько столѣтій назадъ, изъ которыхъ было взято все, что въ нихъ было цѣннаго; теперь ихъ оставляли нетронутыми въ тѣни акацій, на берегу рѣки. Тутъ были колонны, террасы и мраморные фундаменты, которые высились здѣсь во времена процвѣтанія города латинъ Рушинонисъ—со временъ Августа и до его разоренія Теодорихомъ. Но всего ближе была къ нему церковь лонгобардовъ, античные дома и срытыя, разрушенныя стѣны крѣпости, средневѣковаго укрѣпленнаго города Рушино, бывшаго въ ленномъ владѣніи Торъ Альба. Время сохранило отъ него одно названіе... Три тысячи столѣтій прошли надъ нимъ, подтачивая его, какъ море подтачиваетъ скалу. Война, огонь и время хозяйничали здѣсь такъ долго, что упавшіе желуди и сосновыя сѣмечки имѣли достаточно времени, чтобы проникнуть между каменьями, пустить ростки и побѣги, подняться вверхъ и вширь и превратиться въ покрытыя мхами старыя деревья исполины, корни которыхъ проникли глубоко въ эти развалины, могилы и стѣны.

Онъ принадлежалъ этрускамъ, латинамъ, лонгобардамъ, Борджіамъ и папамъ; во время всѣхъ этихъ перемѣнъ это былъ укрѣпленный городъ, затѣмъ—городъ съ зубчатыми башнями, потомъ обнесенное каменной стѣной село; теперь осталось простое село. Оно никогда не будетъ ничѣмъ болѣе; прежде чѣмъ исчезнетъ нѣсколько поколѣній, оно, вѣроятно, станетъ еще незначительнѣе,—простымъ курганомъ, простымъ роемъ засыпанныхъ могилъ. Теперь оно умирало, несомнѣнно, хотя и медленно, умирало мирно, съ травой, выраставшей на ступеняхъ ея храма, и съ козьей жимолостью, обвивавшей обломки ея колоннъ.

Дисциплированный и обогащенный знаніями умъ дона Сильверіо могъ отдѣлить каждый періодъ его исторіи... Въ настоящее время для всѣхъ прочихъ Рушино было мѣсто, пораженное бѣдностью, темное, убогое и несчастное, припекаемое солнцемъ, и только съ рѣкой, поддерживавшей въ немъ жизнь и чистоту. Но для него это былъ какъ-бы палимпсестъ, чрезвычайно цѣнный и интересный, разбирать который весьма трудно, но который содержитъ въ себѣ сокровища, скрытыя для профановъ и невѣждъ, увлекающія и

вознаграждающія ученаго, какъ буквы на свадебномъ кольцѣ Помпеи или шифръ на погребальной урнѣ Геркулана.

— Въ концѣ концовъ, моя судьба могла-бы быть еще хуже, — думалъ онъ философски. — Они могли-бы послать меня въ современный промышленный городъ гдѣ-нибудь въ Ломбардіи, или сослать въ одно изъ туземныхъ поселеній Этруріи.

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, у него была исторія и природа, и онъ въ продолженіе многихъ часовъ, никѣмъ необезпокоенный, могъ читать, писать или мечтать и размышлять объ этихъ лѣтописяхъ изъ кирпичей и камней, объ этой похороненной массѣ труда и праха умершихъ людей.

Безъ сомнѣнія, его рукописи останутся неизвѣстными и нечитанными; ни для кого онѣ не будутъ интересны, но истинный ученый не заботится ни о современникахъ, ни о потомствѣ; онъ живетъ для работы, которую онъ любитъ; хотя онъ и знаетъ, что у него будетъ не много читателей въ будущемъ, можетъ быть даже и совсѣмъ ихъ не будетъ, но много-ли людей читаетъ Гроція, Боэція, Хризостома или Іеронима?

Здѣсь, какъ въ колоніи муравьевъ, одно поколѣніе наслоялось на другое, уничтоженное слѣдомъ ноги побѣдителя... Отъ глубокой безнадежности, которая овладѣвала душою ученаго, вслѣдствіе созерцанія безполезности человѣческихъ силій и утраты жизней, онъ искалъ успокоенія на берегу всегда веселой рѣки, наблюдая за ея быстрымъ теченіемъ, за игрою вѣтра въ ея камышахъ и тростникахъ, любуясь бѣлымъ, какъ пѣна, цвѣтомъ ея акацій и душистаго чубучника, зелеными копьями ирисовъ, яркостью красокъ въ голубыхъ звѣздахъ ея вереники, въ розоватыхъ колосьяхъ ея эпилобіума. Рѣка казалось всегда счастливой, даже когда осенніе ливни сбивали ее въ пѣну и молнія освѣщала ея темные, какъ чернила, затоны.

Здѣсь, на рѣкѣ впервые онъ вступилъ въ дружбу съ Адономъ. Однажды, еще шестилѣтнимъ ребенкомъ, мальчикъ плескался въ потокѣ. Донъ Сильверіо купался тоже. Адонъ выпрыгнулъ внезапно изъ воды на лужайку, гдѣ оставлены были его панталоны и рубашка; онъ торопился, потому что слышалъ голосъ матери, которая звала его со своего поля; ядовитая змѣя выползла изъ пучка зеленыхъ вьюнковъ и обвилась вокругъ лодыжки его ноги, когда онъ нагнулся за своимъ платьемъ.

Священникъ, стоя по поясъ въ рѣкѣ, на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ, увидалъ это прежде мальчика и закричалъ ему: — Не шевелись, пока я не подойду! Не бойся! — Адонъ понялъ и, хотя дрожалъ отъ страха и отвращенія, со-

образивъ опасность и почувствовавъ липкое объятіе змѣи, оставался недвижимымъ, какъ ему было приказано. Въ одну секунду священникъ выскочилъ изъ воды, схватилъ змѣю и убилъ ее.

— Ну, мальчуганъ, — сказалъ онъ ребенку. — Если бы ты только пошевелилъ ногой, эта тварь укусила-бы тебя.

Глаза Адона наполнились слезами.

— Благодарю, васъ, сударь; благодарю васъ за мою мать,—сказалъ онъ тихо, потому что онъ былъ ребенокъ застѣнчивый, хотя и не трусливый.

Священникъ погладилъ его по кудрявой головѣ.

— Въ травѣ часто бываетъ смерть. Мы не должны бояться смерти, но также и не должны рисковать безъ пользы, особенно когда у насъ есть мать, которая станетъ насъ оплакивать. Приходи въ этотъ часъ завтра и, если хочешь, каждый день. Я буду здѣсь, ты слишкомъ малъ, чтобы оставаться одному.

Съ этого дня они часто бывали вмѣстѣ.

Грубость и алчность его паствы угнетала его. Онъ былъ посланъ сюда, чтобы пещись объ ихъ душахъ, но гдѣ-же были эти души? Они продали-бы ихъ Вельзевулу за тарелку жареныхъ въ оливковомъ маслѣ артишокъ. Въ своемъ уединеніи онъ былъ радъ развивать и просвѣщать молодой, податливый умъ Адона Альба; мальчикъ одинъ между ними, казалось, имѣлъ сколько-нибудь ума. У Адона былъ также и голосъ, столь-же мелодичный, какъ голосъ соловья въ кустахъ душистаго чубучника въ маѣ; и онъ раздавался во мракѣ старой, пустой, обнаженной церкви, какъ трель соловья во мракѣ ночи, въ часъ разсвѣта.

Въ церкви было такъ же сыро, какъ въ склепѣ, и холодно даже тогда, когда на небѣ царствовалъ Сиріусъ. Мѣдь и бронза проржавѣли отъ сырости, и мраморъ почернѣлъ отъ плѣсени; дождь проливалъ черезъ пазы крыши, и безчисленное множество воробьевъ вили въ ней свои гнѣзда; отъ нихъ и отъ дождевыхъ капель мозаичный полъ позеленѣлъ; солнце никогда не проникало ни черезъ одно изъ оконъ, пожелтѣвшихъ отъ времени и пыли. Здѣсь, при свѣтѣ только одного фонаря, они услаждали другъ друга пѣніемъ хораловъ великихъ маэстро. Но Адонъ, хотя онъ никогда не разсказывалъ этого, былъ радъ, когда массивный ключъ скрипѣлъ въ замкѣ наружной двери, и онъ могъ выбѣжать на воздухъ, гдѣ уже загорались вечернія звѣзды. Онъ бѣжалъ по круто спускающимся улицамъ черезъ мостъ и чувствовалъ свѣжесть рѣчного воздуха, и слышалъ какъ шумитъ вода въ камышахъ, и видѣлъ вдали, въ полѣ, окутанномъ мракомъ, мерцающій огонекъ его дома.

Этотъ старый домъ былъ для молодого человѣка самой дорогой вещью на свѣтѣ. Онъ никогда съ нимъ не разставался, кромѣ одного раза, когда былъ призванъ отбывать воинскую повинность. Это время своей короткой ссылки въ армію (короткой потому, что онъ былъ единственнымъ сыномъ вдовы), припоминался ему, какъ кошмаръ. Онъ былъ посланъ въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ съ торговой, шумной, тѣсной, духъ захватывающей жизнью. Его заключили въ казарму, какъ сокола въ клѣтку. Все, что онъ тамъ видѣлъ, пороки, гнетъ алчности и корыстолюбія, грубое запугиваніе, пресмыкающееся подчиненіе, неумолимую рутину, безстыдныя проявленія реакціи — все это наполнило его презрѣніемъ и отвращеніемъ. Когда онъ вернулся въ свою долину, онъ выкупался въ водахъ Эдеры прежде, чѣмъ переступилъ порогъ дома своей матери.

— Сдѣлай меня такимъ же чистымъ, какимъ я былъ, когда разстался съ тобой! — воскликнулъ онъ, зачерпнувъ горстью воды...

Но нѣтъ такой воды на землѣ, которая могла бы вполнѣ омыть душу, какъ она омываетъ тѣло.

Это короткое время военной службы своей онъ проклиналъ, какъ проклинали его тысячи юношей: его клеймо и позоръ никогда вполнѣ не изглаживаются. Оно оставило горечь на его губахъ, грязь въ его воспоминаніяхъ. Но за то какъ невыразимо отрадны были для него въ тиши ночи звуки несущейся рѣки, чистый ароматъ цвѣтущихъ бобовыхъ полей, ясное темное небо, съ сверкающими звѣздами, покой этихъ полей.

— Матушка, долга-ли, коротка ли будетъ жизнь моя, каждый часъ ея я проживу здѣсь,—сказалъ онъ, стоя на своей землѣ и смотря сквозь оливковыя деревья на стремительно бѣгущую рѣку.

— Это хорошія слова, сынъ мой,—сказала Клелія Альба, и ея руки опустились на его склоненную голову.

Въ этомъ маленькомъ царствѣ плодородной почвы и бѣгущаго потока, никто не могъ приказать ему пойти туда-то или сдѣлать то-то, никакой законъ не опредѣлялъ когда онъ долженъ вставать или ложиться; онъ имѣлъ достаточно для удовлетворенія простыхъ потребностей тѣла, потребностей же ума здѣсь было не много. Все, что онъ вкладывалъ въ землю, онъ могъ получить обратно для собственнаго употребленія, хотя чиновники отбирали около половины, оцѣнивая его землю гораздо выше ея стоимости. Несомнѣнно, научный способъ веденія хозяйства могъ бы заставить землю приносить больше, но онъ предпочиталъ слѣдовать по пути стариковъ; онъ воздѣлывалъ землю такъ, какъ люди

воздѣлывали ее, когда богъ-солнце былъ работникомъ Адмета...

Онъ работалъ усердно, повременамъ—безъ устали; иногда онъ принанималъ работника, но не часто, потому что плата за наемъ отнимаетъ доходъ съ земли. Но онъ былъ пріученъ къ такой работѣ съ дѣтства, и она никогда не была для него въ тягость, хотя онъ даже и вставалъ до свѣта и рѣдко возвращался домой къ ужину прежде, чѣмъ звѣзды не загорятся на небѣ. Онъ не имѣлъ близкихъ сосѣдей, кромѣ бѣдняковъ въ Рушино. Кругомъ была только трава, пустошь и лѣсъ, земли называемыя общественными, но въ сущности юридически не принадлежащія никому; обширное, безмолвное, благоухающее необитаемое пространство простирающееся къ голубымъ горамъ, убѣжище лисицъ, зайцевъ и кабановъ, соколовъ, дятловъ и выпей.

Онъ любилъ бродить въ этихъ дебряхъ одинъ; отрадная тишина деревни, не оскверненная присутствіемъ людей, успокаивала смутное волненіе юношеской крови, и горы, поднимаясь въ небо, придавали картинѣ невѣдомую прелесть.

Во дни непогоды или дождей онъ читалъ съ дономъ Сильверіо или пѣлъ въ церкви; въ хорошіе праздничные дни онъ бродилъ, заходя далеко отъ дома, и плуталъ въ порosляхъ вереска и въ лѣсу, надъ Эдерой. Онъ бралъ съ собой ружье, на случай защиты, потому что тамъ, въ этой глуши, водились волки и кабаны; но онъ никогда не употреблялъ его противъ птицъ или звѣрей. Какъ Францискъ Ассизскій, они оба съ дономъ Сильверіо находили больше удовольствія въ жизни, нежели въ смерти прекрасныхъ крылатыхъ существъ.

— Мы два раза въ году бываемъ свидѣтелями этого чудеснаго и необъяснимаго явленія,—говорилъ часто священникъ,—этого перелета маленькихъ, слабыхъ, никѣмъ не руководимыхъ созданій... Они летятъ черезъ моря и материки, въ бури и вѣтеръ, имѣя противъ себя смерть, поджидающую всюду... на каждомъ шагу, и мы нисколько не заботимся объ этомъ; мы разстилаемъ сѣти, разставляемъ силки, вотъ и все. Мы не достойны всего того, что дѣлаетъ землю прекрасной!..

Одной изъ причинъ его непопулярности въ Рушино было непреклонное упорство, съ которымъ онъ уничтожалъ силки, уносилъ сѣти, счищалъ клей, которымъ люди ловятъ птицъ, и запрещалъ ихъ любимое ночное занятіе—браконьерство въ лѣсу при свѣтѣ фонарей. Не разъ они грозились убить его, но онъ на это только улыбался.

— Faccia pure!—говорилъ онъ,—вы только перерѣжете

узелъ, который завязалъ не я и развязать который самъ я не могу.

Но они слишкомъ благоговѣли передъ нимъ, чтобы осмѣлиться прикоснуться къ нему; они знали, что онъ часто оставался самъ на хлѣбѣ и на водѣ, отдавая свое вино ихъ больнымъ и свои обрѣзки мяса старикамъ.

Сверхъ того они боялись Адона.

— Если вы тронете на головѣ дона Сильверіо волосъ или только подолъ его рясы, я сожгу Рушино, — сказалъ Адонъ одному изъ тѣхъ, которые грозили его другу,—и вы всѣ въ немъ сгорите, потому что рѣка не поможетъ вамъ; вода обратится въ масло и удесятеритъ силу пламени.

Народъ испугался, когда услышалъ его, потому что месть кроткаго, какъ рѣдкость, ужасна.

— Навѣрно, это въ немъ заговорилъ покойный Торъ-Альба, говорили они со страхомъ вполголоса, потому что въ этой мѣстности разсказывалось, что Адонъ Альба былъ потомкомъ древнихъ воиновъ.

— Ветераны въ селѣ и въ округѣ вспоминали разсказы отцовъ о томъ, что семья изъ Терра Верджина происходила отъ тѣхъ великихъ маркизовъ, которые въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій владычествовали въ крѣпости, представляющей собой теперь безобразныя, покрытыя плющомъ развалины на сѣверъ отъ водъ Эдеры. Но больше этого никто не могъ ничего сказать; никто не могъ сообщить, какъ воинственное племя превратилось въ простыхъ пахарей, или какъ тѣ, которые распоряжались жизнью и смертію въ долинѣ вверхъ и внизъ по теченію, утратили свою власть и владѣнія. Существовали смутныя преданія объ ужасной осадѣ, которая слѣдовала за большой битвой въ долинѣ, и это было все.

IV.

Церковь, въ которой, ради нѣсколькихъ старухъ, донъ Сильверіо отправлялъ богослуженіе каждое утро и каждый вечеръ, была нѣкогда латинскимъ храмомъ; она была построена изъ коринѳскихъ колоннъ, мраморнаго перистиля и закругленнаго открытаго купола, подобнаго куполу языческаго зданія Пантеона; къ этому были прибавлены лонгобардская колокольня и алтарь; голуби гнѣздились въ ней, внутри нея было холодно даже среди лѣта и всегда темно, какъ въ подвалѣ. Она была посвящена Св. Іерониму и была несоразмѣрно велика для незначительной толпы вѣрующихъ, приходившихъ молиться въ нее; въ ней былъ высокій темный престолъ, съ образомъ, написаннымъ, какъ говорили, Рибейра, и ничего

другого, что сколько-нибудь напоминало-бы объ искусствѣ, кромѣ капителей ея колоннъ и римской мозаики ея пола.

Лонгобардская колокольня была очень высока и массивна; въ ней были различныя комнаты, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ служили кладовыми для храненія документовъ. Тамъ сохранялось безчисленное множество документовъ разныхъ эпохъ, почти всѣ написанные по латыни и только немногіе по гречески. Донъ Сильверіо, который былъ хорошимъ классикомъ и ученымъ археологомъ, проводилъ всѣ свои одинокіе, холодные зимніе вечера, изучая эти древнія лѣтописи, при тускломъ свѣтѣ своей лампы, со своей маленькой бѣленькой собачкой, лежавшей у него на колѣняхъ.

Эти рукописи доставляли ему не мало труда: во многихъ мѣстахъ ихъ нельзя было почти разобрать, нѣкоторая часть изъ нихъ была почти уничтожена сыростью или изгрызена крысами и мышами; но онъ былъ заинтересованъ своей работой и предметомъ своего изслѣдованія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, онъ былъ въ состояніи составить послѣдовательную исторію Вальдедеры, и пришелъ къ убѣжденію, что крестьяне Терра Верджина были прямыми потомками феодальныхъ сюзереновъ Рушино. Этотъ небольшой прибрежный участокъ земли, подъ тѣнью развалинъ крѣпости, было все, что оставалось отъ обширнаго леннаго помѣстья юношѣ, въ жилахъ котораго текла кровь людей, дававшихъ князей, папъ, кардиналовъ, начальниковъ кондотьеровъ, покровителей искусствъ и укротителей мятежныхъ провинцій древней Итали съ начала тринадцатаго столѣтія и до конца шестнадцатцаго. Въ продолженіе трехъ столѣтій Торъ-Альбы были здѣсь владѣтельными господами, владѣя между горами и моремъ всѣмъ, что можно было окинуть глазомъ; затѣмъ, послѣ продолжительной осады, городъ, обнесенный стѣною, и прилегающее къ нему укрѣпленіе попали въ руки ихъ наслѣдственныхъ враговъ соединившихъ свои силы. Огонь и сталь сдѣлали свое дѣло, и только одинъ мѣсячный ребенокъ былъ спасенъ вѣрнымъ вассаломъ изъ горящей крѣпости и спрятанъ въ лодкѣ, нагруженной камышемъ, стоявшей въ рѣкѣ на якорѣ. Мальчикъ достигъ зрѣлаго возраста и дожилъ до старости, ведя крестьянскую жизнь на берегахъ Эдеры; имя его было искажено во всеобщемъ употребленіи между людьми, говорящими только на мѣстномъ нарѣчіи этой провинціи; затѣмъ въ продолженіе трехъ столѣтій сыновья наслѣдовали отцамъ, добывая работой хлѣбъ насущный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предки ихъ презирали Борджіевъ, Делла Роверовъ, Фельтріо и Малатестовъ; обнаженная, мрачная тѣнь разрушенной цитадели тянулась черезъ поля между ними и солнечнымъ закатомъ.

Долженъ-ли онъ сообщить объ этомъ Адону или нѣтъ?

Не внесутъ-ли свѣдѣнія о предкахъ тягостнаго чувства въ удовлетворенную душу мальчика? Послужитъ-ли это для него стимуломъ къ болѣе возвышеннымъ стремленіямъ, или будетъ безполезно, какъ ожогъ крапивой?

Кто-бы могъ отвѣтить на это?

Донъ Сильверіо помнилъ блестящія мечты своей собственной юности, и къ чему онѣ привели его? Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ похороненъ въ заброшенномъ селеніи, гдѣ не слышалъ никогда слова дружбы или культурной рѣчи.

У Адона не было такихъ фантазій; онъ удовлетворялся своей участью такъ-же, какъ молодой быкъ, которому не надо ничего, кромѣ прекрасныхъ, свѣжихъ полей его родины.

Однажды, когда онъ сидѣлъ съ мальчикомъ, которому было тогда пятнадцать лѣтъ, на южномъ берегу Эдеры, онъ заговорилъ. Это былъ день Св. Венедикта, когда пролетаютъ ласточки. Трава была полна розовыхъ горицвѣтовъ и желтыхъ лютиковъ. Сильный западный вѣтеръ дулъ съ моря. Множество стрижей весело кружились надъ потокомъ. Вода, отражая яркія краски неба, стремительно неслась по направленію къ морю, высокая отъ недавнихъ дождей и подгоняемая сильнымъ вѣтромъ съ западныхъ горъ.

Земли Терра Верджина лежали на юго-западномъ берегу рѣки и составляли многіе акры, часть которыхъ оставалась все еще пустошью, заросшей верескомъ. Почти напротивъ нея былъ каменный мостъ аркой, приписываемый Теодориху, а на сѣверномъ берегу были развалины крѣпости, которая возвышалась надъ деревьями, засѣвшими вокругъ нихъ; за ними и за остатками укрѣпленій спряталось Рушино, теперь только простое село.

— Послушай, Адонъ!—проговорилъ донъ Сильверіо своимъ низкимъ, звучнымъ голосомъ, мелодичнымъ и торжественнымъ, какъ месса Палестрины.—Послушай, я разскажу тебѣ исторію этихъ башень, села и долины Эдеры, все то, что я могъ собрать и разузнать самъ.

Согласно рукописямъ, которыя онъ разыскалъ, городъ Рушино, какъ Кремона, существовалъ до основанія Рима. Доказательствъ этому не было, кромѣ преданій, но развалины стѣнъ и могилы на берегу рѣки въ поляхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ эти отдаленныя времена здѣсь былъ этрускій городъ, значительный по своимъ размѣрамъ и благоустройству.

— Основы крѣпости Рокка,—продолжалъ онъ,—были, вѣроятно, частью большихъ укрѣпленій, сооруженныхъ галлами, несомнѣнно покорившими всю эту долину въ то время, когда они поселились въ такъ называемомъ теперь Марчесѣ и основали Сенегалію. Ее посѣтилъ Асдрубалъ и сжегъ Ала-

рихъ; затѣмъ она была занята греческими вольными копьеносцами Юстиніана; во времена франкскихъ побѣдъ вмѣстѣ съ другими болѣе значительными мѣстами ее заставили присягнуть на вѣрноподданство Адріану. Послѣ этого она считалась однимъ изъ ленныхъ владѣній, входившихъ въ составъ Пентаполиса; позднѣе, когда сарацины разорили берега Адріатики, они поднялись вверхъ по Валдедерѣ съ грабежомъ и пожарами. Григорій IX-ый отдалъ долину семейству ея прежнихъ феодальныхъ сюзереновъ—Торъ-Альбамъ, въ награду за военную службу; они изъ остатковъ гальскихъ, этрускихъ и римскихъ городовъ выстроили снова Рушино и на развалинахъ замка галловъ возвели крѣпость Рокка. Хотя они неоднократно вели междоусобныя войны со своими врагами—Дела-Роверами, Малатестой и герцогами Урбино, но, поддерживаемые обыкновенно Римомъ, успѣшно управляли своимъ леномъ и въ продолженіи трехъ столѣтій увеличили свои силы и владѣнія. Впослѣдствіи за свою гордость и независимость они потеряли благосклонность Рима; подъ предлогомъ, что они заслужили наказаніе, Цезарь Борджіа привелъ противъ нихъ наемныя войска и послѣ жестокаго сраженія въ долинѣ (ужасная битва, о которой сохранилось воспоминаніе у крестьянъ) городъ былъ взятъ непріятелемъ.

Городъ и крѣпость, подожженные по приказанію Борджіа, пылали. Одна только церковь была пощажена; трупы, многочисленные какъ камни, валялись всюду, — на стѣнахъ, на улицѣ, внутри храма и на порогахъ домовъ. Рѣка, заваленная трупами, покраснѣла отъ крови. Черный дымъ подобно морскимъ волнамъ поднимался къ небу. Наемные солдаты карабкались на бастіоны и насиловали женщинъ, отрѣзали имъ груди, бросали тѣла ихъ въ потокъ и вслѣдъ за ними кидали дѣтей. Владѣтельница Торъ-Альба, мужественная какъ Катерина Сфорца, была заколота первой.

Вся мѣстность была предана огню и кровопролитію; великіе военачальники были безпомощны, какъ мертвые быки. Они всѣ были убиты среди своихъ кавалеристовъ и вассаловъ и ихъ тѣла сожжены вмѣстѣ съ крѣпостью.

Только одинъ маленькій ребенокъ избѣжалъ смерти, мѣсячный младенецъ, сынъ маркиза Торъ-Альба, который былъ спрятанъ вѣрнымъ слугою въ корзинѣ, между камышами Эдеры. Этотъ слуга былъ единственный мужчина, спасшійся отъ смерти.

Рѣчные камыши были сострадательнѣе людей; они сохранили маленькаго синьора до тѣхъ поръ, пока его вѣрный вассалъ, подъ прикрытіемъ ночи, когда нападающіе были пьяны, не отнесъ его дальше внизъ по рѣкѣ, въ хижину

бѣдной женщины, которая могла вскормить его. Какъ онъ выросъ, я не знаю, но достовѣрно то, что спустя тридцать лѣтъ нѣкій Федериго Торъ-Альба жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ живете теперь вы. Земля Терра Верджина принадлежала ему и домъ вашъ и земля съ тѣхъ поръ никогда не переходили въ другія руки и не измѣняли своего названія; только ваше имя было сокращено, какъ это часто случается въ народномъ говорѣ. Какъ земля эта, называемая Терра Верджина, была пріобрѣтена сначала, сказать я не могу; вассалъ могъ спасти сколько нибудь золота или драгоцѣнностей, принадлежавшихъ его властелинамъ, и купить эти акры, или же земля могла быть захвачена и постепенно распахиваема безъ законнаго на то права; объ этомъ нѣтъ ни указаній, ни записей. Но съ этого времени могущественный родъ Торъ-Альбовъ прекратился, и едва ли имя ихъ существуетъ даже въ мѣстныхъ преданіяхъ, хотя ихъ изображенія и сохранились на могилахъ и съ исторіей ихъ владычества можетъ познакомиться всякій, кто умѣетъ разбирать рукописи шестнадцатаго столѣтія, какъ могъ бы и ты сынъ мой, если бы былъ прилежнѣе.

Адонъ молчалъ. Онъ слушалъ со вниманіемъ, какъ и все, что разсказывалъ или читалъ ему донъ Сильверіо. Но онъ не былъ пораженъ, потому что онъ часто слышалъ, хотя и смутно, легенду о своемъ происхожденіи.

— Но къ чему это?—сказалъ онъ, болтая голой, стройной ногой въ потокѣ. — Ничто не можетъ возвратить всего этого.

— Это должно было бы привести къ великой цѣли,—сказалъ донъ Сильверіо, не зная хорошенько, что именно подразумѣвалъ онъ подъ этимъ и къ чему желалъ бы онъ направить молодой умъ юноши. — Благородство происхожденія должно бы сдѣлать руки чище, душу смѣлѣе, стремленія возвышеннѣе.

Адонъ пожалъ плечами.

— Мы всѣ равны!—отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, мы не равны всѣ,—возразилъ священникъ рѣзко.— Въ природѣ нѣтъ равенства. Есть ли на днѣ рѣки хотя бы два голыша сходныхъ между собою?

Дона Сильверіо раздражало, что онъ не могъ возбудить въ юношѣ того интереса и волненія, которые захватывали его самаго, когда онъ проводилъ свободные вечера въ изученіи замысловатаго шрифта покрытыхъ слоемъ пыли пергаментовъ, найденныхъ имъ въ потаенномъ шкафу въ колокольнѣ церкви. Лѣтніе дни и зимнія ночи заставали его углубившимся въ разгадку этихъ документовъ, и теперь, когда онъ побѣдилъ и раскрылъ ихъ тайну, тотъ, котораго они касались главнымъ образомъ, обнаружилъ любопытства и гордости не болѣе, чѣмъ

если-бы онъ былъ одной изъ большихъ краснорбурыхъ совъ, обитающихъ въ сумеркахъ колокольни.

Донъ Сильверіо былъ ученый и высоконравственный человѣкъ; онъ презиралъ бы подобную суетность, если бы историческое прошлое не заключало въ себѣ для него огромнаго соблазна: воинственная раса очаровывала его противъ его совѣсти, аристократія привлекала его вопреки здравымъ понятіямъ; ему казалось, что, если бы онъ узналъ о своемъ происхожденіи отъ рыцарской расы, подобной этимъ Торъ-Альбамъ, въ немъ пробудилось бы такое тщеславіе, какое не подобало бы служителю церкви. Онъ самъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній даже о своихъ ближайшихъ родныхъ; онъ былъ покинутымъ ребенкомъ, оставленнымъ въ одну темную осеннюю ночь въ желѣзной колыбели, у воротъ воспитательнаго дома въ Реджіо-ди-Калабрія. Имя далъ ему капелланъ учрежденія; образованіе дано ему было старымъ дворяниномъ, привлеченнымъ его наружностью и дѣтской смышленностью. Ему было теперь пятьдесятъ лѣтъ и онъ до сихъ поръ никогда не зналъ, что значило имѣть близкихъ и родныхъ.

Адонъ сидѣлъ молча, смотря вверхъ на крѣпость, принадлежавшую его предкамъ. Онъ былъ больше возбужденъ, чѣмъ это обнаружили его слова.

— Если мы были владѣтелями земли, города и народа, то стало быть мы были также и владѣтелями рѣки,—думалъ онъ, и эта мысль наполняла его гордостью и удовольствіемъ, потому что онъ любилъ рѣку любовью страстной, равнявшейся развѣ его чувству къ матери.

— Они были владѣтелями рѣки?—спросилъ онъ вслухъ.

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ священникъ.—Она была въ то время одной изъ проѣзжихъ дорогъ этой провинціи съ востока на западъ и обратно; ленные владѣльцы этой Рокка взимали дорожную пошлину, содержали броды, мосты и перевозы; никто не могъ пройти мимо Рушино безъ того, чтобы его не увидалъ часовой съ вала. Эдера была тогда другая: болѣе судоходная, но, быть можетъ, менѣе красивая. Рѣки мѣняются такъ-же, какъ и народы. Здѣсь были обвалы, которые измѣнили ея теченіе и образовали ея водопады. Въ нѣкоторыхъ частяхъ она стала мельче, въ другихъ глубже. Лѣса, окаймлявшіе ея теченіе, были вырублены, хотя и не вполнѣ. Изъ нея безпрерывно брали песокъ, и ее завалили. Ты знаешь, теперь даже лодки и баржи, сидящія не глубоко въ водѣ, не могутъ спуститься или подняться безъ помощи лошадей; въ нѣкоторыхъ-же частяхъ, какъ напримѣръ здѣсь,— глубина ея совершенно неизвѣстна, и теченіе такъ извилисто и быстро, что здѣсь нельзя даже рискнуть въ маленькой

лодкѣ; зато тамъ, гдѣ поверхность ея ровная, лиліи на отмеляхъ могутъ цвѣсти безпрепятственно, никѣмъ не тревожимыя. Да, несомнѣнно, владѣтельные сюзерены Рушино были также и владѣтелями Эдеры отъ устья ея и до истоковъ; и рѣка эта была для нихъ одновременно и надежной защитой, и самымъ слабымъ мѣстомъ. Трудно было хорошо охранять такое длинное пространство воды; прежде всего, какъ я сказалъ, потому, что теченіе ея было гораздо чище и глубина ея была гораздо значительнѣе, такъ что въ средніе вѣка флотиліи плотовъ и катеровъ могли подняться по ней съ устья до самого этого города; и, дѣйствительно, не разъ корсары изъ Леванта и Марокко поднимались по ней... Хотя пушки крѣпости и прогоняли ихъ, но каждый разъ они захватывали въ рабство нѣсколько юношей и дѣвушекъ долины.

Адонъ смотрѣлъ черезъ рѣку на заросшія мохомъ стѣны, бывшія нѣкогда укрѣпленіями, видимыми все еще со стороны холмовъ, затѣмъ на мрачныя башни, почернѣвшую цитадель, разрушенные бастіоны, на все то, что нѣкогда было крѣпостью Рокка, освѣщенное теперь лучами солнца, скрытаго за розовыми тучами.

— Выучите меня латыни, ваше преподобіе,—сказалъ онъ задумчиво.

— Я всегда предлагалъ тебѣ это, — возразилъ донъ Сильверіо.

Адонъ замолкъ снова, продолжая болтать своей стройной коричневой ногой въ водѣ и смотрѣть вверхъ на вечернее небо, по ту сторону большой круглой тѣни разрушенной крѣпости.

Онъ выучился съ большимъ трудомъ немного латыни, прилежно занимаясь въ свободные зимніе вечера, и черезъ нѣкоторое время могъ уже разбирать самъ, подъ руководствомъ дона Сильверіо, лѣтописи Торъ-Альбовъ; и онъ увидалъ, что это было достовѣрно, насколько можетъ быть достовѣрнымъ то, что обросло мохомъ и паутиной времени: онъ былъ послѣднимъ представителемъ древняго рода.

— Твой отецъ разсказывалъ что-то подобное — говорила его мать,—но онъ слышалъ объ этомъ только отрывками отъ стариковъ, и никто не разсказалъ ему настолько, чтобы онъ могъ соединить всѣ эти отрывки вмѣстѣ, какъ сдѣлалъ это ты. „Но что же изъ этого“?—говорилъ онъ всегда; къ тому же, по его словамъ, эти большіе господа были разбойниками въ странѣ и грабителями на рѣкѣ. Отецъ же твоего отца носилъ въ молодости красную рубашку, какъ я часто тебѣ это разсказывала, и очень мало думалъ о князьяхъ и важныхъ господахъ.

Но Адонъ былъ не таковъ; его воображеніе, разъ пробуж-

денное, было пылко и богато; прошлое мало по малу оживало для него и сдѣлалось ему ближе настоящаго, какъ оно представляется порой ученымъ, которые въ тоже время и поэты. Онъ не былъ ни ученымъ, ни поэтомъ; но онъ находилъ удовольствіе мечтать объ этихъ давно прошедшихъ временахъ, когда предки его владѣли здѣсь и землею, и водою.

Ему не нужна была роскошь, и онъ не завидовалъ власти, которой они обладали; онъ желалъ только владѣть, какъ они, Эдерой съ ея истоковъ въ горахъ до впаденія ея въ море.

— О моя рѣка! — напѣвалъ онъ ей съ нѣжностью. — Я люблю тебя. Я люблю тебя, какъ любятъ тебя стрекозы, трясогузки, водяныя крысы; ты для меня все. Когда я наклоняюсь надъ тобой и улыбаюсь тебѣ, ты отвѣчаешь на мою улыбку. Ты столь же прекрасна по ночамъ, какъ и по утрамъ, когда ты отражаешь мѣсяцъ или играешь съ лучами солнца, когда гнѣваешься при вѣтрѣ или спокойна въ жару въ полдень. Ты была багровой отъ крови моего народа; теперь же ты зелена и свѣжа, какъ листья молодого винограда. Ты была черной отъ пороха и битвъ; теперь ты свѣтлая отъ неба и голубыхъ незабудокъ. Ты та же рѣка, что и тысячу лѣтъ назадъ, и, однако, ты сегодня только сбѣжала внизъ съ высокихъ горъ, молодая, сильная и вѣчно вновь возрождающаяся. Что жизнь людей въ сравненіи съ твоей?

Эту пѣсню онъ пѣлъ на мѣстномъ нарѣчіи. и потокъ омывалъ въ это время его ноги; на длинной камышевой флейтѣ, какія дѣлали юноши со дней царствованія въ Сарактѣ Аполлона, онъ подражалъ пѣснѣ, которую, сбѣгая внизъ, пѣла рѣка. Но это случалось только на зарѣ или въ ранній часъ ночи, когда онъ бывалъ совершенно одинъ.

Около развалинъ Рушино людей было немного; большая часть домовъ здѣсь была необитаема и грозила паденіемъ. Нѣсколько сгорбленныхъ стариковъ, изнуренныхъ женщинъ да голыхъ ребятъ карабкались здѣсь по крутымъ тропинкамъ и спали подъ красно-коричневыми крышами, перекликались другъ съ другомъ изъ глубокихъ дверныхъ нишъ, сообщая о смерти или рожденіи, или собирали листья одуванчиковъ на валу... Онъ зналъ каждаго изъ нихъ и держалъ себя просто и дружески; но по темпераменту и мыслямъ онъ былъ чуждъ имъ и показывалъ имъ свою душу не больше, чѣмъ ночная птица въ башняхъ показывала свою краснобурую грудь и яхонтовые глаза голоднымъ и ободраннымъ курамъ, которыя при яркомъ свѣтѣ дня копались на камняхъ, въ пыли и отбросахъ.

— Il bel Adone!—вздыхали женщины и дѣвушки изъ разбросанныхъ фермъ и старыхъ, мрачныхъ, обнесенныхъ каменными стѣнами мызъ, которыя тамъ и сямъ, на разстояніи нѣ-

скольких миль другъ отъ друга, нарушали зеленое, безмолвное однообразіе обширнаго историческаго края... Но къ нимъ онъ былъ тоже равнодушенъ, хотя онѣ и обладали строгой и здоровой красотой женщинъ Лаціума, ихъ низкими широкими бровями, стройнымъ станомъ, воловьими глазами, пропорціональными ногами и членами; и часто, въ добавокъ къ этому, имѣли золотисто-красные волосы и бѣлую кожу типа Адріатики. Когда онѣ вязали снопы, несли кувшины воды или шли гурьбой черезъ цвѣтущіе луга въ часовню, на ключъ или въ храмъ, въ нихъ проявлялась та свободная, естественная грація женщинъ временъ давно-прошедшихъ, съ которой приносился обѣтный голубь на жертвенникъ Венеры, или воспѣвалась у водъ Эдеры религія Изиды и ея сына. Но Адона онѣ не привлекали. Чего же онъ желалъ и о чемъ мечталъ? Онъ самъ не могъ бы отвѣтить на это.

Иногда онъ склонялся надъ рѣкою и смотрѣлъ жадно въ ея глубь.

— Покажи мнѣ женщину, которую я полюблю,—говорилъ онъ водѣ, но она стремилась впередъ, веселая, бурная, безпечная; и онъ видѣлъ въ ней только отраженіе бѣлыхъ жонкилей и золотыхъ камышей, росшихъ на берегу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСТРѢЧА.

(Посвящается Е. В. Р.).

Шелъ я по улицѣ—вдругъ слышу: „О, поэтъ,
Остановись на мигъ! Радъ встрѣтиться съ тобою!“
Я посмотрѣлъ туда, гдѣ слышенъ былъ привѣтъ.
О, чудо! Самъ Эротъ стоитъ передо мною.
Но что за странный видъ: гдѣ стрѣлы, гдѣ колчанъ?
Гдѣ факелъ, розами душистыми обвитый?
Богъ сильно возмужалъ: не такъ ужъ строенъ станъ,
Погасъ игривый взоръ, уже блѣднѣй ланиты.
Онъ продолжалъ: „зачѣмъ упорно столько лѣтъ,
Мой другъ, знакомства ты со мною избѣгаешь?
Ты виноватъ кругомъ—и оправданій нѣтъ;
Но я не помню зла—ты это самъ узнаешь:
Желаешь или нѣтъ, а я къ тебѣ приду
И твой исполню сонъ видѣній благодатныхъ“.
А я ему въ отвѣтъ: „но ты имѣй въ виду:
Знакомыхъ у меня не встрѣтишь ты пріятныхъ;
А впрочемъ, приходи!“ Затѣмъ разстались мы.
Я скоро все забылъ. Унылой чередою
Тянулся день за днемъ. Однажды, средь зимы,
Сидѣлъ я, окруженъ гостей моихъ толпою,
Какъ въ дверь раздался стукъ. „Войдите!“—и Эротъ
Вошелъ съ чарующей веселою улыбкой.
— „А, здравствуй, милый богъ! Пріятенъ твой приходъ.
Надѣюсь, что ко мнѣ забрелъ ты не ошибкой?“
— Напротивъ, мой поэтъ! Повѣрь, еще не разъ
Я навѣщу тебя: вѣдь, братъ я—Аполлону.

„О, если такъ, позволь друзей моихъ сейчасъ
Представить, слѣдуя приличія закону:
Вотъ Бѣдность робкая, а рядомъ съ нею—Трудъ;
А это, впереди—Заботы и Печали;
А здѣсь—Сомнѣніе съ Тревогою, а тутъ—
Невзгоды тяжкія. Встрѣчались вы?“—Едва-ли!
Отвѣтилъ мнѣ Эротъ и, отведя меня
Въ сторонку, говоритъ: придется намъ разстаться!
Поэтовъ я люблю, но, честь свою храня,
Въ кругу твоихъ друзей нельзя мнѣ оставаться!

А. Ивановъ.

---

* * *

Надъ розой душистой поетъ соловей,
И думаетъ роза: „Не мнѣ-ли,
Облитый сіяньемъ сребристыхъ лучей,
Онъ шлетъ свои вздохи и трели?!..“
Но сорвана роза жестокой рукой,
И снова—истомой объятый—
Въ серебряный вечеръ надъ розой другой
Поетъ обожатель пернатый!..

—

Надъ розой душистой поетъ соловей,
Поетъ и мечтаетъ: „Меня-ли,
Облиты сіяньемъ сребристыхъ лучей
Влюбленныя розы ласкали?!“
Но сѣтью поймалъ соловья птицеловъ,
И снова—истомой объята—
Влюбленная роза свободныхъ пѣвцовъ
Ласкаетъ волной аромата!...

В. Гессенъ.

Друзья и враги Гейне.

Gustav Karpeles, Heinrich Heine. Aus seinem Leben und aus seiner Zeit. Leipzig. 1899.

Къ столѣтію рожденія великаго поэта нѣмецкая литература обогатилась нѣсколькими новыми изданіями, связанными съ его именемъ. Полемика объ истинномъ днѣ рожденія Гейне нашла выраженіе въ цѣломъ рядѣ изысканій, въ концѣ концовъ, всетаки оставившихъ вопросъ спорнымъ; появилось новое дешевое изданіе его произведеній, а извѣстный знатокъ жизни и произведеній Гейне, трудолюбивый Карпелесъ собралъ свои статьи о Гейне за послѣдніе годы въ изящномъ томѣ, украшенномъ воспроизведеніями чуть не всѣхъ извѣстныхъ портретовъ поэта и другими рисунками, имѣющими къ нему отношеніе. Книга Карпелеса—не цѣльная монографія: это—рядъ отдѣльныхъ очерковъ по частнымъ вопросамъ біографіи Гейне; но очерки эти относятся ко всѣмъ періодамъ жизни поэта, захватываютъ широкія темы, касаются попутно многихъ интересныхъ вопросовъ его характеристики и творчества, и въ общемъ, пожалуй, болѣе любопытны, чѣмъ какая нибудь солидная академическая біографія, слѣдящая за всѣми подробностями и изъ за деревьевъ не видящая лѣса. Можно съ увѣренностью подтвердить, что авторомъ вполнѣ достигнута цѣль, намѣченная имъ въ предисловіи: содѣйствовать пониманію личности Гейне, какъ человѣка и какъ поэта. Все это, конечно, лишь отдѣльные эпизоды и точки зрѣнія—и авторъ не скрываетъ этого отъ себя. Но они—не безъ основанія—кажутся ему настолько содержательными, что съ ихъ высоты „получается возможность сразу охватить однимъ взглядомъ всю фигуру поэта“.

Содержаніе книги Карпелеса довольно ново въ деталяхъ и весьма разнообразно. Здѣсь и предки поэта, и его родные, и друзья и враги, и мелочи обстановки въ томъ или иномъ періодѣ его жизни, и его письма, и разговоры, и его скитанія; особая глава посвящена его посмертной судьбѣ, своеобразной исторіи его памятниковъ, его портретамъ, его похоронамъ.

Наиболѣе интересны въ книгѣ, несомнѣнно, страницы, посвященныя отношеніямъ Гейне съ другими болѣе или менѣе выдающимися людьми. Это старая и вѣчно новая, съ нашей средней

точки зрѣнія печальная, но въ сущности вполнѣ естественная исторія: человѣкъ крупный рѣже уживается съ равными себѣ, чѣмъ это намъ было-бы пріятно.

Говорятъ о дурномъ характерѣ, легко соединяющемся съ дарованіемъ, о неровности генія, объ его эгоизмѣ. Но кто вчитывался въ жизнеописанія большихъ людей, кто съ грустью слѣдилъ за больными надрывами въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ любимцамъ читателя, кто пытался, по скольку это возможно, войти въ подробности, въ психическую обстановку и причины этихъ роковыхъ кризисовъ, тотъ не безъ усмѣшки вспоминаетъ о сентиментальныхъ пожеланіяхъ прекраснодушныхъ поклонниковъ, чтобы во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ героевъ все было тихо и мирно; тотъ знаетъ, что дѣло здѣсь совсѣмъ не въ случайной неровности характера и не въ эгоизмѣ, но въ особой чертѣ генія, которую мы назвали-бы неуклонностью, въ неспособности отказываться отъ себя, входить въ компромиссы, дѣлать уступки. Генію приписываютъ чувство мѣры; во враждѣ онъ его навѣрно не имѣетъ.

I.

Цѣлый рядъ главъ изъ книги Карпелеса, посвященныхъ отношеніямъ Гейне съ тѣмъ или другимъ выдающимся человѣкомъ, можно было-бы назвать „Разбитая дружба“. Въ этомъ было что-то роковое. Поэтъ съ открытою душою шелъ навстрѣчу людямъ, внушая имъ горячую симпатію; обѣ стороны въ восторгѣ отъ этой душевной близости съ возвышенной творческой организаціей; ничто земное не смущаетъ мира этихъ насквозь духовныхъ отношеній. Но—съ неизбѣжностью естественнаго процесса—наступаетъ критическій моментъ: то убѣжденія, то житейскія мелочи, то недоразумѣнія рвутъ съ непреодолимой силой эти пріятныя узы и обращаютъ ихъ въ отчужденіе, иногда вражду и ненависть. Кто виноватъ въ этомъ? Надо сказать правду: чаще всего самъ Гейне; достаточно вспомнить позорную исторію его отношеній съ кристально-чистымъ Берне. Чаще всего,—но не всегда. И если разобраться въ частностяхъ этихъ тяжелыхъ столкновеній, то не трудно видѣть, что поэтъ нерѣдко былъ не такъ ужъ виноватъ, какъ объ этомъ склонны думать дешевые моралисты. Но характерно, во всякомъ случаѣ, что наиболѣе ровно и благополучно протекала у Гейне дружба съ людьми или незначительными или далекими. Къ первой категоріи принадлежатъ отношенія поэта къ Мейснеру, Лаубе, Иммерману, ко второй—его почтительная пріязнь къ историку Минье и легковѣсная дружба съ Александромъ Дюма—отцомъ. Это любопытныя отношенія, трогательныя, при всей ихъ забавности.

Объясняясь на страницахъ своего журнала въ любви къ Гейне,

Дюма всетаки долженъ былъ замѣтить при этомъ: „Да, можно любить пріятеля, можно восхищаться поэтомъ—и не видаться съ нимъ двѣнадцать лѣтъ (въ одномъ городѣ!) Какъ такъ? Очень просто! Мой духъ былъ въ непрестанномъ единеніи съ его духомъ, книги замѣняли мнѣ автора. Ахъ, такъ оно бываетъ у насъ, бѣдныхъ рабовъ литературы. Каждый ходитъ на своей цѣпи, и цѣпь каждаго имѣетъ опредѣленную длину. — Завтра, дорогой Гейне, я протяну мою цѣпь отъ rue Lafitte до rue d'Amsterdame".— „Вотъ ужъ шесть лѣтъ, какъ я лежу въ постели—отвѣчалъ Гейне: и въ минуты жесточайшихъ страданій, жена читала мнѣ вслухъ ваши романы, и лишь это могло заставить меня забыть мои муки. Я проглотилъ всѣ ваши произведенія, и не разъ за чтеніемъ восклицалъ: „Что за талантъ, этотъ большой мальчикъ, по имени Александръ Дюма". А Дюма, продолжая этотъ письменный діалогъ (или вѣрнѣе, комментаріи къ большому письму Гейне), отвѣчалъ: „Бѣдный другъ! За тѣ двѣнадцать лѣтъ, что мы съ вами не видались, большой мальчикъ обратился въ сѣдого мальчика, но онъ любитъ васъ по прежнему и будетъ любить, что бы съ нимъ ни произошло".

Вѣрный Дюма сдержалъ слово—замѣчаетъ составитель. Въ небольшой кучкѣ, провожавшей въ холодное, ненастное утро 20 февраля 1856 года прахъ поэта въ мѣсто вѣчнаго успокоенія, особенно выдавалась могучая фигура Александра Дюма, горько рыдавшаго по усопшемъ. Былъ среди участниковъ печальнаго кортежа и Минье, неизмѣнный покровитель поэта и — по первоначальному проекту завѣщанія—даже душеприказчикъ его. Весьма характерно для ихъ отношеній и еще болѣе для тогдашняго настроенія Гейне его письмо къ Минье (1849 г.), не попавшее въ собраніе его писемъ. „Милый другъ, навѣстите же меня,—пишетъ поэтъ. — Чувствую потребность пожать руку такому человѣку, какъ вы. Быть можетъ, это облегчитъ мои страданія, которыя теперь болѣе жестоки, чѣмъ когда-либо; я совсѣмъ не въ радужномъ настроеніи, хотя на свѣтѣ творятся забавнѣйшія вещи; Германія превзошла Францію въ политическихъ вакханаліяхъ. Все у насъ идетъ великолѣпно по ту сторону Рейна, гдѣ радикальнѣйшій коммунистъ нашелъ бы полное осуществленіе своихъ идей. Да-съ, мы наслаждаемся теперь полнѣйшимъ коммунизмомъ— хоть и безъ этого имени, но за то на самомъ дѣлѣ; мы добились равенства имуществъ, потому-что ни у кого ничего нѣтъ; всѣ мы нищіе, вполнѣ пригодные для Икаріи; мы дошли также до общности женъ — только мужья этого не замѣчаютъ. Совсѣмъ какъ ваши друзья, господа Одилонъ - Барро съ товарищи въ моментъ вашей побѣды надъ роялизмомъ 25 февраля печальной памяти. — Признаюсь вамъ—и въ насъ произошла великая религіозная реакція. Давидъ Штраусъ исповѣдался въ этомъ въ общественномъ собраніи; что касается меня, это пока тайна, ко-

торую я довѣряю только моей сидѣлкѣ и нѣсколькимъ избраннымъ женщинамъ. Рискуя даже подвергнуться обвиненію въ тупоуміи, я не скрою отъ васъ великой тайны моей души; я разстался съ нѣмецкимъ атеизмомъ и готовлюсь перейти въ лоно вѣры. Я начинаю замѣчать, что немножко вѣры въ Бога не можетъ повредить бѣдному человѣку, особенно, если онъ въ теченіе семи мѣсяцевъ лежитъ на спинѣ и страдаетъ отъ ужаснѣйшихъ болей. Правда, я еще не совсѣмъ вѣрю въ рай, но уже предвкушаю прелести ада—послѣ прижиганій позвоночнаго столба, которыя я испыталъ только что. Это—шагъ впередъ, потому-что теперь я могу уже продать мою душу чорту—преимущество, котораго лишены мои бѣдные безбожные земляки; а имъ оно какъ разъ теперь было-бы нужно, особенно въ Берлинѣ, гдѣ король далъ по истинѣ очень хорошую конституцію, которая, однако, возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе, вродѣ того, какое внушаетъ намъ величайшее пирожное при мысли, что оно окрашено капелькой ядовитой „берлинской лазури“. Въ заключеніи Гейне, прося прислать ему на пару дней книгу Тьерри, прибавляетъ: „я привыкъ уже быть предъ вами въ долгу“.

Въ этой главѣ—она носитъ названіе „Три историка“—вниманіе біографа должны остановить также новыя данныя объ отношеніяхъ Гейне съ Гизо и Тьеромъ. Но не ихъ историческіе труды, а ихъ оффиціальное положеніе имѣетъ отношеніе къ жизнеописанію поэта. Его недруги давно уже и съ большимъ шумомъ пустили въ обращеніе исторію о томъ, что Гейне получалъ отъ французскаго правительства пособіе не наравнѣ съ прочими политическими бѣглецами, но въ качествѣ писателя, перо котораго могло быть весьма не безполезно платившимъ. Подъ вліяніемъ горячки національизма, охватившей въ послѣднія десятилѣтія и нѣкоторыхъ выдающихся людей Германіи, эта инсинуація не только пошла гулять по страницамъ юнкерскихъ и католическихъ газетъ, но—съ благословенія Трейчке и Дюринга — повторяется иногда и въ серьезныхъ книгахъ. Документы, приводимые Карпелесомъ, представляютъ денежныя отношенія Гейне къ правительству Луи Филиппа въ должномъ свѣтѣ. Два письма поэта къ Тьеру показываютъ, что люди, отъ которыхъ зависѣла эта пенсія, даже не знали точно, что пишетъ о нихъ нѣмецкій публицистъ, не знали, потому-что, попросту, не интересовались этимъ. Гейне, поднося свою книгу Тьеру, какъ человѣкъ благовоспитанный, извиняется въ рѣзкостяхъ, которыми осыпалъ въ „Лютеціи“ его министерство. „Обратите вниманіе на даты моихъ писемъ и вспомните, при какихъ обстоятельствахъ они писались: вы поймете, что, говоря о васъ въ такое время, я не очень заботился о томъ, чтобы сообщить моему стилю придворные обороты“. Пенсія была назначена Тьеромъ,—а не Гизо, какъ утверждали до сихъ поръ,—и Тьеръ хлопоталъ о ея продленіи предъ Гизо, когда тотъ сталъ

у власти. Гейне заявилъ, что Гизо никогда ни прямо, ни косвенно не требовалъ отъ него никакихъ услугъ въ благодарность за пенсію. Поэтъ видѣлся съ нимъ одинъ разъ въ жизни — въ ноябрѣ 1840 года. „Я не изъ тѣхъ людей, которые отказываютъ въ кускѣ хлѣба нѣмецкому поэту, живущему въ изгнаніи"—сказалъ при этомъ Гизо. Онъ говорилъ съ теплотой и горячимъ уваженіемъ о Германіи—„и это пониманіе значенія моей родины — прибавляетъ поэтъ — въ связи съ лестнымъ мнѣніемъ о нѣкоторыхъ моихъ литературныхъ произведеніяхъ, были единственной монетой, которой онъ подкупилъ меня". Этого заявленія съ насъ достаточно. Мы можемъ быть недовольны, что поэтъ, стѣсненный нуждой, неосторожно навлекъ на себя неосновательное подозрѣніе, мы можемъ думать, что если Гейне и не писалъ по заказу, то и не могъ чувствовать себя вполнѣ свободнымъ *),—но мы не смѣемъ поставить ему въ вину чувство благодарности, въ которой деньги не играли никакой роли.

Создавъ легенду о подкупѣ, враги поэта пытались обратить въ легенду его политическое изгнаніе. По мнѣнію Трейчке, Гейне не былъ изгнанникомъ — „онъ былъ добровольнымъ бѣглецомъ, совершенно также, какъ польскіе поэты, Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій и многіе другіе нѣмецкіе, польскіе, итальянскіе революціонеры". Различеніе весьма тонкое. Несомнѣнно, что добровольно удалиться до ареста заграницу, значитъ быть политическимъ изгнанникомъ. Варнгагенъ фонъ Энзе прямо и неоднократно указываетъ на то, что „сильная рука, предусмотрительно грозившая поэту, была изъ самыхъ могущественныхъ въ Европѣ—рука князя Метерниха". Трейчке умолчалъ или не зналъ, что Пруссія настойчиво старалась засадить Гейне въ крѣпость; когда Гейне, желая посовѣтоваться о своихъ больныхъ глазахъ, просилъ чрезъ Гумбольдта высочайшаго разрѣшенія пріѣхать въ Берлинъ, король нашелъ, что это было бы человѣчнѣе и вполнѣ безопаспо для устойчивости прусской монархіи, такъ какъ больной старикъ едва ли кого либо заинтересуетъ; но министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Гумбольдту, что „означенный Гейне будетъ заключенъ, какъ только ступитъ на прусскую почву". Въ виду такихъ фактовъ Трейчке все-таки утверждаетъ, что „жалкіе розсказни объ изгнаніи Гейне—явная ложь, которой долженъ бы стыдиться всякій честный историкъ". Честный историкъ, однако, долженъ бы прежде всего всѣми силами уклоняться отъ того пути, на который его привели фанатизмъ и злоба.

Но Трейчке хоть не зналъ Гейне лично—онъ могъ ошибаться. А среди его единомышленниковъ—ихъ очень много и они безко-

*) Напомнимъ, однако, что въ извѣстномъ письмѣ въ редакцію «Всеобщей Газеты» 1848 г., гдѣ впервые появилось обвиненіе въ подкупѣ, Гейне со всей опредѣленностью и негодованіемъ отрицаетъ предположеніе, будто онъ бралъ деньги за то, что *не* писалъ.

нечно разнообразны—были и такіе, которые многимъ были обязаны Гейне, и тоже не устояли предъ всемогущимъ духомъ времени. Потокъ идейной ненависти захватилъ и ихъ, заглушая ихъ лучшія чувства—и прежде всего чувство простой человѣческой справедливости. Таковъ былъ, напримѣръ, этотъ Граббе, къ которому Гейне относился съ большимъ вниманіемъ, цѣня его талантъ такъ, какъ немногіе въ это время. Невѣроятно безпорядочная, распутная и пьяная жизнь погубила его огромное дарованіе, несомнѣнно, таившее проблески геніальности. Эти проблески Гейне замѣтилъ тогда, когда оба поэта принадлежали еще къ одному кружку молодыхъ оригиналовъ, и навсегда сохранилъ тонкое пониманіе всего жизнеспособнаго въ дикихъ произведеніяхъ Граббе. Онъ собирался дать о немъ большую статью, отводилъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ нѣмецкой политической хрестоматіи, которую предполагалъ издать съ Детмольдомъ. Наконецъ, въ его „Мемуарахъ" нѣсколько страницъ, посвященныхъ Граббе, проникнуты большой сердечностью; достаточно отмѣтить, что онъ вспоминаетъ о Граббе въ связи съ характеристикой своей матери—и разсказываетъ по этому поводу трогательную исторію о бѣдномъ поэтѣ, защищая его мать отъ обвиненій, будто она виновата въ пьянствѣ сына. „Это была необразованная женщина, жена тюремщика и, быть можетъ, иногда царапала своего волченка—Дитриха, когда ласкала его своими волчьими лапами. Но у нея было истинно материнское сердце, и она проявила его на дѣлѣ, когда сынъ ея поѣхалъ въ Берлинъ, въ университетъ. На прощаніе, разсказывалъ мнѣ Граббе, она сунула ему въ руку свертокъ, въ которомъ оказались завернутыя въ вату полдюжины серебряныхъ ложекъ, шесть таковыхъ же кофейныхъ и одна большая, равно серебряная, разливная ложка; это было семейное сокровище, съ которымъ простолюдинки разстаются лишь съ окровавленнымъ сердцемъ, ибо этотъ серебряный знакъ отличія есть, по ихъ мнѣнію, какъ бы грань, отдѣляющая ихъ отъ обыкновенной оловянной черни. Когда я познакомился съ Граббе, разливная ложка, Голіаѳъ, какъ онъ ее называлъ, была ужъ съѣдена. Когда я его спрашивалъ, какъ онъ поживаетъ, онъ всегда коротко и мрачно отвѣчалъ: „Ѣмъ третью ложку" или—„проѣдаю четвертую".—„Большія приходятъ къ концу—сказалъ онъ однажды—и когда очередь дойдетъ до кофейныхъ, то дѣло будетъ совсѣмъ плохо". Ѣсть было нечего—надо было пить, и пьянство стало для Граббе способомъ самоубійства. Онъ умеръ отъ того, что пилъ, потому — что пилъ для того, чтобы умереть. Къ этому Гейне присоединялъ торжественное заявленіе, что „Граббе былъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ Германіи, и изъ всѣхъ нѣмецкихъ драматурговъ — самый близкій къ Шекспиру". А Граббе возненавидѣлъ Гейне. За что? — трудно сказать — не то изъ зависти, не то по ослѣпленію. „Путевыя картины!—

пишетъ Граббе — слышалъ о нихъ. Ну, разъ дѣло дошло до описанія путешествій, значитъ вдохновеніе Гейне изсякло, и онъ ищетъ спасенія въ разсказѣ о дорожныхъ приключеніяхъ. Но и это онъ, вѣрно, сдѣлалъ съ натугой. Есть тамъ, должно быть, много или нѣсколько остротъ, которыя онъ насилу выжалъ изъ себя, а стихотворенія навѣрное жалки, разъ поэтическій жидокъ принялся уже за путешествія". Напомнимъ, что въ это время Граббе еще не читалъ „путевыхъ картинъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ, на предложеніе издателя „написать нѣчто современное", Граббе отвѣчаетъ: „Это мнѣ очень трудно: не могу я настолько преодолѣть себя, чтобы изъ за грошей писать цѣлые томы геніальныхъ памфлетовъ,—а ничего иного, напр., въ новыхъ сочиненіяхъ Гейне и Берне я не вижу. Надо же, чтобы и мнѣ самому что-нибудь нравилось въ моихъ сочиненіяхъ. Думаю, что мы долговѣчнѣе, чѣмъ эти лѣтнія птички". — „Другіе — пишетъ онъ затѣмъ — лучше меня пользуются своими дарованіями, ибо сіе имъ на потребу. Гейне и Берне живутъ книгопродавцами и газетами. Потому они и либеральничаютъ, но если бы я былъ императоромъ и соблаговолилъ подумать о томъ, чтобъ отрубить имъ головы, они живо научились бы лизать пятки и стали бы весьма вѣрноподанны". Этотъ градъ инсинуацій увѣнчивается милымъ письмецомъ съ личной характеристикой автора „книги пѣсенъ": Гейне— „тощій, маленькій, противный жидокъ, который никогда не зналъ женщинъ и потому все выдумалъ. Его тоска—какъ она ни противоестественна — можетъ быть, неподдѣльна. Но стихотворенія его—не поэзія... Не могу читать дальше — все это ложь, надувательство и глупость". Особенно возмущало Граббе то, что Гейне не обращалъ никакого вниманія на его оскорбленія. „Да что ему съ вами дѣлать?—спрашивалъ одичавшаго генія Лаубе — вызвать на дуэль, что ли?"—„Ну, на дуэль-то не за что было"—„Что-жъ, побить васъ или — такъ какъ вы сильнѣе, нанять кого-нибудь, чтобъ васъ побить?"—„Нѣтъ, это все не то—отвѣчалъ Граббе — онъ долженъ былъ меня убить".

Цѣлая армія единомышленниковъ Граббе проходитъ предъ нами въ книгѣ Карпелеса;—здѣсь и мелкіе, личные враги поэта, обезпечившіе себѣ мѣсто въ исторіи ненавистью къ нему, и болѣе крупные, враги идейные по мотивамъ и грубо-личные по формѣ ихъ вражды къ Гейне. Какъ ни различны ихъ побужденія, какъ ни разнообразны ихъ положенія, характеры, поводы къ полемикѣ, отъ искушенія — въ качествѣ послѣдняго, рѣшающаго довода — сказать ему *жидъ*,—не удержался, кажется, никто изъ нихъ, кромѣ развѣ евреевъ; эти отравляли ему жизнь другими способами.

Смѣшное и грустное впечатлѣніе производятъ эти историческія справки. Полемика извѣстнаго католическаго богослова Деллингера показываетъ только, что мы ни на іоту не двинулись впередъ, что враги того направленія, которому служилъ Гейне, ни-

чего за это время не выдумали: очевидно, и выдумывать ужъ нечего. Статьи Деллингера пересыпаны замѣчаніями о „тупости“, „іудаизирующей граціи“, о „многочисленныхъ любовныхъ приключеніяхъ господина Гейне, о которыхъ онъ такъ самодовольно разсказываетъ“. Быть можетъ, впослѣдствіи порвавшій съ католическимъ мракобѣсіемъ и отлученный отъ церкви Деллингеръ и понялъ, что онъ не былъ правъ, ненавидя Гейне за его свободныя воззрѣнія—новѣйшіе его біографы не хотятъ этого понять и все стоятъ на одной точкѣ зрѣнія, которой держался ядовитый ультрамонтанскій теологъ въ двадцатыхъ годахъ. Благодаря его усиліямъ, поддержаннымъ юнкерской кликой съ графомъ Платеномъ во главѣ, Гейне не получилъ обѣщанной ему каѳедры въ Мюнхенскомъ университетѣ.

Еще болѣе тягостное впечатлѣніе производитъ отношеніе къ Гейне Рихарда Вагнера. Чувство благодарности вообще не было изъ добродѣтелей автора „Нибелунговъ“—здѣсь будетъ умѣстнѣе сказать—автора памфлета „Еврейство въ музыкѣ“, но съ Гейне онъ былъ особенно грубъ.

По разсказу Лаубе, Вагнеръ пріѣхалъ изъ Риги въ Парижъ, голодный, нищій, съ женой, полудюжиной оперъ, тощимъ кошелькомъ и невѣроятно большой и невѣроятно прожорливой собакой. Онъ собирался сдѣлать музыкальную карьеру въ этомъ гигантскомъ городѣ, куда тогда стекалось все талантливое со всего міра, чтобы побѣдить или погибнуть въ безжалостной борьбѣ за славу. Гейне молитвенно простеръ руки, услышавъ объ этой безразсудной надеждѣ соотечественника, который оказался горячимъ почитателемъ его поэзіи. Онъ обласкалъ Вагнера, познакомилъ его со всѣми выдающимися представителями парижскаго музыкальнаго міра. Вагнеръ написалъ музыку къ его „Гренадерамъ“ и заимствовалъ изъ его произведеній сюжеты „Летучаго голландца“ и—отчасти—„Тангейзера“.

Ихъ дороги разошлись впослѣдствіи. Міровоззрѣніе Гейне стало ненавистно „германски-христіанскому“ Вагнеру—и онъ выступилъ со всей рѣзкостью противъ Гейне. Угодливый Карпелесъ, кажется, не столько изъ справедливости, сколько „страха ради іудейска“—или въ данномъ случаѣ—„страха ради противо-іудейска“ — пытается приукрасить это поведеніе Вагнера. Мы достаточно привыкли къ аргументамъ этого сорта: въ искусствѣ нѣтъ благодарности, геній выше нашихъ соображеній о его поступкахъ, можно жалѣть объ ошибкахъ Вагнера, но нельзя осуждать его и такъ далѣе. Это говоритъ пламенный почитатель и біографъ Гейне, хорошо знающій всѣ подробности ихъ отношеній и всѣ печатные отрывы Вагнера о Гейне. Сперва Вагнеръ не безъ обычныхъ выходокъ, но и не безъ основанія писалъ: „когда поэзія стала у насъ ложью, и изъ нашего анти-поэтическаго жизненнаго строя могло произойти все что угодно, кромѣ истиннаго поэта,

на долю весьма даровитаго поэта изъ евреевъ выпало разоблачить всю ложь, всю безпочвенную прозаичность и іезуитское лицемѣріе этихъ творческихъ потугъ". Нѣсколько позже и объ этой второстепенной заслугѣ Гейне пришлось забыть — Вагнера окончательно захватило то движеніе, для котораго оно впослѣдствіи сталъ чуть не знаменемъ. „Пришли новыя времена — писалъ онъ. — Побѣдитель Платена посылалъ намъ изъ Парижа, новой родины, на которой остановился его выборъ, свои стихотворныя остроты въ нѣмецко-поэтической прозѣ, и Гейневскій духъ сталъ родоначальникомъ цѣлой литературы, сущность которой заключается въ издѣвательствѣ надъ всякой серьезной литературой. Какъ Дантоновскія каррикатуры услаждали въ то же время сердца парижскихъ лавочниковъ, показывая имъ, что все великое и важное существуетъ только для насмѣшекъ надъ нимъ, такъ Гейневскія остроты лили бальзамъ въ чувства нѣмецкихъ читателей, которые, сознавая всю глубину паденія нѣмецкаго духа, могли утѣшаться внушаемой имъ здѣсь мыслью, что это вовсе не такъ печально, какъ имъ кажется".

Къ такимъ-же „идейнымъ" врагамъ Гейне, подъ вліяніемъ „идеи" забывшимъ объ элементарной справедливости, принадлежалъ—какъ это ни неожиданно—Альфредъ де Мюссе. „Идеи", какъ извѣстно, играли не слишкомъ рѣшающую роль въ жизни и творчествѣ замѣчательнаго французскаго поэта. Но ихъ немного надо, чтобы быть справедливымъ, особенно къ такому человѣку, какъ Гейне, который—самъ *ein guter Hasser*, какъ выражается его біографъ—обладалъ печальнымъ умѣніемъ привлекать къ себѣ безъ видимаго повода непримиримую ненависть.

Съ Мюссе—быть можетъ, какъ и съ Лассалемъ—Гейне сблизило, а затѣмъ разсорило ихъ сходство. Въ ихъ натурахъ и въ ихъ поэзіи было много общаго. Они оба испытали глубокое вліяніе Байрона, оба черпали въ лирикѣ изъ одного источника; ихъ скорбное настроеніе, условленное общими причинами, смѣсь „міровой скорби" съ эллинскимъ сенсуализмомъ и насмѣшливаго скептицизма съ жаждой вѣры—вотъ что какъ будто сближало ихъ; оба были пѣвцами одного поколѣнія, оба много отдали женщинамъ и умерли почти одновременно.

Они познакомились въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ салонѣ княгини Бельджойозо и, кажется, понравились другъ другу. Гейне высоко цѣнилъ поэзію Мюссе и искренно возмущался парижскимъ обществомъ, которое, много говоря о своемъ почтеніи къ поэзіи, умѣло не замѣчать, что въ его средѣ выросъ и живетъ первоклассный поэтъ. Годъ спустя произошла знаменитая поѣздка Жоржъ-Зандъ и Мюссе въ Венецію. Ихъ разрывъ раздѣлилъ парижскій литературный міръ на два лагеря. Гейне, полный неизмѣннаго уваженія къ Жоржъ-Зандъ, въ которой онъ видѣлъ не только великую писательницу, но и замѣчательнаго человѣка, былъ

на ея сторонѣ. Въ этомъ или въ чемъ либо другомъ были причины взаимнаго охлажденія между нимъ и Мюссе, неизвѣстно. Но съ 1845 г. поэты уже не встрѣчались. Въ своихъ критико - публицистическихъ произведеніяхъ Гейне высказывался о Мюссе не безъ колебаній и оговорокъ. Слегка похваливая его прежнія комедіи и упрекая автора въ дѣланномъ разочарованіи, онъ прибавлялъ: „теперь, правда, нашъ бѣдный мосье Мюссе излечился отъ своихъ прежнихъ заблужденій и уже не разыгриваетъ въ своихъ произведеніяхъ роли какого-то blasé, — но ахъ, — его произведенія заключаютъ теперь вмѣсто притворнаго внутренняго разлада, гораздо болѣе безотрадные слѣды дѣйствительнаго упадка его физическихъ и духовныхъ силъ. Ахъ, этотъ писатель напоминаетъ мнѣ тѣ искусственныя развалины, которыя обыкновенно воздвигались въ садахъ замковъ восемнадцатаго столѣтія, тѣ игрушки дѣтской прихоти, которыя, однако, съ теченіемъ времени, вызываютъ въ насъ скорбное соболѣзнованіе, когда онѣ въ самомъ дѣлѣ истлѣваютъ и вывѣтриваются и обращаются въ дѣйствительныя развалины". Это жестоко, но другіе критики въ это время были не многимъ милостивѣе Гейне. Подозрѣвать личный мотивъ въ сужденіи Гейне нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что черезъ три года отношенія поэтовъ не улучшились, а общее мнѣніе Гейне о Мюссе склонилось къ лучшему. Извѣстны тѣ строки его замѣтокъ о Жоржъ Зандъ, гдѣ онъ назвалъ Мюссе величайшимъ — послѣ Беранже—лирикомъ Франціи. Въ разговорѣ съ Мейснеромъ онъ какъ бы пытался примирить эти разнообразные отзывы.

„Странная судьба у этого Мюссе—говорилъ поэтъ: — онъ поражаетъ теперь всѣхъ. Когда онъ сталъ знаменитъ и вошелъ въ моду, онъ уже не былъ тѣмъ человѣкомъ, который нѣкогда писалъ эти книги, и вообще уже не былъ поэтомъ. Онъ пережилъ три періода. Первый періодъ—бурный и смѣлый; затѣмъ его талантъ преобразился, сталъ спокойно-изященъ—онъ писалъ тогда свои пословицы, эти салонныя идилліи въ драмѣ — теперь онъ переживаетъ третью эпоху, въ которой все пришло къ концу... Вы собирались посѣтить его въ библіотекѣ, директоромъ которой онъ состоитъ. Сомнѣваюсь, чтобы онъ зналъ, на какой улицѣ находится эта библіотека. Ему дали это мѣсто Орлеаны за то, что онъ воспѣлъ рожденіе графа Парижскаго въ стихахъ, гдѣ, къ слову сказать, подъ такъ называемымъ высокимъ стилемъ скрывается весьма прозаическая политика. Такова французская поэзія".

За этимъ отзывомъ о поэтѣ явно сквозитъ весьма неблагопріятное мнѣніе о человѣкѣ. Не мудрено, что отзывъ Мюссе о Гейне — единственный дошедшій до насъ, и то въ чужой передачѣ—дышетъ той-же отчужденностью; но, при всей его случайности, онъ весьма поучителенъ для оцѣнки обѣихъ сторонъ. „Вы не любите Гейне?"—спросилъ Мюссе молодой нѣмецкій писатель Мельсъ, замѣтивъ въ его отзывѣ о лирикѣ любимаго поэта нѣчто

неблагопріятное.—„Нѣтъ, не люблю—холодно отвѣтилъ Мюссе: я ужъ сказалъ вамъ, что не могу оцѣнить прелести его стиховъ, потому-что не понимаю его языка. Его мысли просто не производятъ на меня впечатлѣнія—нѣсколько удачныхъ остротъ, нѣсколько мѣткихъ язвительныхъ замѣчаній—вотъ и все! Но вѣдь для этого мнѣ достаточно „Шаривари“ и „Фигаро“! Ну, вы, вѣдь, не подумаете, что мой суровый отзывъ порожденъ его личными нападками на меня. Конечно, нѣтъ! И, такъ какъ вы ужъ заставили меня высказаться объ этомъ, то выслушайте мое мнѣніе до конца. Я не выношу кощунствующихъ; человѣкъ, съ издѣвательствомъ отталкивающій отъ себя все, что зовется вѣрой,—мой прирожденный противникъ... И я провелъ всю жизнь въ сомнѣніяхъ... но я сомнѣвался со скрежетомъ зубовнымъ, а не съ ядовитымъ хихиканьемъ, какъ вашъ землякъ. Сомнѣнія въ вѣрѣ толпы были для меня не привилегіей, дарованной моему духу природой, но страшной карой Божьей. Я всѣми возможными способами бѣжалъ отъ этой чудовищной нравственной пытки, и если это мнѣ не удалось, то за мной всетаки хоть та заслуга, что я спасъ мое лучшее *я* отъ смрада матеріализма—тогда какъ эти господа чувствуютъ ссбя въ этой сферѣ великолѣпно и съ издѣвательствомъ отталкиваютъ всякую спасительную руку, протягиваемую имъ“...

III

Очевидно, изъ двухъ поэтовъ, раздѣленныхъ міровоззрѣніемъ, менѣе неправъ былъ все-таки тотъ, кто хоть зналъ факты, а не судилъ, какъ вздумается. Въ страданіи по утерянной религіозности нѣтъ заслуги, но надо было въ самомъ дѣлѣ видѣть въ Гейне салоннаго остроумца, а не великаго „рыцаря духа“, чтобы съ легкимъ сердцемъ обвинять его въ поверхностномъ отношеніи къ вопросамъ религіи. Если бы Мюссе познакомился хотя бы съ прозаическими произведеніями Гейне какъ разъ этой эпохи, особенно съ его „Признаніями“, о которыхъ и въ Парижѣ говорили много и оживленно, онъ увидѣлъ-бы, какъ мало правды въ его воззрѣніяхъ. Важно, конечно, не то, что больной Гейне мечталъ въ послѣдніе дни о простой, вульгарной вѣрѣ, но то, что такъ или иначе онъ жилъ всю жизнь одной вѣрой, — правда, не той, исповѣдникомъ которой былъ Мюссе. Нельзя ставить въ вину человѣку, что онъ вѣритъ не въ то, во что вѣримъ мы: печально, когда онъ ни во что не вѣритъ. Можно признавать религіозный скептицизмъ Гейне—и всякій понимаетъ, въ какой степени этотъ горячій скептицизмъ былъ „инобытіемъ“ его страстной вѣры; но ничто не даетъ права упрекать его, какъ это дѣлаетъ Мюссе, въ религіозномъ нигилизмѣ. Наоборотъ, книга Карпелеса даетъ нѣсколько документовъ и сообщеній, свидѣтельствующихъ о нѣ-

сколько иныхъ настроеніяхъ поэта. Мы приводили уже любопытное письмо къ Минье, дающее возможность измѣрить глубину—довольно умѣренную—этихъ настроеній, весьма далекихъ отъ „переворота". Пожалуй, не измѣнятъ этой оцѣнки и новыя—вѣрнѣе, подновленныя, свѣдѣнія, приводимыя здѣсь и касающіяся свиданія Гейне съ философомъ Фихте, сыномъ знаменитаго философа. Горячій поклонникъ поэта, Эммануилъ Германъ Фихте посѣтилъ его вмѣстѣ съ сыномъ въ 1850 году, когда Гейне уже больше года томился *) въ своей „матрацной могилѣ"; этому сыну, выдающемуся врачу, умершему не такъ давно, и принадлежитъ разсказъ о посѣщеніи, со времени котораго прошло теперь ровно полъ вѣка.

Гость началъ съ пламеннаго изображенія того восторга, съ которымъ встрѣчается на родинѣ всякое новое произведеніе Гейне; думая утѣшить больного поэта, онъ замѣтилъ, что сознаніе народной любви и преданности должно возмѣстить ему тѣ внѣшнія наслажденія, которыхъ его лишила завистливая судьба. Но Гейне отвѣтилъ возраженіемъ: онъ мало цѣнитъ это одобреніе читателей. Его произведенія создаются свободнымъ вдохновеніемъ творческаго духа. Дѣятельность поэта не опредѣляется чьимъ либо одобреніемъ и не вознаграждается славой: она опредѣляется внутренней потребностью и находитъ награду во внутреннемъ успокоеніи; величайшимъ тщеславіемъ онъ считаетъ мысль о славѣ. Поэтому онъ не пишетъ автобіографіи. У него очень много рукописей, о дальнѣйшихъ судьбахъ которыхъ онъ самъ ничего не можетъ сказать. Многое онъ ужъ предалъ огню, чтобы оно не попало въ руки непризванныхъ, а также для того, чтобы избѣгнуть возможнаго искушенія напечатать все это. Но если онъ такъ боится этого, то совсѣмъ не потому, чтобъ измѣнились его воззрѣнія—нѣтъ, онъ всегда оставался вѣренъ себѣ,—но потому, что его сужденія о разныхъ лицахъ и фактахъ претерпѣли за это время нѣкоторыя измѣненія.

Разговоръ, въ началѣ нѣсколько вялый и томительный, становился все живѣе и интереснѣе. Бесѣдовать о текущей политикѣ Гейне, очевидно, не предполагалъ: злобы дня стали ему, по мнѣнію его біографа, менѣе близки во время его болѣзни. Вѣрнѣе, кажется, предположить, что поэтъ, не отрываясь душой отъ на-

*) Кстати сказать, распространенное мнѣніе, будто болѣзнь Гейне была слѣдствіемъ его «веселой» жизни, содержитъ развѣ лишь ничтожную долю истины. Не слѣдуетъ забывать—говоритъ его новѣйшій біографъ—что Гейне былъ въ чрезвычайной степени, что называется, fanfaron de vice. Онъ былъ, можно сказать, натурой воздержной; онъ не курилъ, пилъ весьма мало. Болѣзнь его—не вполнѣ ясная для тогдашней медицины, но несомнѣнная сухотка спинного мозга—для нынѣшней—была, очевидно, наслѣдственнымъ страданіемъ, что вполнѣ явствуетъ изъ хода ея постепеннаго развитія, особенно изъ тѣхъ головныхъ болей, которыя такъ мучили его еще въ дѣтствѣ.

сущныхъ интересовъ общественной жизни, смотрѣлъ на нихъ болѣе возвышеннымъ, болѣе теоретическимъ взглядомъ; воззрѣнія интересовали его болѣе событій, и бесѣда естественнымъ образомъ обратилась къ ученіямъ Леру и Прудона. На практическіе результаты этихъ соціальныхъ системъ поэтъ не разсчитывалъ: онъ видѣлъ въ нихъ только теоретическія построенія, представляющія, по сравненію съ тогдашнимъ безсодержательнымъ и неустойчивымъ французскимъ республиканизмомъ, значительную ступень въ историческомъ развитіи идей. Онъ жаловался на нѣмецкихъ демагоговъ. „Я былъ проникнутъ доморощеннымъ демократизмомъ и радикальствомъ, когда, прибывъ во Францію, познакомился съ сенъ-симонизмомъ. Это ученіе разомъ излечило меня отъ безсодержательныхъ и безцѣльныхъ мечтаній; съ высоты моихъ новыхъ воззрѣній я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на суету этихъ людей; мы перестали понимать другъ друга, я отстранился, и это доставило мнѣ много враговъ. Нѣмецкіе политиканы имѣли тогда обыкновеніе всегда и во всемъ разсчитывать на мое единомысліе и содѣйствіе. Когда это оказалось не такъ, я сталъ жертвой безконечной ненависти и клеветы“.

Поэтъ заволновался, его попробовали успокоить, переводя разговоръ на другія, болѣе мирныя темы. Но вдругъ, круто оборвавъ разговоръ о философскомъ развитіи Франціи, онъ обратился къ своему собесѣднику съ вопросомъ: „Скажите мнѣ прямо и откровенно: какъ вы думаете, продолжается наша личная жизнь за гробомъ или нѣтъ, безсмертны мы или нѣтъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я прикованъ къ постели, этотъ вопросъ все больше безпокоитъ меня и кажется мнѣ все серьезнѣе“.

Основатель этическаго теизма въ послѣ-кантовской философіи, бывшій подъ сильнымъ вліяніемъ Шлейермахера, зналъ одинъ отвѣтъ на тревожный вопросъ больного поэта; но Гейне не удовлетворился этимъ короткимъ отвѣтомъ. Что могло дать этому жадному и пытливому уму безсодержательное въ своей категоричности догматическое *да* или *нѣтъ* философа! Вопросъ о безсмертіи души казался поэту неразрывно связаннымъ съ вопросомъ о личномъ Богѣ: разъ дня него не рѣшено послѣднее, то естественно подвергается сомнѣнію и первое. Рѣшительнымъ отрицаніемъ необходимости этой связи Фихте поразилъ поэта. Онъ находилъ, что проблемма безсмертія души рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ именно не на богословской, а на чисто научной, антропологической почвѣ; продолженіе загробнаго существованія казалось ему неопровержимымъ результатомъ физіологическаго и психологическаго изслѣдованія. Мало того, Фихте, какъ извѣстно, считалъ несомнѣннымъ не только существованіе послѣ земной жизни, но и до вступленія въ нее: *душа вѣчна;* и это утвержденіе, неожиданное и новое для Гейне, удивило его еще больше. Эта теорія подходила къ болѣзненнымъ колебаніямъ его

мысли, уже не чуждой мистическихъ настроенiй. Онъ заговорилъ о явленiяхъ спиритизма, двойного зрѣнiя, ясновидѣнiи. Онъ относился къ нимъ съ нѣкоторымъ вниманiемъ и разсказалъ гостямъ о случаѣ, который убѣдилъ его въ возможности такихъ явленiй: онъ самъ имѣлъ одинъ вѣщiй сонъ, который сбылся съ малѣйшими подробностями; предсказанное событiе было весьма незначительно: внезапная смерть любимаго попугая г-жи Гейне; но совпаденiе его со сномъ казалось поэту весьма серьезнымъ. Онъ опять взволновался и, поднявъ въ заключенiе три пальца, торжественно провозгласилъ: „клянусь памятью моей матери, что все это произошло дѣйствительно такъ, какъ я разсказалъ". Не слѣдуетъ, однако, думать, что Гейне хоть на мгновенiе покинула ясность его мысли, и онъ сомнѣвался въ настоящемъ значенiи этихъ загадочныхъ явленiй: ничего подобнаго — онъ только не отрицалъ ихъ. „Слѣдовало бы—сказалъ онъ—собирать факты, относящiеся къ этимъ темнымъ областямъ, потому-что онѣ исчезаютъ по мѣрѣ прогресса цивилизацiи. Чѣмъ больше послѣдняя будитъ рефлектирующее сознанiе человѣка, тѣмъ больше скрываются эти проявленiя ночной стороны нашей души съ ея безсознательной дѣятельностью". Но—характерно для Гейне, двойственнаго здѣсь, какъ и въ столь многомъ другомъ — при всей этой отчетливости мышленiя, онъ не отказывался отъ мистическихъ блужданiй. Онъ интересовался Сведенборгомъ, и въ заключенiе разговора опять вернулся къ теорiи Фихте, столь неожиданно раздѣлявшей то, что было для него неразрывно связано; онъ и не принималъ ея. Ему казалось, что его тянетъ къ личному Богу именно тоска по небесной родинѣ. И съ дѣтской наивностью поэтъ признался: „Когда болѣешь, чувствуешь нужду въ Боженькѣ; въ здоровьи его забываешь": вѣра поверхностная и мимолетная, вполнѣ знаменательная для человѣка, который закончилъ извѣстной предсмертной бутадой. Бутадой закончились и впечатлѣнiя, навѣянныя посѣщенiемъ Фихте. Осенью 1851 года появилось „Романцеро", въ послѣсловiи къ которому проходятъ предъ нами всѣ вопросы, затронутые въ разговорѣ съ вдумчивымъ нѣмецкимъ мыслителемъ, — но въ какой формѣ!.. Такого соединенiя глубины чувства съ издѣвательствомъ, такого сплетенiя скептицизма, вѣры, настоящаго свободомыслiя и порыванiя къ иной, полуотвергнутой истинѣ нѣтъ нигдѣ—даже у Гейне. Глубокая и неподдѣльная трагедiя мрачно глядитъ на насъ изъ этихъ немногихъ судорожныхъ страницъ, то слезливо сантиментальныхъ, то захлебывающихся сарказмами—надъ собой. „Когда датскiе миссiонеры хотѣли обратить гренландцевъ въ христiанство, тѣ спросили, есть на христiанскомъ небѣ тюлени. И получивъ неутѣшительный отвѣтъ, они печально возразили, что, очевидно, христiанское небо не годится для гренландцевъ, которые не могутъ существовать безъ тюленей. Какъ

возмущается наша душа мыслью о прекращеніи нашей личности, о вѣчномъ уничтоженіи! Тотъ horror vacui, который приписываютъ природѣ, въ гораздо большей степени присущъ духу человѣческому. Утѣшься, дорогой читатель: есть жизнь послѣ смерти, и въ иномъ мірѣ мы вновь обрѣтемъ нашихъ тюленей. А теперь прощай, и если я предъ тобой въ долгу, пришли мнѣ счетъ"...

Таковъ былъ этотъ религіозный „переломъ", весь проникнутый старымъ скептицизмомъ. Однако, поэтъ настаивалъ на этомъ преобразованіи своихъ взглядовъ, особенно въ сношеніяхъ съ тѣми, кто принадлежалъ къ числу его политическихъ единомышленниковъ. О переходѣ своемъ къ „смиренной вѣрѣ простого человѣка" онъ писалъ къ отцу Лассаля, съ очевиднымъ желаніемъ, чтобы это неожиданное извѣстіе дошло и до сына. Это приводитъ насъ къ наиболѣе любопытнымъ страницамъ изысканій Карпелеса—къ исторіи знакомства Гейне съ знаменитымъ организаторомъ рабочаго движенія.

IV.

Извѣстно, и не разъ было отмѣчено въ литературѣ, что Гейне первый понялъ личность и силы Лассаля, предсказавъ ему при этомъ большую будущность. Въ своей книгѣ о Лассалѣ Брандесъ оцѣнилъ по достоинству этотъ знаменательный и для обѣихъ сторонъ характерный фактъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что подробности личныхъ отношеній обоихъ крупнѣйшихъ представителей двухъ поколѣній „молодой Германіи" до сихъ поръ никѣмъ не были обслѣдованы съ достаточнымъ вниманіемъ. Этотъ пробѣлъ заполняетъ Карпелесъ.

Девятнадцатилѣтнимъ юношей явился Лассаль въ Парижъ,—кажется, для продолженія своихъ филологическихъ занятій. Здѣсь жилъ одинъ его родственникъ, нѣкій Фердинандъ Фридландъ, дѣлецъ и авантюристъ, по слухамъ стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ французскому правительству и исполнявшій негласныя порученія герцога Деказа. Этотъ Фридландъ и ввелъ Лассаля къ Гейне. Не создавшій ни одного эпическаго образа, равнаго по значенію фигурамъ другихъ великихъ знатоковъ души человѣческой, Гейне не уступалъ имъ въ знаніи человѣка. Съ поразительной проницательностью и ясностью мысли онъ опредѣлялъ сразу, кого видитъ предъ собой. Внѣшній успѣхъ, поверхностный блескъ формы, усвоенный тактъ не производили на него впечатлѣнія—одиночество сдѣлало его совершенно невоспріимчивымъ къ чарамъ внѣшняго обаянія. Гейне сразу оцѣнилъ въ Лассалѣ выдающуюся индивидуальность, *генія личности,* какъ удачно выражается его біографъ. Есть такой особый видъ геніальности, параллельный генію творческому, научному или художественному. Они

сошлись потому, что ихъ достоинства были различны; впослѣдствіи они разошлись потому, что ихъ недостатки были слишкомъ сходны. Ихъ различіе влекло ихъ другъ къ другу: каждый находилъ въ другомъ во всей полнотѣ и яркости какъ разъ то, чего недоставало ему самому. Неудачный драматургъ Лассаль чтилъ въ Гейне прежде всего великаго нѣмецкаго поэта, затѣмъ превосходнаго публициста, рѣшительнаго и самоотверженнаго бойца за правду и свободу, уже шестнадцать лѣтъ томящагося въ изгнаніи. Гейне видѣлъ въ Лассалѣ блестящаго представителя того новаго времени, которое онъ съ такимъ пророческимъ проникновеніемъ предсказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, могучаго соратника въ борьбѣ за свободное развитіе родины, близкаго по духу исповѣдника тѣхъ-же дорогихъ идей и надеждъ, радостей и мечтаній.

Онъ предсказывалъ ему великую будущность въ Германіи. „Что вы называете великой будущностью?"—спросилъ Лассаль. „Васъ убьетъ одинъ изъ вашихъ учениковъ"—сухо отвѣтилъ Гейне. „О, я хотѣлъ бы быть Мирабо Германіи!" — восклицалъ Лассаль, размахивая своей тросточкой.—„Вы не рябой—отвѣчалъ Гейне—вы хорошенькій мальчикъ, и, если-бы вы были поэтомъ, какъ Гете, въ васъ влюбились-бы всѣ прекрасныя Фредерики и уродливыя г-жи фонъ Штейнъ (два увлеченія Гете),—а такъ я вижу въ васъ лишь будущаго актера. И васъ навѣрное увлечетъ и обманетъ какая нибудь актриса!" Извѣстно, какъ много правды оказалось потомъ въ этихъ небрежныхъ шуткахъ; и оно понятно: за этими шутками крылось глубое пониманіе личности знаменитаго агитатора. И, конечно, никто въ это время не могъ дать Лассалю лучшей характеристики, чѣмъ та, которая содержится въ извѣстномъ письмѣ поэта къ Варнгагену фонъ-Энзе, написанномъ въ началѣ 1846 года, когда Лассаль переселялся изъ Парижа въ Берлинъ.

„Мой другъ, г. Лассаль, который передастъ вамъ это письмо,—молодой человѣкъ самыхъ выдающихся дарованій; съ основательнѣйшей ученостью, обширнѣйшими познаніями и величайшей проницательностью, какую мнѣ только случалось встрѣчать, съ богатѣйшимъ талантомъ изложенія, онъ соединяетъ энергію воли и способность дѣйствовать, повергающія меня въ изумленіе, и, если его симпатія ко мнѣ не угаснетъ, я жду отъ него самаго рѣшительнаго содѣйствія. Во всякомъ случаѣ это соединеніе знанія съ энергіей, таланта съ характеромъ было для меня пріятнымъ явленіемъ и вы, съ вашимъ многостороннимъ пониманіемъ всего выдающагося, конечно, не откажете ему въ полномъ признаніи. Г. Лассаль—настоящій сынъ новаго времени, которое ничего не хочетъ знать о томъ самоотреченіи и смиреніи, съ которыми мы болѣе или менѣе лицемѣрно провозились все *наше* время. Это новое поколѣніе хочетъ пользоваться жизнью и имѣть значеніе въ мірѣ видимомъ; мы, старики, покорно склоняли выю предъ невидимымъ, мечтали о призрачныхъ поцѣлуяхъ и благоуханіяхъ

небывалыхъ цвѣтовъ, отрекались и тосковали—и все-же были, быть можетъ, счастливѣе, чѣмъ эти непреклонные гладіаторы, съ такой гордостью выступающіе на смертный бой“.

„Что за слова!—восклицаетъ Брандесъ: въ каждой строчкѣ сквозитъ глазъ художника, глядящій въ глубину вещей, и мастерская рука и изящная лукавая усмѣшка, и затѣмъ, въ послѣдней фразѣ — пророческая картина будущаго, нарисованная ясновидцемъ“. Не слѣдуетъ забывать, что, вѣдь, это говорится о девятнадцатилѣтнемъ юношѣ. Гейне настолько проникъ его, что не задумался посвятить его въ свои интимныя дѣла и возложить на него порученія, которыя требовали ума, энергіи, преданности и осмотрительности въ величайшей степени.

Поэтъ ошибся. Не потому, конечно, что энергія Лассаля не оправдала его ожиданій, но потому, что трудности, съ которыми пришлось здѣсь бороться, превзошли всякіе разсчеты. Дѣло было тяжелое, непріятное, связанное больше съ матеріальными интересами, чѣмъ съ вопросами высшаго порядка, для человѣка брезгливаго просто тягостное. Надо было искать вліятельныхъ посредниковъ, которые уладили-бы денежныя и иныя недоразумѣнія поэта съ его родней, организовать защиту, поднять общественное мнѣніе. Все это старался выполнить Лассаль. Восхищенный энергіей, которую сразу проявилъ его почитатель, поэтъ пишетъ ему: „Никто никогда еще не сдѣлалъ для меня такъ много, какъ вы; ни у кого я не встрѣчалъ такого соединенія увлеченія съ ясностью мысли.—О, вы имѣете право быть наглымъ (нѣмецкое *frech* слабѣе, чѣмъ *наглый,* но сильнѣе, чѣмъ *дерзкій*), тогда какъ мы—мы узурпируемъ это божественное право, эту небесную привилегію.—Я, въ сравненіи съ вами,—просто смиренная мушка“. Изъ этого-же письма,—гдѣ Гейне такъ удачно намѣтилъ ту черту Лассаля, которая впослѣдствіи послужила для Брандеса исходнымъ пунктомъ его характеристики—мы узнаемъ кой-что и о хлопотахъ Лассаля. За мѣсяцъ онъ успѣлъ уже видѣться и поговорить со множествомъ нужныхъ для дѣла лицъ, изъ которыхъ онъ прежде никого не зналъ. Онъ былъ также у знаменитаго хирурга Диффенбаха, стараго университетскаго товарища Гейне и совѣтовался съ нимъ насчетъ здоровья поэта. Ему удалось побудить князя Пюклеръ-Мускау вступить въ переписку съ кузеномъ поэта Карломъ Гейне—и онъ старался напечатать письмо князя къ банкиру, гдѣ „одинъ изъ послѣднихъ рыцарей старой родовой знати даетъ урокъ чести выскочкамъ новой денежной аристократіи, выступая въ защиту оскорбленнаго генія“. Поэтъ былъ въ восторгѣ и писалъ своему юному ходатаю: „Прощайте и вѣрьте, что я невыразимо люблю васъ. Какъ я радъ, что не ошибся въ васъ; и никому я такъ не вѣрилъ, какъ вамъ; а вѣдь я очень недовѣрчивъ,—не отъ природы, а по опыту. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ ваши письма, я полонъ надеждъ и чувствую себя лучше“.

Однако, всѣ старанія Лассаля не приводили къ благопріятному результату,—и поэтъ, доведенный до бѣшенства упорствомъ и несправедливостью родственника, рѣшился было на средство, которое можно оправдать лишь его крайнимъ раздраженіемъ: на открытую газетную войну, въ основѣ которой не было ничего, кромѣ интимныхъ семейныхъ отношеній... Лассаль, всегда болѣе изворотливый въ изобрѣтеніи, чѣмъ разборчивый въ выборѣ средствъ борьбы за другихъ, не отказался вступить вслѣдъ за поэтомъ и на этотъ рискованный путь. Къ счастью, дѣло не дошло до стращанія непокорнаго милліонера путемъ газетныхъ статей: какъ извѣстно, стороны пришли къ позорному соглашенію; поэтъ получилъ пенсію, на которую по своему глубокому убѣжденію имѣлъ неопровержимое законное право,—но выдалъ росписку, что въ своихъ мемуарахъ не коснется ни однимъ неподходящимъ словомъ семьи дяди.

Но и послѣ всего этого дружескія сношенія Гейне и Лассаля не прерывались: слишкомъ много у нихъ было общихъ интересовъ и слишкомъ сильно они лично интересовали другъ друга. Въ письмахъ своихъ Гейне доходилъ до такихъ интимныхъ сообщеній: „Я все еще очень боленъ, почти ничего не вижу, и губы у меня такъ омертвѣли, что я не чувствую поцѣлуевъ, которые для меня гораздо нужнѣе разговоровъ: отъ послѣднихъ я могу отказаться". Новое письмо кончается словами: „До свиданія. Я жажду знать, что съ вами. Зная вашъ характеръ, не могу отдѣлаться отъ филистерскаго страха за васъ".

Эти задушевныя отношенія не могли быть устойчивы между двумя сильными людьми, равно самолюбивыми, равно несклонными идти на переговоры и уступки тамъ, гдѣ они считали себя правыми. Началомъ ихъ раздора послужило безразличное обстоятельство, которое скорѣе могло-бы сблизить ихъ: Фридландъ женился на сестрѣ Лассаля и втянулъ Гейне въ свои обширные и фантастическіе финансовые замыслы. Поэтъ, всегда нуждавшійся и склонный—хоть цѣной нѣкотораго компромисса—устроить свое денежное благополучіе, сталъ поигрывать на биржѣ — „mit grossen Malheur", какъ онъ сообщаетъ Лассалю. „Приходится это сдѣлать — признается онъ — не то моя бѣдность станетъ моей idée fixe и сведетъ меня съ ума". Поэтъ былъ капризный кліентъ и не мало терзалъ своего преданнаго финансиста; выигрышъ онъ принималъ, какъ естественный Божій даръ, проигрыши доводили его до бѣшенства, не смотря на то, что поэтъ самъ отлично понималъ, что спекуляціи — совсѣмъ не его дѣло, и, вспомнивъ объ этомъ, умѣлъ отнестись къ своимъ дѣловымъ неудачамъ съ достойнымъ его юморомъ. Карпелесъ сообщаетъ забавный анекдотъ изъ этой эпохи. Послѣ большого краха одинъ изъ друзей Гейне, встрѣтивъ его на улицѣ, спросилъ его, не потерялъ-ли и онъ что-нибудь. „Что-нибудь?—отвѣтилъ поэтъ: очень

много. Ну, такъ мнѣ и надо: пражскій раввинъ былъ совершенно правъ". — „Какъ такъ?"—спрашиваетъ удивленный пріятель. — „А видите-ли—отвѣчаетъ поэтъ—это одна старая исторія, которую разсказывали, когда я былъ еще мальчикомъ. Идетъ старый рабби въ Прагѣ черезъ Молдаву; вдругъ навстрѣчу ему бросается старая еврейка съ крикомъ: „Господи Боже, Господи Боже! Рабби, спасите! Несчастье!"—„Что за несчастье?"—спрашиваетъ рабби.— „Мой сынъ сломалъ ногу!" — „Какъ-же онъ сломалъ ногу?" — „Онъ полѣзъ на лѣстницу и хотѣлъ..." — „Что?" — прервалъ ее рабби — „полѣзъ на лѣстницу? Такъ ему и надо! Зачѣмъ еврею лазить на лѣстницу?" — „Видите" — закончилъ Гейне свой разсказъ — „то же самое и со мной. *Зачѣмъ поэту лазить на биржу?*"

Катастрофа была естественнымъ исходомъ изъ этого уродливаго положенія. Крахъ обширной спекуляціи злополучнаго финансоваго генія, гдѣ поэтъ чуть не потерялъ все свое состояніе и разстался съ его значительной частью, оказалъ вліяніе и на отношенія его къ Лассалю. Уже захваченный дѣломъ графини Гацфельдъ, послѣдній, быть можетъ, также считая Гейне наказаннымъ по дѣломъ, не сдѣлалъ ничего, чтобы понудить своего зятя, который самъ при этомъ потерялъ все свое состояніе, спасти деньги Гейне. Къ тому-же Лассаль былъ возмущенъ тѣмъ, что Гейне, вопреки его требованіямъ и ожиданіямъ, не сдѣлалъ ровно ничего въ интересахъ графини Гацфельдъ, которой могъ много помочь своимъ огненнымъ словомъ и литературными связями. Увы, поэтъ, втянутый въ бездну грязи, собирался сдѣлать иное употребленіе изъ своего великаго дара. „Горе Фридланду—восклицалъ онъ предъ однимъ общимъ знакомымъ—если я изъ-за него потеряю деньги! Стоитъ мнѣ пикнуть — и ему на-вѣки отрѣзанъ путь въ Германію. Я возьму перо въ руки и черкну — а вы знаете, перо у меня острое..." Дальнѣйшія выходки выведеннаго изъ равновѣсія поэта были направлены противъ Лассаля. „Подумайте—говорилъ Гейне тому-же свидѣтелю—одинъ изъ его родичей имѣлъ наглость сказать мнѣ, будто я рекомендовалъ его въ Берлинѣ, потому-что видѣлъ въ немъ новаго спасителя. Горе спасаемымъ!" Не мудрено, что послѣ такихъ изліяній—извѣстныя намъ, вѣрно, еще не худшія—и Лассаль, такъ-же легко переходившій границы справедливости въ личныхъ отношеніяхъ, позволилъ себѣ писать своей пріятельницѣ: „Гейне оставилъ меня безъ помощи по той причинѣ, что графиня Мейендорфъ въ дружбѣ съ княгиней Ливенъ, а та—чрезвычайная пріятельница Гизо, отъ котораго Гейне получаетъ пенсію. Ну, не онъ,—помогутъ другіе". Гейне въ 1850 г. жаловался уже и отцу Лассаля на равнодушіе его сына, но изъ этого письма, почти исключительно посвященнаго исторіи съ Фридландомъ, напечатано лишь заключеніе, звучащее нѣсколько примирительно. „Давно не имѣлъ извѣстій о вашемъ сынѣ — пи-

шетъ поэтъ — и хотѣлъ-бы что-нибудь знать о немъ. Желалъ-бы я видѣть его лицо, когда до слуха его дойдетъ, что я, пресытившись атеистической философіей, возвратился къ смиренной вѣрѣ простого человѣка. Обо мнѣ ходятъ такіе слухи, и это въ самомъ дѣлѣ правда, хотя въ преувеличенномъ видѣ. Если Фердинандъ обладаетъ еще хоть нѣкоторымъ душевнымъ спокойствіемъ, это сообщеніе, пожалуй, вызоветъ въ немъ благотворное раздумье".

Неизвѣстно, видѣлись-ли затѣмъ Гейне съ Лассалемъ. О настоящемъ примиреніи между ними, очевидно, не могло быть рѣчи. Съ живымъ интересомъ слѣдилъ Гейне за развитіемъ и могучей дѣятельностью Лассаля, повергавшей его въ удивленіе. Онъ всетаки зналъ съ какимъ масштабомъ надо подходить къ этому великану, „въ которомъ — говорилъ онъ—сошлись всѣ лучшія и худшія стороны, всѣ достоинства и недостатки его племени". Въ послѣдніе дни жизни онъ опять бросилъ пророческое слово о Лассалѣ: „Онъ не хорошо кончитъ",—сказалъ онъ осенью 1855 года.

V.

Мы проходимъ мимо длиннаго ряда главъ, посвященныхъ отношеніямъ Гейне съ другими нѣмецкими дѣятелями—отношеніямъ, которыя, не будучи особенно содержательны для характеристики поэта, могутъ интересовать развѣ нѣмецкаго читателя, хорошо помнящаго о такихъ величинахъ, какъ Иммерманъ, Массманъ, Альфредъ Мейснеръ, Александръ Вейль. Съ этой точки зрѣнія русскаго читателя могло бы заинтересовать развѣ—никѣмъ пока не сдѣланное — изслѣдованіе данныхъ о близкомъ знакомствѣ Гейне съ Ѳ. И. Тютчевымъ, съ которымъ онъ обмѣнялся нѣсколькими письмами. Глава о знаменитой „Mouche" не проливаетъ свѣта на эту загадочную женщину, на долю которой такъ легко и такъ случайно выпало безсмертіе. Вступительныя главы, гдѣ сгруппированы свѣдѣнія о предкахъ поэта, отличаются не столько новизной этихъ свѣдѣній, сколько ихъ хорошимъ сопоставленіемъ. Эти данныя о длинномъ рядѣ выдающихся, просвѣщенныхъ и сильныхъ поколѣній, давшихъ въ концѣ концовъ великаго поэта, производятъ внушительное впечатлѣніе, вполнѣ оправдывая гордое замѣчаніе біографа: „Предъ лицомъ этого наслѣдственнаго духовнаго аристократизма какой ничтожной представляется ненужная полемика о томъ, какъ собственно звались предки поэта по материнской линіи—*фанъ* Гельдернъ, вслѣдствіе ихъ голландскаго происхожденія или *фонъ* Гельдернъ,—на основаніи никогда не существовавшаго дворянскаго диплома"...

Увы, самъ Гейне, кажется, весьма настаивалъ на послѣднемъ предположеніи; таковы сплетенія этой загадочной натуры. Несо-

мнѣнный „рыцарь духа“ хотѣлъ еще быть рыцаремъ родословныхъ книгъ. Онъ, пожалуй, обрадовался бы, если бы, доживъ до нашихъ дней, увидалъ, что одна его племянница носитъ громкое имя княгини делла-Рока, другая—жена князя Монакскаго. Если искать такихъ мелочей въ характерѣ Гейне, ихъ можно найти сколько угодно. Но эти противорѣчія, непримиримыя въ теоріи, мирились въ живомъ человѣкѣ; лучшимъ свидѣтелемъ тому служатъ многочисленныя увѣренія людей, которые его лично знали,—и среди нихъ, быть можетъ, на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ драматургъ Лаубе съ его напраснымъ и ненапечатаннымъ некрологомъ, написаннымъ въ 1846 г., послѣ ложнаго слуха о смерти Гейне и увидѣвшимъ свѣтъ лишь теперь. Это одна изъ самыхъ лучшихъ характеристикъ Гейне, быть можетъ, самая искренняя и трогательная. Отрицательныя стороны характера Гейне Лаубе зналъ, конечно, не хуже другихъ: онъ достаточно испыталъ ихъ дѣйствіе на себѣ; довольно сказать, что когда въ 1851 году былъ поставленъ балетъ Лаубе „Сатанелла“, Гейне обратился къ нему съ письмомъ, гдѣ требовалъ части гонорара, такъ какъ нашелъ въ балетѣ сходство съ своимъ „Докторомъ Фаустомъ“... И, однако, тотъ-же Лаубе говорилъ Карпелесу: „Надо знать Гейне, чтобы изобразить его. Знаете,—по существу это былъ просто хорошій человѣкъ, у него было, ну, просто филистерски доброе сердце — и только злой языкъ. И какой злой! Онъ могъ безъ всякой пощады издѣваться надъ своей женой, братьями, друзьями—и не могъ имъ отказать въ ничтожнѣйшей мелочи, въ малѣйшей прихоти“.

Горячую оцѣнку поэзіи Гейне, сдѣланную въ некрологѣ Лаубе, мы оставимъ въ сторонѣ: она вѣрна, но не окончательна. Мы сами располагаемъ всѣми матеріалами для этой оцѣнки, которой предстоитъ во вѣки вѣковъ видоизмѣняться и усложняться въ зависимости отъ критическаго и историческаго изученія произведеній поэта. Но характеристика человѣка, сдѣланная другомъ, близко его знавшимъ, останется навсегда драгоцѣнной — и мы жалѣемъ, что можемъ познакомить читателей лишь съ ея отрывками.

„Когда я познакомился въ 1839 году съ Гейне—разсказываетъ Лаубе—это былъ полный, почти толстый человѣкъ средняго роста съ чрезвычайно тонкими чертами лица, крайне лукавыми глазами и тонко очерченнымъ ртомъ. Голова у него была нѣсколько наклонена впередъ и, такъ какъ онъ обыкновенно пріопускалъ на половину вѣки, то во всемъ его лицѣ было нѣчто загадочное, дѣлавшее его необычайно интереснымъ и — въ связи съ его прекраснымъ цвѣтомъ лица, каштановыми волосами, упитанностью и маленькой рукой—дѣлавшее его похожимъ на юныхъ *abbés* прошлаго вѣка. У него былъ мягкій и пріятный голосъ. Онъ страдалъ головной болью, но въ общемъ былъ вполнѣ здоровый человѣкъ и, обыкновенно, послѣ вступительной, почти стереотипной

жалобы на голову, не проявлялъ никакихъ признаковъ недомоганія, разъ получалъ пищу его духъ. „Ваши головныя боли—говорили мы ему—это страхъ скуки". И этотъ страхъ понемногу выродился въ непріятную манерность, дѣлавшую его невыносимымъ для людей, мало знакомыхъ или мало его интересовавшихъ. Но, когда что либо внушало ему интересъ, эта манерность исчезала совершенно, и человѣкъ, только что едва раскрывавшій глаза и уста, сверкалъ умомъ, точно удаленіе какой-нибудь личности или новый оборотъ бесѣды разрѣшали чары, тяготѣвшія надъ его настроеніемъ. Поэтому онъ говорилъ поразительно неровно: то онъ какъ будто не могъ связать фразы, то вдругъ, сразу, свободная рѣчь рвалась потокомъ изъ его устъ, чаруя слушателей *). Это былъ настоящій поэтъ, повинующійся малѣйшимъ вибраціямъ своихъ нервовъ — а его своеобразная судьба ввела его съ его насквозь поэтической натурой въ исключительно политическое общество. Оно съ полнымъ правомъ требовало политической послѣдовательности въ поступкахъ, приходя въ негодованіе отъ поэтическихъ прыжковъ, а онъ не могъ отъ нихъ отказаться, потому-что они были его настоящей жизненной стихіей, а политика была для него одной изъ многихъ темъ, не больше. Это былъ художникъ, подчасъ игравшій роль трибуна, а политическій міръ возмущался этимъ: „Ты долженъ не только играть роль, ты обязанъ быть тѣмъ, что изображаешь, ты долженъ быть не между прочимъ трибуномъ, но только трибуномъ!" Онъ-же этого не могъ, если бы даже хотѣлъ. Эти недоразумѣнія и неурядицы породили для него цѣлые легіоны враговъ; я имѣлъ случай видѣть вблизи всѣ сплетенія этой судьбы,—особенно во время созданія его злополучнѣйшаго произведенія—книги о Берне. Онъ написалъ эту книгу во второй половинѣ 1839 года; цѣлыя недѣли у меня лежала рукопись, и я каждый день, иногда по нѣскольку часовъ, уговаривалъ его не выпускать ее въ свѣтъ въ такомъ видѣ: это будетъ несправедливо по отношенію къ Берне и по отношенію къ себѣ — говорилъ я,—все хорошее въ этой книгѣ проявится въ надлежащемъ свѣтѣ и окажетъ дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если личные и политическіе вопросы будутъ въ ней отдѣлены отъ вопроса о высшей точкѣ зрѣнія. Но тщетно! Онъ былъ поэтъ и умѣлъ лишь творить сложныя созданія, но не отдѣлять и расчленять; онъ могъ ставить вопросы лишь въ видѣ переплетенныхъ порослей, гдѣ, увы, очарованный зритель не видѣлъ корней. Оказать на него—какъ и на всякую своеобразную поэтическую натуру—какое нибудь вліяніе было прямо невозможно, да въ этой недо-

*) Мы имѣемъ въ книгѣ Карпелеса разсказъ объ одной такой блестящей импровизаціи Гейне—да еще по французски—въ салонѣ Жоржъ Зандъ, гдѣ поэтъ далъ сраженіе знаменитому Ламнэ по вопросу о спиритуализмѣ и сенсуализмѣ. Мы не излагаемъ содержанія этого спора, потому что подробности его составляютъ лишь предположенія составителя.

ступности чужимъ воздѣйствіямъ и лежитъ истинная сила поэта! Когда я читалъ ему вслухъ опаснѣйшія мѣста его книги и изображалъ ихъ опасность, онъ улыбался, почти не слушалъ и вдругъ прерывалъ меня вопросомъ: „Но развѣ это не прекрасно выражено?“ — „Можетъ быть, но это неумѣстно!“—„Что-жъ это—неправда?“ — „Да, въ этомъ сопоставленіи это неправда!“ — „Ахъ, pardon, въ моемъ сопоставленіи это совершенная правда, я не могу изображать вещи такъ, какъ вы ихъ сопоставляете, я не могу писать ваши книги!“ Очевидно, невозможно было добиться ни малѣйшаго измѣненія. Въ одномъ только пунктѣ онъ какъ будто склоненъ былъ уступить. Я утверждалъ—и дальнѣйшія событія слишкомъ показали, что я былъ правъ—что книга со всѣмъ своимъ остроуміемъ произведетъ лишь впечатлѣніе личной вражды и кощунственнаго неуваженія къ памяти усопшаго, дорогого всему народу,—„который, однако, былъ моимъ врагомъ—прервалъ онъ меня—и врагомъ всего лучшаго, что во мнѣ есть, врагомъ моего болѣе возвышеннаго міровоззрѣнія!“ — „Можетъ быть — отвѣтилъ я—но тогда въ основѣ своей книги вы должны показать, что,—въ противоположность исключительно политическимъ воззрѣніямъ Берне,—вы опредѣленно и широко развиваете начало болѣе возвышеннаго міровоззрѣнія. Если ужъ вы не можете отдѣлаться отъ личной вражды, вы должны воздвигнуть въ своей книгѣ гору, наряду съ которой личная вражда не только скроется въ тѣнь, но окажется именно ея тѣнью, ея слѣдствіемъ. Лишь эта гора заполнитъ всю книгу и позволитъ лучше освѣтитъ то, что теперь въ ней такъ пестро и неясно“.—„Въ этомъ вы, пожалуй, правы“,— отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и, взявшись за шляпу, прибавилъ: „Я сооружу эту гору!“ И каждый день, когда онъ въ сумерки передъ обѣдомъ являлся къ намъ, или когда мы подъ вечеръ бродили по бульварамъ, онъ повторялъ: „Строю гору!“ И это было его послѣднимъ словомъ у почтовой кареты. Онъ уступалъ, но лишь внѣшнимъ образомъ, потому-что какъ-то совершенно правильно замѣтилъ: „Если ужъ этой горѣ быть настоящей горой, то ее надо помѣстить въ новую книгу, большую, а не въ эту“.—„Ну, что-жъ!“—„А я радъ, что эту кончилъ; теперь хочу писать комедію“. — Вскорѣ онъ прислалъ мнѣ въ видѣ насмѣшки большой свертокъ своей книги: „гора“ состояла изъ старыхъ „писемъ съ Гельголанда“, которыя онъ вставилъ въ книгу о Берне. Но это была не столько гора, сколько долина, ибо по этимъ письмамъ мысли стекали въ іюльскую революцію, тогда какъ именно надъ ней и надъ ея воззрѣніями слѣдовало ему возвыситься наряду съ Берне. Онъ и зналъ это лучше, чѣмъ я. Онъ насмѣхался надъ моимъ совѣтомъ, въ полной увѣренности, что пусть весь міръ возстанетъ на него, я останусь ему вѣренъ. Такъ и случилось, а онъ ни словомъ не обмолвился въ письмахъ ко мнѣ, что я былъ правъ въ моемъ пророчествѣ и что эта книга

обратила три четверти его почитателей въ озлобленныхъ противниковъ. Но онъ писалъ: „умные ужъ и теперь знаютъ, что я въ этой книгѣ совершенно правъ относительно „боговъ будущаго", которыхъ я долженъ былъ спасти на моемъ кораблѣ, а остальные сами поймутъ это впослѣдствіи, если поумнѣютъ". Вотъ что отталкивало отъ него человѣческія сердца; люди всегда будутъ возмущаться, когда кто нибудь изъ ихъ среды придетъ и провозгласитъ: „Я великій поэтъ". Развѣ грѣхъ понимать это? „Нѣтъ, это достоинство!" — возражалъ онъ, смѣясь. — „Почему не ставили въ упрекъ Гете, когда онъ пренебрежительно говорилъ, что Тикъ выбивается изъ силъ, чтобы подражать ему, но все безуспѣшно. И когда Гете прибавлялъ: я могу это сказать о себѣ, потому-что я не самъ себя создалъ,—то кто ставилъ ему это въ упрекъ? Никто!"—„Нѣтъ, ставили!" — „Да, но кто?"

Это была какая-то олимпійская увѣренность въ себѣ, по отношенію къ своимъ сочиненіямъ. Гейне всегда отлично сознавалъ, что въ нихъ хорошо, хотя бы это самое вызывало худшія нападки или насмѣшки. Эта аристократическая черта сознанія своего превосходства не покидала его никогда, даже въ минуты глубочайшей подавленности. Надо было только напомнить ему какой-нибудь удачный образъ, словечко, мысль изъ его сочиненій, и онъ преображался — его лицо сверкало радостью и онъ оживлялся, точно впервые услышалъ это. Было это обыкновенное тщеславіе? О, Боже, избави! То же веселье сверкало на его лицѣ, когда приводили интересное мѣсто изъ другого писателя, особенно изъ Гете. Онъ только вполнѣ опредѣленно и ясно зналъ, что онъ любитъ, и, наряду съ смертельной ненавистью, на которую онъ былъ способенъ, въ немъ вѣчно билось нѣчто восхитительно дѣтское,—ребячество, которое можетъ безконечно забавляться имъ самимъ придуманной игрушкой. Эта черта ярче всего проявлялась въ его обращеніи съ женой. Эта француженка не имѣла никакихъ отношеній къ поэту и писателю Гейне; о его произведеніяхъ и борьбѣ она не имѣла никакого представленія, не говоря ужъ о словѣ участія или похвалы. И, однако, это была его величайшая радость. Они играли, какъ дѣти, она заучивала съ его словъ имена финикійскихъ царей, а онъ предостерегалъ ее отъ знакомства съ безпокойной европейской литературой, и вообще отъ чтенія, и попросту, безъ всякой литературы, любилъ ее всей душой.

Такова, видно, его судьба: даже теперь, въ тоскѣ о его потерѣ, я все вспоминаю о случаяхъ и черточкахъ, которыя какъ будто не рекомендуютъ его нормальнымъ требованіямъ большой публики. И, однако, болѣе опытный біографъ Гейне не почувствуетъ недостатка въ такихъ его чертахъ, въ свѣтѣ которыхъ своенравный поэтъ покажется весьма пріятнымъ даже отвернувшимся отъ него землякамъ. Какъ ужасна была его непоколеби-

мость во враждѣ, такъ очаровательна была его вѣрность въ дружбѣ. Онъ былъ неизмѣнно преданъ друзьямъ. Онъ, съ виду столь любившій перемѣны, принявъ въ комъ-нибудь участіе, оставался навсегда столь же участливымъ и ровнымъ. Годы разлуки ни на волосъ не измѣняли его отношеній; послѣ многолѣтняго перерыва можно было безъ единаго слова объясненія продолжать съ нимъ отношенія съ того пункта, на которомъ они остановились, и тотчасъ же безъ всякихъ разговоровъ потребовать какой угодно услуги—хоть самой важной, хоть жертвы — онъ былъ всегда готовъ; и съ такой же готовностью—что также важно—онъ всегда былъ согласенъ принять услугу отъ пріятеля безъ всякаго лицемѣрія и ломанія. Самъ онъ былъ въ высшей степени то, что онъ на своемъ жаргонѣ, созданномъ постояннымъ пребываніемъ заграницей, называлъ honett... Въ мелочахъ повседневной жизни онъ былъ настоящая широкая натура — и та же широта проявлялась не только въ благорасположеніи, но и въ благодѣяніяхъ, которыя встрѣчалъ у него всякій нуждающійся. Сколько онъ роздалъ всякимъ бѣжавшимъ и бѣднымъ землякамъ, всегда зная, что ему отплатятъ неблагодарностью, жертвой которой онъ бывалъ такъ часто“.

Вотъ свидѣтельство, предъ которымъ остается преклониться біографамъ. Можно его ограничивать, можно вносить въ него новыя подробности и поправки, но суть его остается непоколебимой. Мы вообще крайне неохотно разстаемся съ прекрасной статьей Лаубе, которая полна любопытнѣйшихъ свѣдѣній и соображеній. Сообщеніе о высокомъ уваженіи, которымъ пользовался Гейне въ литературныхъ кружкахъ Франціи, о той смѣлости, силѣ и устойчивости, съ которой онъ — ославленный дома врагомъ отечества и ненавистникомъ доморощенныхъ знаменитостей—отстаивалъ въ парижскихъ салонахъ все нѣмецкое, оригинальная параллель между нимъ и Берне, указанія на широту его поэзіи — все это полно въ некрологѣ Лаубе, слишкомъ хорошо знавшаго и слабости поэта, любовью и преклоненіемъ. Гейне — горячій патріотъ, Гейне—добрый и ласковый человѣкъ: насъ, конечно, не удивятъ эти сопоставленія; но мы хотѣли усилить ихъ подлиннымъ отзывомъ правдиваго и проницательнаго свидѣтеля.

Съ этимъ рѣшающимъ свидѣтельствомъ о характерѣ и воззрѣніяхъ поэта вполнѣ совпадаетъ другое новое сообщеніе о Гейне, добытое его настойчивымъ біографомъ. Это свидѣтельство отдѣлено отъ отзыва Лаубе промежуткомъ въ четверть вѣка и связано съ любопытнымъ и до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ эпизодомъ изъ молодости Гейне, разсказаннымъ въ главѣ „Гейне, какъ воспитатель“. Это модное въ Германіи заглавіе примѣняется теперь часто къ особаго рода руководящимъ произведеніямъ, такъ сказать, программамъ подъ видомъ литературныхъ характеристикъ. Изображеніе выдающейся личности служитъ лишь спо-

собомъ направить мысль къ усвоенію тѣхъ началъ, лучшимъ выразителемъ которыхъ является—по мнѣнію автора—эта личность. Такъ ведется у Ничше проповѣдь индивидуализма въ его ранней работѣ „Шопенгауеръ, какъ воспитатель"; программа сильнаго, самоувѣреннаго и гнуснаго, германскаго шовинизма нашла великолѣпное выраженіе въ знаменитой — на родинѣ — книгѣ „Рембрандтъ, какъ воспитатель", выдержавшей за десять лѣтъ чуть не сто изданій; есть книги: „Goethe als Erzieher", „Moltke als Erzieher" и т. п. Такого руководящаго значенія совсѣмъ не имѣетъ глава въ книгѣ Карпелеса, носящая сходное заглавіе; но данныя, неожиданно раскрываемыя въ ней, показываютъ, что нѣмецкіе націоналисты напрасно относятся къ Гейне съ такимъ бурнымъ отрицаніемъ; въ сущности, онъ даже ближе къ нимъ, чѣмъ это желательно. Итакъ, дѣло совсѣмъ не въ широкомъ воспитательномъ значеніи Гейне, а въ сообщеніи о его преподавательской дѣятельности. Онъ былъ учителемъ, и до сихъ поръ *живъ одинъ изъ его учениковъ*,—теперь старецъ девяноста лѣтъ,—которому и принадлежитъ разсказъ о Гейне, какъ учителѣ. Это было въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ Берлинѣ; уроки давались безплатно, въ школѣ, учрежденной кружкомъ молодыхъ евреевъ, воодушевленныхъ мыслью о просвѣщеніи родной массы. Предметы преподаванія, лежавшіе на поэтѣ, были нѣмецкій и французскій языки и нѣмецкая исторія. Изложеніе—разсказываетъ благодарный ученикъ — было превосходно. Съ величайшимъ одушевленіемъ, съ неподражаемымъ поэтическимъ вдохновеніемъ изображалъ онъ побѣды Германа или Арминія нѣмцевъ и пораженіе римлянъ въ Тевтобургскомъ лѣсу. Когда Гейне громовымъ голосомъ — какъ нѣкогда Августъ—восклицалъ: „Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны,"—сердце его ликовало, его прекрасные глаза сверкали, а его выразительное, мужественное лицо сіяло радостью и упоеніемъ. Насъ все это приводило въ трепетъ и изумленіе; мы не знали до сихъ поръ такой полноты воодушевленія. Мы готовы были цѣловать его руки, наше преклоненіе предъ нимъ доходило до апогея — и сохранилось неистребимо на всю нашу жизнь. Понятно, при этомъ случаѣ онъ говорилъ и о современномъ положеніи Германіи. Помню, какъ теперь, какъ глубока была его скорбь о разрозненности родины. „Когда я смотрю на карту Германіи — говорилъ поэтъ — и вижу это скопленіе разноцвѣтныхъ пятенъ, мной овладѣваетъ настоящее отчаяніе". Но о политикѣ и религіи онъ говорилъ рѣдко. Лишь однажды на урокѣ онъ замѣтилъ: „Еврейская религія могла стать міровой, если бы это не была теократія съ жрецами, жертвоприношеніями, ритуальными обрядностями и законами; все это было бременемъ для мыслящаго человѣка и непригодно для тогдашняго язычества. Реформа была невозможна и для реформатора не безопасна, потому-что духовныя власти преслѣдовали дерзкихъ, помышлявшихъ о реформѣ.

Вотъ почему тысячи людей были вынуждены принять новую вѣру. То же длится и до нашихъ дней; говорятъ о терпимости ко всѣмъ расамъ отъ язычниковъ до бродячихъ цыганъ. Но терпимость и ровное отношеніе къ евреямъ можно найти лишь у самыхъ высокихъ и по истинѣ благородныхъ представителей такъ называемаго христіанскаго міра. На дѣлѣ никто, никто не можетъ быть атеистомъ; по своей натурѣ человѣкъ не можетъ не думать о высшемъ существѣ и не стремиться къ высшему нравственному идеалу. Въ этомъ его назначеніе и только въ этомъ—ядро іудаизма, который прежде всего учитъ священнѣйшему завѣту: „люби ближняго, какъ самого себя“.

VI.

Прошло почти три четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ безвѣстный юноша, учительствуя въ безплатной школѣ, поучалъ своихъ маленькихъ единовѣрцевъ насчетъ терпимости. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Неизвѣстный юноша сталъ великимъ міровымъ поэтомъ, сѣявшимъ могучей рукой негибнущія сѣмена свободы и гуманности; его бѣдная и разрозненная родина сплотилась въ великую державу, неизмѣримо болѣе сильную и свободную, чѣмъ тѣ маленькія деспотіи, изъ которыхъ она составилась. Поколѣніе, создавшее ее, выросло на стихахъ Гейне; особенно любилъ ихъ, по свидѣтельству Карпелеса—ея желѣзный творецъ. Но на этой почвѣ, вопреки всякому ожиданію, привились далеко не всѣ сѣмена, брошенныя поэтомъ, и если бы онъ воскресъ, онъ былъ бы пораженъ, до какой степени міръ, проживъ цѣлый великій вѣкъ развитія и просвѣщенія, далекъ отъ тѣхъ завѣтовъ, которые проповѣдывалъ юноша-поэтъ еврейскимъ мальчикамъ. Много-ли увеличилось число тѣхъ „высокихъ и по истинѣ благородныхъ представителей христіанскаго міра“, о которыхъ говорилъ Гейне? Да, конечно, оно увеличилось, но въ какой степени?

И такова иронія судьбы: лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ посмертная судьба Гейне, особенно одинъ ея эпизодъ, на которомъ подробно останавливается Карпелесъ въ заключительной главѣ своего труда. Это—исторія о томъ, какъ новая Германія, гдѣ, не смотря на достаточное количество настоящихъ великихъ людей, возводятся въ геніи и чествуются величины весьма среднія, гдѣ сочиненія Гейне расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, какъ эта Германія, возвеличенная и сродненная съ другими народами пѣснями Гейне,—отказалась даже дать мѣсто его памятнику.

Весьма поучительны и любопытны подробности о судьбѣ этого памятника, сообщаемыя Карпелесомъ, которому принадлежитъ первая статья о томъ, что настало время—статья относится къ

1876 году—почтить память знаменитѣйшаго послѣ Гете лирика нашего вѣка достойнымъ его монументомъ. Съ тѣхъ поръ прошло около четверти вѣка, а Германія все не имѣетъ памятника пѣвцу Лорелеи. Это характерная и печальная исторія.

Карпелесъ сознается, что писалъ свое воззваніе безъ всякой надежды на успѣхъ: не потому, конечно, что у Гейне слишкомъ мало для этого друзей, а потому, что у него слишкомъ много враговъ. Но мысль о памятникѣ нашла надежду въ старой и горячей поклонницѣ поэта—императрицѣ австрійской. Такихъ почитателей, быть можетъ, больше не было у Гейне; она молилась на него; лучшимъ подаркомъ, который она не разъ получала отъ своего сына, была для нея всегда какая-нибудь рукопись поэта; она ѣздила въ Гамбургъ спеціально за тѣмъ, чтобы познакомиться съ сестрой Гейне, дряхлой старушкой, умершей прошлой осенью. Разсказъ Карпелеса объ этомъ посѣщеніи не лишенъ забавныхъ черточекъ. Рано утромъ въ тихомъ убѣжищѣ старушки раздается громкій звонокъ. Она, не торопясь, подходитъ къ дверямъ и, не отворяя, спрашиваетъ:

— Молочница?

— Нѣтъ.

— Кто-жъ тамъ?

— Императрица австрійская.

Эта почитательница заказала извѣстному скульптору Гертеру статую поэта, а на его родинѣ въ Дюссельдорфѣ былъ образованъ комитетъ, въ который вошли многіе изъ самыхъ выдающихся представителей нѣмецкой науки, общественной жизни и искусства. Травлю открыли католики. Не смотря на это, дюссельдорфское городское управленіе отвело подъ памятникъ вполнѣ соотвѣтствующее его значенію мѣсто. Тогда за дѣло взялись консерваторы и антисемиты. Коллекція брошюръ и газетныхъ статей, вышедшихъ по этому поводу около 1890 года, представитъ будущему историку культуры незамѣнимый матеріалъ для характеристики нашего времени. Императрица, получавшая каждую брошюру, была глубоко возмущена этой травлей, но движеніе это заставило ее, такъ сказать, повысить свои требованія и отказаться отъ первоначальнаго намѣренія: воздвигнуть памятникъ Гейне на свои средства. Для нея стало ясно, что памятникъ поэту долженъ вырости изъ народной любви. Между тѣмъ агитація и еще болѣе происки враговъ достигли цѣли. Въ дѣло вмѣшивалось правительство; когда бургомистръ дюссельдорфскій пріѣхалъ въ Берлинъ, прусскій министъ внутреннихъ дѣлъ нашелъ умѣстнымъ сдѣлать ему суровое внушеніе, вслѣдствіе котораго сперва бургомистръ, а затѣмъ нѣкоторые другіе члены вышли изъ состава комитета, а городъ отказалъ въ мѣстѣ, предназначенномъ для памятника. Въ Вѣнѣ былъ отданъ прямой приказъ и императрица была вынуждена отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Этимъ

была закончена исторія памятника Гейне въ его родномъ городѣ. Позорное продолженіе ея было достойнымъ сатирическимъ эпилогомъ къ трагедіи его жизни. Остатки комитета стали бродить по городамъ Германіи, предлагая имъ на сходныхъ условіяхъ—вездѣ съ равнымъ успѣхомъ—памятникъ. Наконецъ, идея, отвергнутая на родинѣ поэта, нашла горячихъ сторонниковъ въ его заокеанскихъ соотечественникахъ—и лѣтомъ прошлаго года на свободной почвѣ Америки, въ Нью-Іоркѣ торжественно открытъ памятникъ Гейне со статуей Лорелеи и рельефнымъ портретомъ поэта. „Здѣсь—говорилъ одинъ изъ ораторовъ на этомъ празднествѣ правды—здѣсь мы являемся поборниками великаго дѣла прогресса не въ качествѣ нѣмцевъ или французовъ, англичанъ или ирландцевъ, но подъ эгидой правительства, обезпечившаго намъ въ полной мѣрѣ свободу печати, свободу слова и совѣсти; здѣсь мы попросту члены великой человѣческой семьи, которые не забыли и во вѣки вѣковъ не забудутъ, чѣмъ обязано человѣчество великому поэту и мыслителю Генриху Гейне. Сегодня американская столица воздаетъ его несравненному генію лишь то, что ему обязаны были давно воздать Германія и весь міръ“.

Прочувствованныя строки посвящаетъ Карпелесъ также другому памятнику поэта,—сооруженному не всенароднымъ почитаніемъ, но личной любовью страдающаго человѣка. Устранившись отъ ожесточенной борьбы за и противъ чествованія поэта, высокопоставленная поклонница его украсила свой замокъ Ахилейонъ на островѣ Корфу прекрасной статуей поэта. Отъ морского берега подымается по склону холма бѣлая мраморная лѣстница, ведущая къ портику, среди котораго, подъ сѣнью могучихъ серебристо-сѣрыхъ маслинъ красуется изваяніе поэта—удачная работа датскаго скульптора Гассельриса. Гейне изображенъ больнымъ; полузакрывъ глаза, на которыхъ видны слезы, онъ сидитъ, грустно глядя на море, которое онъ такъ любилъ; это не вождь „Молодой Германіи“ и даже не авторъ „Книги пѣсенъ“—это творецъ безотрадно-тяжелыхъ аккордовъ „Лацаруса“ и другихъ „Послѣднихъ стихотвореній“. Тому-же художнику покойная императрица заказала новый памятникъ для парижской могилы поэта. Первоначально это хранилось въ глубокой тайнѣ, но затѣмъ стало извѣстно.

Придетъ время—кончаетъ свою книгу преданный памяти поэта составитель—и Генриху Гейне будетъ воздвигнутъ памятникъ въ стѣнахъ его родного города. Настоящее мѣсто для этого памятника — берегъ Рейна, гдѣ онъ игралъ мальчикомъ, гдѣ онъ мечталъ, ставъ юношей, гдѣ взрослымъ человѣкомъ онъ пѣлъ свои пѣсни, полныя страстныхъ порывовъ. Здѣсь, смѣло и открыто глядя впередъ, встанетъ изваяніе „свободнаго сына свободнаго Рейна“, въ томъ видѣ, въ какомъ его изобразили смѣлымъ и свѣжимъ юношей кисть Гримма и рѣзецъ Гертера. И черты его

лица, одновременно грустнаго и насмѣшливаго, вновь оживутъ и уста поэта вновь скажутъ: „Я остался одинъ, какъ одинокая былинка, забытая жнецомъ; выросло новое поколѣніе, съ новыми запросами и новыми пѣснями; съ изумленіемъ слышу я новыя имена, новыя пѣсни; отзвучали старыя имена, быть можетъ, еще немногими чтимыя, многими попранныя и никѣмъ не любимыя. Дерево осѣнитъ мою могилу. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ это была пальма, но пальмы не ростутъ на сѣверѣ. Это будетъ, вѣрно, липа, и лѣтнимъ вечеромъ, когда въ вѣтвяхъ ея умолкнутъ птички, она осѣнитъ своимъ покровомъ влюбленныхъ, которые будутъ такъ счастливы, что и не взглянутъ, что написано на бѣломъ надгробномъ камнѣ. Но когда позже юноша потеряетъ свою возлюбленную, онъ снова придетъ къ знакомой липѣ и вздохнетъ и, взглянувъ на гробницу, прочтетъ на ней: „Онъ любилъ цвѣты Бренты“.

Но не на этомъ чувствительномъ воспоминаніи хотѣлось-бы намъ разстаться съ оживленной памятью поэта: эти безотрадныя мысли о могилѣ въ самомъ дѣлѣ отдаютъ могилой. А у Гейне были и другія мысли, связанныя съ его надгробьемъ, болѣе жизненныя, болѣе открытыя духу грядущаго. Напомнимъ-же въ заключеніе извѣстныя читателю, но всегда свѣжія и гордыя слова: „По истинѣ, не знаю, заслуживаю-ли я, чтобы мой гробъ украсили когда-нибудь лавровымъ вѣнкомъ. Какъ я ни любилъ поэзію, она была для меня всегда лишь священной игрушкой, лишь освященнымъ средствомъ для высшихъ цѣлей. Но мечъ должны вы положить мнѣ на гробъ, ибо я былъ храбрый солдатъ въ борьбѣ человѣчества за освобожденіе...“

А. Г.

ЭЛИНОРЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

(Перев. съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

VII.

— Мнѣ кажется, что это вышло очень мило,—сказала Льюси смущеннымъ голосомъ.—И я, право, не знаю, какъ васъ благодарить... рѣшительно не знаю.

Она стояла въ дверяхъ комнаты м-съ Бургоинъ, облеченная въ бѣлое креповое платье съ блѣднозелеными и черными полосками, придуманное для нея самой Элиноръ. Безконечное изящество этого наряда дѣлало ее чуждой самой себѣ. Къ тому же двѣ камеристки, которыя ее наряжали, приложили всѣ старанія, чтобы довести ея костюмъ до полнаго и неоспоримаго совершенства. Шляпу ея совершенно передѣлали; бѣлыя перчатки, восхитительный зонтикъ, букетикъ розъ у пояса—все рѣшительно было предусмотрѣно; но сама она не имѣла голоса въ этомъ совѣтѣ. Результатъ получился необычайный. Еще наканунѣ она представляла изъ себя самый обыкновенный типъ свѣженькой провинціальной дѣвушки, какихъ встрѣчаешь по всему бѣлому свѣту,—въ Бургундіи какъ и въ и Іоркширѣ, какъ и въ Вермонтѣ. Но сегодня она превратилась въ нѣчто образцовое—въ тотъ „преходящій цвѣтокъ“, который, „достигнувъ своего совершенства, цвѣтетъ одинъ только день“, какъ, безъ сомнѣнія, выразились бы молодыя дѣвушки, знакомыя съ произведеніями м-ра Клафа.

И благодаря этой, свойственной ея націи, способности приспособляться, которую открыла въ ней миссъ Мэнистей, Льюси, хотя и смущенная этимъ новымъ уборомъ, не казалась въ немъ, однако, неловкой. Она, такъ сказать, усвоивала себѣ свои новые наряды, какъ усвоила уже такъ много другихъ вещей за эти недѣли своего пребыванія на виллѣ: манеру разговора, умственныя перспективы и т. д.

Безсознательно она копировала движенія и голосъ м-съ Бургоинъ; она научилась понимать парадоксы Мэнистея и маленькія слабости тети Патти. Она, очевидно, стала болѣе культурной, но не менѣе индивидуальной. Ея провинціализмъ

стушевался; характеръ, быть можетъ, только начиналъ обрисовываться.

— Нравится ли вамъ это?—сказала она робко, когда м-съ Бургоинъ пригласила ее войти. Она подошла къ этой лэди, которая въ эту минуту надѣвала передъ зеркаломъ свою шляпу.

Элиноръ, не опуская приподнятыхъ рукъ, обернулась къ ней, и на губахъ ея появилась улыбка.—Очаровательно! Вы дѣлаете честь тому, кто вами занимается. А что, не лучше ли тетѣ Патти?

Льюси моментально почувствовала нѣкоторую натянутость въ обращеніи. М-съ Бургоинъ проявляла къ ней столько доброты и дружескаго чувства все время, пока замышлялось и фабриковалось это платье, что дѣвушка естественно ждала съ ея стороны болѣе живого интереса къ этому вполнѣ законченному теперь произведенію.

И съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ она отвѣчала:

— Боюсь, что миссъ Мэнистей не будетъ въ состояніи ѣхать. Голова у нея все еще сильно болитъ. Я только что видѣла Бенсонъ.

— А!—разсѣянно проговорила Элиноръ, разбираясь въ своихъ перчаткахъ:—этотъ сирокко всегда дѣйствуетъ на нее.

Льюси немного заминалась, стоя около туалетнаго стола и перебирая на немъ одну бездѣлушку за другой. Наконецъ, она проговорила:

— Вы не разсердитесь, если я у васъ спрошу одну вещь?

М-съ Бургоинъ съ удивленіемъ оглянулась на нее.

— Ни въ какомъ случаѣ! Чѣмъ я могу вамъ быть полезной?

— Не можете ли вы сказать, слѣдуетъ ли мнѣ здѣсь оставаться? Миссъ Мэнистей такъ добра, она желаетъ, чтобы я оставалась, пока вы еще тутъ; а затѣмъ хочетъ, чтобы я сопровождала ее въ Виломброзу въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но...

— Почему же „но"....—сказала м-съ Бургоинъ, продолжая собирать свои кольца, носовой платокъ, вѣеръ,—если только мы не надоѣли еще вамъ окончательно?

Дѣвушка улыбнулась.

— Этого никакъ не могло случиться. Но я думаю, наоборотъ... я думаю, не надоѣла ли я вамъ черезчуръ сама? А отъ Портерсовъ я слышала, что во Флоренціи есть очень тихій пансіонъ, гдѣ нѣкоторые изъ ихъ друзей думаютъ прожить до средины іюля. И они устроили-бы меня тамъ, пока не пріѣдутъ за мной.

Послѣдовала минутная пауза прежде, нежели Элиноръ отвѣчала.

— Тетя Патти была бы очень огорчена. Я знаю, что она разсчитываетъ на васъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Виломброзу.

Я въ началѣ іюня уѣду домой, а м-ръ Мэнистей, кажется, отправляется въ Парижъ.

— А какъ же книга?—не могла удержаться Льюси; но тотчасъ же сильно пожалѣла, зачѣмъ задала этотъ вопросъ.

— Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?—проговорила м-съ Бургоинъ, разыскивая свои ботинки для гулянья.

— Я не знала... я не знала, будетъ ли она закончена къ лѣту?

— Никто этого не знаетъ, разумѣется, даже ни самъ авторъ. Но меня-то это ни въ какомъ случаѣ не касается.

— Какъ можетъ она быть закончена безъ васъ? — произнесла Льюси съ удивленіемъ. Ею овладѣло то чувство приверженности къ Элиноръ, которое за послѣднее время развилось въ ея душѣ, хотя она и не была вполнѣ увѣрена, слѣдовало-ли это выражать.

Въ манерѣ м-съ Бургоинъ ясно чувствовалась нѣкоторая натянутость.

— Думаю, что она будетъ закончена безъ меня. Къ счастью, меня и не желаютъ, но если бы и пожелали, то у меня, все равно, въ теченіе этого лѣта не было бы времени на иныя заботы, кромѣ заботъ о моемъ отцѣ.

Льюси молчала. М-съ Бургоинъ застегнула, наконецъ, свои ботинки, послѣ чего поднялась и весело проговорила:

— Ну, Богъ съ ней, съ этой книгой! Въ ней необходимы перемѣны, вотъ меня и замѣнили. Теперь м-ръ Ниль выведетъ ее изъ затрудненія.

Льюси пошла проститься съ тетей Патти передъ отправленіемъ. Оставшись одна, Элиноръ одну минуту стояла въ задумчивости у туалетнаго стола. „Ей меня жаль", сказала она себѣ и внезапно какъ-то горделиво выпрямила свою хрупкую фигуру.

Это былъ день Неми—день фестиваля, задуманнаго двѣ недѣли тому назадъ съ цѣлью отпраздновать благополучное окончаніе книги. Этотъ день долженъ былъ быть исключительно днемъ Элиноръ—символомъ счастливой удачи, которую она принесла своему кузену и его работѣ.

А теперь? Зачѣмъ ѣхали они? — Элиноръ едва это сознавала. Она пробовала предотвратить эту поѣздку. Но Реджи Бруклинъ былъ уже приглашенъ, а также дочь посланника. При этомъ Ванбругъ Ниль непремѣнно желалъ видѣть Неми. Мэнистей, который забылъ, что долженъ былъ нѣкогда обозначать этотъ день, покорился этой экспедиціи — онъ, ненавидѣвшій всякія экспедиціи, покорился ей только потому, что „этого желалъ Ниль". Все, что говорилось

по этому поводу за эти послѣдніе нѣсколько дней, могло только уязвить Элинору, вызвать горечь въ ея душѣ. Она думала, что знаетъ все, на что способно это мужское себялюбіе, теперь какъ бы вновь съ каждымъ часомъ все сильнѣе ощущала уколы этихъ случайныхъ замѣчаній Мэнистея.

Между ними какъ будто воздвигалась какая-то все болѣе и болѣе непроницаемая преграда. Она знала, что причиной этого было отчасти суевѣріе, съ какимъ онъ, обыкновенно, относился къ себѣ самому и своей книгѣ и которое она такъ часто въ немъ подмѣчала. Если случалось, напримѣръ, что какой-нибудь товарищъ, какое-нибудь опредѣленное мѣсто или такой-то столъ наконецъ, даже хотя бы извѣстное перо—по его замѣчанію, приносили ему удачу, то онъ непремѣнно прибѣгалъ къ нимъ снова съ особой порывистостью. Но разъ выходило наоборотъ,—она была свидѣтельницей, какъ онъ съ одинаковой рѣшительностью покидалъ друга, какъ и какое-нибудь злополучное перо.

Теперь, насколько она могла это уловить, поскольку онъ самъ касался этого предмета вообще—м-ръ Ниль выставилъ свои возраженія именно по отношенію къ тѣмъ частямъ книги, гдѣ ея вліяніе сказалось особенно сильно.

Губы ея дрогнули. Самодовольства въ ней не было или было его очень мало. Весьма возможно, что м-ръ Ниль былъ вполнѣ правъ въ своей критикѣ, а ея совѣты дѣйствительно были плохи. Когда же она думала объ этихъ счастливыхъ дняхъ совѣщанія, объ этой живой симпатіи мыслей, которая возникла между ними и придала такую прелесть тѣмъ днямъ въ Римѣ... когда она думала о безчисленныхъ знакахъ глубокой личной симпатіи и расположенія съ его стороны....

Но все это теперь исчезло, исчезло! Та душевная печаль, которую она въ себѣ носила, гордо скрывая ее отъ другихъ,—печаль эта точила ее непрестанно, какъ физическій недугъ. Между тѣмъ, какъ онъ... Ничто не казалось ей болѣе изумительнымъ, какъ эти отступленія отъ простой благовоспитанности, которыя позволялъ себѣ Мэнистей. Въ случаѣ надобности онъ былъ способенъ проявлять самое утонченное, самое нѣжное чувство. Но разъ только затрогивалось его основное себялюбіе, — онъ способенъ былъ на самое невѣроятное обращеніе. Посредствомъ самыхъ обыденныхъ поступковъ или упущеній онъ умѣлъ, если того желалъ, выказать такую черствость души, передъ которой содрогалась женщина.

Неужели онъ, дѣйствительно, хотѣлъ дать ей понять, что она была непрошенной, навлекшей неудачу соучастницей его работы и его интеллектуальной жизни, и что слѣдовало ей совершенно отказаться отъ малѣйшей изъ тѣхъ дорогихъ

надеждъ, которыя она, быть можетъ, основывала на ихъ товарищескихъ отношеніяхъ?

Такъ стояла тутъ Элиноръ, охваченная этимъ внезапнымъ наплывомъ оскорбленной гордости и отчаянія, къ которымъ примѣшивалось странное и горькое недоумѣніе. Каждый изъ насъ создаетъ себѣ извѣстный духовный образъ своей личности—типическій, характерный, какъ мы полагаемъ, такъ или иначе задрапированный, смотря по фантазіи каждаго, и вокругъ котораго мы группируемъ всѣ жизненныя событія. Элиноръ всегда видѣла себя женщиной гордой; впрочемъ, никто изъ насъ не прочь облекать себя въ этотъ нарядъ. Надменно безмолвная и терпѣливая въ годы своего замужества, гордая въ нравственномъ, соціальномъ и интеллектуальномъ отношеніи, — она находила въ своей непреклонности единственный оплотъ противъ неприглядной дѣйствительности повседневной жизни. Постольку же гордая въ своемъ одиночествѣ и печали—гордая именно этою печалью, а также умѣніемъ ее переносить, она не подавала вида, что у нея внутри происходила тайная работа; такъ жила она близь своего стараго отца, который, въ мелкомъ тщеславіи знатнаго и богатаго человѣка, такъ мало обращалъ вниманія на свою дочь.

А теперь казалось ей—она уже начинала пить изъ чаши униженія, предвидя въ будущемъ только еще болѣе полные глотки этого униженія. Она, которая никогда ни о чемъ не просила, готова была теперь смотрѣть на все свое существованіе, какъ на какой-то отвергнутый даръ. Она принесла въ даръ Эдварду Мэнистею всѣ свои чувства, всѣ свои способности, а онъ безжалостно оттолкнулъ все это. Блѣдныя щеки Элиноръ вспыхнули яркимъ румянцемъ. Да, да, все это была правда!—Она надоѣла ему, она его утомила, и онъ хочетъ избавиться отъ нея, отъ Элиноръ Бургоинъ! Она, очевидно, не знала сама себя. Ея сокровенное представленіе о своемъ „я“ было поколеблено.

Одну минуту она прислонилась къ переплету раствореннаго окна, изъ котораго разстилался видъ на всю Кампанью, и закрыла глаза. Чувство возмущенія жгучей волной охватило все ея существо. Вѣчно подчиняться, терпѣть, безмолствовать—и такъ до конца! Но есть минуты, когда женщина должна пробудиться, должна бороться и ратовать за свою судьбу, а не принимать эту судьбу такою, какъ ее преподносятъ ей другіе.

Ревность! Неужели эта недостойная, позорная вспышка закралась также и въ ея душу? Неужели она видитъ для себя опасность и оскорбленіе въ томъ, что эти вечера, которые тянутся теперь такъ невыносимо медлительно,—онъ ихъ

проводитъ въ разговорахъ съ этой дѣвушкой, — этой милой простой дѣвушкой, развитіемъ которой сама же она просила его заняться и по отношенію которой она разыграла роль какой-то благодѣтельной волшебницы, превративъ ее, такъ сказать, въ красавицу? Самая мысль объ этомъ была безуміемъ и нелѣпостью, унижавшими ее въ собственныхъ глазахъ. И кромѣ того, это опять свидѣтельствовало объ ея незнанія самой себя. Какъ! Она уступитъ его при первой угрозѣ, при первомъ поползновеніи со стороны другой завладѣть имъ?.. Ее пугали и изумляли эти страстные порывы ея собственнаго сердца.

Въ гостиной пробили часы. Она встрепенулась и подошла къ зеркалу, чтобы расправить вуаль. Что принесетъ ей это послѣ обѣда? А нѣчто оно во всякомъ случаѣ должно ей принести. Зимніе дни въ Неми слишкомъ ярко хранились въ памяти—и каждый изъ нихъ, окруженный своимъ ореоломъ. И вотъ, она должна приложить всю свою силу, должна сдѣлать это теперь же, пока еще не слишкомъ поздно, пока онъ еще не ускользнулъ отъ нея слишкомъ далеко.

Бѣдное сердце билось усиленно подъ кружевомъ платья.

Что имѣла она въ виду, на что надѣялась? Она знала только одно, что это было для нея послѣднимъ шансомъ, что дни бѣжали, и минута разлуки приближалась. Все существо ея томилось жаждой—самой неукротимой жаждой чего-то... только сама она не знала чего. Между тѣмъ, что-то говорило ей, что въ этихъ перемѣнахъ настроенія заключались для нея послѣднія надежды... заключалось счастье или несчастье ея жизни.

— Прошу васъ, мэ'мъ, не зайдете ли вы на минуту къ миссъ Мэнистей?

То былъ голосъ Бенсонъ, которая поджидала м-съ Бургоинъ въ гостиной.

Элиноръ повиновалась. Въ полумракѣ комнаты съ опущенными занавѣсками она различила блѣдное лицо тети Патти.

— Элиноръ! Что вы объ этомъ думаете?

Элиноръ поспѣшно подошла къ ней. Мисъ Мэнистей протянула ей телеграмму, гдѣ значилось слѣдующее:

„Письмо пришло слишкомъ поздно — не возможно измѣнить сдѣланныя распоряженія. Пріѣзжаю завтра... двѣ или три ночи—надо переговорить.

Алиса.“

Элиноръ опустила руку, въ которой держала телеграмму, и обѣ лэди посмотрѣли другъ на друга со смущеніемъ.

— Но вы, вѣдь, говорили ей, что не можете принять ее здѣсь?

— Сколько разъ! Эдвардъ будетъ въ отчаяніи. Какимъ образомъ устроимся мы съ ней, когда у насъ миссъ Фостеръ? Ея манера держать себя за послѣдніе два мѣсяца была слишкомъ эксцентрична.

Тетя Патти съ тоской откинулась на горку своихъ подушекъ. Элиноръ имѣла почти столь же безнадежный видъ.

— Говорили вы Эдварду?.

— Нѣтъ,—отвѣчала тетя Патти плачевно и прикладывая руку къ своей больной головѣ, какъ бы для того, чтобы оправдать недостатокъ мужества.

— Должна я ему это сказать?

— Было бы слишкомъ не великодушно возлагать на васъ подобныя порученія.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! Только я не скажу ему этого теперь. Это можетъ испортить весь день. Я скажу потомъ, передъ самымъ вечеромъ.

На лицѣ тети Патти выразилось нѣкоторое облегченіе.

— Дѣлайте, какъ найдете лучшимъ, моя дорогая. Это такая доброта съ вашей стороны.

— Нисколько! Бога ради, милая тетя, лежите спокойно. Ахъ, кстати, есть ли съ нею кто-нибудь?

— Ея горничная — единственный человѣкъ, который вообще умѣетъ съ нею справляться. Та бѣдная лэди, которая, вы знаете, попробовала поступить къ ней въ компаньонки, разумѣется, скоро отказалась. И куда мы ее помѣстимъ?

— Есть двѣ комнаты на востокъ. Сказать Адріэнѣ, чтобы она ихъ приготовила?

Тетя Патти изъявила свое согласіе скорѣе стономъ, нежели словами.

— Развѣ нѣтъ уже ни малѣйшей возможности задержать ее?—спросила Элиноръ, готовясь удалиться.

— Въ телеграммѣ не выставлено никакого адреса, кромѣ станціи „Ортъ“, — сказала тетя Патти усталымъ голосомъ,— она, по всей вѣроятности, отправила ее съ дороги.

— Ну, въ такомъ случаѣ нужно быть готовыми. Вы только не пугайтесь, тетя Патти; ужъ мы васъ выручимъ.

Въ гостиной Элиноръ одну минуту стояла въ раздумьи.

Несчастная! Въ теченіе многихъ лѣтъ эта эксцентрическая, необузданная сестра Мэнистея составляла тайное бремя жизни его и тети Патти. Элиноръ была свидѣтельницей, какимъ угнетающимъ образомъ подѣйствовало на него извѣстіе, что Алиса находится въ Италіи. Она знала о попыткахъ,

которыя были сдѣланы для того, чтобы удержать ее вдали отъ виллы.

Онъ придетъ въ отчаяніе отъ этого неожиданнаго испытанія. Что касается самой Элиноръ, то она воспрянула духомъ.

Она направилась къ дверямъ гостиной и услыхала звукъ подъѣзжавшаго экипажа, который долженъ былъ везти ихъ въ Неми. Черезъ растворенную дверь комнаты Мэнистея она видѣла, какъ онъ, откинувшись въ креслѣ, курилъ въ ожиданіи дамъ. Голубое озеро со своими зелеными берегами сверкало тамъ внизу, передъ этимъ балкономъ, на которомъ онъ сидѣлъ. День былъ такой лучезарный!.. Ну, разумѣется, всякія дурныя вѣсти слѣдуетъ пока отложить!

Когда они проѣзжали вдоль „Gualleria di Sotto“, Мэнистей казался озабоченнымъ. Поданный экипажъ засталъ его за чтеніемъ длиннаго письма, которое онъ и теперь еще продолжалъ держать скомканнымъ въ своей рукѣ.

Наконецъ, обращаясь къ Элиноръ, онъ отрывисто проговорилъ:

— Книга въ „Index'ѣ“. На слѣдующей недѣлѣ это будетъ объявлено.

— Книга отца Бенеке?

— Да. Онъ пишетъ мнѣ раздирающее душу письмо.

— Ахъ, бѣдный онъ, бѣдный! Это все дѣло іезуитовъ!.. М-ръ Ниль разсказалъ мнѣ всю эту исторію.

— Ну, разумѣется, это тираннія. Книга представляетъ по содержанію не болѣе, какъ извѣстную долю истины... Есть нѣкоторая дарвинистская закваска, которая, однако, поднимаетъ цѣлую глыбу теологіи. Но они совершенно правы по своему. Они не могутъ поступать иначе.

Элиноръ взглянула на Льюси Фостеръ и засмѣялась.

— Опасно говорить подобныя вещи при миссъ Фостеръ.

— Развѣ мисъ Фостеръ извѣстно что нибудь объ этомъ?— спросилъ онъ равнодушно.

Льюси поспѣшила отречься отъ какого бы то ни было знакомства съ отцомъ Бенеке и его дѣлами.

— Они очень просты, эти дѣла,— сказалъ Мэнистей.— Отецъ Бенеке—священникъ, а также и профессоръ. Онъ написалъ нѣсколько либеральную книгу, самую умѣренно-либеральную... какую-то эволюцію, какую-то библейскую критику... всего лишь слабая попытка... Но тутъ въ значительной мѣрѣ заключается протестъ противъ того способа, которымъ іезуиты подрываютъ католическое университетское образованіе въ Германіи. Этого было достаточно для того, чтобы власти пришли въ движеніе. Онѣ помѣстили его книгу въ Index'ѣ

и на слѣдующій день его заставятъ подписать актъ отреченія.

— Кто это „они“?—спросила Льюси.

— Конгрегація Index'а или люди, которые ее подстрекаютъ.

— А что-же, развѣ это дурная книга?

— Совершенно наоборотъ.

— И вы всѣмъ этимъ довольны?

— Я думаю, что папство поддерживаетъ дисциплину и пока еще, повидимому. господствуетъ во всей силѣ.

Онъ повернулся къ ней со своимъ вызывающимъ смѣхомъ и при этомъ ему бросилось въ глаза ея новое изящество. Куда-же дѣвалась эта „учительница воскресной школы“? Неужели она превратилась за эти пять недѣль въ это видѣніе, которое онъ видитъ тутъ передъ собой? Дѣйствительно, женщины удивительный народъ!.. И въ душѣ его при этомъ даже шевельнулось нѣчто въ родѣ презрѣнія къ этой пластичности женской породы.

— Онъ спрашивалъ вашего мнѣнія?—продолжала развивать Льюси данный предметъ.

— Да. И я сказалъ ему, что книга его превосходна, приговоръ надъ нею неизбѣженъ.

Льюси закусила губы.

— Кто-же все это сдѣлалъ?

— Іезуиты, по всей вѣроятности.

— И вы ихъ защищаете?

— Разумѣется. Это единственные джентльмэны въ Европѣ, которые безусловно знаютъ свое дѣло.

— Хорошо дѣло!—воскликнула Льюси, чуть не задыхаясь отъ волненія:—набрасываться на малѣйшее проявленіе истины затѣмъ, чтобы сейчасъ-же его потушить.

— Какъ это вообще дѣлается со всякимъ опаснымъ горючимъ веществомъ... ваше сравненіе превосходно.

— Опаснымъ! — Она откинула голову.—Но для кого-же?—для слѣпыхъ и хромыхъ!..

— Которые составляютъ большинство среди человѣчества. Это неоспоримо.

Она колебалась одну минуту, затѣмъ не могла сдержаться.

— Но васъ-то это развѣ не смущаетъ?

— Меня? Боже мой. Я не боюсь фейерверковъ. Къ тому-же я не католикъ.

— Какъ это похвально!.. стоять въ сторонѣ отъ рабства и превозносить его!

— Почему же нѣтъ? если это соотвѣтствуетъ моимъ планамъ.

Дѣвушка молчала. Мэнистей взглянулъ на Элиноръ. Глаза его смѣялись недобрымъ смѣхомъ. Она уловила это выраже-

ніе и отвѣчала ему тѣмъ-же. То былъ прежній товарищескій обмѣнъ взглядовъ. И жизнь внезапно болѣе горячей, болѣе живой волной закипѣла въ ея жилахъ: ея тонкая безсильная фигурка выпрямилась и приняла бодрую осанку, и она впервые ощутила всѣмъ своимъ существомъ, сколько физическаго наслажденія заключается въ этомъ майскомъ солнцѣ, въ этомъ живительномъ освѣжающемъ воздухѣ, въ быстромъ движеніи экипажа.

Какъ быстро, дѣйствительно, завоевала весна эти холмы! Густые лѣса, тянувшіеся по лѣвую сторону отъ большого віадука Ариціи, черезъ который они проѣзжали, — лѣса эти уже совершенно скрывали теперь глубокій оврагъ за цѣлымъ моремъ своей свѣтло-зеленой листвы; а обширную равнину, разстилавшуюся направо, по направленію Ардеи, Лавиніума и моря, пробуждающаяся весна съ каждымъ днемъ одѣвала все болѣе и болѣе яркимъ покровомъ всевозможныхъ травъ и виноградной лозы. Когда они подъѣзжали къ Генцано, ихъ осадили нищіе, какъ, безъ сомнѣнія, они осаждали Горація и Мецената; а затѣмъ, когда они миновали длинныя и разоренныя улицы этого городка съ его низкорослымъ, сухопарымъ, смуглолицымъ населеніемъ, съ его гамомъ ребятишекъ и топотомъ муловъ, съ его цирюльнями и винными погребками, когда они миновали этотъ городокъ, то передъ ними снова развернулась эта изумрудно-зеленая Кампанія и эти прозрачные туманы надъ моремъ; а впереди возвышалась увѣнчанная цитаделью гора Монте-Джіове. Они пересѣкли „Wia Appia“ и повернули къ Нэми. Тамъ, въ вышинѣ разстилалось это дивное небо съ бѣгущими въ немъ легкими прозрачными облаками. Всякіе слѣды сирокко исчезли, вѣтеръ перемѣнился, и благословенное животворное солнце проливало свои лучи на пробужденную землю. Повсюду живописныя развалины, призраки великаго прошлаго, проникнутыя этимъ полнымъ жизни и дѣятельнымъ настоящимъ.

Вотъ они поднялись теперь на высокій хребетъ, возвышающійся надъ озеромъ и вдоль котораго вьется дорога къ Нэми, къ этому Нэми съ его Орсиніевской башней, высокой и мрачной, поднимающейся на крѣпостной стѣнѣ, надъ кручею озера и бывшей нѣкогда „Нэмусомъ“ богини, который скрывалъ за собою ослѣпительную бѣлизну таинственнаго храма.

— Смотрите,—сказала Элиноръ, притрогиваясь въ рукѣ Льюси:—вотъ она, эта стѣна съ нишами, а вотъ—терраса самого храма.

Льюси поспѣшно обернулась и увидала по ту сторону озера большое углубленіе въ отвѣсныхъ скалахъ кратера, все заросшее и затѣненное деревьями, а передъ нимъ ровное пространство съ единственнымъ зданіемъ посрединѣ.

Внѣ кратера, какъ разъ позади того мѣста, гдѣ находился храмъ, зіяла черная вертикальная разсѣлина. Элиноръ указала Мэнистею въ эту сторону.

— Помните, намъ ни разу не удалось туда пробраться? Но именно тамъ долженъ быть источникъ... этотъ источникъ Эгеріи?

Мэнистей лѣниво отвѣчалъ, что онъ не знаетъ.

— Не думайте, пожалуйста, что вы отдѣлаетесь,—сказала Элиноръ, смѣясь:—это было отложено на сегодня, и мы непремѣнно вскарабкаемся туда послѣ чая.

— Вы увидите, что это окажется дальше, нежели вы полагаете,—сказалъ Мэнистей, измѣряя глазами разстояніе.

— Такъ это гдѣ-нибудь на той террасѣ умеръ этотъ бѣдный жрецъ?—проговорила Льюси задумчиво. Мэнистей, который шелъ рядомъ съ коляской, обернулся въ сторону дѣвушки. Ея маленькая фраза польстила ему. Но онъ только засмѣялся.

— Желалъ бы я знать, сколько дохода приносило это мѣсто на чистыя деньги? — сказалъ онъ затѣмъ язвительно:— Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ и заключалось все его обаяніе.

Льюси невольно улыбнулась. Теперь они поднимались по очаровательной дорожкѣ, высоко надъ озеромъ, къ которому, начинаясь отъ этой дорожки, спускались виноградники и оливковые сады, между тѣмъ какъ по другую ея сторону, совсѣмъ надъ ними, взбѣгали къ самому небу свѣтлые, едва опушенные зеленью лѣса. Въ виноградникахъ, между безконечными рядами уже начинавшихъ развертываться лозъ, сквозила свѣжая красно-бурая земля; подъ деревьями пестрѣли маргаритки, а внизу, на прибрежномъ утесѣ, возвышалась громадная дикая вишня, которая простирала надъ темно-синей бездною озера свои осыпанныя серебристо-бѣлыми цвѣтами вѣтви.

А тамъ, на самомъ отдаленномъ концѣ, высокая стѣна кратера съ ея углубленіями—великолѣпная и мрачная, поднималась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда былъ расположенъ храмъ. Какой бѣлизной, какой несравненной бѣлизной долженъ онъ былъ сіять! — думала Льюси. Исторія жреца овладѣла ея воображеніемъ. Она, видѣвшая Нэми теперь на самомъ дѣлѣ впервые, какъ будто уже раньше была съ нимъ знакома. Она бросила робкій взглядъ на человѣка, шедшаго рядомъ съ коляской. Какъ странно! Онъ уже не былъ ей настолько непріятенъ, какъ прежде, и ей уже не казалось болѣе невозможнымъ, чтобы онъ написалъ ту книгу, которая была ей такъ дорога. Было-ли это вызвано тѣмъ, что за послѣднее время она видѣла его такимъ угнетеннымъ, такимъ измѣнившимся, что убѣдилась въ сравнительной безобидности его

тщеславія, въ его добротѣ и терпѣніи по отношенію къ другу? Ахъ, нѣтъ! Если онъ былъ добръ къ одному изъ друзей, то за это былъ такъ нестерпимъ и невеликодушенъ по отношенію къ другому. Блѣдность лица Элиноръ, рѣзкая синева вокругъ ея печальныхъ глазъ—все это являлось обвиненіемъ противъ него. Но и тутъ, въ глубинѣ души, дѣвушка начинала колебаться и недоумѣвать. Собственно говоря, достаточно-ли хорошо знала она—да и знала-ли вообще—ихъ настоящія отношенія?

Во всякомъ случаѣ, въ это послѣ-обѣда онъ являлся неподражаемымъ товарищемъ и собесѣдникомъ. То выраженіе, которое Ниль Ванбругъ примѣнилъ однажды къ нему въ присутствіи Льюси и которое сперва показалось ей такимъ нелѣпымъ, въ концѣ концовъ, положительно казалось справедливымъ: онъ на самомъ дѣлѣ являлся „bon enfant“ по отношенію къ Элиноръ и къ ней самой въ это радужное послѣобѣда. Онъ вспомнилъ, что Элиноръ любила дрокъ, и принесъ ей цѣлую связку этихъ цвѣтовъ, которые нарвалъ по крутымъ склонамъ; онъ добродушно подтрунивалъ надъ привычками Ниля и разсыпался въ самыхъ живыхъ, восторженныхъ и яркихъ замѣчаніяхъ по поводу распускающейся красоты природы и весны,—словомъ, своимъ присутствіемъ онъ давалъ все время чувствовать окружающимъ то нѣчто сильное, горячее, гуманное, что было свойственно его душѣ, не смотря на всѣ его непріятныя стороны и на тотъ элементъ необщительности и чего-то необъяснимаго, которымъ постоянно вѣяло отъ него. Элиноръ принимала все болѣе и болѣе счастливый видъ, какъ-то помолодѣла вся—такою ея не видали давно. А Льюси не могла надивиться, почему этотъ продолжительный подъемъ на Нэми доставлялъ такое наслажденіе? почему сирокко какъ будто совершенно не чувствовался въ воздухѣ, въ которомъ отливали такой божественной пурпуровой окраской и эти горы, и озеро, и даль?

Когда они пріѣхали въ Нэми, Мэнистей, по обыкновенію, выказалъ полнѣйшее невѣдѣніе по части практическихъ распоряженій, касавшихся даннаго дня и которыя за него всегда дѣлали другіе.

— Что же я буду дѣлать со всѣмъ этимъ?—сказалъ онъ въ отчаяніи, протягивая руки къ корзинамъ съ провизіей, которыя находились въ коляскѣ.—Дальше ѣхать мы не можемъ, и какимъ образомъ встрѣтимся мы съ остальными? Когда они пріѣдутъ? Почему ихъ нѣтъ?

Въ совершенномъ нетерпѣніи онъ обратился къ Элиноръ. Она успокоительно положила свою руку на его и указала ему

на толпу крестьянъ сосѣдняго городка, которая уже собралась вокругъ экипажа.

— Позовите двоихъ изъ этихъ молодыхъ людей, чтобы они несли корзины. А съ остальными членами нашей компанiи мы встрѣтимся около храма. Они придутъ по дорогѣ отъ Генцано.

Лицо Мэнистея мгновенно прояснилось, какъ у ребенка. Онъ направился къ толпѣ и, свободно болтая по итальянски, завладѣлъ двумя подростками, одинъ изъ которыхъ былъ статенъ, гибокъ и красивъ, какъ молодой Вакхъ, и носилъ благородное имя Аристодемо. Затѣмъ, сопровождаемый цѣлою ордою маленькихъ попрошаекъ, избавиться отъ которыхъ можно было только постепенно, они начали спускаться съ крутого утеса, на которомъ стоялъ Нэми. Тропинка шла внизъ зигзагами. Слѣдуя по ней, они встрѣчали цѣлыя вереницы женщинъ, которыя поднимались вверхъ, неся на своихъ повязанныхъ бѣлыми платками головахъ большiя плоскiя корзины съ той мелкой лѣсной земляникой или „fragole“, которая составляетъ главную жатву Нэми и его полей.

Красивыя женщины, роскошный красный цвѣтъ этихъ ягодъ, ихъ благоуханiе, которое распространялось по всей тропинкѣ, а также чудные майскiе лучи, которые заливали эту плодородную землю съ ея пробивающейся повсюду зеленью и листвой, наконецъ, ощущенiе жизни, которая кипѣла вокругъ такимъ могучимъ ключомъ—все это заставляло сердце Льюси трепетать отъ наслажденiя. Она отстала съ мальчиками-проводниками, робко пробуя объясняться съ ними на своемъ нетвердомъ итальянскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ Элиноръ и Мэнистей шли впереди.

Но Мэнистей не забылъ про нее. Когда они были уже на полпути, онъ вернулся, чтобы освѣдомиться объ ней, и увидалъ, что она несетъ въ рукахъ свой легкiй ватерпруфъ, навязанный ей во что бы то ни стало тетей Патти изъ опасенiя, какъ бы сирокко не разрѣшился дождемъ. Мэнистей попросилъ ее отдать ему эту вещь. Льюси воспротивилась.

— Это я могу снести, — настаивалъ онъ нетерпѣливо:— вѣдь, это не корзины.

— Но вы могли бы снести и корзины, я не сомнѣваюсь,— вскричала Льюси со смѣхомъ.

— Зачѣмъ же дѣлать это самимъ, когда есть на свѣтѣ вотъ эти мальчуганы и мелкая монета? Но я непремѣнно хочу эту накидку, прошу васъ...—Тонъ былъ повелительный, и она уступила. Онъ поспѣшилъ присоединиться къ Элиноръ неся на рукахъ накидку Льюси и, по своей обычной неловкости, волоча ее временами по землѣ; при видѣ этого Льюси, очень аккуратная, испытывала настоящiя страданiя и очень

раскаивалась, зачѣмъ она уступила. Тѣмъ не менѣе, эта услуга и вниманіе съ его стороны были дѣломъ, не лишеннымъ пріятности, быть можетъ потому, что для нея это было такъ ново и неожиданно.

Теперь они находились на одномъ уровнѣ съ поверхностью озера, и юные проводники повели ихъ по узкой каменистой тропинкѣ къ тому мѣсту, гдѣ былъ храмъ, или, какъ называютъ его крестьяне, къ „Giardino del Lago“.

То было плоское продолговатое пространство, на которомъ высилась двухъ этажная постройка, часть которой представляла изъ себя кирпичную кладку первыхъ временъ имперіи. Къ сѣверу и востоку тянется испещренная нишами стѣна, въ которой, глубоко подъ наслоившейся землею, лордъ Севиль обрѣлъ великаго Тиверія и тѣ затерянные бюсты, которые ждали, пока заступъ и лопата агличанина не извлекутъ ихъ оттуда. Что касается стѣнъ храма, которыя тоже открылъ этотъ англійскій лордъ, траншей, которыя онъ откопалъ, и того жертвеннаго алтаря, который онъ извлекъ изъ подъ земли,—то земля эта, какъ лучшій хранитель, приняла ихъ снова къ себѣ. Земляника выросла поверхъ ихъ, и только какія-то странныя возвышенія и углубленія почвы на этомъ мѣстѣ заставляютъ путешественника останавливаться въ недоумѣніи. Земля какъ будто говоритъ ему: „тутъ, дѣйствительно, есть тайны и сокровища, только не про тебя. Я достаточно уже была ограблена. Умершее—мое. Оставьте его въ моихъ нѣдрахъ. А ты ступай своимъ путемъ, который освѣщаетъ солнце“.

Они направились черезъ земляничныя поля, посматривая не видать-ли товарищей, которые должны были присоединиться къ нимъ—Реджи Бруклина, мистера Ниля и двухъ лэди. Но ихъ нигдѣ не было и слѣда. Между тѣмъ, имъ слѣдовало бы уже давно быть тутъ въ ожиданіи остальныхъ.

— Какъ несносно!—проговорилъ Мэнистей съ своимъ обычнымъ раздраженіемъ, которое всегда было у него наготовѣ.— Реджи, дѣйствительно, могъ бы лучше повести дѣло. А это что за субъектъ?

То былъ „padrone“ или арендаторъ „Giardino“, который вышелъ къ нимъ навстрѣчу для переговоровъ.—Да, синьоры могутъ поставить свои корзины и устроить чай. Онъ указалъ скамью позади навѣса.—„Forestieri“ приходятъ сюда ежедневно. Затѣмъ „padrone“ равнодушно удалился.

Тѣмъ временемъ женщины и дѣвушки, собиравшія землянику, поднялись отъ своей работы, чтобы посмотрѣть на компанію, и, сверкая зубами, улыбались на Аристодемо, который, очевидно, слылъ между ними за „bel esprit“. Онѣ хихикали, когда онъ проходилъ мимо, онъ же отвѣчалъ на это однимъ пре-

зрѣніемъ. Толпа молодыхъ дѣвушекъ, распѣвавшихъ пѣсни, закидала его шутками и вопросами, но онъ только гордо выпрямился и, бросивъ имъ нѣсколько жестокихъ взглядовъ и словъ, прошелъ мимо съ гордымъ видомъ юнаго короля. Тогда онѣ снова грянули ему въ слѣдъ пѣсню, которую отъ смѣха едва могли продолжать—то была пѣсня про влюбленнаго, котораго покинула его любезная. Аристодемо притворился глухимъ, но насмѣшливая пѣсня, распѣваемая рѣзкими итальянскими голосами, казалось, наполняла собою все ущелье, отражаемая эхомъ крутыхъ склоновъ кратера. Послѣобѣденное солнце, ударявшее съ холмовъ Генцано, наполняло котловину и обливало своими лучами стѣну храма. Льюси, стоя неподвижно подъ этими лучами и глядя кругомъ себя, такъ сказать, вся погружалась въ Италію. Благодаря сдержанности, свойственной ей, какъ жительницѣ новой Англіи, она ничѣмъ себя не выдавала, но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ юное пылкое сердце билось навстрѣчу природѣ и веснѣ.

Она пошла впередъ, чтобы поближе посмотрѣть на эту стѣну съ нишами, между тѣмъ, какъ Мэнистей и Элиноръ остались около фермы и обсуждали съ Аристодемо, какъ бы устроить чай. Внезапно она услыхала за собою шаги и быстро обернулась въ ихъ сторону.

— Мальчикъ сидѣлъ именно на этомъ деревѣ,—сказала она, указывая на громадную оливу, которая простирала свои вѣтви надъ цѣлыми грудами развалинъ, нѣкогда, вѣроятно, представлявшихъ изъ себя часть ограды вокругъ той стѣны, которая заключала въ себѣ статуи.

— Вы такъ полагаете?—сказалъ Мэнистей съ улыбкой удивленія.—Что же, вамъ лучше знать. Вы слишкомъ добры къ этой ничего не стоющей вещицѣ.

Она колебалась.

— Быть можетъ, — произнесла она, наконецъ,—вы знаете, чѣмъ она мнѣ такъ особенно дорога? Она напоминаетъ мнѣ нѣкоторыя вещи изъ другой вашей книги.

— Изъ „Писемъ о Палестинѣ“?—сказалъ Мэнистей, частью забавляясь, частью недоумѣвая.

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ, какъ могла я познакомиться съ этой книгой? Но мы очень много читаемъ тамъ, въ нашей странѣ. У насъ читаютъ всѣ, кончая послѣдними чернорабочими, которые не имѣютъ возможности тратить на себя лишней копѣйки. Книгу эту мнѣ далъ дядя Бенъ, Обзоръ ея былъ помѣщенъ въ „Springfield Republican“... они, вѣроятно, вамъ его присылали. Но...—голосъ ея зазвучалъ болѣе робко, — вы помните ту часть, гдѣ говорится о бракѣ въ Канѣ... гдѣ вы рисуете себѣ, какъ народъ возвращается домой по тропинкѣ, пролегающей въ холмахъ, какъ они бесѣ-

дуютъ между собою и какія чувства испытываютъ при этомъ?..

— Да, я вспоминаю что-то въ этомъ родѣ,—отвѣчалъ Мэнистей.—Я писалъ это въ Назаретѣ, весною. Я увѣренъ теперь, что это вышло прескверно.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы такъ говорите!—Она слегка нахмурила брови.—Какъ только я закрывала глаза, мнѣ казалось, точно я иду тамъ вмѣстѣ съ ними. То же и съ вашимъ нэмійскимъ пастушкомъ. Я увѣрена, что это именно то самое дерево,—повторила она, снова указывая на большую оливу, и ясная улыбка опять освѣтила ея лицо.—А роща была вотъ тутъ, и народъ сбѣгался вотъ отсюда изъ деревни, которая тамъ, на утесѣ.—Она показала рукой на Нэми.

Мэнистей снова былъ польщенъ, и польщенъ тѣмъ болѣе, что дѣвушка, очевидно, не имѣла ни малѣйшаго намѣренія ему льстить, а просто отдавалась удовольствію собственной мысли. Онъ продолжалъ идти рядомъ съ нею, заглядывая въ ниши и минутами развивая передъ ней нѣкоторыя изъ тѣхъ мыслей и фантазій, которыя зародились въ его головѣ во время этихъ зимнихъ посѣщеній Нэми, которыя они совершили вмѣстѣ съ Элиноръ.

Послѣдняя медленно шла позади, наблюдая за собирательницами земляники.—Имъ слѣдовало бы быть здѣсь съ ближайшимъ поѣздомъ, приблизительно черезъ часъ,—думала она про себя, испытывая въ душѣ глубокое уныніе.—Какъ это глупо со стороны Реджи.

Когда она подняла глаза, то взору ея представились Мэнистей и Льюси, продолжавшіе идти рядомъ; онъ разсказывалъ ей что-то, она обратила къ нему свое сіяющее юное лицо, а ея бѣлое платье казалось такимъ ослѣпительнымъ въ этомъ яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

Мимолетная мысль, мимолетное ощущеніе стрѣлой пронеслось въ головѣ Элиноръ. Она даже вскрикнула внутренно—это былъ крикъ отчаянія. Ей казалось, что озеро разступается передъ ней.

VIII.

Они устроились со своимъ чаемъ въ тѣни зданія фермы которое состояло изъ чердака въ верхнемъ этажѣ и изъ большой темной комнаты внизу, гдѣ были составлены плоскія земляничныя корзины, уже наполненныя ягодами, приготовленными для рынка.

Льюси находила маленькій фестиваль очаровательнымъ, хотя, собственно, все развлеченіе заключалось въ томъ, что онѣ составляли аудиторію для Аристодемо и Мэнистея. Красивый

и смѣлый юноша, вызванный на разговоръ англійскимъ господиномъ, разошелся и, о чудо! вмѣсто простого крестьянина передъ ними оказался художникъ и знатокъ. Не извѣстно ли ему чего объ этихъ углубленіяхъ и развалинахъ?—Еще бы, да Аристодемо знаетъ рѣшительно все! И онъ принялся болтать имъ, выказывая изумительныя знанія и проницательность, и болталъ около получаса. Сдержанность, добродушіе, хорошія манеры—всѣмъ этимъ онъ обладалъ безусловно. Легко можно было замѣтить, что онъ былъ сыномъ старинной расы, выработанной цѣлыми столѣтіями городской цивилизованной жизни.

Аристодемо не лишенъ былъ, правда, нѣкотораго хвастовства. Онъ также нашелъ голову статуи, роясь въ огородѣ своего отца.

— Мужскую или женскую? — спросила м-съ Бургоинъ. — Женскую.—И красивую?—Самую красивую, какую только когда либо видали. — И вполнѣ сохранившуюся? — Совершенно.—И даже съ уцѣлѣвшимъ носомъ, напримѣръ?—Аристодемо презрительно встряхнулъ головой. — Ну разумѣется, съ носомъ! Неужели синьоры могутъ предполагать, чтобы онъ обратилъ вниманіе на безносое существо?

Тутъ онъ поднялся и, улыбаясь, сдѣлалъ знакъ Льюси и Элиноръ, чтобы онѣ шли за нимъ. Онѣ послѣдовали черезъ большую проходную комнату, гдѣ въ полусвѣтѣ алѣла земляника въ своихъ плоскихъ корзинахъ, и поднялись по лѣстницѣ со скрипучими ступенями на чердакъ. Тутъ, на полу стоялъ старый ящикъ, а въ ящикѣ лежало нѣсколько десятковъ головъ и разныхъ обломковъ—мелкая терракотта, которую крестьяне каждую зиму выпахиваютъ плугами или выкапываютъ между оливковыми деревьями. Изящныя женскія фигурки, головки Артемидъ въ коронахъ, головы крылатыя или покрытыя фригійскими шапками, медальоны съ портретами дѣвушекъ или дѣтей съ тонкими профилями и еще настолько сохранившіяся, что казалось, будто художникъ совсѣмъ недавно, а не двадцать два столѣтія тому назадъ коснулся ихъ послѣдній разъ своимъ рѣзцомъ.

Льюси, въ порывѣ восхищенія, склонилась надъ этимъ ящикомъ и молча съ блестящими глазами перевертывала въ рукахъ эти вещицы.

— Вы бы желали ихъ имѣть?—спросилъ Мэнистей, который послѣдовалъ сюда за дамами и остановился около нея съ сигарой въ рукахъ.

— Ахъ, нѣтъ!—сказала Льюси поспѣшно и поднимаясь въ смущеніи.—Пожалуйста, не пріобрѣтайте ихъ для меня.

— Пойдемте отсюда!—сказала Элиноръ, смѣясь:—никогда не слѣдуетъ вмѣшиваться между покупателемъ и продавцомъ.

И дѣйствительно, въ эту минуту показался „padrone“; Мэнистей отослалъ дамъ внизъ, и торгъ начался.

Когда, десять минутъ послѣ этого, онъ спустился съ лѣстницы, у него въ одной рукѣ была маленькая корзиночка, которую онъ поднесъ Льюси, а другую руку онъ протянулъ Элиноръ. Въ этой рукѣ были только два осколка, но высочайшей цѣнности: одинъ — изящная головка Артемиды въ коронѣ Цибелы, а другой — простая маска лица отъ лба до подбородка, драгоцѣнный образецъ тончайшей греческой работы.

Элиноръ приняла ихъ съ восторгомъ и произнесла надъ ними свой судъ. Высказанныя ею замѣчанія свидѣтельствовали объ ея вкусѣ и знаніи. Она бросила ихъ слегка, безъ малѣйшей тѣни педантизма, но Мэнистей едва обратилъ на нихъ вниманіе. Онъ поспѣшилъ къ Льюси Фостеръ, робкая, искренняя благодарность которой и опасеніе, не истратилъ ли онъ слишкомъ много денегъ, а также и то, что она открыто возстала противъ его любезности — все это, очевидно, являлось для него привлекательнымъ. Онъ постарался увѣрить ее, что пріобрѣлъ корзинку за самые пустяки. Они помѣстились на скамьѣ позади дома и принялись разсматривать эти осколки, причемъ онъ давалъ различныя объясненія, а изъ тѣхъ коротенькихъ замѣчаній, которыя Льюси временами вставляла отъ себя, онъ не могъ не заключить, что она получила прекрасное воспитаніе у своего стараго дяди-кальвиниста. Греческая и латинская окраска этого воспитанія, которая казалась такой отталкивающей издали, представлялась совершенно въ иномъ видѣ теперь, кегда, благодаря ей, онъ могъ дать волю своему краснорѣчію въ этой бесѣдѣ о классическомъ искусствѣ; благодаря ей же, безъ сомнѣнія, она такъ цѣнила произведенія этого искусства: лицо ея носило трогательное выраженіе признательности, которое къ ней такъ шло. Въ концѣ концовъ, эта пуританская чопорность лежала, быть можетъ, только на поверхности. И какъ много подалась она уже подъ уроками Элиноръ! Онъ даже испытывалъ желаніе взять эти уроки на себя, самому испробовать эту прославленную гибкость натуры американскихъ женщинъ.

Этимъ временемъ Элиноръ прошла немного впередъ, по дорожкѣ, ведущей къ Генцано, которая извивалась отъ виллы Сфорца Цезарини до „Giardino“ и то виднѣлась, то исчезала за изгибами берега.

Внезапно до Мэнистея и Льюси долетѣло ея восклицаніе:

— Наконецъ-то! И о чемъ только думалъ Реджи?

— Идутъ?—спросилъ Мэнистей.

— Да, благодареніе Создателю. Очевидно, они пропустили

первый поѣздъ. Но теперь вотъ всѣ четверо спускаются съ холма—два господина и двѣ лэди. Я увѣрена, что одинъ изъ нихъ Реджи.

— Ну, для практическаго человѣка онъ не особенно-то отличился на этотъ разъ,—замѣтилъ Мэнистей, закуривая другую сигару.

— Теперь я ихъ больше не вижу,—они скрылись за тѣмъ поворотомъ. Минутъ черезъ десять они, я думаю, будутъ здѣсь. Эдвардъ! Остается какъ разъ достаточно времени, чтобы осмотрѣть то ущелье, пока они будутъ пить чай! Такимъ образомъ, мы уже покончимъ—осмотримъ все, рѣшительно все до послѣдняго въ этомъ миломъ Нэми! Кто знаетъ, увидимъ-ли мы его опять?

Она говорила веселымъ тономъ, но, быть можетъ, помимо ея воли, въ ея голосѣ звучала скорбная нота. Льюси виновато опустила глаза и внутренно горячо желала не быть здѣсь въ эту минуту. Но Мэнистей воспротивился.

— Вы очень устанете, Элиноръ: это гораздо дальше, нежели вы думаете, а теперь очень жарко.

— Ахъ, нѣтъ, это совсѣмъ не далеко; а солнце уже такъ скоро будетъ садиться. Вы, вѣдь, не станете бояться? Они сейчасъ же будутъ здѣсь,—сказала она, обращаясь къ Льюси.— Я увѣрена, что это они.

— Пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ! — воскликнула Льюси,—я буду чувствовать себя прекрасно. Поставлю опять чайникъ на огонь и приготовлю все для нихъ. Аристодемо меня постережетъ.

Элинoръ обратилась къ Мэнистею.

— Пойдемте,—сказала она.

На этотъ разъ она скорѣе приказывала, нежели просила. Во всей ея осанкѣ была какая-то изящная величавость,—ея полутраурное платье, сѣрое съ чернымъ, ея темная шляпка, жестъ ея руки, выражавшій такъ много,—всѣ эти признаки воспитанія, соціальнаго положенія и опыта такъ отличали ее отъ Льюси съ ея очаровательной незрѣлостью...

Мэнистей нелюбезно поднялся. Когда онъ такимъ образомъ слѣдовалъ за своей кузиной вдоль узенькой тропинки, пролегающей между земляничныхъ бороздъ, выраженіе его лица не было пріятнымъ. Если бы Элинoръ оглянулась, она, быть можетъ, упала-бы духомъ... но она спѣшила впередъ.

Льюси, оставшись одна, поставила разогрѣвать воду и стала приготовлять свѣжій чай, между тѣмъ, какъ Аристодемо со своимъ товарищемъ отошли въ тѣнь и, прислонившись къ стѣнѣ, болтали между собою. Голоса Элинoръ и Мэнистея постепенно затихли въ рощицѣ, позади „Giardino". Но голоса со стороны Генцано, наоборотъ, стали прибли-

жаться. Было четверть шестого. Имъ оставалось мало времени, чтобы отдохнуть и напиться чаю; а затѣмъ сейчасъ же придется ѣхать въ обратный путь на виллу, гдѣ миссъ Мэнистей ожидала все общество обѣдать къ восьми часамъ. Былъ-ли это голосъ мистера Бруклина? Льюси не могла видѣть приближающихся, но ей былъ слышенъ ихъ разговоръ на узкой заросшей тропинкѣ, ведущей отъ озера къ развалинамъ.

Какъ странно! четыре особы вступили, наконецъ, въ „Giardino", продолжая шумно смѣяться и говорить, но Льюси не узнавала никого!

Оба господина, изъ которыхъ одинъ по росту и фигурѣ несомнѣнно походилъ на м-ра Бруклина, были ей совершенно незнакомы, и она была также увѣрена, что обѣ эти лэди, полныя и немолодыя, не имѣли ничего общаго съ м-съ Эліотъ, замужней сестрой м-ра Реджи, ни съ дочерью посланника. Она смотрѣла на нихъ съ удивленіемъ. То были англичане-туристы, повидимому, изъ Фраскати, судя по ихъ разговорамъ. Они очень спѣшили. Прогулка задержала ихъ долѣе, нежели они предполагали, а времени у нихъ оставалось немного. Они бросали небрежные взгляды на стѣну съ нишами и на навѣсъ съ корзинами земляники, и Льюси слышала, какъ они, между прочимъ, замѣтили, что „смотрѣть тутъ рѣшительно не на что и идти такъ далеко не стоило труда". Затѣмъ они прошли дальше, бросивъ мимоходомъ нѣсколько любопытныхъ взглядовъ на эту одинокую англійскую барышню съ чайнымъ приборомъ; мужчины при этомъ приподняли шляпы. Наконецъ, и они скрылись изъ вида, и звуки ихъ шаговъ мало-по-малу смолкали въ тишинѣ майскаго вечера.

Оставшись снова одна, Льюси почувствовала себя нѣсколько заброшенной и немного смутилась. Вскорѣ она замѣтила, что всѣ женщины, работавшія въ поляхъ „Giardino", уже ушли домой. Аристодемо и его товарищъ устремились въ догонку за дѣвушками, и вдали слышались ихъ нестройныя восклицанія и смѣхъ, перемѣшанные съ другими голосами, пѣвшими „Ave Maria"... То пѣли женщины и дѣвушки, которыя, взявшись за руки, поднималась по извилистой тропинкѣ къ Нэми.

Вечерняя тишина, подобно кроткой, но неудержимой волнѣ, постепенно наполняла собою это обширное углубленіе. Время отъ времени голоса крестьянъ, возвращавшихся по домамъ, доносились съ невидимыхъ дорожекъ, но потомъ все затихало снова. Лучи заката, проливавшіеся съ Кампаньи, ударяли въ окна высоко расположенныхъ домовъ Нэми, и окна эти пылали, какъ зарево, на этомъ утесѣ. „Ave Maria,

gratiae plena"—теперь эта пѣснь звучала уже далеко и такъ нѣжно, такъ красиво! Пѣвицы, очевидно, приближались уже къ своимъ домамъ въ томъ горномъ мѣстечкѣ.

Льюси оглянулась кругомъ: никого въ „Giardino", никого въ окружающихъ поляхъ, никого по дорогѣ въ Генцано. Она, повидимому, была совершенно одна. Оба ея компаньона, правда, должны быть гдѣ-нибудь недалеко, и мальчики тоже, безъ сомнѣнія, вернутся за корзинами, но въ данную минуту не было видно и слышно ни души.

Солнце скрылось за холмами Генцано, и въ воздухѣ моментально похолодѣло. Она ощущала эту свѣжесть одновременно съ чувствомъ какой-то усталости. Быть можетъ, тутъ по близости свирѣпствовали лихорадки? Потому-то, вѣроятно, всѣ жилища и были выстроены на возвышенности, исключая домика рыбака на полпути къ Генцано. Льюси поднялась и стала искать свою накидку, но м-ръ Мэнистей въ разсѣянности унесъ ее на своей рукѣ. Затѣмъ она стала укладывать чайный приборъ... Что такое случилось съ этимъ обществомъ изъ Рима?

Очевидно, прошло больше часа. Быть можетъ этотъ подъемъ къ весеннему источнику занялъ у нихъ болѣе времени, нежели они ожидали. Какъ быстро погасалъ день, этотъ роскошный итальянскій день, который такъ спѣшилъ поскорѣе исчезнуть, требуя себѣ всего, или ничего!

Дѣвушкой начало овладѣвать смутное безпокойство и страхъ. Правда, она привыкла бродить одна вокругъ альбанскаго озера и завязывать дружбу съ деревенскими жителями. Но во всякомъ случаѣ „carabinieri" не стерегли бы такъ тщательно здѣшнихъ дорогъ, если бы на нихъ все было такъ же покойно, какъ въ Вермонтѣ, или Миддльсексѣ, а среди англійскихъ туристовъ и даже среди самого народа не ходило бы столько тревожныхъ разсказовъ. Вѣдь вотъ, не прошло и мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ экипажъ съ какими-то германскими „royalties" былъ остановленъ и ограбленъ замаскированными крестьянами на дорогѣ къ „Rocca di Papa". А всего день тому назадъ одинъ римскій старожилъ разсказывалъ ей, что, отправляясь гулять по этимъ тропинкамъ вокругъ озера, онъ всегда освобождаетъ свои карманы отъ денегъ и нагружаетъ ихъ сигарами для того, чтобы здѣшніе угольщики только любили его, но не грабили. И потомъ, когда нѣкоторые ихъ друзья ѣздили въ Кори и Нинфа, то ихъ всю дорогу сопровождали конные полицейскіе.

Всѣ эти разсказы мало дѣйствовали на нее, когда она бродила при дневномъ свѣтѣ по дорогамъ, пролегающимъ близъ виллы; но теперь она была совсѣмъ одна, приближалась ночь, и мѣсто ей казалось такимъ пустыннымъ. Разумѣется, они

сейчасъ же вернутся! Не пойти-ли ей къ нимъ навстрѣчу? Это просто жара и утомленіе нѣсколько разстроили ей нервы—вотъ и все. А быть можетъ также, невѣдомо для нея самой, всѣ эти новыя впечатлѣнія и волненія привели въ возбужденное состояніе эту необыкновенно стойкую и замкнутую натуру.

Она примѣтила дорожку, по которой они отправились, и сама направилась вдоль нея. Дорожка эта оказалась очень крутой, каменистой и темной отъ нависшихъ надъ нею деревьевъ. Льюси осторожно пробиралась по ней, окликая повременамъ своихъ товарищей. Но вотъ, послышались шаги и звуки подковъ. Она взглянула вверхъ и увидала двухъ нагруженныхъ муловъ, а съ ними двухъ рослыхъ молодцовъ, которые пробирались внизъ по этой скалистой тропинкѣ. Свернуть было рѣшительно некуда, и она прошла мимо нихъ насколько возможно скорѣе. Тѣмъ не менѣе они остановились и посмотрѣли на нее—на эту элегантную лэди въ ея бѣломъ платьѣ, которая была тутъ одна. Потомъ они пошли дальше, послѣ чего она почувствовала облегченіе, тѣмъ болѣе, что при ней не было ни денегъ, ни сигаръ.

Но тутъ внезапно позади нея раздался скрипъ шаговъ и, когда она обернулась, то увидала одного изъ погонщиковъ, который протягивалъ руку.

— Signora! Un soldino!

Она пошла быстрѣе и отрицательно покачала головой.

— Non ho niente! Niente.

Онъ слѣдовалъ за нею, продолжая просить, причемъ въ его жалобномъ голосѣ начинали звучать болѣе дерзкія ноты. Льюси пошла еще скорѣе. Но тутъ внезапно послѣдовало молчаніе, и шаги затихли; она рѣшила, что ему надоѣло ее преслѣдовать и онъ вернулся назадъ къ тому мѣсту, гдѣ остался дожидаться его товарищъ съ мулами. Но вдругъ, гдѣ-то въ сторонѣ послышалось движеніе. Льюси съ легкимъ крикомъ подняла руку. Что-то ударило ее въ щеку... опять!—другой камень попалъ ей по рукѣ. Кровь полила изъ ранки. Она бросилась бѣжать, спотыкаясь въ темнотѣ и съ ужасомъ думая о томъ, какъ она будетъ защищаться, если они вернутся и аттакуютъ ее вдвоемъ. Къ счастью, дорожка дѣлала поворотъ, и ея бѣлое платье не могло уже представлять для нихъ мишени. Она продолжала бѣжать, какъ вдругъ различила отверстіе въ низкой оградѣ, окаймлявшей тропинку, а какъ разъ надъ ней группу фиговыхъ деревьевъ... Она бросилась туда и притаилась между ними. Этотъ ушибъ, это одиночество, мучительное сознаніе жестокости къ ней этихъ парней — все это подняло рыданье въ ея груди. Зачѣмъ товарищи оставили ее?... это было не лю-

безно съ ихъ стороны! Слѣдовало-ли имъ ее покидать, пока не убѣдятся, что люди, шедшіе по дорогѣ, были именно тѣ, которыхъ они ожидали? Щека, казалось, была только слегка оцарапана, но на рукѣ былъ глубокій порѣзъ. Она туго перевязала ее своимъ носовымъ платкомъ, но кровь скоро опять закапала на ея хорошенькое нарядное платье. Не зная, что дѣлать, она сорвала нѣсколько молодыхъ фиговыхъ листковъ и приложила ихъ къ ранѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, Мэнистей и Элиноръ торопливо спускались по той же тропинкѣ. Подъемъ оказался гораздо длиннѣе и болѣе труденъ, нежели полагалъ даже Мэнистей и они потеряли счетъ времени за разговоромъ у источника Эгеріи—разговоромъ, послѣ котораго они возвращались къ Льюси совсѣмъ иными существами, стоявшими совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Что должно было означать это дурное настроеніе Мэнистея и эта блѣдная улыбка на лицѣ Элинóръ, которая придавала ей еще болѣе хрупкій видъ, чѣмъ когда-либо?

— Слышали вы этотъ крикъ?—сказалъ Мэнистей, останавливаясь.

Крикъ повторился, и оба они узнали голосъ Льюси Фостеръ, который исходилъ откуда-то совсѣмъ близко отъ нихъ, изъ густо-заросшаго склона, поднимавшагося надъ тропинкой. Мэнистей окликнулъ въ свою очередь и побѣжалъ впередъ, потомъ остановился, прислушался снова, снова окликнулъ и вдругъ увидалъ тутъ, у самой дорожки, одѣтую въ бѣлое, дрожащую дѣвушку, которая пробиралась, опираясь о камни стѣны и съ перевязанной рукой, которую она держала передъ собою, чтобы кровь не капала ей на платье.

Мэнистей поднялся къ ней въ страшномъ смущеніи.

— Что случилось? Какимъ образомъ вы здѣсь? Гдѣ остальные?

Она отвѣтила вскользь, затѣмъ прибавила, дѣлая слабую попытку улыбнуться:

— Если бы вы могли дать мнѣ что-нибудь... — чѣмъ бы перевязать вотъ это!

— Элиноръ! — прогремѣлъ голосъ Мэнистея сверху дорожки. Затѣмъ онъ принялся съ отчаяніемъ шарить въ собственныхъ карманахъ, но вспомнилъ, что какъ разъ передъ уходомъ завернулъ въ свой платокъ драгоцѣнную терракоту Элиноръ и сверточекъ этотъ положилъ въ корзинку миссъ Фостеръ, а всѣ эти вещи, вѣроятно, находятся тамъ внизу, вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ.

Элиноръ тоже поднялась къ нимъ.

— Зачѣмъ мы ее оставили?—запальчиво воскликнулъ Мэнистей, обращаясь къ своей кузинѣ.—То были вовсе не

Реджи со своей компаніей. На нее напалъ кто-то изъ этихъ животныхъ, деревенскихъ жителей. Смотрите, какъ течетъ кровь!

Что-то въ тонѣ его голоса вызвало неловкое чувство въ великодушной душѣ Льюси, даже несмотря на ея слабость.

— Это пустяки,—сказала она.—Какъ вы могли бы этому помѣшать? Все это такъ глупо съ моей стороны. Я такая сильная, и вдругъ какой-то порѣзъ или просто царапина вызываютъ во мнѣ слабость. Если бы только можно было остановить кровь то я чувствовала бы себя отлично.

Элиноръ наклонилась, чтобы посмотрѣть рану, насколько это позволялъ свѣтъ, и стала ощупывать руку своими пальчиками, холодными, какъ ледъ. Мэнистей слѣдилъ за ней съ безпокойствомъ. Онъ очень цѣнилъ ея искусство въ уходѣ за больными.

— Кровь скоро остановится; намъ слѣдуетъ только покрѣпче перевязать руку.

Изъ оказавшагося на лицо лишняго платка и длиннаго кисейнаго шарфа, который она сняла у себя съ шеи, Элиноръ тотчасъ же сдѣлала возможно лучшую перевязку.

— Бѣдное мое платье,—сказала Льюси, полусмѣясь, полупечально.—Что скажетъ мнѣ за это Бенсонъ?

М-съ Бургоинъ, казалось, не слыхала ея словъ.

— Теперь намъ нужна перевязь,—сказала она, говоря сама съ собою, и сняла легкую шелковую шаль, которая была накинута у ней на плечахъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не дѣлайте этого,—проговорила Льюси:—становится такъ холодно!

И тутъ только оба они замѣтили, что она дрожала съ головы до ногъ.

— Боже мой!—воскликнулъ Мэнистей, обращая взглядъ на нѣчто, висѣвшее у него на рукѣ.—А я еще унесъ съ собою ея накидку! Какой милый способъ заботиться о васъ!

Между тѣмъ Элиноръ, не смотря на увѣщанія Льюси, обратила свою шаль въ перевязь. Мэнистей, съ своей стороны, не сдѣлалъ на это никакихъ возраженій. Когда рукѣ была, наконецъ, дана надлежащая поддержка, Льюси съ помощью большихъ усилій воли, пріободрилась и объявила, что можетъ идти теперь совсѣмъ хорошо.

— Но намъ, вѣдь, предстоитъ вся эта дорога вокругъ озера, чтобы попасть въ Генцано,—сказалъ Мэнистей,—или же надобно подняться по этой крутизнѣ къ Нэми. Элиноръ, будетъ-ли она въ состояніи это сдѣлать?

— Дайте ей попробавать,—сказала Элиноръ.—Это самое лучшее. А теперь пускай она возьметъ вашу руку.

Льюси взглянула на м-съ Бургоинъ.—Благодарю васъ! Благодарю! Ахъ, сколько безпокойства я вамъ доставляю!

Она протянула свою здоровую руку, но м-съ Бургоинъ какъ будто слегка отстранилась, и руку эту принялъ м-ръ Мэнистей, продѣвъ ее подъ свою.

Они медленно стали спускаться и, какъ только выступили изъ густой темноты дорожки на открытое пространство „Giardino", въ смѣшанное освѣщеніе вечерней зари и луннаго свѣта, то услыхали голоса, которые заставили ихъ остановиться въ недоумѣніи.

— Реджи!—проговорилъ Мэнистей, — и Ниль съ нимъ! Слышите, Боже мой! это они, безъ сомнѣнія.

И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ полусвѣтѣ, позади фермы, столпившись вокругъ чайныхъ корзинокъ, смѣясь и весело болтая съ Аристодемо, находилась вся пропадавшая компанія—обѣ лэди и оба господина, а немного въ сторонѣ человѣкъ держалъ подъ уздцы бѣлую лошадь подъ дамскимъ сѣдломъ.

Мэнистей окликнулъ новоприбывшихъ. Они обернулись и, увидѣвъ идущихъ, закричали отъ радости.

— Ну,—воскликнулъ Реджи, всплескивая руками при видѣ Мэнистея и шагая черезъ земляничныя гряды къ нему навстрѣчу:—вотъ, скажу я вамъ, путаница-то! Есть ли на свѣтѣ другая такая страна? Никогда больше не скажу ни единаго слова въ ея защиту. По случаю мая мѣсяца все росписаніе на этой проклятой дорогѣ было измѣнено, и никого не предупредили! А старые поѣзда были всѣ пропечатаны по обыкновенію; какой-то несчастный добавочный листокъ запрятали Богъ знаетъ куда, гдѣ никто не могъ его видѣть и, разумѣется, не видалъ. Къ 2 ч. 45 м. станція полна народа! Одинъ изъ поѣздовъ отмѣненъ, и до 4 ч. 45 м. ничего! Никогда въ жизни не видывалъ подобнаго безпорядка! И при этомъ „capostazione" грубъ, до послѣдней степени...—Но, скажите, Бога ради! Что такое случилось?

Онъ сразу остановился передъ ними.

— Мы все вамъ разскажемъ, милый другъ,—сказалъ Мэнистей рѣшительно;—но теперь помогите намъ доставить миссъ Фостеръ домой. Какое счастье, что вы догадались привести лошадь.

— Какъ!.. я привелъ ее для м-съ Бургоинъ,—проговорилъ молодой человѣкъ въ удивленіи и оглядываясь на свою кузину.—Мы застали экипажъ у воротъ Сфорца Цезарини, гдѣ онъ васъ дожидается, и кучеръ сказалъ намъ, что вы запоздали на цѣлый часъ противъ назначеннаго времени... Ну, вотъ, я и подумалъ, что Элиноръ, вѣроятно, смертельно уста-

нэтъ, и отправился къ тому человѣку, вы помните, у котораго мы раньше брали лошадь.

Но Мэнистей, не слушая, что говоритъ Бруклинъ, поспѣшно провелъ Льюси впередъ; сама же она испытывала такое головокруженіе отъ усталости и потери крови, что положительно не соображала того, что говорилось вокругъ. Реджи въ отчаяніи вернулся къ м-съ Бургоинъ.

— Элиноръ, что такое съ вами случилось? Что за ужасный кошмаръ это сегодняшнее послѣ обѣда! Скажите, ради всего святого, какимъ образомъ пройдете вы весь обратный путь пѣшкомъ? Что это произошло съ миссъ Фостеръ?

— Какой-то дерзкій мальчишка бросилъ въ нее камнемъ, и у нея сильно порѣзана рука. Эдвардъ хочетъ свезти ее въ Генцано, найти тамъ доктора и потомъ вернется съ ней домой. Мы поѣдемъ впередъ и пришлемъ за ними другой экипажъ. Какой вы ангелъ, Реджи, что позаботились о лошади!

— Но я позаботился о ней для васъ, Элиноръ! — сказалъ молодой человѣкъ, глядя съ отчаяніемъ на эту слабую женщину, къ которой онъ питалъ такое искреннее и постоянное расположеніе.—Миссъ Фостеръ сильна, какъ Самсонъ, или, во всякомъ случаѣ, должна-бы быть такою. Что такое она тутъ нашалила?

— Пожалуйста, Реджи, придержите свой языкъ. Вы можете говорить сколько вамъ угодно глупостей, когда мы поставимъ на ноги этого бѣднаго ребенка.

И съ этими словами Элиноръ быстро пошла впередъ. Мэнистей, между тѣмъ, устроилъ примитивную подножку изъ какого-то бревна около фермы, а другія двѣ лэди съ своей стороны помогали сколько могли. М-съ Эліотъ обернула дрожавшую Льюси своей накидкой; изъ кармана м-ра Ниля извлекли фляжку съ „бранди“, затѣмъ добыли еще носовыхъ платковъ, изъ которыхъ сдѣлали новую, болѣе прочную перевязь для руки. Въ концѣ концовъ, Льюси, оскорбленная въ своей американской гордости тѣми хлопотами, которыя она вызывала своей особой, вынуждена была еще покориться и тому, что м-ръ Мэнистей и м-ръ Бруклинъ почти на рукахъ подняли ее, чтобы посадить на лошадь. Очутившись въ сѣдлѣ, она растерянно оглянулась кругомъ.

— Но, вѣдь, эта лошадь назначалась для м-съ Бургоинъ! Ахъ, Боже мой, какъ она устанетъ!

— Не безпокойтесь обо мнѣ, я чувствую себя совершенно бодрой,—проговорилъ голосъ Элиноръ позади нея.

— Элиноръ, не уведете-ли вы ихъ всѣхъ впередъ?—сказалъ Мэнистей нетерпѣливо.—Мы должны везти ее крайне осторожно, избѣгая всякихъ неровностей.

Элиноръ увлекла за собою все остальное общество. Мэни-

стей пошелъ рядомъ съ Льюси. Человѣкъ изъ Генцано повелъ лошадь подъ уздцы.

Когда они прошли съ четверть часа, въ теченіе которыхъ обмѣнивались разъясненіями по поводу путаницы, происшедшей за это послѣ обѣда, Элиноръ опустилась на минуту на траву, чтобы перевести дыханіе. Оглянувшись назадъ, она увидѣла въ отдаленіи, сквозь голубоватую дымку вечерняго тумана, эти двѣ фигуры—бѣлую фигуру женщины на лошади и рядомъ, совсѣмъ близко, заботливо охранявшую ее фигуру мужчины.

Она подавила стонъ, готовый вырваться со дна ея души, внезапно охваченной мучительной тоской. Но она тотчасъ же отвернулась и поспѣшила за всѣми по этой каменистой тропинкѣ съ такой энергіей и торопливостью, которыя вызвали громкій протестъ со стороны Реджи Бруклина. Элиноръ ничего ему не отвѣтила. Кровь въ ея жилахъ стучала съ такой силой, что это потрясало все ея существо. До чего она дошла? Какая перемѣна совершилась въ этой мягкой, всегда полной человѣколюбія натурѣ?

Между тѣмъ Льюси начинала оживать въ освѣжающей прохладѣ вечерняго воздуха. Ей казалось, будто она проѣзжаетъ какимъ-то сказочнымъ царствомъ, съ блѣдно-изумрудными и розоватыми небесами и золотистой землей, гдѣ воздухъ окрашенъ въ опалы и гдѣ повсюду кругомъ, подобно какимъ-то волнамъ, скользятъ голубыя и пурпурныя тѣни, пропитанныя луннымъ сіяніемъ. Гдѣ кончалось озеро и гдѣ начиналась земля?... Все это тонуло въ той же голубой дымкѣ—оливы, фиговыя деревья, красноватая земля, осыпанныя бѣлыми цвѣтами вишни, блѣдно-розовыя миндальныя деревья. А впереди, надъ высокимъ утесомъ, блестѣли огоньки Генцано. И все на этой уединенной тропинкѣ было полно безмолвія, отовсюду лился лѣсной ароматъ; нѣжная жимолость, ослѣпительно бѣлыя орхидеи, высокія и стройныя, обдавали своимъ дыханіемъ эту тропинку. Не смотря на физическую боль и усталость, чувства дѣвушки были полны этой окружающей красотой. Какое-то странное спокойствіе и кротость охватили ея душу.

— Вамъ лучше? — произнесъ голосъ Мэнистея вблизи. Тонъ этого голоса былъ серьезенъ и мелодиченъ. Въ немъ чувствовалась несравненная доброта и нѣжность, которая только еще больше растрогала ея душу.

— Гораздо, гораздо лучше! Кровь почти остановилась. Мнѣ думается, что я умнѣе-бы сдѣлала, еслибы подождала васъ... еслибы я не отправилась блуждать одна по этимъ дорожкамъ?

Въ своей глубоко добросовѣстной душѣ она испытывала

великое раскаяніе во всемъ происшедшемъ. Какую массу безпокойствъ она доставляла! Какъ ея неосторожность испортила этотъ маленькій праздникъ! А бѣдная м-съ Бургоинъ принуждена идти пѣшкомъ всю эту длинную дорогу!

— Да, быть можетъ, это было-бы лучше,—сказалъ Мэнистей.—Въ этомъ народѣ никогда нельзя быть увѣреннымъ. Впрочемъ, и для итальянской лэди не было-бы вполнѣ безопасно прогуливаться одной по какимъ нибудь пустыннымъ дорожкамъ Англіи. Вѣдь и одного разбойника уже совершенно достаточно. Но главное въ томъ, что намъ не слѣдовало васъ покидать.

Она была слишкомъ слаба для того, чтобы протестовать. Между тѣмъ, Мэнистей обратился къ человѣку, который велъ лошадь, и попросилъ его взять немного въ сторону для того, чтобы избѣжать одного каменистаго мѣста дорожки. Вдругъ Льюси, у которой правая рука совершенно застыла отъ холода, выпустила уздечку. Мэнистей быстро подобралъ ее и снова вложилъ въ похолодѣвшіе пальчики; при этомъ движеніи онъ замѣтилъ со страннымъ удовольствіемъ, что и кисть руки и самая рука, хотя не особенно миніатюрныя, были, однако, очень красивой и изящной формы и необыкновенно пропорціональны.

Когда они совершили, наконецъ, этотъ крутой подъемъ къ лѣсамъ Сфорца Цезарини, онъ принудилъ ее немного отдохнуть и повернулъ лошадь такимъ образомъ, чтобы дѣвушка могла сидѣть удобнѣе безъ напряженія.

— Какъ эта исторія съ камнемъ должна была напугать васъ,—сказалъ онъ, сдвигая брови.

— Нѣтъ, нѣтъ, это совершенные пустяки. Ахъ! посмотрите, какая красота!

Восклицаніе это вырвалось у нея невольно, когда, взглянувъ передъ собой, она увидала лѣса, окаймлявшіе юго-восточный берегъ озера, надъ которыми теперь уже окончательно поднялась луна. Озеро, на половину залитое этимъ свѣтомъ, другой своей половиной оставалось еще въ тѣни; кудрявыя рощи на склонѣ Монте-Каво своими прозрачными контурами высились въ безконечной синевѣ вечерняго неба, а внизу цѣлые потоки серебристаго свѣта ударяли въ хижину рыбака, ютившуюся у самаго берега, у котораго нѣкогда глубоко затонули разбитые корабли Каллигулы — драгоцѣнные корабли, которые сосредоточивали на себѣ мечты вотъ уже семидесяти поколѣній нэмійскихъ крестьянъ.

Когда—полчаса передъ тѣмъ—Мэнистей обратилъ ея вниманіе на виднѣвшійся въ полусумракѣ остовъ ближайшаго изъ кораблей, который недавно былъ найденъ и вытащенъ водолазами и лежалъ на краю озера, — то тутъ же съ боль-

шимъ оживленіемъ онъ разсказалъ ей, какъ ему самому за послѣдніе мѣсяцы пришлось видѣть нѣсколько новыхъ трофеевъ, только что извлеченныхъ изъ воды; самымъ драгоцѣннымъ изъ нихъ была бронзовая Медуза, молодая, цвѣтущая, надменно прекрасная, произведеніе самаго благороднаго и самаго тонкаго искусства.

— Кто истребилъ эти корабли и почему, — сказалъ онъ, когда они остановились, глядя внизъ, на озеро, — на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Можно только фантазировать. Они были прихотью чудовища и нагружены несмѣтными богатствами мрамора, металловъ, терракотты, оплаченныхъ вѣроятно потомъ и кровью этой страны. Затѣмъ молодой безумецъ, который ихъ построилъ, былъ убитъ на Палатинскомъ холмѣ. Развѣ вы не видите передъ собою этой жаждущей отмщенія толпы, которая устремляется съ крутизны внизъ къ озеру—какъ она крошитъ, рубитъ эти статуи, эту бронзу—какъ затѣмъ нагружаетъ добычу на свои запряженныя волами колесницы и какъ, наконецъ, вода постепенно наполняетъ и затопляетъ эти разрушенныя суда. Ну вотъ, это должно было происходить здѣсь; озеро поглотило ихъ и, несмотря на всѣ усилія людей эпохи возрожденія, которые опускали на дно водолазовъ, оно крѣпко хранило ихъ до нашихъ временъ. Ни единой строки о нихъ нѣтъ ни въ одномъ сколько нибудь извѣстномъ документѣ. Исторія не знаетъ ничего. Но среди народа разсказъ этотъ передается отъ отца къ сыну. Не было ни одного рыбака на берегахъ этого озера за эти восемнадцать сотенъ лѣтъ, который не пытался-бы достигнуть этихъ кораблей. Всѣ они вѣрили и вѣрятъ до сихъ поръ, что корабли эти заключаютъ въ себѣ несмѣтныя богатства. Но озеро ревниво,—они лежатъ глубоко.

Льюси наклонилась впередъ, пристально всматриваясь въ синеву озера, какъ бы пытаясь увидать, собственными глазами эти призрачные слѣды прошедшаго. Поэтичность разсказа и этого вечера, тихая возбуждающая рѣчь Мэнистея, его блестящіе глаза—глаза поэта—все это невольно дѣйствовало на воображеніе молодой дѣвушки своимъ очарованіемъ; она дышала тихо, но ускоренно. Сквозь это внѣшнее взаимное равнодушіе, Мэнистей внезапно почувствовалъ въ ея темпераментѣ нѣчто сродное своему. И находиться съ ней тутъ, говорить съ ней—казалось ему необыкновенно пріятнымъ.

— Я былъ на берегу,—сказалъ Мэнистей—и наблюдалъ за работой водолазовъ въ тотъ день, когда они выловили Медузу; я имъ помогалъ очищать съ нея водоросли и тину, и она все время смотрѣла на меня своими глазами мегеры, какъ будто горѣла желаніемъ отмстить всѣмъ намъ. Достаточно таки времени имѣла она надъ этимъ подумать — такъ какъ

затонула, быть можетъ, всего лѣтъ десять спустя послѣ распятія Христа, когда Марія еще жила въ домѣ Іоанна.

Голосъ его понизился; казалось, онъ грезилъ и трепетъ пробѣжалъ по всему существу Льюси. Тутъ онъ снова повернулъ лошадь по направленію Генцано, и они продолжали путь въ молчаніи. Она, дѣйствительно, была слишкомъ утомлена для того, чтобы много говорить, но охваченная, такъ сказать, впечатлѣніемъ окружающаго, красотою мѣста и вечера, личностью человѣка, который былъ тутъ около нея, — она какъ бы парила въ какомъ-то чудномъ сновидѣніи, прелесть и интересъ котораго длились безъ конца.

Продолжая путь, они поровнялись съ маленькой часовенкой, стоявшей въ сторонѣ отъ дороги. Подъ ея навѣсомъ, передъ нарисованной на стѣнѣ Мадонной съ младенцемъ, мерцала маленькая лампадка; вся полка передъ этимъ изображеніемъ была усыпана цвѣтами, начинавшими уже слегка увядать. Мэнистей на минуту остановилъ лошадь. Онъ указалъ сперва на часовню, а затѣмъ на чуть замѣтную тропинку къ ней.

— Видите вы эти слѣды, эти обломки? Это остатокъ древней дороги къ храму. Я находился въ компаніи изслѣдователей, когда они несли Медузу и нѣкоторыя другія свои находки по этой дорогѣ мимо часовни. Было уже почти темно. Они не желали, чтобы за ними слѣдили, но я былъ стариннымъ другомъ ихъ распорядителя, и мы шли вмѣстѣ, бесѣдуя. Люди, которые несли эти тяжелыя бронзовыя вещи, порядочно устали. Они поставили свою ношу какъ разъ тутъ, передъ часовней и пошли отдохнуть. Мой товарищъ, желая убѣдиться, все ли въ порядкѣ, подошелъ къ деревяннымъ носилкамъ, раскрылъ Медузу и повернулъ ее къ свѣту отъ лампадки передъ алтаремъ. Вы не можете себѣ представить ничего болѣе страннаго и дикаго, какъ тотъ взглядъ, которымъ она смотрѣла на Мадонну и младенца. „Ахъ! сударыня, сказалъ я ей, міръ принадлежалъ вамъ въ тѣ дни, когда вы изволили потонуть... но теперь онъ принадлежитъ „имъ“. Смирите вашу гордость“. И тутъ мнѣ вдругъ представилось, что-если бы повѣсить ее какъ разъ противъ лампады, снаружи часовни, и потомъ ночью придти внезапно посмотрѣть въ темнотѣ на эту гордую голову со змѣями... какъ станетъ она глядѣть на Христа?

Льюси вздрогнула и улыбнулась.

— Я рада, что Медуза принадлежала не вамъ,—сказала она.

— Почему? Народъ скоро сдѣлалъ бы изъ нея святую и выдумалъ бы о ней легенду. Змѣи превратились бы у него въ орудія пытки, составили бы ея мученическій вѣнецъ. Италія и католичество впитываютъ, усваиваютъ себѣ рѣши-

тельно все... „Santa Medusa“!... увѣряю васъ, что она была бы какъ разъ у мѣста.

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ она услыхала, какъ онъ добавилъ про себя:

— Чудесная, чудесная эта Италія...—Она обернулась на эти слова и даже слегка вскрикнула невольно.

— Но, вѣдь, вы не любите ее! Вы не благодарны къ ней.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ, затѣмъ разсмѣялся задорнымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Есть Италія—и Италія.

— Италія есть только одна! Италія Аристодемо... Италія, гдѣ работаютъ крестьяне.—Льюси обернулась къ нему. Она дышала ускоренно, краска снова появилась на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Италія, которая только что отправила семь тысячъ своихъ сыновъ на бойню въ эту злополучную колонію, потому что ея проголодавшіеся политики должны стяжать себѣ славу и поддержать свое достоинство. Вы ожидаете, чтобы я любилъ подобную Италію?

И въ эту новую милую мягкость его тона — мягкость, которую нельзя было проявлять съ большею утонченностью,— закралась теперь привычная запальчивая нотка, но — осторожная, сдержанная, — въ уваженіе къ ея слабости, къ ея минутной зависимости отъ него.

— Вы могли бы быть къ ней великодушны хотя бы на прощанье,—ради ея прошлаго.

Она дрожала слегка отъ напряженія, которое дѣлала надъ собой, чтобы говорить, и онъ замѣтилъ это.

— Не надобно преній на сегодня—сказалъ онъ, улыбаясь.— Подождите, пока вы не наберетесь для этого силъ, а тогда я уже надѣюсь васъ переспорить. Быть можетъ, вы полагаете, что я не знакомъ со всей этой партизанской литературой, которую вы поглощаете?

— Всегда слѣдуетъ выслушать и другую сторону.

— Развѣ я уже такъ много говорилъ вамъ о первой?—Они оба разсмѣялись. Затѣмъ онъ пожалъ плечами и заговорилъ съ внезапнымъ одушевленіемъ:

— Что вы за нація революціонеровъ тамъ, въ Америкѣ! Хотѣлось бы мнѣ знать, что должна испытывать нація, не имѣющая ни прошлаго, ни традицій.

— Какъ?—воскликнула Льюси: — да мы всѣ созданы изъ традицій.

— Традиція бунта и своеволія не есть традиція,—сказалъ онъ вызывающимъ тономъ. — Подчиненіе индивидуальнаго цѣлому,—вотъ о чемъ вы не имѣете ни малѣйшаго понятія.

— Мы узнаемъ это, когда захотимъ. Но это будетъ сознательное подчиненіе, взятое на себя добровольно.

— Только священники, конечно, не допускаются?.. О! ужъ будутъ они у васъ—наживете вы своихъ священниковъ! Ни одна современная нація не можетъ безъ нихъ существовать.

Они поспорили еще немного. Затѣмъ воинственный духъ Льюси какъ-то мгновенно исчезъ. Она пристально всматривалась впередъ, чтобы убѣдиться, какъ близко они были отъ Генцано. Мэнистей подошелъ къ ней ближе.

— Глупости мои развеселили или наоборотъ утомили васъ?—спросилъ онъ совсѣмъ другимъ голосомъ. — Но, право, я имѣлъ единственное намѣреніе васъ позабавить. Чу! Слышите вы этотъ звукъ?

Они остановились. Надъ собою, съ правой стороны дорожки, они увидали маленькую ферму, окруженную виноградникомъ. Какая-то темная фигура внезапно устремилась внизъ по крутой дорожкѣ по направленію къ нимъ. За ней слѣдовали другія фигуры, которыя, казалось, старались ее удержать; слышались какіе-то безпорядочные вопли и крики, среди которыхъ выдѣлялась жалобная нота стонущей женщины.

— Ахъ, Боже мой, что это такое?—воскликнула Льюси, всплескивая руками.

Мэнистей сказалъ нѣсколько строгихъ словъ человѣку, державшему лошадь, а затѣмъ побѣжалъ по тому направленію, откуда слышались эти звуки и какая-то неясная борьба.

И что это былъ за крикъ! Онъ раздиралъ душу и совершенно разрушалъ прелесть и спокойствіе вечера. Льюси казалось, что это голосъ какой-то старой женщины, прерываемый другими голосами—грубыми, бранчливыми голосами мужчинъ. О, зачѣмъ же они такъ дурно съ ней обращаются? И дѣвушка уже готова была сойти съ лошади, чтобы идти самой на этотъ вопль.

— No, no, signorina,—сказалъ проводникъ, совершенно спокойно протягивая руку, какъ бы желая ее остановить. Синьоръ воротится немедленно. Это здѣсь случается такъ часто, такъ часто...

И дѣйствительно, почти въ ту-же минуту Мэнистей былъ снова около нея, а тѣ звуки наверху начинали затихать.

— Вы очень испугались?—спросилъ онъ тревожно.—Совершенно не стоило. Какъ странно только, что случилось это именно теперь. Вотъ еще одинъ счетъ, по которому „ваша" Италія должна съ вами расплатиться... „моя" же умываетъ въ этомъ руки.—И онъ объяснилъ, что это кричала несчастная истеричная женщина, жена хозяина этой маленькой фермы; она потеряла двухъ сыновей въ абиссинской войнѣ при этомъ ужасномъ отступленіи отъ Адовы, и съ той поры,

какъ получила эту вѣсть, никакъ не могла придти окончательно въ себя. Какъ только окружающіе ее хоть немного не досмотрятъ за нею, она бросается съ утеса внизъ ко всѣмъ проѣзжимъ и начинаетъ умолять, чтобы за нее заступились передъ правительствомъ, — чтобы ей отдали ея сыновей и, главное, Нино — ея младшаго сына и любимца. Она все повторяетъ, что это невозможно, чтобы она потеряла обоихъ, что святая Дѣва этого никогда бы не попустила... Несчастная!— она бросилась къ моимъ ногамъ и все выкрикивала, сколько она поставила восковыхъ свѣчей и сколько молитвъ принесла Богородицѣ... и тутъ же примѣшивались какія-то проклятія по адресу „Guverno". Я помогъ сыновьямъ отнести ее въ домъ. Они относятся къ ней съ большой добротой.

Льюси отвернулась, и они продолжали свою дорогу. Она дѣлала всѣ усилія, чтобы овладѣть собою, но ея обычное самообладаніе ослабѣло, и этотъ крикъ отчаянія продолжалъ ее преслѣдовать. Нѣсколько тихихъ слезъ скатились у нея по щекамъ... Она думала, она надѣялась, что ихъ никто не замѣтитъ.

Но Мэнистей замѣтилъ эти слезы. Онъ не подалъ ни малѣйшаго вида, но тотчасъ же началъ говорить о другихъ вещахъ и совершенно въ иномъ духѣ. Несмотря на обычную насмѣшливую подкладку его рѣчи, она не могла въ данную минуту не чувствовать той новой, утонченной нѣжности, которую онъ проявлялъ по отношенію къ ней; казалось, она относилась одновременно какъ къ ея физической усталости, такъ и къ тому тяжелому впечатлѣнію, которое долженъ былъ вызвать въ ней только что происшедшій случай. Ея внезапныя слезы—слезы усталаго ребенка,—и это деликатное чувство съ его стороны, равно какъ все путешествіе вообще, положили между ними какое-то новое отношеніе, какую-то связь, которую оба они сознавали и поддавались ей съ смутнымъ и робкимъ удовольствіемъ.

Для Мэнистея, когда она такимъ образомъ сидѣла тутъ, высоко надъ нимъ, на сѣдлѣ, слегка наклоняясь къ нему, — для Мэнистея въ этой общей физической и моральной свѣжести и чистотѣ ея присутствія заключалось какое-то совсѣмъ новое ощущеніе, которое самымъ страннымъ образомъ начинало закрадываться въ его душу. Казалось, что теперь исчезли нѣкоторыя преграды, зарождалась какая-то симпатія, не зависѣвшая отъ разницы лѣтъ и національностей, отъ національныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ ихъ обоихъ. Какъ это случилось, что она такъ полюбила его книгу о Палестинѣ? Ему начинало казаться, будто онъ какимъ-то таинственнымъ образомъ бесѣдовалъ съ нею вотъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ, быть можетъ, съ самаго начала ея нѣжной незрѣлой юности.

Затѣмъ, даже сквозь все свое безграничное себялюбіе, онъ внезапно ощутилъ всю непростительную сторону своего поведенія. Цѣлыхъ пять недѣль провела она съ ними на виллѣ а черезъ двѣ недѣли имъ всѣмъ предстояло разбрестись въ разныя стороны, и — какъ воспользовался онъ временемъ, проведеннымъ съ нею! Какимъ добрымъ, какимъ любезнымъ, какимъ проницательнымъ выказалъ онъ себя!

Однако, вызванное этимъ сознаніемъ непріятное чувство вскорѣ изгладилось подъ наплывомъ того новаго неожиданнаго импульса, который такъ властно возвращалъ его къ молодости. Съ нетерпѣніемъ и вмѣстѣ со страстью, отвергая всякія другія узы и права, онъ отдался этому процессу изученія и распознаванія, который, такъ сказать, составляетъ главную суть высшихъ отношеній между мужчинами и женщинами и неизбѣжно заканчивается или любовью, или трагедіей.

Они нашли ожидавшій ихъ экипажъ у воротъ Сфорца Цезарини, и въ немъ м-съ Эліотъ, любезную сестру Реджи Бруклина. Льюси повели къ доктору, и онъ перевязалъ ей рану. Часовъ около девяти она снова была подъ кровлею виллы. Миссъ Мэнистей встрѣтила ее съ соболѣзнованіями и разспросами, но Льюси, едва державшаяся на ногахъ, была черезъ чуръ утомлена, чтобы даже хорошенько разслышать ея слова. Это яркое освѣщеніе, этотъ безпорядочный говоръ, среди которыхъ она очутилась, и всѣ эти соболѣзнованія и заботы окончательно ошеломили дѣвушку, и ее поспѣшили увести и уложить въ постель.

М-съ Бургоинъ не послѣдовала за нею. Она ожидала въ библіотекѣ мистера Мэнистея и, когда онъ показался въ дверяхъ, она тотчасъ же пошла къ нему на встрѣчу.

— Эдвардъ, я имѣю сообщить вамъ одну непріятную вѣсть.

Онъ сразу остановился.

— Сестра ваша Алиса будетъ здѣсь завтра.

— Сестра моя?.. Алиса?—повторилъ онъ, будто не довѣряя.

— Она телеграфировала сегодня утромъ, что ей нужно съ вами повидаться. Тетя Патти спрашивала моего совѣта. Въ телеграммѣ не было выставлено никакого адреса... просто говорилось, что она пріѣзжаетъ завтра... на два—на три дня.

Мэнистей широко раскрылъ глаза отъ ужаса; но затѣмъ, засунувъ руки въ карманы, принялся быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Когда пришло это извѣстіе?

— Сегодня утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ.

— Элиноръ! Почему же вы этого не сообщили мнѣ?

— Я не хотѣла портить вамъ день!—Слова эти были ска-

заны самымъ очаровательнымъ, мелодическимъ голосомъ, на какой только была способна Элиноръ.—И тамъ не стояло никакого адреса,—вы все равно не могли бы ее задержать.

— Я бы уже зналъ, что надо сдѣлать,—сказалъ Мэнистей, въ досадѣ и нетерпѣніи ударяя рукой по столу, около котораго стоялъ.

Элиноръ не стала защищаться. Она только попыталась нѣсколько смягчить его, обѣщая, по обыкновенію, что облегчитъ ему по возможности это угрожающее посѣщеніе. Но на этотъ разъ онъ не обратилъ вниманія на ея уговоры. Онъ продолжалъ сидѣть въ своемъ креслѣ, погруженный въ мрачное раздумье и, когда Элиноръ покончила, наконецъ, съ своими увѣщаніями, у него какъ-бы невольно вырвалось восклицаніе:

— Это несчастное дитя! Послѣ всѣхъ сегодняшнихъ испытаній—и вдругъ, напустить на нее Алису. Я богъ знаетъ что далъ бы, чтобы этого не случилось.

— Вы говорите о миссъ Фостеръ?—сказала Элиноръ небрежно.—О, она это прекрасно перенесетъ.

— Такъ я и зналъ!—воскликнулъ Мэнистей съ внезапнымъ гнѣвомъ.—Мы всѣ ошибались и судили ее самымъ непростительнымъ образомъ. Она въ высшей степени чуткое существо, одаренное самой утонченной душой. Я ни за что въ мірѣ не желалъ бы подвергать ее малѣйшей непріятности.

Въ эту минуту его позвала тетя Патти, и онъ бурно вышелъ изъ комнаты. Элиноръ слегка улыбнулась, глядя ему вслѣдъ,—но какая тусклая, странная была эта улыбка...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ.

Грустятъ поля подъ бурыми снѣгами;
Раздѣтый лѣсъ окованъ мрачнымъ сномъ.
Нѣтъ силъ страдать! Какъ узникъ за стѣнами,
Томится міръ въ затишьи ледяномъ!
И ночь сошла, какъ крышка гробовая...
Вдругъ, странный шумъ раздался въ тишинѣ,
Какъ-будто птицъ неслась большая стая,
Огромныхъ птицъ въ незримой вышинѣ.
Сильнѣй, слышнѣй... Съ тревогою тяжелой
Блуждаетъ взоръ по темнымъ небесамъ...
И первый дождь, какъ молодость, веселый,
Могучій дождь ударилъ по полямъ!
Какъ онъ хлесталъ! Какъ налеталъ онъ шумно,
За строемъ строй кидая звонкихъ стрѣлъ!
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Онъ пѣснь борьбы, не уставая, пѣлъ:
— „Впередъ! Впередъ! Струей животворящей
Упасть на грудь родныхъ лѣсовъ и нивъ,
Лишь мигъ прожить, короткій, но блестящій,
И умереть, великое свершивъ!"...

Всю ночь, гремя, стихіи бушевали...
Подъ утро смолкъ сердитыхъ голосовъ
Неравный споръ; лишь капли лепетали,
Какъ вздохи умирающихъ бойцовъ.
Блеснулъ разсвѣтъ... Гдѣ-жъ бурый снѣгъ? Стыдливо,
Какъ юная невѣста подъ фатой,
Глядитъ земля съ улыбкою счастливой,
И льется трепетъ жизни молодой...

П. Я.

— Вотъ какъ? Такъ вы, значитъ, теперь попали въ надсмотрщики!—громко разсмѣялся машинистъ.

— Какое тамъ: велѣлъ и конецъ. Онъ себѣ гуляетъ гдѣ-нибудь или отсыпается, а ты тутъ мыкайся!..

— Какъ Маркъ въ аду!

Не успѣлъ машинистъ выговорить эти слова, какъ оба они тревожно оглянулись кругомъ и стали отплевываться.

— Тьфу, сгинь и пропади, бѣсовское навожденье!

Послѣ нѣкотораго молчанія Матвѣй возобновилъ разговоръ.

— А пусто-же здѣсь сегодня!

— Еслибы не машина да не кочегаръ, я бы не выдержалъ!—убѣжденно сказалъ помощникъ машиниста.—Тутъ по крайней мѣрѣ хоть машина идетъ себѣ ровно, спокойно... Порой только что-нибудь шепнетъ или вздохнетъ и работаетъ себѣ дальше. Ея жизнь тоже не особенно-то привлекательна: постоянно тяни и тяни,—говорилъ онъ, указывая на блестящую машину, колесо которой вертѣлось съ математической точностью.

— А всетаки у васъ тутъ какъ-то лучше, веселѣе!—тихо сказалъ Бибѣля, вспомнивъ мрачныя, пустынныя штольни.

— Э, теперь еще что!—воскликнулъ машинистъ, довольный этимъ замѣчаніемъ.—Посмотрѣли-бы вы, какъ у насъ шумно, когда разгуляется вода, вотъ когда кипитъ работа! Она свое, а машина свое! Вода бурлитъ, сердится и клокочетъ, а машина только вздохнетъ иногда, и опять за дѣло! Знаете, она справится съ чѣмъ угодно!—Говоря это, онъ ласково погладилъ рукою машину, съ гордой и самодовольной улыбкой.

— Какъ не справиться такой силищѣ!—сказалъ Матвѣй, посматривая на огромный котелъ и мощные, ритмическіе взмахи маховика.

— Ваша правда, Бибѣля,—сказалъ машинистъ, улыбаясь съ сознаніемъ своего достоинства.—Вотъ я вамъ что разскажу, только присядьте: вѣдь вамъ еще предстоитъ длинный путь.

Оба усѣлись; машинистъ закурилъ трубку и сказалъ:

— Помните-ли вы еще, какъ залило шахту „Генріетты“? Тамъ вѣдь машина была побольше нашей, только какая-то взбалмошная, капризная и упрямая... Машина вѣдь все равно, что лошадь,—иная смирная, а иная и съ норовомъ. Вотъ эта, какъ ребенокъ, еле притронешься, а она уже слушаетъ тебя. Лѣтъ десять уже знаю ее, кажется вотъ-вотъ перестанетъ тянуть, остановится, устанетъ... Анъ нѣтъ! Поддать ей пару и идетъ.

— Ну, а какъ теперь съ водой?—спросилъ Бибѣля, вспомнивъ о своихъ обязанностяхъ.

— Отлично! Она побушевала было немного во время послѣдняго „рабунка“, а теперь опять присмирѣла; развѣ только пробурчитъ иногда что-то невнятно; вѣроятно, гдѣ-нибудь про-

крадывается, я ужъ ее знаю... Вы были при „рабункѣ“?—внезапно спросилъ онъ.

— Былъ.

— Я зналъ еще раньше директора, что будетъ „рабунекъ“.

Бибѣля недовѣрчиво посмотрѣлъ на собесѣдника и кашлянулъ.

— Не вѣрите? А я всетаки зналъ,—мнѣ сказала объ этомъ вода... Нужно вамъ сказать, что при этой водѣ я служу уже десять лѣтъ. Раньше я также служилъ машинистомъ при мельницѣ, которая получала воду изъ Пшемши, а въ засуху и въ морозы работала паромъ. Я отлично знаю и ту воду, и эту, и понимаю ее такъ, какъ будто это человѣкъ, ну примѣрно вотъ вы, разговариваете со мной. Она вѣдь тоже живая, и у нея свой говоръ... Передъ „рабункомъ“ вижу: нѣтъ моей машинѣ работы: идетъ себѣ, но такъ, будто на прогулкѣ; я пошелъ къ водѣ; вижу, она плыветъ тихо, спокойно, а чтобы сбить насъ съ толку и обмануть, напѣваетъ себѣ что-то тихонько. Постоялъ я немного и думаю: что-то готовится... Часа черезъ два опять иду, прислушиваюсь,—а она все себѣ поетъ, только изрѣдка развѣ хлестнетъ посильнѣе... Ого! думаю, уже начинается. Ночью, передъ самымъ „рабункомъ“ было тихо, только нѣсколько разъ вода прибывала. Я уже зналъ, что что-нибудь будетъ... Ну и былъ „рабунекъ“!

— А вотъ утопленниковъ вы не видали?—спросилъ Матвѣй, большой охотникъ до подобнаго рода разсказовъ.

— Утопленниковъ?.. Это выдумки простого, темнаго люда; никакихъ утопленниковъ нѣтъ, а есть только водяной,—водяная сила, она иногда принимаетъ человѣческій обликъ, обликъ тѣхъ людей, которые утонули, не искупивъ смертнаго грѣха. Простой, темный человѣкъ, какъ увидитъ этотъ призракъ, сейчасъ кричитъ: утопленникъ, утопленникъ!.. А все это глупости, я вамъ говорю: на самомъ дѣлѣ утопленниковъ нѣтъ, а есть только водяная сила, которая является подъ видомъ утопленниковъ, а иногда и въ ихъ одеждѣ, чтобы напугать людей, которые ей слишкомъ сопротивляются.

Бибѣля даже ротъ раскрылъ отъ изумленія, такъ его поразило это объясненіе, и со вздохомъ сказалъ:

— Вотъ что значитъ поговорить съ умнымъ человѣкомъ,— все онъ понимаетъ, все можетъ объяснить.

Помощникъ машиниста улыбнулся, довольный этой похвалой, пустилъ клубъ дыма и снова обратился къ Матвѣю:

— Да, Бибѣля, человѣкъ не даромъ жилъ и состарился возлѣ воды, что-нибудь онъ да знаетъ. Но если думаете осмотрѣть все, то вамъ слѣдуетъ взглянуть и на воду.

Они встали и вошли въ подземный корридоръ, гдѣ былъ спускъ къ водоему, въ который собиралась вода со всей копи.

Они спустились по двѣнадцати ступенькамъ, высѣченнымъ въ камнѣ, и достигли резервуара: это былъ небольшой бассейнъ, метра въ два въ ширину и два въ длину. Сюда стекала по особымъ подземнымъ ходамъ подпочвенная вода со всей копи, глубиною до 300 метровъ отъ поверхности земли. Паровая машина всасывала эту воду и по трубамъ подымала ее на поверхность земли. Кругомъ со стѣнъ и свода струилась вода, падая тяжелыми крупными каплями въ бассейнъ, и журчала то громче, то тише. Въ общемъ это былъ безпрерывный дождь; только слѣва изъ двухъ отверстій лилась цѣлымъ каскадомъ вода и, падая внизъ, покрывала бѣлою пѣною поверхность бассейна. Оба остановились, прислушиваясь. Наконецъ, Бибѣля сказалъ:

— Вода журчитъ, точно слезы льются.

— Она плачетъ вѣрно о томъ, что ей приходится подниматься наверхъ. На землѣ совсѣмъ особая вода, а подъ землею особая. Вамъ приходилось, можетъ быть, видѣть, какъ вливается наша вода изъ копи въ рѣку Пшемшу: тамъ она всегда держится особнякомъ и медленно плыветъ вдоль берега, потому что рѣчная вода ей чужая. Солнце ее сушитъ, людской глазъ за ней смотритъ, да и рыба на нее поглядываетъ, потому ей и страшно сначала, пока не привыкнетъ... А вотъ эти ручьи, что бѣгутъ тутъ,—видите:—они вамъ ничего не говорятъ, нужно сначала узнать ихъ хорошенько. Это страшно злая и заклятая вода. Теперь вотъ еще ничего, а посмотрѣли-бы во время „рабунка", какъ она бѣсилась, шумѣла, пѣнилась и бѣжала: всего только шесть ступеней оставалось надъ водой. Да, здѣсь жизнь всей копи: стоитъ мнѣ только не досмотрѣть что-нибудь, замѣшкаться съ работой, и вся копь полетитъ къ чорту! Зальетъ ее водой, а потомъ откачивай цѣлыми годами...

— Да, и я слыхалъ кое-что объ этомъ. Это случилось въ копи „Людвика": тамъ верхняя вода соединилась съ подземной,—прибавилъ Матвѣй, довольный, что и онъ можетъ вставить словечко отъ себя.

— Ну, вы тутъ ничего не понимаете. Эти двѣ воды—все равно, что мужъ съ женою: когда все ладно — между ними идутъ споры и раздоры, каждый хочетъ взять верхъ. Но стоитъ только явиться какому нибудь непріятелю, и они тотчасъ соединяются вмѣстѣ, чтобы дружно выступить противъ общаго врага. Вода страшно недовольна, что люди не даютъ ей покоя; она ходитъ, какъ тѣнь, за углекопомъ, и рада соединиться съ кѣмъ угодно, лишь-бы погубить копи! Но и я за ней смотрю въ оба,—объ этомъ знаетъ вся администрація и спитъ себѣ спокойно, пока я тутъ присматриваю,—закончилъ онъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства и важности своей роли.

Они еще немного постояли, посмотрѣли на воду, наконецъ, Бибѣля сказалъ:

— Я тутъ съ вами стою и болтаю, а мнѣ еще какой конецъ сдѣлать.

— Куда-же вы теперь пойдете?

— Пойду въ конюшни провѣрить конюховъ, а потомъ въ складъ.

— И домой?

— Нѣтъ. Зайду еще на вентиляторъ, а то, чего добраго, не досмотрятъ и надѣлаютъ пожара.

— Ну идите, идите!—путь дальній.

— Прощайте!—сказалъ Матвѣй, и они разстались.

Матвѣй шелъ вдоль штольни и размышлялъ по поводу разговора, который они только что вели; послѣ долгихъ размышленій онъ пришелъ къ выводу, что помощникъ машиниста отлично знаетъ воду, но слишкомъ ужъ много воображаетъ о себѣ, полагая, что вся копь въ его рукахъ. Онъ шелъ дальше, направляясь къ спуску, и смотрѣлъ то на пламя лампочки, то на освѣщенный ею кругъ, такъ что глаза его привыкли къ свѣту. Вдругъ онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ въ черную глубь галлереи и увидѣлъ вдали яркое пламя лампочки, которое въ то-же мгновеніе скрылось гдѣ-то въ стѣнѣ. Онъ сталъ всматриваться еще пристальнѣе и замѣтилъ какой-то высокій свѣтящійся столбъ, который вдругъ заколыхался и исчезъ также безслѣдно.

— Скарбникъ!—съ ужасомъ прошепталъ поблѣднѣвшій Матвѣй. Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, ноги подкосились, а зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ, такъ что онъ не могъ произнести ни одного слова молитвы.

Скарбникъ—безграничный властелинъ и повелитель подъ землею, и нѣтъ такой твердой скалы, такого бурнаго подземнаго потока, такого сыпучаго песка, черезъ которые онъ не прошелъ-бы цѣлъ и невредимъ со своей свѣтящейся лампочкой. Это богачъ, который не можетъ сосчитать своихъ несмѣтныхъ сокровищъ, въ его рукахъ жизнь и смерть углекоповъ! А онъ, Бибѣля, такъ ясно и отчетливо видѣлъ, какъ этотъ подземный властелинъ, окруженный лучезарнымъ ореоломъ, вошелъ въ послушно разступившуюся передъ нимъ скалу, безъ малѣйшаго звука и шороха! Бѣда тому, кто замѣтитъ это мѣсто въ скалѣ! На него немедленно обрушится какое нибудь несчастіе. Поэтому Матвѣй предпочелъ сдѣлать кругъ и вернуться обратно; онъ перекрестился и пошелъ другою дорогой.

Когда ему нужно было свернуть къ спуску, онъ остановился и сталъ прислушиваться: вдругъ онъ, къ величайшему своему ужасу, услышалъ колокольный звонъ,—да, до него отчетливо до-

носился глухой, отдаленный звонъ церковныхъ колоколовъ. Онъ встряхнулся, протеръ глаза, желая убѣдиться, не пригрезилось-ли ему это, но звонъ слышался еще яснѣе. Тогда онъ бросился впередъ и блѣдными, дрожащими отъ страха губами сталъ читать молитву... Только что онъ сталъ немного успокаиваться, какъ опять показалась лампочка, пламя которой колыхалось во всѣ стороны: повидимому, кто-то быстро шелъ... Матвѣй остановился, остановилась на одномъ мѣстѣ и мелькавшая лампочка. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Бибѣли, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и громко крикнулъ:

— Осторожно! Осторожно!

Онъ прислушивался къ глухо прокатившемуся эхо, — въ отвѣтъ послышался дрожащій голосъ:

— Осторожно!

— Э, да это свой!—шепнулъ обрадованный Матвѣй и смѣло пошелъ на встрѣчу лампочкѣ.

— Кто тутъ?—спросилъ Матвѣй съ сознаніемъ своего временнаго могущества.

— Иду отъ лошадей,—отвѣтилъ не молодой уже шлеперъ-конюхъ, съ любопытствомъ присматриваясь къ Бибѣлѣ.

— Куда? за чѣмъ? по какому дѣлу?—все смѣлѣе спрашивалъ Матвѣй.

Конюхъ сообразилъ, что кто такъ спрашиваетъ, тотъ навѣрное облеченъ властью, а потому отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ:

— Я къ шахтѣ иду, смѣны ожидаю.

— Ступай назадъ!—распорядился Матвѣй,—смѣну дѣлаютъ на мѣстѣ, а не у шахты.

— А если онъ не придетъ? — попробовалъ возразить конюхъ.

— Разъ тебѣ говорятъ: ступай, такъ нечего, значитъ, и разговарить, а не то оштрафую. Хорошо, что пришелъ васъ провѣрить, а то вы, пожалуй, всѣ тутъ поразбѣжались-бы.

Матвѣй шелъ впередъ, а конюхъ за нимъ.

— Ну, какъ тамъ у васъ? Все въ порядкѣ? Сколько васъ?

— Въ нашей конюшнѣ насъ двое; лошади и упряжь въ порядкѣ,—отвѣчалъ конюхъ, присматриваясь къ новому надсмотрщику, котораго до сихъ поръ онъ не зналъ.

— Такъ и нужно! — серьезно замѣтилъ Бибѣля. — Плохо только, что ты оставляешь конюшню безъ разрѣшенія.

— Я пошелъ только посмотрѣть,—робко оправдывался конюхъ.—Лошади овесъ съѣли, напоены, а теперь ѣдятъ сѣно...

— Посмотримъ, посмотримъ!

И Матвѣй шелъ теперь смѣло по штольнямъ и спускамъ прямо къ конюшнямъ; наконецъ, онъ остановился предъ деревянными воротами, вдѣланными въ стѣну. Онъ дернулъ дверь и во-

шелъ въ конюшню; ему ударилъ въ носъ острый запахъ конскаго пота и навоза. При слабомъ освѣщеніи онъ замѣтилъ нѣсколько десятковъ лошадей, стоявшихъ въ рядъ, нѣкоторыя изъ нихъ лежали, остальныя стояли у жолоба. Въ конюшнѣ стоялъ шорохъ отъ хрустѣвшаго на зубахъ лошадей сѣна. На скамейкѣ лежалъ конюхъ, который, заслышавъ скрипъ отворенной двери, спросилъ:

— Уже вернулся?! Ну что,—досталъ?

— А что нужно было достать?—строго крикнулъ Бибѣля.

Конюхъ вскочилъ со скамейки, выпрямился и со страхомъ смотрѣлъ впередъ, такъ какъ горящая лампочка бросала свѣтъ прямо ему въ глаза.

— Что онъ долженъ былъ достать?—еще громче повторилъ Матвѣй.—Говори!

— Табаку!—брякнулъ совершенно растерявшійся малый.

— Такъ вамъ курить вздумалось?! — Здѣсь, въ конюшнѣ?! Бога вы не боитесь! Пожаръ, видно, захотѣли устроить?! Ахъ, вы чортово отродье! Пропащій вы народъ, бить-то васъ некому!

Конюхи стояли молча, украдкой посматривая другъ на друга.

— Нельзя васъ ни на одну минуту оставить безъ присмотра, сейчасъ что нибудь напроказятъ, чортово племя! — кричалъ Бибѣля, усваивая тонъ и манеру штейгера, которому онъ старался подражать по мѣрѣ силъ и возможности.

— Вы, господинъ старшій, простите уже насъ, — началъ первый конюхъ.—Я пошелъ занять табаку; при себѣ мы его никогда не имѣемъ, а подъ праздникъ захотѣлось покурить.

— Гдѣ вашъ надсмотрщикъ? — спросилъ Бибѣля, дѣлая видъ, что не слушаетъ оправданій.

— Пошелъ домой ужинать, послѣ всенощной вернется.

Матвѣй смягчился, услышавъ слово всенощная, но ему не хотѣлось показать этого и, указывая на какой-то темный предметъ на скамейкѣ, онъ сурово спросилъ:

— А это что у тебя тамъ лежитъ?

Конюхъ нагнулся и подалъ Бибѣлѣ молитвенникъ въ черномъ истрепанномъ переплетѣ.

— Мы пѣли здѣсь, вспоминая о тѣхъ, кто теперь молится тамъ, наверху.

Эти слова окончательно обезоружили Матвѣя, и онъ сказалъ уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Счастье ваше, что сегодня Рождество Христово, а то плохо бы пришлось вамъ за такую глупую затѣю. Смотрите-же, попадетесь другому, онъ вамъ задастъ!

Оба конюха стали наперерывъ божиться и увѣрять Бибѣлю, что это въ первый и въ послѣдній разъ имъ пришла въ го-

лову такая нелѣпая мысль—покурить. Матвѣй серьезно выслушалъ ихъ и сказалъ:

— Ну, прощаю вамъ ради сегодняшняго великаго праздника. А надсмотрщикъ вашъ пусть явится завтра утромъ ко мнѣ, Матвѣю Бибѣлѣ, чтобы объяснить, куда онъ отлучался.

— Слушаемъ, господинъ старшій, мы ему скажемъ!

— Смотрите-же, будьте осторожны: вы не имѣете права ни спать, ни курить, а обязаны смотрѣть за всѣмъ. За это вамъ платятъ, и много платятъ за такую легкую работу.

При послѣднихъ словахъ конюхи вздохнули,—они хотѣли что-то сказать, но Бибѣля не сталъ ихъ слушать и направился къ выходу.

Теперь Матвѣй шелъ смѣлѣе по штольнямъ и спускамъ, не чувствуя прежней тревоги и боязни; ему придавало духу сознаніе, что онъ облеченъ теперь властью, что онъ можетъ не только спрашивать съ тѣхъ, кто находится теперь въ копи, но и судить ихъ и наказывать; они же смотрятъ на него съ почтеніемъ и боязнью. Особенно польстилъ ему тотъ страхъ, который вызвало его появленіе въ конюшнѣ. Онъ раздумывалъ о надсмотрщикѣ, котораго не засталъ на мѣстѣ. Когда онъ придетъ къ нему завтра, — ему придется извиняться, оправдываться,—можетъ быть, онъ и проститъ его... Однако въ немъ поднималось раздраженіе при мысли о томъ, что онъ, Матвѣй Бибѣля, старшій углекопъ, долженъ таскаться по копи, а какой-нибудь шлеперъ,—хоть онъ и надсмотрщикъ конюшенъ, но всетаки шлеперъ — ушелъ себѣ домой, поужиналъ и будетъ еще на всенощной.

Онъ такъ задумался, что не замѣтилъ подпорку и стукнулся объ нее правымъ бокомъ. Это остановило его, и онъ началъ прислушиваться. Вдругъ ему показалось, что надъ самой его головой пролетаетъ что-то съ тихимъ шумомъ и вздохами. Онъ вздрогнулъ: а что, если это духи спѣшатъ на свой шабашъ, или мамоны съ похищенными младенцами, а не то такъ вампиры или упыри... Онъ отчетливо слышалъ легкій шумъ, какъ бы отъ полета ночныхъ птицъ; иногда раздавался тихій, протяжный вздохъ или подавленный стонъ. Тревога Матвѣя все усиливалась; онъ съ ужасомъ посмотрѣлъ въ черную, окутанную мракомъ пасть штольни, на ея неровныя, зубчатыя, изборожденныя трещинами и углубленіями стѣны и сталъ быстро читать „Отче нашъ". Услыхавъ свой голосъ, онъ немного опомнился, сталъ оглядываться кругомъ, чтобы сообразить, гдѣ онъ находится, и, наконецъ, убѣдился, что, пройдя еще одинъ уклонъ, онъ попадетъ въ штольню, гдѣ находится складъ взрывчатыхъ веществъ и приставленный къ нему сторожъ—Валентъ Куракъ. Онъ быстро пошелъ впередъ, читая вполголоса молитву, и сильно обрадовался, когда,

наконецъ, замѣтилъ въ темной штольнѣ небольшую, узкую полосу свѣта, отбрасываемаго лампочкой, которая всегда горѣла у склада. Онъ засталъ Курака сидящимъ въ нишѣ возлѣ склада, съ четками въ рукахъ, въ „шкаплежѣ“ *) и съ образками на груди.

Поздоровавшись, Валентъ пробормоталъ глухимъ голосомъ:

— Страшно длинная сегодня ночь!

Матвѣй подошелъ поближе и тяжело вздохнулъ.

— Ну, что тамъ наверху?—немного погодя, спросилъ старикъ.

— Хорошая, ясная погода: звѣзды такъ горятъ, что сердце радуется...

— Открылъ Господь всѣ оконца въ небѣ, чтобы слушать хвалу славѣ своей,—пояснилъ Валентъ, кивая въ знакъ того, что онъ знаетъ причину хорошей погоды.—Такъ всегда бываетъ на Рождество Христово: хоть на одну минутку, но всѣ звѣздочки загорятся... Ну, гдѣ-же вы были, Матвѣй?

Матвѣй присѣлъ на скамью возлѣ Курака и сталъ разсказывать все по порядку: сначала о водѣ и машинистѣ, потомъ о конюхахъ и надсмотрщикѣ и, наконецъ, разсказалъ о Скарбникѣ. Куракъ внимательно его выслушалъ и сказалъ:

— Я всегда считалъ васъ за умнаго углекопа; вы очень хорошо сдѣлали, что вернулись,—не дай Господи подсмотрѣть то мѣсто, гдѣ онъ исчезъ: такъ и обрушится на васъ бѣда неминучая, или сейчасъ, или немного погодя... Онъ умѣетъ мстить. А свѣтлый столбъ это не тѣнь, тѣнь вѣдь темная, вѣроятно онъ велъ за собою кого-нибудь... Кто можетъ знать; кому онъ показываетъ свои сокровища? Ну, что же дальше?

Матвѣй разсказалъ о звонѣ колоколовъ.

— Звонъ?!... Иногда онъ только почудится,—это кровь звенитъ въ ушахъ человѣка; я умѣю различать настоящій звонъ отъ обманнаго... Настоящій гудитъ въ самую полночь, какъ погребальный,—видно чья нибудь душа отбыла уже свои мученья и непогребенное тѣло опускаютъ въ землю. Колоколъ созываетъ души всѣхъ погибшихъ въ копяхъ, чтобы онѣ отдали ей послѣдній долгъ.

— Нѣтъ, этотъ звонъ былъ не погребальный,—одинъ разъ въ малый колоколъ, другой—въ большой, какъ къ обѣднѣ,—объяснилъ Матвѣй.

— Такой звонъ бываетъ только послѣ полночи; онъ созываетъ души, чтобы воздать хвалу Богу и просить его о помилованіи. Нужно вздохнуть и прочитать „Вѣчную память“; это приноситъ облегченіе покойникамъ.

---

*) «Шкаплежъ»—освященная лента съ изображеніемъ имени Іисуса Христа и Пресв. Дѣвы; ее носятъ обыкновенно на шеѣ.

Когда Матвѣй разсказалъ далѣе о чудившемся ему шумѣ и вздохахъ, Валентъ кивнулъ головой и прошепталъ:

— Знаю я ихъ, знаю!

— Кто же это?—полюбопытствовалъ встревоженный Матвѣй.

— Какъ только гдѣ нибудь въ копяхъ прольется человѣческая кровь, засыплетъ кого-нибудь, или „дурной воздухъ“ задушитъ людей, такъ сейчасъ послѣ полуночи летятъ цѣлыя тучи вампировъ, упырей, мамоновъ, плакальщицъ, сивилъ и прочей нечисти, чтобы полакомиться свѣжей кровью; тутъ для нихъ настоящій пиръ... Говорятъ, что пока выходныхъ штоленъ не было, имъ некуда было влетать; а теперь дорога для нихъ открыта,—ну, они и летятъ цѣлыми роями... понятно,—на даровое угощеніе...

— И вамъ приходилось ихъ видѣть?—спросилъ Матвѣй дрожащимъ голосомъ.

— Чего мнѣ только не приходилось видѣть? Вѣдь здѣсь для нихъ самый короткій путь отъ выходныхъ штоленъ...—Онъ взялъ въ руки крестикъ отъ четокъ и продолжалъ почти шопотомъ:—Послѣ послѣдняго „рабунка“ сижу я здѣсь въ тѣни, вдругъ меня будто что-то задѣло; поднимаю глаза, вотъ на эту маленькую полоску свѣта, — она еле достигаетъ стѣны: что-то мелькнуло разъ-другой. Смотрю, затаивъ дыханье...—плыветъ по воздуху человѣкъ не человѣкъ, весь одѣтъ въ черное, голова большая, косматая, глаза горятъ, какъ угли, зубы желтые, длинные, до самой бороды. Пролетѣлъ онъ, а за нимъ цѣлый хороводъ: одинъ съ размозженной головой, другой безъ реберъ—даже сердце видно, третій волочитъ за собою свои внутренности, четвертый тащитъ раздробленныя, изломанныя ноги... А хуже всего это кровяники: совсѣмъ безъ костей, одно мясо осталось, а кости совсѣмъ раздроблены, только торчатъ кое-гдѣ изъ окровавленнаго мяса...

— Вотъ страсти-то!—простоналъ Матвѣй.

— Все это погибшіе въ смертныхъ грѣхахъ идутъ смотрѣть на мученья другихъ... Вслѣдъ за ними пролетѣли съ шумомъ мамоны съ похищенными младенцами: малютки всѣ въ синякахъ, съ кровоподтеками на нѣжномъ, бѣломъ тѣльцѣ, заплаканныя, немытыя, нечесанныя, иззябшія; а идти всетаки надо, чтобы пріучаться къ человѣческой крови. Потомъ уже пошли тучи вампировъ, упырей и всякой нечисти, страшно даже вспомнить...

Онъ умолкъ, бормоча молитву; Матвѣй ему вторилъ. Молитва подкрѣпила ихъ, и Валентъ началъ уже громче:

— Есть отъ нихъ средство: какъ только начинается шумъ, нужно снять „шкаплежъ“, самое лучшее освященный въ Ченстоховѣ, перекрестить воздухъ и читать „Хвалу Іисусу“. Тутъ

уже нечистая сила не смѣетъ подступиться, и среди нея можно ходить безо всякой опасности.

Матвѣй тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Молитвы-то я помню хорошо, да только вотъ четки забылъ дома.

— А вамъ далеко еще идти?—спросилъ Валентъ.

— Къ вентилятору.

— О, это еще далеко. Да и дорога-то не безопасная: сегодня вѣдь для нечистой силы раздолье,—навѣрное грѣются у корзинъ съ углемъ...—Теперь вѣдь на верху морозъ. Чѣмъ ближе къ огню, тѣмъ усерднѣе нужно молиться.

Матвѣй тяжело вздохнулъ. Жаль стало Кураку стараго товарища, который служилъ когда-то подъ его началомъ.

— Кабы не Рождественскій сочельникъ, я бы отдалъ вамъ свои четки, жаль мнѣ васъ... А вамъ непремѣнно нужно идти?

— Непремѣнно! Штейгеръ спроситъ про корзины, сколько сгорѣло угля, или еще какую нибудь мелочь,—тутъ правда и выплыветъ наружу, а тогда—бѣда. Пойду, чай головы вѣдь не оторвутъ.

При этихъ смѣлыхъ словахъ онъ весь вздрогнулъ.

— Берегитесь только духа „дурного воздуха,"—посовѣтовалъ Куракъ.

— Это что такое?

— Это самый страшный духъ: онъ является иногда даже днемъ, не боится ни работы, ни свѣта лампочекъ. Онъ весь сѣрый, волосы длинные, черные, глаза всегда закрыты; онъ можетъ толкнуть человѣка такъ сильно, что тотъ только закружится на мѣстѣ; когда онъ до васъ дотронется, холодъ пройдетъ по всему тѣлу, а если коснется губъ—тутъ уже аминь. Дымъ вѣрно подновляетъ ему платье, потому онъ и летитъ всегда на огонь.

— Такъ и онъ тамъ будетъ?

— Почемъ знать? Я предостерегаю только и больше ничего, а вы ужъ сами смотрите въ оба: береженаго и Богъ бережетъ.

Оба смолкли.

Матвѣй, который въ продолженіе всего разговора съ Куракомъ чувствовалъ какую-то гнетущую тревогу, вдругъ теперь сталъ нѣсколько смѣлѣе. Онъ разсудилъ, что, если съ Валентомъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ ничего не случилось, если штейгеръ, который осматривалъ всегда копь въ эту пору, если сторожа при вентиляторахъ и лѣсныхъ складахъ, конюхи и машинисты — живы и здоровы, то и съ нимъ ничего не можетъ случиться, тѣмъ болѣе, что онъ недавно исповѣдывался и пріобщался св. Таинъ. Онъ всталъ и сказалъ Кураку веселымъ тономъ:

— Ну, дядя Валентъ, пора мнѣ идти! Напугали вы меня, а всетаки у меня еще довольно смѣлости.

— Помогай вамъ Господь! Смѣлость вещь необходимая, безъ нея какая-нибудь мышь можетъ до смерти напугать человѣка... Ну, а какъ-же быть съ четками?

— Что же дѣлать, коли у меня ихъ нѣтъ.

— Можно помочь бѣдѣ: снимите верхній поясъ, чай вѣдь не озябнете, и отсчитайте десять дырочекъ. „Отче Нашъ“ и „Богородицу“ можете читать безъ счета, а потомъ на каждую дырочку: „Іисусе, сыне Давида“ до десяти разъ и назадъ: „Хвала тебѣ Іисусе“—тоже десять разъ.

— Это вы хорошо придумали: сейчасъ сниму, отсчитаю дырки и намѣчу.

Матвѣй разстегнулъ поясъ, отчего полы его полушубка распахнулись; онъ расширилъ перочиннымъ ножемъ дырочки, отмѣтилъ крестикомъ десятую и, пожавъ руку старика, пустился въ путь. Онъ чувствовалъ себя бодро и увѣренно и смѣло шелъ по направленію къ вентилятору. Это была шахта, выходившая на поверхность земли: снизу она нагрѣвалась горящимъ въ желѣзныхъ корзинахъ коксомъ и вытягивала такимъ образомъ изъ копи удушливые и нездоровые газы, тогда какъ черезъ другую шахту съ подъемной машиной и черезъ выходныя штольни, достигавшія также земной поверхности, проникалъ въ копи свѣжій воздухъ. Копь „Іоны“ славилась хорошей вентиляціей, и случаи задушенія газами были тамъ очень рѣдки. Иногда только, если кто нибудь заходилъ по неосторожности въ отдаленный уголъ, либо въ старую, заброшенную штольню, случалось, что онъ падалъ безъ чувствъ. Если его замѣчали сразу — несчастнаго удавалось спасти, но чаще всего вытаскивали уже трупы.

Шахта, къ которой теперь направлялся Матвѣй, была сравнительно неглубока, около120 метровъ, а такъ какъ складъ взрывчатыхъ веществъ лежалъ гораздо ниже, на 250 метровъ отъ поверхности земли, то ему все время приходилось подниматься вверхъ по уклонамъ, и только въ штольняхъ дорога шла ровно. По мѣрѣ приближенія къ вентилятору, Матвѣй чувствовалъ себя все хуже и хуже; возбужденіе, которое охватило его во время прощанья со старикомъ, начало покидать его. Онъ замедлилъ шаги и сталъ прислушиваться къ окружающей тишинѣ.

Кругомъ было темно и пусто; куда онъ ни обращалъ взоръ, всюду стояла глухая и черная ночь. Напрасно онъ прислушивался, — кромѣ біенія своего сердца и собственнаго дыханія онъ ничего не слышалъ. Эта тишина приводила его въ ужасъ; ему казалось, что вотъ-вотъ ее нарушитъ какой-нибудь нечеловѣческій крикъ, жалобный стонъ сотенъ

погибшихъ въ копяхъ, или дьявольскій хохотъ нечистой силы. Дрожь пробѣгала по его тѣлу... Онъ то чувствовалъ какой-то внутренній холодъ и закутывался плотнѣе въ свой полушубокъ, читая шопотомъ молитву, то ему вдругъ казалось, что въ его жилахъ кипитъ огонь, все его тѣло горѣло, голова дѣлалась тяжелою, а пламя лампочки и освѣщенный имъ кругъ становился багровымъ.

Еще одинъ уклонъ, и онъ достигнетъ штольни съ горящимъ коксомъ. Онъ остановился, тяжело дыша, и прислонился головою къ подпоркѣ, но въ ту же минуту отскочилъ съ ужасомъ: ему показалось, что столбъ что-то говоритъ или поетъ. Ошеломленный, съ широко раскрытыми глазами, онъ смотрѣлъ на бѣлое дерево; вдругъ послышался слабый, но отчетливо слышный среди глубокой тишины стукъ, какъ будто кто нибудь давалъ условленные сигналы. Матвѣй содрогнулся и сталъ тревожно оглядываться Вскорѣ гдѣ-то въ глубинѣ штольни, какъ-бы въ отвѣтъ на первый стукъ, раздался второй, но уже болѣе тонкій и протяжный. Матвѣй бросился вверхъ, желая какъ можно дальше уйти отъ этого проклятаго мѣста, но при этомъ порывистомъ движеніи полы его полушубка распахнулись еще больше, и одна изъ нихъ зацѣпилась за подпорку. Вьющаяся овчина попала въ расщелину столба,—Матвѣй почувствовалъ, что его кто-то держитъ за полу и въ ужасѣ громко вскрикнулъ:

— Господи Іисусе и Пресвятая Богородица!—Но овчина всетаки его не пускала.

— Великомученица Варвара! Святая заступница! Спаси меня грѣшнаго!

Онъ рванулся и, гонимый страхомъ и тревогой, побѣжалъ впередъ. Только видъ отдаленнаго костра придалъ ему немного бодрости, и онъ началъ читать по четкамъ молитвы, стуча отъ страха зубами; руки его такъ дрожали, что дырочки пояса ежеминутно выскальзывали у него изъ подъ пальцевъ; онъ начиналъ молитву снова и опять путался въ счетѣ. Тутъ его, вспотѣвшаго отъ быстрой ходьбы, обдало струею холоднаго воздуха; онъ тревожно оглянулся, ожидая увидѣть духа „дурного воздуха“. Темнота штольни, слегка разсѣеваемая отблескомъ далекаго костра, казалась ему сѣрымъ, прозрачнымъ одѣяніемъ духа, голова котораго съ черными волосами тонула гдѣ-то вверху, подъ самымъ сводомъ.

Матвѣй остановился и сталъ смотрѣть, но призракъ растаялъ и исчезъ безъ слѣда. Тихо, почти крадучись, Матвѣй приближался къ пылающимъ кострамъ. Ярко пылавшее пламя, просвѣчивая черезъ желѣзную рѣшетку корзины, бросало во всѣ стороны колеблющіяся тѣни. Въ ихъ невѣрно дрожащемъ полусвѣтѣ вставали, казалось, то чудовищныя головы,

то костлявыя руки съ растопыренными пальцами, то налитые кровью глаза, то быстро мелькавшія фигуры розовыхъ дѣтей или мертвенно-блѣдныхъ младенцевъ, обвитыхъ черными покрывалами; то вдругъ опять появлялись какія-то чешуйчатые безобразные гады, — они высовывали свои окровавленныя морды и лизали тьму штольни огненными языками, всматриваясь въ нее алчно-горящими глазами. Матвѣй отвернулся отъ этихъ страшилищъ, созданныхъ разстроеннымъ воображеніемъ, и простоналъ:

— О, Господи Іисусе!

Потъ струился съ него градомъ, онъ чувствовалъ, какъ волосы дыбомъ встаютъ на его головѣ. Плотнѣе надвинувъ шапку и охваченный какой-то смутной тревогой и ужасомъ, онъ въ отчаяніи ломалъ себѣ руки. Первой его мыслью было: куда бѣжать? Впереди чудовищные духи, позади—черная, грозная, таинственная тьма. Онъ вспомнилъ, наконецъ, про молитву, бросился на колѣни и сталъ громко читать „Отче нашъ".

Повторивъ нѣсколько разъ эту молитву, онъ, наконецъ, медленно поднялся на ноги и, шатаясь, пошелъ обратно. Мало по малу надежда на возвращеніе къ шахтѣ, а слѣдовательно, и на поверхность земли, надежда увидѣть дневной свѣтъ росла и придавала Матвѣю силу и бодрость. Не прислушиваясь и не оглядываясь по сторонамъ, онъ смотрѣлъ только на ближайшіе предметы и постепенно ускорялъ шаги. Когда, наконецъ, показался голубой свѣтъ электрическихъ лампочекъ, онъ вздохнулъ съ радостью и съ облегченіемъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что долженъ былъ провѣрить сторожей при вентиляторѣ, но сейчасъ-же порѣшилъ мысленно:

— Ну, нѣтъ, жизнь-то мнѣ дороже!

XXVI.

Пакошъ и Войцѣхъ по воскресеньямъ обѣдали обыкновенно „Подъ голубемъ", такъ какъ не знали навѣрное, въ какое время они вернутся домой; а чтобы ихъ не поджидали, они оба объявили своимъ хозяйкамъ разъ навсегда, что по воскресеньямъ и праздникамъ не будутъ дома обѣдать. И сегодня послѣ обѣдни они встрѣтились „Подъ голубемъ", такъ какъ это было воскресенье и канунъ Крещенія. Хозяинъ, довольный такими посѣтителями, отвелъ имъ отдѣльный столикъ въ комнатѣ, прилегавшей къ залу, который онъ сегодня отдалъ подъ совѣщательное собраніе углекоповъ: вскорѣ должны были состояться выборы депутата отъ углекоповъ въ кассу взаимопомощи. Одни хотѣли оставить прежняго депутата, другіе старались провести кандидата, такъ какъ

многіе жаловались, что старый не соблюдаетъ интересовъ рабочихъ и не отстаиваетъ ихъ права. Собраніе предполагалось многолюдное, и хозяинъ радостно потиралъ руки въ надеждѣ на бойкую продажу спиртныхъ напитковъ, а слѣдовательно, и на хорошую выручку.

Пакошъ и Войцѣхъ молча ѣли поданный имъ борщъ, когда въ трактиръ вошелъ Севастьянъ. Онъ немного похудѣлъ, поблѣднѣлъ послѣ болѣзни, но это не портило его красиваго лица. Замѣтивъ его, Войцѣхъ быстро вскочилъ съ мѣста и началъ душить и цѣловать пріятеля, засыпая его вопросами:

— Севастьянъ! Ей Богу, Севастьянъ! Да откуда ты взялся? Когда выписался?

— Я еще вчера выписался, довольно съ меня этой муки... Я искалъ тебя, Войцѣхъ, вчера цѣлый день, но нигдѣ не могъ найти.

— Вчера?... Вчера я былъ у Кураковъ, собралась тамъ компанія, ну и засидѣлись...Садись-же съ нами, разсказывай, что съ тобой? Какъ ты теперь себя чувствуешь?

Севастьянъ поздоровался съ Пакошемъ, сѣлъ за столъ и велѣлъ подать себѣ только пива, такъ какъ пришелъ уже послѣ обѣда.

— Что-же вамъ разсказывать? Когда меня взяли въ больницу, пришлось все время лежать. Рана никакъ не заживала!.. Фельдшеръ говорилъ, что ножъ былъ отравленъ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Вотъ мерзавцы! — раздражительно замѣтилъ Войцѣхъ, уплетая колбасу съ капустой.

— Только когда ты отомстилъ этому литейщику, на другой-же день мнѣ стало легче...

— Вотъ какъ! — прервалъ его Войцѣхъ,—значитъ ворожея-то правду сказала: его кровь—твое здоровье!

— Увѣряю тебя, что я сразу почувствовалъ себя лучше и уже былъ увѣренъ, что скоро выздоровѣю. Ты знаешь вѣдь, что эти доктора никогда къ намъ и не заглядываютъ, одинъ только фельдшеръ ухаживалъ за мной. Меня страшно поразило, когда къ намъ въ палату внесли моего литейщика: онъ самый, только бѣлый, какъ полотно.

— Я этого удара ножомъ не одобряю,—сказалъ Войцѣхъ, стуча, чтобы подали пива: — это подлое оружіе и пристойно только мяснику, но всетаки твоя мать полоснула его порядочно.

— Разсказывалъ мнѣ фельдшеръ,—сказалъ Севастьянъ,—что она перерѣзала ему жилу, и онъ совсѣмъ почти истекъ кровью, пока его привезли въ больницу.

— Что-же, останется онъ живъ, или нѣтъ?—спросилъ Пакошъ.

— Ну, это бабушка на двое сказала...—отвѣтилъ Севастьянъ,—фельдшеръ говоритъ, что даже если рана у него заживетъ, то всетаки онъ долго еще проваляется отъ недостатка крови.

— Крѣпкое у этихъ скотовъ здоровье,—замѣтилъ Войцѣхъ.

— Ну, и хватилъ-же ты его объ землю. Мать мнѣ все разсказала, и о томъ, какъ твой товарищъ расправился съ ними скамьей.

— Ну, для насъ это не въ диковинку, на то мы и мужчины,—сказалъ Войцѣхъ, обрадованный этой похвалой,—но твоя мать, такая маленькая, худенькая, а ловко сумѣла отомстить... Вотъ это такъ штука! Что же она теперь?

— Ничего себѣ... здорова, ужасно только ослабѣла послѣ этой исторіи съ литейщикомъ. Поблѣднѣла, состарилась и все сидитъ теперь на одномъ мѣстѣ, не спитъ по ночамъ и вѣчно молчитъ. Едва я вошелъ домой, а она уже спрашиваетъ про литейщика: живъ онъ или нѣтъ? Я передавалъ ей слова фельдшера, и знаешь, Войцѣхъ, что она сдѣлала?

— Почему же мнѣ знать?.. Впрочемъ, пожалѣла вѣрно, что не издохъ до сихъ поръ.

— Нѣтъ. Она сложила на груди руки, бросилась на колѣни и стала громко просить Бога спасти его жизнь!

— Да не можетъ быть?! Тебѣ это пригрезилось, вѣроятно? Какъ можно, послѣ твоей раны, послѣ всѣхъ твоихъ страданій—молиться!.. И за кого-же? За такого негодяя, за какого-нибудь литейщика?! Не можетъ этого быть!

Севастьянъ даже покраснѣлъ отъ стыда и, немного погодя, сказалъ:

— Все, что я говорю, сущая правда. Но пусть это останется между нами,—мнѣ стыдно за нее.

— Слова никому не скажу,—серьезно сказалъ Пакошъ.

— И я буду молчать, какъ въ могилѣ,—прибавилъ Войцѣхъ.—Такъ молилась? Вотъ такъ штука! Сама ножемъ пырнула, а потомъ реветъ... Такъ вотъ и всегда съ этими бабами: сама подобьетъ, согрѣшитъ, а потомъ кается и замаливаетъ грѣхи.

— Ну, вѣдь у ней нѣтъ столько силъ, какъ у насъ,—сказалъ Пакошъ,—сила у нея комариная.

— И надоѣдлива она также, какъ комаръ, — громко разсмѣялся Войцѣхъ.—Ну, что-жъ ты, Севастьянъ, здоровъ?

— Начну работать послѣ Крещенія; хоть я не совсѣмъ еще окрѣпъ, да тутъ у меня другая забота...

— Какая? Говори-же!—крикнулъ Войцѣхъ,—я тебѣ помогу.

— Ну, тутъ-то ты мнѣ не сможешь помочь; дѣло вотъ въ чемъ,—медленно началъ Севастьянъ, облокотившись на столъ и затягиваясь папироской. — Матушка у меня совсѣмъ опу-

стилась, въ домѣ нѣтъ никакого порядку, она сама это видитъ,—еще за ней присмотрѣть нужно, такъ вотъ дѣлать нечего, и матушка меня проситъ, да и самъ я согласенъ...

Онъ смолкъ, внимательно поглядывая на заслушавшихся товарищей, которые отъ любопытства перестали и курить, и пить.

— Жениться нужно, не знаю еще только на комъ.

— Тебѣ? Жениться?!—воскликнулъ Войцѣхъ,—да вѣдь ты моложе меня!

— Знаю, а всетаки надо жениться.

— Что-же тутъ удивительнаго?—замѣтилъ Пакошъ.

— Хорошъ!—разсмѣялся Войцѣхъ, — женится, а самъ не знаетъ, на комъ. На вербѣ вѣдь не женишься! Жену раньше узнать нужно, да и хорошо еще узнать... Вѣдь въ нашемъ дѣлѣ хорошую жену не скоро сыщешь.

— Хорошихъ-то вездѣ мало,—прибавилъ довольный своимъ замѣчаніемъ Пакошъ.

— Что ты понимаешь?—возмутился Войцѣхъ.—У насъ полъ сутокъ сидишь подъ землею, развѣ ты знаешь, что твоя жена дѣлаетъ?

— Въ томъ-то и дѣло,—началъ Севастьянъ.—У меня есть въ виду дѣвушка... здоровая, изъ хорошей семьи, молодая, красивая...

Войцѣхъ и Пакошъ насторожились, ожидая услышать имя дѣвушки и съ трудомъ скрывая свою тревогу. Такъ какъ Севастьянъ заговорилъ о здоровой дѣвушкѣ изъ хорошей семьи, молодой и красивой, то Войцѣхъ былъ увѣренъ, что дѣло идетъ ни о комъ иномъ, какъ о Манѣ Куракъ, а Пакошъ думалъ про Павлисю... Севастьянъ же, какъ бы нарочно дразня ихъ, умолкъ и медленно пилъ пиво. Войцѣхъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Кто-же она такая?

— Да, кто?—повторилъ Пакошъ.

— Гм... вижу я, что каждый изъ васъ думаетъ про свою. Но я не такой скорый, не безпокойтесь.

— Не очень-то я боюсь!—отвѣтилъ Войцѣхъ, краснѣя.

— Ну, а твой товарищъ?—Севастьянъ кивнулъ въ сторону Пакоша.

— Я полагаюсь на волю Божью.

— Ну, такъ я вотъ думаю пріударить за младшей дочкой Бибѣли!

Хотя они и не хотѣли признаваться въ своихъ опасеніяхъ, но оба—и Пакошъ, и Войцѣхъ вздохнули съ облегченіемъ. Послѣдній спросилъ:

— Такъ на ней ты и хочешь жениться?

— На ней, а что? Вѣдь она не строитъ глазки, какъ дру-

гія, не смѣется, не бѣгаетъ на танцы, не рядится по послѣдней модѣ...

— Вижу, въ чей ты огородъ камешки бросаешь, но я и не собираюсь сейчасъ жениться на Манѣ. Я сначала узнаю ее хорошенько, а тамъ посмотримъ.

— Дочка Бибѣли,—продолжалъ Севастьянъ съ иронической улыбкой,—не одѣвается, какъ барышня, не носитъ шляпокъ съ птичками, не стыдится варить, стирать, смотрѣть за скотиной и ходить въ ситцевомъ платьѣ...

Пакошъ, чувствуя на себѣ взгляды Севастьяна и Войцѣха, краснѣлъ все больше и, наконецъ, тихо сказалъ:

— У каждаго свой вкусъ, я не упрекаю другихъ за то, что ихъ вкусы не сходятся съ моими.

— А знаешь, Севастьянъ, этотъ силезецъ вѣрно тебѣ сказалъ. Изъ него вышелъ-бы славный парень, если бы онъ не былъ такимъ мямлей. Если бы кто нибудь изъ насъ такъ безумно полюбилъ дѣвушку, какъ онъ Павлисю, да и она не смотрѣла на него косо, то онъ не сталъ-бы обращать вниманія ни на этого скрягу Франца, ни на ея семью—отца, мать и братьевъ, а просто взялъ-бы ее себѣ, да и баста!..

— А знаешь, какъ-то странно мнѣ, что ты женишься на дочери Бибѣли, — сказалъ опять Войцѣхъ, немного подумавши.—Впрочемъ, она славная хозяйка, здоровая, изъ хорошей семьи, да и лицомъ не дурна.

Севастьянъ съ удовольствіемъ слушалъ эти похвалы и, какъ будто нехотя, прибавилъ:

— Кажется, за ней водятся и деньжонки, такъ какъ отецъ ея человѣкъ умный.

— Не столько умный, сколько разсчетливый и предусмотрительный,—навѣрное скопилъ кой какое приданое для дочерей. Бабы болтають, что онъ скопилъ нѣсколько сотенъ, навѣрное не для себя-же. Зачѣмъ ему, вѣдь онъ еще здоровъ.

— Ну, что-же у васъ слышно въ копи? — спросилъ Севастьянъ.

— Какъ всегда. Былъ у насъ „рабунекъ“—это ты навѣрное слышалъ?

— Видѣлъ я Гдульскаго, раздробило ему обѣ ноги... Жаль, такой силачъ!

— Да, жаль!—повторили за нимъ Войцѣхъ и Пакошъ.

— Говорятъ, живъ-то будетъ, да что въ этомъ толку,—все равно милостыню придется просить.

— Конечно!—подтвердили тѣ.

— Ну, что-же еще?—допытывался Севастьянъ.

— Шахта испортилась. Со вчерашняго дня кладутъ новый срубъ, вмѣсто стараго.

— Такъ, значитъ, и подъемная машина не дѣйствуетъ?

— Пока нѣтъ. Ходятъ черезъ выходную штольню.

— У! какъ далеко!—воскликнулъ Севастьянъ.

— Скоро кончатъ,—замѣтилъ Пакошъ.

— Имъ времени не жалко!—усмѣхнулся Войцѣхъ.

Въ сосѣдней залѣ между тѣмъ становилось шумно: слышался смѣшанный гулъ голосовъ, движеніе столиковъ и стульевъ, раздавались требованія пива и громкія привѣтствія.

— Уже собираются,—сказалъ Севастьянъ.

— Да, а ты за кого, Севастьянъ?

— То есть какъ—за кого?

— Есть трое кандидатовъ, и каждый изъ нихъ хочетъ быть депутатомъ: прежній депутатъ, Матвѣй Бибѣля и Бабчикъ.

— А ты, Войцѣхъ, какъ?—спросилъ Севастьянъ.

— Я за Бибѣлю, онъ старшій изъ нашего номера, природный углекопъ и ужъ если понадобится, то сумѣетъ постоять за углекоповъ. Прежній депутатъ, говорятъ, слишкомъ мягокъ, только кланяется да головой киваетъ... Ну, а Бабчика я не хочу,—онъ любимчикъ штейгера.

— И подлиза,—прибавилъ Пакошъ.

— Ну, а твой товарищъ?—продолжалъ Севастьянъ,—тоже за Бибѣлю?

— Разумѣется,—утвердительно кивнулъ Пакошъ.

— Ну, такъ и я съ вами,—воскликнулъ Севастьянъ,—а пока пойду въ залъ, послушаю.

— Иди, мы только расплатимся, тоже сейчасъ придемъ.

Прежде чѣмъ войти въ залъ, Войцѣхъ заглянулъ черезъ открытую дверь изъ первой комнаты, гдѣ производилась продажа водки и пива, чтобы лучше присмотрѣться, какъ и гдѣ кто сидитъ. Направо, у оконъ, прежній депутатъ сдвинулъ нѣсколько маленькихъ столиковъ. Онъ выбралъ себѣ хорошее мѣсто, такъ какъ могъ сразу видѣть весь залъ, да и самъ былъ у всѣхъ на виду.

Противъ дверей, за самымъ длиннымъ столомъ, сидѣлъ Матвѣй Бибѣля; старательно выбритый, въ бѣломъ стоячемъ воротничкѣ и барашковой шапкѣ, онъ походилъ на ксендза. Его мѣсто тоже было хорошее: каждаго, кто входилъ въ дверь, онъ могъ раньше всѣхъ увидѣть и привѣтствовать. Около него, направо, ближе къ печкѣ занялъ небольшой столъ Бабчикъ, а противъ Бабчика, налѣво отъ входа, усѣлся Юзефъ Безъ, вѣчно недовольный, желчный и озлобленный. Ему тоже хотѣлось попасть въ депутаты, но онъ ждалъ, что кто-нибудь изъ его пріятелей выскажется за него.

Каждый вновь входившій углекопъ сразу могъ сѣсть около того, за кого онъ подавалъ голосъ. Болѣе смѣлые такъ и поступали и направлялись прямо къ тому или другому столику; но много было такихъ, которые раньше хотѣли узнать мнѣніе

другихъ и присоединиться къ большинству. Они стояли посреди комнаты, глазѣя по сторонамъ, пока одинъ изъ нихъ, болѣе смѣлый, не вытащилъ насередину одинъ изъ столиковъ, стоявшихъ возлѣ депутата, и не потребовалъ стульевъ. Въ это время вошелъ Войцѣхъ и, замѣтивъ, что этотъ столъ всего опаснѣе для Бибѣли, крикнулъ:

— Товарищи! подвиньте-же столъ немного влѣво, такъ и пройти нельзя!

Онъ крикнулъ это такъ громко, что всѣ невольно оглянулись на него. Это его ничуть не смутило,—онъ вышелъ на середину и сталъ толкать столикъ влѣво, пока его не отодвинули. Тогда Войцѣхъ съ неразлучнымъ Пакошемъ прямо направился къ столику Бибѣли, поздоровался съ нимъ и усѣлся за столъ.

— Ловкій малый!—проворчалъ Бабчикъ, кивая головой на Войцѣха.

Войцѣхъ, не забывая того, что это старшій углекопъ и притомъ человѣкъ, всегда готовый спасать товарищей, всталъ и подошелъ къ Бабчику, который въ сообществѣ пяти углекоповъ сидѣлъ пасмурный и злой.

— Присядь съ нами, выпей пива,—дружески предложилъ ему Бабчикъ.

— Пиво мнѣ уже несутъ, столъ у меня есть свой, да и товарищи тоже...

— Молодецъ!—открыто одобрилъ его Бабчикъ.

Похвала эта, видимо, польстила Войцѣху, и онъ продолжалъ, улыбаясь:

— Я пришелъ только поздороваться съ вами...

— Зачѣмъ-же ты посадилъ мнѣ передъ самымъ носомъ этихъ овецъ?—воскликнулъ Бабчикъ, указывая на компанію нерѣшительныхъ, которые сидѣли между нимъ и Безомъ. Пусть бы ждали себѣ пастуха возлѣ Матвѣя!

Войцѣхъ усмѣхнулся и шутя отвѣтилъ:

— Да пройти нельзя было!

— Чѣмъ васъ мажетъ этотъ Бибѣля, что вы всѣ такъ льнете къ нему?—спросилъ, нахмурившись, Бабчикъ.

Войцѣхъ серьезно отвѣтилъ:

— Онъ не мажетъ насъ медомъ, а только всегда стоитъ за насъ.

У Бабчика надулись на лбу жилы, и онъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— За кого-же я стою? за кого?...

Войцѣхъ весь покраснѣлъ, сверкнулъ голубыми глазами, но спросилъ сдержаннымъ тономъ:

— Кого вы спрашиваете?.. Если меня, то зачѣмъ такъ кричать? Я и безъ того услышу.

Бабчикъ сообразилъ, что гнѣвомъ можно только испортить все дѣло, и заговорилъ уже болѣе мягко:

— Противъ тебя, Войцѣхъ, я ничего не имѣю; злятъ меня только эти длинные языки.

— Кричите-же на нихъ, — разсмѣялся Войцѣхъ, — а я пойду, не то пиво простынетъ.

Когда онъ усѣлся, Бибѣля спросилъ:

— Ну, что тамъ Бабчикъ?

Войцѣхъ отпилъ немного пива, вытеръ губы и маленькіе усики и отвѣтилъ:

— Сильный и смѣлый мужикъ, жаль только, что подлиза.

— Да, это правда,—подтвердилъ Пакошъ.

— Этимъ онъ точно грѣшенъ,—прибавилъ Севастьянъ, желая угодить Бибѣлѣ.

Викентій молчалъ, равнодушно осматривая всѣхъ присутствующихъ. Бибѣля чувствовалъ, что ему необходимо что-нибудь сказать, но, какъ старшій углекопъ, онъ считалъ неудобнымъ дѣлать упреки товарищу, а потому, откашлявшись, пробормоталъ:

— Гм... гм... Говорятъ такъ, да кто его знаетъ, чья правда?

— Правда! — раздраженно воскликнулъ Войцѣхъ, — гдѣ самый лучшій заработокъ, туда штейгеръ назначаетъ Бабчика; гдѣ богатая залежь и легко добывать уголь—ужъ онъ тамъ; если кто нибудь жалуется на штейгера, Бабчикъ его защищаетъ; вздумаетъ жаловаться выше, объ этомъ ужъ знаетъ штейгеръ. Скажите пожалуйста, откуда онъ это узналъ? Съ кѣмъ штейгеръ шушукается по угламъ? Кто шляется къ штейгеру постоянно?

Забросанный вопросами, Бибѣля замѣтилъ медленнымъ голосомъ:

— Чего-же ты, Войцѣхъ, кипятишься?! Я вѣдь сказалъ, что такъ говорятъ, ну и ладно.

Недовольный Войцѣхъ только нахмурился и пробормоталъ что-то подъ носъ.

За столомъ прежняго депутата сидѣли самые солидные и старшіе по возрасту углекопы; всѣхъ ихъ было человѣкъ пятнадцать. Они степенно бесѣдовали то о томъ, то о другомъ, но ни одного слова не проронили о выборахъ. За столомъ Бибѣли собралось около десяти самыхъ близкихъ его пріятелей. Около Бабчика помѣстились шестеро, а большинство сидѣло или стояло посерединѣ. Юзефъ Безъ собралъ возлѣ себя человѣкъ восемь, и здѣсь царило наибольшее оживленіе.

Вслушиваясь въ этотъ смѣшанный гулъ голосовъ, всюду можно было услышать одно слово: штейгеръ,—съ прибавленіемъ разнаго рода жалобъ и нареканій. Тотъ сѣтовалъ на недочетъ вагончиковъ, тотъ на браковку, тотъ на плохую мѣру

угля, тотъ на задержку работы, а всѣ вмѣстѣ—на несправедливые вычеты и штрафы за малѣйшую провинность. Такъ какъ народу было много, то въ толпѣ теперь не боялись Бабчика; только изрѣдка кто-нибудь поглядывалъ въ его сторону, продолжая жаловаться. А тотъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ; облокотясь на столъ, онъ закрылъ одно ухо рукою и шутилъ со своими товарищами.

Прежній депутатъ, какъ болѣе освѣдомленный въ парламентскихъ формахъ, рѣшилъ, что количество собравшихся вполнѣ достаточно, всталъ, позвонилъ кружкой въ знакъ того, что хочетъ говорить, и плавно началъ:

— Товарищи! Мы собрались здѣсь не для забавъ и пустыхъ разговоровъ, а для того, чтобы сговориться, кто будетъ оберегать въ кассѣ взаимопомощи наши, кровью заработанные гроши, кто будетъ помнить о товарищахъ и оставшихся послѣ нихъ вдовахъ, кто будетъ заботиться о справедливомъ распредѣленіи пенсій между углекопами и ихъ вдовами, хлопотать за нуждающихся въ помощи или пособіи. Все это тяжелыя и трудныя, но за то почетныя обязанности. По уставу кассы взаимопомощи мы, углекопы, и господа штейгера имѣемъ, какъ извѣстно каждому, только совѣщательный голосъ, но это только на бумагѣ. Въ дѣйствительности-же нашъ депутатъ имѣетъ большое вліяніе: какъ только случится что-нибудь, — господа изъ кассы тотчасъ къ депутату: кто такой? стóитъ-ли? какая у него семья? сколько душъ? хорошій-ли работникъ? Каждому понятно, что депутатъ долженъ быть человѣкомъ справедливымъ, хорошо знакомымъ со всѣми углекопами, не фантазеромъ (при этомъ онъ взглянулъ въ сторону Юзефа), безпристрастнымъ (его взглядъ остановился на Бабчикѣ), не хитрымъ и упрямымъ (онъ быстро посмотрѣлъ на Бибѣлю), а такимъ человѣкомъ, который дѣлаетъ добро не только для брата, для свата или кума, а для котораго всѣ углекопы—братья, который всѣмъ желаетъ добра, не помнитъ обидъ и не знаетъ зависти. Нужно, чтобы онъ не лѣнился все осмотрѣть и выслушать, а въ кассѣ могъ бы вымолвить мудрое, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренное слово. Тамъ, знаете, не поможетъ злой языкъ,—уязвилъ онъ Юзефа,— не помогутъ сильные кулаки,—бросилъ онъ упрекъ Бабчику—не поможетъ хитрость и уклончивость,—задѣлъ онъ Бибѣлю,—тамъ нужно умѣть говорить просто, но политично, чтобы каждое слово имѣло вѣсъ и достигало цѣли! До сихъ поръ я вамъ служилъ; если будетъ на то ваша воля, я и теперь послужить согласенъ... Хотя иногда мнѣ и трудновато, а всетаки пріятно быть полезнымъ своимъ братьямъ углекопамъ и получить эту честь изъ вашихъ рукъ, а не такъ себѣ—по письменному распоряженію начальства. Выбирайте-же, кого хотите, и пой-

демъ вмѣстѣ, какъ братья. Кого углекопы выберутъ, за того и я! Вѣдь я самъ—настоящій углекопъ, по отцу и по дѣду.

Сидѣвшіе за столикомъ депутата внимательно слушали его рѣчь, то громко поддакивая, то одобрительно кивая головою. Довольно охотно прислушивалось къ ней и большинство, сидѣвшее по серединѣ, между Бабчикомъ и Юзефомъ. Столъ Бибѣли громко выражалъ свое неудовольствіе по поводу упрековъ, брошенныхъ депутатомъ. Бабчикъ и его товарищи, подражая собесѣдникамъ Бибѣли, громко смѣялись, перебрасываясь отъ времени до времени грубыми ругательствами, но безъ злобы, а такъ, ради шутки. За столомъ Юзефа и его компаніи было иначе: здѣсь громко шумѣли, ругая всѣхъ и все и не жалѣя проклятій по адресу конторскихъ служащихъ и предателей. Этотъ уголъ былъ самый горячій и меньше всѣхъ слушалъ плавную рѣчь депутата, который теперь усѣлся, вытирая одною рукою вспотѣвшій лобъ и подавая другую товарищамъ, поздравлявшимъ его съ побѣдой. Въ залѣ поднялся такой гулъ порицаній и похвалъ, насмѣшекъ и сочувствія, что нельзя было разобрать, кто говоритъ и кого слушаютъ: каждый хотѣлъ высказать свое мнѣніе.

Не улеглась еще суматоха и шумъ, какъ на скамейку вскочилъ Юзефъ Безъ, ударилъ своей кружкой такъ сильно, что чуть не разбилъ, и громко крикнулъ: тише!—другіе повторяли его призывъ. Какъ только въ залѣ немного стихло, онъ передалъ кружку сосѣду, погладилъ бороду, уже съ просѣдью, почесалъ лысину съ блестѣвшими на ней шрамами отъ старыхъ ранъ, оправилъ жилетъ, который подымался у него кверху и воскликнулъ:

— Успокойтесь, товарищи, дайте мнѣ сказать нѣсколько словъ!

Послѣ этого Юзефъ Безъ еще разъ погладилъ лысину, откашлялся, улыбнулся и началъ:

— Товарищи! Вы, конечно, не догадываетесь о великой чести, которая вамъ выпала на долю: среди васъ появился пророкъ, выше всѣхъ пророковъ. Онъ самый справедливый, самый умный, самый честный, не злопамятный, не завистливый и такой милостивый ко всѣмъ калѣкамъ и вдовамъ, что даже не вѣшаетъ ихъ, не пытаетъ, а позволяетъ имъ жить милостынею. Если вы его не знаете, такъ я вамъ скажу, кто это: этимъ пророкомъ сдѣлался прежній депутатъ или, вѣрнѣе, самъ себя объявилъ имъ... Что-же, можетъ быть, это и правда, коли онъ самъ говоритъ!

Онъ умолкъ на минуту, поглядывая съ презрительной улыбкой на депутата, который дѣлалъ видъ, что ведетъ оживленный разговоръ съ сосѣдомъ. Въ залѣ поднялся смѣхъ. Рѣчь Юзефа всѣмъ понравилась, и онъ началъ опять:

— Какой вы неблагодарный и несправедливый народъ! Когда углекопа убьетъ въ копи, его вдова съ дѣтьми получаетъ цѣлыхъ шесть рублей въ мѣсяцъ! А вамъ все еще мало. Развѣ этого недостаточно для того, чтобы жить, учить дѣтей, платить за квартиру, ходить въ чистомъ платьѣ... а вы все жалуетесь!? Сломаетъ кому руку, помнетъ ребра или обдеретъ шкуру,—лежитъ онъ въ больницѣ и мѣсяцъ, и два, и три, получая ежедневно цѣлыхъ двѣнадцать копѣекъ на содержаніе себя и своей семьи! Неужели вамъ и этого мало?! А кто вамъ оказываетъ такую милость?.. Вотъ этотъ пророкъ,— онъ одинъ умѣетъ говорить умно и политично, онъ не фантазеръ, не обладаетъ злымъ языкомъ, онъ имъ только лижетъ ручки и льститъ господамъ изъ кассы взаимопомощи. А знаете ли вы, сколько мы отдаемъ туда ежегодно изъ нашего заработка? Слушайте внимательно, я знаю это хорошо: 41.500 рублей!

Всѣ ахнули отъ удивленія; кое-что слышали объ этомъ и раньше, но точная сумма, названная открыто и громко, поразила всѣхъ, тѣмъ болѣе, что она была дѣйствительно вѣрна. Между тѣмъ Юзефъ продолжалъ:

— Можетъ быть, вы спросите, куда дѣвается ежегодно такая огромная сумма? А развѣ вы не видали экипажей и лошадей докторовъ?—Вѣдь это все наши деньги! Доктора, кромѣ всѣхъ жизненныхъ удобствъ, получаютъ еще ежегодно 13.000 рублей жалованья! Слышите, товарищи: на троихъ человѣкъ 13.000 рублей жалованья! Откуда-же послѣ этого взять денегъ для бѣдняка-углекопа?! Экипажи, лошади—все это куплено на наши деньги, только ѣздятъ они на нихъ не къ намъ, а къ господамъ. Скажите мнѣ, пожалуйста, къ кому изъ васъ хоть разъ въ жизни пріѣзжалъ на домъ докторъ? Заболѣешь ли ты, жена или дѣти, а докторъ и не заглянетъ,—у него времени хватаетъ только на то, чтобы забрать твои деньги, а лѣчить ему уже некогда! Вы, пожалуй, спросите, куда-же идутъ остальныя деньги? А зачѣмъ существуютъ всѣ эти молодчики и франтики въ канцеляріи? Зачѣмъ живутъ на свѣтѣ всѣ эти сановники, которые даже и въ глаза никогда не видали копей? Или всѣ тѣ, которые васъ бьютъ, обсчитываютъ, обмѣриваютъ, ведутъ невѣрныя записи!? Имъ по праву принадлежитъ все мясо, а ты, углекопъ, довольствуйся костью, если еще съумѣешь ея добиться, благодаря заступничеству нашего пророка!

Юзефъ умолкъ, но не сходилъ еще со стула. Рѣчь его очень понравилась. Кое гдѣ слышались голоса: „Вотъ если бы намъ Юзефа выбрать!“ Между тѣмъ онъ обвелъ всѣхъ глазами и продолжалъ:

— Такъ вотъ, товарищи, намъ не нужно ни пророка, ни

силача, ни проныру; намъ нуженъ такой человѣкъ, который бы самъ зналъ нужду, горе и голодъ, который съумѣлъ бы бросить имъ въ глаза наши обиды, нужду и слезы, который съумѣлъ бы заступиться за насъ и потребовать справедливости! Такого выберемъ, можетъ быть, дѣла лучше пойдутъ!

Въ залѣ поднялся легкій говоръ,—углекопы переглядывались и иронически посматривали на прежняго депутата, который безпокойно вертѣлся на стулѣ, дѣлая видъ, что слова Юзефа и ироническіе взгляды присутствующихъ его ни мало не касаются. Шумъ еще больше усилился, появились новые углекопы, требуя пива, какъ вдругъ Бабчикъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что стаканы и кружки запрыгали, и крикнулъ:

— Товарищи! Выслушали вы депутата, выслушали Юзефа, выслушайте-же и меня! Разскажу я вамъ, чѣмъ меня угостили эти господа. Депутатъ—это конфетка... Сладкая она, пахучая, да проку въ ней мало: ею не наѣшься, съ ней на работу не станешь, угля не добудешь и породы не разобьешь. Если имъ не нравится конфетка—думаетъ Юзефъ—дамъ-ка имъ полыни. И онъ рѣшительно все,—и жизнь, и службу, и копи, и семью—все облилъ своею желчью. Какая-же намъ отъ этого польза? Давно всѣмъ извѣстно, что отъ конфетъ тошнитъ, а отъ полыни во рту дѣлается горько. И тотъ, и другой упрекаютъ меня за мою силу и крѣпкіе кулаки, а за это по настоящему нужно только Бога благодарить, да каждому просить себѣ этого. Вѣдь этими руками и этой силой я зарабатываю себѣ кусокъ хлѣба и спасаю, когда нужно, товарищей.

Онъ передохнулъ, а углекопы молча ему поддакивали; онъ продолжалъ:

— Говорятъ, что я пристрастенъ, а я на самомъ дѣлѣ только слушаюсь штейгера. Жизнь наша хуже солдатской. Какъ та, такъ и другая безъ дисциплины гроша мѣднаго не стоитъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое дѣло, придетъ и ему чередъ... Возвращусь къ кассѣ взаимопомощи. Я уже говорилъ: никуда не годится конфетка, да плохо дѣло и съ полынью,—я хочу только хлѣба! Застигнетъ углекопа болѣзнь, несчастье,—дайте ему хлѣба! Стонетъ вдова, плачутъ сироты,—дайте имъ хлѣба! Изувѣчило человѣка на всю жизнь,—дайте ему хлѣба! Если бы я былъ въ кассѣ взаимопомощи, я слушалъ-бы все и ко всѣмъ относился-бы справедливо, громко повторяя: Хлѣба намъ дайте! Остальное все вздоръ! хлѣбъ—это все! Вотъ мое мнѣніе; хотите выберите меня, хотите другого, но пусть и онъ хлопочетъ о хлѣбѣ!..

Онъ сѣлъ и велѣлъ подать себѣ пива. Среди всеобщаго шума и говора слышались восклицанія: „вѣрно онъ говоритъ! Молодецъ Бабчикъ! Намъ бы такихъ побольше“! Слыша это,

Бабчикъ самодовольно улыбался; онъ выпилъ залпомъ кружку пива и потребовалъ себѣ другую. Мало по малу всѣ глаза обратились въ сторону Бибѣли; всѣхъ интересовало его мнѣніе, и слышались даже сдержанные голоса: что-то скажетъ на это Бибѣля? А Матвѣй какъ будто ничего и не слыхалъ; онъ смотрѣлъ то въ кружку, то на лампу, висѣвшую посрединѣ комнаты, скользилъ глазами по своимъ товарищамъ и упорно молчалъ. Войцѣхъ съ досады и стыда, что сѣлъ возлѣ такого тюленя, закусилъ даже губы. Вдругъ онъ всталъ и громко позвонилъ. Сразу воцарилась тишина, и Войцѣхъ сказалъ:

— Позвольте теперь, товарищи-углекопы, поговорить съ вами старшему углекопу Матвѣю Бибѣлѣ.

— Ладно, ладно! слушаемъ! — раздалось нѣсколько голосовъ. Не ожидавшій такой выходки Матвѣй нѣсколько смѣшался, всталъ, поправилъ рукою тугой воротничокъ, пригладилъ за ухомъ волосы, вытеръ лицо рукою и медленно началъ среди всеобщаго молчанія:

— Терпѣливый всегда достигнетъ цѣли, потому что онъ умѣетъ ждать. Онъ помирится съ дурнымъ, не потеряетъ головы и отъ хорошаго, а пойдетъ себѣ своею дорогой увѣренно и спокойно; совѣсть у него чиста, а потому онъ знаетъ, что добьется своего навѣрняка. Все, что говорилъ депутатъ о кассѣ взаимопомощи—истинная правда; все, что говорилъ Юзефъ о несправедливости—тоже правда; что Бабчикъ требуетъ хлѣба,— такъ и это святая истина! Если бы только можно было выбрать въ кассу взаимопомощи трехъ депутатовъ, то не о чемъ было-бы и толковать. Выбрали бы ихъ троихъ, да и дѣло съ концомъ! Но, къ сожалѣнію, мы можемъ выбрать только одного депутата. Онъ долженъ имѣть твердый характеръ и обладать терпѣніемъ: вѣдь стѣну лбомъ не прошибешь, а коли имѣешь терпѣніе, можно продолбить въ ней и цѣлую дыру. Требовать сразу всего нельзя,—тогда, пожалуй, и ничего не дадутъ. А помаленьку, да полегоньку, сегодня крошку, завтра другую... глядишь и цѣлый каравай набрался. Поэтому совѣтую вамъ, товарищи, выбрать такого, кто, коли разъ скажетъ: хочу, значитъ тому и быть. Онъ не откроетъ вамъ земного рая, но облегчитъ нѣсколько тяжелое положеніе, поможетъ въ нуждѣ; какъ отецъ своихъ дѣтей, онъ позаботится и о вашихъ дѣтяхъ; какъ мужъ, онъ будетъ знать, что нужно вашимъ женамъ; самъ онъ терпитъ нужду, значитъ, понимаетъ, что и другимъ не сладко... вотъ съ Божіей помощью и пойдетъ все гладко, своимъ чередомъ, по правдѣ...

Матвѣй умолкъ. Углекопы слушали какъ бы проповѣдь: немного скучновато, но Матвѣй говоритъ дѣло, не изъ за чего поднимать шума, тѣмъ больше, что онъ всѣхъ похвалилъ.

— Наша касса взаимопомощи имѣетъ свои недостатки; не всѣмъ она нравится, мы жалуемся и ругаемъ ее,—но ей уже не долго существовать: объ этомъ мнѣ говорилъ человѣкъ свѣдущій, да и въ газетахъ пишутъ: черезъ годъ, а можетъ быть немного раньше или позже, но ее измѣнятъ до основанія. Другая будетъ можетъ быть и лучше, а можетъ быть и хуже, но во всякомъ случаѣ будетъ иною.

Матвѣй остановился. Всѣ слушатели были очень удивлены, зная, что Бибѣля не любитъ шутокъ и, если что нибудь говоритъ, то говоритъ серьезно; въ то же время у столика депутата послышалось нѣсколько голосовъ: Бибѣля правду говоритъ!

Матвѣй кивнулъ головой и продолжалъ:

— Ну, другая, такъ другая, но съ кѣмъ станутъ совѣтоваться тѣ, кто будутъ ее устраивать,—ни со мною, ни съ вами, а съ правленіемъ кассы: что оно думаетъ? какъ полагаетъ? такъ или этакъ надо сдѣлать? Пріѣдетъ, вѣроятно, кто нибудь старшій и будетъ слушать, что говорятъ свѣдущіе люди о кассѣ взаимопомощи. Спросятъ, вѣрно, и нашего депутата. Кого-же намъ нужно выбрать? Того, кто-бы все помнилъ, все взвѣшивалъ, зналъ, чего хочетъ, и твердо и упорно добивался этого. Здѣсь не нужна угодливость, поклоны и лесть, но не зачѣмъ и горячиться, кричать и ругаться; мало проку и отъ однихъ горячихъ воззваній, хотя бы они были вполнѣ искренни и справедливы. Это — какъ въ штольнѣ: если броситься сломя голову на свѣтъ, то навѣрное разобьешь себѣ голову о первый попавшійся на пути столбъ... Такъ и здѣсь: только осторожный и терпѣливый добьется своего. Помните-же, братья углекопы, вамъ нужно выбрать именно такого человѣка, потому что—кто знаетъ, съ кѣмъ придется говорить и что надо будетъ дѣлать при новыхъ порядкахъ!

Болѣе пожилымъ и солиднымъ людямъ рѣчь Матвѣя очень понравилась, но молодыя, болѣе горячія головы остались недовольны и подсмѣивались надъ Матвѣемъ: говорили, что у него слишкомъ много разсчетливости и осторожности, тогда какъ правда всегда идетъ напрямикъ. Друзья Матвѣя велѣли подать пива и пили за его здоровье, а Войцѣхъ до того былъ доволенъ, что у него даже глаза смѣялись; раньше онъ боялся, что Матвѣй испортитъ дѣло. Въ залѣ опять поднялся страшный шумъ, пока, наконецъ, депутатъ, знавшій всѣ формы, не позвонилъ и не началъ говорить:

— Товарищи! Выслушали вы насъ четверыхъ; подумайте-же теперь и разсудите, кого вамъ выбрать, когда придетъ время выборовъ... Юзефъ Безъ, какъ мнѣ кажется, хорошій товарищъ и человѣкъ, только слишкомъ горячъ: сцѣпилъ цѣлый рядъ вагончиковъ, нагрузилъ ихъ до верху, но не выта-

щитъ,—устанетъ и не довезетъ до мѣста... Бабчикъ вошелъ въ одну штольню и думаетъ, что это вся копь... Бибѣля совѣтуетъ пробовать каждую стѣну, каждый сводъ и подпорку, опасаясь, какъ бы что не обрушилось... У каждаго свой характеръ и свои глаза. Ваше дѣло выбирать, а мое вамъ посовѣтовать: будьте осторожны и внимательно обдумайте все, потому что выборъ депутата есть фундаментъ, — а забой не рухнетъ, коли поставлены хорошія крѣпи.

Всѣ радовались, что дѣло идетъ къ концу и кричали депутату: Правда! Вѣрно! Справедливо!

Только теперь слушатели начали переходить отъ стола къ столу, усаживаясь по знакомству, а не по тому, за какого кандидата стояли. Началась бесѣда о своихъ дѣлахъ и заботахъ; отовсюду звали Юзефа, но онъ предпочелъ остаться со своими товарищами. Кругомъ него собралась цѣлая толпа народу, а онъ имъ объяснялъ, въ чемъ корень зла и какъ отъ него избавиться...

Войцѣхъ ходилъ отъ столика къ столику, присматриваясь, прислушиваясь и соображая все это, какъ вдругъ онъ замѣтилъ Пакоша, который сидѣлъ одинъ, подперши голову обѣими руками, и ничего не пилъ и не курилъ. Войцѣхъ подошелъ къ нему и положилъ руку ему на плечо со словами:

— Въ чемъ дѣло, Пакошъ?

Тотъ посмотрѣлъ внимательно на Войцѣха и сказалъ:

— Хорошо, что ты пришелъ; сядь здѣсь, я хочу тебѣ кое-что сказать.

Войцѣхъ сѣлъ и приготовился слушать.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — медленно началъ Пакошъ.—Ты сказалъ мнѣ, что я мямля... Быть можетъ это и справедливо, но ты посовѣтуй мнѣ теперь, что дѣлать?

Войцѣхъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Ну, веселись, пляши, пой!

— Да не въ этомъ дѣло,—серьезно отвѣтилъ Пакошъ.—Я думаю о Павлисѣ...

— О Павлисѣ?... Слушай, братъ, что ты, слѣпой-что-ли: глухой или нѣмой? Вѣдь это же ясно, какъ божій день, что она со своей маменькой держитъ васъ обоихъ, тебя и Франца какъ собаченокъ на привязи... Я бы и одного дня такъ не выдержалъ! Будь хоть разъ въ жизни мужчиной, пойди сейчасъ и смѣло скажи: хочешь быть моею женою—прекрасно, тогда Франца долой, и женись. Вылетитъ у тебя скоро эта блажь изъ головы, какъ она начнетъ тобой командовать и задавать тебѣ каждый день головомойку.

— Ба! пойдетъ-ли она еще за меня?.. — началъ, оживившись, Пакошъ.—А что я буду дѣлать, если она скажетъ: нѣтъ?

— Да провались ты сквозь землю!—выругался выведен-

ный изъ терпѣнія Войцѣхъ. — Вздыхаетъ постоянно, какъ кузнечный мѣхъ. Не переложить же мнѣ свой умъ въ твою голову. Просилъ совѣта, я его далъ, а тамъ уже дѣлай, какъ знаешь.

Войцѣхъ всталъ, чтобы уйти, но Пакошъ протянулъ ему руку и воскликнулъ:

— Не сердись, братъ, сдѣлаю все, какъ ты хочешь.—Войцѣхъ присѣлъ опять и началъ:

— Слушай: сегодня праздникъ, поведи ее сегодня съ матерью въ городъ, пригласи въ ресторанъ и покончишь дѣло.

— Мнѣ бы хотѣлось раньше поговорить съ Павлисей,— задумчиво сказалъ Пакошъ.

— Пусть будетъ по твоему, я тебѣ помогу. Скажу Манѣ, чтобы она пригласила завтра Павлисю одну. Проводитъ ее Францъ, а ты сдѣлай видъ, что ничего не замѣчаешь, а потомъ придешь къ Куракамъ. Примутъ тебя хорошо, за это ужъ я ручаюсь.

Пакошъ вскочилъ со стула, сталъ цѣловать Войцѣха и воскликнулъ:

— Ты истинный другъ и товарищъ! Я за тобой хоть въ самый адъ пойду!

— Ну, у меня-то нѣтъ никакой охоты туда идти! А вотъ пойдемъ-ка лучше въ городъ, здѣсь становится скучно.

— Ладно, идемъ!—сказалъ, подымаясь, Пакошъ,—можетъ быть, и Севастьяна съ собой прихватимъ?

Вмѣсто отвѣта Войцѣхъ указалъ рукою на Севастьяна, подсѣвшаго къ Бибѣлѣ, — все лицо его сіяло блаженной улыбкой.

— Оставимъ Севастьяна. У него видно съ дочкой Бибѣли все уже кончено. Смотри, у Матвѣя лицо какое праздничное, да и Севастьянъ такъ и сіяетъ.

Пакошъ посмотрѣлъ на нихъ и прошепталъ со вздохомъ:

— Вотъ счастливецъ!

XXIII.

На слѣдующій день Пакошъ съ самаго утра возился съ разными приготовленіями: одѣлся въ самый лучшій костюмъ, отлично вычистилъ сапоги, досталъ чистую рубаху, прикололъ воротничекъ и теперь стоялъ въ нерѣшимости, какой надѣть галстукъ—зеленый или красный. Красный означаетъ пылкую любовь, а зеленый это надежда, что все пойдетъ хорошо. Наконецъ, онъ выбралъ красный, причесалъ на бокъ волосы и, наклонившись къ зеркалу, сталъ любоваться своимъ нарядомъ. Жаль только, что у него нѣтъ формы углекопа! Какъ разъ вчера продавалъ одинъ товарищъ форменное

платье съ хорошимъ поясомъ, но просилъ пятнадцать рублей. Пакошъ уже совсѣмъ было сторговался, да разошлись въ срокѣ уплаты. Разругались и разошлись, а сегодня форма пригодилась-бы! Совсѣмъ иначе смотрѣла-бы на него Павлися, иное впечатлѣніе произвелъ-бы онъ и у Кураковъ! Онъ рѣшилъ пойти къ товарищу и узнать, не продалъ-ли тотъ своего форменнаго платья; если нѣтъ, то согласиться на его условія.

Черезъ полъ-часа онъ уже возвращался домой со сверткомъ въ рукахъ. Желая сдѣлать Павлисѣ и Войцѣху неожиданный сюрпризъ на вечерѣ у Кураковъ, онъ не надѣлъ только что купленнаго мундира въ костелъ, а заперъ его въ сундучекъ и, расхаживая по комнатѣ, началъ разговаривать съ Гроткомъ, который въ это время одѣвался. При этомъ онъ изрѣдка посматривалъ на Франца, который съ ожесточеніемъ чистилъ свой черный, поношенный сюртукъ, и невольно улыбался при мысли, что сегодня будетъ формальная помолвка его съ Павлисей, въ присутствіи Войцѣха и Кураковъ.

— Уже половина десятаго,—сказалъ Пакошъ, останавливаясь передъ хозяиномъ, который осматривалъ свой праздничный сюртукъ,—опоздаемъ въ костелъ.

— Я-то готовъ хоть сейчасъ, только эти бабы не могутъ никакъ собраться. Какъ начнутъ одѣваться да наряжаться, такъ прямо тошно становится.

— И почему-бы не выдумать для нихъ простого костюма, вотъ какъ нашъ?—разсуждалъ вслухъ Пакошъ.

— Хороши бы онѣ были въ брюкахъ!—посмѣивался тихо Францъ.

— Ха-ха-ха!—расхохотался Гротекъ,—это уже была бы настоящая силезская мода...

— Ну, пусть-бы оставалась юбка,—поправился Пакошъ,— но безъ всѣхъ этихъ добавленій на плечахъ, около шеи, на рукахъ, — всѣ эти бездѣлушки отнимаютъ только время и деньги.

— Это ужъ вы развѣ будете такъ одѣвать свою жену,— замѣтилъ Францъ,—и то гдѣ нибудь за границей, потому что у насъ ни одна на это не согласится.

— Какъ я буду ее одѣвать,—это уже мое дѣло,—вспылилъ Пакошъ,—знаю только, что ничего для нея не пожалѣю.

— Было-бы только чего жалѣть!—отрѣзалъ Францъ.

Въ эту минуту вышла изъ сосѣдней комнаты Юльця съ кувшиномъ, Пакошъ тотчасъ же обратился къ ней съ вопросомъ:

— Мама уже готова?

— Ни мама, ни Павлися не готовы, а я только еще собираюсь мыться.

Пакошъ постучалъ въ сосѣднюю дверь:

— Кто тамъ?—послышался пискливый голосъ хозяйки.

— Опоздаемъ къ обѣднѣ,—отвѣтилъ Пакошъ.

— Сейчасъ, только платье надѣнемъ и готовы.

Пакошъ отошелъ отъ двери и, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывалъ планъ Войцѣха. Послѣ обѣдни Маня должна была зайти къ Павлисѣ съ приглашеніемъ на вечеръ. Пакошъ-же пойдетъ туда только вечеромъ. Опасаясь, чтобы Францъ не помѣшалъ ему, онъ рѣшилъ усыпить его мнительность и ревность.

— Пригласилъ меня сегодня товарищъ,—обратился онъ къ Гротку,—такъ что, можетъ быть, поздно вернусь домой.

— На постель никто не ляжетъ,—разсмѣялся Гротекъ.

— Я знаю,—отвѣтилъ Пакошъ,—а только спрашиваю, куда вы сегодня собираетесь идти?

— Не знаю еще, нужно поговорить съ женой. Можетъ быть къ куму, въ Загорье соберемся.

— Такъ далеко, и въ такой морозъ!—воскликнулъ Пакошъ, пораженный этой новостью.

— Не такъ уже это далеко, да и морозъ не большой,—отвѣтилъ Гротекъ,—а сходить слѣдовало-бы — давно уже собираемся.

— Пойду и я,—замѣтилъ Францъ.

— Такъ это ужъ рѣшено?—допытывался Пакошъ.

— Да говорилъ я вамъ, что посовѣтуюсь съ женой.

Вошла Павлися, одѣтая въ темное платье, съ чернымъ барашковымъ воротникомъ. Она выглядѣла свѣжей и бодрой, съ блестящими оживленными глазами; быстро проходя черезъ комнату, она сказала:

— Идемъ скорѣе, а то опоздаемъ!

Францъ, который надѣлъ уже пальто, поспѣшилъ за нею. Вошла сама хозяйка, окинула взглядомъ комнату и обратилась къ мужу съ упреками:

— Не могъ убрать даже постели!—Ужасъ, какой здѣсь безпорядокъ!

— Вернемся, тогда все уберемъ,—сказалъ Пакошъ и вышелъ съ хозяйкой, такъ какъ Гротекъ ожидалъ еще Юльцю; они скоро нагнали Павлисю и Франца и пошли вмѣстѣ. Пакошъ даже не смотрѣлъ въ сторону Павлиси, предоставивъ ее всецѣло Францу; самъ-же шелъ съ матерью Павлиси и настойчиво отговаривалъ ее отъ прогулки въ Загорье. Это невольно обратило вниманіе госпожи Гротекъ, и она громко заявила:

— Вотъ еще не доставало! Кому какое дѣло, будемъ-ли мы дома или въ Загорьѣ?

— Дѣйствительно,—присоединился къ ней Францъ,—гораздо лучше провести время въ Загорьѣ.

— А мнѣ такъ не очень хочется такъ далеко тащиться; если бы можно было повеселиться здѣсь, я съ удовольствіемъ осталась бы,—замѣтила Павлися.

— Пойти неохобдимо, и лучше въ праздникъ, чѣмъ въ будни,—сказала мать.

Пакошъ нахмурился; единственная надежда оставалась на Маню. Онъ шелъ угрюмый и злой, кратко и рѣзко отвѣчая на всѣ вопросы.

— Что съ нимъ?—въ полъ-голоса спросила мать у дочери, указывая на Пакоша.

— А я почемъ знаю?—капризничаетъ вѣрно.

Францъ услышалъ этотъ разговоръ, взглянулъ на Пакоша и тоже удивился, замѣтивъ его дурное настроеніе; но тутъ же онъ началъ веселый разговоръ съ Павлисей, злобно посмѣиваясь надъ встрѣчными знакомыми. Въ новомъ, не вполнѣ еще отстроенномъ просторномъ, костелѣ было вполнѣ достаточно мѣста для вѣрующихъ. Женщины пошли прямо къ алтарю. Пакошъ, полный тяжелыхъ предчувствій относительно своего плана, пошелъ на правую сторону; послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности Францъ тоже направился за нимъ.

На правой сторонѣ находился алтарь св. Іосифа. Пакошъ, взглянувъ на этотъ алтарь, вспомнилъ, что св. Іосифъ покровитель влюбленныхъ, и рѣшилъ повѣрить всѣ свои тревоги и опасенія этому покровителю любви, который держалъ на рукахъ ребенка и смотрѣлъ на всѣхъ такими добрыми, ласковыми глазами. Онъ опустился на колѣни передъ алтаремъ, сталъ горячо молиться, чтобы святой Іосифъ помогъ и благословилъ его планы и обѣщалъ поставить двѣ восковыя свѣчи, если ему удастся сегодня получить окончательное согласіе Павлиси. Молился онъ такъ искренно и сердечно, что даже сосѣди обратили на него вниманіе.

Францъ сначала машинально читалъ молитву, отыскивая глазами знакомыхъ и здороваясь съ ними кивкомъ головы; но мало по малу видъ молящихся, глубокіе вздохи, шопотъ молитвъ, запахъ ладона, пѣніе ксендза и звонъ колокольчиковъ, однимъ словомъ, вся обстановка костела повліяла и на него. Онъ раздумывалъ о себѣ, о своей нуждѣ и бѣдности, а больше всего объ утратѣ сотни рублей, отданныхъ имъ штейгеру. До сихъ поръ онъ едва сумѣлъ скопить 11 рублей, а до прежнихъ 300 не достаетъ еще 89-ти. Онъ опустился на колѣни и молилъ Бога сжалиться надъ нимъ, благословить его труды и помочь ему скорѣе пополнить недостающую сумму. Мысленно перечисляя всѣхъ покровителей, онъ остановился на св. Антоніи Падуанскомъ, защитникѣ отъ неожиданной потери. Послѣ нѣкотораго колебанія и размышленія

онъ рѣшилъ поставить фунтовую свѣчу, а когда, послѣ звонка, поднялся на ноги, то, увлеченный молитвой, обѣщалъ поставить еще одну свѣчу, если удастся собрать нужную сумму къ Пасхѣ... Но вскорѣ его жаръ и увлеченіе остыли; ему уже хотѣлось вернуть назадъ второй обѣтъ, но вдругъ св. Антоній обидится и начнетъ его преслѣдовать! Съ тяжелымъ вздохомъ онъ рѣшилъ купить двѣ свѣчи. Но тутъ опять явилось сомнѣніе,—изъ какихъ именно денегъ купить свѣчей; послѣ короткаго колебанія онъ рѣшилъ купить ихъ на тотъ излишекъ, который у него окажется сверхъ 300 руб. Это послѣднее условіе совсѣмъ успокоило его и, когда обѣдня кончилась, онъ поднялся на ноги довольный и улыбающійся. Онъ былъ теперь увѣренъ, что скопитъ къ Пасхѣ всю сумму.

Послѣ выхода изъ костела Пакошъ напрасно оглядывался по сторонамъ. Мани нигдѣ не было видно...

Павлися хотѣла пройтись по городу, чтобы показать свой новый барашковый воротникъ; мать уже почти согласилась, и только разсказъ Пакоша о томъ, какъ сгорѣли дома какія-то дѣти, оставленныя матерью безъ призора, заставили госпожу Гротекъ вернуться домой, хотя и самымъ далекимъ путемъ. Уговоры Пакоша скоро возвратиться домой, его дурно скрываемая тревога и нетерпѣніе продолжали возбуждать подозрѣнія Франца, тѣмъ болѣе, что Пакошъ и на обратномъ пути не подходилъ къ Павлисѣ, предоставляя Францу полную свободу.

— Не можетъ быть,—думалъ тотъ,—чтобы онъ вдругъ совершенно охладѣлъ къ Павлисѣ; здѣсь что нибудь да кроется. Дома все торопилъ въ костелъ, а теперь торопитъ домой. Онъ рѣшилъ быть осторожнымъ и внимательно слѣдить за всѣмъ. Вернувшись домой, застали всѣхъ дѣтей здоровыми и невредимыми, пошутили и посмѣялись надъ Пакошемъ и стали условливаться, когда идти въ Загорье. Пакошъ блѣднѣлъ отъ злости, слушая эти разговоры, и безпокойно поглядывалъ въ застывшее окно. При малѣйшемъ стукѣ и шорохѣ юбокъ онъ весь превращался въ слухъ; въ душѣ онъ уже началъ было упрекать св. Іосифа, но вдругъ открылась дверь, и въ комнату влетѣла со смѣхомъ разбитная Маня Куракъ. Она расцѣловала Павлисю, дѣтей, поклонилась мужчинамъ и, обращаясь къ Павлисѣ, сказала:

— У меня есть къ тебѣ очень большая просьба, только это секретъ, понимаешь? Никому нельзя сказать, развѣ только маменькѣ.

— Если секретъ, да еще и важный, такъ пойдемъ въ другую комнату; ты вѣдь знаешь, какіе мужчины любопытные.

Когда онѣ вышли, мать, ни къ кому особенно не обращаясь, сказала:

— Интересно знать, что это за секретъ?

Церковная школа въ Сибири.

III.

Отъ отчетовъ и другихъ оффиціальныхъ данныхъ перейдемъ теперь къ самой жизни, поскольку она отражается въ мѣстной періодической печати. И здѣсь мы находимъ лишь дополненія и дальнѣйшее развитіе той картины, которая нами только что была нарисована. Отовсюду несутся жалобы на невозможное состояніе церковныхъ школъ Сибири, иллюстрируемыя обыкновенно краснорѣчивыми фактами. Изъ Владиміро-Александровской школы на Сучанѣ въ „Дальній Востокъ“ сообщаютъ, что тамъ учительствуетъ профессіональный маляръ. Изъ с. Шкотова, Приморской обл. „Сибири“ сообщаютъ радостное извѣстіе: смѣненъ учитель, страдавшій запоемъ, во время котораго ученье въ его школѣ прерывалось на 2 — 3 недѣли, и на его мѣсто назначенъ фельдшеръ, уволенный отъ должности. „Владивостокъ“ сообщаетъ объ этихъ двухъ школахъ,—онѣ обѣ церковныя, что за время своего десятилѣтняго существованія онѣ не выпустили ни одного мало-мальски грамотнаго ученика, хотя въ матеріальномъ отношеніи были вполнѣ обезпечены. Изъ Минусинскаго окр. тоже пишутъ, что рецидивы безграмотности среди учениковъ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ очень нерѣдки *). Изъ с. Усть-Абаканскаго, этого округа, въ „Сиб. Лист.“ пишутъ, что „не смотря на довольно большое число желающихъ учиться, мѣстная школа влачитъ жалкое существованіе. Зданіе довольно приличное съ наружнаго вида—холодный и сырой сарай внутри, гдѣ зимою ученики синѣютъ и дрожатъ отъ холода. Школьныхъ пособій мало, библіотека одно убожество“ **). Изъ дер. Тарховой, Енисейскаго окр., въ „Сиб. Жизнь“ пишутъ, что тамъ много уже лѣтъ существуетъ церковно-приходская школа, устроенная и содержимая на счетъ общества. „За все время своего существованія,—говоритъ корреспондентъ,—она не выпустила ни одного ученика, потому что ученья въ ней обыкновенно не бываетъ. — Послѣднюю учительницу, занимавшуюся въ ней, наша захолустная жизнь довела до того, что она вышла замужъ за без-

*) «Сибирь», 1897 г., № 7.

**) «Сибирскій Листокъ», 1898 годъ.

грамотнаго поселенца. Послѣ нея школа пустовала года два, а теперь пріѣхалъ новый учитель, юноша лѣтъ 19, совсѣмъ больной; къ нему учиться явилось только 4 мальчика. Крестьяне просятъ о замѣнѣ его другимъ, потому что онъ учить не умѣетъ" *). Корреспондентъ „Томскаго Листка" сообщаетъ, что большая часть церковно-приходскихъ школъ Енисейскаго округа либо не функціонируютъ вовсе, либо влачатъ жалкое существованіе **). Для примѣра онъ приводитъ село Пировское, этого округа. „Прекрасное помѣщеніе мѣстной церковно-приходской школы, говоритъ онъ, было устроено при пособіи общества 5—6 лѣтъ тому назадъ и обошлось рублей въ 1000. Теперь общество выдаетъ ежегодно на жалованье учителю 70 руб. и на учебныя пособія—30 руб. Трудно, конечно, отыскать на такое жалованье учителя, а тѣмъ болѣе учителя съ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ, а такъ какъ духовенство заниматься въ школѣ тоже не желаетъ, то ученья въ школѣ по большей части не производится вовсе. Въ нынѣшнемъ ($189^7/_8$) году ученья въ школѣ тоже, кажется, не будетъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мѣсто учителя остается незанятымъ" ***). Мѣстный корреспондентъ „Сибири", описывая эту школу, сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности. „По большей части въ школѣ нѣтъ вовсе ученья, — говоритъ онъ,—хотя деньги на жалованье учителю сбираются съ неукоснительною точностью (куда эти деньги идутъ — аллахъ вѣдаетъ). Въ прошломъ ($189^6/_7$) году въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ ней занимался сынъ мѣстнаго священника (юноша, уволенный изъ духовнаго училища за участіе въ изнасилованіи дѣвушки; двое другихъ его товарищей были сосланы за это съ лишеніемъ правъ), но по требованію начальства былъ отрѣшенъ отъ этой должности". Пріѣхавшая было сюда „патентованная" учительница убѣжала послѣ нѣсколькихъ недѣль службы. Положеніе ея здѣсь было дѣйствительно не изъ завидныхъ. „Страшная глушь, гдѣ часто нельзя купить даже чернаго хлѣба, десятирублевое мѣсячное жалованье, на которое лишь съ большимъ трудомъ можно просуществовать даже одному, старуха мать на рукахъ, бѣдность школы въ учебникахъ и другихъ учебныхъ принадлежностяхъ и въ заключеніе 46 учениковъ. Учительница просила было священника, чтобы онъ побудилъ мѣстнаго псаломщика помогать ей въ занятіяхъ, но получила отказъ. Удивительно-ли,—спрашиваетъ корреспондентъ,—что наша школа за все время своего существованія не выпустила ни одного ученика, окончившаго курсъ" ****). Не лучше обстоитъ дѣло въ церковной школѣ села Устькеми, того-же округа, гдѣ учительствовалъ полуграмотный пьяница—псаломщикъ Гр—въ, вскорѣ попавшій подъ

*) «Сибирская Жизнь», 1897 г., № 257.
**) «Томскій Листокъ», 1897 г., № 200.
***) «Томскій Лист.», 1897 г., № 200.
****) «Сибирь», 1897 г., № 144.

судъ за изнасилованіе крестьянской дѣвицы. Наконецъ, ту-же картину школьнаго запустѣнія рисуетъ корреспондентъ „Сибири“ изъ с. Чалбушевскаго, того-же округа. Прекрасное помѣщеніе мѣстной двухклассной церковно-приходской школы, дорого стоившей обществу, гніетъ, по его словамъ, безъ всякой пользы. Уже нѣсколько лѣтъ ученья въ школѣ не производится. О церковной школѣ с. Кемскаго, Енисейскаго округа, намъ сообщаютъ, что она находится въ грязномъ и страшно холодномъ помѣщеніи сельскаго управленія. Учебниковъ и учебныхъ пособій въ школѣ почти никакихъ; учительствуетъ псаломщикъ, которому часто приходится пріостанавливать ученіе вслѣдствіе разъѣздовъ по приходу. Жалованье получаетъ грошовое. При школѣ нѣтъ даже сторожа: топить ее, мести и исполнять рядъ другихъ работъ приходится ученикамъ; моютъ школу всего раза три въ годъ. Неудивительно, что, просуществовавши лѣтъ семь, школа почти никого не научила грамотѣ.

Общую характеристику церковныхъ школъ Красноярскаго округа этой губерніи даетъ „Енисей“,—газета, какъ я уже замѣтилъ выше, сочувствующая церковной школѣ. „Преобладающимъ большинствомъ въ округѣ,—говоритъ хроникеръ ея,—являются церковно-приходскія школы; если онѣ преобладаютъ количествомъ, то это еще не значитъ, что и качествомъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, церковно-приходскія школы помѣщаются или въ наемныхъ помѣщеніяхъ или ютятся въ церковныхъ сторожкахъ; помѣщенія безъ сомнѣнія тѣсныя и далеко не удовлетворяющія санитарнымъ условіямъ, тогда какъ министерскія школы, обладая собственными помѣщеніями, съ большими свѣтлыми классами, достаточнымъ воздухомъ, являются вполнѣ гигіеничными. Преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ ведутъ дьяконы или псаломщики подъ наблюденіемъ священниковъ, которые, будучи обыкновенно обременены исполненіемъ требъ по своему приходу, едва-ли въ состояніи не только сами заниматься съ ребятами, но и слѣдить за идущимъ въ школѣ преподаваніемъ; рѣдко встрѣчаются учителя, но кто эти учителя“? *)

Это заключительное восклицаніе корреспондента напоминаетъ мнѣ церковную школу дер. Башкиръ, Енисейскаго округа, которую мнѣ приходилось наблюдать лично. Школа эта открылась нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ давленіемъ понуканій свыше. Учителемъ въ нее опредѣленъ былъ мальчуганъ лѣтъ 14-ти, который никакъ не могъ одолѣть курса народной школы и, пробывши нѣсколько лѣтъ въ министерской школѣ сосѣдняго села, былъ уволенъ изъ перваго отдѣленія ея. Попавши въ учителя, мальчуганъ этотъ велъ себя съ своими учениками совсѣмъ за панибрата и терпѣлъ отъ нихъ не мало обидъ: они били его, ста-

*) «Енисей», 1898 г.

вили во время классныхъ занятій въ уголъ носомъ и т. д. Послѣ него въ той-же школѣ подвизался на педагогическомъ поприщѣ псаломщикъ сосѣдняго села, — юноша разгульный и малограмотный, не обладающій даже низшимъ законченнымъ образованіемъ. Онъ долженъ былъ на каждый урокъ ѣздить сюда за четыре версты, и потому легко себѣ представить, насколько аккуратно шло преподаваніе. Только послѣднія двѣ зимы въ школѣ этой занимается особая учительница съ низшимъ образованіемъ. За все время своего существованія школа эта не выпустила ни одного ученика.

Обстоятельныя данныя по школьному вопросу имѣются относительно Алтая. Они были собраны обществомъ любителей изслѣдованія Алтая посредствомъ разсылки по всѣмъ школамъ Алтайскаго округа особыхъ программъ съ вопросными пунктами и недавно опубликованы. И здѣсь церковнымъ школамъ принадлежитъ послѣднее мѣсто. Большая часть ихъ не имѣетъ собственныхъ помѣщеній и ютится въ плохихъ хибаркахъ, не отвѣчающихъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Учителя съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ составляютъ 70% общаго числа учителей алтайскихъ церковно-приходскихъ школъ; въ миссіонерскихъ школахъ округа, которыя служатъ спеціально для религіознаго обученія инородцевъ и смотрятъ на грамотность и письмо лишь какъ на подспорье, учителей съ нѣкоторой подготовкой еще менѣе, именно только 20%. Большинство учителей алтайскихъ школъ духовнаго вѣдомства настолько безграмотны, что присланные ими отвѣты на программу едва можно прочитать *). Низкій образовательный уровень алтайскихъ учителей въ значительной степени зависитъ отъ ихъ жалкаго матеріальнаго обезпеченія и той обстановки, въ которой имъ приходится жить и работать.

Вообще подростки съ образованіемъ министерской народной школы въ Сибири нерѣдко фигурируютъ не только въ школахъ грамоты, но и въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ самостоятельныхъ учителей. Что представляютъ иногда изъ себя эти школы по числу учащихся, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ церковно-приходской школѣ с. Покровскаго, Якутской обл., въ 1897 г. училось всего... два мальчика **). Въ вилюйской городской церковно-приходской школѣ, отличающейся своимъ полнымъ убожествомъ, въ томъ-же году училось

*) III-ій томъ «Алтайскаго сборника» (Барнаулъ, 1898 г.) приводитъ нѣсколько примѣровъ ороографіи учителей церковныхъ школъ. Заимствуемъ изъ нихъ:

«Въ пріемѣ отказа не было, приглашенія къ одаче было нѣсколько разъ»... «Пять перемѣновъ, каждый перемѣнъ пять минутъ»...

«По неимѣнію библіотеки выдается учебныя книги—евангеліе напр.»...

**) «Вост. Обозр.», 1897 г., № 124.

пять мальчиковъ *). Церковныя школы съ 8—10 учениками въ Сибири — вещь заурядная. Къ началу 1897 г. среднее число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ иркутской епархіи было 10,9 въ якутской—9,1 **).

Церковныя школы Туруханскаго края представляютъ изъ себя, по описанію корреспондента „Сиб. Жизни", обычную картину запустѣнія. „Въ гор. Туруханскѣ имѣется церковно-приходская школа, въ которой обучается около 10 учениковъ и ученицъ, дѣтей мѣстныхъ городскихъ обывателей. Инородцы дѣтей своихъ не отдаютъ въ школу, хотя среди тунгусовъ, напр., имѣются довольно состоятельныя лица, которыя могли-бы оставить дѣтей въ городѣ для обученія и нѣкоторые были-бы не прочь отъ этого. На вопросъ, почему онъ беретъ своего сына изъ школы послѣ 2-хъ мѣсячной учобы, одинъ тунгусъ отвѣтилъ: „что это за школа! здѣсь развѣ путному научатъ". Къ сожалѣнію, такое-же мнѣніе о туруханской школѣ распространено и среди мѣстныхъ крестьянъ. Говорятъ, что прежде здѣсь было министерское училище и тогда хорошо обучали. Мѣстный благочинный, постоянно занятый разъѣздами по обширному краю и другими дѣлами (и къ тому-же не обладающій даже низшимъ законченнымъ образованіемъ—добавимъ мы отъ себя), очевидно, не можетъ лично завѣдывать школой, и „всѣмъ наукамъ" въ ней обучаетъ псаломщикъ, человѣкъ, можетъ быть, и ученый, но врядъ-ли на самый снисходительный взглядъ годный для учительской должности. Система преподаванія совершенно первобытная. Родители учениковъ недоумѣваютъ, какъ это учитель заставляетъ заучивать молитвы безъ всякаго объясненія текста. Школьникамъ задаютъ выучить, тоже не поясняя текста, по священной исторіи „отъ сихъ до сихъ", причемъ, очевидно, самъ не понимая текста, учитель велитъ останавливаться на серединѣ фразы и ученикъ зубритъ, заканчивая урокъ словами „потечѐ" (дѣло идетъ о принесеніи Исаака въ жертву Авраамомъ), а куда и зачѣмъ „потечѐ", оставляется до другого раза. Педагогическіе пріемы въ мѣстной школѣ очень разнообразны: бывшій учитель г. Г. (псаломщикъ, нынѣ уволенный) предпочиталъ поднимать учениковъ „за чубъ" на четверть отъ пола. Нынѣшній учитель даетъ щелчки въ лобъ, при томъ съ такимъ успѣхомъ, что у сына городового старосты г. Туруханска появился на лбу внушительный синій знакъ и родители, рѣшивъ, что, онъ „обученъ" уже достаточно, взяли мальчика изъ школы. Рѣчь господина учителя весьма живописна и испещрена ласкательными прозвищами: „ослы" и т. д. ***). Корреспондентъ другой газеты описываетъ церковно-приходскую школу г. Туруханска не

*) «Вост. Об.», 1898 г. № 2.

**) «Сибирскій торгово-промышленный календарь» Романова на 1899 г., стр. 130 и 142.

***) «Сибирская Жизнь», 1899 г., № 28.

менѣе мрачными красками. „Въ качествѣ педагога, — говоритъ онъ, — въ школѣ подвизается въ настоящее время псаломщикъ, человѣкъ малограмотный, во хмѣлю буйный и слишкомъ часто пьяный. „Братцы, учитель еще пьянъ, уроковъ не будетъ“, констатируютъ школяры, придя въ школу послѣ рождественскихъ каникулъ. Пинки и колотушки процвѣтаютъ въ этой школѣ, но, не смотря на эти поощрительныя мѣры, ученики пріобрѣтаютъ крайне скудныя познанія. Не везетъ нашему училищу!“ восклицаетъ корреспондентъ въ заключеніе *).

Тоже самое представляетъ изъ себя церковно-приходская школа с. Монастырскаго, Туруханскаго края, находящаяся при мѣстномъ монастырѣ. „Духовное вѣдомство, — разсказываетъ корреспондентъ „Сиб. Ж.“,—отпускаетъ извѣстную сумму на содержаніе обучающихся инородческихъ дѣтей. Таковыхъ дѣйствительно учится нѣсколько. Однако можно опасаться, что они разбѣгутся, ибо кормятъ ихъ отвратительно и содержатъ изъ рукъ вонъ грязно. Ученіе, по слухамъ, тамъ поставлено много лучше, чѣмъ въ школѣ Туруханской; учитель окончилъ семинарію и свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, именно среди инородческихъ дѣтей личность учителя не можетъ пользоваться надлежащимъ нравственнымъ авторитетомъ, такъ какъ г. С., обязанный по должности катехизатора заниматься просвѣщеніемъ инородцевъ, вызвалъ среди нихъ къ себѣ ненависть своими беззаконными поступками и въ настоящее время состоитъ подъ слѣдствіемъ по различнымъ дѣламъ, начиная съ дѣла о выбитіи зубовъ инородцу за то, что онъ „слишкомъ дорого“ требовалъ за проданные мѣха (г. С. не чуждъ коммерческихъ операцій), продолжая дѣломъ объ „отнятіи“ таковыхъ мѣховъ безъ всякаго вознагражденія и кончая дѣлами посерьезнѣе“... **).

Такимъ образомъ, оказывается, что церковно-приходская школа въ Сибири сплошь и рядомъ никуда не годится даже въ городахъ. Характернымъ примѣромъ этого можетъ служить вилюйская церковно-приходская школа. Многіе годы ютилась она въ старыхъ, грязныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ и только теперь обзаводится собственнымъ помѣщеніемъ. Строитъ помѣщеніе на свой собственный счетъ мѣстный купецъ Харитоновъ, а мѣсто подъ нее покупается у предсѣдателя мѣстнаго епархіальнаго училищнаго совѣта, благочиннаго протоіерея о. Михаила Винокурова. „Мѣсто это, — говоритъ корреспондентъ „Вост. Обозр.“, — о. Винокуровъ купилъ въ прошломъ году за 50 руб., а теперь предлагаетъ подъ школу за 500 рублей“ ***).

Рвеніе, съ которымъ мѣстное духовенство старается привлечь ребятишекъ въ эту школу, поистинѣ умилительно. „Недавно

*) «Вост. «Обозр.», 1899 г., № 32.

**) «Туруханскія письма», «Сиб. Жизнь», 1899 г., № 28.

***) «Вост. Обозр.», 1898 г., № 48.

смѣнился учитель, — разсказываетъ только что цитированный авторъ,—вновь назначенный занимаетъ должность дьякона. Школа никогда не могла похвалиться обиліемъ учениковъ. При новомъже учителѣ, благодаря новымъ методамъ преподаванія, ихъ стало еще меньше, но и тѣ на дняхъ, во главѣ съ единственнымъ ученикомъ старшаго отдѣленія, отказались посѣщать школу. Свой отказъ они мотивировали тѣмъ, что въ школѣ все равно ничему не научиться. Учитель, чтобы спасти школу, послалъ парламентера къ старшему ученику и его матери. Парламентеръ убѣждалъ ученика ходить въ школу, обѣщалъ, что въ скоромъ времени въ школѣ будутъ давать даровую пищу и теплую одежду. Когда-же тотъ (нужно замѣтить, что старшій ученикъ довольно способный и прилежный мальчикъ) продолжалъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, то былъ посланъ къ отцу благочинному. Тотъ тоже пробовалъ убѣждать, потомъ началъ стращать, что непокорныхъ учениковъ вышлютъ съ семействами въ улусъ; а когда и это не подѣйствовало, то прибѣгли къ столь любезной сердцу якутовъ дабѣ *): пять аршинъ дабы покорили сердце строптиваго. Остальные ученики тоже заявили желаніе получить по пяти аршинъ и обѣщали тогда посѣщать школу, но имъ было отказано. Теперь, заключаетъ корреспондентъ, инцидентъ, повидимому, исчерпанъ, и протестанты, въ числѣ 8 человѣкъ, начали посѣщать школу“ **).

Не вездѣ, впрочемъ, ученики держатся такъ независимо и заставляютъ себя уламывать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ облагаютъ даже разнаго рода натуральными повинностями, въ родѣ приношеній, работъ и т. д. Иногда въ это дѣло вмѣшивается и начальство, не имѣющее къ школамъ никакого отношенія. Такъ, объ ученикахъ шкотовской церковной школы, Приморской области, сообщаютъ, что начальникъ округа предписалъ имъ топить въ школѣ печи, носить дрова, исправлять улицы, прокапывать канавы, устилать ихъ камнями и т. д. Все это продѣлывается неукоснительно, но за то ученики школы, пробывши въ ней нѣсколько лѣтъ, остаются неграмотными ***).

Корреспондентъ „Восточн. Обозр.“ изъ с. Китойскаго, Иркутской губ., тоже сѣтуетъ на порядки мѣстной церковно-приходской школы. Въ 1898 г. пріѣхала было сюда учительница съ законченнымъ гимназическимъ образованіемъ. „Мы обрадовались,—разсказываетъ корреспондентъ,—разсчитывая, что, наконецъ, наши ребятишки будутъ учиться и чему-нибудь выучатся. Но, послѣ двухъ мѣсяцевъ пребыванія у насъ, учительница покинула Китой“.

„Зданіе нашей церковно-приходской школы построено, надо думать, на корѣ болота, которая и выпучивается постоянно, про-

*) Даба — грубая самотканная матерія, изъ которой сибиряки шьютъ рабочую верхнюю одежду.

**) «Вост. Об.», № 48 за 1898 г.

***) «Сибирь», 1897 г., № 76.

изводя различныя искривленія, щели и трещины въ полахъ, стѣнахъ и потолкахъ. Кругомъ зданія ни оградки, ни воротъ, ни амбарушки, ни кладовки, ровно ничего: одно чистое поле. Пріѣхавшая учительница вздумала постирать бѣлье, постирала, развѣсила снаружи вдоль стѣны, а когда вздумала посмотрѣть, высохло-ли оно, не нашла и половины: добрые люди раньше времени сняли и унесли.

„Сторожа при школѣ не имѣется, такъ что приходится дѣлать все самой. Мѣстный трапезникъ разъ въ день притащитъ охапку дровецъ, положитъ ихъ подлѣ крыльца, тутъ же поставитъ полведерка (полнаго нельзя, потому что дырявое) воды и былъ таковъ. Въ помѣщеніи учительницы полное отсутствіе какой-бы то ни было мебели, только голыя стѣны, полъ и потолокъ, располагайся, какъ знаешь. Учебныхъ пособій никакихъ. Ни листика бумаги, ни одного карандаша, ни пера, ни чернилъ, ничего такого, что́ бы можно было назвать руководствомъ: кусочекъ „Азбуки—копейки", частичка „Родного Слова", листки „Золотого букваря", половина „Добраго Слова", остатки „Наглядной азбуки" и т. д., все въ томъ-же родѣ,—фигурировали въ школѣ, какъ руководства.

„Подумайте, какъ съ такими „руководствами" обучать 20 человѣкъ дѣтей единовременно? Жалованья учительницѣ полагается въ мѣсяцъ 15 рублей да 3 руб. отъ попечителя, но получить эти гроши не такъ легко. Въ селѣ ихъ нельзя получить, а надо за ними отправляться въ Иркутскъ. И вотъ для послѣдняго надо нанять подводу, за которую берутъ въ одинъ конецъ 3 рубля, обратный — 3 руб., въ городѣ нужно остановиться гдѣ-нибудь, и не ѣвши нельзя, надо, стало-быть, еще хоть рублишко израсходовать. Въ заключеніе на цѣлый мѣсяцъ остается 11 руб. Можно-ли на нихъ жить при нашей дороговизнѣ?

„Побилась, побилась молодая женщина (у нея былъ ребенокъ 6—7 мѣс.) да и бросила, уѣхала въ Иркутскъ искать чего-нибудь болѣе сноснаго, позволяющаго существовать сколько нибудь по человѣчески" *).

Столь-же мрачную картину рисуетъ корреспондентъ той-же газеты изъ с. Голоустнаго, Иркутской губ. „Въ завѣдываніи здѣшней миссіи,—говоритъ онъ,—находится станъ, по размѣрамъ равный нѣмецкому княжеству, при отсутствіи къ тому-же удобныхъ путей сообщенія. Разъѣзды для совершенія требъ отнимаютъ много времени у псаломщика въ ущербъ его учительской дѣятельности, и школьное дѣло приносится въ жертву прямымъ обязанностямъ. Не удивительно, что школа пустѣетъ и что до сихъ поръ процвѣтаетъ педагогъ-поселенецъ. Помѣщеніе школы заставляетъ желать многаго. Совмѣщеніе квартиры псалощика, человѣка семейнаго, съ классами неудобно, тѣмъ болѣе, что вся квар-

---

*) «Восточн. Обозр.», 1898 г.

тира состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ тонкой перегородкой, холодныхъ и сырыхъ. Трудъ псаломщика безплатенъ" *).

Бѣдность Амгинско-Олекминской церковно-приходской школы доходитъ до того, что, по недостатку партъ, многіе ученики дѣлаютъ письменныя упражненія, стоя на колѣняхъ у табуретовъ и стульевъ. Помѣщеніе школы очень тѣсно **).

Изъ примѣровъ этого рода, встрѣчающихся чуть-ли не въ каждомъ нумерѣ сибирскихъ газетъ, кажется было-бы можно составить цѣлые томы ***).

IV.

Имѣя въ общихъ чертахъ картину современнаго положенія церковной школы въ Сибмри, попытаемся теперь опредѣлить отношеніе къ ней мѣстнаго населенія.

Увеличеніе числа церковныхъ школъ въ Сибири, какъ мы уже видѣли, далеко не имѣетъ того безусловнаго характера, какой ему любятъ приписывать сторонники послѣднихъ. Рядомъ съ возникновеніемъ новыхъ церковныхъ школъ, здѣсь замѣчается довольно частое закрытіе школъ этой категоріи уже существующихъ, или преобразованіе ихъ, по ходатайству сельскихъ обществъ, въ школы министерскія. Такъ, въ Якутской области въ 1897 г., сравнительно съ предыдущимъ, число церковныхъ школъ сократилось, вслѣдствіе закрытія четырехъ школъ грамоты ****). Въ

---

*) «Восточн. Обозр.». 1899 г., № 32.

**) «Сибирь», 1897 г., № 140.

***) Пишущій эти строки самъ былъ учителемъ церковной школы нѣсколько лѣтъ, — во второй половинѣ 80-хъ и въ первой половинѣ 90-хъ гг. Было это, правда, не въ Сибири, а въ Саратовской губ., но нѣкоторыя собственныя воспоминанія будутъ, думается мнѣ, не лишними въ этой статьѣ. Первая моя школа помѣщалась въ тѣсной, сырой, страшно холодной и угарной сторожкѣ, гдѣ къ тому-же жило все семейство трапезника (сторожка вся состояла изъ одной комнаты). Завѣдующимъ школою и законоучителемъ считался мѣстный священникъ, хотя фактически всѣ заботы о школѣ и преподаваніе Закона Божія лежало почти всецѣло на мнѣ. Учебныхъ пособій не было никакихъ, обученіе грамотѣ совершалось по лубочнымъ изданіямъ. На слѣдующій годъ мнѣ пришлось учительствовать въ церковной школѣ другой деревни, отстоящей отъ резиденціи приходскаго священника на двѣ версты. Ученіе совершалось при точно такихъ-же условіяхъ, какъ и въ первой, съ тою только разницею, что мѣстный священникъ не посѣтилъ школу въ теченіе учебнаго года ни одного раза, и я — прошу принимать мои слова буквально—до сихъ поръ ни разу въ жизни не видалъ этого священника въ лицо. Между тѣмъ въ мѣстномъ епархіальномъ отчетѣ за этотъ годъ онъ числился завѣдующимъ и законоучителемъ моей школы и даже получалъ гонораръ за преподаваніе Закона Божія. Въ третьей деревнѣ, гдѣ я учительствовалъ послѣ того въ церковной школѣ, повторилась та-же самая исторія.

****) Ѳ. Романовъ. «Торгово-промышленный календарь Сибири на 1899 г.» стр. 142.

Тобольской губерніи въ 189¾ г. открыто вновь церковно-приходскихъ школъ 31, а закрыто—76. За то въ этой губерніи мы замѣчаемъ усиленный ростъ министерскихъ школъ. Къ 1 января 1898 г. въ ней было 360 сельскихъ министерскихъ школъ, на которыя отпускалось ежегодно 115,775 руб., тогда какъ по смѣтѣ предыдущаго трехлѣтія въ губерніи числились лишь 239 министерскихъ школъ и на содержаніе ихъ отпускалось 78,265 руб. въ годъ. Въ 1897 г. здѣсь постановлено общимъ присутствіемъ губернскаго управленія открыть 80 новыхъ министерскихъ школъ, причемъ сельскія общества приняли приговорами на свой счетъ постройку помѣщеній для вновь открываемыхъ школъ, отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги. Остальные расходы отнесены на суммы земскихъ и частныхъ волостныхъ повинностей *). Очень нерѣдко въ сибирской печати отмѣчаются и единичныя явленія въ этомъ родѣ. Такъ, корреспондентъ „Вост. Обозр." сообщаетъ, что въ Нижнеудинскомъ округѣ открываются 6—7 министерскихъ школъ по ходатайству крестьянскихъ обществъ. Пять мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ прислали недавно прошенія на имя директора народныхъ школъ, чтобы существующія у нихъ церковно-приходскія школы закрыть и вмѣсто нихъ открыть министерскія. Ходатайство это было отклонено мѣстною епархіальною властью **). Вообще въ этомъ округѣ, по словамъ „Сиб. Вѣстн.", количество церковныхъ школъ за послѣдне время значительно сократилось, а числящіяся школы не всѣ существуютъ въ дѣйствительности, и не удовлетворяютъ своему назначенію. Въ с. Подсопочномъ, Ачинскаго окр., по желанію крестьянъ, открывается министерская школа по уставу 1828 г. Существовавшія ранѣе на всю волость, состоящую изъ 11 деревень, двѣ церковно-приходскія школы за все время существованія выпустили по экзамену только одного окончившаго и потому не пользовались симпатіями населенія ***). Корреспондентъ „Томск. Листка" сообщаетъ изъ селенія Краснорѣченскій Заводъ, Боготольской вол., что мѣстные крестьяне, неудовлетворенные своей церковно-приходской школой, подали крестьянскому чиновнику своего участка прошеніе о возбужденіи ходатайства объ открытіи у нихъ школы министерства народнаго просвѣщенія, причемъ къ прошенію приложили свой общественный приговоръ, коимъ они обязуются выстроить на средства своего общества зданіе для школы, отапливать ее и давать сторожа. Той-же газетѣ сообщаютъ изъ села Колпашева, Томск. окр., что „съ переходомъ школъ грамоты въ вѣдѣніе духовенста крестьяне отказываются отъ выдачи необходимыхъ суммъ на ихъ содержаніе". Еще до этой передачи „въ с. Колпашевѣ при министерской школѣ была открыта, параллельно, школа грамоты, и съ самаго

*) «Сибирь», 1897 г.. № 98.
**) «Вост. Обозр.», 1897 г., № 129.
***) «Сибирь», 1897 г., № 140.

начала стала функціонировать весьма успѣшно: учениковъ собралось свыше 60 человѣкъ, но теперь (т. е. послѣ передачи ея духовенству) крестьяне платить на содержаніе ея обусловленные 5 руб. ежемѣсячно отказались—и школа закрыта. По той-же причинѣ,—добавляетъ корреспондентъ,—закрыты школы грамоты въ юртахъ Амбарцевыхъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ и юртахъ“ *). Изъ гор. Нарыма, той-же губерніи, несутся однородныя извѣстія. „Съ отъѣздомъ священника,—старика о. Ерленсова, народныя чтенія здѣсь прекратились. Новый молодой священникъ замѣнилъ ихъ внѣбогослужебными бесѣдами. Его симпатіи къ церковно-приходскимъ школамъ пока не имѣютъ успѣха, такъ какъ наталкиваются на скептицизмъ обывателей, питающихъ больше довѣрія къ существующей въ Нарымѣ министерской школѣ“ **). Въ 1897 г. Кривинское сельское общество, Барнаульскаго округа, составило приговоръ съ выраженіемъ желанія замѣнить церковную школу министерской“ ***). Однородный случай былъ въ томъ-же году въ дер. Песьянкѣ, Томской губ. Общество составило приговоръ, въ которомъ ходатайствовало о закрытіи у нихъ школы грамоты. Приговоръ этотъ попалъ подъ сукно, и недовольство общества выразилось въ томъ, что 12-го апрѣля 1897 г., во время обычныхъ занятій, въ школу явился сельскій староста Драманъ и объявилъ учителю Сырачеву, чтобы онъ прекратилъ ученіе, такъ какъ общество не намѣрено болѣе платить за квартиру. По жалобѣ завѣдующаго школою священника, дѣло это поступило къ мѣстному чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ и тотъ призналъ дѣйствія старосты заслуживающими уваженія ****).

Не менѣе характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ, передаваемый „Вост. Обозр.“. Ново-Иковское сельское общество, Салтасарайской вол. Курганскаго округа, доноситъ волостному правленію, что зданіе церковно-приходской школы, находящееся въ ихъ обществѣ, стоитъ незастрахованнымъ и что оно, Ново-Иковское общество, принимать на себя страховые платежи не желаетъ. Волостное правленіе извѣщаетъ объ этомъ священника, завѣдующаго школой, утверждая, что школа должна страховаться за счетъ крестьянскаго общества, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, что школа „стоитъ не пустая“, а имѣетъ учащихся. Въ отвѣтъ на такое замѣчаніе Ново-Иковское сельское общество пишетъ: „Съ возвращеніемъ настоящей переписки правленіе имѣетъ честь увѣдомить, что страховые платежи за 1897 годъ за зданіе церковно-приходской школы не уплачены, но платить общество потому болѣе не желаетъ, что со времени существованія помянутой школы никого изъ учениковъ выпущено *грамотнымъ* не

*) «Томскій Листокъ», 1898 г.
**) «Сибирь», 1897 г., № 10.
***) «Сибирь», 1897 г., № 105.
****) «Сиб. Жизнь», 1898 г., 163.

было, а потому,—хотя она, школа, и не пустая стоитъ, но пользы не приноситъ. Подписалъ: Ново-Иковскій сельскій староста Андреевъ. 16 іюня 1897 г., № 115" *). Изъ деревни Паламошной, Томской губ., пишутъ, что полная безуспѣшность занятій въ мѣстной церковной школѣ заставила крестьянъ окончательно разочароваться въ ней. „Проходятъ мѣсяцы, школяры и читать-то почти не умѣютъ, а о письмѣ и счетѣ нечего и говорить. За то молитвы выучили, правда, хорошо". Стремленіе населенія къ грамотности и его недовольство существующею школою привели къ тому, что на сцену выступилъ еле грамотный безпаспортный бродяга и, открывши за извѣстную плату домашнее обученіе грамотѣ, переманилъ почти всѣхъ учениковъ изъ безплатной церковной школы **). Изъ Барнаульскаго округа „Сибири" сообщаютъ, что крестьяне уже не ждутъ толка отъ церковныхъ школъ и стараются замѣнять ихъ министерскими ***). Жарковское сельское общество, Томской губ., не удовлетворяясь существующею у нихъ церковною школою, въ 1897 г. возбудило ходатайство объ открытіи у нихъ министерской школы. Въ ожиданіи удовлетворенія этого ходатайства, общество собрало до 450 рублей, купило собственный домъ и вполнѣ приспособило его для училища. Изъ Ларихинскаго прихода, Ишимскаго окр., „Степн. Краю" сообщаютъ, что здѣсь въ деревняхъ въ 1898 г. сразу открыто, по иниціативѣ крестьянъ, три министерскихъ школы.

Сообщая о недостаткахъ сибирскихъ церковныхъ школъ, корреспонденты нерѣдко разражаются упреками по адресу ихъ учителей, изъ за куска хлѣба берущихъ на себя дѣло не по силѣ. Какъ ни естественны эти жалобы со стороны обывателя, мы находимъ ихъ слишкомъ строгими. Можно-ли быть требовательнымъ по отношенію къ жалкимъ недоучкамъ.

Много также вредитъ дѣлу антагонизмъ между школами церковными и министерскими. Особенно рѣзко это недоброжелательство сказывается со стороны первыхъ къ ихъ якобы соперницамъ. Изъ села Иштанъ, Томскаго окр., сообщали, напр., въ „Томскій Листокъ", что крестьяне этого села почему-то обѣгаютъ мѣстную церковно-приходскую школу, отдавая явное предпочтеніе министерской. „Послѣдняя,—говоритъ корреспондентъ,—существуетъ около 20 лѣтъ и имѣетъ 40 учениковъ. Церковно-приходская школа открыта въ 1895 г. и могла найти только 9 учащихся. Она, чтобы не отстать отъ своей соперницы, старается переманить къ себѣ оттуда учениковъ. Все это дѣлается въ селѣ, добавляетъ корреспондентъ, состоящемъ изъ 70 дворовъ, гдѣ дай Богъ процвѣтать хотя одной благоустроенной школѣ".

---

*) «Вост. Обозр.», 1898 г. № 36.
**) «Сибирь», 1897 г., № 80.
***) «Сибирь», 1897 г., № 105.

Съ жалобами на тотъ-же антагонизмъ встрѣчаемся мы и въ корреспонденціи „Вост. Обозр." изъ с. Тунки. Представивъ довольно непривлекательную картину положенія въ своемъ селѣ школьнаго дѣла, хотя здѣсь двѣ школы—одна министерская, другая церковно-приходская, — корреспондентъ говоритъ: „При добромъ отношеніи школъ между собою и къ дѣлу, идя рука объ руку, онѣ могли-бы хоть нѣсколько удовлетворить потребности жителей. Но, къ несчастью, о такомъ мирѣ между школами не приходится и думать. Церковно-приходская школа почему-то видитъ въ своей сосѣдкѣ соперника и питаетъ къ ней какую-то вражду.

На отношенія того-же рода наталкиваемся въ корреспонденціи изъ Нижнеудинска. Сообщивши, что въ округѣ въ настоящее время числится 18 школъ мин. нар. просв., 21 школа церковно-приходская и 16 школъ грамоты, авторъ говоритъ: „Жаль одного, что учителя церковныхъ школъ почему-то недружны съ учителями министерскихъ школъ и ведутъ съ ними братоубійственную войну, но крестьяне крѣпко вѣрятъ въ министерскую школу и очень часто просятъ губернское начальство—церковную школу замѣнить министерской. Министерская школа смотритъ на возникновеніе церковной школы, какъ на двигателя прогресса, и съ большой охотой, въ видахъ взаимнаго обединенія на почвѣ учебно-воспитательнаго дѣла, согласилась-бы устраивать особыя педагогическія собесѣдованія, но учителя церковныхъ школъ на это объединеніе не соглашаются" *). Въ селѣ Тарханкѣ, Томской губ., мѣстный батюшка проявилъ почему-то ретивое желаніе превратить мѣстную министерскую школу въ церковно-приходскую, но встрѣтилъ отпоръ со стороны мѣстнаго населенія, предпочитавшаго министерскую школу.

Въ заключеніе намъ приходится отмѣтить еще одно странное явленіе — это крайній консерватизмъ мѣстнаго духовенства въ школьномъ дѣлѣ. Какъ ни низокъ культурный уровень педагогическаго персонала сибирскихъ школъ, но послѣдній является въ общемъ гораздо прогрессивнѣе мѣстнаго духовенства. Здѣсь, главнымъ образомъ, и кроется причина того, что „порядочные учителя и учительницы въ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ обыкновенно не уживаются съ „батюшками". Просматривая сибирскія газеты, нерѣдко приходится встрѣчать сообщенія о разныхъ симпатичныхъ, направленныхъ къ умственному и нравственному развитію населенія, начинаніяхъ мѣстныхъ учителей, и почти всегда главнымъ тормазомъ въ осуществленіи ихъ является мѣстное духовенство. Въ с. Тельмѣ, Ирк. губ., учитель Головщиковъ собралъ деньги на покупку волшебнаго фонаря для народныхъ чтеній и добился согласія мѣстнаго преосвященнаго разрѣшить эти чтенія подъ надзоромъ священника, но все дѣло

*) «Сиб. Жизнь», 1898 г., № 269.

разстроилось изъ-за того, что священникъ отказался принять на себя надзоръ за чтеніями *). Въ селѣ Усть-Абаканскомъ, Минус. окр., „не смотря на благія попытки учителя и полную возможность устроить школу поприличнѣй, такъ какъ крестьянскія средства есть, дѣло впередъ не подвигается, не встрѣтивъ особенно большихъ симпатій со стороны всесильнаго въ этомъ случаѣ мѣстнаго священника“ **). Въ с. Усть-Эрбинскомъ, того же округа, священникъ не позволилъ учительницѣ мѣстной церковно-приходской школы устраивать по праздникамъ чтенія для учениковъ, хотя въ чтеніяхъ этихъ чувствуется настоятельная потребность ***). Въ с. Яланскомъ, Енис. окр., чтенія для учениковъ, введенныя учителемъ министерской школы, встрѣтили враждебное отношеніе къ себѣ со стороны мѣстнаго священника, который, не принимая вообще въ веденіи чтеній никакого участія, ставилъ имъ разныя препятствія ****). Въ с. Никольскомъ, Минус. окр., крестьяне выстроили хорошее зданіе для школы и начали хлопотать объ открытіи у нихъ послѣдней. Хотя школа предполагалась церковная, но самымъ ожесточеннымъ врагомъ этого начинанія оказался мѣстный священникъ Б., который „запугивалъ крестьянъ тѣмъ, что школа будетъ для нихъ бременемъ. Послѣ священника Б., который сознательно шелъ противъ школы, его замѣстители игнорировали ее, точнѣе, ничего не сдѣлали въ обезпеченіе существованія школы и для пріобрѣтенія довѣрія къ ней со стороны населенія“. За то священникъ Т—скій сразу оттолкнулъ отъ нея здѣшнее населеніе, состоящее почти исключительно изъ раскольниковъ, проявленіемъ религіозной нетерпимости *****).

V.

Все сказанное выше, мнѣ кажется, въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что въ Сибири, въ силу цѣлаго ряда мѣстныхъ условій, церковная школа, сравнительно съ министерской, влачитъ жалкое существованіе, Матеріальная необезпеченность является лишь одною изъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія церковныхъ школъ, и потому проектируемое увеличеніе ассигновокъ на ихъ содержаніе лишь въ очень незначительной степени способно измѣнить положеніе дѣла. Главная причина заключается въ ошибочности самаго принципа, въ нецѣлесообразности взваливанія такого труднаго, сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ школьное образованіе народа, на духовенство, у котораго есть свои дѣла и свои обязан-

*) „Вост. Обозр.“, 1897 г.

**) „Сибир. Листокъ“, 1898 г.

***) „Енисей“, 1898 г., № 50.

****) „Сибирь“ 1897 г., № 124.

*****) „Сибирь“, 1897 г. № 107.

ности и для котораго школа всегда останется обузою, дѣломъ чуждымъ и второстепеннымъ, на которое оно будетъ въ лучшемъ случаѣ тратить лишь время, свободное отъ выполненія своихъ прямыхъ обязанностей. Въ такой ненормальной обстановкѣ школьное дѣло не можетъ идти хорошо, какъ-бы ни были велики денежныя затраты на него. Поэтому и идея о передѣлкѣ министерскихъ и другихъ народныхъ школъ въ церковно-приходскія является лишь въ высшей степени непрактичной... А между тѣмъ мы не касались еще главной причины, дѣлающей такое преобразованіе невозможнымъ.

Какъ извѣстно, населеніе Сибири въ очень значительной мѣрѣ состоитъ изъ разноплеменныхъ инородцевъ, которые или вовсе не принадлежатъ къ православію, или принадлежатъ къ нему только по имени. По отдѣльнымъ областямъ Сибири инородцы составляютъ отъ 10 (Томская губ.) до 94% (Якутская губ.) общаго числа населенія. Среди русскаго населенія Сибири тоже очень значительный процентъ составляютъ иновѣрцы, раскольники и сектанты. Собственно это-то обстоятельство и вызвало проектъ преобразованія всѣхъ народныхъ школъ Сибири въ церковно-приходскія, такъ какъ въ реформѣ этой видѣли средство къ распространенію и укрѣпленію въ Сибири христіанства *). Между тѣмъ обстоятельство это является самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ проектируемой реформы. Нечего и говорить, что вся эта масса иновѣрческаго и инородческаго населенія не можетъ симпатизировать преобразованію всѣхъ начальныхъ школъ въ церковно-приходскія, обладающія рѣзко выраженнымъ конфессіональнымъ характеромъ. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ одной статьи на эту тему, „несомнѣнно, разъ народная школа будетъ въ исключительномъ вѣдѣніи духовенства, то, какъ-бы она ни была хороша, раскольникъ и инородецъ будетъ въ ней чужой, онъ не пойдетъ туда и еще болѣе замкнется въ своей косности; ему будетъ отрѣзанъ путь къ просвѣщенію“ **).

И въ такое положеніе будутъ поставлены милліоны людей ***).

Это обстоятельство является въ высшей степени важнымъ: взаимная терпимость и просвѣщеніе наиболѣе надежный путь для сліянія съ инородческимъ и иновѣрческимъ населеніемъ и для пріобщенія его къ благамъ общей цивилизаціи и христіанства. Не даромъ „Амурская Газета“ отмѣчала недавно, что въ Амурской обл. въ послѣднее время замѣчается усиленіе наклонности къ принятію христіанства въ наиболѣе интеллигентной части инородцевъ, которыхъ коснулась европейская культура.

---

*) См. разсужденія объ этомъ «Церковн. Вѣдом.»., 1898 г., № 27.

**) М. Тумановъ. «Сибирская народная школа», «Сиб. Ж.», 1898 г., № 274,

***) Приблизительное количество иновѣрцевъ и инородцевъ Сибири можно опредѣлить по слѣдующимъ даннымъ о ихъ числѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ

„Общее образованіе—лучшая пропаганда христіанства“, — замѣчаетъ по этому поводу газета.

Насколько церковный характеръ школы отталкиваетъ отъ нея иновѣрцевъ, можно судить по слѣдующему примѣру. По даннымъ „Обзора церковныхъ школъ въ Томской губерніи за 1893—4 г.“ оказывается, что въ этомъ году въ церковныхъ школахъ губерніи иновѣрцевъ было $1,_{59}$% (на 11 тыс. учащихся 10 человѣкъ единовѣрцевъ, 69 раскольниковъ, 6 магометанъ и т. д.), между тѣмъ, какъ иновѣрцы (со включеніемъ единовѣрцевъ) составляютъ около 10% населенія губерніи. Въ Енисейской губерніи иновѣрцевъ въ церковныхъ школахъ, кажется, не было вовсе, по крайней мѣрѣ отчетъ за 1896—7 г. говоритъ исключительно о дѣтяхъ православныхъ. Даже подсчитывая общее число дѣтей школьнаго возраста по губерніи, чтобы опредѣлить процентъ ихъ, остававшійся вовсе внѣ школы, отчетъ принимаетъ во вниманіе только дѣтей православныхъ, какъ будто-бы дѣти значительнаго иновѣрческаго населенія губерніи въ школѣ не нуждаются. Изъ одного села Минусинскаго округа сообщаютъ, что тамъ раскольничье населеніе перестало пускать дѣтей въ школу послѣ того, какъ священникъ неизвѣстно почему поставилъ на школу большой четырехъконечный крестъ *). Эти недоразумѣнія на религіозной почвѣ— вещь очень нерѣдкая въ сибирскихъ деревняхъ съ населеніемъ различныхъ вѣроисповѣданій. На обязанностяхъ томскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества лежатъ между прочимъ и заботы объ огражденіи крещеныхъ инородцевъ отъ притѣсненій со стороны ихъ некрещеныхъ собратій **). Стоитъ, далѣе, вспомнить рядъ недоразумѣній, имѣвшихъ мѣсто въ Сибири во время всеобщей переписи 1897 г., когда мѣстные инородцы по-

---

и областяхъ Сибири, взятымъ нами изъ «Памятныхъ книжекъ» отдѣльныхъ губерній Сибири за 1897 и 1898 г.

Губерніи.	Общее число населенія.	Въ томъ числѣ: Правосл. и единовѣрцевъ.	Иновѣрц. и сектантовъ.	%инород. населенія.	% иновѣрч. населенія.
Томская губ.	1,713,469	1,588,359	125,110	10	$7,_3$
Енисейская губ. . .	569,989	519,680	50,309	11	$8,_8$
Иркутская губ. . . .	464,544	—	—	$21,_5$	$22,_3$
Забайкальская обл.	621.184	402,737	218,447	$29,_9$	$35,_2$
Амурская обл.	120,336 [1]	92,354	27,028	$11,_4$	$22,_5$
Приморская обл. [2] .	186,769	133,244	53.525	—	$28,_7$
Семирѣченская обл.	800,230	—	705,347 [3]	—	$88,_1$
Семипалатинск. обл.	622,507	65,726	556,781	$87,_9$	$89,_5$

[1]) Въ томъ числѣ 7,708—неизвѣстнаго вѣроисповѣданія.

[2]) Не считая Анадырскаго округа, населеннаго почти исключительно инородцами.

[3]) Это количество однихъ магометанъ въ области, такъ что общее число иновѣрцевъ въ ней будетъ еще выше.

*) „Сибирь“, 1897 г., № 107.

**) Отчетъ „Комитета“ за 1897 г.

дозрѣвали, что ихъ хотятъ обратить въ „гяурскую вѣру“. Преобразованіе всѣхъ мѣстныхъ школъ въ церковныя поведетъ только къ усиленію этой подозрительности и къ обостренію отношеній между православною и иновѣрческою Сибирью. Отвергнутымъ легальною школою, инородцамъ придется либо коснѣть въ полномъ невѣжествѣ, либо пробавляться своими собственными нелегальными школами. А что представляютъ изъ себя эти послѣднія— можно судить по описанію „Степного Края“ инородческихъ школъ Степного генералъ-губернаторства. „Существующія здѣсь татарско-сартскія школы, мектебы и медрессы не удовлетворяютъ ни своей общей постановкой, ни тѣмъ болѣе внутренними качествами, такъ какъ онѣ развиваютъ въ населеніи не знаніе, не сознательное отношеніе къ окружающей природѣ и условіямъ жизни, а тупой фанатизмъ и изувѣрство, еще увеличивающее рознь между народностями татарской и русской. Такія школы, руководимыя невѣжественными и фанатичными муллами, не могутъ дать никакихъ серьезныхъ знаній своимъ питомцамъ“.

Высшая степень продуктивности дѣятельности народной школы въ Сибири можетъ быть достигнута лишь при приданіи этой школѣ чисто свѣтскаго общеобразовательнаго характера.

Эта сторона вопроса заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ послѣднее время среди сибирскихъ инородцевъ замѣчается большое стремленіе къ грамотности. Буряты Иркутской губерніи, какъ извѣстно, почти поголовно грамотны (по-монгольски). Точно также довольно развита грамотность среди татаръ, населяющихъ юго-западную часть Енисейской губерніи. Немногочисленныя школы Степного края переполнены учащимися киргизами, и здѣсь нерѣдки случаи постройки послѣдними школъ на свой счетъ. Не отстаютъ отъ нихъ и алтайскіе калмыки. Такъ, въ 1897 г. два некрещеныхъ калмыка выстроили въ разныхъ концахъ урсульскаго отдѣленія алтайской миссіи на свои средства двѣ школы, съ цѣлью обучать въ нихъ безплатно дѣтей своихъ единовѣрцевъ. Помѣщенія обѣихъ школъ прекрасны; онѣ снабжены въ достаточномъ количествѣ учебными принадлежностями и при одной изъ нихъ строитель обѣщаетъ содержать до ста учениковъ, снабжая ихъ пищей и учебными принадлежностями. Вторая школа устроена жертвователемъ для того, чтобы „дать возможность обучаться своимъ соплеменникамъ язычникамъ, такъ какъ въ существующую въ Ончудаѣ миссіонерскую школу родители ихъ не пускаютъ боясь вліянія на послѣднихъ христіанства“ *).

Въ Охотскомъ округѣ недавно была учреждена подвижная школа даже среди бродячихъ тунгусовъ для обученія инородческихъ дѣтей русской грамотѣ. Возникновеніемъ своимъ школа

*) «Сиб. Жизнь», 1888 г., № 196.

обязана всецѣло заботамъ тунгуса Прокопія Хабарова *). Въ министерскихъ школахъ Тургайской обл., по отчету за 1896—7 г., учащихся инородцевъ (киргизовъ, татаръ и евреевъ) было столько-же, сколько и русскихъ (первыхъ 959, вторыхъ 961 **). Завѣдующій двуклассным киргизскимъ училищемъ въ донесеніи инспектору сообщаетъ, что наплывъ въ училище киргизскихъ дѣтей громадный и нѣтъ возможности удовлетворять просителей за неимѣніемъ вакансій. „Жалко смотрѣть,—говоритъ онъ,—какъ уѣзжаютъ обиженные родители непринятыхъ въ училище мальчиковъ. Особенно обижаются киргизы тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ аульныхъ школъ, такъ какъ въ училище принимаются преимущественно мальчики, окончившіе курсъ въ аульныхъ школахъ, а слѣдовательно—дѣти киргизовъ, не имѣющихъ у себя аульныхъ школъ, лишены и того, и другого образованія" ***). Киргизы Джиланкузовской и Кыбраевской волостей, Пишнековскаго у., рѣшили открыть у себя школу для обученія киргизскихъ дѣтей русской и киргизской грамотѣ и опредѣлили 700 руб. на постройку зданія для этой школы и по 520 руб. въ годъ на ея содержаніе ****). Въ дер. Оликанской, Читинскаго окр., выстроена начальная школа заботами и стараніемъ инородца Х. К. Золтуева *****). Примѣровъ въ этомъ родѣ сибирская жизнь даетъ не мало.

В. Арефьевъ.

Новыя книги.

Танъ. Чукотскіе разсказы. Спб., 1900.

На востокъ отъ Колымы, вдоль береговъ Ледовитаго океана на многія тысячи верстъ раскинулась суровая страна, населенная полудикими героями этихъ разсказовъ. Отношенія чукчей къ Россіи очень своеобразны,—въ сводѣ законовъ они названы „не совершенно-подданными". Въ одномъ изъ разсказовъ г. Тана („У Григорьихи") чукча-сказочникъ передаетъ отголоски преданія о маіорѣ Павлуцкомъ, извѣстномъ усмирителѣ башкиръ, который сдѣлалъ послѣднюю попытку полнаго подчиненія чукчей. Въ этой легендѣ Павлуцкій называется почему-то Якунинымъ. „Пришелъ Якунинъ, огнивный Тангъ (русскій), одѣтый желѣзомъ,

*) «Сибирь», 1897 г., № 87.
**) «Сибирь», 1897 г., № 98.
***) «Сибирь», 1897, № 122.
****) «Сиб. Жизнь», 1898 г.
*****) «Сибирь», 1897 г., № 63.

худо убивающій... Кого поймаетъ, худо убиваетъ: мужчинъ, повернувъ внизъ головой, разрубаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раскалываетъ пополамъ, какъ рыбу для сушенія". Во время похода этого „худо убивающаго" человѣка противъ чукчей, богатырь Эыргинъ вызываетъ его на бой и побѣждаетъ. „Съ тѣхъ поръ прекратилось жестокое убиваніе на этой землѣ"—закончилъ разсказчикъ. Чукчи перебили весь отрядъ Павлуцкаго. „Только двухъ таньговъ, бѣдныхъ работниковъ, оставили въ живыхъ. Самыхъ бѣдныхъ, вѣчно обижаемыхъ, которыхъ всю жизнь плохо кормили,—тѣхъ оставили живыми" и отослали въ качествѣ вѣстниковъ. Эта легенда довольно точно передаетъ эпизодъ, извѣстный въ исторіи, если не считать фамиліи Якунина,—повидимому заимствованной устнымъ преданіемъ у какого нибудь казацкаго предводителя, „худо убивавшаго", подобно Павлуцкому *). Какъ бы то ни было, походъ Павлуцкаго былъ, кажется, послѣдней попыткой этого рода, попыткой, правда, совершенно безцѣльной и ненужной. Не столько эпическое мужество чукотскихъ Эыргиновъ, сколько стихійныя препятствія — малая населенность страны, суровая неподатливость природы, огромныя разстоянія—все это ставитъ пока неодолимыя преграды „полному покоренію" суроваго племени. Государственная власть, христіанская религія, правовыя нормы закона совершенно безсильны надъ этими безконечными равнинами. Ихъ первобытная жизнь считается только съ непосредственными велѣніями „духовъ" безпощадной сѣверной природы.

Природа эта ужасна. Ужасна и жизнь подъ ея властію. До сихъ поръ мы знали объ ней лишь то, что можетъ дать сухая этнографія и коллекціи музеевъ. Но вотъ, случайности послѣднихъ десятилѣтій закинули туда „Веипа" („пишущаго человѣка"), который къ тщательности изслѣдованій этнографа прибавилъ черты наблюденія художественнаго. Въ теченіе цѣлыхъ годовъ г. Танъ ѣздилъ на нартахъ, запряженныхъ собаками, по этимъ бѣлымъ равнинамъ, входилъ въ занесенные снѣгомъ чумы, жилъ въ нихъ одною жизнью съ ихъ обитателями, наблюдалъ эту жизнь во всевозможныхъ ея проявленіяхъ. Въ результатѣ—рядъ картинъ, самая своеобразность которыхъ, проникающая однимъ тономъ всѣ подробности, ручается за ихъ полную правдивость. Трудно „выдумать" то, что даетъ намъ авторъ въ своихъ безыскусственныхъ разсказахъ.

Лучшій изъ нихъ—„На Каменномъ мысу". Онъ начинается съ описанія продолжительной метели, когда стремительные порывы вихря, вонзаясь въ поверхность ледяного „убоя", отрывали отъ нея мелкія, какъ сухая пыль, льдинки и наполняли ими

*) Въ одной малораспространенной брошюрѣ миссіонера свящ. Аргентова герой такой-же легенды называется ближе къ дѣйствительности «Полючка».

воздухъ,—и рисуетъ будничную жизнь въ двухъ чукотскихъ шатрахъ, пріютившихся подъ выступомъ каменнаго мыса, на берегу океана. Мы не станемъ передавать содержаніе разсказа, отсылая читателя къ самой книгѣ. Отмѣтимъ лишь главную черту, которая является основной и господствующей во всѣхъ очеркахъ г. Тана. Это непосредственная власть природы, одухотворенной и воплощаемой до степени полнаго реализма. Въ шатрахъ, вздрагивающихъ подъ дыханіемъ бури, продолжающейся цѣлую недѣлю, водворяется страхъ: буря грозитъ гибелью,—собаки перестаютъ ѣсть и лежатъ въ предчувствіи смерти. Выходя изъ шатра, обитатели связываются веревкой, чтобы буря не отвела въ сторону. Еще нѣсколько дней, и въ поселкѣ не останется живого дыханія. Тогда гость, чаунецъ, пріѣхавшій для торга, требуетъ у хозяевъ, чтобы они остановили вѣтеръ. „Хотя-бы кто нибудь пошаманилъ на встрѣчу вѣтру", говоритъ онъ. „У насъ въ нашей землѣ мы бы не дали ему такъ безумствовать". Одинъ изъ жителей шатра соглашается. Въ шатрѣ гасятъ свѣтъ. „Въ пологѣ стало темно, какъ въ гробу, но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный звукъ шаманской колотушки раздавался, какъ набатъ. Уквунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напѣвы; подражалъ храпу моржа и клекоту орла, рычалъ медвѣдемъ и гоготалъ гагарой, завывалъ въ унисонъ вьюгѣ, бушевавшей на дворѣ... Но духи бури, пролетавшей мимо, не обращали вниманія на призывъ, не хотѣли задержаться на минуту, откликнуться... Тогда шаманъ переходитъ къ напѣвамъ и заклинаніямъ.

— Э-ге-ге-ге-ей! Гей! Гей,—протянулъ Уквунъ.—Я человѣкъ, я ищущій, я зовущій!...

„Надъ истокомъ бѣгущей воды, на вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника живетъ молнія, мать горнаго эха. Она летаетъ по небу, гремя желѣзными крыльями. Изъ подъ ногъ ея брызжетъ алый огонь. Если ты вылетѣлъ изъ ея узкихъ ущелій—дай отвѣтъ".

„Скажи, скажи, скажи! Кто разгребаетъ огромной лопатой снѣгъ на краю пустыни, чтобы ослѣпить глаза всякой живой твари?.. Скажи!"

Долгое время буря неслась мимо, не давая отвѣта. Но вотъ, наконецъ, порывъ вѣтра вдругъ какъ будто закружился надъ верхушкой шатра. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ измѣнилъ направленіе и сталъ спускаться внизъ, проникнувъ сквозь плотную наружную оболочку и приближаясь къ пологу: духи рѣшились не сопротивляться болѣе и дать отвѣтъ... Люди, сидѣвшіе въ пологу, слышали все яснѣе исполинскіе вздохи вихря, похожіе на шипѣніе огромныхъ мѣховъ. Черезъ минуту вихрь ворвался въ пологъ, пронизалъ его съ верхняго лѣваго угла до праваго нижняго, во

второй разъ пробивъ толстую мѣховую оболочку, ушелъ въ глубину и потонулъ въ отдаленныхъ нѣдрахъ земной утробы.

„Люди, сидѣвшіе въ пологу, однако, не ощутили ни малѣйшаго вѣянія свѣжаго воздуха. Настоящій, реальный вѣтеръ остался снаружи, а въ пологъ явился его *увырытъ* *), который весь исчерпывался звуками. Порывъ вихря, промчавшійся сквозь пологъ, былъ потокомъ визгливыхъ воплей и задыхающагося воя, который, прокатившись мимо, опустился куда-то вглубь и исчезъ такъ-же быстро, какъ возникъ".

Еще нѣсколько усилій—и „въ сторонѣ полога, противоположной Укввуну, послышался необыкновенный звукъ, похожій на икоту. Янта (молодая дѣвушка) вздрогнула и прижалась къ своему жениху, такъ какъ звукъ раздался прямо надъ ея головой". Духъ вошелъ въ шатеръ и, пока надъ равниной несутся по прежнему снѣжные вихри,—въ шатрѣ всѣ слышатъ слова одного изъ нихъ, задержаннаго силой заклинаній.

Но духъ, вызванный Укввуномъ, ничтожнымъ и слабымъ, тоже ничтоженъ и не можетъ сказать ничего значительнаго. Онъ сообщаетъ лишь то, что всѣмъ извѣстно, и слишкомъ наивно отстаиваетъ интересы самого Укввуна.

— „Пустое,—вдругъ сказалъ старшій хозяинъ Кителькутъ,— это керецкій духъ, не чукотскій".

Тогда, неожиданно для всѣхъ, — къ голосу стараго Укввуна присоединяется вдругъ молодой голосъ Нувата, сына Кителькута. Нуватъ, не смотря на свои молодые годы, былъ лучшимъ промышленникомъ между охотниками тундры. Но съ годъ назадъ съ Нуватомъ что-то приключилось. Во время осенней охоты, онъ долго не являлся домой, а когда пришелъ,—добычи съ нимъ не было. Онъ пролежалъ въ пологѣ сутки, не принимая пищи и не отвѣчая на вопросы. Догадывались, что онъ вдругъ услыхалъ въ природѣ или въ своей душѣ смутный, но властный голосъ „внѣшняго духа", который призвалъ его къ таинственному служенію. „Юноши, которые впослѣдствіи должны сдѣлаться великими шаманами, на поворотѣ половой зрѣлости иногда слышатъ такой голосъ или встрѣчаютъ знакъ, ничтожный и непонятный для непосвященныхъ, внезапно открывающій имъ глаза на ихъ призваніе. Сѣрая чайка, пролетѣвшая три раза мимо, камень странной формы, попавшійся подъ ноги...—въ состояніи произвести полный переворотъ въ настроеніи человѣка, обреченнаго *вдохновенію*".

Первые-же звуки голоса Нувата заставляютъ смолкнуть бѣднаго Укввуна. Молодой обреченный вдохновенію шаманъ, родъ поэта и ясновидящаго, обладаетъ способностію „летать на бубнѣ", т. е. впадать въ своего рода гипнотическій трансъ, во время котораго его душа облетаетъ вселенную...

*) Душа—собственно движущее начало, проникающее всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные.

„Голова летающаго въ темнотѣ,—поетъ онъ,—моя голова. Его руки—мои руки. Его ноги—мои ноги. Тѣло его я присвоилъ себѣ, а мое тѣло стало старымъ пнемъ и упало на стрѣлку мыса... Души мои летаютъ въ разныя стороны и обозрѣваютъ все сущее...“

Голосъ его внезапно оборвался, послышалось легкое храпѣніе и шуршаніе бубна. Молодой шаманъ лежалъ въ обморокѣ.

Мы нарочно съ такой подробностію остановились на этой картинѣ потому, что,—помимо своихъ описательныхъ достоинствъ,—она характеризуетъ манеру г. Тана. Какъ этнографъ, онъ необыкновенно внимательный наблюдатель и, не смотря на изсушающее отчасти обиліе этнографическихъ комментаріевъ, его описанія художественно пластичны. Вы сами какъ будто слышите и вой метели, и стукъ бубна, и шорохи въ темномъ шатрѣ. Но, когда авторъ развертываетъ передъ вами эту картину, гдѣ, какъ въ зернѣ, дремлютъ зачатки поэтическаго вдохновенія, еще не отдѣлившагося отъ культа непосредственной природы, вы ждете, кромѣ этихъ яркихъ описаній, еще чего-то. Еще какого-то штриха, какого-то проникновенія, которое дорисуетъ передъ вами самую сущность явленія.

Что-же такое это шаманство? У Уквуна—наивное шарлатанство? Въ другихъ описаніяхъ шаманскихъ обрядовъ авторъ упоминаетъ объ искусствѣ чревовѣщанія, которымъ пользуются шаманы, а порой „голосъ духа“ прямо такой-же хриплый, какъ у шамана. Но онъ не пытается отдѣлить долю сознательнаго шарлатанства отъ искренняго самовнушенія. Психологіи процесса онъ не затрогиваетъ даже въ цитированномъ разсказѣ, который ведется не отъ лица автора и гдѣ его воображеніе не стѣснено предѣлами непосредственнаго описанія съ натуры. Въ лицѣ его Нувата мы имѣемъ попытку художественнаго возсозданія типа. Нуватъ—искренній „обреченный“, фигура трагическая, повинующаяся велѣніямъ свыше, слышащая невидимые голоса нездѣшняго міра. И вотъ во время своего гипнотическаго сна онъ *дѣйствительно* видитъ будущее, видитъ кровь на столбахъ своего шатра и предсказываетъ мрачную трагедію, которая разыгрывается подъ Каменнымъ мысомъ. Въ другомъ описаніи авторъ вскользь упоминаетъ о томъ, что эти явленія сильно напоминаютъ спиритическіе сеансы. И всетаки между прямымъ ясновидѣніемъ нѣсколько идеализированнаго Нувата и наивными чревовѣщаніями Уквуна, Тылювіи и другихъ обыкновенныхъ шамановъ мы не имѣемъ никакого мостика. Такъ какъ, по словамъ автора, всякій глава семьи—шаманъ, и во всякомъ шатрѣ есть бубенъ, то, очевидно, тайны этого процесса всѣмъ извѣстны и вполнѣ популярны. Но тогда почему, напр., чаунецъ, самъ заклинающій своихъ духовъ, вѣритъ реальности „голосовъ“, вызванныхъ чревовѣщаніемъ Уквуна, хотя и презираетъ его духовъ? Очевидно, и въ обычномъ, вульгарномъ шаманствѣ есть какая-то доза самовнушенія и весь

процессъ лежитъ въ какомъ-то психологическомъ туманѣ, гдѣ доля наивнаго обмана и самообмана неотдѣлима отъ искренняго трепета души, объятой гипнозомъ мрачной природы. Г. Танъ ни какъ этнографъ, ни какъ художникъ ни разу не ставитъ прямо и не пытается разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ съ чрезвычайной добросовѣстностію и искусствомъ, а порой и съ утомительными подробностями и повтореніями рисуетъ внѣшніе признаки явленій. Въ общемъ—мы получаемъ колоритную и своеобразную картину, въ которой чувствуемъ живыя особенности, но этнографъ слишкомъ связываетъ художника, и въ читателѣ остается нѣкоторая неудовлетворенность.

Мы не хотѣли-бы, чтобы послѣднее замѣчаніе было принято въ преувеличенномъ значеніи. Всетаки книга г. Тана—интересная книга и, главное, она вноситъ своеобразную ноту въ наше представленіе объ этой жизни за предѣлами культуры. Въ очеркахъ, представляющихъ снимки съ натуры, гдѣ разсказъ ведется отъ перваго лица, вы встрѣтите фигуры, разговоры, черты, поражающія своей неожиданной оригинальностью. Вотъ хладнокровный разсказъ о томъ, какъ старому Катыку надоѣло смотрѣть на солнце и дѣти его задушили. „Что-же, если самъ проситъ,—развѣ откажутъ? Жена держала его голову на колѣняхъ, сыновья тянули веревку". („На Каменномъ мысу"). Вотъ ясновидящій Нуватъ, которому голоса приказываютъ убить сосѣдей, не защитившихъ его отца. Онъ убиваетъ всѣхъ, стариковъ и дѣтей, — и потомъ воспрещаетъ преслѣдовать самого убійцу отца. Довольно крови. Вотъ пастухъ Эуннекай, который говоритъ встрѣчному медвѣдю: „Старикъ, пожалѣй меня, пощади меня, я никогда не говорилъ о тебѣ дурно, не трогалъ никого изъ твоего рода"... Въ этомъ хромомъ Эуннекаѣ, забитомъ, запуганномъ и людьми, и келями (злые духи) живетъ въ зародышѣ художникъ, и на бѣлыхъ снѣгахъ онъ оставляетъ узоры изъ цвѣтныхъ камней, которые для этой цѣли таскаетъ за пазухой своей кукашки. Вотъ Тылювія, мужчина, обращенный велѣніями духовъ въ женщину. Онъ остался физически мужчиной, но выданъ замужъ за Ятиргина, носитъ женское платье, исполняетъ всѣ обязанности жены и всѣ женскія работы и на разспросы Веипа, пишущаго человѣка, стыдливо потупляетъ глаза и закрываетъ, съ застѣнчивостью шестнадцатилѣтней дѣвушки, грубое, мужское лицо съ пробившимися уже усами... Чукчи, ламуты, шаманы, дѣвушки, казакъ Васька, одичавшій и почти не отличающійся отъ чукчей, мертвое стойбище, гдѣ среди мертвецовъ, пораженныхъ заразой, рождается ребенокъ и остается жить вмѣстѣ съ матерью, которую одну пощадилъ духъ смерти,—русскій чукча, случайный отпрыскъ русскаго племени, ведущій жизнь чукчей—все это оригинально, неожиданно, странно и, не смотря на нѣкоторую сухость, длинноты, повторенія и излишнюю фотографичность снимковъ,—запечатлѣвается въ памяти и даетъ прав-

дивую картину своеобразнаго, невѣдомаго быта. Пусть въ произведеніяхъ г. Тана этнографъ порой слишкомъ связываетъ художника. Но за то художникъ оживляетъ этнографическія описанія, которыя и сами по себѣ были-бы интересны.

И. Гриневская. Огоньки. Спб. 1900.

Здѣсь есть всѣ литературные роды—разсказы, стихотворенія, пьесы: полный курсъ теоріи словесности; все это очень живо, просто и удобочитаемо: типичная беллетристика. Это старое слово какъ будто выходитъ изъ моды,—а съ нимъ и тотъ оттѣнокъ мысли, который оно выражало; беллетристика—это нѣчто противоположное тому, что у французовъ называется grand art; наиболѣе характерно для нея то, что она не опережаетъ своего времени: она ему подъ стать, и потому-то она не имѣетъ ни ожесточенныхъ противниковъ, ни горячихъ друзей. Это прежде всего матеріалъ для чтенія, для „легкаго" чтенія, какъ говорили еще недавно; приложатся прочая или не приложатся—дѣло случайное.

Герои г-жи Гриневской—люди обыкновенные; мы ихъ видѣли вчера, увидимъ завтра и, даже зная, что за каждымъ изъ нихъ числится своя душевная жизнь,—иногда трагедія, иногда водевиль,—мы пройдемъ мимо нихъ безъ большого вниманія: мы такъ приглядѣлись къ этимъ повседневнымъ трагедіямъ и такъ привыкли ихъ подозрѣвать вездѣ. Молодые супруги совершаютъ неудачныя свадебныя путешествія, ссорятся, мирятся, снова ссорятся: непрактичные прожектеры и ротозѣи терпятъ всякія непріятности; старыя дѣвы страдаютъ, влюбленные объясняются и цѣлуются; болтуны и чудаки, пламенные энтузіасты и зѣвающіе скептики—все это изображено если не по новому, то по своему, безъ особенно индивидуальныхъ черточекъ, безъ рельефа и глубинъ проникновенія, но опредѣленно, ясно, въ настроеніи, искренно и занимательно. Здѣсь есть несомнѣнное литературное умѣніе, что тоже встрѣчаются не такъ часто. Найти новое въ томъ, что казалось извѣстнымъ, охватить типичнымъ образомъ рядъ непонятныхъ и разсѣянныхъ явленій, освѣтить творческой мыслью недоступные до сихъ поръ тайники жизни—это дѣло настоящаго художественнаго дарованія. Предъявлять такія требованія къ тѣмъ, кто не берется ихъ удовлетворить,—было-бы безцѣльно и несправедливо. Можно и внѣ этихъ серьезныхъ требованій найти удачныя движенія мысли въ повѣствованіи умѣлаго разсказчика. Сразу можетъ показаться, что писать такія вещи не трудно—стоитъ только захотѣть; на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Не трудно представить себѣ или найти въ запасѣ воспоминаній фигуры или положенія, которыя могутъ показаться характерными, интересными, пригодными для беллетристической обработки; труд-

ность заключается именно въ этой обработкѣ—въ умѣніи перелить неопредѣленные контуры замысла или воспоминаній въ образы живые не только для себя, но и для читателя, охарактеризовать ихъ не только авторскими разговорами, но и ихъ дѣйствіями, окружить ихъ подходящей жизненной обстановкой, разсказать о нихъ такъ, чтобы это не разило „литературой". Все это, конечно, очень далеко отъ высотъ творчества, но оно имѣетъ свою цѣну и свое значеніе: не одни только первоклассныя величины необходимы литературѣ.

Лучше другихъ удаются г-жѣ Гриневской разсказы о женскихъ судьбахъ, при всемъ внѣшнемъ разнообразіи, столь одинаковыхъ и, въ концѣ концовъ, столь печальныхъ. Эти незамѣтныя трагедіи больше всего, кажется, удручаютъ томительной безпомощностью ихъ героинь, которыхъ и героинями-то назвать нельзя,—такъ онѣ покорны, безъ вины безвольны и затерты жизнью. Старая дѣва, осмѣянная веселыми и безсознательно-безжалостными подростками, жена профессора, нашедшая въ бракѣ съ „великимъ" человѣкомъ не исполненіе „высокой миссіи", а пустопорожнее прозябаніе, преждевременную старость и кончину—вотъ типичныя страдалицы „бабьей доли", которая нашла въ г-жѣ Гриневской умѣлаго и сочувствующаго изобрѣтателя. Другіе психологическіе мотивы удаются ей меньше, точно здѣсь она случайный гость. Ея пьесы—одна изъ нихъ откровенно названа „пьеса для разъѣзда"—производятъ на сценѣ необходимое впечатлѣніе; ея стихотворенія искренни и выдержаны. Но амфибрахіемъ нельзя писать сонеты.

З. Яковлева. Повѣсти и разсказы. Спб. 1899.

Теперь уже не такъ, пожалуй, часто можно бываетъ встрѣтить автора, у котораго хватило-бы охоты и терпѣнія написать цѣлую книжку разсказовъ исключительно на тему: „любишь—не любишь"—и который-бы былъ въ состояніи ни разу не отвлечься въ сторону, не заговорить о чемъ-нибудь другомъ. Въ этомъ отношеніи г-жа Яковлева весьма опредѣленна, послѣдовательна и прямолинейна: на 400-хъ страницахъ ея книжки мы не нашли почти ни одного разсказа, въ которомъ-бы не стояла на первомъ планѣ половая любовь. Но этого мало. Сюда нужно еще прибавить, что любовь, о кототорой повѣствуетъ авторъ, элементарна, схематична и почти не поддается индивидуализаціи: это не сложное человѣческое чувство, а простая чувственность или *игра темперамента.* Иногда авторъ и хочетъ, повидимому, осмыслить эту чувственность, и ему, по всей вѣроятности, даже кажется, что въ томъ или другомъ разсказѣ повѣствуется о чемъ-то сложномъ и высокомъ; но онъ или не умѣетъ этого сдѣлать, или вѣрнѣе, не понимаетъ, какъ это дѣлается, и слова „святая лю-

бовь", „идеалъ" и проч., и проч. остаются для читателя только словами, лишенными реальнаго смысла. Поэтому, повѣсти и разсказы г-жи Яковлевой, наполненные „темпераментомъ", удивительно однообразны по существу и отличаются другъ отъ друга только обстановкой, подробностями, въ выборѣ которыхъ эта писательница не стѣсняется и обнаруживаетъ даже нѣкоторую изобрѣтательность. Ей ничего не стоитъ перенестись воображеніемъ въ прошлое и сочинить нѣсколько фантастическихъ любовныхъ происшествій, пріуроченныхъ къ этому прошлому, заставить галлюцинирующую (повидимому, отъ „святой" чувственности) женщину выслушивать любовныя объясненія отъ статуэтки древняго египетскаго бога или, напр., наскучивъ людьми, заняться хотя-бы собачьей любовью. Кстати, разсказъ комнатнаго пуделя „Каро" о своихъ любовныхъ похожденіяхъ можетъ дать читателю понятіе о томъ, что дѣлаютъ въ книжкѣ г-жи Яковлевой ея свѣтскіе, пустые и сытые герои, въ которыхъ „играетъ кровь", и какъ вообще пишетъ свои разсказы авторъ.

„Мѣсяцъ тому назадъ,—говоритъ Каро своему пріятелю Кудлашкѣ, — *соскучившись спать* (курсивъ вездѣ нашъ), я сѣлъ на окно посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, и, о счастіе!—увидѣлъ въ противоположномъ окнѣ второго этажа *восхитительную блондинку*... Шерсть на ней была вся завитая; маленькая, стройная, она *сразу* завладѣла моимъ сердцемъ... Собачка соскочила съ окна и черезъ минуту появилась съ лакеемъ на тротуарѣ... Выбѣжавъ,—я прямо бросился къ хорошенькой блондинкѣ, подлѣ которой вертѣлся мой злѣйшій врагъ — желтый сетеръ и что-то нѣжно говорилъ ей. „Я пудель, сударыня, — началъ было я..."— „Но вы противны вашею голою спиною",—задорно отвѣчала моя *красавица*... и, засмѣявшись, убѣжала. А я стоялъ, полный *отчаянія* и злобы, понимая, что для меня *все кончено*, что я никогда не понравлюсь той, за которую, клянусь тебѣ, Кудлашка, отдалъ-бы жизнь... Я пробовалъ задирать Неро, но онъ меня такъ *оттаскалъ*, что я два дня не могъ шеи повернуть".

Такъ, какъ подчеркнуто, ведутъ себя въ большинствѣ случаевъ и представители человѣческаго рода въ разсказахъ г-жи Яковлевой,—съ тою только разницей, что они не „оттаскиваютъ" другъ друга по собачьи, а пускаютъ въ ходъ средства, которыхъ нѣтъ въ распоряженіи пуделей и сетеровъ: они стрѣляютъ и стрѣляются, сходятъ съ ума, принимаютъ яды, заточаютъ другъ друга или сами уходятъ въ монастыри и т. п. Этими сильнодѣйствующими средствами нашъ авторъ до того злоупотребляетъ, что трудно найти разсказъ, гдѣ-бы одно изъ нихъ, а иногда и нѣсколько сразу, не было-бы пущено въ ходъ или, по крайней мѣрѣ, пообѣщано: слѣпая и глупая „любовь", которою увлекается г-жа Яковлева, не можетъ обходиться безъ подобныхъ прянныхъ приправъ. Но, подыскивая для нея эти приправы,—надѣляя, напр.,

нѣкоторыхъ отвергнутыхъ самцовъ душевными болѣзнями, — рѣшительная писательница нисколько не задумывается совершать экскурсіи даже въ такую область, въ которой она ничего не смыслитъ и говоритъ вздоръ.

Сказаннаго, надѣемся, довольно. У г-жи Яковлевой нельзя отрицать нѣкоторой живости воображенія, и мѣстами она недурно владѣетъ формой; но читателю нечего дѣлать съ ея пустой книжкой.

Анна Иноземцева. Собраніе сочиненій. Томъ первый. Съ портретомъ автора. Н.-Новгородъ. 1899.

Хотя въ нашемъ распоряженіи пока только *первый* томъ „собранія сочиненій" г-жи Анны Иноземцевой, но и маленькаго томика, лежащаго передъ нами, вполнѣ достаточно, чтобы судить объ авторѣ этихъ „сочиненій", о степени его дарованія и о характерѣ его литературныхъ работъ вообще. Г-жа Анна Иноземцева тутъ вся, безъ остатка. И какъ-же, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея мало! До того мало, что у читателя, можно сказать, ничего не остается отъ знакомства съ г-жей Иноземцевой, какъ будто-бы онъ ничего и не читалъ...

Одно стихотвореніе, нѣсколько маленькихъ разсказовъ и публицистическая статейка—вотъ содержаніе перваго тома „сочиненій". Если читатель, заинтересовавшись публицистикой г-жи Иноземцевой, полюбопытствуетъ, минуя разсказы, заглянуть въ статейку съ подзаголовкомъ „къ вопросу о положеніи нашей прислуги",— онъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ тѣмъ, какъ могла подобная „публицистика" найти себѣ мѣсто въ „собраніи сочиненій". Жиденькая и слабенькая статейка, содержащая въ себѣ банальныя разсужденія по поводу азбучныхъ истинъ и врядъ-ли годная для передовицы какой-нибудь серьезной газеты, вытаскивается вдругъ на свѣтъ Божій изъ кучи отслужившаго службу газетнаго хлама— гдѣ она, нужно думать, мирно покоилась—и водворяется на новомъ мѣстѣ въ качествѣ „сочиненія" избраннаго, претендующаго почему-то на большее вниманіе со стороны читателя, чѣмъ тысячи подобныхъ-же мелкихъ газетныхъ замѣтокъ, спѣшно поглощаемыхъ за утреннимъ чаемъ!—Какая, однако, самовлюбленность!— подумаетъ подозрительный читатель: — какого высокаго о себѣ мнѣнія авторъ и какъ дорожитъ онъ каждой своей мыслью,— хотя-бы самой ничтожной, на тысячи ладовъ уже пережеванной и набившей всѣмъ оскомину,—каждымъ своимъ словомъ, хотя-бы это слово было нескладнымъ и наивнымъ лепетомъ на тему о томъ, что дважды два—четыре! А портретъ г-жи Анны Иноземцевой, обязательно приложенный къ „собранію сочиненій", еще болѣе укрѣпитъ подозрительнаго читателя въ его предположеніи на счетъ самовлюбленности автора. Въ самомъ дѣлѣ,—опять по-

думаетъ онъ,—мало того, что дважды два—четыре, а не стеариновая свѣчка, мало того, что прислуга такой-же человѣкъ, какъ и авторъ статьи о прислугѣ,—еще и портретъ!

Мы разубѣждать читателя не будемъ,—по всей вѣроятности и онъ правъ,—но должны замѣтить, что присутствіе, какъ мы сказали, „газетнаго хлама“ въ собраніи сочиненій г-жи Иноземцевой объясняется нѣсколько проще и не столько тѣмъ, что авторъ дорожитъ *каждымъ* своимъ словомъ и преувеличенно оцѣниваетъ даже слабые и случайные свои опыты, сколько тѣмъ, что другихъ словъ у него нѣтъ. Маленькая публицистическая замѣтка о „Прозябающихъ душахъ“,—на которой мы нарочно подольше остановились,—вовсе не является какимъ-либо исключеніемъ въ книжкѣ г-жи Иноземцевой и не вноситъ въ нее никакого диссонанса; она, напротивъ, даетъ хорошее понятіе о „сочиненіяхъ“ этого автора вообще. Разсказы г-жи Иноземцевой ничѣмъ, кромѣ формы изложенія, отъ нея не отличаются, и къ нимъ вполнѣ приложимо сказанное выше о статьѣ. Это—неумѣлыя и топорныя ученическія *сочиненія,* наивно - тенденціозныя и малосодержательныя, безъ проблеска настоящаго дарованія. Между прочимъ, въ эпиграфѣ одного изъ нихъ мы прочли некрасовскія слова: „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано...“ Г-жа Анна Иноземцева, по всей вѣроятности, особа благожелательная, и коекакіе „порывы“ мѣстами проглядываютъ въ ея книжкѣ. Но — увы! — однихъ „благихъ порывовъ“ мало, а свершить г-жѣ Иноземцевой въ литературѣ ничего, повидимому, не дано: ея порывы слишкомъ робки, ея благопожеланія слишкомъ мелки,—да и писать нужно получше для того, чтобы уловлять вниманіе читателей. Нѣкотораго вниманія, быть можетъ, заслуживаетъ лишь разсказъ „Нюнька“—и то благодаря только своему сюжету. „Нюнька“, въ общемъ, такъ-же аляповата, какъ и всѣ прочія произведенія нашего автора; но тема этого разсказа, касающаяся положенія малолѣтнихъ работницъ въ швейной мастерской, сама по себѣ уже въ достаточной мѣрѣ трогательна, и ее труднѣе дискредитировать литературному профану. Однако, для „Нюньки“ вполнѣ достаточно было-бы одного—двухъ газетныхъ фельетоновъ, и право-же не стоило ради нея собирать все написанное г-жей Анной Иноземцевой въ стихахъ и въ прозѣ и издавать „собраніе сочиненій“, съ эпиграфами, съ посвященіями и съ портретомъ автора.

Н. Н. Канивецкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ. 1900.

Книга г-на Канивецкаго написана на двухъ языкахъ: текстъ разсказовъ, описанія и вообще все, что говорится отъ автора, — изложено по-русски: Разговоры дѣйствующихъ лицъ, черноморскихъ казаковъ—по-малорусски. На языкѣ этихъ разговоровъ, въ свою очередь, можно замѣтить нѣкоторое вліяніе русскаго языка,

отразившееся въ легкихъ, правда, но все-же замѣтныхъ измѣненіяхъ. Самый языкъ, какъ русскій, такъ и малорусскій, производитъ впечатлѣніе простоты и безыскусственной свѣжести. Въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ вы не встрѣтите той изысканной натянутости и сгущенности разныхъ мѣстныхъ говоровъ, которые, къ сожалѣнію, порой замѣчается въ произведеніяхъ этого рода.

Самое содержаніе разсказовъ — незамысловато. „Занесло снѣгомъ кордонъ. Побѣлѣло все кругомъ. Побѣлѣли и верхушки горъ, и только глубокія ущелья выдѣляются темными пятнами, да чернѣетъ щетина лѣсовъ. За этими горами другія горы, еще выше и выше“. Въ занесенныхъ снѣгомъ камышевыхъ хатахъ ютятся казаки. Тускло горитъ каганецъ въ хатѣ... Укрывшись бурками, спятъ люди. Въ головахъ „на кілочку“ висятъ боевые доспѣхи. Въ углу вспыхиваетъ „люлька“ и ведется шопотомъ бесѣда... Казаки вспоминаютъ на кордонѣ, что теперь дома, въ Екатеринодарѣ масляница, веселье, запеканка, вареники,—и рѣшаютъ пробраться съ кордона въ Екатеринодаръ. Отпросившись у есаула въ экспедицію въ горы, гдѣ будто бы „богато баранти пригнали“,—казаки направляются домой „за варениками“. Экспедиція за варениками оказывается, однако, опаснѣе даже настоящей экспедиціи за барантой къ враждебнымъ черкесамъ: съ одной стороны, нужно избѣжать драгунскаго кордона, съ другой,—грозная непріятельская линія. Казаки рѣшаютъ держать ближе къ линіи — и попадаютъ въ засаду, гдѣ геройски отбиваются вчетверомъ отъ кучи черкесовъ... Бесѣды казаковъ, сборы, наставленія вахмистра передъ уходомъ, казакъ Чубъ, опытный пластунъ, у котораго, къ сожалѣнію, есть одна „зачепка“: „ни зъ чімъ не розминетця. Заразъ, сто чортівъ його матері, и вкраде“—все это нарисовано типично и съ характернымъ неглубокимъ, но искреннимъ юморомъ. Вареники, запеканка, „пляшка“,—играютъ въ этихъ разсказахъ не малую роль. Если вѣрить автору, несчастное свойство храбраго Чуба—ни зъ чімъ, чорті його батьку, не розминуться—и непремѣнно украсть все, что плохо лежитъ—играло въ „быломъ Черноморіи“ не малую роль: цѣлый разсказъ „Подъ Рождество“ основанъ на томъ, какъ кордонные молодцы украли атаманскую свинью и что изъ этого вышло. Иногда авторъ трогаетъ и болѣе глубокіе, даже порой драматическіе мотивы: въ разсказѣ „По станичному приговору“ строгій и даже грозный вахмистръ Петро Батогъ, стоявшій съ эскадрономъ въ Петербургѣ, узнаетъ, что дома жена „согрѣшила“ и принесла „байстря“. Никто не знаетъ, что будетъ по возвращеніи,—но грозный Батогъ удивляетъ всѣхъ: прежде, чѣмъ войти въ родную хату, онъ требуетъ дѣвочку, беретъ ее на руки и, по обычаю, входитъ въ хату втроемъ, признавая такимъ образомъ ребенка жены своей дочерью. Затѣмъ, въ полной формѣ, со всѣми орденами идетъ на сходъ и произноситъ трогательную рѣчь, въ результатѣ которой — высылка „обидчика“, соблазнившаго чужую

жену, „по станичному приговору“. Рѣчь характерная и трогательная, „и не одна казацкая рука поправляетъ усы, чтобы незамѣтно смахнуть слезу“. Читатель тоже тронутъ, но въ сущности всетаки драма не закончена, не дорисована и смахиваетъ нѣсколько на сантиментальный анекдотъ: не говоря уже о „высланномъ по станичному приговору“, жена Батога остается лицомъ безъ рѣчей, пассивнымъ матеріаломъ для мужнинаго великодушія. Въ наше время всѣ эти вещи происходятъ много сложнѣе, и невольно кажется, что и въ „прошломъ“ — высылки „по приговору станицы“ не такъ ужъ легко разрѣшали сердечныя драмы, чтобы можно было такъ цѣльно и непосредственно успокаиваться на мудромъ рѣшеніи „стариковъ“...

Разсказы названы: „Изъ былого Черноморіи“. И, дѣйствительно,—не только по содержанію всѣ они принадлежатъ къ прошлому, но и самое отношеніе автора къ своему предмету носитъ ту же печать. Точка зрѣнія автора—это точка зрѣнія стараго служаки, проникнутаго насквозь мудростію стариковъ есауловъ и съ благодушнымъ юморомъ оглядывающагося на шалости удалыхъ „Чубовъ“. Такъ и кажется, что ни этотъ благодушный юморъ, ни умѣніе рисовать бойкими чертами эти типичныя фигуры въ черкескахъ—не покрываютъ уже сложныхъ и, быть можетъ, не менѣе яркихъ явленій современной жизни хотя бы той же Черноморіи. Отчего бы это ни происходило,—фактъ всетаки остается характернымъ и не для одного только г-на Канивецкаго. Впрочемъ,— подождемъ. Можетъ быть мы ошибаемся, и авторъ попытается еще нарисовать намъ картинки „изъ настоящаго Черноморіи“...

С. Ф. Годлевскій. Смерть Неволина и его скитанія по Сибири. Спб. 1900.

Читатель помнитъ, вѣроятно, того, совсѣмъ незначительнаго и притомъ, конечно, вымышленнаго человѣка, который фигурируетъ въ предисловіи Достоевскаго къ его великолѣпнымъ картинамъ „Мертваго дома“. Звали его Гарянчиковымъ, Александромъ Петровичемъ, и давалъ онъ уроки (по 30 коп. серебромъ) въ маленькомъ сибирскомъ городкѣ, въ семьѣ чиновника Ивана Ивановича Гвоздикова. Это былъ поселенецъ, жилъ незамѣтною жизнью и умеръ тоже незамѣтно, „даже ни разу не позвалъ къ себѣ лѣкаря“. Квартирная хозяйка, послѣ его смерти принесла автору за двугривенный цѣлое лукошко бумагъ. Это были... „Сцены изъ мертваго дома“.

У г. Годлевскаго тоже есть своего рода Гарянчиковъ,—Неволинъ, хозяйка котораго отдаетъ автору связку бумагъ. Но онъ далеко не столь незначителенъ. Авторъ подробно описываетъ первую встрѣчу съ нимъ, неизгладимое впечатлѣніе, которое онъ

произвелъ на всѣхъ окружающихъ, его дѣтство, юность, его добродѣтели и т. д. Изъ этого описанія ясно, что въ лицѣ Неволина мы имѣемъ человѣка незауряднаго, что-то въ родѣ нравственнаго гиганта, не способнаго на житейскіе компромиссы, „принадлежавшаго къ великолѣпной и рѣдкой, какъ бѣловѣжскій зубръ, и нынѣ повсемѣстно вымирающей породѣ неисправимыхъ идеалистовъ“... Впрочемъ, авторъ разстался съ нимъ въ юности, а затѣмъ встрѣтилъ его случайно,—уже на кладбищѣ, когда Неволина хоронили... Въ ту же ночь автору приснилось, что онъ видитъ Неволина, своего бывшаго учителя, больнымъ и въ бреду. И вдругъ изъ за ширмъ выходитъ женщина съ блѣднымъ лицомъ и зловѣщими глазами, которая прокрадывается къ постели и начинаетъ душить больного. Сонъ этотъ оказывается вѣщимъ: авторъ узнаетъ, впослѣдствіи, что Неволинъ женился на дѣвушкѣ изъ вырождающейся семьи, которая сошла съ ума и въ бреду выкинулась изъ окна. Въ очеркѣ „Судьба“ самъ Неволинъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ. Оказывается при этомъ, что онъ тоже видѣлъ вѣщій сонъ,—и тоже женщину, которая „дрожала не то отъ сдержаннаго смѣха, не то отъ подавленныхъ рыданій“... Это было предвѣстіемъ смерти его жены. Въ заключительномъ очеркѣ—„Сонъ-пробужденіе“ излагаются размышленія самого Неволина передъ собственной смертью. Онъ „понялъ, что матеріи нѣтъ, а есть гипнозъ матеріи, власть высшей неодолимой силы надъ человѣческой душой, а жизнь—лишь гипнотическій сонъ“.

Такова рамка, въ которую вставлены „скитанія Неволина по Сибири“. Какое отношеніе имѣли несчастливая женитьба, самоубійство жены, вѣщая женщина, относящіяся къ раннему періоду жизни Неволина—къ его печальной кончинѣ (послѣ довольно, повидимому, долгихъ скитаній по Сибири то въ должности прокурора, то въ качествѣ врача)—сказать трудно. Точно такъ же трудно уловить связь между предсмертной философіей Неволина и тѣми же скитаніями. Несомнѣнно, однако, что г. Годлевскій сильно повредилъ собственнымъ очеркамъ, вставивъ ихъ въ такую затѣйливую и по размѣрамъ слишкомъ грандіозную рамку. Читатель, приготовленный трагической прелюдіей, предварительной рекомендаціей предполагаемаго автора „Скитаній“, принадлежащаго къ великолѣпной породѣ и т. д.,—ждетъ отъ этихъ очерковъ Богъ вѣсть какой глубины и захвата. И очень разочаровывается, найдя бѣглые, довольно поверхностные и отрывочные наброски—частью путевые очерки, частью воспоминанія. Изложенные болѣе просто и безъ претензій,—они, пожалуй, могли бы представлять нѣкоторый бытовой интересъ. Къ сожалѣнію, авторъ излагаетъ именно не просто. Одинъ изъ очерковъ носитъ названіе „Женщины въ изгнаніи“. Здѣсь Неволинъ является въ роли прокурора въ сибирскомъ городѣ Утробскѣ (почему бы не назвать дѣйствительнаго города), и тутъ, посѣщая мѣста заключенія, натыкается на дѣ-

вушку изъ хорошей семьи, сосланную за дѣтоубійство. Она проситъ, чтобы ее не били за побѣгъ и дали ѣсть, такъ какъ ея кормовыя утаилъ полицейскій. Какъ дошла до этого положенія Ольга Набатова, дѣвушка изъ приличной семьи, авторъ не описываетъ, ограничиваясь скуднымъ рисункомъ и обиліемъ лиризма. Попутно онъ касается еще нѣсколькихъ случаевъ, оставшихся въ памяти бывшаго прокурора, — рисующихъ тяжелое положеніе пересыльныхъ женщинъ. Въ одномъ изъ нихъ Неволинъ, въ качествѣ „блюстителя закона", даетъ конвойнымъ солдатамъ приказъ, по нашему мнѣнію, довольно рискованный: „Эй, ребята,—если онъ станетъ бить свою жену, бейте его прямо по головѣ прикладами (!), какъ звѣря". „Подѣйствовалъ-ли на него этотъ урокъ—не знаю", прибавляетъ Неволинъ. Мы, правду сказать, боимся, что урокъ могъ подѣйствовать на солдатъ... Какъ бы то ни было, однако,—читатель, вѣроятно, согласится, что ни эти отрывочныя воспоминанія, ни эти наставленія конвойнымъ ни мало не связаны ни со смертью Неволина, ни съ его философіей, ни съ образомъ „великолѣпнаго" идеалиста, ни съ таинственнымъ появленіемъ вѣщихъ призраковъ.

То же нужно сказать и относительно остальныхъ очерковъ. По временамъ въ нихъ намѣчается кое-что интересное; кое-когда въ памяти автора, очевидно, встаютъ воспоминанія объ яркихъ фигурахъ и встрѣчахъ. Въ очеркѣ „Падшіе ангелы" онъ рисуетъ намъ, между прочимъ, бывшаго студента, энтузіаста и радикала въ роли исправника въ глухомъ сибирскомъ уѣздѣ. Это-ли не благодарный матеріалъ! Герой доволенъ своимъ положеніемъ, но кончается очеркъ разсказомъ о томъ, что Анатолій Ивановичъ закуралесилъ: напился и съ пожарными напалъ на домъ купца Хабардина. Домъ и не думалъ горѣть, но пожарные его залили водой и разломали. Къ сожалѣнію, по прочтеніи, и этотъ очеркъ оставляетъ впечатлѣніе чего-то недосмотрѣннаго, не дорисованнаго или затушованнаго. Фигура Анатолія Ивановича сама по себѣ,—а заключеніе какъ будто само по себѣ, въ родѣ сибирскаго анекдота. Можетъ быть, впрочемъ, это впечатлѣніе происходитъ отъ основного пріема, о которомъ сказано выше: тонъ дѣлаетъ музыку... Приподнятый тонъ вступленія, всѣ эти восхваленія по адресу вымышленнаго автора очерковъ, эта встрѣча на кладбищѣ, ясновидѣніе, мрачныя женщины съ того свѣта—кидаютъ невѣрное и фальшивое освѣщеніе на незначительныя картинки изъ сибирскаго быта, которыя, быть можетъ, много выиграли бы отъ устраненія этого сосѣдства...

Кр—скій. Беззаботное неряшество. Наше отношеніе къ искусству. Теорія Л. Н. Толстаго. Спб. 1900.

Г. Кр—скій крайній раціоналистъ. Онъ доказываетъ, что до сихъ поръ никто еще даже не подошелъ, какъ слѣдуетъ, къ во-

просу о томъ, что такое искусство, и поэтому удивляется, что люди всетаки позволяютъ себѣ заниматься этой незнакомой и таинственной вещью. Онъ не понимаетъ, „какъ можно толковать о воспитательномъ значеніи искусства и пользоваться имъ, какъ орудіемъ воспитанія, не зная, что представляетъ собою искусство; не понимаетъ, какъ можно навязывать (sic) его народу, если мы сами не знаемъ, что это за явленіе". А такъ какъ художники предаются этому занятію, еще даже не прочитавши брошюрки г-на Кр—скаго, а публика интересуется ихъ дѣятельностію, то и достается-же отъ автора всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Художники, поддающіеся импульсу воспроизведенія природы или душевныхъ движеній, уподобляются алкоголикамъ и распутникамъ (стр. 6). А такъ какъ за входъ, напр., на выставки берутся деньги,—то (на стр. 16) „художники ведутъ себя, какъ проститутки". Философы—по большей части люди „трусливо думающіе", „благонамѣренные или неблагонамѣренные мошенники"; эстетики—„заблудившіеся въ потемкахъ болтуны"; масса—за „удобными фразами" скрываетъ „свое убожество и низость". и т. д., и т. д. По мнѣнію г-на Кр—скаго, вопросъ, имъ поставленный, принадлежитъ къ такимъ, которыми нужно „заниматься безпрерывно, пока онъ не будетъ рѣшенъ". А до тѣхъ поръ, повидимому, надлежитъ прекратить всякую художественную дѣятельность, устранить ее изъ воспитанія и „не навязывать народу". Бѣдный старый Гомеръ—онъ тоже, очевидно, сильно провинился передъ авторомъ, такъ какъ въ то время, когда, подъ давленіемъ внутренняго побужденія (этакій старый „распутникъ и алкоголикъ"), онъ слагалъ свои гекзаметры—еще, пожалуй, никто даже не ставилъ вопроса: что такое искусство? Прежде, чѣмъ взяться за свою лиру,—ему, конечно, надлежало спросить себя: искусство вещь какая? А затѣмъ „заняться этимъ вопросомъ непрерывно, пока онъ не будетъ рѣшенъ" Да что Гомеръ, что искусство! Г. Кр—скій не обратилъ вниманія на другое, гораздо болѣе важное преступленіе человѣчества противъ послѣдовательнаго раціонализма. Согласитесь, что если искусство—музыка, напр.,—можетъ производить отравляющее и вредное вліяніе, то что сказать о дѣятельности поваровъ! А между тѣмъ человѣчество (глупое и низкое!) подъ давленіемъ неразумнаго импульса, позволяло себѣ милліоны лѣтъ принимать пищу, не имѣя даже понятія о томъ, что такое „процессъ питанія", а воздухомъ оно дышало долгое время даже не зная, что самъ воздухъ существуетъ. И г. Кр—скій, кажется намъ, напрасно прощаетъ и поваровъ, и потребителей ихъ произведеній. О массѣ и говорить нечего... Такова уже сила неразумныхъ внутреннихъ импульсовъ, не освѣщенныхъ раціональной критикой.

Не находя, съ своей стороны, ничего предосудительнаго въ томъ, что люди принимали пищу, не изучивъ предварительно

физiологiи, и пѣли пѣсни раньше, чѣмъ г. Кр—скiй разрѣшитъ для нихъ вопросъ—„что такое искусство",—мы, однако, считаемъ, что и физiологiя, и теорiя искусства вещи важныя настолько, что къ нимъ слѣдуетъ относиться серьезно. Между тѣмъ нашъ авторъ не только не пытается рѣшить его съ какой нибудь своей точки зрѣнiя, но даже и не ставитъ. Взявъ одно изъ ходячихъ опредѣленiй—„искусство—языкъ души",—г. Кр—скiй изощряетъ надъ нимъ (и попутно надъ Л. Н. Толстымъ) довольно дешевые сарказмы, не замѣчая, какую пищу для остроумiя создаетъ самъ, забывая сразу, что жизнь идетъ впереди всякихъ опредѣленiй, а практика искусства впереди теорiй. Это, къ сожалѣнiю, забываетъ, впрочемъ, не одинъ г. Кр—скiй, превратившiй серьезный вопросъ въ рядъ забавныхъ восклицанiй, во вкусѣ хемницеровскаго героя: „веревка вещь какая"! Только хемницеровскiй герой благодушнѣе: онъ просто спрашивалъ, а г. Кр—скiй, какъ мы видѣли, — еще ругается...

И. Н. Стефановскiй. Учебный курсъ теорiи словесности. Второе измѣненное изданiе. Спб. 1899 г.

Автора этой книжки постигла трагическая участь: онъ взялся за рѣшенiе задачи, которую рѣшить немыслимо, и, конечно, потерпѣлъ полное фiаско; онъ вздумалъ, оставаясь въ строгихъ рамкахъ нашихъ оффицiальныхъ программъ теорiи словесности, дать въ этихъ рамкахъ новое содержанiе, хоть немного соотвѣтствующее современному положенiю науки. Опытъ не удался по многимъ причинамъ. Начать съ того, что теоретическое изученiе литературы не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ предметомъ преподаванiя, который носитъ въ программахъ названiе теорiи словесности и состоитъ изъ обрывковъ старой риторики, пiитики и стилистики, а въ послѣднее время—и логики. Объединить всю эту мѣшанину въ цѣльномъ, научномъ и общепонятномъ изложенiи съ результатами современнаго изученiя литературы также немыслимо, какъ немыслимо написать курсъ бiологiи по Окену и Геккелю, или исторiю Россiи по Щербатову и Милюкову. Разстоянiе между авторитетами г. Стефановскаго такое-же: въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенiя. Невозможно вообразить, что произошло-бы изъ этой попытки „вѣнчать льва съ лилiей", еслибы авторъ вполнѣ овладѣлъ содержанiемъ тѣхъ трудовъ, которыми пользовался. Но онъ ихъ не понялъ, иначе онъ и не пытался бы соединить Потебню съ Вакернагелемъ, или вѣрнѣе, онъ понялъ ихъ въ томъ же схоластическомъ свѣтѣ, какимъ окутаны всѣ его свѣдѣнiя. Учебникъ его, пожалуй, лучше разныхъ Мининыхъ, Бѣлорусовыхъ и прочихъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ, распространенныхъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и

усердно внѣдряющихъ безтолковщину въ головы русскихъ дѣтей, но этого очень мало: большой разницы между учебниками, сходными въ главномъ—въ томъ, что они написаны по мертвой схемѣ,—быть не можетъ.

Учебныя требованія заставили автора слѣдовать старому дурному обычаю: давать опредѣленія обиходнымъ терминамъ, и мы не преувеличимъ, если скажемъ, что среди этихъ опредѣленій нѣтъ ни одного, которое не вызывало-бы возраженій, въ лучшемъ случаѣ — сомнѣній. Излагать популярно содержаніе науки можно только тогда, когда содержаніе это опредѣлилось съ достаточной ясностью и когда излагающій относится къ нему вполнѣ самостоятельно; здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. Авторъ поневолѣ притворяется, что для него ясно и просто то, что ни для кого еще не ясно и не просто; можно и не прибавлять, что эта мнимая ясность и простота покупается, какъ всегда, на счетъ истины. Иначе и быть не могло. Можно писать учебникъ по существующей наукѣ; авторъ имѣетъ тогда предшественниковъ—ученыхъ изслѣдователей—и излагаетъ то, что у нихъ есть. Въ данномъ случаѣ дѣло обстоитъ совсѣмъ инымъ образомъ: науки теоріи словесности пока нѣтъ; изъ того, что нѣкогда носило это названіе, сохраняются немногіе фрагменты, входящіе въ создающуюся на нашихъ глазахъ науку о поэтическомъ творчествѣ—поэтику. Теорія прозы, теорія стиля, ученіе объ элементарныхъ формахъ поэтической иносказательности (тропахъ) — все это въ состояніи зародыша; матеріалы стараго изученія литературной производительности распредѣляются по новымъ рубрикамъ, по новымъ отраслямъ знанія: вопросомъ о литературномъ творчествѣ интересуются и психологія, и фольклоръ, и исторія, и соціологія, и эстетика. Что изъ всего этого будетъ нѣкогда объединено въ формѣ теоріи литературы, и будетъ-ли выдѣлена такая наука изъ общей суммы знаній—неизвѣстно. На что-же изъ всего этого обширнаго и разнообразнаго матеріала фактовъ и обобщеній сможетъ опереться составитель учебника теоріи словесности? Не умѣя разобраться въ немъ, онъ, конечно, обращается къ старой піитикѣ, подновляя ея безжизненныя различенія поверхностно пристегнутыми къ нимъ данными изъ болѣе новыхъ книжекъ, а то и своими соображеніями. Піитика говорила о *сочиненіяхъ*, Потебня указалъ на нѣкоторые общіе элементы въ словѣ и въ художественномъ произведеніи. Производится механическое смѣшеніе, результатомъ котораго является невѣроятная глава: *Сходство сочиненій съ словами и предложеніями,* гдѣ говорится буквально слѣдующее: „органическая связь сочиненій съ предложеніями и отдѣльными словами видна изъ того, что каждое сочиненіе, какого бы оно ни было объема, можетъ быть сокращено *до одного предложенія и даже до одного слова*“.

Читателямъ, быть можетъ, интересно бы знать, въ какое

слово догадливый авторъ укладываетъ „Иліаду", „Гамлета", „Господъ Головлевыхъ",—о! онъ не затруднится: по его мнѣнію, „сочиненіе Аксакова *Лѣсъ* можно сократить въ одно предложеніе: *лѣсъ есть красота природы;* или даже въ одну фразу: *красота лѣса* и, наконецъ, въ одно слово *красота* вообще". Вотъ оно какъ просто. Что останется отъ Аксакова при такомъ сокращеніи, объ этомъ учитель словесности не заботится. Не будемъ говорить о безднѣ безсмыслицы, лежащей въ этихъ замѣчаніяхъ; обращаемъ лишь вниманіе на педагогическую сторону этого рискованнаго предпріятія: ученику внушается мысль, что сложное литературное произведеніе, заключающее цѣлый міръ мыслей, образовъ, настроеній, можетъ быть скомкано, стиснуто, опрощено до размѣровъ одного слова. „Во всѣхъ этихъ словесныхъ формахъ остается, какъ зерно, одна и та же мысль. Различіе лишь въ томъ, что въ словахъ и предложеніяхъ она выражена въ общихъ, едва уловимыхъ очертаніяхъ, а въ сочиненіи раскрыта съ большею опредѣленностью, расчленена на многія, поясняющія ее частныя мысли". Неправда не въ этомъ, а въ томъ, что между книгой Аксакова и словомъ красота лежитъ все содержаніе этой книги; *Лѣсъ* Аксакова не есть красота, и красота не есть *Лѣсъ* Аксакова; а мысли объ аналогіи между словомъ и литературнымъ произведеніемъ авторъ и не началъ понимать. Достаточно указать на то, что онъ здѣсь совершенно забываетъ о различіи между словами поэтическими и прозаическими, о которомъ говоритъ ниже, что онъ не имѣетъ понятія о томъ, что такое внѣшняя и внутренняя форма слова, и находитъ возможнымъ говорить заодно о внутренней формѣ „сочиненій" прозаическихъ и поэтическихъ, не замѣтивъ, что ее имѣютъ только послѣднія, ибо терминъ внутренняя форма относится исключительно къ образному, художественному мышленію: внутренняя форма есть *образъ,* при посредствѣ котораго представляется содержаніе; въ главѣ о тропахъ авторъ это какъ будто понимаетъ, здѣсь—нѣтъ. Но и эта глава о тропахъ свидѣтельствуетъ лишь о невѣроятной путаницѣ въ познаніяхъ и мысляхъ автора; достаточно сказать, что она отнесена къ стилистикѣ, а тропы смѣшаны съ фигурами и разсматриваются, какъ пріемъ, способствующій изобразительности языка; среди троповъ названа также аллегорія.

На самомъ дѣлѣ—и человѣкъ, пишущій теперь учебникъ теоріи словесности, обязанъ это знать—тропы суть не стилистическій пріемъ, а элементарная форма поэтическаго мышленія и, какъ таковая, ничего общаго съ фигурами не имѣютъ. Тропъ есть орудіе движенія мысли, фигура—это схема, въ которую укладывается готовая мысль. Поэтому мѣсто теоріи фигуръ—если можно назвать теоріей ихъ исчисленіе или классификацію—въ риторикѣ, стилистикѣ, гдѣ угодно, но не въ поэтикѣ; наоборотъ, ученіе о тропахъ, о сравненіи, объ эпитетѣ и параллелизмѣ есть краеуголь-

ный камень современной теоріи поэзіи. И авторъ читалъ книги, въ которыхъ онъ могъ бы узнать кое-что въ этомъ родѣ; но общій результатъ этого чтенія долженъ быть охарактеризованъ однимъ словомъ: *сумбуръ*. Съ такимъ капиталомъ нельзя поучать другихъ, поучать въ томъ, въ чемъ самъ не разобрался. А во избѣжаніе недоразумѣній повторяемъ: учебникъ г. Стефановскаго лучше многихъ другихъ; но и онъ еще гораздо ближе къ „Піитикѣ“ Аполлоса и къ „Словарю“ Остолопова, чѣмъ къ тому, что долженъ и *могъ-бы* теперь представлять собой учебникъ теоріи словесности. Программы виноваты въ этомъ больше, чѣмъ авторъ, котораго даже трудно винить въ томъ, что онъ слѣдовалъ программамъ: иначе, вѣдь, никто по его книжкѣ учиться не будетъ. Пора пересмотрѣть и отбросить эти устарѣлыя, безсмысленныя и гнетущія схемы.

Д-ръ **Вильгельмъ Гааке. Происхожденіе животнаго міра.** Переводъ съ нѣм. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900.

Прежде всего слѣдуетъ оговориться, что книга д-ра Гааке заслуживаетъ разсмотрѣнія въ значительно большей степени, чѣмъ можно сдѣлать это въ небольшой журнальной рецензіи. Тѣмъ не менѣе мы все же и здѣсь попытаемся указать на наиболѣе интересныя стороны послѣдняго труда извѣстнаго ученаго, тѣмъ болѣе, что, по отзыву самого автора, „книга его, которая можетъ быть не безполезна и для изслѣдователя, имѣетъ, однако, главною цѣлью возбудить интересъ и любовь къ непосредственному наслажденію природой“; слѣдовательно, предназначена для болѣе или менѣе обширнаго круга читателей. Не смотря на массу самыхъ разнообразныхъ и на первый взглядъ ничего общаго не имѣющихъ между собою фактовъ и наблюденій, не смотря на множество безпорядочно разбросанныхъ по всей книгѣ, подчасъ глубоко интересныхъ, хотя далѣе и не развиваемыхъ мыслей и обобщеній, черезъ всю работу красною нитью проходитъ одна и та же тенденція необходимаго разграниченія общаго развитія животныхъ отъ ихъ частнаго, такъ сказать, усовершенствованія или приспособленія. Положеніе это, само по себѣ весьма вѣрное и плодотворное, даетъ возможность необыкновенно широкой постановки вопроса о развитіи животнаго міра, съ одной стороны, и позволяетъ освѣтить и до извѣстной степени объяснить многія частныя стороны его—съ другой. Укажемъ для примѣра хотя бы на различіе между сѣверными и южными странами въ смыслѣ вліянія ихъ на животныхъ. Придерживаясь наиболѣе распространеннаго въ настоящее время мнѣнія, что контуры материковъ не подвергались существеннымъ измѣненіямъ уже съ древнѣйшихъ временъ и что на сѣверѣ всегда существовали громадныя сплошныя про

странства суши, въ то время, какъ на югѣ сосредоточивались главныя массы воды, Гааке видитъ въ этомъ главную причину высокаго развитія сѣверныхъ формъ и сравнительно низкую организацію въ связи съ крайне односторонними и оригинальными приспособленіями животныхъ Ю. Америки, Ю. Африки и Австраліи. Въ первомъ случаѣ борьба за существованіе, благодаря возможности широкаго распространенія видовъ, велась энергичнѣе, а подъ вліяніемъ этого могли успѣшнѣе вырабатываться и высшія степени развитія. Во второмъ, напротивъ, малая величина континентовъ и продолжительность ихъ изоляціи способствовали измѣненію организмовъ лишь постольку и только въ ту сторону, поскольку и какъ того требовали болѣе всего внѣшнія условія существованія. Къ сожалѣнію, авторъ не ограничивается такимъ объясненіемъ, но ставитъ вопросы, на которые современная наука не въ состояніи отвѣтить. Вотъ почему, желая проникнуть въ самую суть дѣла и выяснить, чѣмъ именно обусловливается то или иное развитіе животныхъ, онъ долженъ уже оставить чисто-научную почву и перейти къ своей фантастической теоріи геммъ и геммаріевъ. Мы не можемъ подробно останавливаться здѣсь на этой теоріи, да это и не требуется, такъ какъ самое обоснованіе и защита ея составляютъ предметъ другой книги автора—Gestaltung und Vererbung,—въ данной же работѣ ей посвящена лишь небольшая глава, хотя важность и значеніе теоріи подчеркивается на протяженіи всей книги. Сущность геммарной гипотезы заключается въ томъ, что послѣднюю ступень животной особи составляютъ не клѣтки, а *геммы* — органическіе кристаллы опредѣленной формы и одинаковые у каждаго вида; геммы, различнымъ образомъ соединяясь между собою, образуютъ безконечно разнообразные по формѣ элементы высшаго порядка—*геммаріи*, а эти послѣдніе точно такимъ же образомъ входятъ въ составъ уже клѣтокъ. Въ зависимости отъ того, какъ соединяются геммы, геммаріи разнятся между собою не только по формѣ, но и по степени прочности своего строенія. Широко пользуясь теоріей геммъ при объясненіи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ современной біологіи (начиная отъ географическаго распространенія животныхъ и кончая явленіями наслѣдственности), Гааке такъ, напр., примѣняетъ ее къ занимающей насъ области явленій. „Большія материковыя массы,—говоритъ онъ въ главѣ о причинахъ развитія животныхъ,—допускали разнообразные и частые перевороты въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ гораздо менѣе значительныя пространства суши на югѣ. Каждое же геологическое измѣненіе вліяло на животныхъ. Поэтому сѣверныя животныя получали постоянно новые импульсы извнѣ къ измѣненіямъ въ строеніи ихъ геммаріевъ, причемъ послѣдніе то дѣлались прочнѣе, то, наоборотъ, слабѣли. Отсюда—возникалъ энергичный подборъ тѣлосложенія, въ силу котораго сѣверныя животныя, прі-

обрѣтавшія большую крѣпость его, становились побѣдителями... Это вызывало энергичный расовый подборъ. Наоборотъ, на югѣ происходило болѣе совершенное одностороннее приспособленіе животныхъ, такъ какъ у нихъ геммаріи сохранили бóльшую подвижность, чѣмъ у сѣверныхъ" (стр. 69). Мы нарочно выбрали здѣсь одно изъ наиболѣе удачныхъ примѣненій геммарной теоріи и все же, отдавая полную дань остроумію такого объясненія, думаемъ, что оно врядъ-ли можетъ кого удовлетворить, кромѣ самого автора. Одна уже многочисленность подобныхъ построеній прежде всего указываетъ на ихъ полную несостоятельность. Достаточно вспомнить для этого теоріи наслѣдственности Негели, Вейсмана, де-Фриза и др. Поразительно развитыя подчасъ въ подробностяхъ, строго-логичныя и не менѣе того остроумныя, всѣ онѣ, однако, страдаютъ тѣмъ, что въ самой основѣ своей стоятъ далеко отъ чего-либо научнаго. Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что многіе даже не считаютъ нужнымъ серьезно относиться ко всѣмъ этимъ гипотезамъ и отзываются о нихъ подобно проф. Тимирязеву, который, „ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, невольно вспоминаетъ отвѣтъ Гамлета на вопросъ—чтó онъ читаетъ: „Слова! Слова! Слова!" Въ частности, относительно теоріи Гааке слѣдуетъ сказать, что, не составляя предмета данной работы, она лишь затрудняетъ чтеніе послѣдней, и вниманіе читателя, какъ и самого автора, невольно отвлекается постоянно въ сторону.

Быть можетъ, благодаря именно этому обстоятельству, книга обязана и другимъ своимъ, уже отмѣченнымъ нами, недостаткамъ,—это множествомъ только мимоходомъ брошенныхъ, хотя во многихъ же случаяхъ безусловно заслуживающихъ болѣе глубокаго анализа, оригинальныхъ наблюденій и взглядовъ. Впрочемъ, послѣдній недостатокъ легко можетъ быть обращенъ и въ достоинство. Болѣе или менѣе внимательный читатель непремѣнно остановится на такихъ мѣстахъ и невольно заинтересуется. Достаточно указать, напр., хотя-бы на выше указанное вліяніе общаго протяженія материковъ, равно какъ и морей, на развитіе животныхъ, на явленія перемѣщенія роста и мн. др. Умственному горизонту читателя открываются новыя перспективы, богатый же матеріалъ невольно вызываетъ мысли его къ усиленной работѣ. Съ этой точки зрѣнія мы горячо привѣтствуемъ появленіе настоящаго труда д-ра Гааке на русскомъ языкѣ, и искренно рекомендуемъ его всякому, сколько нибудь интересующемуся біологіей.

Что касается русскаго изданія, то, въ общемъ, оно почти не уступаетъ подлиннику. Неизбѣжныя у насъ опечатки и недосмотры сведены до minimum'а, хотя нѣкоторыя и вызываютъ извѣстное недоумѣніе.

А. О. Гурвичъ. Бугорчатка, какъ народная болѣзнь и общественная борьба съ ней. (Изданіе Медицинскаго Департамента Мин. Внутр. Длѣъ) Спб. 1900.

Брошюра д-ра Гурвича посвящена развитію двухъ основныхъ положеній: необходимости учрежденія возможно большаго числа санаторій (здравницъ) для лѣченія чахоточныхъ и несостоятельности (или, во всякомъ случаѣ, крайней односторонности) контагіозной теоріи происхожденія бугорчатки. Что касается первой идеи автора: необходимости учрежденія здравницъ, то это въ настоящее время общепринятая истина среди врачей, что только въ раціонально устроенныхъ здравницахъ можно успѣшно бороться съ чахоткою. Конечно, весьма возможно и даже очень вѣроятно, что въ ближайшемъ будущемъ медицина откроетъ лѣкарство противъ туберкулеза, но въ настоящее время, безспорно, мы подобнымъ лѣкарствомъ не обладаемъ. Всѣ безчисленные препараты, рекомендованные для борьбы съ бугорчаткой, оказались болѣе или менѣе несостоятельными: они иногда оказываются, какъ будто-бы, и полезными, но въ большинствѣ случаевъ—безполезными, а иногда даже и вредными. Съ другой стороны, результаты лѣченія въ здравницахъ являются весьма ободряющими: въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ число выздоровленій доходитъ до 42%, а если считать только первоначальныя степени чахотки, то выздоровленія доходятъ до 75%.

Что касается второго элемента брошюры д-ра Гурвича: его борьбы съ контагіонистами, то мы можемъ присоединиться къ нему лишь отчасти, лишь настолько, насколько дѣло касается, такъ сказать, неразумныхъ контагіонистовъ. Конечно, если высказывается такое мнѣніе, что стоитъ только хорошо уничтожать мокроту чахоточныхъ, кипятить молоко и т. п., однимъ словомъ, стоитъ только принять энергическія мѣры противъ палочки Коха—и туберкулезъ исчезнетъ; если, повторяемъ, высказывается подобное мнѣніе, то борьба противъ него является и необходимою, и полезною. Ибо слишкомъ очевидно, что палочка Коха есть только тотъ врагъ, который подстерегаетъ моменты слабости нашего организма, моменты истощенія и упадка силъ, чтобы ворваться къ намъ и начать свою губительную дѣятельность внутри нашего организма. Несомнѣнны два обстоятельства: во-первыхъ, то, что палочку Коха невозможно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, совершенно истребить; во-вторыхъ, то, что каждому изъ насъ, конечно, приходилось не разъ встрѣчаться съ этимъ опаснымъ врагомъ, но, пока мы здоровы и сильны, нашъ организмъ одолѣваетъ зловредную палочку. Поэтому, не говоря уже о другихъ соображеніяхъ, подъемъ благосостоянія народа и его просвѣщеніе есть лучшее и самое дѣйствительное средство для борьбы съ туберкулезомъ. Пока въ нашихъ избахъ на человѣка приходится по 5 кубич. метровъ (какъ

это показало изслѣдованіе д-ра Пирскаго); пока эти избы представляютъ „въ цѣломъ вытяжную трубу для всѣхъ продуктовъ гніенія въ почвѣ“ (стр. 3—4); пока существуетъ хроническое голоданіе народа и народъ не принимаетъ даже и тѣхъ гигіеническихъ мѣръ, которыя доступны ему, не смотря на его бѣдность; пока, повторяемъ, существуютъ всѣ эти условія, ослабляющія и изнуряющія организмъ людей,—до тѣхъ поръ, конечно, борьба съ распространеніемъ туберкулеза не можетъ дать осязательныхъ результатовъ. Не даромъ Россія, самая бѣдная и самая невѣжественная страна Европы, и даетъ самое большое количество больныхъ чахоткою.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что бороться съ распространеніемъ чахотки, и вообще туберкулеза, слѣдуетъ главнымъ образомъ путемъ укрѣпленія организмовъ, а не путемъ борьбы съ неуловимою и чуть-ли не вездѣсущею палочкою. Однако, умалять заразность чахотки едва-ли раціонально. Разумная гигіена слишкомъ медленно проникаетъ въ сознаніе публики, и поэтому нельзя не считать неумѣстными нѣкоторыя заявленія автора, вродѣ слѣдующаго: „опасность зараженія черезъ молоко некипяченое, конечно, и для дѣтей не особенно велика, а тѣмъ болѣе для взрослыхъ“ (стр. 23). Авторъ ссылается на нѣкоторыя статистическія данныя; но другія статистическія данныя говорятъ совершенно иное. Въ февральской книжкѣ „Русск. Бог.“ за 1900 г., въ рецензіи на книгу Клея „Чахотка, какъ соціальное явленіе“ приведены, напр., факты, подтверждающіе мнѣнія объ опасности употребленія некипяченаго молока. Вообще со статистическими данными авторъ обращается не всегда осмотрительно. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что занятія, сопряженныя съ развитіемъ пыли, не влекутъ за собою усиленія заболѣванія чахоткою; при этомъ онъ указываетъ на данныя Cornet, что „среди 605 метельщиковъ улицъ Берлина не было ни одного чахоточнаго“ (стр. 15). Остается предположить, что метеніе улицъ даже гарантируетъ отъ чахотки. Однако, другія данныя (см., напр., ту-же рецензію книги Клея) несомнѣнно свидѣтельствуютъ о вредоносности пыли.

Джонъ Рескинъ, какъ соціальный реформаторъ. А. Гобсонъ. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изд. Солдатенкова. М. 1999 г.

Общественные идеалы Рескина. Д. Гобсона. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Д. Протопопова. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1899 г.

Въ январѣ текущаго года телеграфъ извѣстилъ о смерти „величайшаго изъ общественныхъ реформаторовъ нашего вѣка“ Джона Рескина. Смерть всякаго выдающагося человѣка, а тѣмъ болѣе широко популярнаго на своей родинѣ, необходимо вызываетъ послѣднюю дань умершему—рядъ некрологовъ и статей о его дѣятельности. Не обошли молчаніемъ кончины Рескина и наши пе-

ріодическія изданія. Весьма вѣроятно, что теперь имя англійскаго „апостола красоты“ сдѣлается у насъ болѣе извѣстнымъ, и многіе читатели, не удовлетворившись по вполнѣ понятнымъ основаніямъ, бѣглыми газетными замѣтками, будутъ искать сочиненій, полнѣе, опредѣленнѣе и вообще содержательнѣе излагающихъ идеалы Рескина. Вышеозначенная книга Гобсона явится для такихъ читателей хорошей находкой.

Личность и міровоззрѣніе Рескина характеризуются у Гобсона со стороны его общественныхъ идеаловъ и притомъ примѣнительно къ двумъ основнымъ пунктамъ; съ одной стороны, къ защитѣ „притязаній Рескина на то, что онъ далъ политической экономіи здравую научную и этическую основу“, съ другой—къ выясненію отношеній Рескина къ демократическимъ идеямъ и учрежденіямъ. Это распредѣленіе матеріала тѣмъ удобно, что имъ вскрываются въ полномъ объемѣ какъ несомнѣнныя достоинства англійскаго писателя-реформатора, такъ и его промахи, которыхъ далеко не мало... Рескинъ началъ свою писательскую карьеру не прямо съ критики политической экономіи. Въ первую половину своей жизни онъ былъ погруженъ почти исключительно въ занятія искусствомъ и литературной критикой, которыя привели его „къ признанію органической связи между искусствомъ и національнымъ характеромъ“. „Если нація здорова, счастлива, чиста въ наслажденіяхъ, честна въ ея дѣйствіяхъ и широка въ ея симпатіяхъ“,—писалъ Рескинъ,—„то и ея искусство будетъ исходить и распространяться въ ней и вокругъ нея столь же свободно, какъ пѣна бьетъ изъ фонтана“. Въ настоящее время связь между характеромъ націи и ея искусствомъ имѣетъ чисто отрицательное свойство; т. е. такъ какъ „источникъ жизни націи не чистъ и теченіе ея загрязнено,“ то и не наблюдается расцвѣта „истиннаго національнаго искусства“. Отсюда былъ естественный переходъ у Рескина къ открытому признанію (въ 1865 году) „необходимости радикальнаго преобразованія промышленнаго общества, какъ необходимаго предварительнаго условія для прогресса въ искусствѣ“.

Рескинъ видѣлъ—и совершенно справедливо — основу современной промышленной системы въ господствѣ принципа свободной конкурренціи, низводящей человѣка до степени простой „пріобрѣтающей машины“. Возставая противъ такого взгляда на личность, онъ доказывалъ, что политическая экономія должна считаться „не съ одними эгоистическими промышленными инстинктами, а со всей природой человѣка“, „такъ какъ человѣкъ есть существо органически единое и раздѣлять его на части невозможно“. Рескинъ взялъ такимъ образомъ—въ противовѣсъ „экономическому человѣку“, созданному политической экономіей „ланкаширскаго фабриканта“—за точку отправленія въ своей критикѣ или, какъ выражается Гобсонъ, „обвинительномъ актѣ противъ общепризнан-

ной политической экономіи“, живую человѣческую личность, стремящуюся къ „достойному существованію“. Съ этой точки зрѣнія онъ произвелъ „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“ науки, поставившей своею цѣлью принципіальное оправданіе основъ современной промышленной системы. Извѣстнаго рода шаткость исходнаго пункта и не всегда убѣдительная аргументація не помѣшали Рескину въ своей критикѣ подниматься порой до самыхъ верховъ теоретической мысли настоящаго столѣтія. Возставая противъ подавленія личности работника механически-отупляющимъ трудомъ, Рескинъ исходилъ, однако, изъ того положенія, что самъ по себѣ „трудъ есть стихія и цѣль нашей жизни“, какъ выразился однажды Гончаровъ. Квинтъ-эссенція этой части взглядовъ англійскаго писателя выражена имъ въ красивомъ афоризмѣ: „жизнь безъ труда—воровство; трудъ безъ искусства—варварство“. Трудъ, чуждый творческой искры, механическій и отупляющій, всегда осуждался по справедливости Рескиномъ. Къ сожалѣнію, именно въ этомъ пунктѣ понятіе о всестороннемъ развитіи личности оказалось для Рескина предательскимъ — въ практической жизни оно завело его въ дебри „средневѣковщины“, заставивъ во имя творческаго труда обратиться къ ненужной совершенно идеализаціи ручного ткачества и вообще полу-исчезнувшаго ремесленнаго производства. Дѣло въ томъ, что (какъ это много разъ указывалось русской соціологической литературой) понятіе *личности* по своей крайней абстрактности не можетъ безъ надлежащаго опредѣленія служить прямымъ руководителемъ въ практической жизни. Хорошее въ теоріи, оно на практикѣ наполняется какимъ угодно содержаніемъ, смотря по складу воззрѣній и характера лица, оперирующаго съ нимъ. Такъ именно и случилось съ Рескиномъ. Въ его рукахъ права личности на всестороннее развитіе послужили съ теоретической стороны хорошей и сильной аргументаціей противъ вульгарной политической экономіи, на практикѣ же обнаружили лишь неумѣнье Рескина выбраться „выше своей сферы“. Въ воззрѣніяхъ Рескина и наблюдается эта неравная тяжба между „личностью“ и „сферой“, неравная въ силу нѣкоторыхъ особенностей той исторически сложившейся обстановки, въ которой она происходитъ.

Рескинъ—по происхожденію сынъ богатаго виноторговца—совсѣмъ не тотъ русскій интеллигентъ, который въ одномъ разсказѣ Гл. Успенскаго съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя: „я, по крайней мѣрѣ, почти не вижу никакихъ традицій, которыя бы внутренно, психологически отдѣляли красный околышъ отъ лаптя“. Между тѣмъ, сложная сѣть такихъ традицій держитъ въ своихъ объятіяхъ Рескина, препятствуя своей силой правильному пониманію имъ интересовъ личности. Отсюда же ведетъ свое начало игнорированіе Рескиномъ демократическихъ идей и учрежденій, на которое Гобсонъ совершенно основательно обращаетъ „особое

вниманіе“ читателя. Будучи вполнѣ солидаренъ съ представителями рабочихъ классовъ въ критикѣ принципа свободной конкурренціи, Рескинъ, повидимому, и долженъ былъ обратиться къ демократіи, какъ силѣ, единственно способной обновить „этотъ отвратительный — по его словамъ — девятнадцатый вѣкъ“. Но на дѣлѣ случилось совершенно обратное. Въ „истинномъ общественномъ строѣ“ англійскій писатель сохранилъ въ полной неприкосновенности едва ли не худшую черту современнаго устройства общества — его „пирамидальность“, а въ качествѣ перехода или вѣрнѣе тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ человѣчество должно „и новый міръ, и рай небесный сюда на землю перенесть“, Рескинъ указываетъ только одно: „добровольное самоисправленіе правящихъ классовъ“, столь безконечное число разъ сданное въ глубину архивовъ всемірной исторіи. Притомъ „Рескинъ ожидаетъ исполненія этихъ высокихъ обязанностей не отъ какой нибудь идеальной, нарочно подобранной аристократіи будущаго, а отъ существующей въ настоящее время, хотя и вырождающейся аристократіи“. Возлагая на послѣднюю свои надежды, англійскій писатель обнаруживаетъ сугубую политическую недальнозоркость, ибо этой данью прошлому своей исторіи зачеркиваетъ и ставитъ крестъ надъ лучшей страницей настоящаго, про которое Гобсонъ говоритъ: „не смотря на временныя колебанія Рескина, глубоко укоренившееся недовѣріе къ демократіи и постоянное неодобреніе дѣятельности самого народа составляютъ отличительную черту его ученія“. И въ другомъ мѣстѣ: „это не просто недовѣріе къ дѣятельности представительныхъ учрежденій, а и болѣе глубокое недовѣріе къ способностямъ народа отстаивать и защищать его истинные интересы“. Быть можетъ такая крайне несправедливая оцѣнка массы была въ извѣстной мѣрѣ вызвана и воспитаніемъ Рескина; живя оторванно и замкнуто въ теченіе всѣхъ молодыхъ лѣтъ, онъ не имѣлъ случая воспитать въ себѣ уваженіе къ тѣмъ, чьи интересы взялся впослѣдствіи отстаивать. Такъ, однако, или иначе, но въ данномъ случаѣ онъ не сумѣлъ возвыситься надъ группой лицъ, къ которой принадлежалъ самъ, и Гобсонъ справедливо видитъ здѣсь инстинктивное опасеніе „разрушенія существующихъ общественныхъ учрежденій“. Въ сущности Рескинъ пошелъ даже дальше простого опасенія, ибо онъ „всегда говоритъ о порядкѣ, о почтеніи, о власти, о повиновеніи; эти идеи ни на минуту его не покидаютъ. Прошлое англійской исторіи клало свою печать и на другія стороны воззрѣній Рескина, изъ которыхъ мы отмѣтимъ нѣкоторыя. Въ томъ же „истинномъ“ общественномъ строѣ англійскій реформаторъ платитъ, напримѣръ, такую дань своему былому, во дни юности, увлеченію феодальной эпохой: „что же касается древнихъ знатныхъ родовъ“,—говоритъ онъ,—„которые должны всегда быть и до извѣстной, хотя и слабѣйшей, степени теперь еще дѣйствительно являются благород-

нѣйшими монументальными архитектурными сооруженіями государства, живыми храмами священныхъ преданій и культа героевъ, то имъ должно быть предоставлено столько земли, сколько необходимо для...“ и т. д. Въ этомъ высоко лирическомъ отрывкѣ видна — употребляя выраженіе Гобсона — „какая-то страсть къ средневѣковщинѣ“, страсть, такъ много повредившая цѣнности положительныхъ взглядовъ Рескина. Она же внушила англійскому поклоннику эстетики слѣдующія удивительныя строки о положеніи и роли женщины въ обществѣ. „Дѣло женщинъ“ — морализуетъ Рескинъ — „это 1) нравиться людямъ; 2) кормить ихъ хорошо приготовленной пищей; 3) одѣвать ихъ; 4) содержать ихъ въ порядкѣ, и 5) учить ихъ“. Въ филистерскомъ увлеченіи Джонъ Рескинъ упускаетъ изъ виду, что, исполняя столь прозаичныя обязанности, женщина не только отдается во власть „варварства“—т. е. „труда безъ искусства“, но и прямо рискуетъ потерять все эстетичное въ своей наружности. Съ какими же рессурсами она будетъ въ такомъ случаѣ исполнять функцію номеръ первый? Вѣдь бѣдной женщинѣ Рескинъ дозволяетъ, напримѣръ, чтеніе книгъ только въ „свободное“ отъ своихъ прямыхъ обязанностей время и притомъ „непремѣнно собственныхъ, не взятыхъ на прокатъ“.

Сказаннымъ опредѣляются въ извѣстной мѣрѣ характерныя черты воззрѣній Рескина. Поставивъ — или придя къ этому черезъ свой эстетическій идеалъ — въ центрѣ своей философіи личность, онъ не опредѣлилъ реальнаго содержанія этого отвлеченнаго понятія и потому разумѣлъ подъ нимъ вещи далеко не сходнаго характера. Невыдержанность основной точки зрѣнія и неопредѣленность ея (усугубляемая порой культомъ красоты) позволили Рескину покориться вліянію „средневѣковщины“ и стать безсознательно выразителемъ интересовъ, уже сданныхъ въ архивъ исторіи. Наконецъ, сильныя узы сословности сковали мысль Рескина и, высоко паря надъ окружающимъ, временами она, какъ свинцовая гиря, тяжело падаетъ на землю, преклоняясь передъ фактомъ. За всѣмъ тѣмъ въ Рескинѣ бьетъ струя живой жизни, очищающая „загрязненный источникъ“ существованія многострадальнаго человѣчества, ради которой мы и привѣтствуемъ появленіе въ русскомъ изданіи сочиненія Гобсона.

М. М. Ковалевскій. Экономическій строй Россіи. **Переводъ съ французскаго. Изданіе А. В. Ермолаевой. 1900 г.**

Книга проф. Ковалевскаго первоначально была написана для французскихъ читателей и появляется теперь въ русскомъ переводѣ съ нѣкоторыми несущественными для основной мысли автора пропусками, такъ какъ въ число послѣднихъ попали главнымъ образомъ приложеніе („Очеркъ обычнаго русскаго права“) и за-

ключительная глава. Первое касается уже посторонняго непосредственной темѣ книги вопроса, а вторая написана въ столь общихъ выраженіяхъ, что читатель не такъ много теряетъ отъ отсутствія ея... Авторъ обращаетъ усиленное вниманіе на нашу родину, ибо она, по его мнѣнію, стоитъ наканунѣ великихъ событій. „Въ этомъ году“—указываетъ г. Ковалевскій—„въ Россіи была произведена перепись населенія и тамъ готовятся многія весьма важныя реформы“, которыя „по истинѣ будутъ носить характеръ міровыхъ событій“ (14 стр.) Обѣщанія г. Ковалевскаго до такой степени заманчивы, что передъ его книгой съ любопытствомъ остановится даже мало любознательный читатель. И онъ будетъ окончательно поглощенъ вниманіемъ, когда услышитъ отъ ученаго автора, напримѣръ, слѣдующее: „Я предпринимаю не анализъ мелочей, — читаемъ на 46 страницѣ книги, — „мое честолюбіе идетъ дальше: я хочу дать синтезъ нашего соціально-экономическаго существованія. Поэтому мнѣ придется отказаться отъ слишкомъ подробнаго развитія вопросовъ, съ которыми предстоитъ имѣть дѣло. Я предпочитаю лучше быть неполнымъ въ изложеніи, чѣмъ затемнить слишкомъ большой спеціализаціей связь, соединяющую воедино различныя проявленія“ и пр... Говоря проще, почтеннаго автора прельщаетъ не столько „фактъ“, сколько „обобщеніе“, даже въ томъ случаѣ, если къ тому имѣется мало надлежащихъ данныхъ.

Дѣйствительно, книга г. Ковалевскаго есть столь-же смѣлое обобщеніе, сколь бѣдное по фактическимъ даннымъ изслѣдованіе. Можно только изумляться той легкости, съ которой этотъ солидный и широко извѣстный ученый разсуждаетъ о явленіяхъ экономической жизни нашего отечества. Его работа вовсе не „синтезъ соціально-экономическаго существованія“ Россіи, а просто бѣгло набросанная компиляція. Самостоятельный анализъ русской дѣйствительности г. Ковалевскій замѣнилъ простыми ссылками на рядъ хорошо извѣстныхъ русской читающей публикѣ сочиненій.

При сужденіи о вопросахъ земледѣлія онъ опирается, напримѣръ, на книги: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“, „Производительныя силы Россіи“ и на отдѣльныя произведенія гг. Касперова, Ермолова, Фортунатова, Ходскаго и нѣк. др.; при описаніи общиннаго землевладѣнія на старые труды Орлова, Посникова, Кейсслера и на новые гг. Карелина, Кауфмана; при характеристикѣ въ шестой главѣ „рабочаго вопроса“—на книгу г. Дементьева „Фабрика“ и пр. и на фабричные отчеты середины 80-хъ годовъ г. Янжула. Не забытъ при этомъ ни одинъ изъ много разъ указываемыхъ литературой фактовъ, но за то упущены почти всѣ примѣры послѣдняго времени, воспользоваться которыми авторъ не только могъ, но прямо долженъ былъ.

Основной недостатокъ книги г. Ковалевскаго состоитъ, однако,

не въ пользованіи уже обработанными матеріалами—вѣдь и компиляціи нужны, разъ даютъ вѣрное представленіе о трактуемомъ вопросѣ. Суть дѣла въ томъ, что изъ прекрасныхъ, быть можетъ, книгъ почтенный ученый сдѣлалъ весьма сомнительнаго достоинства „синтезъ". Послѣднее сразу замѣчается изъ авторскаго сообщенія въ приподнятомъ тонѣ о „міровыхъ событіяхъ", однимъ изъ которыхъ является—какъ это ни странно—казенная винная монополія. Оказывается, что результаты введенія ея въ Россіи прямо „блестящи" (стр. 17). „Всѣ въ одинъ голосъ заявляютъ, что пьянство замѣтнымъ образомъ уменьшилось". *Всѣ*—это, конечно, было бы очень убѣдительно, еслибъ авторъ не перечислилъ лицъ, входящихъ въ эту категорію, изъ каковаго перечисленія узнаемъ, что столь увѣренное мнѣніе о сокращеніи пьянства принадлежитъ „духовнымъ и свѣтскимъ властямъ губерній". Далѣе находимъ у него слѣдующія разсужденія. „Правда",—сознается г. Ковалевскій,—„въ первые мѣсяцы" послѣ введенія монополіи уличное пьянство увеличилось, но такъ какъ 1) „полиція вмѣшалась въ это дѣло" и 2) „климатъ мало благопріятствовалъ продолжительнымъ *послѣобѣденнымъ* отдохновеніямъ на открытомъ воздухѣ", то въ концѣ концовъ все и пришло въ порядокъ" „Мужикъ",—пишетъ далѣе г. Ковалевскій,—„потребляетъ водку, покупая ее *только* на наличныя, и изъ бутылки, находящейся *подъ бдительнымъ окомъ* его жены". Богатыя и великія милости казенной продажи питей оказываются въ изложеніи автора столь благотворными для нравственности народа, что онъ, исправившись, пересталъ совсѣмъ покупать водку у... *евреевъ* (стр. 18) и валомъ повалилъ всюду, гдѣ только могъ получить что-либо спасительное для души (тамъ-же). Ни данныхъ статистики потребленія спиртныхъ напитковъ и сообщеній газетной литературы, ни отзывовъ самихъ оффиціальныхъ лицъ, ни свидѣтельствъ со стороны частныхъ наблюдателей, стоящихъ близко къ повседневной жизни народа, не существуетъ для ученаго, изъ прекраснаго далека оперирующаго по части фантастическихъ предсказаній „міровыхъ" событій.

Таковы у г. Ковалевскаго разужденія не только о казенной торговлѣ виномъ. Всюду широта „обобщенія" не оправдывается существующими фактами. Возьмемъ хотя бы прекрасно разработанный нашей литературой вопросъ о положеніи крестьянства. Въ разбираемомъ сочиненіи поражаетъ прежде всего то, что авторъ нашелъ возможнымъ нигдѣ не коснуться, ни прямо, ни косвенно, значенія тѣхъ катастрофъ, которыя вотъ уже цѣлое десятилѣтіе изъ года въ годъ, то тамъ, то здѣсь потрясаютъ наше мелкое хозяйство. Неужели это пятно нашей жизни, столь безпощадно обличающее преступную апатію русскаго „общества", такая „мелочь" для г. Ковалевскаго, что онъ можетъ пренебречь ею ради стройности и красоты „синтеза"? Игнорируя подобные факты, авторъ считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ

нужнымъ доводить до свѣдѣнія читателей опять таки мало вѣроятныя данныя по такому, напримѣръ, вопросу, какъ крестьянскій банкъ. По словамъ автора, не примѣтившаго слона нашей жизни и занятаго разсмотрѣніемъ именно тѣхъ „мелочей", которыя онъ обѣщалъ оставить за бортомъ своей книги, выходитъ такъ, что, „не смотря на явные недостатки, неоднократно уже отмѣченные русскими экономистами и, въ особенности, Ходскимъ, крестьянскій банкъ оказалъ безспорныя услуги". Здѣсь—что ни слово, то и странность. Недостатки банка и его неприспособленность къ интересамъ мелкихъ собственниковъ, дѣйствительно, хорошо выяснены русскими экономистами, но уже никакъ не „въ особенности" г. Ходскимъ. Далѣе: „услуги" банка безспорны, но совсѣмъ еще не безспорно, кому они принесли пользу и кому вредъ. Нашъ авторъ этого не хочетъ знать—онъ спѣшитъ къ „обобщенію", въ результатѣ котораго оказывается, что на благотворныя для массы операціи банка не повліяла сколько нибудь дурно даже „знаменитая голодовка 1892 года" (стр. 95); она вызвала лишь „кратковременную остановку", послѣ которой „покупки снова возобновились и приняли большіе размѣры въ теченіе послѣднихъ лѣтъ". Такимъ образомъ, все обстоитъ благополучно.

Не менѣе хорошо положеніе дѣлъ и среди другой части трудящагося населенія, среди рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Описывая положеніе послѣднихъ по трудамъ гг. Янжула и Дементьева, нашъ авторъ создалъ картину столь же блѣдную по сравненію съ дѣйствительностью, сколь ярки сами по себѣ его вышеприведенныя разсужденія. Не встрѣтитъ здѣсь читатель и новыхъ фактовъ, а ихъ уже со времени отчетовъ г. Янжула и др. фабричныхъ инспекторовъ накопились цѣлыя груды. Вообще „рабочій вопросъ" подъ его перомъ покрытъ какой-то туманностью и неопредѣленностью... Все это до такой степени свидѣтельствуетъ о характерѣ книги г. Ковалевскаго, что намъ даже не хочется говорить о тѣхъ частяхъ ея (напр., о главѣ „общинное землевладѣніе"), которымъ мы готовы сочувствовать.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***Артура Шопенгауэра***. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айтенвальда. Вып. I. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Подписная ц. на 4 тома 8 р.

Сочиненія ***Джона Рёскина***. Серія I. Книжка I. Сезамъ и Лиліи. Переводъ Л. П. Никифорова. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Подписная цѣна на 1-ю серію 5 р.

Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. Общ. «Издатель». Спб. 1900. Ц. 2 р. 75 к.

Собраніе сочиненій ***К. Д. Кавелина***. Т. IV. Этнографія и правовѣдѣніе. Съ примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1900. Ц. 4 р.

Сочиненія ***Е. И. Конради***. Въ двухъ томахъ. Подъ ред. М. А. Антоновича. Т. II. Изд. В. А. Баландиной. Спб. 1900. Ц. 2 р. 75 к.

М. А. Лохвицкая (***Жиберъ***). Стихотворенія. Три тома. Изданіе 2-е А. С. Суворина. Спб. 1900. Ц. 1-го и 3-го т. по 2 р.; 2-го—1 р.

На волѣ. Стихотворенія ***И. Бѣлоусова***. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. $1^1/_2$ к.

С. Дрожжинъ. Годъ крестьянина. Стихотворенія. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 5 к.

Каз. Баранцевичъ. Лицо жизни. 9 разсказовъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Л. Дансергофъ. Передъ новой жизнью. Картины усадебнаго быта. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Спасенный и другіе разсказы. Сборникъ для юношества. Составилъ изъ произведеній лучшихъ европейскихъ писателей И. Горбуновъ-Посадовъ. Съ рис. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 1 р.

Въ деревнѣ. Четыре разсказа для дѣтей. ***С. Т. Семенова***. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 40 к.

Золотые колосья. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Съ рис. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 80 к.

Заря новой жизни. Сцены изъ войны за освобожденіе негровъ въ Америкѣ. По роману Герштеккера составила ***О. Н. Попова***. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 10 к.

С. Семеновъ. Алексѣй заводчикъ. Разсказъ. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 6 к.

Его-же. Три разсказа. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 6 к.

Сынъ. Разсказъ. ***Л. Авиловой***. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. $1^1/_2$ к.

Бартекъ побѣдитель. Разсказъ ***Генриха Сенкевича***. Переводъ съ польскаго. В. Батуринца Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 6 к.

Элиза Ожешко. Въ зимній вечеръ. Разсказъ. Переводъ съ польскаго. М. Троповской. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 6 к.

Ея-же. Подкидышъ. (Юліанка). Повѣсть. Съ польскаго. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 10 к.

М. Конопницкая. Покинутые. (Мариська). Разсказъ. Съ польскаго перевела Л. Дашкевичъ. Изд. «Посредника». М. 1898. Ц. $1^1/_2$ к.

Ея-же. Кристя. Разсказъ. Съ польскаго. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 3 к.

На рѣкѣ. Разсказъ. ***М. К.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. $1^1/_2$ к.

Эдуардъ Лабулэ. Волшебныя сказки. Переводъ съ франц. Е. Г. Бартеневой, М. Л. Лихтенштадтъ и С. С. Мирimановой. Изд. Г. А. Куклина. Спб. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Азіи. Индійское сказаніе. Составила по Арнольду ***О. Пассекъ***. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. $1^1/_2$ к.

Э. М. Бескинъ. «Элегія Маснэ». Драма въ двухъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ. Вильна. 1899. Ц. 50 к.

Н. Минскій. Альма. Трагедія изъ современной жизни въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Бракъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. ***П. Ярцева***. Изд. журнала «Театръ и Искусство». Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. Мосоловъ. Вокругъ пылающей

Москвы. Драматическія сцены изъ 1812 года, въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Домой! Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Разсказъ ***Н. Телешова.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 1½ к.

Сиротка. Разсказъ. ***С. Стаховичъ.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 1½ к.

Адамъ Бидъ, деревенскій столяръ. Романъ ***Джорджа Элліотъ.*** Съ англійскаго. Е. Б. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 50 к.

Т. Осадчій. Силы деревни. Хроника. (1870—1900 гг). Н. 1900. Ц. 80 к.

Эдмондъ де-Амичисъ. Экипажъ для всѣхъ. Переводъ съ итальянскаго. Е. Колтоновской. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1900. Ц. 1 р.

М. Горькій. Разсказы. Т. I. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 1 р.

Западно-европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ. О. Петерсонъ и Е. Балобановой. Въ трехъ томахъ. Т. III. Германія. Спб. 1900. Ц. 2 р.

П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900. Ц. 3 р.

Гр. Кондръ. Судъ Божій надъ бояриномъ Оршей. Екатеринославъ. 1900. Ц. 15 к.

Поддѣлка «Русалки» Пушкина. Сборникъ статей и замѣтокъ. Составилъ А. С. Суворинъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. И. Красносельскій. Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900. Ц. 60 к.

В. Весновскій. Ф. М. Рѣшетниковъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Перепечатано изъ газ. «Урал. Жизнь». 1900.

Пѣвцы народной жизни. О народныхъ поэтахъ: Цыгановѣ, Кольцовѣ, Никитинѣ, Суриковѣ и Дрожжинѣ. Съ 4 портретами. Составилъ ***К. Хрѣновъ.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 15 к.

Вольтеръ. Шесть лекцій. ***Д. Фр. Штрауса.*** Переводъ съ 6-го нѣм. изд. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Ц. 80 к.

Другъ дѣтей. Разсказъ о замѣчательномъ швейцарскомъ учителѣ, Генрихѣ Песталоцци. Составила ***В. Величкина.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 8 к.

Проф. ***Г. Струве.*** Современная анархія духа и ея философъ Фридрихъ Ницше. Харьковъ. 1900. Ц. 60 к.

Д-ръ ***Фр. Диттесъ.*** Критическіе этюды о нравственной философіи Спинозы, Лейбница и Канта. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Лунный свѣтъ Санкья-истины. Въ переводѣ съ санскритскаго съ вступит. статьей и примѣчаніями dr. Р. Гарбе. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Э. дю-Буа-Реймонъ. Культурная исторія и естествознаніе. Переводъ съ нѣм. подъ ред. С. И. Ершова. Изд. Н. В. Синюшина. М. 1900. Ц. 35 к.

Восточная мудрость. Собрала ***Т. Т.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 3 к.

Русскія пословицы. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 3 к.

Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Составилъ ***Евг. Ветненъ.*** Изд. 2-ое, исправлен. и дополненное. Съ 24 рис. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. Рѣдько. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. Отдѣльный оттискъ изъ «Этнографическаго Обозрѣнія». М. 1899.

Изъ украинской старины. La petite Russie d'autrefois. Рисунки академиковъ ***С. И. Васильковскаго*** и ***Н. С. Самокиша.*** Пояснительный текстъ проф. ***Д. И. Эварницкаго.*** Изд. А. Ф. Маркса. Спб.

Разсказы о Греціи и грекахъ. Составила ***О. Забѣлло.*** Съ рис. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 35 к.

Какъ живутъ Японцы. Составила ***В. Овчининская.*** Съ рис. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 40 к.

Что за земля Голландія и какъ живутъ голландцы. Составила ***М. Бекетова.*** Съ рис. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 10 к.

Хлѣбопашество и скотоводство въ Финляндіи. ***В. Фирсова.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 8 к.

Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Ц. 2 р.

Спутникъ туриста по Кавказу. ***В. Цвѣтова.*** Съ иллюстраціями. М. 1900. Ц. 80 к.

А. К. Булатовичъ. Съ войсками Менелика II. Дневникъ похода изъ Эфіопіи къ озеру Рудольфа. Спб. 1900. Ц. 3 р.

Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Основныя понятія изъ зоологіи, ботаники и геологіи. Передѣлано изъ «Начальныхъ уроковъ міровѣдѣнія». П. Бэра Е. И. Чижовымъ. Съ рис. Изд. «Посредника». Годъ второй, выпускъ

первый и второй. М. 1899 — 1900. Ц. 40 к. за выпускъ.

Разсказы о землѣ. Проф. ***Ю. Вагнера.*** Съ рис. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 15 к.

Никакого конца свѣта не будетъ ни 1-го ни 13-го ноября 1899 года. Написалъ ***Е. И. Ч—овъ.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. $1^1/_2$ к.

Наши зеленые друзья деревья. Составила ***Е. Горбунова.*** Изд. «Посредника». М. 1809. Ц. $1^1/_2$.

Естественно-историческій атласъ. Составили ***П. Шмидтъ*** и ***И. Палибинъ.*** Изд. О. Н. Поповой. Вып. IV. Спб. 1900. Ц. по подпискѣ (5 вып.) 5 р.

Изъ жизни муравьевъ. Изд. А. И. Мамонтова. М. 1900. Ц. 6 к.

Д-ръ ***Е. М. Брусиловскій.*** Хроническій сочленовный ревматизмъ. Съ двумя таблицами рентгено-фотограммъ. Одесса. 1900.

Врачъ ***Л. Полонскій.*** Лѣченіе болѣзней силами природы. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Его-же. Причины болѣзней. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Русскія женщины нашего времени. Психологическій очеркъ ***Т. Спрудиной.*** Одесса. 1900. Ц. 50 к.

Д-ръ ***С. М. Цыпкинъ.*** Женскій вопросъ. (Соціологическій очеркъ). М. 1900. Ц. 50 к.

П. И. Ковалевскій. Психологія преступника по русской литературѣ о каторгѣ. Изд. Русскаго Медицинскаго Вѣстника. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Основы административной психіатріи. Составилъ ***П. Якобій.*** Орелъ. 1900. Ц. 5 р.

Дж. Т. Лэддъ. Очеркъ элементарной психологіи. Пер. съ англ. Н. Спиридонова подъ ред. Б. А. Кистяковскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 80 к.

А. Прейсъ. Путь къ трезвости. Настольная книга для семьи и школы. Переводъ съ англійскаго С. и З. Преображенскихъ, подъ ред. врача А. М. Коровина. М. 1900. Ц. 30 к.

Вино-ядъ. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. $1^1/_2$ к.

Врачъ ***П. Г. Мацокинъ.*** Причины алкоголизма въ Россіи и способы устраненія его. Вильна. 1899. Ц. 25 к.

Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности. Т. I. Статьи по судебнымъ вопросамъ. Т. II. Рѣчи и сообщенія. Спб. 1900. Ц. за оба тома 6 р.

И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. (Преимущественно во время Имперіи). Т. I. Спб. 1899. Ц. 4 р.

М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи. 2-ое переработанное изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ ***Э. Вандервельде.*** Городъ и деревня въ Бельгіи. Пер. съ нѣм. И. Линскаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Рабочая кабала въ Англіи. Причины этого экономическаго зла и мѣры къ его устраненію. Пер. съ англ. А. Яновскаго, подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки ***С. И. Носовича.*** 1861—1863. Съ предисловіемъ В. И. Семевскаго. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Карѣевъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Спб. 1900. Ц. 1 р. 30 к.

Производство и потребленіе пшеницы на всемъ свѣтѣ. Статистическое изслѣдованіе ***А. А. Радцига.*** Спб. 1900. Ц. 1 р.

Рабочіе на мануфактурѣ Т-ва «Эмиль Циндель» въ Москвѣ. Статистическое изслѣдованіе ***П. М. Шестанова.*** М. 1900. Ц. 1 р.

Н. Н. П. Отвѣтственность предпринимателей. Изд. Н. Березина и М. Семенова. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Д. Шлоссъ. Формы заработной платы. Переводъ М. Е. Ландау съ 3-го просмотрѣннаго и дополненнаго англійскаго изданія. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

А. Н. Мандельштамъ. Гаагскія конференціи о кодификаціи международнаго частнаго права. 2 тома. Спб. 1900. Ц. за два тома 5 р.

К. Одарченко. Организація и задачи земскаго самоуправленія. М. 1900. Ц. 1 р.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Предѣльность земскихъ расходовъ и обложенія. Спб. 1900.

Записка о промышленныхъ банкахъ. ***А. Гурьева.*** Спб. 1900.

А. А. Зубрилинъ. Какую пользу приноситъ травосѣяніе и какъ оно устраивается на крестьянскихъ земляхъ. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 3 к.

Разсказъ о томъ, какъ у насъ на Руси началось и шло земледѣліе съ самыхъ древнихъ временъ и до нашихъ дней. Составилъ ***С. Дремцовъ.*** Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 8 к.

Крестьянскія работы и деревенская

жизнь по мѣсяцамъ года. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 1½ к.

Кирпичное производство. Составили *Д. З. Горностаевъ* и *Н. А. Шиляевъ*. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 8 к.

Приготовленіе извести. Составилъ *Д. Горностаевъ*. Изд. «Посредника». М. 1899. Ц. 8 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Четвертое переработанное изданіе. Т-ва А. Гранатъ и К°. Т. 1, 4—8. М. 1900. Ц. (8 томовъ) 26 р.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, подъ ред. С. Н. Южакова. Т. I, вып. 9—10. Изд. Т—ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900.

Ежегодникъ сельско-хозяйственной колоніи при Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи. № 1. Отчетъ за 1898 и 1899 гг. Баку. 1900. Ц. 5 р.

L. Wimarski. Saggi sulla meccanica sociale pura. L'equilibrio sociale, la teoria della proprietà e della famiglia. Scausano. 1899.

Французскіе народные университеты.

(Письмо изъ Франціи).

Если въ теченіе пятилѣтняго сотрудничества въ „Русскомъ Богатствѣ“ я успѣлъ себѣ пріобрѣсти хоть одного друга-читателя, который, прощая недостатки спѣшной журнальной работы, не лѣнится пробѣгать мои письма и интересуется въ нихъ оцѣнкой различныхъ сторонъ французской жизни съ точки зрѣнія опредѣленнаго и упорно проводимаго міросозерцанія;—если, говорю я, у меня существуетъ такой другъ-читатель, то онъ, несомнѣнно, долженъ замѣтить, что общій характеръ моихъ корреспонденцій сталъ въ послѣднее время гораздо оптимистичнѣе, а взрывы отчаянія и негодованія на положеніе дѣлъ въ страстно и горячо любимой мною Франціи рѣже и слабѣе. Дѣло, конечно, не въ моемъ личномъ настроеніи: неисправимый оптимистъ, я глубоко вѣрю въ близкое и окончательное торжество идеала, которому служу, и на всевозможныя политическія и соціальныя безобразія современности смотрю лишь какъ на временное отступленіе человѣчества отъ общаго его стремленія къ свѣту и счастію. Но бывали минуты, когда обстоятельства складывались такъ несчастно для Франціи конца XIX-го вѣка, что положительно можно было бояться за просвѣтительную и освободительную роль именно этой страны, столь много сдѣлавшей для общечеловѣческаго прогресса. Нечего говорить, что такія печальныя явленія объясняются самыми условіями современной, очень усложнившейся исторіи и не могутъ подрывать вѣры въ коллективное движеніе людей къ новымъ и лучшимъ формамъ. Въ одномъ изъ писемъ я постарался даже, насколько могъ, вывести упомянутыя печальныя явленія

именно изъ общаго развитія человѣчества. Но эти историко-философскія объясненія не могли подавить глубокую боль и негодованіе, невольно вызываемыя зрѣлищемъ тѣхъ безобразій, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть въ послѣдніе годы, когда шовинистская и клерикальная реакція шла на приступъ самыхъ драгоцѣнныхъ и основныхъ пріобрѣтеній человѣчества, — и это, замѣтьте, въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ идеи свободы и справедливости нашли самое рельефное и краснорѣчивое выраженіе, къ какому только способны мысль и языкъ людей.

Но, согласно старой формулѣ, изъ самаго избытка зла вытекло добро, и тѣ самые послѣдніе два-три года, въ которые омерзительная тріада шовинизма, милитаризма и клерикализма нашла столькихъ жрецовъ и столько кадильницъ, были ознаменованы выступленіемъ на политическую арену лучшей части французской націи. И какъ-бы иному скоро забывающему читателю ни могло показаться надоѣдливымъ мое возвращеніе къ дѣлу Дрейфуса, я считаю своимъ долгомъ напомнить снова и снова, что это дѣло имѣло громадное значеніе для Франціи, да въ сущности и для всего міра. Право, чѣмъ больше я вдумываюсь въ смыслъ событій послѣднихъ лѣтъ, тѣмъ настойчивѣе въ сознаніи моемъ выплываетъ мысль, что косвенно Франція очень многимъ обязана Дрейфусу и что ему она должна-бы, выражаясь фигурально, поставить статую. Конечно, что значитъ самъ по себѣ этотъ артиллерійскій капитанъ въ общемъ гигантскомъ механизмѣ общественной жизни? Обстоятельства слагались такъ, что не онъ, такъ другой вызвалъ-бы это необыкновенное броженіе, это спасительное возрожденіе въ странѣ, которая черезчуръ долго отравлялась гашишемъ реванша и каррикатурнаго патріотизма. Но во всякомъ случаѣ Дрейфусъ сдѣлалъ то, что дѣлаетъ осаживающая примѣсь, брошенная въ сосудъ, въ которомъ различные химическіе элементы, обладающіе громадной потенціальной энергіей, ждали лишь прибавленія нѣсколькихъ капель новаго вещества, чтобы начать необыкновенно дѣятельную работу разрушенія старыхъ соединеній и созиданія новыхъ. Дрейфусизмъ обнаружилъ химическое сродство между общественными элементами и силами, которые дѣйствовали независимо другъ отъ друга, а подчасъ и прямо враждебно, не сознавая своей внутренней близости; а съ другой стороны разорвалъ, разъединилъ и размѣстилъ на противоположные полюсы такіе элементы и силы, которые казались очень родственными и тѣсно связанными.

Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ нѣсколько частныхъ исключеній,—исключенія, какъ извѣстно, подтверждаютъ правило,—то отношеніе къ дѣлу Дрейфуса, т. е. къ основамъ свѣтской цивилизаціи, подавшимъ поводъ къ агитаціи, развалило всю Францію на двѣ части, на два лагеря, въ одномъ изъ которыхъ очутились всѣ искренніе защитники человѣческой личности и общественнаго прогресса, а въ другомъ—сторонники отживающихъ формъ куль-

туры, подъ какими-бы знаменами они ни выступали, и какіе-бы ярлыки ни наклеивали на свои идеи. Не напрасно, не случайно лучшая часть демократической буржуазіи пошла на защиту справедливости, не боясь сотрудничества съ интеллигентною частью рабочихъ. И не напрасно, не случайно мнимые республиканцы, рядившіеся въ необыкновенно красныя перья, въ родѣ Рошфора, на душѣ котораго лежалъ еще свѣжій грѣхъ буланжизма; не напрасно, говорю я, эти картонные „спасители отечества" и каррикатурные подражатели великихъ террористовъ 1793 г. пошли въ ряды черныхъ рясъ и расшитыхъ галунами мундировъ, чтобы вмѣстѣ съ этими врагами свѣтской и мирной цивилизаціи заниматься литературнымъ сыскомъ и обвиненіемъ въ „измѣнѣ".

Уже нѣкоторое время тому назадъ я указалъ на интересное и знаменательное движеніе французской интеллигенціи, движеніе, въ которомъ я видѣлъ эффектное выступленіе на историческую сцену представителей сознательнаго меньшинства и героевъ убѣжденія, въ противоположность большинству человѣчества, которое на первыхъ ступеняхъ культуры жило всесильнымъ обычаемъ и традиціей, а нынѣ живетъ матеріальными интересами. И я указывалъ, какую поправку это идейное движеніе вноситъ въ борьбу классовъ, и какъ самый характеръ интеллигенціи, состоящей изъ людей, которые служатъ главнымъ образомъ идеѣ, а потому могутъ включать не только развитую буржуазію, но и развитыхъ рабочихъ, производитъ въ процессѣ общественной борьбы иное распредѣленіе лагерей, чѣмъ то, какое вызывается классовой борьбой изъ-за матеріальныхъ интересовъ. Нѣкоторымъ сторонникамъ „экономическаго матеріализма" такой взглядъ могъ показаться ересью, хотя по этому вопросу я принадлежалъ къ одной церкви съ такими мыслящими учителями, какими являются у насъ Н. К. Михайловскій (уже двадцать лѣтъ тому назадъ), а во Франціи Поланъ. Дѣйствительность, къ которой столь часто аппеллируютъ марксисты, даетъ, однако, лучшій отвѣтъ на сомнѣнія и критику выраженныхъ мною взглядовъ и удачнѣе защищаетъ развитую мною точку зрѣнія, чѣмъ-бы могъ это сдѣлать самъ я. И я приглашаю послѣдователей Ѳомы невѣрующаго присмотрѣться поближе къ современному движенію во Франціи и, если угодно, вложить персты въ язвы, нанесенныя жизнію черезчуръ односторонней теоріи: я разумѣю то идейное теченіе, которое покрываетъ теперь Парижъ и всю Францію такъ называемыми „народными университетами" и съ которымъ я хочу познакомить читателей.

Да позволено мнѣ будетъ начать съ простой передачи видѣннаго и слышаннаго въ главномъ изъ французскихъ народныхъ университетовъ, въ такъ называемой „Коопераціи идей", которую

можно считать дѣйствительно alma mater, матерью не только „народныхъ студентовъ“ (новый входящій въ употребленіе терминъ: étudiant populaire), но и прочихъ народныхъ университетовъ. Вечеръ. Людная, шумная улица столь славнаго въ исторіи Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья кишитъ рабочими и ремесленниками, которыхъ съ часъ тому назадъ выбрасывали цѣлыми толпами фабричныя ворота и которые разсыпаются теперь, поужинавъ, по освѣщеннымъ кафэ и ресторанамъ. Возлѣ дома подъ № 157 движущаяся змѣя народа сжимается, плотнѣетъ и принимаетъ опредѣленное направленіе, протискиваясь въ одни изъ безчисленныхъ банальныхъ воротъ предмѣстья, надъ которыми виднѣется небольшая надпись: „Кооперація идей“, скромно помѣщающаяся между небольшой лавкой красныхъ товаровъ съ лѣвой стороны и дешевымъ кабачкомъ съ правой. Проходя вмѣстѣ съ толпой въ ворота, я успѣваю прочитать на небольшихъ боковыхъ вывѣскахъ: „народный университетъ открытъ ежедневно, безъ всякаго исключенія съ 9 ч. утра до 11 ч. вечера“; „курсы и лекціи начинаются въ 8¹|₄ ч. вечера“. Но другія надписи и афиши мнѣ разбирать не приходится, ибо толпа захватила меня своей волной и несетъ впередъ. Вотъ длинный и узкій дворъ между высокими-высокими стѣнами монотонно безобразныхъ домовъ.

Но это что за освѣщеніе въ глубинѣ двора? Это и есть „народный университетъ“! Вотъ длинный корридоръ съ нѣсколькими довольно просторными комнатами по бокамъ; вотъ скромное преддверіе храма демократической науки съ большимъ столомъ и поднимающеюся горкою различныхъ книгъ, журналовъ и брошюръ, предназначенныхъ къ продажѣ. За столомъ довольно высокій, плотный, еще молодой мужчина съ окладистой бородой и симпатичнымъ, нѣсколько смахивающимъ на русскаго лицомъ: это—рабочій Дегермъ (Deherme), типографщикъ по профессіи и одинъ изъ главнѣйшихъ иниціаторовъ современнаго просвѣтительнаго движенія; рядомъ съ нимъ, приземистый, бородатый, некрасивый, но живой брюнетъ, нѣкто Сильвэнъ Питтъ, правая рука Дегерма и секретарь университета. Часть публики, впервые входящая сюда, направляется къ столу, гдѣ организаторы просятъ записываться лицъ, желающихъ слушать лекціи.

Взносъ—50 сантимовъ въ мѣсяцъ, и вамъ выдается входная „личная карта“ (№ 7074 читаю я на своей), дающая вамъ право принимать участіе во всѣхъ устраиваемыхъ университетомъ чтеніяхъ, курсахъ, музыкальныхъ вечерахъ и театральныхъ представленіяхъ. На оборотѣ зеленой перегнутой пополамъ карточки нѣсколько совѣтовъ и свѣдѣній для „народныхъ студентовъ“, начиная съ интереснаго общаго заявленія: „Въ нашемъ народномъ университетѣ нѣтъ ни устава, ни надзирателей. Съ насъ достаточно знать, зачѣмъ мы здѣсь, чтобы дѣйствовать вполнѣ свободно, какъ полагается свободнымъ и сознательнымъ лично-

стямъ. Этимъ путемъ мы пріобрѣтемъ привычку къ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ на насъ самой свободой". А вотъ по части совѣтовъ, обращаемыхъ къ членамъ университета:

«Бережно обращаться съ книгами, которыя берутся на домъ, чтобы и другіе могли читать ихъ послѣ насъ. Не держать ихъ у себя долѣе необходимаго времени, чтобы не лишать чтенія другихъ товарищей;

«Не плевать на полъ. Ежегодно, лишь въ одной Франціи, умираютъ 160.000 человѣкъ отъ чахотки, и двѣ трети потому, что заражаются отъ плевковъ *);

«Не трогать предметовъ искусства, которые подъ этимъ условіемъ довѣрены нашему музею;

«Въ разговорѣ никогда не предполагать, что тотъ, кто держится противоположнаго мнѣнія, дуракъ или негодяй... Уважать мысль каждаго;

«Въ преніяхъ, слѣдующихъ за лекціей, не выходить изъ предмета... Не говорить фразъ и не держать длинныхъ рѣчей, чтобы всѣ могли принимать участіе въ обсужденіи;

«Въ особенности же дѣятельно участвовать въ функціонированіи народнаго университета, организаціи игръ, спектаклей, различныхъ могущихъ образоваться ассоціацій, курсовъ, публичныхъ лекцій и т. п. Это дѣло должно касаться всѣхъ, такъ какъ оно и существуетъ для всѣхъ. Не будетъ отказа никакой доброй волѣ. Проникнуться тою мыслію, что мы здѣсь у себя, и сами себѣ господа. Народный университетъ не принадлежитъ какому нибудь тайному комитету, но всѣмъ тѣмъ, которые приходятъ сюда и участвуютъ въ общихъ работахъ и общихъ удовольствіяхъ;

«Указывать въ нашемъ музеѣ на фотографическія воспроизведенія тѣхъ предметовъ искусства, пріобрѣтеніе которыхъ было бы желательно для украшенія нашихъ залъ. Указывать на книги, которыя нужно было бы пріобрѣсти для нашей библіотеки, на курсы и лекціи, которыя слѣдовало бы ввести, на развлеченія, которыя желательно было бы организовать, или на ассоціаціи, которыя должно было бы основать. Однимъ словомъ, предлагать всѣ улучшенія, которыя покажутся полезными, и дѣятельно трудиться надъ этимъ;

Быть всѣмъ между нами искренними и солидарными друзьями. Мы должны образовать живое ядро грядущаго общества, основаннаго на свободѣ и справедливости.

Но пора отложить пока въ сторону чтеніе этого своеобразнаго университетскаго устава и послѣдовать за толпой, которая вливается въ большую залу, предназначенную для чтенія лекцій и бесѣдъ. Вся зала уже переполнена, и стулья заняты; съ трудомъ протискиваюсь въ задніе ряды, гдѣ приходится стоять на цыпочкахъ и смотрѣть на лектора черезъ головы болѣе счастливыхъ переднихъ слушателей: надо замѣтить, что публика народныхъ университетовъ очень аккуратна и приходитъ еще до начала лекціи. Достаточно одного взгляда на залу, чтобы убѣдиться, что, не смотря на всѣ послѣдующія приспособленія, помѣщеніе сохранило типичныя черты своего прежняго назначенія: это обыкновенная концертная зала дешеваго ресторана, и я дѣйствительно узнаю,

*) Замѣчу для тѣхъ, кто иронически улыбнется надъ этимъ «совѣтомъ», что парижскій муниципалитетъ, по просьбѣ санитарной коммиссіи, хочетъ разставить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города столбы съ надписью, приглашающею публику не плевать на улицѣ.

что архитекторъ Винэ долженъ былъ употребить немалыя усилія, чтобы превратить въ сносную аудиторію для членораздѣльнаго человѣческаго слова бывшій кафэ-шантанъ, гдѣ раздавались звуки идіотскихъ патріотическихъ или гривуазныхъ шансонетокъ. Подмостки отъ прежней сцены остались, такъ какъ въ народномъ университетѣ даются и театральныя представленія. Но отъ этихъ подмостковъ пришлось устроить въ одну сторону амфитеатръ сидѣній, чтобы дать возможность отдаленнымъ слушателямъ противоположнаго отъ двери конца зала видѣть и слышать лектора, каѳедра котораго помѣщается сбоку залы, приблизительно по срединѣ одной изъ стѣнъ.

На сей разъ каѳедру занимаетъ извѣстный уже читателю изъ моихъ писемъ бывшій аббатъ Шарбоннэль, который не выдержалъ узкаго инквизиторскаго духа католической церкви и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сильной внутренней борьбы между традиціями и пробудившейся критической мыслію, сбросилъ съ себя рясу и перешелъ на сторону свѣтской цивилизаціи, въ ряды свободныхъ мыслителей. Темпъ его внутренней эволюціи съ каждымъ днемъ ускорялся, и начавъ года два-три тому назадъ—замѣтьте себѣ, опять таки отчасти подъ вліяніемъ дѣла Дрейфуса и возникшаго нравственнаго кризиса для всей Франціи,—начавъ, говорю я, нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ простого либерализма, Шарбоннэль въ настоящее время уже перешелъ въ крайніе ряды. Тема его сегодняшней лекціи очень привлекательная: она посвящена отчету и разбору послѣдней книги Льва Толстого „Воскресеніе", имѣвшей во Франціи, не смотря на посредственные и прямо плохіе переводы, законный колоссальный успѣхъ. „Разстрига-аббатъ", какъ величаютъ его теперь разсвирѣпѣвшіе вожди католицизма, которые потеряли въ немъ талантливаго проповѣдника, говоритъ очень свободно и какъ заправскій французскій ораторъ, не имѣющій обыкновенія лѣзть въ карманъ за словомъ. Лишь нѣкоторые обороты и слова выдаютъ въ немъ бывшаго учителя реторики въ католической гимназіи: обточенные періоды и слащавыя выраженія, очевидно, противъ воли лектора срываются порою съ его языка, привыкшаго къ духовному краснорѣчію. Но самъ же ораторъ быстро спохватывается; его некрасивое, но умное лицо подергивается гримасой неудовольствія; онъ перемѣняетъ тонъ, и короткія фразы, фамильярная рѣчь и энергичныя слова, которымъ придаютъ особую выразительность сами усилія ex-аббата, вызываютъ теперь въ аудиторіи крики „браво", „очень хорошо" и громкіе аплодисменты...

Впрочемъ, я съ неменьшимъ интересомъ слѣжу за аудиторіей, чѣмъ за лекторомъ, и меня поражаетъ, что, независимо отъ болѣе или менѣе удачной формы бесѣды, зала необыкновенно чутко и правильно оцѣниваетъ, поощряетъ, подчеркиваетъ языкомъ и ладонями наилучшія мѣста изъ „Воскресенія", читаемыя Шарбоннэ-

лемъ, или же наиболѣе вѣскія и продуманныя разсужденія самого лектора. Иногда мнѣ казалось, что, добросовѣстно похлопавъ съ минуту тому назадъ какому-нибудь эффектному ораторскому пріему референта, публика пропуститъ мимо ушей болѣе тонкую и болѣе интересную аргументацію, слѣдовавшую за реторическимъ выпадомъ. И что же? Затихая, обдумывая, участвуя въ работѣ мысли лектора, аудиторія въ теченіе нѣкотораго времени, дѣйствительно, вела себя нерѣшительно и, казалось, вотъ вотъ утратитъ нить доказательствъ и останется равнодушной къ центральному пункту развиваемой идеи... Но всякій разъ эти опасенія разсѣивались дружными криками „браво" и аплодисментами, когда мысль лектора развертывалась передъ слушателями окончательно. Были моменты, когда мнѣ хотѣлось расцѣловать этихъ живыхъ, пылкихъ и интеллигентныхъ „народныхъ студентовъ": такое пониманіе и такой вкусъ обнаруживали они въ теченіе всей этой, длившейся часа полтора, лекціи.

Я съ особеннымъ напряженіемъ слѣдилъ за аудиторіей въ тѣ минуты, когда Шарбоннэль читалъ изъ романа Толстого длинную выдержку, рисовавшую жизнь Масловой въ публичномъ домѣ, среди облаковъ табачнаго дыма, винныхъ паровъ и „гостей". Зная манеру французовъ удѣлять—по крайней мѣрѣ на словахъ—черезчуръ много вниманія отношенію между полами и расшивать безконечные узоры на этой зоологической канвѣ, я боялся, что великолѣпныя, глубоко трагическія страницы великаго реалиста произведутъ совершенно обратное впечатлѣніе на публику и дадутъ поводъ къ усмѣшечкамъ и двусмысленнымъ улыбкамъ. Мои опасенія были напрасны: аудиторія жадно и съ серьезнымъ видомъ вслушивалась въ безконечно-печальную эпопею женщины, и когда лекторъ закончилъ чтеніе цитаты, залпъ аплодисментовъ и бурные крики „браво, браво", „великолѣпно", „это душу пронизываетъ" (c'est poignant)! потрясли залу. Сквозь искривляющую призму неудачнаго перевода ослѣпительный лучъ художественной и глубоко гуманной правды проникъ въ сознаніе слушателей и потрясъ коллективную душу залы.

Такими же шумными аплодисментами и крикаки одобренія было встрѣчено и то мѣсто лекціи, въ которомъ Шарбоннэль страстно и энергично напалъ на толстовскую теорію непротивленія злу и показалъ, рядомъ съ ролью любви и прощенія отдѣльныхъ личностей, великое чисто творческое значеніе и того святого гнѣва, примѣры котораго бывшій аббатъ удачно нашелъ въ самомъ Евангеліи съ его центральной фигурой Богочеловѣка, изгоняющаго торгашей бичомъ изъ храма и бросающаго робкимъ людямъ въ лицо гордый возгласъ: „Я принесъ въ міръ не миръ, а мечъ". Аудиторія видимо вибрировала въ этотъ моментъ въ униссонъ съ лекторомъ, который сошелъ съ каѳедры при громѣ аплодисментовъ. На сей разъ лекція была нѣсколько продолжительнѣе обыкновеннаго, а до-

вольно поздній часъ помѣшалъ завязаться бесѣдѣ и преніямъ, которыя сопровождаютъ обыкновенно чтеніе лекцій въ народномъ университетѣ и зачастую вовлекаютъ въ разговоръ не одинъ десятокъ слушателей. Но въ то время, какъ часть публики освобождала залу отъ стульевъ, громоздя ихъ въ пирамиды, лекторъ у подножія самой каѳедры былъ аттакованъ нѣсколькими ревностными слушателями, въ числѣ которыхъ были двѣ-три женщины, и принужденъ былъ тутъ же разрѣшать сомнѣнія и опровергать возраженія „народныхъ студентовъ".

Я внимательно всматривался въ характеръ аудиторіи: интеллигенты составляли не болѣе десятой части слушателей, которыхъ на сей разъ пришло около семисотъ человѣкъ вмѣсто трехсотъ, много четырехсотъ, вмѣщающихся въ залѣ. Громадное большинство состояло изъ ремесленниковъ, приказчиковъ и рабочихъ, часть изъ которыхъ явилась прямо въ блузахъ, тогда какъ большинство было одѣто „по господски": въ манишкахъ, пиджакахъ и шляпахъ котелкомъ, а изрѣдка и въ цилиндрахъ, — выражая тѣмъ самымъ свое торжественное настроеніе, въ которомъ оно приходитъ по вечерамъ на этотъ праздникъ мысли и чувства. Знаменательна также высокая пропорція женщинъ изъ народа въ аудиторіи: обыкновенно, когда видишь женщинъ на какомъ-нибудь публичномъ собраніи, то безошибочно можешь заключить, что то русскія студентки, къ которымъ лишь въ послѣднее время стали присоединяться интеллигентныя француженки. Но женская публика, приходящая въ „народный университетъ", по крайней мѣрѣ, на половину слагается изъ ремесленницъ и рабочихъ: одинъ взглядъ на ихъ красныя, пострадавшія отъ иглы и воды руки, которыми онѣ неумѣло расправляются за неимѣніемъ работы, обычно занимающей ихъ, уже показываетъ, что сюда пришли жены, сестры и дочери „народныхъ студентовъ", въ свою очередь легко различаемыхъ и по ихъ демократическому говору, то проглатывающему цѣлые слоги, то забавно растягивающему слова этого мѣткаго, великолѣпнаго, лаконическаго и образнаго языка рабочихъ кварталовъ.

Я подхожу то къ тому, то къ другому изъ посѣтителей и прошу меня познакомить съ ходомъ занятій въ народномъ университетѣ, какъ новичка, который лишь по отзывамъ печати и распространяемымъ теперь въ публикѣ брошюрамъ составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о новомъ движеніи. Меня ведутъ по комнатамъ, составляющимъ помѣщеніе университета, и съ большою охотою обращаютъ мое вниманіе на обстановку, приспособленія и различныя практическія детали дѣла. По стѣнамъ главной аудиторіи и другихъ залъ нѣсколько картинъ и довольно много гравюръ и фотографическихъ снимковъ съ лучшихъ произведеній художниковъ и скульпторовъ рядомъ съ начавшими недавно выходить литографіями изъ такъ называемой „народной артистической кол-

лекціи рисунковъ“ (Imagerie artistique populaire), которая напоминаетъ до извѣстной степени художественныя стремленія Морриса и друзей его въ Англіи внести хоть немного красоты и радости въ жилище труженика. Въ одной изъ залъ помѣщается библіотека, одинъ взглядъ на которую даетъ понятіе объ исторіи ея созданія: рядомъ съ великолѣпными фоліантами по искусству, ремесламъ и технологіи, представляющими даръ республиканскаго правительства, полки заняты довольно разношерстной, но бодрой арміей,—я бы сказалъ народной милиціей собранныхъ съ бору по сосенкѣ книгъ, среди которыхъ преобладаютъ старыя, потертыя изданія французскихъ и европейскихъ классиковъ, въ родѣ Корнеля, Вольтера, Байрона и Шиллера (въ переводѣ), сочиненія нѣсколькихъ наилучшихъ современныхъ романистовъ и немало трудовъ по общественнымъ и историческимъ вопросамъ. Все это—пожертвованія лицъ, интересующихся идейнымъ движеніемъ среди пролетаріата; все это показываетъ усилія организаторовъ пріобщить поскорѣе народъ къ умственнымъ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи; и надъ всѣмъ этимъ горитъ ореолъ безкорыстной мысли, выгодно отличающей эту пока скромную коллекцію отъ чинныхъ и роскошныхъ библіотекъ аристократическаго и денежнаго меньшинства, которое любуется на стройные ряды переплетовъ и по большей части не развертываетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе этихъ богатыхъ изданій.

По срединѣ библіотеки большой столъ заваленъ журналами и газетами, за которыми сидятъ десятка два людей и, на минуту поднявъ голову при шумѣ отворяющейся двери, снова наклоняются надъ печатными строками, зачастую дѣлая выписки и отъ времени до времени перебрасываясь словомъ—двумя съ сосѣдями: это кабинетъ для чтенія при народномъ университетѣ. Иныя комнаты заперты, и изъ нихъ раздаются звуки инструментовъ, пѣнія, декламаціи и простого школьнаго объясненія: то правильные вечерніе курсы, организованные для желающихъ посвятить себя музыкѣ, театральному искусству, рисованію, изученію иностранныхъ языковъ. Есть и спеціальная зала для разговоровъ, нѣчто въ родѣ безпретенціознаго клуба, гдѣ люди бесѣдуютъ между собой, играютъ въ шахматы, домино, организуютъ различныя общественныя игры...

Вотъ приблизительно что я видѣлъ и слышалъ въ одномъ изъ наиболѣе типичныхъ „народныхъ университетовъ“ Франціи. Но вслѣдъ за этой срисованной по возможности точно съ дѣйствительности картиной мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателемъ данными, касающимися новаго идейнаго движенія во всей странѣ, и схватить основной смыслъ его, равно какъ представить отношеніе къ нему различныхъ общественныхъ партій. Я думаю, однако, что нельзя изображать это явленіе чѣмъ-то не имѣющимъ прецедента ни во времени, ни въ пространствѣ, свалившимся на совре-

менную Францію, что называется, съ неба. Французы, нѣтъ сомнѣнія, благодаря своимъ психологическимъ особенностямъ, умѣютъ придать всякой идеѣ и всякому теченію общечеловѣческій, глубоко затрогивающій всѣхъ людей характеръ. Но что стремленіе внести въ народъ результаты современнаго знанія вплоть до наиболѣе высокихъ научныхъ пріобрѣтеній не есть чисто французское измышленіе, извѣстно всякому, кто мало-мальски знакомъ съ исторіей народныхъ университетовъ въ Даніи, или такъ называемаго University Extension въ Англіи, или Adult Farmers Schools въ Сѣверо-Американской республикѣ и т. п. Я не остановлюсь, однако, на всѣхъ этихъ заграничныхъ движеніяхъ, предполагая, что въ главныхъ чертахъ они знакомы читателю. Но мнѣ кажется цѣлесообразнымъ сблизить французское народноуниверситетское теченіе съ нѣкоторыми болѣе ранними французскими же попытками, которыя, не смотря на свои гораздо болѣе скромныя задачи, представляютъ съ нимъ извѣстную аналогію.

Эти попытки я вижу въ дѣятельности нѣсколькихъ частныхъ обществъ, которыя довольно уже давно работаютъ надъ пополненіемъ народнаго образованія, главнымъ образомъ при помощи организаціи вечернихъ курсовъ для взрослыхъ. Я укажу лишь на самыя важныя явленія въ этой области. Всякому, кто былъ во Франціи, особенно въ Парижѣ, приходилось обращать вниманіе на ярко освѣщенныя ночью зданія мэрій, народныхъ школъ и т. п. То—вечернія лекціи, посѣщаемыя взрослыми. Въ Парижѣ онѣ организуются преимущественно двумя соперничающими обществами, одно изъ которыхъ отроилось отъ другого: это такъ называемая „Политехническая ассоціація для развитія народнаго образованія" и „Филотехническая ассоціація".

Старѣйшая изъ нихъ носитъ названіе Политехнической и получила это названіе отъ того обстоятельства, что основателями ея были ученики Политехнической школы. Политехники, которые въ теченіе долгаго времени отличались своимъ либерализмомъ и демократическими тенденціями, уже въ 1815 г., наканунѣ битвы при Ватерло, пытались въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ устроить популярныя чтенія; но то были лишь очень частныя попытки. При реставраціи свободолюбивые юноши естественно пришли къ мысли о необходимости заняться развитіемъ народа: правительственная реакція, свирѣпствовавшая въ это время, инстинктивно толкала интеллигенцію сблизиться съ массами на почвѣ образованія и въ нихъ искать опору и союзную армію. Въ Мецѣ уже въ 1816 г. существовали курсы для взрослыхъ, и десять лѣтъ спустя группа извѣстныхъ ученыхъ, бывшихъ политехниковъ, въ родѣ Понселэ, поставила въ этомъ же городѣ на довольно прочномъ основаніи преподаваніе геометріи, механики, физики, химіи, политической экономіи. Въ провинціи же пытался работать около этого времени надъ народнымъ образованіемъ будущій творецъ положительной

философіи*). Но особенно ярко проявилось это теченіе при концѣ реставраціи. Не даромъ французская молодежь, пробуждавшаяся къ сознательной жизни на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ и поставившая столько выдающихся политическихъ дѣятелей въ послѣдующее двадцатилѣтіе, была однимъ изъ самыхъ мощныхъ и богатыхъ энтузіазмомъ и надеждами поколѣній здѣшней интеллигенціи.

Единичныя попытки временъ реставраціи оформились и вылились въ цѣлое общество подъ вліяніемъ героическаго настроенія и подъема духа, вызваннаго борьбой націи съ Бурбонами. Политехники рѣшили тутъ же основать ассоціацію, имѣвшую цѣлью обученіе и развитіе народа, чтобы дать ему такимъ образомъ „возможность воспользоваться завоеванной политической свободой". Знаменательно, что первыя лекціи читались учениками политехнической школы раненымъ во время возстанія рабочимъ, которые находились на излѣченіи въ импровизированныхъ на скорую руку госпиталяхъ, устроенныхъ въ покинутомъ Бурбонами дворцѣ въ Сэнъ-Клу. А вскорѣ на банкетѣ, организованномъ въ Луврѣ, было положено начало Политехнической ассоціаціи, при основаніи которой участвовалъ игравшій въ то время въ популярность герцогъ Орлеанскій, будущій „король-гражданинъ". Основатели ставили своею задачею „познакомить народъ съ пріемами научнаго метода и открыть курсы, въ которыхъ положительное знаніе оттѣсняло бы на задній планъ всѣ прочія умозрительныя области человѣческой мысли". Свободолюбивая часть аристократіи, ютившаяся вокругъ орлеанской династіи, считала своимъ долгомъ подражать либерализму младшей линіи Бурбоновъ, и первымъ представителемъ Политехнической ассоціаціи былъ выбранъ герцогъ Шуазёль-Пралэнъ, тогда какъ въ числѣ вице-президентовъ фигурировалъ Огюстъ Контъ **). Курсы открылись 14-го января 1831 г.; они были безплатными.

Дѣятельность общества быстро расширилась; число курсовъ и учениковъ на нихъ росло безпрерывно; и выросшая изъ іюльскихъ баррикадъ монархія довольно покровительственно относилась къ работѣ ассоціаціи, которая послѣ перваго взрыва гражданскаго энтузіазма исключительно занялась сообщеніемъ народу опредѣленныхъ знаній, минуя политическую и философскую сторону дѣла ***). Послѣ революціи 1848 г. въ Политехнической ассоціаціи

---

*) См. *Bulletin mensuel de l'association polytechnique*; Парижъ, январь 1900 г., стр. 3.

**) A. Pressard, *Histoire de l'association philotechnique;* Парижъ, 1899, стр. 7.

***) Отдѣлившаяся было отъ общества «Свободная ассоціація для народнаго образованія», состоявшая изъ крайнихъ элементовъ, въ томъ числѣ соціалиста Кабэ, была запрещена правительствомъ въ 1834 г. См. объ этомъ въ спеціальномъ трудѣ: F. Buisson, *Dictionnaire de pédagogie;* томъ I, часть I, стр. 132; Парижъ, 1882.

произошелъ расколъ, и отъ нея отдѣлилась Филотехническая ассоціація, которая находила, что въ прежнемъ обществѣ обученіе носило черезчуръ отвлеченный характеръ, недоступный начинающимъ ученикамъ изъ народа, и потому рѣшила подчеркнуть элементарное и профессіональное образованіе. Первый параграфъ вновь возникшаго общества гласилъ, что „цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы давать взрослымъ лицамъ обоего пола образованіе, соотвѣтствующее ихъ потребностямъ“. Отсюда и названіе „Филотехническая ассоціація“, т. е., по объясненію творцовъ этого довольно неуклюжаго термина, ставящая своею излюбленною задачею обученіе народа различнымъ техническимъ искусствамъ и ремесламъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что преподаваніе въ обѣихъ ассоціаціяхъ не особенно разнится въ послѣднее время, и предметы обученія какъ тутъ, такъ и тамъ почти одни и тѣ же: образованіе, которое дается двумя соперничающими обществами, представляетъ собою извѣстное цѣлое, обнимающее элементы математики, естественныхъ наукъ, географіи, исторіи, литературы, къ которымъ присоединяются нѣкоторыя спеціальности и профессіональные курсы, по желанію слушающихъ. Политехническая ассоціація, хотя и смотритъ нѣсколько сверху внизъ на свою младшую соперницу, можно сказать дочь, менѣе популярна въ Парижѣ и по страннымъ соображеніямъ не сообщаетъ числа своихъ учениковъ *). Во всякомъ случаѣ въ 1898 г. она насчитывала 22 отдѣленія въ Парижѣ и нѣкоторыхъ подгородныхъ общинахъ. Филотехническая же ассоціація, не переставая развиваться со дня своего основанія (29-го марта 1848 г.), слагалась въ 1898 г. изъ 31 отдѣленія, которыя организовали 520 курсовъ и давали образованіе среднимъ числомъ 11,000 слушателей (11,749 еженедѣльно въ учебный 1897—1898 годъ).

Говоря вообще, образованіе, которое пріобрѣтается взрослыми на вечернихъ курсахъ, представляетъ продолженіе первоначальнаго обученія и по завершеніи соотвѣтствуетъ приблизительно курсу среднихъ учебныхъ заведеній безъ тѣхъ фіоритуръ „реторики“ и „философіи“, которыми французская буржуазія любитъ украшать классическое образованіе своихъ птенцовъ. Еще ближе вечерніе курсы подходятъ, можетъ быть, къ тому, что называется теперь у французовъ „образованіемъ современнаго типа“ (enseignement moderne) и напоминаетъ наши реальныя школы. Разница заключается въ нѣсколько большей элементарности вечернихъ курсовъ и введеніи профессіональнаго обученія, причемъ политехническая ассоціація обращаетъ въ этой области вниманіе

*) См. объ этомъ спеціальную статью въ *Annuaire statistique de la ville de Paris;* 1892 (годъ тринадцатый), стр. 382. Число учениковъ должно нѣсколько превышать 10,000.

главнымъ образомъ на техническое черченіе и рисованіе, архитектуру, строительное искусство, работу по дереву, изготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ, тогда какъ филотехническая ассоціація организуетъ профессіональные курсы преимущественно по счетоводству и банковымъ операціямъ, производству металлической посуды, переплетному ремеслу, фотографіи, элекротехникѣ, кухонному искусству и отрасли „модъ". И та, и другая ассоціація имѣютъ отдѣленія въ различныхъ провинціальныхъ городахъ. Но и въ Парижѣ, и въ провинціи главный контингентъ слушателей и слушательницъ курсовъ вербуется среди мелкой буржуазіи, приказчиковъ, служащихъ, артистовъ-ремесленниковъ, собственно же рабочіе составляютъ лишь меньшинство. Оба соперничающія общества занимаются также организаціей публичныхъ лекцій и учрежденіемъ народныхъ библіотекъ.

Но въ этой послѣдней сферѣ дѣятельности намъ придется обратить вниманіе читателей на особое общество, которое не столько само занимается обученіемъ народа, сколько централизуетъ и направляетъ по одному руслу стремленія людей, желающихъ такъ или иначе работать на почвѣ народнаго образованія: я говорю о столь извѣстной „французской лигѣ обученія для распространенія національнаго образованія и воспитанія". Лига эта возникла въ 1866 г. по иниціативѣ Жана Масэ, автора знаменитой „Исторіи кусочка хлѣба" и другихъ популярныхъ книгъ, и подъ вліяніемъ образовавшейся двумя годами раньше (въ 1864 г.) бельгійской „лиги обученія", которую либералы Бельгіи основали для борьбы съ клерикализмомъ. Жанъ Масэ, который съ ранней молодости преслѣдовалъ задачи образованія народа и скоро подчинилъ этой цѣли всѣ свои прочіе общественные идеалы — онъ былъ слегка затронутъ фурьеризмомъ,—въ первое время Имперіи укрывался отъ преслѣдованій правительства, занимаясь преподаваніемъ въ одномъ женскомъ пансіонѣ Эльзаса; въ началѣ 60-хъ годовъ велъ успѣшную агитацію по вопросу объ учрежденіи народныхъ библіотекъ; а вскорѣ обратился къ обществу съ воззваніемъ, прося его содѣйствія для образованія уже упомянутой „Лиги обученія". Это воззваніе появилось на столбцахъ газеты „Opinion Nationale" (отъ 25-го октября 1866 г.) въ видѣ статьи, которая излагала положеніе вещей въ Бельгіи и заключалась пожеланіемъ видѣть поскорѣе и во Франціи „коалицію, организованную во всѣхъ департаментахъ между всѣми людьми, обладающими доброю волею и только того и желающими, чтобы работать надъ образованіемъ народа" *). Нѣсколько дней спустя, три человѣка отозвались на кличъ Жана Масэ и внесли по 5 фр. на основаніе лиги: то были главный кондукторъ на одной изъ

---

*) См. перепечатку этой статьи въ книгѣ: Jean Macé, *Les origines de la Ligue de l'enseignement;* Парижъ, 1891, стр. 211.

желѣзныхъ дорогъ, каменьщикъ и — полицейскій! А затѣмъ подписные листы стали дѣятельно циркулировать между публикой, и ровно черезъ мѣсяцъ основавшаяся лига насчитывала 60 членовъ, внесшихъ въ кассу болѣе 1,600 фр.

Разсматривая первый подписной листъ, цѣликомъ перепечатанный въ только что цитированной книгѣ Масэ, я наткнулся на имя „студента Лафарга“ *), одного изъ теперешнихъ главъ рабочаго движенія во Франціи, который въ то время былъ выключенъ изъ парижскаго университета за политическую исторію, — участіе въ люттихскомъ конгрессѣ 1866 г.—и изучалъ медицину въ Лондонѣ. Но если нѣкоторые крайніе элементы поддерживали лигу, то главнымъ образомъ ея развитіе опиралось на участіе лицъ либеральнаго, умѣренно-либеральнаго и даже безразличнаго направленія въ политикѣ, которыя думали исключительно о распространеніи знаній въ народѣ и избѣгали столкновенія съ крайне подозрительными въ то время властями. Надо замѣтить, впрочемъ, что самъ Масэ, оставаясь демократомъ и республиканцемъ, по темпераменту принадлежалъ къ культурникамъ. По обыкновенію культурниковъ и разсчитывая на родственные элементы того же типа, Масэ въ особенности старался обезоружить правительство скромностью и невинностью своей программы. Объясняя условія, при которыхъ должно функціонировать общество, онъ заранѣе предвидитъ возраженіе робкихъ людей и идетъ ему на встрѣчу:

... Для того, чтобы организовать Лигу обученія во всей Франціи, намъ нужно, прежде всего, разрѣшеніе правительства; и было бы ребячествомъ воображать, что мы получимъ его, если правительство можетъ думать, что для него въ этомъ случаѣ можетъ грозить опасность... Какъ же намъ дать правительству увѣренность въ томъ, что изъ этого всеобщаго движенія въ пользу народнаго образованія мы не сдѣлаемъ вопроса политической партіи? Я скажу даже больше: какъ убѣдить всѣхъ съ самаго начала, что именно этого не должно дѣлать? Какую программу представить на утвержденіе и какой уставъ дать на разсмотрѣніе тѣмъ, кого хотѣлось бы завербовать? Какихъ лицъ выбрать въ началѣ, чтобы они не давали опредѣленной окраски тому, что не должно имѣть никакой? **).

Масэ прибѣгаетъ для отвѣта къ обычному пріему умѣренныхъ либераловъ и увѣряетъ сторонниковъ движенія, да и само правительство, что оно не захочетъ мѣшать такому скромному и безличному въ политическомъ смыслѣ предпріятію:

... Правительство, главная сила котораго заключается въ народѣ, никогда не будетъ препятствовать кому бы то ни было работать для народа, если оно увидитъ, что для него нѣтъ здѣсь предметовъ личнаго безпокойства; оно не будетъ мѣшать съ легкимъ сердцемъ этому, не ослабляя самого себя, такъ какъ само вынуждено подавать примѣръ. Мы всегда будемъ въ состояніи дѣлать то, что полезно народу, если только перестанемъ заниматься правительствомъ; а это въ концѣ концовъ не очень трудно, разъ задаемся цѣлью дѣлать свое

*) Ibid., стр. 221.
**) Ibid., стр. 215—216.

дѣло. Я знаю, кто будетъ врагомъ нашей Лиги обученія вездѣ, гдѣ она станетъ организоваться: во всякомъ случаѣ этимъ врагомъ будетъ не правительство. Я обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, которые видятъ въ будущей Лигѣ нейтральную почву въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ и которые настолько высоко ставятъ собственно вопросъ народнаго образованія, что займутся исключительно служеніемъ ему, оставляя въ сторонѣ все остальное. Нечего и пробовать, если станутъ задаваться чѣмъ нибудь другимъ. Долго не проживешь при такихъ условіяхъ, даже если и предположить, что Лига родится *).

Какъ бы то ни было, лига основалась съ уставомъ, ставившимъ задачею общества „вызвать по всей Франціи личную иниціативу въ интересахъ распространенія народнаго образованія“ путемъ учрежденія библіотекъ и публичныхъ курсовъ для взрослыхъ, равно какъ школъ для дѣтей, гдѣ это понадобится, и поддержанія всѣхъ этихъ заведеній, гдѣ они уже существуютъ. Уставъ лиги строго исключалъ „всякій оттѣнокъ политической или религіозной полемики“. Дѣла общества пошли хорошо, и въ концѣ Имперіи, незадолго до франко-прусской войны, лига насчитывала (въ февралѣ 1870 г.) 59 кружкокъ съ 17.856 членами и ежегоднымъ бюджетомъ въ 78.455 франковъ. Образовавшійся нѣсколько мѣсяцевъ тому раньше „парижскій кружокъ“ лиги, который посвятилъ себя преимущественно распространенію народнаго образованія во всей провинціи, сдѣлался однимъ изъ главныхъ органовъ общества и усилилъ движеніе въ департаментахъ. Много частныхъ и мѣстныхъ группъ примкнуло къ лигѣ, послѣднимъ актомъ которой передъ самой войной была организація петиціи къ властямъ о всеобщемъ обязательномъ и даровомъ обученіи: эта петиція быстро покрылась 35.0000 подписей.

Послѣ войны и коммуны петиція была возобновлена, и на сей разъ было собрано 917,267 подписей, такъ что общее число лицъ, подписавшихъ петицію, которая еще до окончанія была представлена національному собранію (въ іюнѣ 1872 г.), доходило до 1.267,267 (изъ нихъ около трети требовали не только обязательнаго и дарового, но и свѣтскаго обученія). Свирѣпая атака монархическихъ партій противъ республики, которой пришлось защищаться не на жизнь, а на смерть противъ назначеннаго Макъ-Магономъ „министерства порядка“ (такъ называемый парламентарный coup d'Etat 16 мая 1877 г.), отразилась и на лигѣ. Реакціонные префекты не постѣснились распустить мѣстныя группы общества, закрыть библіотеки, запретить публичныя лекціи, въ то время, какъ религіозная печать, епископы и самъ папа подвергали анаѳемѣ „пагубную“ дѣятельность лиги. Такого правительственнаго гнета обществу не пришлось испытывать и во время второй Имперіи. Члены лиги увидѣли, что при такихъ обстоятельствахъ долго удержаться на пресловутой „нейтральной почвѣ“ не было возможности, и наиболѣе демократическіе и республи-

*) Ibid., стр. 219.

канскіе элементы лиги вступили въ борьбу съ реакціей, сознавая, что на этотъ разъ никакими комплиментами, никакими цвѣтами реторики и букетами привѣтствій нельзя было заговорить и остановить неумолимаго врага. Побѣда республиканцевъ развязала руки и умѣренно-либеральнымъ элементамъ, и лига, а особенно ея парижскій кружокъ, съ жаромъ стала поддерживать Ферри въ его борьбѣ за свѣтскую цивилизацію противъ той партіи, которая, по удачному выраженію одного изъ политическихъ адресовъ упомянутаго уже парижскаго кружка, „призываетъ свободу лишь для того, чтобы основать рабство“ *).

Приблизительно въ то самое время, какъ республиканскій министръ народнаго просвѣщенія вводилъ въ законодательство (въ первой половинѣ 1881 г.) принципъ свѣтскаго, дарового и обязательнаго образованія, котораго требовали нѣсколько лѣтъ тому назадъ петиціонеры лиги, эта послѣдняя преобразовалась въ федеративное общество „французской лиги“, была признана республиканскимъ правительствомъ въ качествѣ общеполезнаго учрежденія и выбросила изъ своего устава запретъ имѣть опредѣленную политическую и религіозную окраску. Такъ индифферентные и умѣренно-либеральные элементы лиги, спасенные энергичнымъ вмѣшательствомъ боевыхъ республиканскихъ силъ, естественно пришли къ необходимости оставить пресловутую „нейтральную почву“. Дальнѣйшая исторія общества интересуетъ насъ здѣсь лишь постольку, поскольку къ старымъ формамъ дѣятельности постепенно присоединялись новыя. Само собою понятно, что введеніе свѣтской, обязательной и безплатной школы для народа во всей Франціи въ значительной степени свело къ простой буквѣ параграфъ прежняго устава, гласившій объ открытіи школъ. Но осталась организація библіотекъ и мѣстныхъ группъ, работающихъ въ народѣ путемъ публичныхъ лекцій, равно какъ помощь всѣмъ тѣмъ уже существующимъ учрежденіямъ для распространенія въ народѣ знаній, которыя пожелали бы вступить въ федерацію лиги.

А съ 1893 г. обнаружилось стремленіе пополнить и расширить народное образованіе учрежденіемъ такъ называемыхъ „школьныхъ покровительствъ“ (мнѣ приходится перевести этимъ неуклюжимъ терминомъ французскіе patronages scolaires), цѣлью которыхъ является образовательная и воспитательная дѣятельность въ народѣ и по окончаніи молодымъ поколѣніемъ курса въ школѣ. Къ этому разряду относятся такъ называемыя „маленькія А“, или ассоціаціи бывшихъ учениковъ народныхъ школъ, и „большія А“, или ассоціаціи бывшихъ учениковъ среднихъ заведеній. Въ особенности интересенъ расцвѣтъ первыхъ,

*) См. этотъ адресъ въ краткой исторіи общества: *La Ligue de l'enseignement*; Парижъ, 1896, стр. 35.

которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдѣлались такимъ виднымъ явленіямъ провинціальной жизни, что за „маленькими А“ уже начинаютъ ухаживать шустрые и обладающіе нюхомъ депутаты, разсчитывающіе превратить эти учрежденія въ своего рода избирательные комитеты. Эти ассоціаціи организуютъ бесѣды, чтенія, публичныя лекціи при помощи мѣстныхъ учителей; заводятъ кружки самообразованія, клубы, библіотеки, общества взаимопомощи; устраиваютъ музыкальные вечера, домашніе спектакли, игры и т. п. развлеченія. Во многихъ мѣстахъ усилія жителей направлены на то, чтобы организовать такъ называемые кантональные музеи, которые давали бы возможность населенію даже въ небольшихъ административныхъ центрахъ наглядно знакомиться съ наукой и искусствомъ при помощи физическихъ кабинетовъ, зоологическихъ и т. п. коллекцій, картинныхъ и скульптурныхъ галлерей и т. п. Наконецъ, для того, чтобы бороться съ католическою пропагандою въ войскахъ, члены лиги обученія поднимаютъ вопросъ объ основаніи при гарнизонахъ такихъ кружковъ и ассоціацій для взаимнаго образованія и развлеченія, которые могли бы продолжать дѣйствовать на солдатъ въ томъ же свободномъ республиканскомъ духѣ, какой должна прививать дѣтямъ свѣтская народная школа.

Вотъ картина дѣятельности лиги обученія въ послѣднемъ (1898 — 1899) учебномъ году, какъ развертываетъ ее докладъ одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей по народному образованію, — Эдуарда Пети,—министру народнаго просвѣщенія: въ этомъ году

читалось 34,987 курсовъ для подростковъ и взрослыхъ въ общественныхъ школахъ и около 5000 курсовъ при обществахъ народнаго образованія, синдикальныхъ палатахъ и т. п.; число публичныхъ лекцій съ туманными картинами или безъ оныхъ равнялось 116,822; функціонировало 871 общество школьной взаимопомощи съ 400,000 дѣтей; 3761 ассоціація бывшихъ школьниковъ и школьницъ; 986 школьныхъ покровительствъ. Всего, значитъ, насчитывалось болѣе 5000 группъ молодыхъ людей, организовавшихся вокругъ свѣтскихъ школъ, не считая 1000 собраній дѣвочекъ; 450,000 молодыхъ людей обоего пола усердно посѣщали вечернія лекціи; курсы взрослыхъ располагали 46,386 учителями и учительницами, не считая 6000 лекторовъ и референтовъ, директоровъ обществъ взаимопомощи, ассоціацій, покровительствъ и т. п. *).

Прибавьте къ этому, что одно изъ обществъ, примыкающихъ къ федераціи лиги,—а именно „Демократическій союзъ для соціальнаго воспитанія молодежи“, — уже проектировалъ объединеніе обучающаго персонала всѣхъ трехъ родовъ народнаго образованія, низшаго средняго и высшаго, съ цѣлью совмѣстнаго дѣйствія на массы. Припомните, что при парижской думѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ организованы высшіе вечерніе курсы,

*) См. отчетъ о послѣднемъ,—Тулузскомъ,—конгрессѣ лиги обученія въ ежемѣсячникѣ общества: *Ligue francaise de l'enseignement. Bulletin mensuel;* № 181, январь—февраль 1900 г., стр. 31.

правда такъ плохо, что теперь идетъ рѣчь о преобразованіи ихъ. Обратите, наконецъ, вниманіе на то, что въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ профессорамъ и учителямъ приходила въ голову мысль предложить рабочимъ синдикатамъ и коопераціямъ свои услуги по части устройства лекцій болѣе высшаго типа, чѣмъ читаются обыкновенно народу. Изъ всего этого легко видѣть, что идея народныхъ университетовъ носилась, такъ сказать, въ воздухѣ. И очень можетъ быть, что она приняла осязательную форму подъ вліяніемъ тѣхъ статей, которыя посвящались въ послѣдніе годы нѣкоторыми французскими писателями, въ родѣ Жеффруа, изображенію народныхъ университетовъ, театровъ и концертовъ за предѣлами Франціи. Это повсемѣстное и одновременное назрѣваніе идеи о высшемъ народномъ образованіи, вѣроятно, и объясняетъ, почему такъ трудно съ точностью опредѣлить, кого можно считать во Франціи настоящимъ иниціаторомъ даннаго движенія. Я не берусь и не могу провѣрить точность проскользнувшихъ было въ печать свѣдѣній о томъ, будто еще въ 1868 г. нѣкто Арманъ Гайемъ устроилъ первый народный университетъ въ Парижѣ и даже далъ ему современное названіе, но будто вспыхнувшая война разрушила на первыхъ же шагахъ это интересное предпріятіе. Во всякомъ случаѣ, уже изъ сдѣланнаго мною описанія различныхъ функціонирующихъ во Франціи обществъ для распространенія народнаго образованія читатель можетъ заключить, что элементы университета для массъ находились въ зачаточномъ и разсѣянномъ состояніи по всей странѣ. И нуженъ былъ лишь спасительный кризисъ, нравственная встряска послѣднихъ лѣтъ, чтобы назрѣвавшій вопросъ о высшей демократической школѣ получилъ практическое рѣшеніе. Я перехожу теперь къ изображенію того, что было сдѣлано до сихъ поръ въ этой области, и заранѣе прошу снисхожденія у читателя къ такой работѣ. До сихъ поръ нѣтъ обобщающаго труда о народномъ университетѣ во Франціи, да и не можетъ быть, въ виду крайней юности этого учрежденія. Поневолѣ приходится ограничиваться отрывочнымъ матеріаломъ, основаннымъ на личныхъ разспросахъ, газетныхъ свѣдѣніяхъ, журнальныхъ статьяхъ, объявленіяхъ о лекціяхъ и кой-какихъ спеціальныхъ изданіяхъ и отчетахъ о первыхъ шагахъ высшихъ демократическихъ школъ.

Я сказалъ выше, что трудно опредѣлить, кому принадлежитъ иниціатива новаго движенія. Нѣкто Марниксъ, усердно собиравшій свѣдѣнія о народныхъ французскихъ университетахъ для бельгійской радикальной газеты „La Réforme“, увѣряетъ, что первая идея о высшей школѣ для массъ принадлежитъ „никому другому“, какъ тремъ парижанамъ: Тони Фалло, Раулю Вилье и Жану Монье. Рауль Вилье первый основалъ (въ 1897 г.?) на улицѣ des

Fourneaux (въ кварталѣ Гренелль) кружокъ изъ студентовъ и рабочихъ съ цѣлью взаимнаго обмѣна мыслей между пролетаріатомъ и интеллигенціей. А вскорѣ четыре подобныя же группы образовались въ томъ же кварталѣ Гренелль, въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, въ Белль-виллѣ (этомъ „Авентинскомъ холмѣ“ парижскаго рабочаго класса) и Монружѣ, — какъ видите, на различныхъ концахъ столицы. Это движеніе скоро встрѣтило сочувствіе и поддержку среди членовъ республиканскаго общества „Моральнаго воздѣйствія“, въ томъ числѣ уже упомянутаго мною въ началѣ этой статьи рабочаго Дегерма *).

Французскіе же публицисты, интересовавшіеся этимъ вопросомъ (Клемансо, Жеффруа и т. п.), считаютъ духовнымъ отцомъ народныхъ университетовъ именно Дегерма, который уже нѣкоторое время тому назадъ устроилъ публичныя лекціи и вечернія бесѣды для рабочихъ подъ названіемъ „Les soirées ouvrieres“ въ Монтрёйль-су-Буа, одномъ изъ восточныхъ пригородовъ Парижа, находящемся возлѣ Венсенскаго парка и раньше извѣстномъ лишь своими славящимися на весь міръ персиками. Какъ бы то ни было, роль, которую Дегермъ играетъ въ народно-университетскомъ движеніи, настолько значительна, что лично я склоненъ видѣть перваго практическаго организатора этого дѣла въ Дегермѣ. Я позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать эту интересную личность и надѣюсь выполнить эту задачу тѣмъ болѣе безпристрастно, что общее философское міровоззрѣніе Дегерма мнѣ несимпатично и не возбуждаетъ во мнѣ того преувеличеннаго восхищенія, которое высказываютъ къ нему нѣкоторые буржуа-демократы изъ личныхъ друзей Дегерма. Уже года два тому назадъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, живо интересующійся различными идейными теченіями Франціи, обратилъ мое вниманіе на маленькій ежемѣсячный журнальчикъ, выходившій подъ довольно оригинальнымъ заглавіемъ „Сотрудничества идей“ (La Coopération des Idées) и являвшійся, въ соотвѣтствіи съ этимъ названіемъ, свободной трибуной для обмѣна мыслей всѣхъ, работающихъ надъ общественными вопросами. „Кооперація идей“, основанная въ 1894 г., выходила сначала въ видѣ неперіодическаго листка, затѣмъ приняла форму маленькой ежемѣсячной брошюрки въ 12 страничекъ, безъ всякой обертки, затѣмъ дошла до 16 страницъ и пріукрасилась зеленой обложкой: въ этомъ послѣднемъ видѣ я и познакомился съ ней **).

Если оставить въ сторонѣ нѣкоторые высказывавшіеся въ ней взгляды добровольныхъ „сотрудниковъ идей“, то редакціонное

*) См. статью Marnix, *Les oeuvres intellectuelles populaires* въ «La Réforme» отъ 16 марта 1900 г.

**) Теперь она превратилась въ еженедѣльную газету и выходитъ каждую субботу, начиная съ 7 апрѣля.

направленіе ея мнѣ не приглянулось. Дегермъ, душа этого органа, позитивистъ и сторонникъ положительной политики О. Конта, раздѣлялъ всѣ недостатки практическаго міровоззрѣнія школы, обезобразившей реакціоннымъ педантизмомъ свѣтлое и могучее ядро научной системы Конта. Мнѣ нечего отвлекаться здѣсь въ сторону и доказывать, что этотъ печальный пріемъ практиковался отчасти самимъ творцомъ положительной системы, и чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. Но у Конта, повторяю, была свѣтлая центральная идея, благодаря которой его научные пріемы мышленія проникли во всѣ области знанія и практикуются—о! иронія судьбы и извѣстной басни Крылова!—тѣми самыми учеными которые разносятъ великаго врага метафизики. За то у учениковъ Конта вы найдете всѣ недостатки учителя и ни одного изъ достоинствъ его, въ результатѣ чего и оказывается, что нѣтъ породы людей болѣе несносной, болѣе претенціозной и въ то же время менѣе научно и критически мыслящей, какъ правовѣрные контисты.

Не избѣжалъ и Дегермъ этого недостатка всей школы *). И если бы онъ ограничился позитивно-несносными разсужденіями, то, вѣроятно, ему не пришлось бы стать однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей по высшему народному образованію. Но, благодаря счастливой непослѣдовательности, онъ смѣло и энергично бросился въ агитацію по вопросу о демократизаціи науки. На его благородную и живую натуру сильно подѣйствовали пробужденіе свободнаго духа, обнаружившееся во время и по поводу дрейфусовскаго дѣла, и могущественный ростъ рабочей солидарности въ видѣ синдикальнаго и кооперативнаго движенія. Я не хочу сказать, чтобы и теперь вы не встрѣчались въ статьяхъ Дегерма съ новыми погудками на старый ладъ реакціоннаго контизма. Но это искупается тѣмъ искреннимъ и поистинѣ трогательнымъ

---

*) По женскому вопросу Дегермъ, напримѣръ, и до сихъ поръ не оставилъ этой банальной точки зрѣнія. Взгляните хотя бы на его статью *Le travail des femmes* въ апрѣльскомъ номерѣ «La Coopération des Idées» за 1899 г. и его же рецензію на книгу Лурбэ *Le problème des sexes* въ мартовскомъ номерѣ за 1900 г. Грѣшный человѣкъ, всѣмъ этимъ педантическимъ разсужденіямъ я предпочитаю стихи Луи Буйлье, великолѣпнѣе и вмѣстѣ безсмысленнѣе которыхъ трудно найти въ какой-либо другой литературѣ, — по крайней мѣрѣ, красиво!

Tu n'as jamais été, dans tes jours les plus rares,
Qu'un banal instrument sous mon archet vainqueur,
Et, comme un air qui sonne au bois creux des guitares,
J'ai fait chanter mon rêve au vide de ton coeur!..

т. е. «въ самые исключительные дни ты была лишь банальнымъ инструментомъ подъ моимъ побѣдительнымъ смычкомъ, и, какъ воздухъ звучитъ въ поломъ деревѣ гитары, такъ я заставилъ пѣть свою мечту въ пустотѣ твоего сердца».

отношеніемъ къ дѣлу просвѣщенія и научнаго подготовленія массъ, которое заставляетъ васъ забывать педантическія причуды.

Въ концѣ 1897 г. и началѣ 1898 г. редактируемый Дегермомъ журналъ, постоянно направляя удары въ одну точку, успѣлъ заинтересовать интеллигентную часть буржуазіи и рабочихъ въ устройствѣ общества, которое бы вплотную принялось за „Кооперацію идей для высшаго образованія и этически-соціальнаго воспитанія народа". Подъ этимъ названіемъ, напоминавшимъ заглавіе его органа, Дегермъ проектировалъ то, что вскорѣ должно было принять форму и имя народнаго университета. Выраженія сочувствія и обѣщанія содѣйствовать посылались по адресу автора проекта со всѣхъ сторонъ, и въ началѣ, несомнѣнно, извѣстная часть сочувствующихъ поддерживала Дегерма по недоразумѣнію. Интересно, что въ то самое время, какъ творецъ „Коопераціи идей" уже прямо указывалъ, подъ вліяніемъ возникшаго дѣла Дрейфуса и начинавшейся яростной борьбы шовинистовъ и клерикаловъ противъ республики—на „нравственную бурю", *),—интересно говорю я, что нѣкоторые изъ завѣдомо консервативныхъ или реакціонныхъ лицъ и учрежденій примкнули было къ дегермовскому плану. Такой отчаянный націоналистъ, какъ Морисъ Барресъ, подписалъ 100 фр. въ пользу основывавшагося дѣла; другой не менѣе отчаянный „патріотъ", профессоръ Вожуа, обѣщалъ читать лекціи и дѣйствительно отъ времени до времени читалъ ихъ; члены консервативнаго „Соціальнаго музея", въ которомъ преобладаютъ идеи Ле-Плэя, обѣщали въ свою очередь нѣсколько публичныхъ рефератовъ. Но скоро положеніе дѣлъ выяснилось, и среди сочувствующихъ произошла рѣзкая разслойка: большинство антидрейфусистовъ отшатнулось, тогда какъ дрейфусисты направили свою энергію и въ эту сторону. Недавно, возражая на яростныя нападки клерикальной прессы, Дегермъ добродушно пересчитывалъ два—три имени членовъ шовинистской „лиги французскаго отечества", которые до сихъ поръ остались лекторами народнаго университета; но самъ же принужденъ былъ сдѣлать слѣдующую многозначительную оговорку:

> Конечно, дрейфусисты очень многочисленны среди насъ; но это, безъ сомнѣнія, лишь потому, что они меньше, чѣмъ другіе, боятся свѣта, что они болѣе увѣрены въ народной симпатіи, что для торжества своего дѣла они разсчитываютъ болѣе на образованный и умный народъ, чѣмъ на народъ оглупленный... Дѣло Дрейфуса показало многимъ настоятельную необходимость приняться за народное воспитаніе. Это, можетъ быть, облегчило нашу задачу, но не создало ее и не ограничиваетъ **).

Какъ бы то ни было, первый народный университетъ, носящій названіе „Коопераціи идей", былъ основанъ уже въ началѣ 1898 г.

---

*) *La Coopération des Idées*, № 25, февраля 1898 г., стр. 337.
**) *La Cooperation des Idées*, № 47, декабрь 1899 г., стр. 164.

Сначала появился слѣдующій призывъ къ рабочимъ, составленный Дегермомъ (я беру изъ него самыя характеристичныя мѣста):

Подобно вамъ, мы—рабочіе. Но мы полагаемъ, что человѣческая жизнь заключаетъ въ себѣ болѣе интенсивныя, болѣе прочныя, болѣе высокія и менѣе обременительныя радости, чѣмъ развлеченія кабака. Мы изъ всѣхъ силъ, не смотря на наше незнаніе и нашу бѣдность, стремимся къ умственной и нравственной жизни. Хотите-ли быть нашими? Между нами вы не найдете ни узкихъ сектаторовъ, ни честолюбцевъ, но искреннихъ друзей, каковы бы ни были наши вѣрованія. Мы желаемъ лишь быть *людьми*, т. е. нѣсколько больше, чѣмъ простымъ инстинктомъ,—совѣстью, умомъ, волею. И этого, товарищи, вы пожелаете вмѣстѣ съ нами *).

Призывъ этотъ былъ услышанъ группою усердныхъ посѣтителей изъ народа, а также нѣкоторыми профессорами, учеными, литераторами и артистами. Изъ обмѣна идей выросла мысль основать „народный университетъ", „подобно тому, какъ это было сдѣлано уже въ Германіи, Бельгіи, Англіи" **). Въ мартѣ 1898 г. образовалось общество, которое выработало уставъ, выбрало администрацію и поставило цѣлью собираніе суммъ для учрежденія народныхъ университетовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Франціи и прежде всего въ Парижѣ. Парижскій университетъ „Коопераціи идей" сталъ функціонировать съ 23-го апрѣля 1898 г., сначала подъ № 17-мъ по улицѣ Поля Бера, по сосѣдству съ Сэнтъ-Антуанскимъ предмѣстьемъ, въ небольшомъ нижнемъ этажѣ, во дворѣ, и состоявшемъ изъ рекреаціонной комнаты съ билліардомъ и другими играми и изъ залы для занятій съ большимъ столомъ по срединѣ, нѣсколькими полками для книгъ, гравюрами и надписями-девизами на стѣнахъ. Каждый вечеръ здѣсь читались лекціи, устраивались бесѣды, завязывался разговоръ между профессоромъ и аудиторіей по поводу реферата. Слухи о народномъ университетѣ стали распространяться въ Парижѣ и провинціи, вызывая повсюду практическое осуществленіе назрѣвшей идеи, тогда какъ піонерамъ движенія въ виду успѣха перваго большого учрежденія скоро пришлось подумать о расширеніи помѣщенія. Къ октябрю 1899 г. Дегермъ собралъ около 4000 подписей со стороны лицъ, сочувствующихъ предпріятію; сумма взносовъ (изъ которыхъ, замѣтьте, громадная часть состоитъ изъ скромной 50-сантимной платы въ мѣсяцъ „народныхъ студентовъ") превысила 17,000 франковъ; и 8-го октября произошло торжественное открытіе „Коопераціи идей" въ новомъ помѣщеніи, съ описанія котораго я началъ это письмо.

Осенью же 1899 г. идейное теченіе значительно усилилось, и общество „Коопераціи идей", которое до сихъ поръ функціонировало безъ всякихъ формальностей и съ временнымъ уставомъ,

*) Я воспроизвожу старую афишу.

**) См. статью одного изъ ревностнѣйшихъ пропагандистовъ высшаго народнаго образованія: Gustave Jeffroy, *La première université populaire* въ «La Revue pour tous illustrée», № 2, 10-го декабря 1899 г.

поддерживая почти исключительно университетъ того же имени, рѣшило расширить кругъ своей дѣятельности и выработать окончательные статуты. Конецъ 1899 г. и начало 1900 г. прошли въ вербованіи членовъ и лекторовъ, въ пропагандѣ движенія, и 28-го февраля текущаго года имѣло мѣсто общее учредительное собраніе, принявшее окончательный уставъ. Я приведу сущность его. Лица, принимающія этотъ уставъ, образуютъ отнынѣ ассоціацію, оффиціальное названіе которой „Общество для высшаго народнаго образованія и взаимнаго воспитанія", неоффиціальное же и гораздо болѣе популярное—„Общество народныхъ университетовъ". Избрать оффиціальнымъ послѣднее названіе ассоціація не могла потому, что слово „университетъ" представляетъ собственность государства; но названіе „народнаго университета" вошло теперь во всеобщее употребленіе и удержано ассоціаціей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не выступаетъ на строго легальной и узко юридической почвѣ, напр., при заключеніи актовъ и т. п. Общество ставитъ своею цѣлью учреждать и помогать учрежденію,—какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ,—„свѣтскихъ ассоціацій, задающихся развитіемъ высшаго народнаго образованія, преслѣдующихъ взаимное воспитаніе гражданъ всевозможныхъ классовъ и состояній и организующихъ мѣста собраній, куда рабочіе могли бы приходить, покончивши свой дневной трудъ, для отдохновенія, образованія и развлеченія". Общество занимается и само непосредственнымъ устройствомъ такихъ учрежденій, а въ то же время установляетъ связь между различными ассоціаціями, примкнувшими къ „Коопераціи идей". Общество не носитъ никакого политическаго или религіознаго характера (ниже я укажу, съ какими ограниченіями приходится понимать этотъ параграфъ). Исполнительнымъ органомъ общества является „комитетъ администраціи", состоящій изъ иниціаторовъ и организаторовъ движенія. Рядомъ съ нимъ дѣйствуетъ „комитетъ пропаганды", который заключаетъ въ себѣ делегатовъ отъ различныхъ народныхъ университетовъ Франціи и, какъ показываетъ самое названіе его, работаетъ надъ популяризаціею во всей странѣ идеи народныхъ университетовъ. Всѣ члены общества вносятъ ежемѣсячно 50 сантимовъ, но, если хотятъ, могутъ замѣнить этотъ періодическій взносъ разъ навсегда взносомъ опредѣленной суммы (скажемъ 50,100 фр. и т. п.). Члены раздѣляются на два разряда: просто примыкающіе къ ассоціаціи (membres adhérents), путемъ ежемѣсячныхъ взносовъ; и члены дѣйствительные, которыми являются лишь лица, записавшіяся въ ассоціацію раньше извѣстнаго срока, вносившія, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и представленныя обществу тремя или болѣе дѣйствительными членами. И та, и другая категорія членовъ пользуются одинаковыми правами, съ тою разницею, что лишь дѣйствительные члены присут-

ствуютъ на общихъ собраніяхъ, имѣющихъ мѣсто разъ въ годъ, и входятъ въ администрацію.

Хотя народный университетъ, носящій названіе „Коопераціи идей“, и общество народныхъ университетовъ, тоже часто называемое тѣмъ же именемъ „Коопераціи идей“, представляютъ собою два разныя учрежденія, составъ администраторовъ и главныхъ членовъ почти одинъ и тотъ же (что вызываетъ порою въ печати нѣкоторое смѣшеніе). Это объясняется тѣмъ, что организаторами и того и другого являются одни и тѣ же лица, отвѣтившія на призывъ Дегерма и сгруппировавшіяся вокругъ него. Подборъ этихъ лицъ очень интересенъ: громадное большинство, чтобы не сказать всѣ они,—принадлежитъ къ категоріи „измѣнниковъ“ и „членовъ жидовско-нѣмецкаго синдиката“, какъ шовинисты называютъ безразлично всѣхъ, кто стоялъ въ дѣлѣ Дрейфиса за защиту попранной справедливости. И очень курьезно и печально, что нѣкоторые порядочные люди, попавшіе по недоразумѣнію въ клику націоналистовъ, до сихъ поръ не могутъ отдѣлаться отъ рокового идейнаго союза съ поборниками реакціи,—союза, который охватываетъ и душитъ независимость ихъ мысли, какъ отравленная туника Несса охватывала тѣло несчастнаго Геркулеса, и принуждены бороться противъ народно-университетскаго движенія именно потому, что въ немъ играютъ такую роль ненавистные для нихъ „дрейфусисты“. Вотъ, дѣйствительно, имена нѣкоторыхъ лицъ изъ комитета и членовъ администраціи общества, дѣятельно участвовавшихъ въ борьбѣ: Габріэль Сэайль, профессоръ на словесномъ факультетѣ; депутатъ Шарль Гіэйсъ; профессоръ Фердинандъ Бюиссонъ; соціалистическій депутатъ Фурньеръ; Анатоль Франсъ, профессоръ Шарль Жидъ, Густавъ Жеффруа, и т. п.

Я приведу по возможности длинную выдержку изъ введенія къ уставу общества, введенія, которое написано Дегермомъ и даетъ хорошее понятіе о средней нотѣ новаго движенія, что нисколько не мѣшаетъ нѣкоторымъ народнымъ университетамъ представлять гораздо болѣе крайнее міровоззрѣніе:

Мы ставимъ себѣ очень честолюбивую задачу: мы хотимъ истины, красоты и нравственной жизни для всѣхъ; мы хотимъ. чтобы народъ былъ допущенъ къ участію въ этихъ благахъ, составляющихъ достояніе человѣчества; мы хотимъ, чтобы, какъ солнце восходитъ для всѣхъ глазъ, такъ и интеллектуальный свѣтъ существовалъ для всѣхъ умовъ. Мы стремимся къ дѣйствительной цивилизаціи, которая не оставляла бы за предѣлами большинства людей, которая не была бы дѣломъ и выгоднымъ предпріятіемъ для немногихъ, но которой всѣ бы помогали и въ которой всѣ бы участвовали. Наша ассоціація не распространяетъ никакой особой политической, религіозной или философской доктрины. Она есть дѣло высшаго народнаго образованія и этически-соціальнаго воспитанія. Она запрещаетъ себѣ поэтому всякій прозелитизмъ и исключаетъ лишь исключительность. Она не хочетъ, раздѣляя и ожесточая умы, приготовлять себѣ партизановъ; но, соединяя всѣхъ въ искреннихъ поискахъ истины и добра, дѣлаетъ изъ нихъ людей. Духъ, оживляю-

щій насъ, есть свободный духъ. Часы досуга для рабочаго, служащаго и крестьянина, если только они не пріобрѣли вкуса къ здоровому и развивающему чтенію, являются самыми печальными и опасными; а между тѣмъ они могли бы не только пріятно и съ достоинствомъ провести ихъ, но и употребить ихъ на свое физическое, умственное и нравственное развитіе.

Противъ кабака, противъ кафэ-шантана мы воздвигнемъ народные университеты. Они должны будутъ заключать въ себѣ: залу для высшихъ курсовъ и лекцій; залу курсовъ, организуемыхъ различными обществами для средняго образованія; вечерній музей съ профессіональными курсами; театральную залу; залу для фехтованья и гимнастики; помѣщеніе для бани и душей; гостиную для разговоровъ; библіотеку, которая была бы постоянно открыта; различныя лабораторіи; кабинетъ для даровыхъ консультацій медицинскихъ, юридическихъ, по экономическимъ вопросамъ; аптеку; ресторанъ безъ крѣпкихъ напитковъ; меблированныя комнаты для отдачи ихъ въ наймы молодымъ людямъ различнаго общественнаго положенія; учительскую семинарію для подготовки народныхъ воспитателей; конторы для пріискиванія мѣстъ прислуги, общества взаимопомощи, взаимнаго страхованія, и т. п. Мы будемъ устраивать также въ хорошую погоду научныя и эстетическія экскурсіи, посѣщенія музеевъ, или простыя дружескія прогулки.

Наши университеты не оставятъ внѣ сферы своей дѣятельности и семей ихъ членовъ: женъ, дѣтей, учениковъ, прислуги. Они не только постараются улучшить ихъ положеніе путемъ всевозможныхъ ассоціацій, но они поставятъ также своею цѣлью улучшеніе и украшеніе домашняго очага... Въ нашихъ университетахъ народъ будетъ у себя, въ своей семьѣ, съ преданными друзьями... Осуществляя въ обществѣ больше справедливости, мы установимъ и согласіе между его членами... *).

Я нарочно сдѣлалъ эту по возможности цѣльную выдержку, чтобы читатель могъ отдать себѣ отчетъ, чѣмъ задаются иниціаторы народно-университетскаго движенія. Замѣчу, что извѣстная доля поставленныхъ требованій уже, какъ мы видѣли, выполнена. Въ настоящее время рѣчь идетъ о томъ, чтобы воздвигнуть во всей странѣ „народные дворцы“, которые стали столь популярными со времени интересныхъ и очень удавшихся попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи въ Бельгіи. Пока дѣла „Общества народныхъ университетовъ“ стоятъ такъ: по послѣднему отчету казначея, напечатанному въ только что начавшемъ выходить спеціальномъ органѣ движенія **), доходы общества превзошли 29,000 фр., расходы 22,000, остатокъ равенъ 7,000 фр. Большая часть издержекъ, болѣе 20,000 фр., была употреблена на организацію народнаго университета въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Но общество сочло возможнымъ выдать 1,900 фр. пособія пяти парижскимъ и пригороднымъ народнымъ же университетамъ. И однако наиболѣе интересная сторона дѣла заключается не въ этой раздачѣ ничтожныхъ въ сущности матеріальныхъ средствъ возникающимъ демократическимъ высшимъ школамъ, сколько въ фактѣ самого возникнованія ихъ по всей Франціи. Къ этому я и перехожу теперь.

---

*) Перепечатано въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

**) *Bulletin des Universités populaires*, № 1, отъ 15-го марта 1900 г.

„Общество народныхъ университетовъ“ настаиваетъ въ своемъ уставѣ на плодотворности автономіи этихъ школъ, но рекомендуетъ въ то же время постоянный обмѣнъ идей и сближеніе между ними. Въ виду этого оно каждую недѣлю выпускаетъ литографированный „циркуляръ“, который оно „посылаетъ всѣмъ народнымъ университетамъ съ тѣмъ, чтобы поставлять каждый изъ нихъ въ извѣстность относительно того, что дѣлается во всѣхъ остальныхъ“ *). У меня подъ руками находится пять первыхъ такихъ циркуляровъ, и, не смотря на младенческій еще лепетъ недавно рожденнаго дѣтища, нѣкоторыя свѣдѣнія, проскальзывающія въ этихъ документахъ, уже не лишены интереса. Всѣ народные университеты очень желаютъ взаимнаго ознакомленія съ уставомъ и функціонированіемъ, съ предметомъ и характеромъ публичныхъ лекцій, курсовъ, распространяемыхъ для пропаганды книгъ и брошюръ. Многіе указываютъ на пользу безплатнаго допущенія членовъ другихъ университетовъ и взаимнаго, такъ сказать, обмѣна слушателями. Нѣкоторые заняты мыслію о выработкѣ даровыхъ юридическихъ консультацій для своихъ членовъ, чтобы при процессахъ „крупные не пожирали мелкоту“. Вообще между народными университетами замѣчается сильное стремленіе образовать одну обширную ассоціацію, сохраняя въ то же время самостоятельность и мѣстныя особенности каждаго. Какъ бы то ни было, уже въ данный моментъ въ Парижѣ и провинціи дѣйствуетъ не одинъ десятокъ этихъ высшихъ демократическихъ школъ, и съ каждымъ днемъ возникаютъ новыя. Замѣчу, что „Общество народныхъ университетовъ“ примкнуло къ извѣстной уже читателю „лигѣ обученія“, и къ ней же начинаютъ примыкать отдѣльные университеты.

При возникновеніи этихъ университетовъ повсюду замѣчается одно знаменательное явленіе: народный университетъ выростаетъ изъ сближенія интеллигенціи и рабочихъ, изъ взаимнаго проникновенія научнаго и соціальнаго движеній. Чтобы меня не заподозрили въ пристрастномъ преувеличеніи, я предпочитаю привести слѣдующее мѣсто изъ рѣчи Шарля Гіэйса, радикальнаго, но не соціалистическаго депутата, рѣчи, которую онъ произнесъ на собраніи „Общества народныхъ университетовъ“ въ качествѣ его секретаря:

Уже давно во Франціи существуетъ два могучія движенія: школьное и рабочее. Люди, которые руководятъ тѣмъ и другимъ, думали сначала, что оба они могли достигнуть своей цѣли, оставаясь изолированными. Извѣстные поборники свѣтской школы утверждали, что она, и только одна она, положитъ основаніе истинной республикѣ; а въ то же время во Франціи организовалась партія, желавшая пересоздать общество на началахъ большей справедливости единственно лишь силою рабочаго движенія. И что же? Я думаю, господа, что эти оба движенія, въ началѣ разсчитывавшія достигнуть цѣли, одной и той же цѣли, путемъ независимой дѣятельности, въ настоящее

*) *Société des Universités Populaires. Circulaire N° 1* (отъ 15 февраля 1900 г.).

время соединяются отчасти, комбинируются, и ихъ равнодѣйствующей является народно-университетское движенiе. Народный университетъ есть въ настоящее время мѣсто, гдѣ братски сочетаются двѣ соцiальныя группы, которыя, послѣ недавнихъ событiй (намекъ на дѣло Дрейфуса. Н. К.), могутъ гордиться тѣмъ, что спасли нравственное наслѣдiе Францiи: интеллигенцiя и рабочiе. И нужно, чтобы обѣ эти группы составляли отнынѣ лишь одну и чтобы мысль вступила въ союзъ съ трудомъ *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ союзъ принялъ, дѣйствительно, очень рельефныя формы. Вотъ что пишетъ Башъ, профессоръ реннскаго университета, который съ самаго начала ревностно сталъ на защиту справедливости въ дѣлѣ Дрейфуса и въ домѣ котораго жили Лабори и Жорэсъ во время процесса въ Реннѣ:

Въ октябрѣ 1898 г., въ Реннѣ имѣли мѣсто два конгресса, конгрессъ лиги обученiя и конгрессъ рабочихъ синдикальныхъ палатъ. Братскiй обмѣнъ привѣтствiй между рабочими делегатами и делегатами университетскими внушилъ мнѣ и нѣкоторымъ моимъ товарищамъ мысль вступить въ сношенiя съ представителями рабочихъ организацiй Ренна,—которыхъ скоро должна была окончательно сблизить съ нами общая борьба, предпринятая нами во имя права и справедливости. Мы отправились въ мѣстную биржу труда и тамъ условились съ ея администраторами, что каждыя двѣ недѣли будемъ читать лекцiи, въ принципѣ предназначенныя для членовъ рабочаго синдиката, но фактически открытыя всѣмъ рабочимъ **).

Подобнымъ же образомъ профессора и учителя начали читать лекцiи въ биржахъ труда нѣсколькихъ центральныхъ и южно-центральныхъ городовъ Францiи: Буржѣ, Клермонъ-Ферранѣ, Пюи, Роаннѣ, Тюллѣ. На востокѣ, въ Бургѣ, лекцiи и рефераты читаются синдикату камнетесовъ; на сѣверѣ, въ Амьенѣ, народный университетъ помѣщается въ зданiи биржи труда, и то же самое мы видимъ на противоположномъ концѣ Францiи, въ Нимѣ, гдѣ народный университетъ возникъ изъ Общества народной экономiи, столь много сдѣлавшаго для развитiя коопераций. Въ нѣкоторыхъ городахъ Шампани, напр. въ Реймсѣ, Витри - ле - Франсуа, сами рабочiе вступили въ сношенiя съ учебными инспекторами; въ другихъ городахъ той же мѣстности, напр. въ Шалонѣ-на-Марнѣ, учебный инспекторъ идетъ на встрѣчу желанiю рабочихъ и завязываетъ идейное знакомство съ синдикатомъ типографщиковъ и желѣзнодорожными рабочими. Благодаря оффицiальному положенiю организатора, приглашенiя на лекцiи основавшагося такимъ образомъ народнаго университета разсылаются взрослымъ рабочимъ при помощи ихъ дѣтей, ходящихъ въ школу и получившихъ тамъ же для своихъ родныхъ отпечатанные входные билеты. Въ Авиньонѣ функцiонируетъ высшая школа, носящая, по примѣру парижской, названiе „коопераціи идей“, президентомъ которой состоитъ рабочiй механикъ, а секретаремъ профессоръ философiи. Въ Баръ-ле-Дюкѣ, Лиллѣ, Безансонѣ народные университеты

*) *Bulletin des Universités Populaires*, Ibid.
**) Ibid.

братски объединяютъ профессоровъ, учителей и рабочихъ. Чопорная и клерикальная буржуазія Ліона смотритъ съ удивленіемъ и негодованіемъ на то, какъ директриса одного изъ мѣстныхъ женскихъ лицеевъ основываетъ „Общество ліонскаго народнаго университета". Въ Дижонѣ муниципальный совѣтъ, состоящій въ большинствѣ изъ рабочихъ, даетъ даровое помѣщеніе подъ народный университетъ, который начинаетъ сейчасъ же организовать библіотеку *), а черезъ нѣкоторое время устраиваетъ лекціи, открывшіяся въ половинѣ марта **). Въ Тулузѣ синдикатъ приказчиковъ приглашаетъ профессора философіи читать имъ лекціи, и первая лекція привлекаетъ многочисленную публику въ зданіе биржи труда ***). Въ нѣкоторыхъ южныхъ департаментахъ возникли сельскіе народные университеты, разсчитанные на крестьянскую массу, которая на югѣ Франціи отличается гораздо болѣе подвижнымъ и воспріимчивымъ темпераментомъ, чѣмъ рядовой французскій мужикъ. Особенно живо это движеніе въ департаментѣ Гаръ (Gard), гдѣ въ мѣстечкѣ Галларгѣ, насчитывающемъ не свыше 1,500 жителей, функціонируетъ народный университетъ „Солидарности", который усердно посѣщается окрестными мужиками, приходящими слушать лекціи, читаемыя каждую недѣлю профессорами нимскаго университета ****); тогда какъ въ большой деревнѣ Лассаль-Сэнъ-Пьерръ, народный университетъ начинаетъ постепенно вырабатываться изъ мѣстнаго „Общества трезвости", устроившаго, помимо библіотеки, кабинеты для чтенія и различныхъ увеселеній, бесѣды, литературныя чтенія и лекціи *****). Въ департаментѣ Эро (Hérault) рабочее населеніе заводской деревни Грэссесака, извѣстной своими каменноугольными копями и желѣзными, мѣдными и свинцово-серебряными рудниками, съ большимъ интересомъ посѣщаетъ лекціи въ „народномъ университетѣ", который основанъ недавно свободомыслящимъ протестантскимъ пасторомъ края.

Что касается до Парижа, нарочно оставленнаго мною подъ конецъ, то число „народныхъ университетовъ" доходитъ здѣсь до двадцати, и въ каждомъ почти столичномъ округѣ существуетъ такая высшая школа, а въ нѣкоторыхъ округахъ и двѣ, и всѣ онѣ усердно посѣщаются не одной сотней рабочихъ. Такъ въ 1-мъ и 2-мъ округахъ мы находимъ университетъ „Пробужденія", въ 3-мъ округѣ „Братскій университетъ", въ 5-мъ „Союзъ Муффтаръ" (по имени улицы, пользующейся у парижанъ дурной репутаціей за

---

*) *Le Rappel des Traivalleurs* за мартъ 1900 г. (выходитъ въ Дижонѣ).

**) *Le Petit Bourguignon,* отъ 19-го марта 1900 г. (Дижонъ).

***) *Le Moniteur des syndicats ouvriers,* отъ 18-го марта 1900 г. (Парижъ): корреспонденція Ж. Летурнёра изъ Тулузы.

****) *Le Courrier de Lyon,* отъ 8-го марта 1900 г.

*****) Louise Debor, *L'initiative provinciale* въ № «La Fronde» отъ 7-го марта 1900 г.

свои низкопробные кабаки, гостиницы и притоны различнаго бродячаго люда); въ 9-мъ организующіяся пока „лекціи имени Мишлэ"; въ 10-мъ функціонируетъ университетъ „Общественнаго идеала", въ 11-мъ уже извѣстная намъ „Кооперація Идей", въ 13-мъ „Солидарность", въ 14-мъ „Союзъ" этого округа, въ 15-мъ гренелльская „Эмансипація", въ 16-мъ „Заря" и „Вечера Пасси" (по имени квартала, населеннаго въ лучшей своей части богатыми рантье), въ 17-мъ „Очагъ Народа" и другая „Кооперація Идей", въ 18-мъ „Взаимное обученіе" и „Общественное воспитаніе Монмартра", въ 19-мъ и 20-мъ „Рабочая солидарность" и „Белльвильскій университетъ". Въ окрестностяхъ Парижа существуютъ уже знакомые читателю „Рабочіе вечера" въ Монтрёйлѣ, „Взаимное воспитаніе" въ Шуази-ле-Руа, и организуются „Жерминаль" въ Нантеррѣ и „народные университеты" въ Буживалѣ, Марли, Булони, Фонтенэ-су-Буа и т. д.

Я, конечно, нисколько не претендую исчерпать списокъ этихъ демократическихъ учрежденій въ Парижѣ, не говоря уже о Франціи; но уже и собранныхъ мною данныхъ, надѣюсь, достаточно для того, чтобы читатель получилъ понятіе о ширинѣ и силѣ того идейнаго теченія, которому посвящена эта статья. Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы лишь подвести итоги общему смыслу французскихъ народныхъ университетовъ, идеямъ, воодушевляющимъ ихъ основателей и слушателей, равно какъ характеру и направленію лекцій, читаемыхъ народнымъ студентамъ. Мы видѣли раньше, что движеніе это выросло изъ союза демократической интеллигенціи и рабочихъ. Само собою разумѣется, что объ общей и одинаковой равнодѣйствующей для всей Франціи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и оба объединяющіеся въ каждой мѣстности элемента разнятся по своей силѣ и качеству. Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне или сравнительно отсталые рабочіе мелкихъ провинціальныхъ центровъ лишь въ слабой степени могутъ давать направленіе получаемому ими въ народныхъ университетахъ образованію: тамъ равнодѣйствующая должна довольно близко подходить къ взглядамъ обучающей интеллигенціи и, смотря по тому, преобладаютъ ли въ ней въ данной мѣстности умѣренные, радикальные или соціалистическіе элементы, и самъ характеръ лекцій долженъ отражать на себѣ этотъ частный, можно сказать, личный и случайный составъ профессоровъ. Но тамъ, гдѣ интеллигенціи приходится имѣть дѣло съ рабочими, издавна участвующими въ политическомъ и общественномъ движеніи страны, съ рабочими, уже имѣющими въ своей средѣ собственную подчасъ положительно блестящую интеллигенцію, тамъ равнодѣйствующая лекцій должна выражать взгляды, или прямо симпатичные классовому сознанію наиболѣе передовыхъ рабочихъ, или, по меньшей мѣрѣ, не враждебные этому крайнему міровоззрѣнію.

Съ другой стороны, большая или меньшая примѣсь мелкой бур-

жуазіи въ родѣ ремесленниковъ, приказчиковъ, торговцевъ можетъ создавать для лекцій и въ большихъ центрахъ промежуточную атмосферу, въ которой будутъ одинаково плавать и радикальные, и консервативные элементы, и смѣлость въ политическомъ отношеніи, и трусость въ соціальномъ, словомъ все то, что характеризуетъ невообразимую мѣшанину идей и симпатій, царящихъ въ головѣ мелкаго буржуа. Во всякомъ случаѣ, фактъ вліянія аудиторіи на профессоровъ и на характеръ лекцій не подлежитъ сомнѣнію. Въ самыхъ, повидимому, отдаленныхъ отъ злобы дня вопросахъ идейное внушеніе, производимое „народными студентами" на своихъ лекторовъ, сказывается на подборѣ фактовъ и заключеніяхъ лекціи. И чѣмъ развитѣе и пылче народная аудиторія, тѣмъ сильнѣе это воздѣйствіе.

Посмотрите на самыя программы и обращенія къ публикѣ по поводу открытія новыхъ народныхъ университетовъ. Конечно, значительная часть лекторовъ изъ интеллигенціи не принадлежатъ къ сторонникамъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, но самый фактъ сотрудничества съ рабочимъ классомъ заставляетъ ихъ дѣлать серьезныя усилія, чтобы понять это міровоззрѣніе или, по крайней мѣрѣ, установить почву для возможно безпристрастнаго обсужденія раздѣляющихъ классы интересовъ. Вотъ вамъ выдержка изъ афиши объ основаніи белльвилльскаго университета, организаціонный комитетъ котораго состоитъ изъ 8 студентовъ и 6 рабочихъ:

Рабочіе Белльвилля! Забывая охотно искусственныя различія классовъ и преходящую разницу интересовъ, мы основали народный университетъ, гдѣ люди различнаго возраста и ремесла, сошедшіеся съ четырехъ концовъ Парижа, собираются каждый вечеръ, чтобы работать надъ взаимнымъ образованіемъ. Всякій приноситъ что-нибудь свое: рабочіе — свое знаніе соціальныхъ вопросовъ, свой жизненный опытъ, свою привязанность къ идеямъ ассоціаціи и солидарности; студенты—свои литературныя и научныя свѣдѣнія, вѣру въ лучшее будущее и безкорыстную любовь къ народу.

Въ афишѣ „Солидарности" (комитетъ которой насчитываетъ 10 рабочихъ и приказчиковъ, одного фабриканта и трехъ профессоровъ), афишѣ, составленной Фердинандомъ Бюиссономъ, искреннимъ республиканцемъ-демократомъ, но не соціалистомъ, мы читаемъ призывъ къ „новому общественному дѣлу":

Это долгъ для гражданъ демократіи не оставаться замкнутыми въ своемъ эгоизмѣ и своихъ предразсудкахъ, но наоборотъ—искать всевозможныхъ случаевъ лучше знакомиться между собою съ тѣмъ, чтобы больше уважать себя взаимно и помогать другъ другу...

Несомнѣнно, что самый составъ членовъ „народныхъ университетовъ" заставляетъ эти организаціи пытаться отыскивать нейтральную почву для образованія массъ, и въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ иниціаторовъ движенія, хотя бы въ родѣ самого

Дегерма, черезчуръ держатся за эту нейтральность *), которая напоминаетъ мнѣ уставъ прежней лиги обученія при Имперіи, хотя политическія условія существенно измѣнились, и искреннимъ демократамъ нечего прятать свое знамя. Но сама жизнь исправляетъ робость и излишнюю опасливость организаторовъ, слишкомъ сильно прислушивающихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ желаніямъ и критикѣ умѣренныхъ буржуа. Этимъ господамъ все равно не угодишь: недаромъ публицисты изъ Temps, изъ Figaro, изъ Journal des Débats отъ времени до времени поднимаютъ ропотъ противъ направленія иныхъ публичныхъ лекцій. Съ другой стороны, какъ удержаться „народнымъ университетамъ" на строго безразличной политической и религіозной почвѣ, когда духъ критики и свободнаго научнаго изслѣдованія, прививаемый народу высшими курсами, уже приводитъ въ ужасъ католиковъ и реакціонеровъ, и они стараются устраивать свои каррикатуры народныхъ университетовъ, чтобы оглуплять и одурачивать народъ.

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторые буржуа, бывшіе раньше украшеніемъ изящной и скептической литературы имущихъ классовъ, въ родѣ Анатоля Франса, искупаютъ свой прежній грѣхъ фривольнаго расточенія таланта искреннимъ служеніемъ недавно принятому ими крайнему міровоззрѣнію. И вступительныя рѣчи, прочитанныя, напр., только что упомянутымъ Анатолемъ Франсомъ на открытіи университетовъ „Эмансипація" (22-го ноября 1899 г.) и „Пробужденіе" (5-го марта 1900 г.) вызвали свирѣпую аттаку противъ референта со стороны клерикаловъ и націоналистовъ, которые равнымъ образомъ не могли переварить, казалось бы, чисто научной лекціи знаменитаго директора Пастеровскаго Института, Дюкло, говорившаго объ экспериментальномъ, строго-критическомъ и международномъ характерѣ истинной науки **). Иные университеты, въ родѣ „Эмансипаціи", во всѣхъ своихъ курсахъ, лекціяхъ и рефератахъ проводятъ по возможности опредѣленное міровоззрѣніе, соотвѣтствующее передовымъ взглядамъ рабочаго класса. Съ другой стороны, уже тотъ фактъ, что представители этого міровоззрѣнія болѣе привыкли вращаться и говорить среди массъ, даетъ имъ значительное преимущество надъ прочими профессорами народныхъ университетовъ. Но я, конечно, нисколько не думаю отрицать того, что въ большинствѣ случаевъ лекціи въ этихъ школахъ представляютъ чисто образовательный или же де-

*) Въ только что вышедшемъ № 2-мъ «Коопераціи Идей» (отъ 14-го апрѣля 1900 г.) Дегермъ доходитъ въ этомъ отношеніи до невозможныхъ предѣловъ и отъ исканія контовскаго «порядка» переходитъ къ восхваленію идейнаго хаоса.

**) Эта лекція о роли науки, произнесенная 28-го февраля 1900 г. въ университетѣ «Солидарности», напечатана, между прочимъ, въ «Revue des Revues» отъ 15-го марта 1900 г. (E. Duclaux, *Le Rôle de la Science*, стр. 615—623).

мократическій характеръ и не идутъ дальше требованій свободнаго и безпрепятственнаго развитія народа.

Я приведу названія нѣсколькихъ лекцій, чтобы дать понятіе о томъ, что читается въ „народныхъ университетахъ“. Въ „Кооперации Идей“ за мартъ публика слушала, между прочимъ, профессора политической экономіи Шарля Жида о „соціальныхъ идеяхъ Рёскина“, доктора Шарко о „чудесахъ съ научной точки зрѣнія“, литератора Эдуарда Бофиса о „Бодлерѣ“, Вандервельда о „Соціалистической организаціи въ Бельгіи“, и т. д. Въ белльвилльскомъ университетѣ въ то же время читалось докторомъ Арманъ-Делилемъ о „дыханіи и кровообращеніи“, профессоромъ греческой литературы Альфредомъ Краузе объ „эволюціи нравственныхъ идей съ древности и до нашихъ дней“, въ то время какъ спеціальныя группы слушателей посѣщали курсы, касающіеся „метода физико-математическихъ наукъ“, и лекціи, посвященныя „разбору взглядовъ на значеніе литературы“. Надо замѣтить вообще, что народные университеты начали исключительно съ независимыхъ и несвязанныхъ между собою лекцій, но въ послѣднее время замѣчается стремленіе выработать цѣльную программу курсовъ по извѣстнымъ предметамъ и доводить ее до конца. Такъ въ университетѣ „Солидарность“ чтенія раздѣлены на семь цикловъ, изъ которыхъ каждый находится подъ руководствомъ спеціалиста и долженъ представлять собою законченное цѣлое: по исторіи руководителемъ занятій (directeur d'études) является Сеньобосъ, по политической экономіи Жидъ, по соціологіи Тардъ, по естественнымъ наукамъ Дюкло, по гигіенѣ докторъ Пуарье, и т. п., — какъ видите, въ большинствѣ выдающіеся ученые и мыслители. Для довершенія картины университетовъ слѣдуетъ упомянуть о театральныхъ представленіяхъ, вокально-музыкальныхъ концертахъ и литературныхъ чтеніяхъ, которыя съ нѣкоторыхъ поръ привлекаютъ много рабочихъ и служащихъ съ семьями.

Интересенъ вопросъ о томъ, какова форма лекцій и какъ „народные студенты“ справляются съ предлагаемымъ имъ матеріаломъ. На это, не входя въ излишнія подробности, можно отвѣтить такъ: лекторы говорятъ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ и нисколько не страшатся употребленія необходимыхъ научныхъ терминовъ; слушатели же, послѣ первыхъ двухъ-трехъ уроковъ, которые мѣстами представляютъ для нихъ кой-какія трудности пониманія,—по большей части со стороны терминологіи,—быстро осваиваются съ предметомъ и поражаютъ точностью и ясностью вопросовъ и замѣчаній, дѣлаемыхъ ими во время преній по окончаніи лекціи *). Профессора народныхъ университетовъ находятъ, что имъ вовсе нечего поддѣлываться подъ языкъ

*) См. объ этомъ статью Жорэса: *Universités populaires* въ «Le Reveil du Nord» отъ 11 марта 1900 г.

аудиторіи или прибѣгать къ излишнему разжевыванію, какъ то дѣлается въ дѣтскихъ школахъ: брошюра, газета, разговоръ, публичныя собранія и вообще интенсивная политическая жизнь Франціи сдѣлали изъ трудящагося населенія большихъ центровъ воспріимчивую и умную аудиторію, которая понимаетъ почти столь же хорошо, какъ и средняя интеллигенція, всѣ вопросы жизни и мысли.

На этомъ утѣшительномъ мнѣніи самихъ лекторовъ о „народныхъ студентахъ" Парижа и другихъ большихъ центровъ можно бы закончить этотъ этюдъ, выразивъ надежду, что новое идейное теченіе скоро найдетъ такую же благодарную публику и въ провинціи. Но мнѣ хотѣлось бы въ заключеніи указать, кто, собственно говоря, недоволенъ во Франціи народными университетами. Это представители самыхъ крайнихъ полюсовъ общественной мысли: съ одной стороны, это католики и націоналисты, которые увѣряютъ, что все это движеніе измышлено врагами религіи и отечества, продавшими свою душу чорту и жидамъ*); съ другой стороны это—анархисты, которые недовольны тѣмъ, очевидно, что въ этихъ университетахъ не нашла до сихъ поръ выраженія ихъ доктрина, — по крайней мѣрѣ, въ чистомъ видѣ, — которые увѣряютъ, что рабочему нѣтъ возможности усвоить себѣ что-нибудь путное на лекціяхъ послѣ изнуряющаго дневного труда, и сами эти лекціи картинно называютъ „жиденькими порціями знанія", которыя „безплатно раздаются народу въ этомъ обществѣ умственной благотворительности" **). Къ этой же категоріи критиковъ я долженъ, къ сожалѣнію, отнести и представителей французской партіи марксистовъ, которые нынѣ въ лицѣ Лафарга, — нѣкогда, по ироніи судьбы, піонера „лиги обученія",— отрицаютъ всякую возможность извлечь для рабочаго хоть что-нибудь путное изъ народно-университетскихъ лекцій, которые полагаютъ, что для рабочаго нужна одна наука — „соціализмъ",— и которые серьезно увѣряютъ себя и другихъ, что „движеніе народныхъ университетовъ есть попытка буржуа умственно прибрать къ рукамъ рабочій классъ" ***). Забывая знаменитое изреченіе Либкнехта „Macht ist Wissen, Wissen ist Macht"; забывая слова Бебеля относительно того, что партія должна ни на минуту не упу-

*) См. напр.: Delorme, *Les Universités populaires* въ католическомъ журналѣ «Le Correspondant» отъ 10-го марта 1900 г.; статью *A propos des universités populaires*, напечатанную въ «La Correspondance hebdomadaire» отъ 14-го марта и обошедшую всю клерикальную прессу; комическія размышленія Сиветона (*Cléricalisme et anticléricalisme* въ «L'Echo de Paris» отъ 13-го марта) и злополучнаго ex-остроумца и скептика Жюля Леметра (тамъ же въ номерѣ отъ 22-го апрѣля) и т. д.

**) *Temps nouveaux*, отъ 17-го марта 1900 г.: статья о «народныхъ университетахъ», подписанная Д.

***) См. «Le Peuple» отъ 14-го марта 1900 г. (выходитъ въ Ліонѣ).

скать изъ виду своего идеала, но въ то же время работать надъ практическими реформами и вопросами дня; становясь на точку зрѣнія „или все, или ничего", „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", точку зрѣнія, противъ которой еще недавно боролась рабочая партія Франціи,— Лафаргъ ставитъ на одну доску дѣятельность католическаго духовенства и дѣятельность организаторовъ народныхъ университетовъ. Это умственное заблужденіе можно объяснить лишь тѣмъ внутреннимъ кризисомъ, который до сихъ поръ переживаютъ соціалисты Франціи и который заставляетъ иныхъ изъ нихъ забывать свою прежнюю тактику: совершенно справедливое опасеніе сдѣлаться чисто министерской партіей, партіей малаго дѣланія и исключительно мелкихъ реформъ, бросаетъ ихъ въ другую крайность и сближаетъ съ врагами всякой политической дѣятельности и участія во всѣхъ общихъ движеніяхъ эпохи. Хотѣлось бы думать, что опроверженіе, посланное Гэдомъ въ Temps относительно приписаннныхъ ему словъ о народныхъ университетахъ, какъ о филантропической затѣѣ, походящей на „лѣченіе шелудивыхъ ребятъ",—хотѣлось бы думать, говорю я, что это опроверженіе указываетъ на нѣкоторый поворотъ въ воззрѣніяхъ вожаковъ французскаго марксизма на одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ современности.

Н. Кудринъ.

Псевдо-антропологическія основы антисемитизма.

Знаменитые щедринскіе прожектеры, всѣ завѣтныя мечты которыхъ сводились къ тремъ многозначительнымъ словамъ—уничтожить, вычеркнуть, воспретить, въ своихъ ехидныхъ писаніяхъ не ограничивались начертаніемъ этихъ дорогихъ имъ словъ, а считали, напротивъ, нужнымъ разукрасить плоды своей досужей фантазіи ссылками на „господина Токевиля" или на „англійскаго писателя Джона Стуарта", въ надеждѣ, что „такъ будетъ фасонистѣе". Современные Толстолобовы и Филоверитовы не измѣнили традиціи, да и зачѣмъ стали-бы они отказываться отъ излюбленнаго ихъ предками пріема, когда въ настоящее время даже юные карьеристы развязно ссылаются на авторитетъ науки и величаютъ себя struggle for life'рами! Читатель помнитъ, вѣроятно, чухломца

Филоверитова: „длинный, змѣеобразный, онъ взвивался, складывался пополамъ, ползалъ; голосъ у него былъ дѣтскій, плачущій, на глазахъ дрожали слезы крокодила“. И у современнаго Филоверитова не обходится безъ крокодиловыхъ слезъ: напишетъ онъ ехидную газетную статью (предки его писали только донесенія кому слѣдуетъ, но онъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ печатать такія донесенія въ газетахъ),—статью, въ которой выразитъ свое полное одобреніе еврейскимъ погромамъ, а въ заключеніе прослезится и заявитъ: „не разжигать низкіе „грабительскіе“ инстинкты массъ, не пропаганду и не полемику имѣетъ она (статья) въ виду; единственная цѣль ея—дать правдивое и опредѣленное освѣщеніе такому крупному міровому соціальному явленію, какимъ является (sic!) такъ называемый антисемитизмъ“ *). И окажется, что „исключительная цѣль этихъ строкъ: показать сколь обоснованъ антисемитизмъ и что послѣдній „зиждется на глубокихъ 1) антропологическихъ и 2) *историческихъ* основахъ“!

И какое вдругъ дѣло Ивану Петровичу, наивныя и безсвязныя мысли котораго излагаетъ г. Б. Ренсъ, до глубокихъ или неглубокихъ антропологическихъ и историческихъ основъ! Что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ! Но было-ли основаніе у штатнаго смотрителя чухломскихъ училищъ Ивана Филоверитова примѣшивать къ его мерзопакостному проекту „о необходимости оглушенія въ смыслѣ временного усыпленія чувствъ“ имя автора L'ancien régime et la révolution, а вѣдь пришелъ этотъ чухломецъ къ заключенію, что „Токевиль правъ“—почему же г. Ренсу, который, „какъ убѣжденный антисемитъ, пытается этими строками составить противовѣсъ (?!) статьѣ г. Павлова“, не упомянуть объ антропологическихъ и историческихъ основахъ! У титулярнаго совѣтника Филоверитова не было „ни образованія, ни привычки мыслить, ни даже умѣнья обращаться съ человѣческой рѣчью“, а г. Ренсу всего этого, должно быть, не занимать стать—не даромъ же онъ съ душевнымъ прискорбіемъ замѣчаетъ, что „общество наше воспитано на Иловайскомъ и тому подобныхъ *пособіяхъ*“. На какихъ пособіяхъ воспитанъ самъ г. Ренсъ, мы не знаемъ, и это очень жаль, такъ какъ изъ этихъ пособій нашъ „убѣжденный антисемитъ“, вѣроятно, и узналъ, что „аріецъ — это мечтатель, грезящій дивными образами Веданты; аріецъ—герой, проливающій свою кровь за любезную сердцу Элладу; аріецъ—рыцарь, готовый за честь свою сложить буйную голову, готовый идти на вѣчную смерть по мановенію своей дамы; аріецъ—это ученый, возносящійся мыслью къ самымъ ступенямъ трона Всевышняго, готовый для блага чистой науки на все, на самую смерть“!

*) Б. Ренсъ, *Мысли Ивана Петровича объ евреяхъ;* «С.-Петербургскія Вѣдомости», 24 февраля 1900 года, № 53.

Не въ правѣ-ли послѣ этого г. Ренсъ, благородный отпрыскъ „могучаго арійскаго ствола", стать въ позу и съ гордостью воскликнуть: „Чета-ли потомокъ египетскихъ и вавилонскихъ рабовъ, потомокъ торгашей, фарисеевъ, ростовщиковъ и эксплоататоровъ чета-ли онъ потомку воиновъ, хлѣбопашцевъ и поэтовъ"? И вдругъ... какой пассажъ! Въ газетѣ, любезно пріютившей на своихъ столбцахъ мысли Ивана Петровича, „потомка воиновъ, хлѣбопашцевъ и поэтовъ", черезъ нѣсколько дней появляется письмо нѣкой „Христіанки", которая простодушно заявляетъ, что, по ея мнѣнію, въ этихъ мысляхъ „одна злоба, тѣмъ болѣе страшная, что повидимому она является во всеоружіи образованія! Но, воистину, не просвѣщенный человѣкъ писалъ строки эти" *)... Да ужъ какое тутъ, въ самомъ дѣлѣ, просвѣщеніе! Просто трескучій наборъ словъ: „тиски зловредной ліаны", „финикійско-пуническо-еврейская нація", „ядъ пѣсенъ Гейне" и т. п., но среди этихъ вздорныхъ словъ попадаются и такія, которыя легко могутъ ввести коекого въ заблужденіе, какъ своего рода аттрибуты „всеоружія знанія".

У насъ, увы, еще слишкомъ много людей, готовыхъ повѣрить всякому напечатанному слову, хотя бы дѣло шло о такихъ нелѣпостяхъ, какъ эксплоатируемое отъ времени до времени спеціальными юдофобскими изданіями миѳическое употребленіе евреями христіанской крови, а тутъ въ газетѣ, въ программу которой до сихъ поръ не входила травля евреевъ, серьезно увѣряютъ въ существованіи глубокихъ антропологическихъ и историческихъ основъ „антагонизма семитовъ по отношенію къ прочимъ народамъ міра"! Почему бы этому не повѣрить: это вѣдь не то, что толки о ритуальныхъ убійствахъ, гдѣ вымыселъ уже слишкомъ даетъ себя чувствовать. Съ апломбомъ брошенная фраза объ антропологическихъ и историческихъ основахъ антисемитизма куда дѣйствительнѣе! Людямъ, которыхъ еще порою тревожили сомнѣнія, она можетъ даже принести извѣстное успокоеніе: конечно, скажутъ они, будь тутъ только однѣ историческія основы, съ ними время могло бы еще, пожалуй, совладать (вѣдь рабство и крѣпостничество тоже выросли на историческихъ основахъ), но здѣсь приходится считаться съ антропологическими причинами. Вѣдь это своего рода „независящія обстоятельства", передъ которыми остается только безнадежно развести руками... Потому-то и принимаются на вѣру легенды, создаваемыя разными Иванами Петровичами, столь же причастными къ наукѣ, сколько къ ней причастны черствые домовладѣльцы, выгоняющіе на улицу чахоточныхъ жильцовъ, якобы во имя „послѣднихъ словъ" бактеріологіи, или дѣльцы конца вѣка, развязно ссылающіеся на дарвинизмъ и на *принципъ* борьбы за существованіе.

---

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 27 февр. (11 марта) 1900 г., № 56.

Юдофобы, наивно или лицемѣрно величающіе себя „убѣжденными антисемитами“, дѣлаютъ это не съ проста: они прекрасно понимаютъ, что слово *антисемитизмъ* выглядитъ приличнѣе, чѣмъ весьма выразительное, но откровенное до грубости слово *юдофобство.* Съ послѣднимъ связано представленіе о такихъ инстинктахъ, въ которыхъ, какъ ни какъ, стыдно сознаться человѣку, претендующему на осмысленное отношеніе къ окружающему, тогда какъ любой пакостникъ, ловко драпирующійся въ одѣяніе „убѣжденнаго антисемита“, можетъ смѣло разсчитывать на то, что тысячи людей примутъ его за человѣка вполнѣ comme il faut, ибо слово *антисемитизмъ* не только придаетъ юдофобству болѣе или менѣе приличную окраску, но даже считается нерѣдко чуть-ли не научнымъ терминомъ.

Что въ дѣйствительности, однако, въ выборѣ этого термина какія бы то ни было научныя соображенія рѣшительно не играли ни малѣйшей роли, объ этомъ достаточно говоритъ тотъ фактъ, что всѣ филиппики антисемитовъ направлены въ сущности исключительно противъ евреевъ и совершенно игнорируютъ другихъ представителей семитической группы. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что въ Алжирѣ, напримѣръ, гдѣ поклонники Дрюмона и Макса Режиса не ограничиваются однѣми платоническими проповѣдями юдофобства, а прибѣгаютъ къ своего рода „пропагандѣ дѣломъ“, вся тяжесть этой своеобразной и далеко небезкорыстной пропаганды падаетъ на евреевъ и нисколько не задѣваетъ другихъ семитовъ—арабовъ.

Дѣло, слѣдовательно, вовсе не въ какомъ то роковомъ антагонизмѣ расъ и въ якобы прирожденномъ превосходствѣ „могучаго арійскаго ствола“ надъ „зловредной ліаной“ семитовъ, не говоря уже о томъ, что учиненіе погромовъ, какими бы утонченными жестокостями они не сопровождались, представляетъ во всякомъ случаѣ довольно странный способъ выраженія расоваго превосходства.

По курьезной ироніи судьбы, въ основу этого предосудительнаго для евреевъ представленія о непримиримомъ антагонизмѣ между арійцами и семитами легло... древне-еврейское же преданіе о потомствѣ Ноя, хотя къ вопросу о расахъ это преданіе имѣетъ приблизительно такое же отношеніе, какое сказаніе объ Іисусѣ Навинѣ имѣетъ къ вопросу о движеніи земли. Къ сожалѣнію, если астрономія уже давно рѣшила послѣдній вопросъ собственными силами, антропологo-этнографическая номенклатура, сразу ставшая на почву заимствованій, до сихъ поръ не можетъ похвастать самостоятельностью. Когда Блуменбахъ, въ концѣ XVIII вѣка, раздѣлилъ человѣчество на пять расъ, онъ назвалъ одну изъ нихъ кавказской, руководствуясь исключительно преданіемъ, въ которомъ гора Араратъ играетъ извѣстную роль. Кювье, затѣмъ, по-

шелъ еще дальше: такъ какъ послѣ потопа уцѣлѣли только три пары, потомство которыхъ призвано было заселить міръ, то Кювье счелъ возможнымъ допустить существованіе только трехъ расъ— бѣлой, желтой и черной. Наконецъ, вліяніе преданія сказывается даже и теперь въ терминахъ, которыми нерѣдко обозначаютъ представителей этихъ трехъ расъ.

Но дѣло не въ терминахъ: пусть иные ученые, сохраняя этнографическія названія, заимствованныя изъ десятой главы книги Бытія, упорно продолжаютъ говорить о группѣ хамитовъ, обнимающей такіе разнородные элементы, какъ чернокожіе эѳіопы, съ одной стороны, и бѣлые берберы, съ другой, фактъ тотъ, что высказанная впервые Жерди мысль „il n'y a plus de races pures" стала въ антропологіи общимъ мѣстомъ.

Многочисленность существующихъ антропологическихъ классификацій достаточно говоритъ о несостоятельности каждой изъ нихъ и о трудностяхъ, съ которыми сопряжена всякая попытка подраздѣленія человѣческаго рода на вполнѣ опредѣленныя группы. Одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, на первый взглядъ, анатомическихъ признаковъ—цвѣтъ кожи, положенный въ основу пользовавшейся въ началѣ XIX столѣтія значительнымъ авторитетомъ классификаціи Блуменбаха, при болѣе внимательномъ наблюденіи оказался слишкомъ шаткимъ базисомъ для группировки представителей рода человѣческаго. Но предложенное Ретціусомъ и обставленное, казалось, большими научными гарантіями дѣленіе людей на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, тоже не оправдало возлагавшихся на него надеждъ, такъ какъ пришлось очень скоро убѣдиться въ возможности совмѣстнаго существованія долихоцефаловъ и брахицефаловъ среди одного и того же племени. Болѣе раціональныя попытки установить антропологическую классификацію не на основаніи одного какого-нибудь анатомическаго признака (о значеніи признаковъ лингвистическихъ и соціологическихъ у насъ будетъ рѣчь впереди), а на совокупности такихъ признаковъ, какъ цвѣтъ кожи, строеніе волосъ, форма черепа и лицевыхъ костей (прогнатизмъ и ортогнатизмъ и т. п.), не привели до сихъ поръ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, опять таки въ силу тѣхъ же причинъ. „Если бы человѣческія расы были чистыми", говоритъ Топинаръ, „достаточно было бы подвести итогъ ихъ различіямъ и сходствамъ, считаясь съ индивидуальными измѣненіями и патологическими отклоненіями, и приступить къ наиболѣе естественной группировкѣ. Но тутъ мы на совершенно иной почвѣ: здѣсь недостаетъ единства, расы расщеплялись, разсѣивались, смѣшивались, скрещивались въ разныхъ пропорціяхъ и во всѣхъ направленіяхъ, въ теченіе тысячъ столѣтій; большинство утратило свой языкъ, чтобы усвоить языкъ побѣдителей, а затѣмъ оставило этотъ послѣдній, чтобы усвоить третій, а то и четвертый языкъ;

главныя массы исчезли и теперь мы имѣемъ дѣло не съ расами, а съ народами...“ *).

А если такъ, если антропологія не располагаетъ достаточными данными для установленія основныхъ подраздѣленій человѣческаго рода; если одни ученые насчитываютъ 172 расы, тогда какъ другіе ограничиваются болѣе скромными, но далеко неодинаковыми цифрами—36, 19 и т. п.; если терминъ *раса* прикрываетъ собою нѣчто чрезвычайно расплывчатое, то что сказать о разсужденіяхъ на тему о коренномъ, примордіальномъ превосходствѣ той или иной расы!

Начать съ того, что для моногенистовъ, конечно, и рѣчи не можетъ быть о такомъ превосходствѣ, ибо оно совершенно противорѣчило бы гипотезѣ объ единствѣ происхожденія человѣческаго рода. Правда, съ этимъ обстоятельствомъ можно, пожалуй, и не считаться, такъ какъ, если споръ между моногенистами и полигенистами и остается до сихъ поръ открытымъ, то верхъ въ настоящее время несомнѣнно на сторонѣ послѣднихъ **). Можетъ ли, однако, ученіе объ іерархіи расъ почерпнуть серьезные доводы изъ полигенетической теоріи происхожденія человѣчества? Пусть это послѣднее ведетъ свое происхожденіе отъ нѣсколькихъ расъ, возникшихъ при болѣе или менѣе различныхъ условіяхъ, но долго-ли сохранялась во всей своей чистотѣ рѣзкая обособленность этихъ расъ, если таковая и существовала на зарѣ развитія человѣчества? Не должны-ли были, хотя бы въ силу этой же обособленности, возникнуть очень рано столкновенія между представителями различныхъ первобытныхъ расъ, столкновенія, отъ которыхъ расовая обособленность должна была страдать даже тогда или, вѣрнѣе, въ особенности тогда, когда они носили враждебный характеръ? Если мы и не можемъ дать отвѣтъ на эти вопросы, не прибѣгая къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположе-

---

*) Topinard, *L'Anthropologie*; Парижъ; 1884; 4-ое изд., стр. 456—457.

**) Теоріи полигенизма нерѣдко ставится въ заслугу то обстоятельство, что она не считается съ авторитетомъ преданія, тогда какъ ученіе объ единствѣ происхожденія человѣческаго рода, напротивъ, стоитъ, повидимому, въ непосредственной связи съ библейскимъ сказаніемъ. По этому поводу не безъинтересно замѣтить, что еще въ 1655 году одинъ знатный французскій протестантъ Ла Пейрэръ пытался доказать, основываясь на библейскихъ текстахъ, будто одинъ только еврейскій народъ происходитъ отъ Адама и Евы и будто этимъ послѣднимъ предшествовали другіе люди, созданные одновременно съ животными и давшіе начало язычникамъ, которыхъ древне-еврейскія писанія строго отличаютъ отъ евреевъ. Это столь лестное для «избраннаго народа» полигенетическое ученіе о *до-адамитахъ*, нашедшее себѣ впослѣдствіи приверженцевъ среди нѣкоторыхъ ученыхъ и возникшее на той же почвѣ, что и догматическій моногенизмъ, только лишній разъ показываетъ, какъ легко источники, лежащіе внѣ области научнаго изслѣдованія, могутъ быть утилизированы для поддержки діаметрально противоположныхъ гипотезъ.

ніямъ, то намъ, во всякомъ случаѣ, нельзя не считаться съ *фактами*, свидѣтельствующими о существованіи значительнаго смѣшенія расъ еще въ доисторическія времена. Факты эти, правда, не сводятъ къ нулю вопросъ о примордіальной іерархіи расъ, но очень и очень умаляютъ его значеніе.

Пока такіе факты не были извѣстны, досужая фантазія наивныхъ мыслителей могла разводить на благодарной почвѣ „іерархіи расъ“ самые диковинные цвѣты краснорѣчія. Находились, напримѣръ, ученые, серьезно увѣрявшіе, что „подобно тому, какъ наша планета проходитъ черезъ четыре стадіи дня, ночи, вечернихъ и утреннихъ сумерекъ, такъ *нужно*, чтобы и въ родѣ человѣческомъ существовали четыре подраздѣленія, соотвѣтствующія этимъ четыремъ варьяціямъ свѣта. Бѣлые народы—народы свѣта, черные — народы ночи, желтые — утренней или восточной зари, красные—вечерней или западной зари. Европейскія націи по блеску своей науки и чистотѣ своей цивилизаціи имѣютъ самую очевидную связь со свѣтлымъ состояніемъ, и, между тѣмъ какъ чернокожіе покоятся воココ мракѣ невѣжества, китайцы живутъ въ полусвѣтѣ, создаваемомъ неполнымъ, хотя и могущественнымъ соціальнымъ существованіемъ; что касается краснокожихъ, постепенно исчезающихъ съ лица земли, гдѣ найти болѣе подходящій образъ ихъ судьбы какъ не въ сравненіи съ заходящимъ солнцемъ!“ *).

По своей убѣдительности, этотъ цвѣтистый образчикъ символизма avant la lettre напоминаетъ разсужденіе „давно минувшихъ дней“, въ силу котораго число планетъ не должно было превышать семи по той простой причинѣ, что... лицо представляетъ только семь отверстій. Но наивному автору „свѣтовой“ классификаціи расъ слѣдуетъ прямо поставить въ заслугу эту попытку хоть какъ-нибудь обосновать проповѣдуемое имъ мнѣніе о примитивномъ неравенствѣ расъ. Большинство приверженцевъ этого мнѣнія считаетъ, очевидно, всякую такую попытку совершенно излишней роскошью: предустановленная іерархія расъ для нихъ своего рода догматъ вѣры... „Существуетъ одинъ избранный народъ, призванный господствовать надъ прочими народами міра, надъ которыми тяготѣетъ проклятіе“,—читатель увѣренъ, конечно, что эта фраза заимствована мною изъ какого-нибудь древне-еврейскаго текста или изъ разсужденій невѣжественнаго обитателя „черты осѣдлости“, ждущаго изъ года въ годъ торжественнаго возвращенія въ Іерусалимъ, но это не совсѣмъ такъ: замѣните въ нашей фразѣ слово *народъ* словомъ *раса* и подъ нею готовъ будетъ подписаться не закоренѣлый фанатикъ-еврей,

*) Carus, *Ueber die ungleiche Befähigung der verschiedenen Menschheitstämme für geistige Entwickelung* (цитирую по книгѣ De Gobineau, *Essai sur l'inégalité des races humaines;* Парижъ, 1884; 2-ое изд., 1-й томъ, стр. 114).

а извѣстный авторъ „Соціологіи, основанной на этнографіи“, Шарль Летурно. Да, читатель, на третьей же страницѣ сейчасъ упомянутой книги вы можете прочесть слѣдующія весьма недвусмысленныя слова: „Никогда раса, низшая въ анатомическомъ отношеніи, не создала высшую цивилизацію. *Надъ такой расой тяготѣетъ органическое проклятіе,* гнетъ котораго можетъ быть уменьшенъ только гораздо болѣе чѣмъ тысячелѣтними усиліями, только борьбою за совершенствованіе, поддерживаемою въ теченіе геологическихъ періодовъ. А между тѣмъ, въ отношеніи органическаго благородства, человѣческія расы весьма несходны: *однѣ представляютъ избранныя расы, другія—отвергнутыя.* Эта разница такова, что она исключаетъ всякую мысль о строго постепенной градаціи“ *).

Двѣ подчеркнутыя мною фразы, я думаю, вполнѣ оправдываютъ сдѣланное выше не совсѣмъ лестное для Летурно сопоставленіе. Мнѣ могутъ, правда, возразить, что разсужденія евреевъ объ „избранномъ народѣ“ покоятся на весьма шаткихъ основаніяхъ, тогда какъ французскій писатель ставитъ вопросъ на научную почву. Тутъ не мѣшаетъ, однако, замѣтить мимоходомъ, что на научной почвѣ такимъ цвѣтамъ краснорѣчія, какъ *проклятіе, избранный, отвергнутый,* не мѣсто; но не можемъ-ли мы, не прислушиваясь къ этимъ мотивамъ „изъ другой оперы“, проникнуться должнымъ уваженіемъ къ встрѣчающимся въ той же тирадѣ словамъ *органическій* и *анатомическій?* Нѣтъ, читатель, не можемъ, ибо десятью строками раньше тотъ-же Летурно говоритъ буквально слѣдующее: „Къ сожалѣнію, анатомическая антропологія находится еще въ подготовительномъ фазисѣ: она констатируетъ, но не умѣетъ классифицировать. Одинъ антропологъ основываетъ классификацію расъ на формѣ черепа, на объемѣ и строеніи мозга, другой довольствуется строеніемъ волосъ. При такомъ, еще сбивчивомъ, положеніи человѣческой таксиноміи, приходится дѣйствовать нѣсколько на-угадъ, руководствуясь группами признаковъ, *чтобы, по крайней мѣрѣ, уменьшить шансы ошибокъ*“ (курсивъ мой, *Л. Ш.*). И для того, чтобы убѣдиться въ такомъ безпомощномъ положеніи анатомической антропологіи, достаточно бросить взглядъ на тѣ анатомическіе признаки, которыми Летурно характеризуетъ три основныхъ типа современнаго человѣчества: тутъ вы увидите, между прочимъ, что у негровъ носъ *болѣе или менѣе* приплюснутъ, кожа — *болѣе или менѣе* черна, а волосы курчавы у всѣхъ негровъ, *исключая* австралійскаго, который, *кажется*, представляетъ метиса; далѣе — у желтаго человѣка лобныя доли *относительно* очень развиты; у бѣлаго человѣка глаза *то свѣтлыхъ* оттѣнковъ, *то темныхъ*, тогда

*) Charles Letourneau, *La sociologie d'après l'ethnographie;* Парижъ, 1880.

какъ у двухъ другихъ типовъ они *почти* неизмѣнно черные; кожа у перваго *болѣе или менѣе* бѣлая, и т. д.

Какъ видите, тутъ очень много неопредѣленнаго, относительнаго, случайнаго, и вы были бы, навѣрное, въ большомъ затрудненіи, если бы вамъ пришлось рѣшить, кого изъ этихъ *болѣе или менѣе* бѣлыхъ, желтыхъ или черныхъ людей слѣдуетъ „избрать", кого „отвергнуть" и, замѣтьте, отвергнуть болѣе чѣмъ на тысячелѣтія. Летурно обошелъ это затрудненіе, присоединивъ къ признакамъ анатомическимъ признаки соціологическіе (степень культуры),—пріемъ весьма простой, но, увы, грѣшащій противъ элементарныхъ правилъ логики: въ самомъ дѣлѣ, мы ждали, что намъ будутъ говорить объ *органической* іерархіи расъ, въ силу которой „раса, низшая въ анатомическомъ отношеніи", никогда не создала высокую и прочную цивилизацію, а тутъ вдругъ оказывается, что анатомическое превосходство той или иной расы приходится допустить, такъ сказать, на вѣру, принимая во вниманіе именно созданную ею цивилизацію... Такъ нельзя!

Съ другой стороны, весьма любопытно, что Летурно, считая примѣненіе лингвистической классификаціи къ этнографическимъ задачамъ далеко не безупречнымъ методомъ, все же находитъ нужнымъ придерживаться ея, когда рѣчь идетъ объ обществахъ у народовъ бѣлой расы, „за недостаткомъ менѣе сомнительныхъ документовъ, которыхъ не можетъ дать намъ ни исторія, ни анатомическая антропологія" (*La sociologie d'après l'ethnographie* стр. 492). Каковъ бы ни былъ, къ тому же, взглядъ французскаго ученаго на лингвистическую классификацію, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что если за арійской группой (наряду съ которой, не въ обиду будь сказано антисемитамъ, Летурно ставитъ семитическую группу, отводя обѣимъ первое мѣсто на пути прогресса) и можетъ быть признано извѣстное единство, то именно и исключительно съ точки зрѣнія лингвистики. Но, не говоря уже о томъ, что лингвистическій типъ не отличается бо̀льшимъ постоянствомъ, чѣмъ физическій, сравненіе языковъ такъ же мало позволяетъ строить предположенія о превосходствѣ извѣстной расы надъ другими, какъ и сравненіе цвѣта кожи. Китайцы говорятъ на односложномъ языкѣ, якуты на агглютинирующемъ, а зулусы на чрезвычайно звучномъ и богатомъ языкѣ съ флексіями — изъ этого никто, однако, не станетъ заключать, что китайцы стоятъ ниже якутовъ и зулусовъ и что послѣднихъ слѣдуетъ отнести къ счастливой категоріи „избранныхъ"!

Наконецъ, если существуютъ расы „избранныя" и „отвергнутыя", если способность создавать прочныя цивилизаціи составляетъ, какъ увѣряетъ Летурно, исключительную привилегію бѣлой расы, то какъ понять, что нашъ авторъ, указавъ на занимаемое въ настоящее время этой расой безспорное первое мѣсто въ соисканіи прогресса, тутъ же прибавляетъ: „но не всегда было

такъ“ (*тамъ же*, стр. 513)? Какъ понять, что „избранная“ раса или даже одна вѣтвь этой расы можетъ обнимать, наряду съ группами, историческія судьбы которыхъ вполнѣ оправдываютъ этотъ эпитетъ, и такія группы, принадлежность которыхъ къ категоріи „отвергнутыхъ и проклятыхъ“ не можетъ подлежать сомнѣнію? Какъ понять, что, выражаясь словами Летурно, „подобно всѣмъ человѣческимъ расамъ, игравшимъ крупную роль въ мірѣ, семитическая раса распалась на нѣсколько этническихъ группъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою судьбу и болѣе или менѣе цивилизовалась на свой ладъ“ (*тамъ же*, стр. 492)? На эти вопросы „Соціологія, основанная на этнографіи“ не даетъ отвѣта. А отвѣтъ тутъ возможенъ только одинъ, и его прекрасно формулировалъ Л. И. Мечниковъ: „можно сказать, что изъ всѣхъ группъ человѣчества одни только болѣе или менѣе бѣлокожіе арійцы и семиты создали, *при нѣкоторыхъ условіяхъ*, наиболѣе могущественныя государства и прочныя цивилизаціи. Но разъ, *при другихъ условіяхъ*, историческія судьбы народовъ той же расы были совершенно отличны, то очевидно, что центръ тяжести вопроса не въ расовыхъ способностяхъ, а именно въ этихъ неопредѣленныхъ условіяхъ“ *).

Если я выбралъ изъ приверженцевъ теоріи примордіальнаго неравенства расъ Летурно, то это потому, что разсужденія объ „избранныхъ“ и объ „отвергнутыхъ“, надъ которыми роковымъ образомъ тяготѣетъ въ теченіе тысячелѣтій проклятіе, особенно странны въ устахъ плодовитаго автора цѣлаго ряда „Эволюцій“. Но не менѣе любопытно, что доктрина іерархіи расъ на такой основѣ вообще нашла ярыхъ защитниковъ среди самыхъ раннихъ послѣдователей Дарвина, тогда какъ самъ Дарвинъ полагалъ, что эволюціонное ученіе не только исключаетъ всякій вопросъ о предустановленной іерархіи расъ, но даже приводитъ неминуемо къ моногенизму: „естествоиспытатели, допускающіе теорію эволюціи, не будутъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ человѣческія расы происходятъ отъ одного первобытнаго корня“ **).

Когда одинъ изъ героевъ А. П. Чехова, уже 20 лѣтъ какъ не читавшій ни одной книги и разговорами вогнавшій въ гробъ свою жену, заявляетъ, наслаждаясь звуками собственнаго голоса, что для него, „неисправимаго дарвиниста, такія слова, какъ порода, аристократизмъ, благородная кровь—не пустые звуки“ и что „бѣлая кость, дорогой мой, имѣетъ естественно-историческое оправданіе“ (причемъ всѣ эти естественно-историческія разсужденія заканчиваются краткимъ, но внушительнымъ совѣтомъ дѣйствовать по отношенію къ представителямъ „низшей“ породы не иначе

---

*) Léon Metchnikoff, *La civilisation et les grands fleuves historiques;* Парижъ, 1889.

**) Ч. Дарвинъ, *Происхожденіе человѣка и половой подборъ*, глава VII.

какъ „прямо въ харю!“), насъ это, конечно, нисколько не удивляетъ. Но подъ перомъ переводчицы *Происхожденія видовъ*, г-жи Клемансъ Руайе (Clémence Royer), антропологическое чинопочитаніе со всѣми его послѣдствіями производитъ, по меньшей мѣрѣ, странное впечатлѣніе. „Давъ намъ нѣкоторыя болѣе ясныя понятія о нашемъ истинномъ происхожденіи“, читаемъ мы въ предисловіи переводчицы къ первому французскому изданію *Происхожденія видовъ*, „теорія Дарвина тѣмъ самымъ не осуждаетъ-ли столь многочисленныя философскія доктрины, политическія системы и утопіи, тенденція которыхъ, быть можетъ гуманная, но несомнѣнно ложная, состоитъ въ осуществленіи несбыточнаго, вреднаго и противоестественнаго равенства между всѣми людьми? Нѣтъ ничего болѣе очевиднаго, какъ неравенство различныхъ человѣческихъ расъ, и ничто не выражено такъ рѣзко, какъ неравенство между различными индивидами одной и той же расы. Данныя теоріи естественнаго подбора не позволяютъ намъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что высшія расы произошли послѣдовательно и что, значитъ, въ силу закона прогресса, имъ суждено вытѣснить низшія расы, а не смѣшиваться и сливаться съ ними, рискуя быть поглощенными путемъ скрещиваній, долженствующихъ понизить средній уровень вида. Однимъ словомъ, человѣческія расы представляютъ не отдѣльные виды, а рѣзко обособленныя и очень неравныя разновидности, и прежде чѣмъ провозгласить политическое и гражданское равенство среди народа, состоящаго изъ меньшинства индо-европейцевъ и большинства монголовъ или негровъ, нужно было бы подумать два раза“ *).

Но что, прежде чѣмъ давать практическія указанія относительно приложенія принциповъ ученія Дарвина къ человѣческимъ обществамъ, тоже нужно „подумать два раза“, объ этомъ довольно краснорѣчиво говоритъ то обстоятельство, что нѣсколькими строками дальше г-жа Клемансъ Руайе признаетъ возможность постепеннаго исчезанія индивидуальныхъ и расовыхъ различій, „такъ что“, заключаетъ она, „теорія естественнаго подбора въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ такъ же враждебна режиму отдѣльныхъ, замкнутыхъ, неподвижныхъ кастъ, какъ и режиму абсолютнаго равенства“.

Не останавливаясь ни на этомъ заключеніи, явно тяготѣющемъ къ золотой серединѣ, ни на вопросѣ о томъ, насколько умѣстно „примѣненіе теоріи естественнаго подбора къ соціальнымъ наукамъ“, скажемъ только, что эволюціонисты, во имя принципа наслѣдственности присуждающіе ту или иную человѣческую расу къ жалкому прозябанію in secula seculorum, очевидно перестаютъ считаться съ основными положеніями эволюціонной теоріи, которая

*) Цитирую по 3-му французскому изданію, стр. LXIX.

учитъ, что вліяніе наслѣдственности не носитъ исключительно консервативнаго характера и что наряду съ наслѣдственностью дѣйствуетъ другой не менѣе важный факторъ, именуемый *приспособленіемъ* къ условіямъ внѣшней среды. И если по отношенію къ человѣку естественная физико-географическая среда, игравшая такую видную роль въ доисторическій періодъ, въ общемъ уже давно уступила свое мѣсто слагающейся изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ элементовъ общественной средѣ, отъ этого дѣло, въ сущности, не мѣняется. Къ тому же антропологамъ и лжеантропологамъ, такъ нескромно провозглашающимъ несомнѣнное примордіальное превосходство той расы, къ которой они имѣютъ счастье принадлежать, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что именно въ процессѣ борьбы бѣлой расы съ „низшими" ея сестрами даже условія *естественной* среды, и, въ особенности, климатъ, призваны играть еще довольно значительную роль. Такъ, изъ напечатаннаго недавно изслѣдованія д-ра Ниньи-Родригеса о метисахъ *) явствуетъ, напримѣръ, что въ тропическомъ климатѣ бѣлая раса— все равно, остается-ли она чистою или смѣшивается съ аутохтонными расами — неизбѣжно вырождается и въ концѣ концовъ вымираетъ.

Эволюціонная теорія никакъ не допускаетъ, чтобы наслѣдственность можно было смѣшивать съ фатализмомъ и всѣ ученія стремившіяся поставить судьбу и дѣянія индивида въ исключительную зависимость отъ его физической организаціи, начиная отъ блаженной памяти френологіи Галля и кончая доктриной Ломброзо, потерпѣли фіаско.

Въ смыслѣ иллюстраціи несостоятельности дѣленія человѣчества, во имя одной только анатоміи, на группы „избранныя" и „отвергнутыя", особенно поучительна исторія типа „прирожденнаго преступника". Начало ученію о существованіи такого особаго низшаго типа было положено Ломброзо, который счелъ возможнымъ поставить преступность въ прямую зависимость отъ физической организаціи преступника, въ томъ смыслѣ, что органическія неправильности и аномаліи преступнаго субъекта свидѣтельствовали объ его духовныхъ недочетахъ, такъ какъ эти неправильности являлись не чѣмъ инымъ, какъ „признаками" или „стигматами" атавизма и вырожденія. Стигматизированнымъ этотъ субъектъ рождался на свѣтъ божій, стигматизированнымъ же ему предстояло и въ могилу сойти, и никакое воспитаніе не могло ничего тутъ сдѣлать. Этотъ типъ прирожденнаго преступника Ломброзо сначала пытался опредѣлить исключительно путемъ примѣненія антропологическаго метода, тщательно отмѣчая у преступниковъ неправильности строенія черепа, чрезмѣрное развитіе

---

*) Nina-Rodrigues, *Métissage, dégénérescence et crime*, «Archives d'anthropologie criminelle», сент. 1899.

надбровныхъ дугъ и скулъ, несимметрическое расположеніе правыхъ и лѣвыхъ частей лица, прогнатизмъ и пр. Но, не смотря на множество произведенныхъ въ этомъ направленіи изслѣдованій и измѣреній, попытка выработать точную анатомическую формулу особаго вида, долженствующаго именоваться *человѣкомъ-преступникомъ*, не увѣнчалась успѣхомъ. Особенности тѣлосложенія оказывались сами по себѣ не совсѣмъ достаточными характерными признаками вида, и Ломброзо счелъ поэтому нужнымъ пополнить положенный имъ въ основу своего ученія анатомическій критерій элементами біологическими, заимствованными изъ психики преступныхъ субъектовъ. Первоначально предложенная итальянскимъ ученымъ антропологическая теорія преступности превратилась такимъ образомъ въ болѣе сложную „антрополого - психіатрическую".

Но и въ этой новой формѣ проникнутый неумѣреннымъ фатализмомъ взглядъ на преступника вообще держался въ наукѣ не долго. Не такъ давно самъ Ломброзо заявилъ, что даже когда дѣло идетъ о субъектѣ, „представляющемъ много характерныхъ чертъ вырожденія, общихъ эпилептикамъ и типу преступника", „несравненно важнѣе индивидуальныхъ, органическихъ причинъ преступленія" могутъ быть „причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій" такой страны, какъ Италія, гдѣ „по меньшей мѣрѣ, пятая часть населенія находится какъ-бы еще въ дикомъ состояніи, живетъ въ лачугахъ, которыхъ гнушался бы папуасъ, довольствуется пищей, отъ которой отказались бы бушмэны, имѣетъ о мірѣ представленіе, стоящее едва-ли выше того, которое сложилось у какихъ-нибудь кафровъ, и какъ будто только для того и существуетъ, чтобы стремиться къ рабству" *).

А разъ это такъ, то, понятно, разсѣевается и фантастическое представленіе о неисправимомъ прирожденнымъ преступникѣ, преслѣдуемомъ, подобно героямъ Эсхила и Софокла, неумолимою ἀναγκή, съ той, впрочемъ, весьма значительной разницей, что тогда какъ герои греческихъ трагедій, напрягая всѣ свои силы, вступали все таки въ ожесточенную борьбу со злосчастьемъ,—прирожденный преступникъ могъ только слѣпо выполнить предначертанныя въ Книгѣ Судебъ дѣянія, не помышляя ни о какой борьбѣ; ибо это былъ совершеннѣйшій дикарь, по ошибкѣ природы явившійся на свѣтъ въ наше время, между тѣмъ какъ ему собственно слѣдовало бы жить въ пещерный періодъ. Это одностороннее представленіе о всемогуществѣ біологическаго атавизма приходится, оказывается, пополнить соображеніями объ атавизмѣ иного рода, соображеніями,

---

*) Cesar Lombroso, *Le crime de Luccheni*, «Revue des Revues», 1-го ноября 1898; стр. 247.—Русскій переводъ этой статьи былъ напечатанъ въ «Журналѣ Журналовъ».

въ силу которыхъ центръ тяжести вопроса переносится съ индивидуальной организаціи субъекта, свидѣтельствующей только о *предрасположеніи* къ преступленію, на условія среды, которымъ приписывается принадлежащее имъ по праву рѣшающее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ еще одна легенда о яко-бы проклятомъ судьбою „низшемъ *антропологическомъ* типѣ"...

Мы остановились такъ долго на теоріи примордіальнаго превосходства расъ потому, что въ разсужденіяхъ *за* и *противъ* евреевъ эта теорія обыкновенно играетъ большую роль. Ею пользуются и злоупотребляютъ какъ юдофобы, такъ и филосемиты: для однихъ, евреи—низшая раса, самой природой осужденная на паразитизмъ, для другихъ,—это, напротивъ, высшая избранная раса съ великимъ историческимъ прошлымъ и, можетъ быть, не менѣе великимъ будущимъ; для однихъ, это—подонки человѣчества, для другихъ—соль земли. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, представители того и другого лагеря одинаково ссылаются на постоянство еврейскаго типа: одни видятъ въ этомъ постоянствѣ доказательство неисправимости „проклятаго племени" торгашей и ростовщиковъ *); другіе полагаютъ, что, если еврейскій типъ сохранился вплоть до нашихъ дней во всей своей чистотѣ, не смотря на тяжелыя превратности судьбы сыновъ Израиля и на вѣковыя преслѣдованія, которымъ они подвергались, то этотъ фактъ замѣчательной живучести несомнѣннно свидѣтельствуетъ о превосходствѣ семитической расы.

Къ великому огорченію тѣхъ и другихъ, долгъ справедливости требуетъ сказать, что добытыя наукою данныя не оправдываютъ ни восторженныхъ иллюзій филосемитовъ, ни болѣе или менѣе искреннихъ „убѣжденій" антесимитовъ.

Начать съ того, что было бы совершенно ошибочно предполагать, будто смѣшеніе расъ, о которомъ у насъ была рѣчь, нисколько не коснулось евреевъ. Многочисленные факты доказываютъ, что въ этомъ отношеніи евреи не представили исключенія изъ общаго правила и что объ ихъ прошломъ нельзя судить по изолированности, въ которой живутъ и жили обитатели современной „черты осѣдлости" и средневѣковыхъ гетто. Даже этнологи,

---

*) Читателю, позволяющему себѣ сомнѣваться въ томъ, что торгашество и ростовщичество составляютъ, такъ сказать, органическія особенности евреевъ, достаточно будетъ знать, что, по мнѣнію проф. В. Чижа, «племенная страсть къ ростовщичеству не оставляетъ евреевъ даже на каторгѣ» и что это интересное мнѣніе было высказано на страницахъ «Наблюдателя» (1896, № 10, стр. 231)—органа, который, если и злоупотребляетъ словомъ *жидъ*, то только, видите-ли, потому, что «это слово—коренное русское и вполнѣ соотвѣтствуетъ французскому juif» (см. примѣчаніе редакціи «Наблюдателя» къ статьѣ проф. В. Чижа, стр. 236).

которые, какъ, напримѣръ, Р. Андре *), признаютъ чистоту современнаго еврейскаго типа, не отрицаютъ, однако, того, что въ древней Палестинѣ очень рано стало проявляться смѣшеніе евреевъ съ другими народами.

Тотъ фактъ, что Моисеевъ законъ запрещаетъ браки съ иноплеменниками и иновѣрцами—„дщери своея не даси сыну его, и дщере его да не поймеши сыну твоему“ (Второзаконіе, VII, 3),—не только не говоритъ противъ существованія такого смѣшенія, но даже какъ нельзя лучше подтверждаетъ его: законодателю не было бы, конечно, надобности запрещать браки съ иновѣрцами, если бы такіе браки не были „приняты“ и не стали слишкомъ частымъ явленіемъ. Достаточно вспомнить горькія жалобы Нееміи на іудеевъ, женатыхъ на азотянкахъ, аммонитянкахъ и моавитянкахъ и сыновья которыхъ поэтому „глаголаху азотскимъ языкомъ и не умѣяху глаголати іудейски“ (Пророка Нееміи, XIII, 23—24), и пылкія увѣщанія Ездры отлучиться „отъ женъ иноплеменническихъ“ (Книга первая Ездры, X, 11), чтобы признать, что смѣшанные браки были у древнихъ евреевъ, въ особенности послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна, весьма заурядными явленіемъ.

Вопреки мнѣнію Андре, будто эти браки имѣли мѣсто съ женщинами семитической же группы и потому не могли нанести серьезный ущербъ чистотѣ типа, новыя научныя данныя, заставляющія допустить присутствіе въ древней Палестинѣ индо-европейскаго элемента, говорятъ о смѣшеніи палестинскихъ евреевъ не только съ не-евреями, но и съ несемитами **). Одноженствомъ, составляющимъ совершенно исключительное явленіе среди восточныхъ народовъ, евреи, по всей вѣроятности, обязаны именно этому пришлому элементу.

Помимо смѣшанныхъ браковъ, было еще одно обстоятельство, которое должно было въ теченіе долгихъ вѣковъ способствовать введенію многочисленныхъ иноплеменныхъ элементовъ въ нѣдра еврейства. Дѣло въ томъ, что древніе евреи были ярые пропагандисты, рвеніе которыхъ не знало границъ: о нихъ дѣйствительно можно было сказать, что они „обходятъ море и сушу, дабы обратить хотя одного“ (Матѳея XXIII, 15). Ихъ прозелитизмъ, нашедшій себѣ самое широкое примѣненіе за 150 лѣтъ до Р. Х., не ослабѣвалъ и въ первые вѣка христіанской эры: о немъ говорятъ не только лѣтописцы и историки того времени, но и поэты—Горацій и Ювеналъ. Тацитъ, правда, указываетъ на то, что евреи избѣгаютъ вступать въ бракъ съ иновѣрцами (alienarum concubitu

*) Richard Andree, *Zur Volkskunde der Juden*; Лейпцигъ, 1881.

**) См. по этому поводу статью д-ра Alsberg'a, *Rassenmischung im Judenthum*, въ изд. подъ редакціей Руд. Вирхова и Ваттенбаха сборникѣ «Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge»; Neue Folge, V-ая серія, 116-ый выпускъ; Гамбургъ, 1891.

abstinent), но это замѣчаніе римскаго историка нисколько въ сущности не противорѣчитъ сейчасъ упомянутому свидѣтельству другихъ авторовъ: подобные браки могли только идти въ разрѣзъ съ прозелитическими тенденціями, во имя которыхъ иновѣрца требовалось прежде всего обратить въ іудейство. А что факты такого обращенія были въ Римской имперіи чрезвычайно многочисленны, объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что при Антоніи Благочестивомъ понадобилось даже издать особое постановленіе, чтобы запретить евреямъ совершать обрядъ обрѣзанія не надъ своими сыновьями.

Наступившая затѣмъ реакція, выразившаяся во взглядѣ талмудистовъ на новообращенныхъ, какъ на „проказу Израиля", не помѣшала, одноко, іудейству, незадолго до появленія Магомета, найти новыхъ многочисленныхъ приверженцевъ въ Аравіи. И, если съ этнической точки зрѣнія эти успѣхи іудейской пропаганды среди родственныхъ евреямъ жителей Аравіи не имѣютъ особенно важнаго значенія, то нельзя сказать того же самаго о послѣдовавшемъ вскорѣ обращеніи въ іудейство населявшихъ всю нынѣшнюю южную Россію хозаръ, которые внесли въ еврейство монгольскій элементъ (караимы): „начиная съ VIII вѣка", говоритъ Ренанъ, „въ Крыму встрѣчаются древне-еврейскія надписи съ татарскими и турецкими именами, вродѣ Тохтамыша. Развѣ еврей палестинскаго происхожденія сталъ бы когда-нибудь называться Тохтамышъ вмѣсто того, чтобы называться Авраамъ, Леви или Яковъ? Конечно, нѣтъ! этотъ Тохтамышъ былъ татаринъ, новообращенный въ іудейство или сынъ новообращеннаго" *).

Наконецъ, папскія буллы Климентія IV и Гонорія IV и указъ Филиппа Красиваго, повелѣвавшій „наказывать евреевъ, обращающихъ христіанъ въ свою вѣру", свидѣтельствуютъ о томъ, что еще въ XIII вѣкѣ прозелитизмъ евреевъ проявлялся съ достаточной силой, чтобы вызвать запретительныя мѣры не только со стороны духовной, но и со стороны свѣтской власти.

Всѣ эти факты вполнѣ оправдываютъ заключеніе, къ которому пришелъ французскій историкъ еврейскаго народа: „несомнѣнно, что іудейство представляло сначала традицію отдѣльной расы. Несомнѣнно также, что въ образованіи современной европейской расы участвовала извѣстная доля крови первыхъ палестинскихъ евреевъ; но въ то же время я убѣжденъ, что въ совокупности еврейскаго народа, какъ онъ существуетъ въ наши дни, имѣется значительная примѣсь не-семитической крови, такъ что эта раса которая считается идеаломъ чистаго *этноса*, сохраняющагося въ теченіе вѣковъ благодаря запрещенію смѣшанныхъ браковъ, была въ дѣйствительности сильно проникнута инороднымъ элементомъ, какъ это имѣло мѣсто и по отношенію ко всѣмъ другимъ расамъ...

---

*) Renan, *Le judaisme comme race et comme religion*; Парижъ, 1883; стр. 23.

Весьма значительныя аггломераціи не-еврейскаго происхожденія приняли іудейство, такъ что значеніе этого слова съ этнографической точки зрѣнія стало крайне сомнительнымъ" *).

Что же касается постоянства еврейскаго типа, то Ренанъ не допускаетъ даже существованія *одного* такого типа (il n'y a pas un type juif, mais il y a des types juifs). Это мнѣніе, къ тому же, вполнѣ согласуется съ антропологическими изслѣдованіями, авторы которыхъ обыкновенно описываютъ нѣсколько (по крайней мѣрѣ, *два*) еврейскихъ типовъ: „На сѣверѣ, въ Россіи и Польшѣ, Германіи и Богеміи", говоритъ Карлъ Фохтъ **), „мы находимъ еврейское племя съ часто рыжими волосами и короткой бородой, со слегка вздернутымъ плоскимъ носомъ, небольшими сѣрыми лукавыми глазами, довольно плотнымъ тѣлосложеніемъ, круглымъ лицомъ и большей частью широкими скулами,—племя, представляющее значительное сходство съ нѣкоторыми славянскими племенами, въ особенности сѣверными. Напротивъ, на востокѣ и вокругъ Средиземнаго моря, а также и у переселившихся оттуда въ Португалію и Голландію евреевъ, мы замѣчаемъ тотъ семитическій типъ съ длинными черными волосами и бородою, большими миндалевидными меланхолическими глазами, продолговатымъ лицомъ, крупнымъ носомъ,—словомъ, именно тотъ типъ, который мы встрѣчаемъ въ портретахъ Рембрандта. Наконецъ, въ Африкѣ, у Краснаго моря, въ Абиссиніи мы находимъ евреевъ, которые пренебрегаютъ торговлей, занимаются земледѣліемъ и ничѣмъ какъ-будто не отличаются отъ остальнаго населенія страны".

Въ общихъ чертахъ, это безпристрастное описаніе, краснорѣчиво говорящее о томъ, какъ далеки отъ истины голословныя разсужденія убѣжденныхъ и неубѣжденныхъ антисемитовъ о неизмѣняемости и обособленности еврейскаго типа, было не разъ подтверждаемо новѣйшими изслѣдователями и, на основаніи существующихъ литературныхъ данныхъ, д-ръ Блехманнъ въ своей диссертаціи ***) устанавливаетъ опять-таки дѣленіе евреевъ на два типа: испанскіе евреи, переселившіеся во времена Инквизиціи во Францію, Голландію, Турцію и на побережье Средиземнаго моря (Марокко, Триполи, Алжирія, Египетъ), и болѣе многочисленные нѣмецкіе или польско-нѣмецкіе евреи, встрѣчающіеся во всѣхъ частяхъ свѣта.

Но сравненіе собранныхъ различными изслѣдованіями антропологическихъ данныхъ приводитъ въ этомъ отношеніи къ еще болѣе интереснымъ заключеніямъ.

---

*) Renan, *loc. cit.*, стр. 24.

**) Carl Vogt, *Vorlesungen über den Menschen;* Гисенъ, 1863; томъ II, стр. 238.

***) Bernhard Blechmann, *Beitrag zur Anthropologie der Juden*; Inaugural-Dissertation, Dorpat, 1882, стр. 59.

Сопоставивъ результаты краніометрическихъ измѣреній, произведенныхъ имъ надъ 100 литовскими, лифляндскими и курляндскими евреями, съ соотвѣтствующими цыфрами, полученными Коперницкимъ при изслѣдованіи 313 галиційскихъ евреевъ и Дыбовскимъ—при изслѣдованіи 67 евреевъ Минской губерніи, Блехманнъ (*диссерт.*, стр. 62) получилъ таблицу, которую мы приводимъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ:

	Долихоцефаловъ.	Мезоцефаловъ.	Брахицефаловъ.
Дыбовскій	19.40%	26.86%	53.74%
Коперницкій. . .	4.8%	10.9%	84.3%
Блехманнъ. . . .	3%	11%	86%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что результаты, полученные Дыбовскимъ, значительно отличаются отъ результатовъ Блехманна и Коперницкаго. Процентное отношеніе долихоцефаловъ, представленное у послѣднихъ двухъ изслѣдователей ничтожными цыфрами 3 и 4,8, у Дыбовскаго достигаетъ 19,4. По справедливому замѣчанію проф. Штиды *), эту сравничельную многочисленность длинноголовыхъ индивидовъ наряду съ короткоголовыми нужно отнести на счетъ смѣшенія различныхъ этническихъ элементовъ, въ особенности, если принять во вниманіе указанную среди тѣхъ же изслѣдованныхъ Дыбовскимъ евреевъ значительную цыфруودнеголовыхъ (26,87%),—цыфру, свидѣтельствующую о „продолжительномъ и успѣшномъ смѣшеніи“ долихоцефалическаго и брахицефалическаго типа.

То же разногласіе замѣчается и въ другихъ антропометрическихъ данныхъ (см. сравнительную таблицу, помѣщенную на стр. 41 диссерт. Блехманна). Такъ, по изслѣдованіямъ Дыбовскаго, средняя высота лба равняется 60 миллим., по Вейсбаху—64, а по Блехманну только 48 миллим.; разстояніе отъ переносицы до подбородка, по Дыбовскому, въ среднемъ 120, по Коперницкому—124, по Блехманну—116; среднее разстояніе между углами нижней челюсти, опредѣляемое Дыбовскимъ въ 98 миллиметровъ, достигаетъ у Блехманна 109 миллим. и т. д.

Не менѣе поучительны цыфры, касающіяся измѣренія роста. Шульцъ **) нашелъ, что въ этомъ отношеніи евреи стоятъ значительно ниже какъ славянскаго населенія Россіи, такъ и черкесовъ, латышей, эстонцевъ и чувашей: въ сдѣланныхъ этимъ изслѣдователемъ измѣреніяхъ ростъ не-евреевъ колебался между 1680 и 1731 миллиметромъ, тогда какъ средній ростъ евреевъ не

*) Ludwig Stieda, *Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden;* «Archiv für Anthropologie», томъ XIV, стр. 69.

**) G. Schultz, *Bericht über Messungen an Individuen von verschiedenen Nationen;* «Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg», 1845; томъ IV, стр. 225—230.

превышалъ 1637 миллиметровъ *). Измѣренія, произведенныя Снигиревымъ **) на 4470 польскихъ и 2122 литовскихъ евреяхъ, дали еще меньшую среднюю величину роста, а именно для первыхъ 1612, для вторыхъ 1611 миллиметровъ. Съ другой стороны, если мы обратимся къ изслѣдованію И. Ш. Анисимова о кавказскихъ евреяхъ-горцахъ ***), мы увидимъ, что эти евреи—напротивъ, средняго и *часто высокаго* роста.

У тѣхъ же кавказскихъ евреевъ — „стройное тѣлосложеніе, тонкое въ поясницѣ и широкое въ плечахъ", тогда какъ галицiйскіе и литовскіе евреи, по величинѣ отношенія объема груди къ росту, не выдерживаютъ сравненія съ окружающимъ населеніемъ ****) (Коперницкій и Майеръ, цит. Блехманномъ, стр. 14—15), а русскіе евреи опять таки значительно уступаютъ эстонцамъ, латышамъ и ливамъ (*тамъ же*, стр. 51). Но, указавъ на то, что у евреевъ отношеніе объема грудной клѣтки къ росту вообще гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ у племенъ, среди которыхъ они живутъ, Блехманнъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, считаетъ нужнымъ прибавить, что „съ улучшеніемъ матеріальныхъ и гигіеническихъ условій это отношеніе тоже замѣтно улучшается".

Разница, замѣчаемая въ тѣлосложеніи кавказскихъ евреевъ, съ одной стороны, и ихъ русскихъ единовѣрцевъ, съ другой, прекрасно подтверждаетъ справедливость замѣчанія Блехманна и показываетъ, что даже такая, повидимому, характерная черта еврейскаго населенія юго-западной Россіи, какъ недостаточное тѣлесное развитіе, въ сущности вовсе не составляетъ неизмѣнной племенной особенности *****). Кавказскіе евреи „ведутъ свое происхожденіе

---

*) У Шульца эти данныя выражены въ англійскихъ дюймахъ.

**) Снигиревъ, *О результатахъ освидѣтельствованія и измѣренія груди и роста лицъ, призванныхъ къ военной службѣ въ 1875 году*. «Военно-медицинскій журналъ», 1878—79 (цитирую по Блехманну).

***) И. Ш. Анисимовъ, *Кавказскіе евреи горцы*, «Сборникъ матеріаловъ по этнографіи», изд. при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, подъ ред. В. Ѳ. Миллера; выпускъ III, стр. 171—322; Москва, 1888.

****) У поляковъ и русиновъ объемъ груди *превышаетъ* половину роста, у евреевъ онъ *меньше* половины роста. Тотъ же результатъ былъ полученъ Снигиревымъ при сравненіи польскихъ евреевъ съ поляками, нѣмцами, литвинами и коренными русскими (см. диссерт. Блехманна, стр. 17).

*****) Эта особенность считается между тѣмъ настолько характеристической для евреевъ, что, по русскому Уставу о воинской повинности, для всего населенія Имперіи, за исключеніемъ евреевъ, нормальная окружность грудной клѣтки должна, при пріемѣ на военную службу, отвѣчать *половинѣ роста съ четвертью вершка*, а для евреевъ—такой же *половинѣ безъ полувершка*. (Кавказскіе евреи, какъ отнесенные русскимъ правительствомъ къ числу покоренныхъ кавказскихъ жителей, пользуются всѣми правами горцевъ и потому избавлены отъ воинской повинности). По этому поводу небезъинтересно замѣтить, что, по изслѣдованіямъ Блехманна, большинство евреевъ достигаетъ требуемой для военной службы степени физическаго ртзвитія значительно позже, чѣмъ представители другихъ народностей, такъ что, по мнѣнію этого автора,

отъ израильтянъ, выведенныхъ изъ Палестины и населенныхъ въ Мидіи еще Ассирійскими и Вавилонскими царями, и до того строго придерживаются устарѣвшихъ обрядовъ Талмуда, что смотрятъ на своихъ русскихъ единовѣрцевъ, какъ на „эпикурусовъ" (вѣроотступниковъ), но эти два обстоятельства, очевидно, играютъ весьма ничтожную роль въ сравненіи съ условіями жизни.

Съ другой стороны, вся внѣшность евреевъ-горцевъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ прекрасное свидѣтельство богатой посторонней примѣси къ семитическому типу: „характеристическія черты внѣшности еврея-горца составляютъ: смуглый цвѣтъ кожи, средній и часто высокій ростъ, стройное тѣлосложеніе, тонкое въ поясницѣ и широкое въ плечахъ, вдавшіеся черные быстрые глаза часто съ желтоватымъ бѣлкомъ, черныя брови и борода, большой орлиный носъ и слегка выдавшіяся скулы—черты, которыми горскій еврей очень много походитъ на лезгина, чеченца, черкеса, а иногда и на армянина, и очень мало на европейскаго еврея" (Анисимовъ, стр. 241).

О той же примѣси говоритъ и существованіе у кавказскихъ евреевъ такихъ обычаевъ, какъ кровавая месть и т. п.

Сейчасъ изложенные нами факты явно противорѣчатъ общепринятому мнѣнію о постоянствѣ еврейскаго типа. Чѣмъ же объясняется такое ошибочное мнѣніе? На этотъ вопросъ отвѣтилъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ извѣстный французскій ученый Катрфажъ.

Въ своихъ лекціяхъ объ образованіи человѣческихъ расъ—лекціяхъ, читанныхъ въ парижскомъ Muséum d'Histoire naturelle,—Катрфажъ, указывая на то, что еврейскій типъ приводятъ обыкновенно какъ замѣчательный примѣръ неизмѣняемости расы, прежде всего ставитъ передъ защитниками теоріи постоянства расъ вопросъ, какіе расовые признаки евреевъ слѣдуетъ считать неизмѣняющимися. Вопросъ этотъ, по мнѣнію французскаго антрополога, заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ эти якобы постоянные характерные признаки въ сущности никогда не были опредѣлены по той простой причинѣ, что... ихъ и нельзя опредѣлить. Катрфажъ ссылается, между прочимъ, на свидѣтельство Кампера, „этого совершеннаго анатома и талантливаго художника, посвятившаго часть своей жизни изученію чертъ лица и въ особенности профилей медалей" и считавшаго тѣмъ не менѣе невозможнымъ охарактеризовать еврейскія лица, хотя онъ и признавалъ за еврейской расой весьма своеобразную физіономію. „Это обстоятельство", говорилъ Катрфажъ своимъ слушателямъ, „не

евреи должны были бы подлежать отбыванію воинской повинности только по истеченіи 23-хъ лѣтъ.

должно васъ удивлять, ибо вы вѣдь знаете, что физіономія не зависитъ отъ чертъ лица", а „отъ привычекъ, образа жизни, умственной и нравственной среды. Въ томъ-то и дѣло, что евреи оставались повсюду, въ теченіе вѣковъ, и находятся еще понынѣ почти повсюду въ одинаковыхъ гражданскихъ и общественныхъ условіяхъ. Повсюду они живутъ приблизительно одинаковымъ образомъ, всегда болѣе или менѣе изолированные и сплоченные между собою" *).

Для того, кто не считается съ этимъ чрезвычайно важнымъ факторомъ „образа жизни, умственной и нравственной среды", дѣло представляется какъ нельзя проще: во имя анатоміи устанавливаются неизмѣнные типы, „высшіе" и „низшіе", „избранные" и „отвергнутые", человѣчество уподобляется гигантскому департаменту со строго проведеннымъ принципомъ чинопочитанія и опредѣленной табелью о рангахъ, совершенно исключающей, впрочемъ, какую бы то ни было мысль о повышеніяхъ и сулящей, напротивъ, высшимъ расамъ разжалованіе и медленную смерть за всякое нарушеніе предустановленной испоконъ вѣковъ іерархіи и позорное смѣшеніе съ „низшими" сестрами, силою вещей обреченными на жалкое прозябаніе ne varietur...

Мы уже видѣли, насколько эта тенденція, обнаружившаяся отчасти въ ученіи о „прирожденномъ преступникѣ", не согласуется съ гораздо болѣе сложной и плохо укладывающейся въ схематическія дѣленія и подраздѣленія дѣйствительностью. Мы видѣли, что игнорированіе соціальныхъ факторовъ преступности, допущенное въ первоначальной теоріи Ломброзо, является самымъ крупнымъ недочетомъ этой теоріи. То же самое можно сказать и о всѣхъ попыткахъ, клонящихся къ тому, чтобы свалить тѣ или другія черты еврейской жизни, порожденныя внѣшними условіями въ которыя она поставлена, на якобы присущія еврейской расѣ неискоренимыя особенности; не говоря уже о томъ, что самый фактъ существованія еврейской *расы* подлежитъ, какъ мы уже знаемъ, большому сомнѣнію.

Помимо ученія о „прирожденномъ преступникѣ", которое, какъ мы видѣли, можетъ служить прекрасной иллюстраціей недостатка осторожности, замѣчаемаго нерѣдко въ созданіи особыхъ „типовъ", мы позволимъ себѣ указать здѣсь другой примѣръ того же рода, но изъ болѣе спеціальной области. Мы имѣемъ въ виду недавнюю попытку выдѣлить изъ среды невропатовъ новый патологическій типъ, исторія котораго для насъ тѣмъ интереснѣе, что она имѣетъ прямое отношеніе къ предмету нашей статьи, ибо дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ о типѣ... „вѣчнаго жида".

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при Парижскомъ медицинскомъ

---

*) De Quatrefages, *Cours d'Anthropologie,* «Revue des cours scientifiques», 17 окт. 1868, стр. 731--722.

факультетѣ была защищена диссертація, авторъ которой пришелъ къ тому заключенію, что „вѣчный жидъ существуетъ и въ настоящее время въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся въ прошлыя столѣтія. Его фигура, его костюмъ, его манеры сохраняютъ во всѣ времена все тотъ же характеръ: дѣло въ томъ, что этотъ странникъ—больной“ *). Къ такому оригинальному выводу д-ръ Межъ пришелъ на основаніи приложенныхъ къ его диссертаціи пяти наблюденій и сравненія этихъ послѣднихъ съ данными легенды о „Вѣчномъ Жидѣ“.

Какого-же рода больныхъ касаются эти наблюденія? На это нашъ авторъ даетъ такой поучительный отвѣтъ: „это—всегда та же исторія и всегда приблизительно та же фигура. Каждый годъ въ клинику (Сальпетріеръ) являются несчастные (de pauvres diables), нищенски одѣтые, съ исхудалымъ, изборожденнымъ глубокими и печальными морщинами лицомъ, которое какъ-бы исчезаетъ подъ огромной нечесанной бородой. Плачевнымъ тономъ они разсказываютъ полную мучительныхъ перипетій повѣсть“... „Родомъ изъ дальнихъ странъ, со стороны Польши или изъ дальнихъ частей Германіи (du côté de la Pologne ou dans le fond de l'Allemagne), они съ дѣтства были повсюду преслѣдуемы нищетой и болѣзнью. Чтобы избѣгнуть той и другой, они покинули родную страну, но нигдѣ они не нашли ни подходящей для нихъ работы, ни желаннаго исцѣленія. И вотъ, послѣ многихъ и многихъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ, подъ дождемъ и вѣтромъ, въ стужу и въ самой ужасной нищетѣ, они попадаютъ въ Сальпетріеръ, привлекающую ихъ своей репутаціей“.

Въ этомъ описаніи—искренность котораго нельзя заподозрить уже хотя бы потому, что авторъ его относится, повидимому, не особенно дружелюбно къ евреямъ вообще **),—въ этомъ описаніи необходимо исправить маленькую, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма важную географическую неточность: для нашего автора, какъ и для многихъ его соотечественниковъ, все, что находится за предѣлами Франціи, есть своего рода terra incognita—поэтому онъ въ началѣ своей диссертаціи (стр. 5) даетъ весьма неопредѣленное указаніе относительно мѣсторожденія интересующей насъ категоріи больныхъ, впервые узрѣвшихъ свѣтъ Божій гдѣ-то „bien loin, du côté de la Pologne ou dans le fond de l'Allemagne“, а затѣмъ, на стр. 45-ой, общее мѣсторожденіе тѣхъ же больныхъ уже отнесено къ пограничнымъ областямъ Германіи, Польши и

*) Meige, *Etude sur certains névropathes voyageurs; le Juif Errant à la Salpetrière;* Thèse de Paris, 1893.

**) Такъ, на стр. 47-ой своей диссертаціи д-ръ Межъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: «Конечно, евреи понимаютъ кочевую жизнь не на манеръ цыганъ. Они скорѣе склонны основательно прикрѣпляться къ странѣ, куда они приходятъ. Сколько усилій дѣлаютъ тогда иные народы, чтобы избавиться отъ нихъ!»

Австріи, причемъ наблюдательный авторъ не забываетъ упомянуть о томъ, что всѣ эти невропаты говорятъ предпочтительнѣе по нѣмецки, чѣмъ на другихъ языкахъ, а это обстоятельство приводитъ автора къ глубокомысленному заключенію о несомнѣнномъ нѣмецкомъ происхожденіи этихъ несчастныхъ, которые, можетъ быть, всѣ нѣмцы, но не рѣшаются заявлять объ этомъ слишкомъ громко во Франціи".

Къ сожалѣнію, это интересное замѣчаніе, дѣлающее честь политической проницательности автора, идетъ, однако, въ разрѣзъ со свѣдѣніями, заключающимися въ... разбираемой же нами диссертаціи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ пяти наблюденій, положенныхъ въ основу этого труда, только три снабжены болѣе или менѣе точными указаніями мѣсторожденія больныхъ, и что же оказывается? А то, что одинъ больной родился *близь Варшавы*, другой въ какомъ-то мѣстечкѣ *близь Вильны*, третій—опять-таки *въ Россіи*, въ „Dugneau", что, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно означать городъ Дубно.

Ларчикъ, значитъ, открывается очень просто и не требуетъ никакихъ лукавыхъ соображеній о нѣмцахъ, якобы скрывающихъ свое происхожденіе: эти жалкіе странники—русскіе евреи, предпочтительнѣе всего говорящіе на... родномъ жаргонѣ, который во Франціи можетъ, пожалуй, сойти и за чистую нѣмецкую рѣчь. Мало того, для насъ сразу становится яснымъ, что за неврозъ привелъ этихъ людей, послѣ безчисленныхъ тяжелыхъ мытарствъ, въ Парижъ — въ Сальпетріеръ, гдѣ именно имъ, а не ихъ французскимъ единовѣрцамъ (которымъ несравненно легче было бы добраться до знаменитой парижской больницы), пришлось послужить матеріаломъ для новой главы скорбной исторіи „вѣчнаго жида". И если бы у насъ оставались на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія, то они должны разсѣяться при знакомствѣ съ прошлымъ этихъ „больныхъ".

Если объ одномъ изъ нихъ авторъ и считаетъ возможнымъ ограничиться неопредѣленнымъ замѣчаніемъ, что „онъ началъ путешествовать очень рано по необходимости или просто изъ любви къ бродяжнической жизни", за то о другомъ паціентѣ — мы прямо узнаемъ, что „еще ребенкомъ, онъ былъ взятъ русскими военными властями и отданъ въ спеціальную школу *)... Побуждаемый начальствомъ отречься отъ іудейства, онъ долго боролся, не рѣшаясь отказаться отъ вѣры своихъ отцовъ; чувствуя себя не въ силахъ устоять, онъ внезапно убѣжалъ и оставилъ Россію — ему было тогда около 15—16 лѣтъ и онъ не зналъ никакого ремесла"; и, наконецъ, относительно всѣхъ этихъ субъектовъ, авторъ полагаетъ, что „нищета, страданія и всякаго

*) Разумѣется, по всей вѣроятности, какая-нибудь печальной памяти школа кантонистовъ. *Л. Ш.*

рода лишенія, чрезмѣрное утомленіе должны были сильно способствовать возникновенію болѣзненныхъ явленій".

Къ тому же, чѣмъ характеризуется, съ внѣшней стороны, этотъ „патологическій" типъ? Конечно, не пресловутой бородой, какъ склоненъ думать д-ръ Межъ, хотя онъ и не отрицаетъ, что нельзя придавать особенно важнаго значенія такому непостоянному признаку, который можно уничтожить однимъ взмахомъ бритвы. Нѣтъ, характерно то, что этимъ скитальцамъ, несмотря на ихъ 30—40 лѣтній возрастъ, „легко можно дать въ два раза больше лѣтъ, изъ-за ихъ изборожденнаго глубокими морщинами лица"; характерно то, что ихъ „физіономія выражаетъ страданіе, усталость и отчаяніе"...

Это выраженіе одинаково замѣтно на портретѣ заброшеннаго судьбою въ Сальпетріеръ бывшаго кантониста, начавшаго свою плачевную одиссею 15-лѣтнимъ мальчикомъ, и на старинныхъ изображеніяхъ „вѣчнаго жида", но изъ этого мы не станемъ заключать, какъ этого хочетъ д-ръ Межъ, что Агасверъ подлежитъ нервопатологіи, наравнѣ съ этимъ бывшимъ кантонистомъ и прочими евреями-скитальцами, о которыхъ у насъ сейчасъ была рѣчь. Вопреки мнѣнію нашего автора, мы думаемъ, что ни въ мытарствахъ Агасвера, ни въ скитаніяхъ сальпетріерскихъ „невропатовъ" не играла никакой роли якобы „присущая еврейской расѣ способность передвиженія", въ силу которой представители этой расы „никогда не колеблятся покинуть свой очагъ, чтобы предпринять какое-нибудь важное дѣло и въ особенности для исцѣленія болѣзни".

Мы удивляемся только тому, какъ оффиціальные представители науки, хотя бы сотрудничающіе въ юдофобскихъ изданіяхъ, гдѣ пріемы научнаго мышленія являются совершенно лишней обузой, могутъ, не считаясь съ сейчасъ указаннымъ обстоятельствомъ, серьезно говорить о „*племенной* страсти евреевъ къ ростовщичеству" и о „крайне несимпатичной чертѣ ихъ — нелюбви къ труду" *).

Къ тому же, у насъ имѣются другіе, болѣе близкіе намъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что евреи далеко не повсюду представляютъ однѣ и тѣ же несимпатичныя или симпатичныя черты и что дѣло вовсе не въ расовыхъ или хотя бы въ племенныхъ особенностяхъ, а въ условіяхъ среды. Обитатели черты осѣдлости, совершенно, напримѣръ, не похожи на кавказскихъ евреевъ—обстоятельство тѣмъ болѣе интересное, что у послѣднихъ религіозный фанатизмъ развитъ несравненно сильнѣе, чѣмъ у ихъ русскихъ единовѣрцевъ. „Большинство русскихъ или европейскихъ евреевъ", говоритъ авторъ уже упомянутаго нами изслѣдованія о кавказ-

---

*) Проф. В. Чижъ, *Нѣмцы, евреи и поляки въ произведеніяхъ Достоевскаго, Толстого и Тургенева*, «Наблюдатель», 1896, № 10, стр. 231 и 238.

скихъ евреяхъ, „будучи болѣе или менѣе образованными и болѣе развитыми, чѣмъ ихъ кавказскіе единовѣрцы, не слишкомъ придерживаются устарѣвшихъ обрядовъ Талмуда, чѣмъ нерѣдко вызываютъ противъ себя въ этихъ дикаряхъ негодованіе“.

Но у этихъ дикарей есть, однако, немало преимуществъ передъ ихъ болѣе развитыми единовѣрцами, отъ которыхъ они выгодно отличаются, какъ мы видѣли, уже хотя бы своей внѣшностью... А это, читатель, въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ, ибо по отношенію къ евреямъ всякое лыко идетъ въ строку: „и образъ жизни еврея“, писалъ Щедринъ *), „и внѣшняя его складка, его манера говорить, ходить, одѣваться—все даетъ пищу для неосмысленной досады, которая проявляетъ себя тѣмъ безпрепятственнѣе, что выраженіе ея почти всегда сопровождается безнаказанностью. Никто такъ мастерски не боится, какъ еврей; никто не создалъ для себя такого страннаго внѣшняго облика. Еврей, самый солидный, напоминаетъ внѣшнимъ своимъ видомъ подростка, путающагося въ отцовскихъ штанахъ. Для темной массы этого вполнѣ достаточно, чтобы видѣть въ евреѣ всегда готовый источникъ потѣхъ и издѣвокъ“.

Еврей-горецъ ни для кого не служитъ источникомъ шутокъ и потѣхъ, и этимъ огромнымъ преимуществомъ онъ обязанъ не столько смѣшенію съ туземными племенами Кавказа, сколько тому, что его предки не жили въ затхлой атмосферѣ Judengassen, и самъ онъ не дышетъ воздухомъ *черты*, „Природа“, читаемъ мы въ томъ же изслѣдованіи И. Ш. Анисимова, „имѣла громадное вліяніе на развитіе характера горскаго еврея, слѣдовательно—и на его занятія. Вотъ проскакалъ онъ мимо васъ, вооруженный съ головы до ногъ, на бодрой лошади; тамъ въ изодранномъ костюмѣ своемъ лѣзетъ онъ по горамъ, карабкается между скалами, рубитъ дрова или выкапываетъ пни и корни кустарниковъ, которые несетъ на согнутой и избитой спинѣ своей; тамъ копаетъ онъ въ полѣ землю, пашетъ, выдѣлываетъ вина, срываетъ плоды съ деревьевъ; тамъ опустился въ глубокое корыто съ водою около бассейна, засучивъ штаны выше колѣнъ, и топчетъ изо всей силы сырыя кожи и, наконецъ, вотъ онъ свободенъ. Тутъ забываетъ онъ не только о прошедшемъ, о вчерашнемъ трудѣ своемъ, но перестаетъ думать вовсе о будущемъ, о завтрашнемъ кускѣ насущнаго хлѣба. И это праздное препровожденіе времени и безпечность, этотъ праздный разгулъ за ведрами вина или штофами водки съ шашлыкомъ, это расхаживаніе изъ дома въ домъ и по всему аулу съ шапкой на бекрень и черкеской или шубкой въ накидку, эти бесѣды и всевозможныя мечты возлѣ лавокъ или на лавкахъ около домовъ, на „овчерѣ“ (сельская площадь, гдѣ бываютъ народныя собранія), передъ синагогой или рѣзницей и

*) *Недоконченныя бесѣды*, глава VI.

вообще это переливаніе изъ пустого въ порожнее продолжается не день, не два и не недѣли, а иногда цѣлые мѣсяцы“ *).

Обитателю „черты“ не знакомы ни этотъ воинственный духъ, ни эта кипучая, разнообразная дѣятельность, ни этотъ беззаботный разгулъ.

Въ общемъ, еврейскій вопросъ не вопросъ антропологіи или патологіи, это даже не исключительно экономическій вопросъ, ибо тутъ дѣло не столько даже въ экономическихъ условіяхъ, сколько въ своего рода соціальномъ атавизмѣ.

Левъ Шейнисъ.

Литература и жизнь.

Объ «Альмѣ», «трагедіи изъ современной жизни» г. Минскаго.

„Нѣтъ необходимости, мой другъ, столь вящше изломиться“...

Рѣшительно не могу припомнить гдѣ, кто и по какому случаю говоритъ эти слова у Щедрина, но они неотступно преслѣдовали меня при чтеніи „трагедіи изъ современной жизни“ г. Минскаго—„Альма“. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, столь вящше изломились и самъ авторъ, и почти всѣ дѣйствующія лица трагедіи? Это ихъ дѣлаетъ только смѣшными (въ трагедіи-то!) и непонятными... Не рѣшилъ я этого вопроса и познакомившись съ посвященной „Альмѣ“ статьей г. Батюшкова въ „Новостяхъ“, озаглавленной „Комедія и трагедія индивидуализма“. Г. Батюшкову очень нравятся нѣкоторые афоризмы, вложенные авторомъ въ уста различнымъ дѣйствующимъ лицамъ трагедіи, и между прочимъ такой: „Кто понялъ истину, тотъ понялъ ее для всѣхъ“. Долженъ признаться,—я не понимаю этого афоризма. Думаю, что есть много истинъ, которыя сквозь вѣка и вѣка остаются не всѣми поняты. Да и по мнѣнію г. Батюшкова, какъ будто не такъ ужъ просто распространяются истины. Сужу такъ потому, что въ концѣ своей своей статьи г. Батюшковъ выражаетъ еще только пожеланіе, „чтобы та истина, которую авторъ (г. Минскій) понялъ, стала бы истиной для всѣхъ“. Желаютъ люди часто недостижимаго, невозможнаго и во всякомъ случаѣ того, чего у нихъ въ данную минуту нѣтъ. И значитъ истина, понятая г. Минскимъ, не есть еще

*) Анисимовъ, *loc. cit.*, стр. 241—242.

„истина для всѣхъ“. Я лично очень радъ этому обстоятельству, потому что не понимаю истины, понятой г. Минскимъ, а, согласитесь, обидно и непріятно не понимать того, что понимаютъ всѣ, что ясно, какъ „дважды два—четыре“ и другія всѣмъ понятныя истины. Но если бы г. Батюшковъ и не выразилъ своего ограничивающаго истину г. Минскаго пожеланія, я бы всетаки твердо зналъ, что есть и кромѣ меня, по крайней мѣрѣ, еще одинъ человѣкъ, не понявшій этой истины. Этотъ одинъ—г. Батюшковъ. По мнѣнію почтеннаго критика, авторъ „Альмы“ „глубоко проникъ въ сущность міросозерцанія, которое основывается на *непомѣрномъ* возвеличеніи своего „я“ и указалъ намъ его крайнія проявленія“. Я думаю, что авторъ „Альмы“ считаетъ міросозерцаніе своей героини основаннымъ отнюдь не на „непомѣрномъ“, а напротивъ того на совершенно правомѣрномъ возвеличеніи своего „я“.

Вотъ стихотвореніе, которое г. Минскій предпослалъ, вмѣсто предисловія, своей трагедіи.

Нѣтъ двухъ путей добра и зла,
    Есть два пути добра.
Меня свобода привела
    Къ распутью въ часъ утра
И такъ сказала: двѣ тропы,
    Двѣ правды, два добра—
Раздоръ и мука для толпы,
    Для мудреца—игра.
То, что донынѣ средь людей
    Грѣхомъ и зломъ слыветъ,
Есть лишь начало двухъ путей,
    Ихъ первый поворотъ.
Сулитъ единство бытія
    Путь шумной суеты.
Другой безмолвенъ путь—суля
    Единство пустоты.
Сулятъ и лгутъ—и къ той же мглѣ
    Приводятъ гробовой.
Ты—призракъ Бога на землѣ,
    Богъ—призракъ въ небѣ твой.
Проклятье въ томъ, что не дано
    Единаго пути.
Блаженство въ томъ, что все равно
    Какимъ путемъ идти.
Безпечно, какъ въ прогулки часъ,
    Ступай тѣмъ иль другимъ,
Съ людьми волнуясь и трудясь,
    Въ душѣ невозмутимъ.
Ихъ правду правдой отрицай,
    Любовью жги любовь.
Въ душѣ меня лишь созерцай,
    Лишь мнѣ дары готовь.
Моей улыбкой міръ согрѣй,
    Повѣдай всѣмъ, о чемъ

Съ тобою первымъ изъ людей
Теперь шепчусь вдвоемъ.
Скажи, я свѣточъ имъ зажгла
Невѣдомый вчера.
Нѣтъ двухъ путей добра и зла,
Есть два пути добра.

Г. Батюшковъ называетъ это стихотвореніе „нѣсколько туманнымъ по меньшей мѣрѣ“. Да, нѣсколько, по меньшей мѣрѣ... Но сквозь этотъ туманъ ясно видно, по крайней мѣрѣ, одно: „въ часъ утра“ (?) свобода шептала г. Минскому „первому изъ людей“ истину. Ну, а что „непомѣрное“ возвеличеніе своего „я“ ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, это и мы съ г. Батюшковымъ давно знаемъ, не будучи первыми изъ собесѣдниковъ свободы въ часъ утра. Стало быть, что-то иное хотѣлъ сказать г. Минскій...

Г. Минскій есть первый человѣкъ, съ которымъ, бесѣдовала свобода, но не въ первый разъ бесѣдуютъ съ нимъ воплощенныя отвлеченія высокаго ранга. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нимъ говорила совѣсть. Наслушавшись частью „при свѣтѣ совѣсти“, частью непосредственно отъ нея разной премудрости о томъ, какъ существовало абсолютно несуществующее и затѣмъ перестало существовать, г. Минскій пришелъ къ такому заключенію: „Да будутъ благословенны страданія несовершеннаго міра! Да будетъ благословенно отсутствіе любви, истины, свободы! Да будутъ благословенны достозѣрныя знанія науки, хрупкіе образы искусства, безцѣльныя дѣла самолюбія и столь же безцѣльные подвиги самоотреченія,—эти четыре рода орудій, которыми человѣкъ высѣкаетъ изъ своей души спящій въ ней мистическій пламень!“ „Свобода“, отсутствіе которой было нѣсколько лѣтъ тому назадъ благословенно, менѣе щедра, чѣмъ „совѣсть“: она рекомендуетъ не четыре противорѣчивыхъ, но равно цѣнныхъ пути, а только два, притомъ не столь опредѣленныхъ. Но это и не важно: „блаженство въ томъ, что все равно какимъ путемъ идти; безпечно, какъ въ прогулки часъ, или тѣмъ иль другимъ... Нѣтъ двухъ путей добра и зла, есть два пути добра“.

Г. Батюшковъ счастливѣе меня, онъ эту истину понялъ. Очень боюсь, однако, что его пожеланіе, чтобы эта истина стала истиной для всѣхъ, не исполнится...

Я не могу отойти отъ статьи г. Батюшкова, не сдѣлавъ еще одного замѣчанія по ея адресу. Статья, какъ уже сказано, называется „Комедія и трагедія индивидуализма“. Рѣчь въ ней идетъ о двухъ произведеніяхъ: комедіи г. Боборыкина „Накипь“ и трагедіи г. Минскаго „Альма“. И почтенный критикъ начинаетъ свою статью ссылкой на нѣсколько словъ, сказанныхъ мною о „Накипи“, а именно на мое сѣтованіе, что г. Боборыкинъ не бросилъ „хоть намека на то, что если не въ личностяхъ Переверзева, Воробьиной и т. п., то въ ихъ рѣчахъ съ чужого голоса есть нѣчто

серьезное и грозное". И вотъ, „какъ бы въ доказательство" этого моего положенія о существованіи чего-то серьезнаго и грознаго тамъ, гдѣ г. Боборыкинъ увидѣлъ только комическое, „является новое произведеніе г. Минскаго"...—Не могу согласиться съ г. Батюшковымъ: въ трагедіи г. Минскаго нѣтъ рѣшительно ничего серьезнаго и грознаго, да и не можетъ этого быть тамъ, гдѣ и авторъ, и дѣйствующія лица столь вящше изломились. Не вижу также, почему это „трагедія индивидуализма". „Какое хочешь имя дай" произведенію г. Минскаго,—чепухизмъ, ерундизмъ, но только не индивидуализмъ. Это послѣднее слово, пущенное когда-то въ ходъ Луи Бланомъ для характеристики историческаго періода, отдѣляющаго періодъ „авторитета" отъ грядущаго періода „братства", требуетъ нынѣ особенно осмотрительнаго къ себѣ отношенія, а съ ерундизмомъ смѣшивать его ужъ ни въ какомъ случаѣ не полагается. Кстати же оно только одинъ разъ и поминается въ трагедіи. А именно нѣкій докторъ Стрижъ (мы сейчасъ съ нимъ познакомимся) утверждаетъ: „Будущее принадлежитъ силѣ отталкиванія, одиночеству, *индивидуализму*, жестокости". Но въ какомъ смыслѣ это понимать надо,—не разъясняется.

За то въ трагедіи часто поминаютъ другое слово—„свобода". Если г. Минскій говоритъ, что свобода ему первому изъ людей сообщила истину, то Альма въ свою очередь сообщаетъ, что она „первая затѣяла борьбу за свободу". Свобода, свободы, свободѣ, свободу, свободою, о, свобода!—во всѣхъ падежахъ. Но въ одномъ изъ слышанныхъ мною разговоровъ объ „Альмѣ" одна умная женщина замѣтила: что же это за свобода, когда героиня трагедіи боится отдаться какому-бы то ни было своему чувству и на каждомъ шагу вяжетъ себя по рукамъ и по ногамъ!—Ниже читатель убѣдится, на сколько цѣнно это замѣчаніе.

Настоящее имя Альмы—Александра Васильевна Лунина, въ замужествѣ Сухонина. Когда она полюбила своего будущаго мужа, то, по словамъ ея дяди, „много она съ нимъ чудила: письма, цвѣты, разговоры; даже имя себѣ перемѣнила; вмѣсто Али стала по иностранному Альмой называться". Положимъ, что Александра Васильевна и раньше много чудила, но трагедія застаетъ ее въ моментъ любви къ Сухонину, и одинъ изъ первыхъ шаговъ на этомъ пути есть превращеніе Александры въ Альму. Еще бы! столь вящше изломившаяся дѣвица, и вдругъ Александра, просто Александра, а уменьшительно или ласкательно Саша, Саня, да и Аля... какой моветонъ и даже фидонкъ! Это чрезвычайно характерная подробность, которая дѣлала бы честь художественному чутью г. Минскаго, если бы онъ писалъ сатиру; но „Альма" есть апоѳеозъ женщины, которая первая затѣяла борьбу за свободу, за ту самую свободу, которая г. Минскому, первому изъ людей, прошептала истину. Во всякомъ случаѣ къ Александрѣ Васильевнѣ очень идетъ это переименованіе въ Альму, но этотъ невольный,

безсознательный даръ правдѣ есть едва ли не единственный истинно художественный штрихъ во всей трагедіи. Она не художественна уже потому, что лишена не только всякой оригинальности,—а и это уже убійственно для „перваго изъ людей“,—но и цѣльности. Это рядъ подражаній—то Метерлинку, то Ибсену, Ничше, наконецъ, Л. Толстому („блаженненькій старичокъ“ Тихонъ Іонычъ). Если, погнавшись за двумя зайцами, не поймаешь ни одного, если „въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань“, то, конечно, лишь цѣною уродства можно склеить до прозрачности ясную реальность образовъ Толстого съ неопредѣленными, туманными, внѣ времени и пространства движущимися фигурами Метерлинка, съ полубезумными рѣчами Заратустры, съ наркотиками Гюисманса и проч. И г. Минскій полностью внесъ эту цѣну безобразія въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова. Во первыхъ, хотя его дѣйствуюшія лица почти всѣ курятъ словесныя фиміамы передъ красотой, но въ самой трагедіи нѣтъ никакой красоты. Во вторыхъ, въ ней нѣтъ живыхъ образовъ, а есть только ходячія отвлеченія, сухія теоріи, а то такъ и просто слова, лишенныя всякаго смысла; до такой степени лишенныя смысла, что иной разъ по неволѣ думаешь: нѣтъ, это не серьезно, это пародія на что-то, злая насмѣшка надъ чѣмъ-то. Не угодно-ли понять, напримѣръ, такой афоризмъ Альмы: „Все живое безмолвствуетъ, а говорить можно только о томъ, что умерло. Жизнь молчитъ и только смерть болтлива, хотя люди думаютъ противное“. Допустимъ, что второе предложеніе заключаетъ въ себѣ какой-то глубокій смыслъ, неуловимый для простыхъ смертныхъ, съ которыми еще не шепталась свобода. Но грамматику-то вѣдь и мы знаемъ, такъ вотъ доберитесь только до грамматическаго смысла перваго предложенія. „Все живое безмолвстуетъ, а говорить можно только о томъ, что умерло“... Что же „можетъ говорить о томъ, что умерло“? Ясно, — то, что еще не умерло, то есть живое, но вѣдь все живое безмолвствуетъ... Такіе логическіе и грамматическіе перлы въ изобиліи разсыпаны по трагедіи г. Минскаго. А вотъ образчикъ пародіи на Метерлинка. Три человѣка, стоя у окна, бесѣдуютъ:

Вета. Какой густой снѣгъ.

Альма. И чуть коснувшись земли, хлопья исчезаютъ, превращаются въ грязь.

Будаевскій. Вдали они образуютъ сплошную дрожащую сѣть. И на сѣромъ мелькающемъ фонѣ отдѣльные хлопья, большіе и бѣлые, летятъ во всѣ стороны.

Вета. Многіе летятъ къ верху, какъ будто хотятъ вернуться на небо.

Альма. Но ихъ собственная тяжесть увлечетъ ихъ на землю.

Вета. На мокрую черную землю.

Будаевскій. Идетъ война между небомъ и землей.

Вета. Всѣ облака превратились въ снѣгъ.

Будаевскій. Всѣ звѣзды превратились въ снѣжинки и упали съ неба.

Альма. И земля побѣждаетъ, земля сильнѣе неба.

Будаевскій. Но гдѣ-то горныя вершины покрыты нетающимъ снѣгомъ.
Альма. Горныя вершины далеки отъ земли.
Вета. На горныхъ вершинахъ не течетъ вода.
Альма. Лучи солнца скользятъ мимо горныхъ вершинъ.
Вета. До горныхъ вершинъ не доходитъ вѣтеръ съ моря.
Альма. Горныя вершины купаются въэфирѣ.

Какъ пародія, это было бы довольно удачно, но г. Минскій и не думаетъ о пародіи, онъ пишетъ съ мрачною серьезностью перваго изъ людей, съ кѣмъ говорила свобода...

Оставимъ, однако, творческіе пріемы г. Минскаго. Ниже намъ, вѣроятно, придется еще встрѣтиться съ ними по пути, а теперь обратимся къ содержанію трагедіи и къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, главнымъ образомъ, конечно, Альмы.

Альма, перлъ созданія, гордящаяся, какъ она сама говоритъ, „красотою тѣла и чистотой души",—отравилась. Отравилась потому, что осталась при одной красотѣ тѣла, а чистоту души утратила,—полюбила мужчину, и одна мысль объ этомъ униженіи повергаетъ ее въ такой ужасъ, что она рѣшается умереть. Но вы понимаете, что если героиня трагедіи въ трехъ дѣйствіяхъ отравляется въ самомъ началѣ перваго дѣйствія, то умеретъ она никакъ не раньше, какъ въ концѣ третьяго. Такъ и вышло: поэтическую Альму, при помощи совершенно не поэтическаго рвотнаго, спасъ докторъ Стрижъ; спасъ и тотчасъ же въ нее влюбился, не смотря на свою не поэтическую фамилію и не смотря на то, что, по справедливому и горестному замѣчанію Альмы, „долженъ былъ видѣть много некрасиваго". Оно естественно, послѣ рвотнаго-то, но докторъ Стрижъ галантно возражаетъ: „Все, что я здѣсь видѣлъ, было красиво". Докторъ Стрижъ морфиноманъ, а Альма, по его опредѣленію, эротоманка. Но это особенная, „самая новѣйшая" эротоманія, „недугъ завтрашняго дня", а пока — „изъ десяти современныхъ женщинъ одна эротоманка". Это—„культъ любви, которая пуще всего боится удовлетворенія, счастія, ласки... эротоманки вѣчно бродятъ вокругъ да около чувственности, всѣми силами возбуждаютъ чувственность, а потомъ вдругъ отъѣзжаютъ на платонизмѣ. Развратное цѣломудріе или цѣломудренный развратъ". Это — опредѣленіе доктора Стрижа, а самой Альмѣ онъ въ лицо говоритъ: „Передъ вашей чистотой развратъ Мессалины кажется невинностью". Это не мѣшаетъ доктору Стрижу любить Альму, и не только не мѣшаетъ: ему, морфиноману, именно и нужно такое постоянное возбужденіе безъ удовлетворенія. Она „желаетъ, чтобы всѣ ее напрасно желали", а онъ желаетъ напрасно желать, но, къ несчастію, Альма ужъ любитъ и желаетъ Сухонина, а этотъ послѣдній не желаетъ напрасно желать. Оттого-то Альма, унизившаяся до любви-желанія, и отравилась...

Докторъ Стрижъ имѣетъ и нѣкоторую философско-историче-

скую идею въ объясненіе характера и поведенія Альмы: она — мстительница за гаремное положеніе женщины, ея историческая миссія—мучить былыхъ владыкъ. Сама Альма смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. Она видитъ историческую миссію женщины въ томъ, чтобы „зажигать любовь, освѣщать, очищать жизнь любовью“. Но не всѣ женщины способны выполнить эту миссію. Для этого нужно обладать нѣкоторыми особенными качествами. Нужна во-первыхъ, „красота тѣла“,—это понятно и безъ поясненій. Нужна, во вторыхъ, „чистота души“. Это уже помудреннѣе. Чистота души Альмы столь велика, что даже слово „ласка“ ей „ненавистно“! Она, какъ говоритъ докторъ Стрижъ, „изъ святости, изъ цѣломудрія сдѣлала орудіе пытки“, а сама она „рѣшила быть солнцемъ, чтобы души людей недосягаемо къ ней стремились и разцвѣтали любовью“. Ей приходилось (опять таки ея собственное показаніе) „быть жестокой, разбивать семьи, видѣть много слезъ, но оправданіе ея было въ ней самой—ея чистота“. Она „та, кто любитъ слова любви“: душа и словесное выраженіе ея движеній,—ей больше ничего не нужно, ибо все остальное грязь и „некрасиво“. Она и съ влюбленныхъ въ нее мужчинъ беретъ „обѣщаніе чистоты“. Наконецъ, третье условіе исполненія исторической миссіи женщины есть умѣнье лгать. „Въ любви, — говоритъ Альма,—кромѣ внѣшней лжи, можетъ быть, ненужной, есть еще необходимая ложь. Чтобы стать для кого нибудь желанной, надо двигаться, говорить, думать, какъ это дѣлалъ бы его идеалъ“. И въ дѣлѣ лживости Альма никому не уступитъ. Въ дневникѣ ея, между прочимъ, написано: „Всѣхъ, кого судьба приведетъ ко мнѣ, я хочу любовью исцѣлить отъ уродства жизни. Но каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы его любовь стала единственной. И я лгу и притворяюсь, но развѣ жрецы всѣхъ временъ не лгали? Ложь, это—калоши, въ которыхъ я перехожу въ бродъ черезъ ихъ безсиліе“. Этими поэтическими калошами Альма владѣетъ въ совершенствѣ. Такъ, передъ своимъ неудавшимся самоубійствомъ она разослала своему будущему мужу Сухонину, влюбленному въ нее художнику Будаевскому, по прозванію Ландышъ, „и другимъ“ письма, начинавшіяся одними и тѣми же словами: „умираю, потому что люблю васъ“...

Это наводитъ на слѣдующую мысль: не была ли и попытка самоубійства Альмы лишь одною изъ „калошъ“? Провести такого полоумнаго морфиномана, какъ докторъ Стрижъ, не трудно, а драматизированіе своего положенія, безъ поврежденія себѣ, очень идетъ къ Альмѣ. Чего не налжетъ такая столь вящше изломившаяся и столь изолгавшаяся дѣвица для трагической красоты положенія! Во всякомъ случаѣ эта трагическая калоша свободно входитъ, какъ одна изъ подробностей, въ составъ образа Альмы. Что же касается двухъ другихъ условій, необходимыхъ для осуществленія исторической миссіи женщины, то въ одномъ

изъ нихъ, въ „красотѣ тѣла“ Альмы, мы не имѣемъ права сомнѣваться или, по крайней мѣрѣ, должны вѣрить автору на слово, полагаясь на его вкусъ. Иное дѣло „чистота души“. Уже сами по себѣ калоши лжи бросаютъ сюда нѣкоторый лучъ сомнѣнія. Всѣмъ намъ приходится, если не лгать, то, по малой мѣрѣ, не говорить правды — такъ ужъ дѣла на нашей грѣшной землѣ устроились. Но возводить ложь, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ жизненный принципъ, въ систему, — это едва-ли примиримо съ „чистотой души“. А если разумѣть подъ этой чистотой тотъ спеціальный ея видъ, который разумѣетъ сама Альма, не видящая въ лжи никакого ущерба своей чистотѣ, то окажется слѣдующее. Альма отбираетъ у влюбленныхъ въ нее женатыхъ мужчинъ обручальныя кольца и дѣлаетъ себѣ изъ нихъ цѣпочку для медальона, какъ „знакъ своей власти“. Женѣ доктора Стрижа, кольцо котораго какъ разъ закончило цѣпочку, Альма говоритъ въ отвѣтъ на ея упреки: „каждое изъ этихъ колецъ я добыла чистотою души и красотою тѣла, и по царски расплачивалась за нихъ“. Въ чемъ же состояла эта царски щедрая расплата? Отъ самой Альмы мы узнаемъ, что художникъ Будаевскій по прозванію Ландышъ „сажалъ ее къ себѣ на колѣни“ и дѣлалъ съ ней еще что-то, объ чемъ она „не въ силахъ вспомнить“. Къ Сухонину она сама сдѣлала „первый шагъ“. „Вотъ здѣсь въ этой комнатѣ, — разсказываетъ она, — я стала цѣловать его, прижимать его руки къ своей груди, чувствовала ихъ робкую неподвижность и еще сильнѣе прижимала... Я первая предложила ему говорить мнѣ: ты. Я доводила его своими ласками до безчувствія и онъ тихо спрашивалъ: кто научилъ тебя такъ цѣловать?“ Принимая въ соображеніе, что, готовясь къ самоубійству, Альма не только Сухонину и Будаевскому написала: „умираю, потому что люблю васъ“, а „и другимъ“; принимая это въ соображеніе, надо признать, что и по части „тѣла“ она была дѣвица опытная уже до перваго дѣйствія трагедіи. Но и во второмъ дѣйствіи, черезъ три слишкомъ года, она „не уклонялась отъ ласкъ“ Будаевскаго. Можетъ быть, это и очень щедрая расплата, но едва ли вполнѣ приличествуетъ „святости“, „цѣломудрію“, солнцеподобію, „недосягаемости“ „чистотѣ“... Альма боялась „уродства беременности“, но внѣ этого была, повидимому, дѣйствительно очень щедра...

Еще одна черта характера Альмы. Въ дневникѣ ея записано: „Довольствоваться любовью одного человѣка такъ же странно, какъ довольствоваться исцѣленіемъ одного больного“. Поэтому-то она и устраиваетъ себѣ цѣлую цѣпочку изъ обручальныхъ колецъ и пишетъ Сухонину, Будаевскому „и другимъ“: „умираю, потому что люблю васъ“. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы „странное“ для ея солнцеподобія было и для прочихъ смертныхъ странно, чтобы правило ея жизни было обязательно или даже только дозволительно для людей вообще. Она „не можетъ допустить, чтобы

ей говорилъ о любви тотъ, кто отъ нея уйдетъ къ другой женщинѣ". Сажай ее къ себѣ на колѣни и вообще пользуйся ея щедротами, но отнюдь не думай, что странно довольствоваться любовью одного человѣка. „Отъ всѣхъ, кто меня любилъ,—говоритъ она, — я требовала новой жизни и, конечно, разрыва съ прежней семьей". И вообще она столь строга къ другимъ, что спрашиваетъ Сухонина: „Зачѣмъ ты остригъ волосы, не спросясь?" Въ разговорѣ съ женой доктора Стрижа она въ двухъ сосѣднихъ репликахъ, отдѣляемыхъ, буквально, десятью словами собесѣдницы, высказываетъ слѣдующее: „Я не привыкла, чтобы другіе распоряжались моей волей", и: „Еще никто не уходилъ отъ меня по доброй волѣ".

Это — не индивидуализмъ, г. Батюшковъ! Индивидуализмъ ставитъ въ центрѣ міропониманія личность, какъ таковую, а не г-жу солнцеподобную Альму; онъ требуетъ уваженія къ личности, своей и чужой. Это деспотизмъ, аристократизмъ, эгоизмъ, „эготизмъ", „ячество" (терминъ покойнаго Шелгунова), все, что хотите, но ни въ какомъ случаѣ не индивидуализмъ.

По французской поговоркѣ, всякій дуракъ находитъ еще большаго дурака, который имъ восхищается. Это относится не только къ глупости, а и къ дрянности, и къ изломанности, которая, впрочемъ, всегда граничитъ если не съ прирожденной, хронической глупостью, то съ острой одурѣлостью. Я не удивляюсь поэтому, что Альма окружена поклонниками и поклонницами, видящими въ ней и въ самомъ дѣлѣ чуть не божество; тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ она даже до невѣроятности пустая, дрянная и безъ всякаго основанія самовлюбленная дѣвченка, обращающаяся со второго дѣйствія въ пустую, дрянную и безъ всякаго основанія самовлюбленную бабенку. Не удивляетъ меня и то, что г. Минскій создалъ эту комбинацію: для него „нѣтъ двухъ путей добра и зла, есть два пути добра". Но какъ бы ни относился онъ къ солнцеподобію Альмы вообще, позволительно спросить: почему предоставилъ онъ ей роль перваго борца за свободу? Оставимъ въ покоѣ тѣни тѣхъ тысячъ и тысячъ людей, которые раньше боролись за свободу и усѣяли поле жизни своими костями. Пусть вся сумма напряженности ихъ мысли и вся пролитая ими кровь ничего не стоятъ въ сравненіи съ единымъ какимъ нибудь вздоромъ, слетѣвшимъ съ устъ божественной Альмы. Пусть. Но, согласитесь — какой же это борецъ за свободу, который дѣлаетъ выговоръ другому человѣку: „зачѣмъ ты остригся, не спросясь?" Какихъ хитросплетенныхъ понятій ни вставляй въ слово „свобода", а изъ обязанности спрашивать позволенія остричься элемента свободы не сдѣлаешь. Скажутъ: это внѣшность, а дѣло идетъ о внутренней свободѣ, которую, по выраженію г. Батюшкова,

можно усмотрѣть только при помощи своего рода Рентгеновыхъ лучей. Если, однако, отъ Альмы никто „по своей волѣ не уходилъ“, то и Рентгеновы лучи тутъ свободы не откроютъ. Да, вѣдь, Альма и не скрываетъ, что ей нужны не свободные люди, а рабы: не даромъ она сдѣлала себѣ цѣпочку изъ колецъ, какъ „знакъ власти“ своей. Но эта курьезная цѣпочка имѣетъ двоякое значеніе: она есть символъ не только власти Альмы, а, пожалуй, еще въ большей степени ея рабства. Какъ она добываетъ кольца—звенья этой цѣпочки? Вы помните,—она должна была надѣвать „калоши“ лжи, по просту лгать, „двигаться, говорить, думать, какъ это дѣлалъ бы идеалъ“ того, чье кольцо она хочетъ получить. Если лживость вообще есть одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ рабской натуры, то подумайте, какой рабой въ частности должна быть Альма, никогда не будучи сама собой и постоянно поддѣлываясь подъ чужія требованія. Какая ужъ это свобода!

И я возвращаюсь къ вопросу: почему же г. Минскій возложилъ на Альму столь специально неподходящую для нея роль борца за свободу? Можно бы еще спросить: какой она борецъ вообще, за что бы то ни было, когда она сама говоритъ: „бороться уродливо и побѣждать уродливо, потому что побѣда — то же насиліе и поврежденіе“; и еще: „я боюсь поступковъ; въ каждомъ изъ нихъ, въ добромъ и зломъ, есть что-то дешевое, механическое, размахъ и навыкъ машины“. Но это мы лучше оставимъ, потому что въ дѣйствительности Альма совершаетъ цѣлый рядъ поступковъ, притомъ чрезвычайно рѣшительныхъ: мы видѣли, что при добываніи колецъ для цѣпочки ей „приходилось быть жестокой, разбивать семьи, видѣть много слезъ“, затѣмъ она отравилась (или продѣлала комедію самоотравленія), а далѣе насъ ждетъ еще цѣлый рядъ ея поступковъ, изумительныхъ по своей смѣлости и рѣшительности. Итакъ, оставимъ это странное недоразумѣніе—ихъ не оберешься въ трагедіи г. Минскаго — и сосредоточимся на причинахъ выбора г. Минскимъ Альмы въ представительницы свободы.

Я думаю, дѣло происходило такъ. Г. Минскій давно уже обуреваемъ нѣкоторымъ сумбуромъ мысли, сказавшимся, какъ въ его зигзагообразной литературной дѣятельности вообще, такъ въ особенности въ книжкѣ „При свѣтѣ совѣсти“. Поэтъ онъ былъ когда-то яркій, ясный и многообѣщающій. Но обѣщанія эти лопнули, какъ лопается пузырь, проколотый иголкой; роль иголки выполнилъ въ данномъ случаѣ сумбуръ мысли и, какъ результатъ этого сумбура, пламенное желаніе сказать нѣчто новое, совершенно оригинальное, отъ сотворенія міра неслыханное,—это общая болѣзнь нашего бѣднаго настоящею оригинальностью времени. Въ книжкѣ „При свѣтѣ совѣсти“ онъ и попытался дать такое неслыханное. Попытка вышла неудачною, частью потому, что, помимо сумбура мысли, въ книжкѣ философія подмѣнена поэзіей,

да еще поэзіей дурного, напыщеннаго тона. Теперь съ г. Минскимъ, „съ первымъ изъ людей“, пошепталась свобода, проще говоря, онъ составилъ себѣ извѣстное понятіе объ истинной свободѣ, которое кажется ему неслыханно новымъ и оригинальнымъ. Но, наученный опытомъ, онъ уже не пытается изложить свои мысли въ философскомъ трактатѣ, а прибѣгаетъ къ болѣе привычной и болѣе свойственной ему художественной формѣ. Къ сожалѣнію, онъ попадаетъ при этомъ изъ огня въ полымя. Если въ книжкѣ „При свѣтѣ совѣсти“ философія подмѣнялась поэзіей въ видѣ слишкомъ громкихъ метафоръ, крикливыхъ до невозможности образовъ, цвѣтистыхъ, напыщенныхъ до безсодержательности фразъ, то въ „Альмѣ“—произведеніи художественномъ—мы имѣемъ явно намѣренную сухость, схематичность, безцвѣтность, безжизненность образовъ; не говоря уже о разныхъ весьма не поэтическихъ „калошахъ“ и т. п. и о мозаично-подражательномъ характерѣ всей трагедіи. Но этого мало. Въ чемъ состоитъ неслыханно новое понятіе объ истинной свободѣ, это мы сейчасъ увидимъ (оно столь же мало оригинально, какъ и самая форма трагедіи, если не считать нѣкоторыхъ завитушекъ). Какъ бы то ни было, но въ тотъ „часъ утра“, когда свобода шепталась съ г. Минскимъ, передъ нимъ мелькалъ совершенно посторонній этой свободѣ женскій образъ. Увлекшись этимъ образомъ до того, что ему стали милы даже всѣ его очевидныя дрянности и утратилось всякое различіе между добромъ и зломъ, онъ чисто механически вдвинулъ его въ свою трагедію, имѣвшую цѣлью поэтическое воспроизведеніе новаго понятія о свободѣ, сдѣлалъ изъ въ конецъ изломанной и изолгавшейся Альмы носительницу совершенно чужого ей принципа.

Посмотримъ же на этотъ принципъ по возможности независимо отъ Альмы, а остальныхъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи и совсѣмъ обойдемъ. Всѣ они тонутъ въ лучахъ солнцеподобной героини, а мнѣ кажется, я и безъ того слишкомъ долго занимаю вниманіе читателей трагедіей г. Минскаго. Можно бы было очень позабавиться, напримѣръ, сестрой Альмы, Ветой (Елизавета), которая время отъ времени ни къ селу, ни къ городу выпаливаетъ два слова: „нѣтъ страданій“, „страданій нѣтъ“; и никто не догадается спросить—что это значитъ? и къ чему это она? и почему, утверждая на стр. 55, 85, 137, 200: „нѣтъ страданій“, она на стр. 64—65 говоритъ: „Я такъ боюсь страданій, что одна мысль о нихъ внушаетъ мнѣ гадливость. Прежде, когда Ландышъ плакалъ, я его жалѣла, а жалѣть значитъ уже страдать. Страданія кажутся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ клоповъ“(?!) За всѣми подобными „серьезными и грозными“, трагическими забавностями въ „Альмѣ“ не угоняешься. Можетъ быть, впрочемъ, кое-что изъ нихъ и придется помянуть.

Альма „пала“, то есть полюбила обыкновенною человѣческою любовью, вышла замужъ, а вслѣдъ затѣмъ испытала „уродство

беременности“ и родила дѣвочку. Отъ всего этого она чувствуетъ ущербъ не только своей небесной красотѣ (личная черта самой Альмы), но и свободѣ (черта философіи г. Минскаго). Ее мучитъ сознаніе опредѣленной привязанности къ мужу и дочери. „Принудительная, навязанная судьбой любовь къ опредѣленному существу“ кажется ей „унизительнымъ рабствомъ“. Поэтому, когда она забеременѣла, она рѣшила, что они будутъ жить съ мужемъ, „какъ братъ съ сестрой“ (что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей „не уклоняться отъ ласкъ“ Будаевскаго); а родивъ дѣвочку и сама выкормивъ ее, она предприняла чрезвычайно сложное и смѣлое дѣло. Она устроила пріютъ для дѣтей, первое условіе пріема которыхъ состоитъ въ отказѣ родителей отъ какихъ бы то ни было правъ на нихъ. Родителямъ не выдаются никакія квитанціи, и они, если бы администрація пріюта съ Альмой во главѣ даже пожелала возвратить имъ ребенка, не могутъ его получить обратно, потому что не могутъ его узнать. Администрація сдѣлала все, чтобы даже отъ самой себя скрыть происхожденіе дѣтей: сидѣлки мѣнялись, дѣтей ночью, въ темнотѣ, переносили изъ кровати въ кровать, изъ комнаты въ комнату. Дочь Альмы содержалась отдѣльно, но это не была ея дочь, потому что она тоже вошла въ общую перетасовку, и это знала только она, да ея помощница, но не знали ни ея сестра, ни мужъ, ни мать мужа. Все это Альма продѣлываетъ во имя свободы отъ материнскаго инстинкта. Въ сценахъ, представляющихъ очень плохое подражаніе нѣкоторымъ моментамъ изъ Ибсеновыхъ „Эллиды“ и „Маленькаго Эйольфа“, Альму какая-то магнетическая сила тянетъ къ ея настоящей дочери, изображается борьба свободы съ инстинктомъ, „свободной Альмы“ съ „первобытной самкой“. Подложная дочь Альмы умерла, и только тогда тайна открылась для мужа Альмы и его матери, которые пришли въ ужасъ отъ жестокости опыта (насколько способны выразить ужасъ такія деревянныя фигуры), но очень быстро перемѣнили это настроеніе на восторгъ передъ величіемъ души Альмы. Они остались блюсти за пріютомъ, а Альма, вмѣстѣ съ своей помощницей, устроила больницу для прокаженныхъ, въ которой и поселилась. Ушла она въ этотъ міръ болѣзни, скорби и безобразія, ради всей той-же свободы. „Мнѣ казалось,—говоритъ она,—что я не смогу свободно любить красоту, если не примирюсь съ безобразіемъ“. „Чтобы стать свободной, нужно было переломить себя, вырвать съ корнемъ всѣ инстинкты и привязанности, совершить нѣчто ужасное, мучительное, можетъ быть и безцѣльное“. Ради опять таки свободы Альма, рискуя заразиться, христосуется съ прокаженными. Она хочетъ этимъ актомъ „убить привязанность къ себѣ самой, сдѣлать то, противъ чего возмущается вся ея природа, обнять безобразіе“. А когда она заразилась, ея сестра и помощница рѣшаютъ отравить ее, потому что—„Альма и безобразіе, этотъ союзъ долженъ

быть порванъ какъ можно скорѣе". Альму отравляютъ, но сообщаютъ ей объ этомъ уже post factum; однако, она умираетъ спокойно, завѣщая своей помощницѣ: „Соня, молю тебя, не унижайся до любви къ человѣку, кто бы онъ ни былъ. Люби безличное, безсодержательное, нечеловѣческое".

Эта проповѣдь любви къ безличному, безсодержательному, нечеловѣческому очень сближаетъ Альму съ окружающими, благоговѣйно и молитвенно предъ ней преклоняющимися. Такъ, художникъ Будаевскій объявляетъ, что „въ живописи содержаніе ничего не значитъ" и что онъ „рѣшилъ писать картины безъ всякаго содержанія". Вета заявляетъ, что на лицахъ его картинъ и „не должно быть никакого выраженія; есть-же такая глубина, куда выраженіе уже не доходитъ". Когда Альма похристосовалась съ прокаженными, то, по словамъ ея помощницы, на лицѣ ея „была полнота выраженія и потому отсутствіе всякаго опредѣленнаго выраженія". За итогъ всѣхъ этихъ слагаемыхъ можно принять слова Альмы, обращенныя къ прокаженнымъ: „Когда вы оглядываетесь вокругъ себя, на судьбу, на прошлое, на будущее,—не правда ли, вы видите священную пустоту, и вы свободны"...

„Священная пустота"... Это напоминаетъ мнѣ буддійское требованіе: стараться „уразумѣть смыслъ основныхъ свойствъ пустоты", то есть того, что не имѣетъ никакихъ свойствъ и опредѣляется только отрицательными чертами, — „бездна пустоты безъ протяженья и границъ, безъ неба, свѣта и свѣтилъ, безъ времени, безъ дней и лѣтъ, безъ благъ и бѣдъ, ни жизнь, ни смерть". Но и вообще тенденція трагедіи г. Минскаго, насколько ее понимать можно, совпадаетъ съ буддійскимъ аскетизмомъ. И не даромъ Альма убѣждаетъ нѣкую Верейкину, мать одной изъ перетасованныхъ въ пріютѣ дѣвочекъ, тщетно желающую получить свою дочь обратно (тщетно, потому что дѣти перетасованы и узнать дочь Верейкиной нельзя), чтобы она радовалась своимъ мученіямъ, „какъ въ монастыряхъ: когда больно, радуются; тамъ борьба за святость, тутъ за свободу". Недаромъ Альма говоритъ, что ушла къ прокаженнымъ, „какъ уходятъ въ пустыню, чтобы закалить свои силы". Что это есть тяготѣніе именно къ подобію буддійскаго монастыря, буддійской пустыни, видно изъ слѣдующаго. Въ одинъ прекрасный или, вѣрнѣе, напротивъ, въ одинъ прескверный день Альма дѣлаетъ открытіе, что „красоты нѣтъ". И, конечно, это прескверный день, какъ для самой Альмы, блещущей „красотою тѣла", такъ и для ея многочисленныхъ поклонниковъ. Но интересны мотивы отрицанія Альмы: „Все хорошо, что хорошо кончается,—говоритъ она,—и все дурно, что кончается дурно. А въ жизни все кончается дурно, и вся жизнь сплошное зло. Молодость ведетъ къ старости, здоровье къ болѣзнямъ, радость къ страданіямъ, жизнь къ смерти и красота къ уродству". Это чуть не буквальный сколокъ съ основныхъ истинъ буддій-

ской мудрости о перевѣсѣ страданій надъ наслажденіями въ общемъ итогѣ жизни и тщетѣ всѣхъ нашихъ радостей, наслажденій, желаній. Отсюда выводъ: надо *освободить* сознаніе отъ соприкосновенія со всѣмъ внѣшнимъ міромъ до возможно полной безсодержательности и прежде всего *освободиться* отъ всякихъ желаній. Въ менѣе яркихъ формахъ такая „свобода“ практиковалась и практикуется подвижниками всѣхъ временъ и народовъ. Такова-же она и въ трагедіи г. Минскаго, который, очевидно, не первый изъ людей услышалъ ея голосъ. Но, не говоря о томъ, что въ той „священной пустотѣ“, въ которую стремится Альма, нѣтъ ничего, а слѣдовательно, и свободы, для достиженія этой пустоты необходимо отреченіе отъ свободы. Нужно воздерживаться отъ того, что хочешь дѣлать, и дѣлать то, чего не хочешь. Такъ и поступали аскеты всѣхъ временъ и народовъ. Такъ поступаетъ и Альма, насколько въ ея поведеніи есть какой нибудь смыслъ. Стремясь порвать со всѣми привязанностями, потребностями и инстинктами, она надѣваетъ на себя тяжелыя вериги и кается, если вериги эти оказываются для нея неудобоносимыми или она для нихъ слишкомъ слабою. Она настояще любитъ Сухонина и въ этомъ видитъ свое паденіе, а затѣмъ поднимается, живя съ мужемъ, какъ сестра съ братомъ. Она любитъ свою дочь, ее тянетъ къ ней, но она не отдается свободно этому чувству и устраиваетъ между собой и дочерью хитросплетенную преграду. Она любитъ красоту и не даетъ свободы этому чувству, принудительно загоняя себя къ прокаженнымъ. Словомъ, она совершаетъ цѣлый рядъ аскетическихъ подвиговъ, и если въ примѣненіи къ нимъ умѣстно слово „свобода“, такъ развѣ въ смыслѣ свободы отъ свободы. Послѣдовательности ради Альмѣ надлежало бы бороться и съ чувствомъ голода, и съ потребностью дыханія, или же прямо кончить тѣмъ, отъ чего она начала въ первомъ дѣйствіи, то есть самоубійствомъ.

Смерть есть „великое освобожденіе“, говоритъ Альма, готовясь умереть. Если не смерть, то единственное въ своемъ родѣ изобрѣтеніе фантастическаго индусскаго ума, нирвана,—ни жизнь, ни смерть, ни сонъ, ни бдѣніе,—таковъ идейный итогъ „Альмы“. И хотя идея эта была провозглашена уже тысячи лѣтъ тому назадъ, героиня трагедіи, съ разрѣшенія автора, гордо заявляетъ: „Я первая затѣяла борьбу за свободу; на смѣну мнѣ придутъ болѣе сильные“. Значитъ, Альма есть первая ласточка, провозвѣстница грядущаго, а не повтореніе стародавняго. Но, завѣщая далѣе своей помощницѣ „не унижаться до любви къ человѣку“ и „любить безличное, безсодержательное, не человѣческое“, Альма прибавляетъ: „Пойми, *когда-то* любили, потому что считалось нужнымъ ненавидѣть. *Теперь* не стало враговъ, некого больше ненавидѣть, и любовь должна умереть, любовь къ тому, что умираетъ“. Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что дѣло идетъ

не о стародавнемъ и не о грядущемъ, а о настоящемъ, ибо уже *теперь* не считается нужнымъ ненавидѣть кого бы то ни было, уже теперь „не стало враговъ“, левъ мирно спитъ рядомъ съ агнцемъ, убаюкиваемый соловьиной пѣсней, клопы, въ изящномъ образѣ которыхъ сестра Альмы представляетъ себѣ страданія, разгуливаютъ въ долинѣ розъ, питаясь единственно ихъ ароматомъ и т. д. Нѣтъ враговъ, какъ „нѣтъ страданій“, по увѣренію Веты, и „нѣтъ красоты“, по увѣренію Альмы; да и вообще ничего нѣтъ, кромѣ основныхъ свойствъ пустоты и—простите меня—ерунды...

Если, однако, по мнѣнію Альмы, грядущее уже слилось съ настоящимъ, то докторъ Стрижъ иначе смотритъ на дѣло. Мы видѣли, что Альмина эротоманія есть „недугъ завтрашняго дня“, хотя уже сегодня „изъ десяти современныхъ женщинъ одна эротоманка“. Но докторъ Стрижъ констатируетъ наличность еще одной грядущей болѣзни, по отношенію къ которой онъ является первой ласточкой. Болѣзнь эта называется аэтіей и состоитъ въ „неспособности образовать привычки“. „Я ни къ кому и ни къ чему не привязанъ,—говоритъ онъ.—Потеряй я человѣка, съ которымъ прожилъ десять, двадцать лѣтъ, и я завтра не вспомню о немъ. Мое сердце лишилось памяти. Это и есть нравственное помѣшательство. Будущее принадлежитъ силѣ отталкиванія, одиночеству, индивидуализму, жестокости“. Отсутствіе привязанностей, повидимому, уравниваетъ болѣзнь доктора Стрижа съ идеаломъ Альмы, которая смотритъ на каждую привязанность, какъ на рабство. Но обратите вниманіе на разницу въ окончательныхъ выводахъ: Альма провидитъ исчезновеніе любви собственно потому, что враговъ не будетъ или даже и сейчасъ нѣтъ, а Стрижъ ждетъ въ будущемъ торжества жестокости въ связи съ „индивидуализмомъ“, который, повидимому, долженъ сдѣлать всѣхъ и каждаго врагами всѣхъ и каждаго...

Читатель спроситъ, можетъ быть, что заставляетъ меня такъ долго возиться съ трагедіей г. Минскаго, разъ я считаю ее явно нелѣпою по формѣ и содержанію? Не имя же автора, когда-то почтенное, но уже давно скомпрометированное? Конечно, нѣтъ. Мало ли мы такихъ метаморфозъ видали! Но дѣло въ томъ, что произведеніе г. Минскаго чрезвычайно типично для нашего декадентства. Трудолюбивая пчелка извѣстнаго нѣмецкаго дѣтскаго стихотворенія „flog emsig hin und her und sog Süssigkeit aus allen Blumen“, а на замѣчаніе, что есть и ядовитые цвѣты, возразила: „das Gift lass ich darin“. Г. Минскій поступаетъ какъ разъ наоборотъ: порхая по цвѣтамъ европейской литературы, онъ именно ядъ-то и извлекаетъ изъ нихъ, не заботясь о томъ, что вѣдь это яды съ совершенно разныхъ цвѣтовъ. Между прочимъ, изъ за приведенной фразы доктора Стрижа на читателя явственно смо-

трять глаза Ничше. Но въ то время, какъ Ничше ждетъ отъ своего „индивидуализма“ и жестокости—здороваго, могучаго человѣчества, докторъ Стрижъ видитъ тутъ „нравственное помѣшательство“. И онъ правъ, пожалуй, отчасти, потому что въ ученіи Ничше, дѣйствительно, есть эта струя, но почему именно ее извлекаетъ г. Минскій, оставляя нетронутою здоровую часть ученія? Извлекаетъ и преклоняется передъ ней. И точно такъ же его прельщаетъ все нелѣпое или натянутое, фальшивое или больное, полумертвое и въ Метерлинкѣ, и въ Ибсенѣ, и въ буддизмѣ.

Можетъ быть, въ будущемъ человѣчеству предстоитъ именно то, что ему предрекаютъ, а отчасти и въ себѣ лично осуществляютъ, съ одной стороны, Альма, а съ другой—докторъ Стрижъ. Будущее темно, и сколько нибудь точное предвидѣніе простирается въ эту темноту не далѣе историческаго дня, а еще далѣе все есть дѣло вѣроятностей и возможностей, надеждъ и опасеній, вѣрованій и стремленій. Можетъ быть, поэтому, повторяю, человѣчеству предстоитъ пережить періодъ „нравственнаго помѣшательства“, эротоманіи и аэтіи, періодъ картинъ (и вѣроятно книгъ) безъ содержанія и лицъ безъ выраженія, періодъ жестокости или полнаго безразличія. Все это въ отдѣльныхъ экземплярахъ и сейчасъ есть, но, какъ всеопредѣляющее и единогосподствующее, есть, допустимъ, дѣло будущаго. Истинное декадентство состоитъ не въ предвидѣніи всего этого уродства въ будущемъ, а въ щегольствѣ имъ или въ благоговѣйномъ къ нему отношеніи въ отдѣльныхъ экземплярахъ настоящаго времени. Альма щеголяетъ своей эротоманіей, какъ Будаевскій—отсутствіемъ содержанія въ картинахъ и выраженія въ портретахъ, какъ Стрижъ—своей аэтіей, а г. Минскій любуется всѣмъ этимъ сумашедшимъ домомъ, зная, что это сумашедшій домъ, но видя въ его обитателяхъ провозвѣстниковъ свободы, которая и ему самому прошептала не мало вздора. Если эротоманія и аэтія—болѣзни, то Альму и Стрижа надо лѣчить; надо лѣчить и г. Минскаго, окружающаго этихъ больныхъ ореоломъ свободы. Но въ высшей степени вѣроятно, что и Альма, и Стрижъ, и ихъ творецъ просто ломаются, дабы исполнилось выраженное, однажды, г. Минскимъ желаніе: „Я желаю стоять на возвышенномъ средоточіи земли, чтобы всѣ люди, склоненные, толпились кругомъ и славили меня“. Но чтобы занять такое положеніе, надо его заслужить чѣмъ нибудь, надо совершить что нибудь великое,—скажетъ читатель. Зачѣмъ непремѣнно великое? Достаточно чего нибудь замѣчательнаго въ какомъ-бы то ни было смыслѣ или даже просто замѣтнаго. Мѣряя всѣхъ людей на свой аршинъ, г. Минскій утверждалъ „при свѣтѣ совѣсти“, что „горбунъ шагаетъ по улицѣ съ сознаніемъ своей замѣчательности“. И вотъ, за невозможностью совершить великое, г. Минскій пишетъ трагедію „Альма“, дѣйствующія лица которой, по той-же причинѣ, щеголяютъ нравственнымъ помѣшательствомъ.

Героиня трагедіи г. Минскаго—эротоманка, самъ онъ этой болѣзни, въ качествѣ мужчины, не можетъ быть подверженъ. Тѣмъ не менѣе между ними много общаго, и именно больного, что можно бы было дѣйствительно назвать особымъ видомъ нравственнаго помѣшательства. Это—болѣзнь fin de siècle, конца XIX вѣка, захватывающая уже и XX-й, и выражается она страстнымъ, непреодолимымъ желаніемъ выпятить на всеобщее удивленіе свое *я*, какъ бы оно ни было ничтожно и хотя бы для этого пришлось обнажить отвратительныя гнойныя язвы или какое бы то ни было другое, прирожденное или благопріобрѣтенное, безобразіе. „Я отвратителенъ, (а можетъ быть и совсѣмъ не такъ ужъ, какъ хочу казаться), но горжусь этою отвратительностью, потому что именно ею разсчитываю привлечь къ себѣ общее вниманіе",—таковъ внутренній, интимный характеръ этого рода явленій, несомнѣнно болѣзненныхъ, хотя, какъ говоритъ докторъ Стрижъ объ эротоманіи Альмы,—„не изъ клиническихъ"; людей, одержимыхъ болѣзнью конца вѣка, „нельзя ни посадить въ лѣчебницу, ни отдать подъ опеку". Болѣзнь эта имѣетъ свои корни въ общественныхъ условіяхъ, главнымъ образомъ, старой Европы. Тамъ историческій процессъ въ значительной мѣрѣ подточилъ едва ли не всѣ узы, — религіозныя, семейныя, политическія, національныя, разнообразныя общественныя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—сковывавшія когда-то личность. Время отъ времени эти узы какъ будто даже необыкновенно крѣпнутъ, когда, напримѣръ, оскорбленный мужъ считаетъ себя *въ правѣ* убить невѣрную жену во имя святости семейнаго очага, или когда вспыхиваетъ яростная національная вражда, объединяющая людей одной народности, и т. п. Но ослабленіе общественныхъ узъ, цѣлые вѣка нароставшихъ, въ теченіе вѣковъ же медленно, но неуклонно идетъ впередъ, и вылупляющаяся изъ нихъ личность требуетъ простора и воли. Куда приведетъ этотъ процессъ,—это, какъ уже сказано, есть дѣло вѣроятностей и возможностей, надеждъ и опасеній, а не достовѣрныхъ предвидѣній. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ мы видимъ, что вылупляющаяся изъ вѣковыхъ общественныхъ узъ личность выбираетъ разные пути, изъ которыхъ насъ здѣсь интересуетъ только одинъ—путь нравственно-помѣшанныхъ на своемъ выпяченномъ *я*.

Что дѣйствующія лица трагедіи г. Минскаго страдаютъ эротоманіей и аэтіей, морфиноминіей, пишутъ портреты безъ выраженія, ни къ селу, ни къ городу говорятъ: „нѣтъ страданій", а самъ творецъ ихъ утратилъ вкусъ плодовъ древа познанія добра и зла; что вообще вся трагедія напоминаетъ больницу для умалишенныхъ,—это, конечно, характерно. Но, можетъ быть, всѣ эти господа и просто лгутъ на себя, ломаются, „дабы всѣмъ виднымъ быть". Вета, напримѣръ, отлично знаетъ, что страданія есть, знаетъ даже, что они похожи на клоповъ... Дѣйствительно-

ли Альма и компанія больны тѣми спеціальными видами душевнаго разстройства, которыми они щеголяютъ, или притворяются,—главная и общая ихъ болѣзнь состоитъ въ томъ, что они и въ томъ, и въ другомъ случаѣ именно щеголяютъ: на-те, смотрите, каковъ *я*! Но г. Батюшковъ (какъ и многіе другіе) совершенно напрасно называетъ это явленіе индивидуализмомъ. И точно также докторъ Стрижъ совершенно напрасно считаетъ себя предтечей грядущаго торжества силы отталкиванія, индивидуализма и одиночества. Не касаясь, за недостаткомъ времени и мѣста, вопроса о томъ, насколько законно сопоставленіе индивидуализма, съ одной стороны, и одиночества и силы отталкиванія—съ другой, за одну скобку, спросимъ только: почему докторъ Стрижъ одинокъ и почему онъ индивидуалистъ? Онъ состоитъ въ числѣ поклонниковъ Альмы, а она стоитъ во главѣ нѣкотораго государства и, въ качествѣ таковой, носитъ даже установленный ею самой „знакъ власти"—цѣпь изъ обручальныхъ колецъ. Подданныхъ своихъ она держитъ въ такой строгости, что не позволяетъ имъ даже стричься безъ спросу, а когда докторъ Стрижъ отказывается прописать ей ядъ, она съ негодованіемъ восклицаетъ: „И вы, какъ всѣ, умѣете бороться и проявлять свою волю!" Столь велика сила дисциплины въ этомъ царствѣ Альмы, что никто „по своей волѣ" изъ него удалиться не можетъ. „Я считаю васъ началомъ безумнымъ и разрушительнымъ и поэтому подчиняюсь вамъ",—говоритъ докторъ Стрижъ. Ясно, что не сила отталкиванія, а, наоборотъ, сила притяженія вліяетъ на него. Ясно, что свободы онъ никакой не ищетъ и что его индивидуализмъ есть по истинѣ „пустая и глупая шутка". Но свое морфиноманство, свое „нравственное помѣшательство", „аэтію" и готовность подчиниться „безумному началу" онъ ни отъ кого не прячетъ, не стыдится ихъ, не скорбитъ и не ищетъ излѣченія,—напротивъ, онъ каждымъ своимъ словомъ гордо говоритъ: „вотъ онъ *я*!" Другое дѣло, повидимому, Альма. Она ничьей власти надъ собой не признаетъ, садится на колѣни къ кому хочетъ, презираетъ тѣхъ, кто „мечтаетъ о томъ, чтобы быть какъ всѣ", пуще всего избѣгаетъ рабства какъ передъ другими людьми, такъ и передъ собственными инстинктами и привязанностями. И ея выпяченное *я* имѣетъ, какъ будто, за себя нѣкоторыя логическія оправданія.

Не возвращаясь къ сказанному объ аскетической свободѣ отъ свободы, къ которой, въ концѣ концовъ, приходитъ Альма, позволю себѣ для уясненія дѣла маленькую параллель.

Недавно, говоря о повѣстяхъ и разсказахъ г-жи Лѣтковой, я указалъ общую всѣмъ имъ черту протеста противъ рабства. Нѣкоторыя подробности, какъ будто, сближаютъ героинь г-жи Лѣтковой съ Альмой. Какъ и героиня „Мертвой зыби", Альма не хочетъ жить, „какъ всѣ"; какъ и та, она видитъ рабство въ охватившей ее половой страсти. Но, присмотрѣвшись нѣсколько ближе,

мы увидимъ огромную разницу. Альма хочетъ быть „лучше всѣхъ“; Елена Борисовна („Мертвая зыбь“), какъ и другія героини разсказовъ г-жи Лѣтковой, хочетъ быть просто сама собой. Чтобы быть „лучше всѣхъ“, Альма систематически, сознательно лжетъ; для Елены Борисовны жить „какъ всѣ“ тяжело, именно потому, что при этомъ приходится лгать. Далѣе, Альма увидѣла рабство въ томъ, что привязалась къ человѣку душой и тѣломъ; Елена Борисовна пришла въ ужасъ, когда поняла, что ее связываетъ съ мужчиной *только* тѣло, а души у нихъ врознь глядятъ. И замѣтьте, что Елена Борисовна считаетъ себя „самою обыкновенною женщиной“, тогда какъ Альма есть перлъ созданія и въ дневникѣ своемъ серьезно сравниваетъ себя ни болѣе не менѣе, какъ съ „божествомъ“... Это несомнѣнно необыкновенно выпяченное *я*, но индивидуализмъ тутъ не причемъ: Альма испугалась, именно, своей индивидуальности, то есть недѣлимости души и тѣла...

Въ московской газетѣ „Новости Дня“ напечатана статья кн. А. И. Урусова объ „Альмѣ“. Статья эта, въ цѣломъ, мнѣ неизвѣстна, знаю только отрывокъ изъ нея, напечатанный въ петербургскихъ „Новостяхъ“. Къ сожалѣнію, отрывокъ этотъ весь посвященъ общей характеристикѣ г. Минскаго, какъ писателя, и собственно объ „Альмѣ“ въ немъ нѣтъ ни слова. Но отношеніе кн. Урусова къ трагедіи видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: „Даже враги Минскаго не станутъ отрицать, что онъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, несомнѣнно поэтъ, обладающій собственнымъ стихомъ, пишущій своимъ языкомъ, со своимъ темпераментомъ, словомъ, какой ни на есть оригиналъ, а не копія съ копій. Эта оригинальность, какъ все, что въ области искусства ново — усвоивается не легко, разстраиваетъ складъ привычекъ и традицій и, конечно, вредитъ популярности. Перепѣвы симпатичной, т. е. популярной „идейности“, всегда должны пользоваться бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ новые мотивы. Банальность — общедоступна“.

Совершенно вѣрно: банальность общедоступна. Но не въ этомъ, конечно, ея главный недостатокъ. И точно также не главное достоинство оригинальности въ томъ, что она — „новое слово“: разныя бываютъ новыя слова, да и выбѣжать голышомъ на улицу тоже вѣдь будетъ оригинально. Но разсуждать объ оригинальности по поводу „Альмы“ не приходится. Состряпать окрошку изъ Ничше, Ибсена, Метерлинка, буддизма, Толстого — еще не значитъ быть оригинальнымъ. По случаю этой же стряпни въ трагедіи г. Минскаго нѣтъ ничего серьезнаго и грознаго. И какъ ни нелѣпа она во всѣхъ отношеніяхъ, появленію ея можно радоваться, какъ свидѣтельству полнаго безсилія нашего декадентства.

Ник. Михайловскій.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь Г. Редакторъ!

Покорнѣйше прошу Васъ дать мѣсто этому моему возраженію на помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ Вашего журнала статью г. А. П. „Наши ремесленники", въ которой, по поводу недавняго съѣзда ремесленниковъ въ С.-Петербургѣ, авторъ этотъ особенно строго обрушивается на меня, какъ на одного изъ участниковъ съѣзда. Прошу Васъ объ этомъ прежде всего въ качествѣ лица, неоднократно удостоивавшагося чести сотрудничать въ Вашемъ журналѣ. Иначе я вѣроятно и не сталъ бы возражать противъ искаженія моихъ словъ, ибо, принимая участіе въ разныхъ видахъ общественной дѣятельности, достаточно обстрѣленъ со стороны рецензентовъ, особенно газетныхъ, въ интересахъ краткости своихъ отчетовъ нерѣдко жертвующихъ ихъ точностью. Въ данномъ случаѣ жертвою моего равнодушія къ такимъ искаженіямъ сдѣлался не только я самъ, но отчасти и мой строгій критикъ. Онъ повидимому всецѣло положился на газетные отчеты о съѣздѣ, на которомъ самъ или вовсе не былъ или бывалъ случайно. А я, будучи цѣлые дни занятъ на съѣздѣ, да и послѣ того, не интересовался газетными отчетами, и только одинъ разъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ участниковъ, печатно возразилъ на одно изъ многихъ, какъ теперь вижу, искаженій моихъ словъ (въ № Сѣв. Курьера отъ 20 марта). Но помимо личнаго повода считаю возраженіе мое умѣстнымъ въ интересахъ болѣе правильнаго освѣщенія самого съѣзда, какъ несомнѣнно довольно крупнаго общественнаго явленія. Вѣдь самъ-же г. А. П. признаетъ, что одной изъ главныхъ задачъ съѣзда было—пролить свѣтъ на эту темную и мало изслѣдованную среду ремесленниковъ. Меня лично съѣздъ съ этой стороны интересовалъ не менѣе, чѣмъ съ точки зрѣнія результатовъ его дѣятельности. Между тѣмъ въ изложеніи г. А. П. все дѣло окрашено въ гораздо болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, чему, отчасти, причиной было большинство газетъ, обрушившихся на съѣздъ, за исключеніемъ, кажется, одной только, хвалившей его какъ разъ за то, что заслуживало порицанія.

Прежде всего меня, однако, удивляетъ, что отъ этой, въ общемъ сѣрой или темной (и не по своей только винѣ), впервые собравшейся массы ремесленниковъ могли ждать какихъ-то великодушныхъ порывовъ, самопожертвованій и т. п., когда всякіе спеціаль-

ные съѣзды промышленниковъ всегда и вездѣ открыто защищаютъ свои узко-экономическіе или „классовые“ интересы. Но только большинство изъ нихъ еще при этомъ хлопочатъ о разныхъ видахъ правительственнаго содѣйствія, въ видѣ покровительственныхъ пошлинъ, многомилліонныхъ субсидій, права обирать потребителей (синдикаты), закабаленій рабочихъ особыми договорами и мѣрами наказаній, (напр. въ сельскомъ хозяйствѣ) и т. п. И все это продѣлывается со стороны лицъ и группъ, болѣе сильныхъ и просвѣщенныхъ; между тѣмъ эти маленькіе и темные люди ни о чемъ подобномъ не просили, а только выражали нѣкоторыя свои мнѣнія въ свойственной имъ болѣе грубой формѣ. Удивительны для меня эти разочарованія по поводу съѣзда своей наивностью; равно какъ и неожиданными для меня,—какъ и для многихъ непосредственныхъ участниковъ съѣзда,—явились многія его резолюціи и постановленія своими положительными качествами. Но о послѣднихъ г. А. П. вовсе умалчиваетъ, что едва-ли вяжется съ безпристрастнымъ сужденіемъ о дѣлѣ, да еще не въ спѣшной газетной статьѣ, а въ журнальной, для которой можно и должно было бы попользоваться и инымъ матеріаломъ, кромѣ газетныхъ отчетовъ (хотя бы печатавшимися для съѣзда его резолюціями, докладами и т. п.). Едва-ли можетъ для г. А. П. служить оправданіемъ голословное утвержденіе, относительно хорошихъ резолюцій, будто онѣ „были, спасены“ посредствомъ различныхъ уловокъ или проведены подъ шумъ царившаго на съѣздѣ гвалта“... Но, во первыхъ, шума и гвалта бываетъ значительно больше на многихъ изъ нашихъ общественныхъ собраній, (особенно нѣкоторыхъ обществъ, пользующихся для этого думскими залами). Во вторыхъ, такое объясненіе находится въ прямомъ противорѣчіи со всѣмъ дальнѣйшимъ изложеніемъ г. А. П., весьма картинно (хотя и съ чужихъ словъ), рисующаго намъ развитіе силы и сознанія своихъ интересовъ у ремесленниковъ, не ловившихся на удочки ораторовъ изъ интеллигентовъ и руководителей съѣзда. Отъ этихъ болѣе общихъ соображеній перейдемъ къ отдѣльнымъ примѣрамъ г. А. П.

На первомъ планѣ онъ ставитъ въ вину съѣзду постановленіе о продленіи рабочаго дня съ 10 часовъ до $11^1/_2$ и объ отмѣнѣ, будто бы, запрещенія ночной работы. Послѣдняго постановленія вовсе не было, а только указывалось на несоотвѣтствіе часовъ дневной работы отъ 6 утра до 6 вечера установившимся во многихъ мастерскихъ болѣе позднимъ часамъ начала и конца работы. Но неужели г. А. П. думаетъ, что если бы осуществился на дѣлѣ $11^1/_2$ часовой рабочій день, то это было бы его удлинненіемъ противъ дѣйствительности? Развѣ онъ не знаетъ, что 10-часовой день существуетъ лишь на бумагѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ работа продолжается до 14, 16 и даже 18 часовъ, о чемъ открыто заявлялось на томъ-же съѣздѣ? Я не хочу сказать, что принятіе

нормы въ $11^1/_2$ ч. имѣло своимъ основаніемъ желаніе сократить работу; нѣтъ, но это было результатомъ разговоровъ объ особой инспекціи, которая, если будетъ учреждена, то станетъ требовать соблюденіе этой нормы, какъ *максимальной*. Такъ вотъ съѣздъ и желалъ, чтобы эта норма была не меньше существующей для фабрикъ и заводовъ. Говоря объ этомъ вопросѣ, г. А. П. прямо не упоминаетъ о моемъ личномъ отношеніи къ нему; но тамъ, гдѣ онъ подводитъ итоги моимъ грѣхамъ, (на стр. 171), онъ даетъ понять, что я ничего противъ этого не имѣлъ, ибо принятіе $11^1|_2$ ч. дня, какъ и многое другое, „не нарушило трогательнаго согласія между ремесленнымъ сословіемъ и профессоромъ“. Между тѣмъ, при желаніи быть болѣе... точнымъ, г. А. П. могъ бы найти прямыя указанія въ цитируемомъ имъ № Сѣв. Курьера отъ 22 марта, гдѣ, хоть и не вполнѣ точно, но излагается мой споръ съ защитникомъ $11^1/_2$ ч. дня г. Волковымъ, и откуда ясно видно, что я не только стоялъ за 10 часовой день, но даже и отстоялъ его въ засѣданіи секціи, предшествовавшемъ общему собранію въ тотъ же день. И если на послѣднемъ я уже болѣе не боролся, то потому, что видѣлъ слишкомъ ясно выразившееся къ этому вопросу отношеніе большинства, которое въ другихъ случаяхъ мнѣ удавалось иногда переубѣждать своими разъясненіями, воззваніями къ стыду и совѣсти и т. д. Но г. А. П. одинаково вѣдь недоволенъ и тѣмъ, что я или другіе переубѣждали ремесленниковъ, называя это уловками, и тѣмъ, что иногда мы или я не протестовали противъ дурныхъ постановленій. А вѣдь въ сознаваемыхъ этой массой вопросахъ послѣднее, при успѣхѣ, могло бы привести къ тому, что о ремесленникахъ стали бы лучше думать, чѣмъ они того заслуживаютъ, къ чему я вовсе не стремился. О другихъ примѣрахъ скажу короче.

Вторымъ обвиненіемъ г. А. П. выставляетъ условіе принятія резолюціи объ отмѣнѣ ст. 1377 Улож. о наказ., т. е. о наказаніи малолѣтнихъ учениковъ розгами по суду, но съ сохраненіемъ права принятія мѣръ домашняго исправленія. При обсужденіи этого вопроса я не присутствовалъ, бывши въ это время въ другомъ засѣданіи; но узнавъ о такомъ рѣшеніи, я даже былъ скорѣе пріятно удивленъ: вѣдь оно прошло въ странѣ, въ которой не отмѣнено то-же тѣлесное наказаніе для громаднаго большинства взрослаго поселенія;, и въ то-же время розги и другія „чувствительныя“ наказанія оффиціально охраняются и закономъ, и судомъ и широко практикуются въ качествѣ педагогической мѣры въ такой, напримѣръ, культурной странѣ, какъ Германія. Все это грустно и обидно; но кто же могъ ждать или требовать, чтобы наши сѣрые ремесленники стали выше нѣмцевъ вообще.

Вопросъ о ремесленной инспекціи просто не ясенъ для г. А. П., какъ для неприсутствовавшаго на съѣздѣ и положившагося на газетные отчеты. Въ общемъ видѣ такой вопросъ и не ставился

на съѣздѣ (въ чемъ я никакъ не виноватъ, ибо не участвовалъ въ подготовительныхъ работахъ). Говорилось же о немъ въ связи лишь съ ученическими коммиссіями, проектированными раньше и принятыми на съѣздѣ въ видѣ учрежденій, во главѣ которыхъ должно стоять лицо, назначаемое правительствомъ не изъ ремесленниковъ, а членами могутъ быть и представители отъ послѣднихъ. Къ этому вопросу г. А. П. меня уже прямо пристегиваетъ, приписывая мнѣ слова, будто бы повліявшія на резолюцію въ смыслѣ учрежденія ремесленной инспекціи не изъ правительственныхъ лицъ или безъ оныхъ. Между тѣмъ при рѣшеніи и этого вопроса я не присутствовалъ, а потому былъ особенно удивленъ приписаніемъ мнѣ г. А. П. какихъ бы то ни было словъ; долго даже не могъ я доискаться—откуда онъ взялъ мою фразу: „немотивированный отказъ“ и пр., но, наконецъ, нашелъ ее въ № Сѣв. Курьеръ отъ 22 марта, гдѣ мнѣ действительно репортеромъ приписана эта фраза, но только относящаяся къ совершенно другому вопросу, а именно объ *обязательной* посылкѣ учениковъ въ вечерніе классы въ будни не менѣе 6 часовъ въ недѣлю, въ теченіе 3 лѣтъ обученія. Но это особо выдающійся примѣръ репортерскихъ неточностей: мнѣ здѣсь приписаны слова совсѣмъ другого оратора (правда не изъ ремесленниковъ), который указывалъ на предрѣшенность вопроса правительствомъ объ ограниченіи рабочаго времени учениковъ, за что онъ даже былъ остановленъ однимъ изъ членовъ бюро съѣзда, а затѣмъ можетъ быть онъ и окончилъ приписанной мнѣ фразой о немотивированномъ отказѣ. Я же, со своей стороны, тутъ опять боролся съ г. Волковымъ, который указывалъ на противорѣчіе этой резолюціи съ другой, ранѣе (и безъ меня) принятой въ ученической секціи и гласившей, что посылка въ эти классы желательна, но необязательна. На это я сказалъ слѣдующее (излагаю вкратцѣ): „Совѣтую вамъ, господа, вообще избѣгать подобныхъ этой послѣдней резолюцій, ибо онѣ не имѣютъ никакой цѣны и значенія, какъ простой отводъ глазъ. Говорите лучше прямо, что то или другое, по вашему мнѣнію, невозможно, а стало быть и нежелательно“ и т. д. И въ результатѣ, не смотря на усилія г.г. Волковыхъ и имъ подобныхъ, общимъ собраніемъ была отвергнута резолюція двусмысленная, а принята вышеизложенная въ категорической формѣ. Что это—тоже уловки и ухищренія, по мнѣнію г. А. П.?

Иногда обвиненія г. А. П. покоятся на простомъ незнаніи имъ дѣйствующихъ законовъ. Такъ случилось съ нимъ по поводу якобы установленнаго на съѣздѣ новаго крѣпостного права относительно учениковъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется имъ резолюція, вытекавшая изъ доклада прив.-доцента Тимофеева и предложенная имъ же, объ усиленіи наказанія до 100 р. штрафа для мастеровъ за переманиваніе учениковъ, находящихся по договору въ обученіи у другихъ мастеровъ. А сама по себѣ эта статья существуетъ въ

дѣйствующемъ Улож. о наказ. (1322), но только какъ она, такъ, къ сожалѣнію, и почти всѣ статьи, карающія за несоблюденіе ремесленнаго устава, предположены къ полной отмѣнѣ въ законопроектѣ новаго уголовнаго уложенія на томъ основаніи, что примѣненіе ихъ должно быть дѣломъ особой административной юстиціи, т. е. не существующихъ и даже еще не проектированныхъ ремесленныхъ судовъ.

На этомъ съѣздѣ мнѣ не удалось говорить объ этой статьѣ, но не скрою, что раньше — на Московскомъ съѣздѣ по техническому и профессіональному образованію, въ особой ремесленной секціи, въ 1896 г., я защищалъ сохраненіе въ законѣ какъ этой статьи, такъ и, въ особенности, двухъ другихъ, а именно 1378 и 1379, карающихъ мастеровъ за злоупотребленія мѣрами домашняго исправленія, за плохое довольствіе и содержаніе учениковъ и за занятіе ихъ болѣе домашнею работою, чѣмъ обученіемъ. И тамъ ремесленники высказались не только за сохраненіе этихъ статей, но и за усиленіе по всѣмъ имъ наказанія до лишенія права держать учениковъ вообще. Вопросъ же о переманиваніи учениковъ только для совершенно незнакомыхъ съ ремесленнымъ бытомъ можетъ казаться тождественнымъ съ переманиваніемъ взрослыхъ, напр., сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ чемъ заключается зло переманиванія учениковъ, было бы здѣсь долго распространяться; укажу только вкратцѣ, что отсюда не только вытекаютъ убытки по содержанію учениковъ въ первое время ихъ обученія, когда они еще не окупаютъ своего содержанія, но и вредъ для учениковъ, ибо, не доучившись у перваго мастера, они попадаютъ въ разрядъ очень скудно оплачиваемыхъ и вовсе далѣе не обучаемыхъ малолѣтнихъ рабочихъ. При полномъ отсутствіи другихъ средствъ обученія ремеслу—это одна изъ многихъ печальныхъ сторонъ современнаго ученичества, какъ вопроса, вообще довольно сложнаго и съ плеча неразрѣшимаго.

Вопросу объ ученикахъ на съѣздѣ посвящено было, даже по времени, пожалуй, всего больше вниманія. Резолюціи по сему вопросу особой, самой многолюдной „ученической“ секціи, числомъ 37, были отпечатаны къ концу съѣзда и съ нѣкоторыми улучшеніями приняты общимъ собраніемъ. Если бы г. А. П. хотѣлъ нарисовать дѣйствительную картину съѣзда, то онъ могъ бы достать эти резолюціи и долженъ бы былъ сказать о нихъ хотя вкратцѣ, а онъ ссылается только на двѣ изъ нихъ, по его мнѣнію, отрицательныя. Я же, хотя вовсе не желалъ выступать защитникомъ съѣзда изъ ремесленниковъ вообще, долженъ теперь привести хоть главнѣйшія или нихъ, потому что мнѣ ставится въ вину вообще отсутствіе у меня такого негодованія по поводу съѣзда, которое онъ возбудилъ въ г. А. П. и другихъ лицахъ, среди которыхъ я будто бы одинъ только не смущался проявленіемъ грубости, своекорыстія и пр. со стороны ремесленниковъ.

Между тѣмъ это послѣднее, во первыхъ, неправда, а во вторыхъ, я, дѣйствительно, видѣлъ на съѣздѣ двѣ стороны—и темную, и свѣтлую, и вотъ образцы послѣдней.

Развѣ не заслуживаетъ прежде всего признанія значенія крупнаго и отраднаго явленія слѣдующая резолюція:

„Съѣздъ находитъ, что всеобщее обученіе и грамотность необходимы для успѣховъ ремесленной промышленности; причемъ дѣти должны быть принимаемы въ ученіе въ мастерскія не иначе, какъ по окончаніи курса въ объемѣ одноклассной начальной школы; если-же по недостатку такихъ школъ, пріемъ такихъ только дѣтей невозможенъ, то принимающій учениковъ, не окончившихъ курса начальныхъ школъ, въ теченіе трехъ лѣтъ ученичества, долженъ дать ученику возможность закончить недополученное образованіе; безъ окончанія такого образованія не могутъ быть выдаваемы подмастерскіе дипломы. При этомъ съѣздъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы правительство, земскія и городскія учрежденія приложили всѣ усилія къ тому, чтобы въ мѣстностяхъ, гдѣ мало начальныхъ школъ, число ихъ было увеличено“. Противъ этой резолюціи особенно распинались г.г. Волковъ, Кортовичъ, Назаровъ, по словамъ г. А. П., имѣвшіе и тутъ блестящій успѣхъ; но въ результатѣ—*единогласное* принятіе ея какъ въ секціи, такъ и въ общемъ собраніи. (По поводу моей послѣдней рѣчи предъ баллотировкой этой резолюціи мнѣ и пришлось сдѣлать единственное возраженіе въ печати, въ № Сѣв. Кур., отъ 20 марта ибо первоначальное ея газетное искаженіе развѣ только и могло дать г. А. П. поводъ для разговоровъ о какихъ-то уловкахъ. Интересующіеся-же дѣломъ найдутъ разъясненіе, какъ въ указанномъ № газеты, такъ и вообще подтвержденіе всего мною здѣсь излагаемаго въ подлинныхъ отчетахъ о съѣздѣ, когда они будутъ напечатаны).

А вотъ и другія резолюціи, излагаемыя вкратцѣ: желательность различныхъ типовъ школъ: воскресныхъ, дополнительныхъ, профессіональныхъ; предоставленіе права держать учениковъ мастерамъ, только грамотнымъ и лично изучившимъ ремесло (какъ единственно могущимъ обучать ихъ); выработка программы обученія, облегченіе въ полученіи подмастерскихъ дипломовъ (равно какъ и единогласное признаніе необходимости существованія *на дѣлѣ* подмастерскихъ управъ—постановленіе другой секціи, разсматривавшей весь ремесленный уставъ и вообще давшей много интереснаго матеріала о ремесленномъ бытѣ). Далѣе приняты: обязательная регистрація учениковъ и заключеніе упрощенныхъ и удешевленныхъ договоровъ ученичества (какъ наиболѣе дѣйствительное средство контроля надъ ихъ положеніемъ); сокращеніе срока предварительнаго испытанія способностей малолѣтнихъ къ изученію даннаго ремесла съ 6 на 3 мѣсяца, устройство особаго надзора надъ учениками и вышеупомянутыхъ ремесленныхъ при-

сутствій и коммиссій по ученическимъ дѣламъ. Наконецъ, постановлено распространить на ремесленныхъ учениковъ и малолѣтнихъ рабочихъ самыя существенныя статьи закона о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ, а именно: 108, 110, 112 и 113 цѣликомъ *), ст. 111-ю о запрещеніи вредныхъ для здоровья работъ — приспособить къ условіямъ ремесл. промышленности; ст. 114 объ обязательномъ предоставленіи ученикамъ возможности посѣщать школы (въ будни), сообразно условіямъ ремеслен. работы примѣнять на вышеоговоренныхъ условіяхъ, т. е. 6 часовъ въ недѣлю въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ ученичества,—это при условіи сохраненія для малолѣтнихъ въ силѣ постановленія ст. 431 Уст. Рем. о 10 часовомъ днѣ, изъ котораго и подлежитъ вычету одинъ часъ въ день или 6 ч. въ недѣлю, что составитъ дѣйствительной работы не болѣе 9 ч. въ день, допускаемыхъ и по фабричнымъ законамъ въ числѣ другихъ нормъ работы малолѣтнихъ.

Всѣмъ этимъ не могли, конечно, вполнѣ удовлетвориться руководители съѣзда и представители разныхъ благотворительныхъ обществъ; но меня не удивило, что одинъ изъ послѣднихъ, г. Ракѣевъ, на обѣдѣ благодарилъ членовъ съѣзда „за разработку ученическаго вопроса“. Вѣдь тутъ, помимо разработки, было кое-что и сдѣлано, хотя-бы въ смыслѣ постановленій и пожеланій, осуществленіе которыхъ будетъ уже зависѣть отъ принятія ихъ и примѣненія къ дѣлу со стороны правительства и прежде всего отъ учрежденія правительственной ремесленной инспекціи, польза и необходимость которой признавалась, какъ на этомъ, такъ и на другихъ съѣздахъ, гдѣ участвовали ремесленники. Конечно, ее не допускаютъ г.г. Волковы и нѣкоторыя имъ подобныя лица, отнюдь, однако, не олицетворяющія собою всего ремесленнаго сословія и даже выдѣлявшіяся своимъ, направленнымъ во всѣ дурныя стороны, развитіемъ. Что вообще вся эта масса была далеко не однородна— въ этомъ можно было убѣдиться и изъ того, что такія безусловно отрицательныя резолюціи, какъ уничтоженіе иностранной ремесленной управы въ Петербургѣ, прошло далеко не единогласно, даже при открытомъ отказѣ нѣкоторыхъ чисто русскихъ ремесленниковъ отъ баллотировки. Еврейскій вопросъ хотя и былъ поднятъ, но, не смотря на громадное преобладаніе на съѣздѣ ремесленниковъ не евреевъ, онъ всетаки провалился, какъ и не удалось покушеніе на подчиненіе деревенскихъ ремесленниковъ городскимъ ремесленнымъ управамъ, какъ и не было постановленія о запрещеніи мелкимъ ремесленникамъ селиться въ крупныхъ городахъ. Не могу не отмѣтить единодушнаго мнѣнія руководителей съѣзда о гораздо лучшемъ впечатлѣніи, произведенномъ провинціалами

*) Ст. 108 — возрастъ не ниже 12 л.; 110 — запрещеніе ночной работы и въ праздничные дни; 112 и 113—относительно устройства школъ.

по сравненію съ петербуржцами, изъ среды которыхъ и исходили почти всѣ протесты и которые, по мѣстнымъ условіямъ, къ сожалѣнію преобладали на съѣздѣ своею численностью.

Обращаюсь къ моему, вѣроятно, самому крупному грѣху—рѣчи на прощальномъ обѣдѣ, опять тоже искаженной въ газетномъ отчетѣ, изъ 12 строкъ котораго г. А. П. взялъ только четыре. Ну, могъ-ли я въ ней говорить, — принявъ во вниманіе эти вынужденныя сообщенія и разъясненія о моемъ участіи въ съѣздѣ,— противъ регламентаціи ремесленной промышленности? Я говорилъ, дѣйствительно, о нѣкоторыхъ особенностяхъ ремесленнаго быта по сравненію съ фабричнымъ и закончилъ указаніемъ на отсутствіе такой глубокой розни интересовъ хозяевъ и рабочихъ здѣсь, какая присуща быту фабрично-заводскому. Различіе это я свелъ къ тому, что ремесленные ученики и подмастерья суть плоть отъ плоти своихъ хозяевъ мастеровъ, возникая въ ихъ средѣ и пополняя собою ряды будущихъ поколѣній мастеровъ, между тѣмъ какъ, за ничтожными исключеніями, фабричные рабочіе не могутъ и думать сдѣлаться когда либо фабрикантами или заводчиками. Указаніе на это различіе мнѣ было необходимо для разъясненія отношенія насъ, интеллигентовъ, къ вопросамъ ремесленной промышленности въ противоположность отношеній самихъ ремесленныхъ хозяевъ, а именно: послѣдніе, говорилъ я, пекутся только о текущей злобѣ дня, эксплоатируя учениковъ и подмастерьевъ; мы-же имѣемъ въ виду интересы непрерывной смѣны ихъ поколѣній. Поэтому разумное и гуманное отношеніе хозяевъ къ подмастерьямъ и ученикамъ есть залогъ преуспѣянія ремесла вообще, или заботы о нихъ суть заботы о своемъ же классѣ, лишь часть котораго временно противопоставляется ихъ интересамъ... Говорилъ я отъ 5 до 10 минутъ и всего, конечно, здѣсь не перескажешь, да едва ли это теперь и необходимо. Стыдиться мнѣ всего этого не приходится, какъ и того, что опять таки несправедливо возводитъ на меня г. А. П. по поводу Нижегородскаго съѣзда. Тутъ уже матеріалъ у него былъ болѣе достовѣрный (Труды, т. VII), но онъ и его ухитрился использовать своеобразно. Такъ, прежде всего, я вовсе не представлялъ тамъ предложенія ремесленниковъ, а только прочелъ его, по предложенію г. предсѣдателя съѣзда, и, прочтя, не только прямо не защищалъ его, а даже говорилъ многое и противъ, выждавъ рѣчи другихъ ораторовъ. Между прочимъ г. А. П. утверждаетъ, будто я тамъ „сторговался" съ ремесленниками, „промѣнявъ" между прочимъ 8 часовой день для ремесл. учениковъ на 10-часовой и правительственную инспекцію на выборную". Это,—какъ бы поделикатнѣе выразиться,— просто неправда; желающіе найдутъ на указанной-же у г. А. П. страницѣ, что я отдавалъ предпочтеніе 8 часовому дню передъ 10 часовымъ, но признавалъ, что и послѣдній лучше всякаго отсутствія ограниченій работы малолѣтнихъ. Точно также я тамъ

прямо говорилъ, что „главныя силы тутъ въ назначеніи правительственной инспекціи“ (стр. 461); стало быть я не могъ ни отрицать ея, ни промѣнивать на инспекцію изъ однихъ ремесленниковъ. Если-же допускалъ условное участіе представителей послѣднихъ въ этомъ дѣлѣ, то лишь въ виду продолжающейся (теперь уже въ теченіе 10 лѣтъ) отсрочки примѣненія закона о надзорѣ и надъ ремесленной промышленностью, въ виду, повидимому, экономіи въ средствахъ на это дѣло, „медленно развивавшееся и въ фабрично-заводскомъ быту. И тутъ-же я отрицалъ предполагаемую многими патріархальность отношеній въ средѣ ремесленниковъ.

Но все это нисколько не противорѣчитъ привѣтствованію съ моей стороны всякаго почина со стороны самихъ ремесленниковъ на указаніе необходимости такъ или иначе подчинить ихъ дѣйствительному надзору со стороны закона и тѣхъ или иныхъ органовъ инспекціи. Для г. же А. П. вся эта ссылка на Нижегородскій съѣздъ понадобилась, повидимому, для того лишь, чтобы выудить оттуда можетъ быть и дѣйствительно неудачно вырвавшееся у меня выраженіе „сторговаться“ вмѣсто „столковаться“, ибо больше онъ этого у меня нигдѣ найти не могъ. На этомъ построено его претендующее на остроуміе окончаніе статьи съ игрой словъ на тему расторговаться, проторговаться и т. д. Но то или иное остроуміе г. А. П., равно какъ и наставительный тонъ его рѣчи, не подлежатъ оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны.

Въ то же время я могу присоединиться къ большинству теоретическихъ соображеній г. А. П. о существованіи и причинахъ темныхъ сторонъ ремесленнаго быта.

Только одного не понимаю я—зачѣмъ понадобилось все это искусственно преувеличить, равно какъ и обрушиваться въ особенности на меня, въ числѣ многихъ другихъ, имѣющихъ общеніе съ ремесленниками. Я думаю, что однимъ огульнымъ ихъ порицаніемъ нельзя ни облагородить ихъ такъ, какъ это возможно, дѣйствуя на нихъ словами убѣжденія, ни повліять на скорѣйшее примѣненіе къ нимъ необходимаго правительственнаго надзора и регулированія ихъ быта. Указанія-же, данныя на этотъ счетъ съѣздомъ, т. е. что и въ средѣ ремесленниковъ есть сознаніе въ необходимости всего этого, можетъ быть и сослужитъ нѣкоторую свою службу въ этомъ дѣлѣ.

Примите, Милостивый Государь, мои увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности

В. Яроцкій.

Отвѣтъ г. Яроцкому.

Прежде всего я долженъ заявить, что разъ г. Яроцкій утверждаетъ, что та или иная его рѣчь передана газетными отчетами невѣрно или что ему приписаны слова, которыхъ онъ не говорилъ, то я могу лишь молчаливо признать поправки, которыя онъ дѣлаетъ. Самое большее, что я могу позволить себѣ въ данномъ случаѣ, — это сожалѣніе, что „достаточно обстрѣленный со стороны рецензентовъ“ общественный дѣятель упустилъ на этотъ разъ изъ виду, что и проще и важнѣе было своевременно возстановить факты, если они переданы невѣрно, чѣмъ потомъ оспаривать выводы, которые сдѣланы изъ этихъ фактовъ. Однако, признавая личныя поправки В. Г. Яроцкаго, я рѣшительно не могу согласиться съ огульнымъ опорочиваніемъ имъ газетныхъ отчетовъ, какъ документовъ для сужденія о съѣздѣ. Въ настоящее время это во всякомъ случаѣ болѣе надежный источникъ, чѣмъ личныя впечатлѣнія мои или г. Яроцкаго. По свойствамъ газетной работы въ репортерскихъ отчетахъ, конечно, могутъ быть ошибки, но эти ошибки сравнительно легко устранимы путемъ сличенія отчетовъ различныхъ газетъ (каковая работа и была мною продѣлана), а если бы и затѣмъ остались какія либо неточности, то онѣ не могли быть настолько существенны, чтобы извратить картину съѣзда и удержать кого-либо отъ опредѣленнаго о немъ мнѣнія. И, нужно думать, не случайность, что большинство газетъ „обрушилось на съѣздъ“ и что при особомъ мнѣніи осталась „кажется, одна (нѣтъ, не одна, г. Яроцкій!), хвалившая какъ разъ то, что заслуживало порицанія“, да самъ г. Яроцкій.

Не могу я принять упрека и въ одностороннемъ освѣщеніи съѣзда, достигнутомъ будто бы путемъ замалчиванія хорошихъ его резолюцій. Что пожеланія были всякія, этого я отнюдь не утаилъ отъ читателей „Русскаго Богатства“. Если бы я печаталъ труды съѣзда, то, конечно, привелъ бы всѣ принятыя резолюціи и не обмолвился бы ни словомъ о застольныхъ рѣчахъ его участниковъ. Но передо мной, какъ передъ журнальнымъ работникомъ, стояла другая задача: „не растекаясь мыслью по древу“, я долженъ былъ на немногихъ страницахъ изложить самое существенное и яркое изъ того, что принесли съ собой изъ жизни члены съѣзда и съ чѣмъ они вернулись въ жизнь, и дать объ этихъ явленіяхъ жизни отзывъ журнала. А для этого гораздо важнѣе было остановиться на „неимовѣрныхъ крикахъ восторга“, съ какими ремесленники встрѣтили постановленіе объ удлиненіи рабочаго дня, на тѣхъ оваціяхъ, которыя они устроили пѣвцу розги, и даже на обѣденныхъ тостахъ, чѣмъ приводить трудносогласимыя между собою, нерѣдко неопредѣленныя или двусмысленныя по содержа-

нію и—повторяю—подчасъ сомнительныя по происхожденію резолюціи. Резолюціи — это пока еще бумага, а жизнь—это настроеніе, съ которымъ явились на съѣздъ ремесленники. По поводу другого съѣзда мнѣ пришлось уже какъ-то замѣтить, что „отъ резолюцій съѣзда до законодательныхъ актовъ у насъ путь далекій". Отъ нѣкоторыхъ резолюцій до жизни еще дальше. И это хорошо знаетъ г. Яроцкій. Возьмемъ хотя бы ту резолюцію, которую онъ считаетъ „крупнымъ и отраднымъ явленіемъ". Я не буду говорить по существу этой резолюціи, о заключающихся въ ней ограниченіяхъ (вродѣ „если же по недостатку такихъ школъ") и ея обоюдоостромъ характерѣ (вродѣ невыдачи подмастерскаго диплома). Я напомню слова, которыя на Нижегородскомъ съѣздѣ В. Г. Яроцкій слышалъ отъ А. И. Ядрова. „Такое же правило, говорилъ тотъ, существуетъ и въ законѣ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ, тамъ тоже сказано, что фабриканты обязаны *предоставлять* дѣтямъ *возможность* посѣщать школу. И что же оказывается? Оказывается, что въ школу фабриканты малолѣтнихъ не посылаютъ. Слѣдовательно, ремесленныхъ хозяевъ нужно обязать *посылать* учениковъ въ школы" *). Позволю себѣ напомнить и то, какъ прошла „дѣлающая съѣзду честь" резолюція. Послѣ страстныхъ преній и перерыва, передъ голосованіемъ, „проф. В. Г. Яроцкій выяснилъ значеніе постановленій съѣзда. Такъ какъ осуществленіе его пожеланій потребуетъ много времени, то ремесленники могутъ не опасаться, что принятіе резолюціи поведетъ къ сокращенію контингента учениковъ" **). Г. Яроцкій внесъ потомъ поправку въ этотъ газетный отчетъ, указавъ, что онъ „говорилъ и многое другое" ***). Нисколько не сомнѣваясь въ убѣдительности этихъ другихъ доводовъ, я всетаки думаю, что *единогласное* принятіе резолюціи должно бы натолкнуть г. Яроцкаго на мысль, что въ ея мотивировкѣ или формулировкѣ было что либо такое, что сразу примирило съ нею даже гг. Волкова, Кортовича, Назарова, которые „особенно распинались" противъ просвѣщенія. А этихъ лицъ, „выдѣлившихся, по словамъ г. Яроцкаго, своимъ направленнымъ во всѣ дурныя стороны развитіемъ", едва ли такъ легко было пронять одною убѣдительностью доводовъ ****).

Недовольный моими замалчиваніями, г. Яроцкій пытается самъ реабилитировать съѣздъ, путемъ ссылокъ на его резолюціи. Въ этой попыткѣ онъ идетъ очень далеко, склоненъ, если не зачислить въ активъ съѣзда, то показать „въ переходящихъ суммахъ" даже постановленіе объ удлиненіи рабочаго дня. Я думаю, что

---

*) Труды торгово-промышленнаго съѣзда, т. VII, стр. 453.

**) «Сѣверный Курьеръ», 16 марта.

***) «Сѣверный Курьеръ», 20 марта.

****) Г. Яроцкій неоднократно возвращается къ этому эпизоду и даже отсылаетъ читателей къ сырымъ матеріаламъ. Опасаясь упрека, что я съ умысломъ

немногіе рѣшатся на такое размѣщеніе балансовыхъ величинъ. Тѣмъ любопытнѣе прослѣдить, чѣмъ обусловлена такая бухгалтерія. Суть въ томъ, что требованіе ремесленнаго устава о 10-часовомъ рабочемъ днѣ г. Яроцкій разсматриваетъ, какъ чисто бумажное, не имѣющее никакого значенія въ жизни. „Неужели г. А. П. думаетъ, спрашиваетъ онъ, что если бы осуществился на дѣлѣ $11^1/_2$ часовой рабочій день, то это было бы его удлиненіемъ противъ дѣйствительности?“ Я думаю кое-что другое. Лицо, уже давно „имѣющее общеніе съ ремесленниками“, казалось бы, должно получше знать ремесленную среду и происходящія въ ней явленія. Въ теченіе многихъ лѣтъ ремесленный міръ не зналъ 431 статью ремесленнаго устава и работалъ много больше 10 часовъ, но въ самое послѣднее время эта статья начала утрачивать свой бумажный характеръ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но на югѣ я могу указать нѣсколько городовъ, гдѣ ремесленные рабочіе, пользуясь разъясненіями интеллигентныхъ лицъ, путемъ борьбы, уже успѣли добиться 10-часового дня. И въ Петербургѣ, по признанію г. Назарова, въ нѣкоторыхъ мастерскихъ, напримѣръ, ювелирныхъ, законнымъ днемъ считается десятичасовой и за каждый часъ лишній хозяевамъ приходится уже платить особо *). Воспользоваться съѣздомъ и отсутствіемъ на немъ рабочихъ, чтобы похоронить оживающій законъ и въ самомъ началѣ борбы подставить ногу противнику, лишивъ его законодательной опоры,— едва ли это такія дѣянія, которыя можно оправдывать.

Еще болѣе оптимистично относится г. Яроцкій къ тѣмъ резолюціямъ, въ которыхъ слышится хоть маленькое, хоть неопредѣленное благое пожеланіе. Стѣсненный мѣстомъ, я лишенъ возможности подвергнуть подробному разбору всѣ тѣ резолюціи, которыя г. Яроцкій вмѣняетъ въ заслугу съѣзду, хотя и было бы любопытно вскрыть ихъ дѣйствительное содержаніе, сопоставить съ другими резолюціями и прослѣдить гарантіи, которыми обезпечивается судьба содержащихся въ нихъ пожеланій. Впрочемъ, съ самой крупной и отрадной изъ резолюцій мы уже познакомились. О пріятномъ удивленіи г. Яроцкаго по поводу отношенія съѣзда къ розгѣ, мнѣ и говорить не ловко. Въ дополненіе къ сказанному теперь и въ первоначальной моей замѣткѣ я остановлюсь только на одной вполнѣ опредѣленной и принятой, несомнѣнно, сознательно резолюціи, которую г. Яроцкій тоже вмѣняетъ въ особую заслугу съѣзду. Я имѣю въ виду постановленіе о воспрещеніи пріема въ ученье дѣтей, не достигшихъ 12 лѣтъ. На это ремесленники и въ Нижнемъ охотно соглашались. Мой оппонентъ такое

умолчалъ о той роли, которую онъ сыгралъ въ созданіи «крупнаго и отраднаго явленія», я возстановляю этотъ эпизодъ теперь и каюсь: да, сознательно умолчалъ, но только потому, что заслуга г. Яроцкаго и до моей статьи нашла себѣ должную оцѣнку (напр., у г. Изгоева въ «Южномъ Обозрѣніи» отъ 25 марта).

*) Труды торгово-промышленнаго съѣзда, т. VII, стр. 441—424.

постановленіе приравниваетъ къ ограниченію работы малолѣтнихъ на фабрикахъ. Но это не совсѣмъ такъ: на фабрикахъ всѣ рабочіе оплачиваются, а въ ремесленныхъ мастерскихъ ученики работаютъ на хозяина безплатно. И кто же не пойметъ, что постарше мальчонка, если ему все равно платить не нужно, выгоднѣе для хозяина, чѣмъ помоложе. Что ремесленники знаютъ ариѳметику—это, конечно, хорошо, но умиляться тутъ всетаки нечѣмъ. Какъ бы то ни было, а въ резолюціяхъ благихъ пожеланій не такъ много и не такъ они существенны, чтобы имъ можно было скрасить удручающую картину, какая развернулась передъ нами на съѣздѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ прибавить одно: я не отрицалъ и не отрицаю, что и въ ремесленной средѣ есть очень почтенные люди. Я увѣренъ, что ряды интеллигенціи, „вышедшей изъ разныхъ слоевъ народа на защиту общечеловѣческой правды“, пополняются и еще болѣе будутъ пополняться въ будущемъ людьми изъ этой среды, съумѣвшими встать выше узкаго эгоизма и классоваго интереса. И вотъ съ ними-то мы будемъ „столковываться“. Кое кто изъ такихъ ремесленниковъ былъ и на петербургскомъ съѣздѣ, но ихъ было всетаки слишкомъ мало, и не они имѣли успѣхъ на немъ.

Теперь—да простятъ мнѣ читатели—я долженъ кое-что сказать и за свой личный счетъ. Г. Яроцкій, „выражаясь поделикатнѣе“, предъявляетъ мнѣ обвиненіе въ „неправдѣ“. Я не буду употреблять столь же деликатныхъ выраженій, а просто возстановлю 2—3 факта, о которыхъ онъ говоритъ наиболѣе категорично. Онъ, напримѣръ, рѣшительно настаиваетъ, что постановленія объ отмѣнѣ воспрещенія ночной работы вовсе не было. Да, не было... Но когда съѣздъ постановилъ объ увеличеніи рабочаго дня съ 10 до 11½ часовъ, опустивъ слова ремесленнаго устава, что „рабочіе часы въ суткахъ суть отъ 6 час. утра до 6 час. вечера“, слова, которыми собственно и воспрещается ночная работа, то не значитъ ли это, что онъ постановилъ объ отмѣнѣ этого запрещенія? И зачѣмъ иначе нужно было спеціальное постановленіе о воспрещеніи ночной работы малолѣтнимъ, о чемъ упоминаетъ г. Яроцкій, какъ объ особой заслугѣ съѣзда? Быть наивнымъ—не значитъ быть правдивымъ, а нежеланіе быть наивнымъ нельзя считать за грѣхъ противъ правды.

Впрочемъ, слово „неправда“ г. Яроцкій употребляетъ не по этому поводу, а по отношенію къ моимъ словамъ, что на Нижегородскомъ съѣздѣ онъ промѣнялъ 8 часовой день для учениковъ на 10 часовой и правительственную инспекцію на выборную. Въ своемъ возраженіи г. Яроцкій говоритъ, что тезисы ремесленниковъ онъ читалъ „по предложенію предсѣдателя“ и не только прямо не защищалъ ихъ, но даже говорилъ многое противъ и, въ частности, отдавалъ предпочтеніе 8 часовому дню передъ

10 часовымъ. Заглянемъ въ труды съѣзда, достовѣрность каковаго документа, къ счастью, не оспариваетъ г. Яроцкій. Дѣйствительно, тезисы ремесленниковъ, выработанные въ непубличныхъ совѣщаніяхъ, онъ читалъ по предложенію предсѣдателя. Почему предсѣдатель выбралъ именно его для этой цѣли, въ трудахъ никакихъ указаній не имѣется. Особенно энергично противъ этихъ тезисовъ возсталъ, между прочимъ, А. И. Ядровъ. Г. Яроцкій въ преніяхъ участвовалъ только одинъ разъ, причемъ „попросилъ слова отчасти для того, чтобы сдѣлать возраженія г. Ядрову и вообще, чтобы устранить ту черезчуръ мрачную окраску, которую онъ придалъ всему этому дѣлу“. Возражать противнику тезисовъ и смывать съ нихъ мрачную окраску — это и значитъ „прямо не защищать ихъ“. Но посмотримъ, что г. Яроцкій говорилъ противъ хотя бы того тезиса, который доказывалъ невозможность распространенія фабричнаго закона о 8 часовомъ днѣ для малолѣтнихъ на ремесленныхъ учениковъ. Буквально слѣдующее: „я склоняюсь, можетъ быть, къ тому, что 8 часовъ работы лучше для малолѣтнихъ, чѣмъ 10 часовъ, но я не могу утверждать... что нѣтъ никакой разницы между ремесленнымъ ученикомъ и фабричнымъ“. И дальше цѣлый рядъ доказательствъ этой разницы вплоть до такихъ, что въ ремесленной промышленности, при отсутствіи машинъ, нѣтъ техническихъ улучшеній, за счетъ которыхъ можно было-бы сократить ремесленный трудъ, и даже такихъ, что ремесленные ученики, которыхъ дома кормить нечѣмъ и которыхъ на фабрикахъ не берутъ, въ мастерскихъ „обучаются дѣлу, кормятся и живутъ въ семьѣ ремесленника...“ *Можетъ быть*, г. Яроцкій и отдавалъ предпочтеніе 8 часовому дню, но едва ли кто скажетъ, чтобы это предпочтеніе было настолько явное и рѣшительное, чтобы нельзя было въ немъ усомниться. Такого же характера было предпочтеніе г. Яроцкаго и правительственной инспекціи. Никакихъ выдержекъ мнѣ приводить не нужно, потому что самъ г. Яроцкій говоритъ, что „условно“ онъ допускалъ именно то, на чемъ настаивали ремесленники. Закончилъ же свою рѣчь г. Яроцкій такимъ резюме: „такимъ образомъ я высказываю свое сочувствіе всѣмъ начинаніямъ ремесленниковъ“. Это и значитъ: „говорить многое противъ“.

Суть-то, однако, вотъ въ чемъ. Я не только не говорилъ, но, могу по совѣсти сказать, и не думалъ, чтобы г. Яроцкій самъ по себѣ предпочиталъ 10 часовой день 8 часовому или инспекцію изъ хозяевъ—правительственной. Я говорилъ только объ уступкахъ. Г. Яроцкій думаетъ, что начинанія ремесленниковъ „нужно всячески поддерживать“, и поддерживалъ ихъ. А я думаю, что по нѣкоторымъ вопросамъ никакихъ условностей, никакихъ „можетъ быть“ у интеллигенціи не должно быть, такъ какъ непоколебимость въ своихъ пожеланіяхъ самое надежное для насъ средство перегнуть равнодѣйствующую жизни въ свою сторону. И не ради

остроумія я „выудилъ“ слово „сторговаться“: я опять повторю, что есть вещи, которыми торговать нельзя, въ которыхъ дѣлать уступки—преступно. **А. Пѣшехоновъ.**

ПОЛИТИКА.

Французскіе муниципальные выборы 6 и 13 мая.—Текущія событія.

I.

Упорная борьба просвѣщенія и гуманности съ коалиціей реакціи, невѣжества и обмана, объединившихся подъ именемъ „націонализма“, прошла во Франціи еще одинъ важный и характерный фазисъ. 6 и 13 мая н. с. (23 апр. и 7 мая ст. ст.) произведены муниципальные выборы въ половинѣ общинъ Франціи (свыше 30 тыс. общинъ, городскихъ и сельскихъ).

Громадное большинство общинъ (всѣ почти сельскія и б. ч. городскихъ) возобновили прежніе муниципальные совѣты съ нѣкоторымъ усиленіемъ республиканскаго состава тамъ, гдѣ еще сохраняютъ силу монархисты, и съ такимъ-же усиленіемъ радикальнаго элемента на счетъ умѣренно-республиканскаго тамъ, гдѣ монархисты уже совершенно оттѣснены. Въ этихъ 30 тысячахъ общинахъ Франціи продолжалась, такимъ образомъ, давно уже начавшаяся эволюція перемѣщенія симпатіи избирателей справа на лѣво. „Націонализмъ“, здѣсь, если и развертывалъ или пробовалъ развертывать свое знамя, то глубокаго впечатлѣнія на корпусъ избирателей не произвелъ, такъ какъ избиратели въ подавляющемъ большинствѣ возобновили довѣріе прежнимъ муниципальнымъ совѣтникамъ, тѣмъ самымъ, которые въ январѣ 1900 года торжественно и рѣшительно осудили націонализмъ, избравъ значительное большинство сенаторовъ антинаціоналистовъ. Это антинаціоналистское большинство муниципальныхъ совѣтовъ Франціи не только возобновлено, но даже нѣсколько усилено на выборахъ 6 и 13 мая. Кавеньякъ, послѣ январскаго пораженія, угрожалъ аппеляціей къ всенародному голосованію и ждалъ новаго приговора. Этотъ приговоръ онъ и націоналисты выслушали 6 и 13 мая. Этотъ приговоръ всенароднаго голосованія недвусмысленно утвердилъ приговоръ своихъ избранниковъ... И тѣмъ не менѣе націоналисты ликуютъ и о своей побѣдѣ шумятъ. Конечно, каждый имѣетъ право, говоря словами Успенскаго, „по своему дѣлу шумъ производить“. Надо имѣть поводъ для этого. Парижъ этотъ поводъ подарилъ націоналистамъ. Парижъ имъ далъ успѣхъ, сдѣлавъ сюрпризъ и собравшимся на выставку иностранцамъ, и всей удивленной его капризами Франціи, но болѣе всего себѣ самому, конечно, менѣе всего отъ себя чего либо подобнаго ожидавшему.

Муниципальный совѣтъ Парижа состоитъ изъ восьмидесяти совѣтниковъ, избираемыхъ двадцатью округами (arrondissements) по четыре отъ каждаго (для выборовъ еще подраздѣляемаго на четыре quartiers). Въ бывшемъ муниципальномъ совѣтѣ, котораго полномочія окончились къ 1 маю сего года, составъ по партіямъ былъ слѣдующій (на прошедшихъ выборахъ, происходившихъ въ 1896 году, еще не было группы „націоналистовъ"):

Соціалистовъ	30
Радикаловъ	24
Умѣр. республ.	16
Роялистовъ	8
Raillés	2 = 80

Господствовало радикально-соціалистическое большинство (54 изъ 80), избравшее президентомъ радикала Люсипіа (представитель *Темпля*), а остальныхъ членовъ бюро въ большинствѣ соціалистовъ, въ меньшинствѣ радикаловъ. Когда началось сліяніе реакціонеровъ съ безсознательными элементами другихъ партій въ новую партію націоналистовъ, во всѣхъ не реакціонныхъ группахъ произошло отпаденіе безсознательныхъ элементовъ и ихъ соединеніе съ реакціонерами. Націоналистская группа къ выборамъ составилась изъ всѣхъ десяти реакціонеровъ (8 роялистовъ и 2 raillés), четырехъ соціалистовъ, двухъ радикаловъ и трехъ умѣренныхъ республиканцевъ, всего заключая, приблизительно, 19 человѣкъ (говорю „приблизительно", потому что не могу ручаться за полную точность подсчета отпаденіямъ). Въ прежнихъ группахъ оставалось, такимъ образомъ: соціалистовъ—26, радикаловъ — 22 и умѣренныхъ республиканцевъ — 10 (потому что, кромѣ трехъ отпавшихъ, еще два умерли и одинъ вышелъ, удалившись въ частную жизнь). Націоналистская группа занимала, такимъ образомъ, третье мѣсто. Выборы 6 и 13 мая радикально измѣнили это мѣсто. Изъ девятнадцати націоналистовъ прежняго совѣта уже на выборахъ 6 мая было переизбрано пятнадцать (всѣ восемь роялистовъ, одинъ raillé, два соціалиста, три умѣренныхъ республиканца и одинъ радикалъ) и вновь избрано девять, всего 24. Выборъ 13 мая къ этому числу прибавилъ еще девятнадцать, доведя общую численность до 43, т. е. даровавъ абсолютное большинство націоналистамъ (всѣ остальныя партіи, вмѣстѣ взятыя, располагаютъ 37 голосами). Надо замѣтить, что не на всѣхъ отпавшихъ націоналисты могутъ разсчитывать безусловно, такъ что не невозможны новые сюрпризы. Тѣмъ не менѣе парижскіе успѣхи націоналистовъ представляютъ собою явленіе, до такой степени важное и значительное, что не мѣшаетъ заняться имъ обстоятельнѣе для выясненія тѣхъ теченій, которыя раздѣляли между собою и волновали парижское населеніе на отнынѣ знаменитыхъ выборахъ 6 и 13 мая 1900 года.

13 мая происходила перебаллотировка въ тридцати избирательныхъ участкахъ (quartiers) и потому голосованіе не охватило всего парижскаго населенія, которое все сразу было опрошено только 6 мая (во всѣхъ восьмидесяти quartiers). На анализѣ голосованія 6 мая (23 апрѣля) мы поэтому и остановимъ на нѣкоторое время вниманіе читателя. Муниципальныхъ избирателей въ Парижѣ внесено въ списки 548,009; изъ нихъ приняло участіе въ голосованіи 6 мая—384,434, или $70,_1$%. Тому назадъ два года въ маѣ 1898 г. на законодательныхъ выборахъ приняло участіе 414,549 изъ 536,520 избирателей, или $77,_3$%. Выборы 1898 года были не изъ самыхъ оживленныхъ, однако, также нельзя сказать, что-бы теперь, въ маѣ 1900 г., парижское населеніе проявило особо живой интересъ къ своимъ думскимъ выборамъ. Поданные 6 мая голоса распредѣлились между кандидатами различныхъ партій, боровшихся за мѣсто въ муниципальномъ совѣтѣ французской столицы, слѣдующимъ образомъ:

За	кандидатовъ	націоналистовъ	подано	142925
»	»	соціалистовъ	»	129391
»	»	радикаловъ	»	76729
»	»	умѣр. республ.	»	35389
				S = 384434

Если мы сравнимъ это голосованіе съ голосованіемъ 1898 года, выразивъ успѣхъ каждой партіи въ процентахъ ко всему числу участвовавшихъ въ голосованіи, то сравненіе это дастъ слѣдующіе результаты:

	1900 г.	1898 г.
Націоналистовъ	37,0	—
Соціалистовъ	34,0	45,0
Радикаловъ	20,0	30,0
Умѣр. респ.	9,0	17,0
Реакціонеровъ	—	8,0
	100,0	100,0

Хотя, какъ изъ этой таблицы видно, націоналисты не составляютъ большинства парижскихъ избирателей (всего 37%, немного больше трети), тѣмъ не менѣе и такого успѣха больше, нежели достаточно для того, чтобы признать движеніе народнаго настроенія въ Парижѣ далеко не безопаснымъ. Провинція не поддержала столицы, но націоналисты могутъ утѣшать себя соображеніемъ, что провинція только отстала, и эволюція, уже совершившаяся въ Парижѣ, рано или поздно совершится и въ провинціи. Отпаденіе болѣе или менѣе значительныхъ группъ отъ прежнихъ партій (въ Парижѣ отпало 106 тыс. избирателей, остальные 36 тыс. націоналистовъ—голоса, откровенно реакціонные), является естественнымъ плодомъ той смуты, которую націонализмъ внесъ въ умы. Этого отпаденія надо было ожидать, и весь вопросъ

былъ въ его размѣрѣ. Что-же касается того, что, располагая меньшинствомъ въ избирательномъ корпусѣ, націоналисты получили большинство въ составѣ избранныхъ, то это всецѣло зависитъ отъ непримиримыхъ раздоровъ среди противниковъ націонализма. Радикалы и соціалисты по прежнему ожесточенно оспаривали другъ у друга мѣста, а привыкшіе къ неуспѣху въ Парижѣ умѣренные по прежнему злорадствовали каждому неуспѣху и радикаловъ и соціалистовъ, всегда готовые съ радостью помочь провалу и тѣхъ и другихъ. Послѣ этого неудивительно, что 242 тыс. антинаціоналистскихъ избирателей имѣютъ, вмѣстѣ взятыхъ, 37 представителей, а 142 тыс. сплоченныхъ націоналистскихъ избирателей провели 43 своихъ кандидатовъ. Иначе говоря, одинъ націоналистскій представитель избранъ на каждые 3,200 націоналистовъ-избирателей, а одинъ антинаціоналистъ—на 6,600 антинаціоналистскихъ избирателей.

Значительное число націоналистскихъ кандидатовъ скрывали свои дѣйствительныя мнѣнія подъ обобщающимъ названіемъ „націоналистъ". Такіе псевдонимы соединили 62 тыс. голосовъ. Остальные 80 тыс. отданы кандидатамъ, болѣе откровеннымъ. Нѣкоторый интересъ представляетъ обозрѣніе этого столпотворенія вавилонскаго, назвавшагося партіей „de la patrie française". Въ ихъ число записалось:

Націоналистовъ:	республ. умѣр. . . .	27,444
„ „	роялистовъ	18,193
„ „	соціалистовъ	17,313
„ „	радикаловъ	14,716
„ „	бонапартистовъ . . .	9.150
„ „	антисемитовъ	8,619

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!".

Антисемитическихъ голосовъ въ 1898 году было подано всего 791, печальный прогрессъ за два года... Роялистовъ тогда было 22 тыс., регрессъ, довольно замѣтный. За то появились бонапартисты, въ 1898 году не дерзавшіе снимать маску. Націонализмъ разрѣшилъ отъ всякаго стыда, и отъ стыда бонапартизма, и отъ стыда антисемитизма... Не безъинтересно также указать, что изъ своихъ голосовъ 1898 года нынѣ въ 1900 г. уступили націоналистамъ: умѣренные республиканцы около 40%, радикалы—12% и соціалисты — 10% Въ совокупности это составляетъ, однако, 106 тыс. голосовъ, ту массу, которая дала силу реакціонному ядру въ 36 тыс. голосовъ (роялисты, бонапартисты и антисемиты).

Голосованіе 13 мая было продолженіемъ голосованія 6 мая, и корпусъ избирателей высказался въ томъ-же смыслѣ. Голосованіе происходило въ тридцати участкахъ изъ восьмидесяти. Изъ 218,449 избирателей приняло участіе 148,963, или 68% (менѣе, нежели 6 мая). Изъ нихъ большинство (свыше 75 тыс.) подали

за антинаціоналистовъ, но взаимные раздоры антинаціоналистскихъ кандидатовъ сдѣлали то, что націоналистское меньшинство провело 19 своихъ кандидатовъ противъ 11 антинаціоналистовъ (въ томъ числѣ 3 радикала и 8 соціалистовъ). Въ концѣ концовъ составъ новаго муниципальнаго совѣта оказался слѣдующій:

	избрано:		составъ.	
	6 мая	13 мая	новый	прежн.
Націоналистовъ	24	19	43	19
Соціалистовъ	15	8	23	26
Радикаловъ	8	3	11	22
Умѣр. республ.	3	—	3	13

Полный разгромъ понесли умѣренные республиканцы (потеряли свыше $^3/_4$ мѣстъ); сильно пострадали и радикалы (потеряли половину); менѣе всего соціалисты (потеряли $^1/_9$).

II.

Парижъ мы разсматривали до сихъ поръ, какъ одно солидарное цѣлое. Парижъ, однако, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ очень разнородные элементы, далеко не равномѣрно распредѣленные по всѣмъ частямъ города. Прежде всего рѣзко выдѣляется аристократическая часть города: Сенъ-Жерменское предмѣстье (arrondissements: Лувръ и Люксембургъ), Елисейскія поля, Пале-Бурбонъ. Здѣсь старинная французская аристократія всесильна, сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо во Франціи. Здѣсь отъ „короля“ получаются приказы, а герцоги и маркизы руководятъ выборами, согласно указаніямъ короля. Здѣсь, конечно, націонализмъ и свилъ себѣ самое прочное и неприступное гнѣздо. Вотъ цифры:

	6 мая.	13 мая.
	Нац.—всѣ ост.	Нац.—всѣ ост.
Louvre	5455— 4388	880— 609
Luxembourg	9664— 5546	1947—1290
Palais Bourbon . . .	8870— 5281	3451—2725
Elysée	8899— 3555	— — —
	S=32888—18770	6278—4624

6 мая голосованіе происходило во всѣхъ шестнадцати избирательныхъ участкахъ аристократическаго района; 13 мая только въ трехъ спорныхъ. Отсюда уменьшеніе абсолютныхъ чиселъ. Большинство же и 6 мая и 13 остается неизмѣнно націоналистскимъ, достигая свыше трехъ пятыхъ числа избирателей. Изъ шестнадцати представителей, выбираемыхъ этимъ аристократическимъ райономъ, пятнадцать избрано откровенныхъ націонали-

стовъ и одинъ изъ колеблющихся умѣренныхъ республиканцевъ.

Подобно аристократическому району такъ же характерно выдѣляется районъ рабочихъ предмѣстій. Вотъ параллельно любопытныя данныя о голосованіи этого района 6 и 13 мая:

	6 мая. Нац.—антинац.	13 мая. Нац.—антинац.
Popincourt	7849— 27332	11903—15306
Reuilly	7155— 13195	1061— 1204
Gobeline	6241— 13542	3750— 5656
Observatoire	7711— 14309	8134— 9124
Waugirard	3364— 18720	1679— 1745
Montmartre	15081— 21524	14326—13693
Chaumont	7443— 13740	3261— 7868
Menilmontant	2861— 21358	— — —
	S=57705—143720	44114—54696

6 мая голосовали всѣ тридцать два избирательные участка этого района; 13 мая — пятнадцать спорныхъ участковъ. 6 мая за національнізмъ здѣсь высказалось 28°/₀ избирателей (болѣе нежели вдвое меньше, чѣмъ въ аристократическомъ районѣ и значительно меньше, чѣмъ въ среднемъ для всего Парижа). Избрано было 15 антинаціоналистовъ и два націоналиста. Въ виду горячей агитаціи со стороны такъ называемой національно-соціалистической партіи (именно ея два представителя и переизбраны 6 мая), голосованіе 6 мая оказалось самымъ рѣшительнымъ пораженіемъ націоналистовъ въ этомъ районѣ. Изъ четырехъ впавшихъ въ націонализмъ соціалистовъ два забаллотированы, а новыхъ не избрано ни одного. Голосованіе 13 мая оказалось благопріятнѣе для націоналистовъ. Они соединили 44°/₀ избирателей, благодаря тому, что умѣренные республиканцы и нѣкоторая часть радикаловъ подали голоса за націоналистовъ, чтобы не пустить соціалистовъ. Въ результатѣ оказались избранными 10 антинаціоналистовъ (2 радикала и 8 соціалистовъ) и 5 націоналистовъ. Вообще же рабочій районъ представленъ 25 антинаціоналистами и 7 націоналистами. Успѣхомъ націоналистовъ такое голосованіе и такіе результаты считать нельзя. Рабочій районъ сталъ въ прямое противурѣчіе съ райономъ аристократическимъ.

Если выдѣлить строго-аристократическіе и явно рабочіе кварталы, то остальной Парижъ явится выраженіемъ мнѣнія и настроенія буржуазіи. Это настроеніе выразилось на голосованіи 6 мая въ слѣдующихъ цифрахъ: за націоналистовъ подано 52 тыс., противъ — 89 тыс., полученныхъ разными антинаціоналистскими кандидатами. Это значительное преобладаніе антинаціоналистскихъ голосовъ не помѣшало полному торжеству націоналистовъ, успѣвшихъ провести своихъ двадцать одного кандидата противъ одиннадцати антинаціоналистовъ.

Подводя итоги голосованію и выборамъ по тремъ районамъ, получаемъ слѣдующіе поучительныя данныя:

	Аристократія.	Буржуазія.	Рабочіе.
	Нац.—антин.	Нац.—антин.	Нац.—антин.
Избиратели . .	63% —37%	42% —58%	30% —70%
Избранные . .	93,75%— 6,25%	68,6%—34,4%	21,8%—78,2%

Эта любопытная табличка обнаруживаетъ, что въ аристократическихъ и демократическихъ кварталахъ выборы прошли при условіяхъ, болѣе или менѣе нормальныхъ. Большинство избранныхъ соотвѣтствуетъ большинству избирателей, причемъ большинство среди избранныхъ, какъ обыкновенно, сильнѣе, нежели въ средѣ избирателей. Не нормальными оказались выборы буржуазныхъ районовъ. Здѣсь меньшинство избирателей выбрало двѣ трети кандидатовъ, а большинство избирателей представлено всего одною третью кандидатовъ. При этомъ чрезвычайно трудно съ достовѣрностью уловить разгадку этого страннаго явленія. Вотъ, напр., цифры для восьми arrondissements, представляющихъ собою парижскую буржуазію (цифры показываютъ % отношеніе голосовъ, поданныхъ за націоналистовъ, къ общему числу голосовавшихъ избирателей):

Batignolles	45,8	S. Laurent	31,0
Bourse	40,5	Passy	30,6
Opera	40,1	Temple	26,8
Hôtel de Ville. . . .	37,1	Panthéon.	20,0

Среднее 37,0

Изъ этихъ округовъ два послѣднихъ врѣзываются въ рабочія предмѣстья; Temple на востокѣ между Chaumont и Menilmontent; Panthéon на югѣ между Reuilly и Vaugirard. Ихъ надо считать поэтому полубуржуазными, полурабочими, быть можетъ вѣрнѣе, мелко-буржуазными. Изъ остальныхъ Bourse, Opèra и Hôtel de Ville лежатъ въ центрѣ города, отдѣляя аристократическій районъ отъ мелко-буржуазнаго и рабочаго. Это районъ крупной буржуазіи, отчасти даже de la haute finance. S.-Laurent непосредственно граничитъ съ ними, являясь мелко-буржуазнымъ, но уже переходнымъ къ крупной буржуазіи, отчасти по составу населенія, еще болѣе по вліянію сосѣдняго района. Остальные два округа, Batignolles и Passy, — западныя предмѣстья Парижа, примыкающія съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, къ аристократическимъ Елисейскимъ полямъ. Batignoles находится, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ сосѣдей, для которыхъ служитъ торговцемъ, маклеромъ, факторомъ и пр. Passy отдѣленъ отъ Elysée Сеною и свободнѣе отъ вліяній аристократіи, скорѣе испытывая вліяніе сосѣдняго съ востока рабочаго района (здѣсь лежатъ Vaugirard и Observatoire). Не зная лично Парижа, не могу гарантировать полной точности этихъ свѣдѣній и указаній, но въ общихъ чер-

тахъ они должны быть не далеки отъ дѣйствительности. Для нашей цѣли это вполнѣ достаточно. Отбросивъ услуживающій маркизамъ и баронамъ Batignolles, мы замѣтимъ довольно явственно, что къ націонализму наиболѣе склонна крупная буржуазія. Ея округа, *Биржа, Опера* и *Дума,* стоятъ во главѣ списка, причемъ впереди всѣхъ la haute finance, группирующаяся у биржи и банковъ. Мелкая же буржуазія выказываетъ гораздо меньше склонности къ націонализму, въ среднемъ давъ ему голосовъ развѣ немногимъ больше, нежели рабочій районъ. Это заключеніе въ высокой степени важно, потому что въ настоящее время не аристократія съ своимъ націонализмомъ и не демократія, настроенная антинаціоналистически, управляютъ судьбами Франціи, но буржуазія, господствующая въ деревняхъ и въ большинствѣ небольшихъ городовъ. Но это отнюдь не крупная буржуазія, сосредоточенная, какъ и демократія, въ крупныхъ центрахъ. Это по преимуществу мелкая буржуазія. Ея голосъ поэтому въ высшей степени интересенъ. Это она въ январѣ настоящаго года нанесла пораженіе націоналистамъ на сенатскихъ выборахъ. Мы видимъ, что и теперь, въ маѣ 1900 года, въ Парижѣ она своимъ голосованіемъ рѣшительно осудила націонализмъ, высказавшись противъ него большинствомъ четырехъ пятыхъ и не меньше двухъ третей голосовъ. Таково было голосованіе; не таковы были его результаты, потому что четыре вышеназванныхъ мелко-буржуазныхъ округа избрали 8 націоналистовъ и 8 антинаціоналистовъ, въ ихъ числѣ 4 радикала, 3 умѣренныхъ республиканца и 1 соціалистъ. Эта пестрота избраннаго антинаціоналистскаго состава и раздоры между этими избранными и объясняютъ успѣхъ націоналистовъ. Но эта пестрота избраннаго состава, указывая на пестроту состава избирателей, не указываетъ-ли, что мелкая буржуазія переживаетъ серьезный кризисъ въ своихъ политическихъ тяготѣніяхъ? Господствующая въ указанныхъ округахъ, она составляетъ значительный и вліятельный элементъ и въ остальныхъ. Не отсюда-ли сбивчивые и противурѣчивые результаты выборовъ? Потому что позволительно утверждать, что остальные элементы высказались вполнѣ опредѣленно: аристократія рѣшительно за націонализмъ; крупная буржуазія ему сочувствуетъ (въ трехъ ея округахъ избрано 9 націоналистовъ и 3 антинаціоналиста, числа краснорѣчивыя); рабочая демократія съ нимъ борется подъ знаменемъ соціализма: одна мелкая буржуазія, раздѣляя антипатію рабочей демократіи къ націонализму, колеблется между многими знаменами и даетъ тѣмъ торжество осуждаемому ею націонализму. Конечно, я не выдаю этихъ выводовъ за окончательные и точные. Я уже упомянулъ выше, что чувствую большое затрудненіе уловить причину избирательныхъ противорѣчій въ Парижѣ 6 и 13 мая. Этихъ причинъ могло быть много: неудовольствіе слишкомъ осторожной внѣшней политикой (буры возбуждаютъ общее

сочувствіе, а эпизодъ съ Фашодой еще болѣзненно вспоминается французами), неудовольствіе союзомъ министерскихъ соціалистовъ съ знаменитымъ усмирителемъ коммуны генераломъ Галлифэ, вліяніе послѣднихъ стачекъ, вліяніе нѣкоторыхъ инцидентовъ въ первые дни только что открывшейся выставки и мн. др., чего отсюда и не замѣтить, и не уразумѣть. Но за всѣми этими временными, хотя отнюдь не маловажными, вліяніями, должна была быть болѣе общая и болѣе глубокая причина, и мнѣ кажется, что вышеприведенныя соображенія даютъ объ ней нѣкоторое представленіе.

Охотно сравниваютъ націоналистскіе успѣхи въ Парижѣ въ маѣ 1900 года съ буланжистскими успѣхами въ Парижѣ въ январѣ 1889 года. И тогда это былъ совершенный сюрпризъ, прямо ошеломившій не приготовленное ни къ чему подобному правительство республики. Буланжизмъ, конечно, очень сродни національизму. Поэтому, совершенно естественно напрашивается сравненіе и съ перваго взгляда кажется, будто голосованія 6 и 13 мая 1900 года представляютъ собой лишь нѣсколько ослабленное повтореніе голосованія 15 января 1889 года. Тогда за буланжизмъ было подано 244149 голосовъ или 56% всѣхъ голосовавшихъ: теперь за націонализмъ 142925, или 37%. Не тотъ ли самый пароксизмъ шовинизма, только ослабленный на 20%? Такъ кажется съ перваго взгляда, при огульномъ сопоставленіи лишь общихъ результатовъ голосованія 1889 и 1900 годовъ. Болѣе детальное сравненіе обнаруживаетъ глубокое различіе, очень важное и для пониманія настоящаго историческаго момента переживаемаго Франціею. Поэтому, мы остановимся ненадолго и на этомъ любопытномъ и поучительномъ сравненіи двухъ націоналистскихъ пароксизмовъ Парижа, раздѣленныхъ другъ отъ друга разстояніемъ въ одиннадцать лѣтъ, для нашей памяти срокомъ, конечно, очень значительнымъ, но для жизни сорокамилліонной націи не то чтобы большимъ.

Прежде всего, аристократическій районъ и тогда игралъ ту же роль запѣвалы и застрѣльщика націонализма, какъ и теперь. Титулованные и нетитулованные жантильомы, населяющіе этотъ районъ, потомки людей, нѣкогда управлявшихъ Франціей и умѣвшихъ не только властвовать, но и жертвовать для блага отечества, нынѣ готовы все принести въ жертву, и любезное отечество въ томъ числѣ, своему интересу и своему честолюбію, добиваясь власти, къ которой готовятся въ жокей-клубахъ, и не брезгая никакими союзами. Въ 1889 году они были тѣ же, что и въ 1900 году. Вотъ цифры:

	За буланж. 1889 г.	За національ. 1900 г.
Elysée	62,9%	70,0%
Luxembourg.	52,0%	59,1%
Palais Bourbon . . .	64,0%	59,9%
Louvre	53,0%	54,2%
Batignolles	54,0%	45,8%

Нѣкоторое перераспредѣленіе успѣховъ внутри района, и только: въ 1889 г. аристократическій районъ далъ за національизмъ 62% въ среднемъ, и въ 1900 г.—61%. Мы считаемъ безъ прислуживающаго *Батиньоля*, который тому назадъ одиннадцать лѣтъ былъ еще покорнѣе аристократическимъ патронамъ, чѣмъ теперь.

Но если аристократическій районъ остался вѣренъ своей печальной роли и своимъ голосованіемъ вполнѣ оправдываетъ сравненіе буланжистскихъ успѣховъ 1889 года съ теперешнимъ націоналистскимъ торжествомъ, то именно совершенно обратное видимъ мы въ районѣ рабочей демократіи. Насколько она теперь недвусмысленно высказалась противъ національизма, настолько же ярко поддержала буланжизмъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Вотъ для демократическихъ округовъ такія же параллельныя цифры, какія выше даны для аристократическихъ:

	За буланж. 1889 г.	За національ. 1900 г.
Montmartre	57,0%	40,0%
Reuilly	55,9%	34,6%
Chaumont	60,0%	34,3%
Observatoire.	52,0%	34,1%
Gobeline	58,0%	30,6%
Popincourt	47,0%	21,1%
Vaugirard	63,0%	14,4%
Menilmontant. . . .	51,0%	10,6%
Среднее .	55,1%	28,0%

Изъ восьми округовъ рабочей демократіи въ 1889 г. одинъ только *Попенкуръ* не далъ большинства генералу Буланже, давъ ему, однако, очень сильное меньшинство (47%). Остальные семь высказались рѣшительно за національизмъ такъ-же рѣшительно, какъ теперь высказались противъ національизма. Тогда они соперничали съ аристократическими кварталами въ поддержкѣ безпокойнаго и безпрограмнаго генерала. Vaugirard уступалъ въ усердіи только Palais Bourbon, занимая второе мѣсто въ спискѣ преданныхъ генералу округовъ, а Chaumont занималъ четвертое мѣсто, уступая третье Elysée... Эта солидарность аристократическаго и демократическаго районовъ составляла самое характерное явленіе голосованія 15 января 1889 года; вмѣсто солидарности полный антагонизмъ этихъ районовъ характеризуетъ собою голосованія 6 и 13 мая 1900 г. Это одно обстоятельство настолько

значительно, что вполнѣ разрушаетъ иллюзію о повторяемости націоналистскихъ пароксизмовъ. Голосованіе 1900 года только при поверхностномъ сравненіи повторяетъ голосованіе 1889 года, въ сущности-же представляется явленіемъ новымъ, съ событіемъ 1889 года не имѣющимъ ничего общаго, кромѣ закоренѣлаго упорства, съ которымъ французская аристократія готова поддерживать всѣ темныя силы современной французской исторіи.

Если мы теперь обратимся къ сравненію роли буржуазіи въ 1889 и 1900 гг., то и здѣсь увидимъ между двумя голосованіями глубокое различіе. Въ 1889 году буржуазія въ Парижѣ была главнымъ элементомъ, рѣшительно боровшимся съ буланжизмомъ, и притомъ именно крупная буржуазія, la haute finance. Изъ пяти округовъ, не давшихъ въ 1889 году большинства генералу Буланже, четыре буржуазныхъ, и въ ихъ числѣ Bourse и Opèra. Остальные три буржуазныхъ округа (мы не считаемъ *Батиньоля*) дали генералу большинство, но двое—лишь незначительное, и только Passy, округъ нынѣ недвусмысленно осудившій націонализмъ (30°/₀ за нац.), тогда вмѣстѣ съ рабочими кварталами увлекся буланжизмомъ (60°/₀). Такимъ образомъ, и внутри буржуазной группы замѣчается то же различіе между симпатіями крупной и мелкой буржуазіи, какъ и теперь. Только теперь крупная буржуазія сочувствуетъ націонализму, а тогда была единственною серьезною силою, съ нимъ боровшеюся (я говорю исключительно о голосованіи 15 янв. 1889 г.). Съ другой стороны, мелкая буржуазія, и теперь колеблющаяся, и тогда колебалась, но тогда болѣе склонялась къ буланжизму, какъ теперь болѣе склоняется противъ націонализма, въ обоихъ случаяхъ обнаруживая податливость вліянію рабочей демократіи, сдерживаемому вліяніемъ крупной буржуазіи.

Если теперь мы прорезюмируемъ это сравненіе выборовъ 1889 и 1900 гг., то должны признать эти выборы совершенно различнаго значенія. Союзъ аристократіи и демократіи черезъ голову и въ ущербъ буржуазіи, таковъ былъ смыслъ выборовъ 1889 года. Союзъ аристократіи и крупной буржуазіи—это выборы 1900 года; успѣхъ имъ даровалъ кризисъ, повидимому переживаемый мелкою буржуазіей, этою властительницею судебъ Франціи. Въ 1889 г. демократія дала грозное предостереженіе господствующей буржуазіи и, добившись уступокъ, скоро забыла безпринципнаго авантюриста, именемъ котораго воспользовалась, быть можетъ и не совсѣмъ сознательно, для своихъ цѣлей (пошлая бездѣятельность и трусость республиканскаго правительства изнервили тогда народныя массы). Эта волна прокатилась, принесла свои плоды и вошла въ берега. Трудно сказать тоже о нынѣшнемъ положеніи. Невѣроятное торжество меньшинства можетъ быть случайностью, болѣе всего обязанною стеченію временныхъ обстоятельствъ и условій, но можетъ быть симптомомъ и глубокаго политическаго

кризиса, переживаемаго французскимъ народомъ. Посмотримъ, что дѣлала въ это время провинція?

III.

Свѣдѣнія о выборахъ 6 и 13 мая въ провинціи далеко не такъ полны и отчетливы, какъ данныя о парижскихъ выборахъ этихъ дней. Довольно точныя и достовѣрныя свѣдѣнія имѣемъ о крупныхъ центрахъ. Съ нихъ и начнемъ нашъ отчетъ.

Ліонъ. Вторая столица Франціи была капризна въ послѣднее время. Въ 1896 г. на послѣднихъ муниципальныхъ выборахъ большинство было дано коалиціи умѣренныхъ республиканцевъ съ частью радикаловъ; на законодательныхъ выборахъ 1898 г. одержали верхъ соціалисты (изъ шести депутатовъ были выбраны четыре соціалиста); наконецъ, сенатскіе выборы прошлаго января кончились въ пользу націоналистовъ, за которыхъ голосовали умѣренные республиканцы Ліона въ союзѣ съ реакціонерами деревни. Интересно было увидѣть результатъ голосованія въ маѣ настоящаго года. 6 мая голосованіе было нерѣшительное. Избраніе состоялось только во второмъ избирательномъ округѣ, центральномъ, и потому, вѣроятно, представляющемъ крупную буржуазію. Здѣсь одержали верхъ республиканцы-націоналисты, которыхъ списокъ прошелъ цѣликомъ, восемь кандидатовъ съ сенаторомъ Гуржю во главѣ. Въ остальныхъ пяти округахъ результаты были нерѣшительны, и понадобилась перебаллотировка. Голосованіе 13 мая дало окончательные результаты. Другой центральный округъ, первый, избралъ бывшаго мэра, умѣреннаго республиканца Гальятона и его списокъ (6 кандидатовъ) противъ списка откровенныхъ націоналистовъ. За ненаціоналистическихъ умѣренныхъ республиканцевъ здѣсь подано 4,627 голосовъ и 3,323 за націоналистовъ. Имѣя въ виду, что за умѣренно-республиканскій списокъ 13 мая подали голоса и радикалы (6 мая: около 1000 голосовъ) и соціалисты (6 мая: 600 гол.), надо признать, что и первый округъ Ліона очень сильно зараженъ націонализмомъ, хотя и слабѣе сосѣдняго второго округа. Остальные четыре округа, Guillotière, Croix-Rousse, Vaise и Brotteaux—предмѣстья, окружающія центральный городъ. Результаты голосованія слѣдующія:

	Радикалы.	Соціалисты.	Умѣр. респ.
Guillotière	16	—	—
Croix Rousse. . . .	3	1	1
Vaise	6	3	—
Brotteaux	8	—	2

Такимъ образомъ, всего выбрано рѣшительныхъ антинаціоналистовъ 37, націоналистовъ—8 и не совсѣмъ опредѣленныхъ—9

(въ первомъ округѣ 6 умѣренныхъ республиканцевъ избраны противъ націоналистовъ, а въ округахъ Croix Rousse и Brotteaux 3 умѣр. республиканца избраны при помощи націоналистовъ, отчаявшихся провести своихъ). Муниципальный совѣтъ Ліона такимъ образомъ составился въ громадномъ большинствѣ изъ рѣшительныхъ антинаціоналистовъ въ то время, какъ выбывшій составъ былъ неопредѣленно націоналистическій (что доказали январскіе выборы въ сенатъ). Такимъ образомъ, ліонская демократія высказалась совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и парижская, но то обстоятельство, что аристократія не имѣетъ вліянія въ Ліонѣ, а буржуазія слабѣе, нежели въ Парижѣ, привело не къ успѣху, а къ пораженію націоналистовъ.

Марсель. Здѣсь 6 мая боролись нѣсколько списковъ: списокъ соціалистическій мэра Флессьера, списокъ соціалистовъ-диссидентовъ съ Мирэромъ во главѣ, списокъ радикаловъ, списокъ націоналистовъ. 6 мая ни одинъ не получилъ абсолютнаго большинства. Голосовало 59 тыс. избирателей; изъ нихъ за націоналистовъ подало всего 6 тыс. голосовъ, или около 10%. Пораженіе было настолько полно, что на голосованіи 13 мая ихъ уже не принимали въ разсчетъ, а боролись соціалисты бывшаго муниципальнаго совѣта съ коалиціей соціалистовъ-диссидентовъ съ радикалами и умѣренными республиканцами. Избрано тридцать соціалистовъ бывшаго муниципальнаго совѣта съ бывшимъ мэромъ во главѣ (32,833 гол.) и пять изъ коалиціоннаго списка съ соціалистомъ Мирэромъ во главѣ. Составъ муниципальнаго совѣта остается по прежнему ярко-соціалистическимъ. О націонализмѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Въ Марсели избирателей 85 тыс. Изъ нихъ 6 мая приняло участіе 59 тыс. или 70%, а 13 мая—65 тыс. или 77%. Послѣдняя цифра показываетъ, съ какимъ все возрастающимъ интересомъ марсельское населеніе относилось къ выборамъ. Такой приговоръ можно считать рѣшительнымъ.

Бордо. Прежде здѣсь господствовали невозбранно умѣренные республиканцы, но въ 1896 году они были разбиты и муниципальный совѣтъ, благодаря избирательной коалиціи радикаловъ и роялистовъ, составился почти на половину изъ тѣхъ и изъ другихъ. Будучи солидарными на выборахъ, они не могли не столкнуться въ совѣтѣ, котораго засѣданія и наполнили пререканіями и борьбою. Теперь, когда роялисты явились на выборы уже подъ знаменемъ націонализма, соединяя вокругъ себя шовинистскіе и безсознательные элементы всѣхъ партій, состоялись соглашенія между умѣренными республиканцами, радикалами и соціалистами объ единодушномъ отпорѣ націонализму. Поэтому соглашенію 36 мѣстъ въ муниципальномъ совѣтѣ были распредѣлены напередъ такъ: 16 умѣреннымъ, 13—радикаламъ и 7—соціалистамъ.

6 мая боролись только два списка: націоналистовъ и только что упомянутый, принявшій названіе списка партіи республикан-

ской обороны. Послѣдній прошелъ значительнымъ большинствомъ (19 тыс. противъ 11 тыс. націоналистовъ), и его успѣхъ былъ встрѣченъ шумною народною демонстраціей. Здѣсь національмъ разбитъ недвусмысленно.

Лилль. Прежній муниципалитетъ состоялъ изъ 15 соціалистовъ, 12 радикаловъ и 9 умѣренныхъ республиканцевъ. Мэромъ былъ соціалистъ *Делори*, а изъ adjoints (въ родѣ нашихъ членовъ управы)—пять радикаловъ и четыре соціалиста. Лилльскій муниципалитетъ получилъ широкую извѣстность приглашеніемъ Либкнехта и торжествомъ въ его честь, сопровождавшимся бурными демонстраціями и столкновеніями. На выборахъ 6 мая передъ избирателями было три списка: соціалистическій, радикальный и „антиколлективистскій", какъ его назвали его сторонники, соединенные умѣренные республиканцы, raillés, роялисты и націоналисты.

6 мая дало слѣдующіе результаты: за соціалистовъ—15,412, за радикаловъ—5,135 и за соединенныхъ „антиколлективистовъ"—14,313, причемъ изъ 36 избрано только четверо (всѣ—соціалисты), для остальныхъ перебаллотировка. Для голосованія 13 мая между соціалистами и радикалами было заключено соглашеніе и составленъ одинъ списокъ изъ 20 соціалистовъ и 12 радикаловъ. Списокъ этотъ прошелъ цѣликомъ, большинствомъ 20 тыс. противъ 15 тыс. Новый муниципальный совѣтъ заключаетъ 24 соц. и 12 рад. Умѣренные потеряли всѣ свои мѣста, цѣна, въ которую имъ обошелся союзъ съ націонализмомъ, въ Лиллѣ тоже рѣшительно осужденномъ.

Тулуза. Прежній муниципалитетъ—радикальный. Онъ переизбранъ 6 мая безъ перебаллотировки. Въ оппозиціи были только соціалисты, соединившіе 7,000 голосовъ противъ 15 тыс. радикальныхъ. Націоналисты не пробовали счастья. Умѣренные республиканцы давно устранились.

Сентъ-Этьенъ. Прежній муниципалитетъ—умѣренно-республиканскій при сильномъ соціалистическомъ меньшинствѣ. Среди умѣренно-республиканскзго большинства преобладали съ оттѣнкомъ націоналистическимъ. 6 мая передъ избирателями конкуррировали три списка: соціалистовъ, радикаловъ и націоналистовъ. Результаты нерѣшительные, и потребовалась перебаллотировка. На голосованіи 13 мая соціалисты и радикалы соединились и нанесли пораженіе націоналистамъ большинствомъ $9^1/_2$ тыс. противъ $5^1/_2$ тыс. Избрано: 27 соціалистовъ, 5 радикаловъ и 4 націоналиста.

Рубэ. Прежній муниципальный совѣтъ—въ большинствѣ соціалисты. 6 мая нерѣшительные результаты. Послѣ перебаллотировки избрано: 30 соціалистовъ, 1 радикалъ и 5 „антиколлективистовъ", болѣе или менѣе націоналистическаго оттѣнка, который здѣсь не привлекъ населеніе.

Гавръ. Прежній муниципальный совѣтъ — радикальный съ сильнымъ умѣренно-республиканскимъ меньшинствомъ. Законодательные выборы 1898 года были благопріятны умѣреннымъ. Городъ издавна спорный между умѣренными и радикалами. Передъ выборами радикалы раздѣлились; часть изъ нихъ съ націоналистскими сочувствіями заключила коалицію съ умѣренными республиканцами и роялистами. Одержала побѣду эта націоналистская коалиція. Націоналистовъ избрано 22 и радикаловъ антинаціоналистовъ 14. При этомъ большинство остается съ другой стороны и радикальныхъ, такъ какъ въ числѣ націоналистовъ выбрано 11 радикаловъ-націоналистовъ. Во всякомъ случаѣ Гавръ, эта гавань Парижа, голосовалъ согласно съ своей метрополіей.

Нантъ, главный городъ департамента Нижней Луары, извѣстнаго своимъ упорнымъ роялизмомъ, а теперь, стало быть, и націонализмомъ. Въ январѣ этотъ именно департаментъ выбралъ сенаторомъ генерала Мерсье. До 1896 г. и самъ городъ Нантъ былъ во власти роялистовъ, но на муниципальныхъ выборахъ этого года соединенные республиканцы одержали успѣхъ и отвоевали себѣ 19 мѣстъ противъ 17, удержанныхъ роялистами. 6 мая передъ избирателями конкуррировали три списка: республиканскій, соціалистскій и націоналистскій. Было избрано 7 націоналистовъ изъ 36; остальные вошли въ перебаллотировку. Для голосованія 13 мая состоялось соглашеніе между всѣми антинаціоналистами, и передъ избирателями было всего два списка. Въ окончательномъ результатѣ новый муниципальный совѣтъ составился изъ 28 антинаціоналистовъ (въ томъ числѣ 3 соціалиста) и только 8 націоналистовъ, вмѣсто 17 въ прежнемъ муниципалитетѣ. Пораженіе націонализма очень чувствительное, и муниципальные совѣтники, которые 28 янв. этого года дали большинство на сенатскихъ выборахъ генералу Мерсье, не получили снова полномочія своихъ избирателей.

Руанъ. Прежній муниципальный совѣтъ—умѣренно-республиканскій съ сильнымъ радикально-соціалистическимъ меньшинствомъ. Передъ выборами произошло распаденіе большинства. Часть его съ мэромъ во главѣ, въ виду выступленія на сцену націоналистовъ, желала соглашенія съ радикалами и соціалистами; другая предпочитала соглашеніе съ націоналистами. Въ результатѣ оказались два коалиціонныхъ списка, антинаціоналистскій и націоналистскій. Послѣ двухъ голосованій оказалось избранными 29 антинаціоналистовъ и 7 націоналистовъ, которые здѣсь не имѣли успѣха, одержаннаго ими въ сосѣднихъ Парижѣ и Гаврѣ.

Реймсъ. Прежній муниципалитетъ состоялъ изъ 12 радикаловъ, 12 умѣренныхъ республиканцевъ и 12 роялистовъ. Онъ былъ результатомъ коалиціи этихъ трехъ партій противъ соціалистовъ. На этотъ разъ радикалы не согласились идти съ роялистами, преобразившимися въ націоналистовъ. Было заключено со-

глашеніе между радикалами и соціалистами и 6 мая изъ ихъ списка было избрано 24 кандидата; 13 мая это избраніе дополнено такимъ же успѣхомъ и остальныхъ двѣнадцати того же списка. Націоналисты не провели ни одного и на голосованіи остались въ самомъ печальномъ меньшинствѣ. Мы съ нѣкоторою подробностью остановились на выборахъ въ одиннадцати городахъ Франціи (съ Парижемъ въ 12), во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ численность населенія превышаетъ сто тысячъ. Относительно этихъ крупныхъ центровъ выводы совершенно несомнительны. Они высказались, кромѣ Гавра, противъ націонализма. Таково мнѣніе городской Франціи.

Относительно мнѣнія остальной Франціи такихъ детальныхъ данныхъ мы не имѣемъ. О народномъ настроеніи въ остальныхъ городахъ и въ селахъ можно судить по слѣдующимъ достовѣрнымъ даннымъ.

Изъ второстепеннымъ и третьестепенныхъ городовъ Франціи, возобновлявшихъ составъ своихъ муниципальныхъ совѣтовъ въ маѣ 1900 года, двадцать пять имѣли роялистское большинство въ муниципалитетахъ. Изъ нихъ на выборахъ 6 мая роялисты потеряли 8 муниципалитетовъ, а участь семи должна была рѣшиться на перебаллотировкѣ. Въ виду того, что роялисты всюду составляютъ основное ядро націонализма, это ихъ пораженіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ пораженіе націоналистовъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ Руссо пожелалъ сдѣлать точный подсчетъ успѣхамъ и пораженіямъ націоналистовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются и противниками его министерства. Это изслѣдованіе теперь уже закончено, и мы имѣемъ сводъ искомыхъ данныхъ для всѣхъ восьмидесяти двухъ департаментовъ европейской Франціи. Подсчетъ показалъ,что изъ 33942 общинъ министерскіе республиканцы (антинаціоналисты) въ этихъ департаментахъ одержали верхъ въ 24832 муниципальныхъ совѣтахъ, а націоналисты, включая, съ одной стороны, двусмысленныхъ республиканцевъ партіи Мелина, а съ другой стороны, роялистовъ, получили большинство въ 9110 общинахъ. Антинаціоналисты выиграли новыхъ 1004 общинъ или $^1/_{33}$ общинъ, вѣроятно, приблизительно столькихъ же и избирателей. Антинаціоналисты могутъ себя только поздравить съ такими результатами.

Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятыя и вмѣстѣ со свидѣтельствомъ безпристрастной прессы, даютъ возможность сдѣлать заключеніе, что на выборахъ 6 и 13 мая націонализмъ, не смотря на шумный, хотя и двусмысленный, успѣхъ въ Парижѣ, понесъ чувствительное пораженіе. Однако, этотъ самый двусмысленный успѣхъ въ Парижѣ всетаки производитъ очень сильное впечатлѣніе и не можетъ остаться безъ вліянія на ходъ событій. Укажемъ, напр., на то значительное обстоятельство, что три единственные умѣренные республиканца, избранные въ Парижѣ въ спискахъ антина-

ціоналистическихъ, присутствовали на первомъ же собраніи вновь избранныхъ муниципальныхъ націоналистовъ, усиливая собою довольно слабое націоналистское большинство. То обстоятельство, которое такъ ясно слѣдуетъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ о выборахъ въ одиннадцати крупныхъ центрахъ Франціи и которое состоитъ въ томъ, что умѣренные республиканцы чаще входили въ коалицію съ націоналистами, нежели съ радикалами и соціалистами, также должно быть принято во вниманіе. Не даромъ Мелинъ поднялъ голову и предвѣщалъ близкое паденіе кабинета. Онъ ошибся, конечно, но не невозможно, что уже давно колеблющееся и нерѣшительное большинство палаты когда нибудь и не устоитъ противъ парижскаго голосованія 6 и 13 мая. Умѣренно-республиканская партія, очевидно, въ процессѣ разложенія и должна рано или поздно открыто раздѣлиться на двѣ. И этотъ процессъ въ средѣ парламентскихъ умѣренныхъ республиканцевъ лишь соотвѣтствуетъ такому же политическому кризису въ средѣ буржуазіи, которой представителями служатъ умѣренные республиканцы.

Крупныя событія, происшедшія за послѣднее время во Франціи, настолько заняли насъ, что у меня уже не остается времени остановиться съ должнымъ вниманіемъ на другихъ событіяхъ, волновавшихъ человѣчество въ отчетный мѣсяцъ. Горестная агонія маленькаго геройскаго народа, сломленнаго торжествующимъ насиліемъ; напрасныя усилія его пословъ найти помощь и защиту у цивилизованныхъ народовъ; ростъ націонализма въ Англіи; увеличеніе флота (ростъ милитаризма) въ Германіи; парламентскія столкновенія и распущеніе палаты въ Италіи; новые фазисы въ исторіи національной борьбы въ Австріи; новыя концессіи въ Китаѣ, Персіи и Турціи; окончательное завоеваніе Туата французами и возможность изъ за этого войны въ Марокко; бунтъ ашантіевъ въ Гвинеѣ, первыя проявленія президентской борьбы въ Соединенныхъ Штатахъ, — таковы главнѣйшія событія, раздѣлявшія между собою вниманіе образованнаго человѣчества весною 1900 года. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ мы возвратимся еще на страницахъ этой хроники.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Кое-что о неблагополучіяхъ нашей промышленности.—Угольный голодъ и проекты борьбы съ нимъ.—Нефтяныя дѣла.—Планы упорядоченія промышленности.—II. Проектъ введенія земскихъ начальниковъ въ Юго-Западномъ и Западномъ краѣ.—Благонамѣренныя рѣчи «Московскихъ Вѣдомостей» и дѣйствительность.—Проектъ сокращенія каталога народныхъ читаленъ.—Положеніе о примѣненіи Временныхъ Правилъ 29 іюля 1899 г.

Минувшая зима была тяжелымъ періодомъ въ жизни промышленнаго населенія Россіи. Послѣдніе мѣсяцы прошлаго года и первые настоящаго ознаменовались широкимъ развитіемъ торгово-промышленнаго кризиса, вызвавшаго серьезныя потрясенія народнаго хозяйства въ промышленныхъ районахъ. Упорно длившійся кризисъ получилъ большое распространеніе и въ теченіе всей зимы изъ многихъ мѣстностей непрестанно шли вѣсти о сокращеніи производства, о пріостановкѣ фабрикъ и заводовъ, банкротствѣ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, объ уменьшеніи числа занятыхъ рабочихъ и о бѣдствіяхъ безработицы, претерпѣваемыхъ массою населенія. Лодзь и ближайшіе къ ней фабричные пункты—сообщали газеты въ началѣ февраля—„переживаютъ небывалый застой и тамошніе производители до нельзя ограничиваютъ размѣры своего производства или совсѣмъ прекращаютъ его“ *). Изъ Бѣлостока около этого же времени писали, что въ немъ, благодаря продолжающемуся болѣе полугода кризису, двѣ трети мѣстныхъ купцовъ и фабрикантовъ совершенно раззорились, и такое положеніе дѣлъ крайне печально отразилось на рабочемъ людѣ, въ особенности на мастеровыхъ, которые чуть не умираютъ отъ голода **). Въ Ковнѣ „сильнымъ денежнымъ кризисомъ окончательно пришибло торговцевъ и промышленниковъ. Нѣтъ торговли, нѣтъ денегъ, нѣтъ кредита“ ***). Дѣйствіе кризиса распространилось и на промышленность юго-западныхъ губерній и кіевская контрактовая ярмарка текущаго года сопровождалась банкротствами нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ и настоящей паникой среди сахарозаводчиковъ. Въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ на бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, работавшихъ въ этомъ году, по отзывамъ владѣльцевъ, въ убытокъ, къ серединѣ зимы усиленно разсчитывали рабочихъ. При этомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ почти поголовному разсчету подверглись малолѣтніе ра-

*) «Будущность», 4 февр. 1900 г.
**) «Нижегор. Листокъ», 3 февр. 1900 г.
***) «Ниж. Листокъ», 6 февр. 1900 г.

бочіе, ставшіе ненужными во время кризиса; взрослыхъ же рабочихъ фабриканты иногда, вмѣсто полнаго разсчета, переименовывали въ „запасныхъ“, понижая плату имъ до 30 к. въ сутки *). Многія фабрики здѣсь и совсѣмъ стали. Такой же разсчетъ рабочихъ происходилъ до половины зимы и на заводахъ Нижняго Новгорода. Здѣсь сверхъ того „къ заводскому кризису присоединился рядъ краховъ въ пароходномъ мірѣ, благодаря которымъ остались безъ работы цѣлыя группы судовыхъ рабочихъ“. Въ теченіе зимы масса рабочихъ перебивалась кой-какими случайными заработками, продажей имущества и займами. Съ наступленіемъ весны, разсказываетъ мѣстная газета, каждый день можно было „встрѣтить толпы безработныхъ, чуть не „Христа-ради“ умоляющихъ взять „на ремонтъ“—для мелкихъ слесарныхъ работъ на пароходахъ. У большинства—вытянутыя лица, подтянутые животы, прикрытые жалкими лохмотьями“ **). Не многимъ лучше обстояло дѣло и въ тульскомъ районѣ. „Фабрики и заводы, писали изъ Тулы еще въ половинѣ марта, сокращаютъ или вовсе пріостанавливаютъ свою дѣятельность, заработная плата уменьшается, точно такъ же, какъ и вообще спросъ на рабочія руки; напротивъ, количество послѣднихъ увеличивается“ ***). Такія же извѣстія приходили и изъ другихъ промышленныхъ округовъ центральной Россіи. Мѣстами бѣдствія рабочаго населенія, на которомъ кризисъ отразился съ особенною силой, достигали крайнихъ предѣловъ, порождая даже случаи буквально голодной смерти. Такъ, на улицахъ Лодзи въ одинъ день было подобрано пять человѣкъ, оказавшихся совершенно истощенными отъ голода ****). И лишь въ послѣдніе мѣсяцы появились болѣе благопріятные признаки, позволяющіе, повидимому, разсчитывать на близкое окончаніе такого угнетеннаго состоянія промышленности. „Мануфактурный рынокъ—сообщали въ концѣ апрѣля „Сѣв. Краю“ изъ Иваново-Вознесенска— въ истекшемъ мартѣ мѣсяцѣ нѣсколько оживился; вслѣдствіе этого оживилась и фабричная дѣятельность“. Большая часть фабрикъ уже пущена въ ходъ, остальныя же владѣльцы разсчитывали пустить съ 1 мая. „Однако,—прибавляетъ газета,—до сихъ поръ предложеніе труда со стороны рабочихъ и фабричныхъ служащихъ далеко превышаетъ спросъ“ *****). Въ Орѣховѣ-Зуевѣ крупныя фабрики открылись сейчасъ же послѣ Пасхи и только на нѣкоторыхъ красильныхъ заведеніяхъ продолжалась еще заминка. Тѣмъ не менѣе фабриканты имѣли полную возможность принимать рабочихъ съ тщательнымъ разборомъ, отказывая всѣмъ, когда-либо

*) «Сѣв. Кур.», 29 янв. 1900 г.

**) «Ниж. Листокъ». Цитируемъ по перепечаткѣ «Сѣв. Кур.», 1 марта 1900 г.

***) «Орл. Вѣстникъ», 15 марта 1900 г.

****) «Спб. Вѣд.», 21 марта 1900 г.

*****) «Сѣв. Край», 24 апр. 1900 г.

принимавшимъ участіе въ стачкахъ и забастовкахъ, такъ какъ предложеніе рабочихъ рукъ все еще гораздо сильнѣе спроса на нихъ *). Не перестаетъ пока оставаться тревожнымъ и настроеніе биржи.

Съ этимъ широко разросшимся кризисомъ, который далеко не вполнѣ еще закончился и во всякомъ случаѣ грозитъ оставить по себѣ въ жизни населенія серьезные и не легко поддающіеся уничтоженію слѣды, совпали и нѣкоторыя спеціальныя осложненія въ отдѣльныхъ отрасляхъ нашей промышленности. На общемъ фонѣ экономическаго разстройства, переживаемаго страною, особенно ярко выступили въ теченіе истекшей зимы два такія осложненія—угольный голодъ, съ небывалою силою разразившійся въ западныхъ (польскихъ) и южныхъ губерніяхъ, и рѣзкое вздорожаніе нефти, давшее себя знать по всей Россіи, но тяжелѣе всего отозвавшееся въ поволжскомъ районѣ. И недостача каменнаго угля, сопровождаемая крайнею его дороговизной, и быстрое поднятіе цѣнъ на нефть сами по себѣ не представляли полной новости; новы были только размѣры этихъ явленій въ текущемъ году, возведшіе ихъ на степень настоящаго бѣдствія. Съ другой стороны, оба названныя явленія не занимаютъ какого-либо вполнѣ обособленнаго мѣста въ экономической жизни страны. Наоборотъ, они тѣсно связаны съ общимъ направленіемъ нашей промышленной эволюціи послѣднихъ лѣтъ и отражаютъ на себѣ многія характерныя ея черты. Съ этой точки зрѣнія стоитъ оглянуться на нихъ и попытаться уловить въ этихъ осложненіяхъ минувшаго года, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя основныя тенденціи развитія нашей промышленности и группировки связанныхъ съ нею общественныхъ силъ. Такой ретроспективный взглядъ представляется тѣмъ болѣе своевременнымъ, что названныя сейчасъ явленія не отошли вмѣстѣ съ окончившейся зимой въ область прошедшаго. Судя, по крайней мѣрѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, и въ каменноугольномъ и въ нефтяномъ дѣлѣ въ ближайшемъ будущемъ приходится ожидать не отсутствія прежнихъ осложненій, а новаго и серьезнаго ихъ обостренія.

Итакъ, начнемъ съ угольнаго кризиса и прежде всего напомнимъ его фактическую сторону. Почти весь юго-западъ и югъ Россіи за послѣдніе годы окончательно перешелъ на каменноугольное топливо, но каждую осень и зиму испытываетъ болѣе или менѣе серьезный недостатокъ въ немъ, благодаря медленному росту выработки угля на русскихъ копяхъ, не поспѣвающему за ростомъ потребностей населенія. Особенно ощутительнымъ сдѣлалось это несоотвѣтствіе съ быстрымъ развитіемъ на югѣ металлургической промышленности. Въ прямой связи съ этимъ быстро поднимались и цѣны на уголь. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ на донец-

*) «С. От.», 6 мая 1900 г.

кихъ шахтахъ можно было купить уголь по $5^1/_2$ и даже по 4 к. пудъ. Теперь такія цѣны отошли уже въ область преданія. Развитію иностранной конкурренціи, которая могла бы увеличить предложеніе угля на рынкѣ и понизить цѣны на него, препятствуетъ покровительственная пошлина на привозный уголь, установленная въ интересахъ развитія отечественной промышленности. Въ минувшемъ же году къ этому присоединилось еще вліяніе особыхъ обстоятельствъ. Благодаря неурожаю, постигшему южныя губерніи, вывозъ хлѣба изъ южныхъ портовъ былъ ничтоженъ, и въ эти порты сравнительно рѣдко приходили англійскіе пароходы, обыкновенно привозившіе съ собой уголь въ видѣ балласта. Между тѣмъ трансваальская война, значительно поднявъ требованіе на коммерческія суда, повысила до необычайныхъ размѣровъ и фрахтъ на нихъ. При такихъ-то условіяхъ начало прошедшей осени ознаменовалось и на югѣ, и на западѣ Россіи значительнымъ поднятіемъ цѣнъ на уголь. Черноморскія пароходныя предпріятія уже въ сентябрѣ вынуждены были переплачивать за донецкій уголь болѣе 40% противъ цѣнъ послѣдняго четырехлѣтія *). Съ воронежско-ростовской желѣзной дороги въ началѣ октября телеграфировали: „цѣна на уголь невѣроятно повышается; замѣчается трогательная солидарность между владѣльцами шахтъ" **). Многіе заводы и фабрики уже въ концѣ осени и началѣ зимы были поставлены въ серьезное затрудненіе этимъ поднятіемъ цѣнъ, такъ какъ напрасно ожидали выполненія подрядовъ отъ коммиссіонеровъ, запродавшихъ имъ уголь на октябрь и ноябрь. Въ Одессѣ уже въ октябрѣ стоимость угдя достигала 23—25 к., а въ портахъ Чернаго моря онъ продавался по еще болѣе дорогой цѣнѣ. Въ виду этого юго-западная желѣзная дорога предпочла закупить для себя 7 милліоновъ пудовъ за границею, а одесскіе биржевой и торгово-мануфактурный комитеты въ началѣ октября по телеграфу ходатайствовали передъ министромъ объ отмѣнѣ, хотя бы на полгода, пошлины на англійскій уголь, прибывающій въ одесскій портъ ***). Еще нѣсколько времени спустя появились даже сообщенія о томъ, что въ виду полнаго отсутствія надеждъ на паденіе стоимости каменнаго угля „большинство заводчиковъ и фабрикантовъ юга Россіи серьезно озабочены вопросомъ о переустройствѣ своихъ угольныхъ топокъ съ цѣлью приспособленія ихъ къ нефтяному отопленію" ****). Съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи, происходившій въ Харьковѣ съ 25 октября по 20 ноября, не нашелъ другого средства помочь бѣдѣ, какъ рекомендовать безпошлинную выписку иностраннаго угля исключительно

*) «Н. Вр.», 15 сент. 1899 г.
**) «С. От.», 6 окт. 1899 г.
***) «С. От.», 15 окт.; «Россія», 20 окт.; «Р. Вѣд.», 21 окт. 1899 г.
****) «С. От.», 29 ноября 1899 г.

для нуждъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ за осенью подошла необычайно суровая для юга зима, съ упорными и сильными морозами, и требованія на топливо со стороны населенія сразу значительно возросло. Тогда-то разразились настоящія бѣдствія угольнаго голода. Въ январѣ уголь мѣстами продавался уже по 30 и 35 к. за пудъ и цѣны все еще, не останавливаясь, шли вверхъ; мѣстами же, и нерѣдко, минеральнаго топлива невозможно было достать ни за какія деньги. Надо помнить, что на югѣ нѣтъ никакого иного топлива, чтобы вполнѣ наглядно представить себѣ смыслъ этихъ фактовъ. „Слова „угля нѣтъ"—писалъ въ поясненіе ихъ одинъ изъ корреспондентовъ съ юга—прямо-таки означаютъ нетопленную, холодную хату для бѣдняка-горожанина и для значительной части крестьянства. „Угля нѣтъ", это—остановка производства для заводчика со всѣми послѣдствіями этой остановки, т. е. съ убытками владѣльца, съ увольненіемъ и голоданіемъ рабочихъ. „Угля нѣтъ", это—прекращеніе или сокращеніе перевозки для желѣзной дороги" *). Всѣ эти формы проявленія угольнаго кризиса и были въ полной мѣрѣ испытаны юго-западомъ и югомъ Россіи въ теченіе истекшей зимы. Особенно тяжело пришлось отъ кризиса бѣднѣйшей части городского населенія, вдоволь нахолодавшейся за зиму въ своихъ плохо отапливаемыхъ жилищахъ и не имѣвшей силъ собственными средствами справиться съ неожиданными затрудненіями. Нѣкоторые города сдѣлали было попытки придти на помощь острой нуждѣ бѣднѣйшихъ обывателей, но эти попытки были задуманы такъ поздно, предприняты съ такими скудными средствами и поставлены такъ неудачно, что въ громадномъ большинствѣ онѣ закончились полнымъ неуспѣхомъ. Въ лучшемъ случаѣ такія попытки свелись къ благотворительности какого-либо углепромышленника, нисколько не нарушавшей, впрочемъ, „трогательной солидарности" представителей этого класса, а иногда не мѣшавшей и выгодѣ самого „благотворителя". На желѣзныхъ дорогахъ одно время благодаря недостатку топлива воцарился полный хаосъ, для устраненія котораго пришлось принимать совершенно экстренныя мѣры, заводы, если и не останавливали въ силу той же причины вполнѣ свое производство, то все же сильно сокращали порою его. „Никополь-маріупольскому (металлургическому) заводу—писали, напр., изъ Маріуполя въ концѣ января—требуется ежедневно отъ 50 до 80 вагоновъ для подвозки угля, руды, кокса и известковаго камня, а ему подаютъ вмѣсто 50 только 5 вагоновъ". Въ виду отсутствія матеріаловъ, вызваннаго частью дороговизною угля, частью неисправностью дороги „заводъ вынужденъ былъ сократить производство и одновременно уволено около 2.000 душъ рабочихъ и соотвѣтственное количество мастеровъ и служащихъ". По тѣмъ же причинамъ и другому маріупольскому

*) «Р. Вѣд.», 6 февр. 1900 г.

заводу „пришлось мало-по-малу сокращать дѣятельность и тоже, хотя не сразу, но постепенно, увольнять рабочихъ и служащихъ (еженедѣльно отъ 50 до 100 человѣкъ)*)“.

Въ только что приведенномъ примѣрѣ извѣстная доля затрудненій заводовъ создана была, по словамъ корреспондента, неаккуратностью желѣзной дороги. И въ прессѣ, и на съѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи подобныя обвиненія повторялись и въ гораздо болѣе общемъ видѣ, причемъ значительная, если не большая, часть вины въ угольномъ кризисѣ ставилась на счетъ неисправности желѣзныхъ дорогъ, не подававшихъ нужнаго количества вагоновъ для перевозки угля. Что наше желѣзнодорожное хозяйство не отличается большимъ порядкомъ, спорить трудно. Тѣмъ не менѣе едва-ли можно серьезно сомнѣваться и въ томъ, что главная пружина дѣла заключается не въ желѣзнодорожныхъ безпорядкахъ. Не такъ давно одна спеціальная газета пришла по этому вопросу къ любопытнымъ выводамъ, подсчитавъ статистическія данныя харьковскаго комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива за 1899 г. Согласно ея подсчету, „не было погружено въ сроки, назначенные комитетомъ, за отказомъ углеотправителей отъ погрузки — 93.000 вагоновъ, за неподачею въ срокъ желѣзными дорогами—35$^1/_2$ тыс. вагоновъ. Такимъ образомъ общій недогрузъ минеральнаго топлива въ 1899 г. долженъ былъ бы составлять 128$^1/_2$ тыс. вагоновъ, еслибы желѣзныя дороги не подавали дополнительныхъ вагоновъ; такихъ вагоновъ было подано 73.000. Вслѣдствіе этого общій недогрузъ уменьшился до 52$^1/_2$ тыс. вагоновъ, другими словами, подачею 73.000 дополнительныхъ вагоновъ желѣзныя дороги не только покрыли 35$^1/_2$ тыс. вагоновъ, не поданныхъ подъ нагрузку по ихъ винѣ, но и уменьшили недогрузъ по обстоятельствамъ, зависѣвшимъ отъ углепромышленниковъ“ **). Эти цифры во всякомъ случаѣ достаточно ясно указываютъ, что объясненія постигшаго южныя губерніи угольнаго голода надо искать не въ условіяхъ перевозки продукта, а въ условіяхъ его добыванія и въ постановкѣ торговаго дѣла. Какъ велики были убытки, причиненные народному хозяйству этимъ бѣдствіемъ, пока нѣтъ возможности вычислить даже приблизительно, но, несомнѣнно, они должны были имѣть внушительные размѣры.

Въ свое время приняты были нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы по возможности вступить въ борьбу съ бѣдствіемъ и уменьшить размѣры наносимаго имъ вреда. Изъ всѣхъ такихъ мѣръ наиболѣе крутыя были пущены въ ходъ въ Привислянскомъ краѣ, и въ частности въ Варшавѣ. Здѣсь угольный кризисъ имѣлъ въ общемъ такой же характеръ, какъ и на югѣ, и равнымъ образомъ попытка варшавскаго магистрата создать для бѣднаго населенія возможность по-

*) «Таганрогскій Вѣстникъ», 30 янв. 1900 г.

**) «Желѣзнодорожное Дѣло». Цитируемъ по перепечаткѣ «Р. Вѣдомостей», 17 марта 1900 г.

купать уголь въ городскихъ складахъ по дешевой цѣнѣ не повліяла на общее пониженіе цѣнъ *). Послѣ того варшавскимъ генералъ-губернаторомъ была командирована въ Домбровскій угольный бассейнъ спеціальная коммиссія, которая и раскрыла, что въ Варшавѣ имѣется 17 крупныхъ оптовыхъ скупщиковъ домбровскаго угля, составившихъ между собою синдикатъ для поднятія цѣнъ на уголь. Послѣдній продавался въ Варшавѣ уже по 225 р. за вагонъ. Варшавскій генералъ-губернаторъ, снесшись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, распорядился объявить имъ, что цѣна каменнаго угля въ Варшавѣ не должна превышать 115 р. за вагонъ и если впредь кто изъ торговцевъ назначитъ высшую цѣну, то будетъ высланъ изъ Варшавы административнымъ порядкомъ. Результаты этой мѣры не заставили себя ждать: черезъ нѣсколько дней уголь совершенно исчезъ въ Варшавѣ изъ продажи, такъ какъ спекулянты направили свои запасы мимо этого города. Съ ограниченіемъ же на мѣстномъ рынкѣ количества угля цѣна его поднялась еще болѣе и въ февралѣ онъ продавался по 35 к. пудъ и дороже **). Непосредственное административное воздѣйствіе еще разъ такимъ образомъ оказалось слишкомъ грубымъ орудіемъ для правильнаго вліянія на сложную сѣть экономическихъ отношеній.

Другія мѣры, направленныя на борьбу съ угольнымъ кризисомъ, не отличались такимъ рѣшительнымъ характеромъ Въ концѣ января желѣзнымъ дорогамъ разрѣшенъ былъ до 1 сентября 1900 г. безпошлинный ввозъ иностраннаго угля для ихъ надобностей, такое же разрѣшеніе дано было и нѣкоторымъ отдѣльнымъ городамъ. Эта мѣра, немного ослабившая кризисъ, была однако не болѣе, какъ палліативомъ. Не пошло далѣе палліативовъ и особое совѣщаніе, собранное въ серединѣ зимы въ Петербургѣ для разрѣшенія вопроса о томъ, какія общія органическія мѣры могутъ содѣйствовать развитію нашей каменноугольной промышленности въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ. Вопросъ о пошлинѣ на иностранный уголь былъ изъятъ изъ вѣдѣнія совѣщанія, какъ посторонній и могущій только усложнить безъ нужды дѣло. Съ другой стороны уполномоченный горнопромышленниковъ юга Россіи, г. Авдаковъ, высказался въ совѣщаніи даже противъ сложенія пошлинъ съ машинъ, предназначенныхъ для копей, такъ какъ „въ техническомъ отношеніи наша каменноугольная промышленность не отстаетъ отъ другихъ“ и кризисъ не связанъ съ ея мнимой отсталостью. Совѣщанію, согласившемуся съ мнѣніемъ г. Авдакова, оставалось только заняться деталями связанныхъ съ кризисомъ вопросовъ, чѣмъ оно добросовѣстно и занялось. Такой исходъ совѣщанія едва-ли покажется удивительнымъ, если при-

*) «Р. Вѣд.», 14 дек. 1899 г.

**) «Спб. Вѣд.», 25 янв. и 26 февр. 1900 г.

помнить, что на немъ не было представителей широкихъ круговъ потребителей, нуждающихся въ дешевомъ продуктѣ... Тѣсный кругъ обсуждающихъ нерѣдко стѣсняетъ и самые вопросы, подлежащіе обсужденію. Какъ бы то ни было, минувшій годъ не далъ никакого общаго плана сколько-нибудь широкихъ мѣропріятій для борьбы съ угольнымъ голодомъ, а между тѣмъ этотъ послѣдній, на время было затихшій, снова выступаетъ уже на сцену. „Намъ сообщаютъ за достовѣрное,—пишетъ „Ю. Обозрѣніе“ *),— что мѣстные агенты крупныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ донецкаго бассейна получили отъ послѣднихъ приказаніе не принимать крупныхъ угольныхъ заказовъ, такъ какъ въ виду ухода съ шахтъ въ деревни массы рабочихъ добыча угля сильно уменьшилась, что создаетъ невозможность удовлетворять заказы“.

Но если выработка мѣръ противъ кризиса остается еще задачей будущаго, то въ прошломъ не было недостатка въ проектахъ упорядоченія нашей каменноугольной промышленности, и между этими проектами встрѣчались такіе, на которыхъ стоитъ остановиться, если не ради ихъ внутренней цѣнности, то потому, что они заключаютъ въ себѣ характерныя для современности черты. Среди пожеланій снятія пошлины на привозной уголь, настойчиво, хотя и тщетно высказывавшихся громаднымъ большинствомъ печати, время отъ времени раздавались и рѣчи, дававшія иную оцѣнку положенія дѣлъ, слышались спокойные голоса, говорившіе съ сознаніемъ своего значенія и силы. Такіе голоса принадлежали то цѣлымъ группамъ, то отдѣльнымъ лицамъ, но всегда они исходили изъ среды одного и того же класса. Съѣздъ привислинскихъ горнопромышленниковъ нашелъ, что если „покровительственная система будетъ нынѣ поколеблена, то горному дѣлу въ Царствѣ Польскомъ грозитъ общій крахъ“. „Горнопромышленникамъ важно, чтобы покровительственная система оставалась безъ колебанія извѣстный промежутокъ времени, хотя бы лѣтъ на 10“. Иначе они „не ручаются, что предпринятыя мѣры для увеличенія добычи угля будутъ исполнены всецѣло“ **). На снятіе пошлины углепромышленники обѣщали такимъ образомъ отвѣтить затяжкою кризиса. Съ неменьшею опредѣленностью и твердостью велъ свою линію и осенній съѣздъ южно-русскихъ горнопромышленниковъ. Согласно разсчету спеціальной коммиссіи самого съѣзда, въ 1900 г. слѣдуетъ ожидать превышенія спроса на донецкій уголь, сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое могутъ поставить копи, по крайней мѣрѣ, на 25 милл. пудовъ ***). Этотъ разсчетъ получитъ въ нашихъ глазахъ настоящее свое значеніе, если мы припомнимъ аналогичныя заявленія предъидущаго съѣзда (1898 г.), что „До-

*) «Ю. Об.», 27 апр. 1900 г.

**) «Н. Вр.», 2 дек. 1899 г.

***) Труды XXIV съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Часть I. Харьковъ. 1900, стр. XXXVI—XXXVII.

нецкій каменноугольный бассейнъ вполнѣ удовлетворяетъ предъявленныя къ нему требованія“ и что „количество угля, опредѣленное къ вывозу, съ нѣкоторымъ избыткомъ, хотя и небольшимъ, покроетъ втеченіе 1899 года требованіе всѣхъ родовъ потребителей“ *). Констатируя теперь неизбѣжность недостатка угля на 1900 г., одинъ изъ ораторовъ съѣзда, г. Авдаковъ, спокойно замѣчалъ, что „въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго“. „Спросъ на нѣкоторое время долженъ превысить предложеніе“ и надо лишь „смягчить“ возникающія отсюда затрудненія, но никакъ не путемъ снятія пошлинъ съ иностраннаго угля. Современемъ русская углепромышленность догонитъ спросъ. „Въ обществѣ и печати составилось ложное понятіе, будто цѣны искусственно повышены вслѣдствіе какого-то соглашенія между углепромышленниками. По мнѣнію г. Авдакова,—говоритъ протоколъ съѣзда—это совершенно не вѣрно. Въ дѣйствительности поднятіе цѣнъ есть вполнѣ естественный результатъ быстраго роста желѣзодѣлательной и другихъ отраслей горной и заводской промышленности“. Съѣздъ вполнѣ согласился съ ораторомъ и постановилъ лишь ходатайствовать о томъ, чтобы въ случаѣ пересмотра ввозныхъ пошлинъ на уголь къ участію въ совѣщаніи были приглашены представители съѣзда **).

Спокойно констатируя неизбѣжность новаго кризиса, горнопромышленники позаботились все же указать настоящихъ его виновниковъ. Въ 1898 г. съѣздъ находилъ, что на копяхъ не замѣчается недостатка въ рабочихъ. Въ 1899 г. совѣтъ съѣзда уже оправдывалъ недостаточную добычу угля тѣмъ, что „на многихъ рудникахъ встрѣтилось затрудненіе въ недостаткѣ рабочихъ“. Тѣмъ не менѣе съѣздъ и теперь не видѣлъ надобности принимать съ своей стороны какія-либо мѣры для привлеченія рабочихъ. На запросъ министерства финансовъ горнопромышленники заявили, что „бытъ рабочихъ въ южныхъ горныхъ промыслахъ долженъ быть признанъ если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ достаточно удовлетворительнымъ“. Трогательность этой идилліи была нѣсколько подорвана лишь словами представителя министерства, что, „не имѣя основанія сомнѣваться въ правильности заявленій представителей горнопромышленниковъ, онъ тѣмъ не менѣе желалъ-бы, чтобы эти заявленія были подкрѣплены цифровыми данными“, которыхъ на-лицо не оказалось. За то одинъ изъ популярнѣйшихъ ораторовъ съѣзда, г. Авдаковъ, рѣшительно утверждалъ, что положеніе рабочихъ у горнопромышленниковъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: жилища ихъ прекрасны, заработки „громадны“: „средній размѣръ платы горнорабочему составляетъ около 1 р. 25 к. въ день, а горнозаводскіе рабочіе зарабатываютъ еще больше, при-

*) Тамъ же, докладъ уполномоченныхъ XXIII съѣзда, с.с. 83, 80.
**) Тамъ же, с.с. XXXIX—XL.

чемъ, какъ слѣдствіе высокаго заработка, среди горнорабочихъ развито пьянство, разгулъ и проч.". Какъ-бы въ доказательство этого съѣздъ постановилъ ходатайствовать о расположеніи военнаго гарнизона въ одномъ или нѣсколькихъ промышленныхъ центрахъ Славяносербскаго уѣзда и въ мѣстечкѣ Кривомъ Рогѣ, съ тѣмъ, что мѣстные горнопромышленники примутъ участіе въ нужныхъ для этого расходахъ *). Въ свою очередь уполномоченные XXIII съѣзда горнопромышленниковъ указывали, что задержка въ ростѣ углепромышленности вызывается уходомъ рабочихъ. Отвлеченіе же рабочихъ съ рудниковъ создается хорошимъ урожаемъ въ Донецкомъ бассейнѣ, переходомъ рабочихъ на болѣе легкія открытыя работы по добыванію желѣзныхъ рудъ и обычнымъ лѣтнимъ уходомъ рабочихъ на полевыя работы и на родину, причемъ рабочіе уходятъ даже въ неурожайныя мѣстности, руководясь будто-бы „желаніемъ получить и на свою долю тѣ пособія, которыя выдаются крестьянскому населенію въ неурожайныхъ губерніяхъ". Надо, однако, отдать честь гг. уполномоченнымъ,—они все же не ходатайствовали о прекращеніи урожаевъ и невыдачѣ пособій голодающимъ. Свою задачу они поняли нѣсколько скромнѣе и практичнѣе. „Для превращенія нашего рабочаго изъ кочевого въ осѣдлаго" они рекомендовали „дать рабочему на копяхъ хату и хотя-бы небольшой клочекъ земли, на которомъ онъ могъ-бы вести собственное небольшое хозяйство, держать корову, мелкій домашній скотъ и домашнюю птицу". Эта мѣра дала-бы горнопромышленникамъ постоянный контингентъ опытныхъ рабочихъ и подняла-бы нравственность среди послѣднихъ, давая имъ возможность выписать свои семьи; сверхъ того рабочіе такимъ путемъ „прикрѣплялись-бы извѣстнымъ образомъ къ мѣсту, потому что кочевать съ семьей гораздо труднѣе, чѣмъ одинокому". Второй мѣрой для привлеченія рабочихъ могло-бы явиться улучшеніе условій ихъ быта въ видѣ постройки хорошихъ жилыхъ помѣщеній, школъ, больницъ и т. д. Въ этомъ отношеніи, по словамъ гг. уполномоченныхъ, многое уже и сдѣлано на копяхъ, но „свободныя средства углепромышленниковъ значительно истощились". Что касается поднятія заработной платы, то его гг. уполномоченные считали невозможнымъ: дѣло въ томъ, что на донецкихъ копяхъ, вопреки общему экономическому закону, „съ повышеніемъ заработной платы производительность рабочаго уменьшается". Возможнымъ на съѣздѣ 1898 г. признано было только попытаться упорядочить наемъ рабочихъ путемъ устройства особой конторы и ходатайствовать объ облегченіи выдачи разрѣшеній на „устройство чтеній, туманныхъ картинъ, игръ и другихъ развлеченій, отвлекающихъ рабочій людъ отъ пьянства и разгула въ часы досуга" **).

*) Тамъ же, сс. XXV, LXXVII, LXXX—LXXXII.

**) Тамъ же, докладная записка уполномоченныхъ XXIII съѣзда, сс. 115—121.

Итакъ, чтобы развить нашу горнопромышленность, надо только доставить ей постоянныхъ и дешевыхъ рабочихъ. То, что осталось при этомъ недоговореннымъ на съѣздахъ, договорили отдѣльныя лица. И прежде всего—г. Скальковскій. Гдѣ только заходитъ рѣчь о нуждахъ русскихъ промышленниковъ, тамъ обыкновенно слышится и его голосъ. Такъ ведется уже съ давнихъ поръ, такъ было и на этотъ разъ. Едва выяснилось, что угольный кризисъ этого года обратилъ на себя серьезное вниманіе и врядъ-ли пройдетъ безъ всякихъ мѣропріятій со стороны правительства, какъ г. Скальковскій поторопился доказать безполезность всякихъ мѣропріятій, кромѣ одного лишь доставленія дешевыхъ рабочихъ на копи. Доказать же, что угодно, г. Скальковскому одинаково легко, такъ какъ онъ въ высокой степени обладаетъ драгоцѣннымъ для такихъ случаевъ качествомъ — полною беззаботностью относительно всякихъ фактовъ и цифръ. Снятіе пошлины съ иностраннаго угля, по его утвержденію, не имѣло бы смысла, такъ какъ за границею уголь теперь „дороже, нежели на русскихъ копяхъ, а въ Англіи даже вдвое дороже“. Эта авторитетная справка г. Скальковскаго не помѣшала, замѣтимъ въ скобкахъ, русскимъ дорогамъ, казеннымъ и частнымъ, послѣ разрѣшенія имъ безпошлиннаго ввоза угля, закупать его именно въ Англіи. Вздорожаніе угля, по словамъ г. Скальковскаго, не даетъ барыша горнопромышленникамъ: оно вызывается ростомъ ренты на угольныя земли, а, главное, увеличеніемъ издержекъ производства, созданнымъ излишней и неправильной заботой о рабочемъ. „Введеніе закона объ ограниченіи рабочаго времени отозвалось сокращеніемъ производительности рабочаго труда и соотвѣтственнымъ вздорожаніемъ издержекъ производства. Фабричныя и горнозаводскія присутствія издаютъ рядъ постановленій, которыя всѣ влекутъ за собою новые расходы, а нѣкоторыя, касающіяся жилыхъ помѣщеній, стѣсняютъ наемъ рабочихъ, такъ какъ послѣдніе не находятъ ихъ, а промышленники не рѣшаются строить, опасаясь стѣсненій“. „Число инспекцій,—глубокомысленно разсуждаетъ г. Скальковскій,—все увеличивается и такъ какъ контролировать гораздо легче, чѣмъ работать, то мало-по-малу число инспекторовъ можетъ достигнуть числа инспектируемыхъ... Нельзя, конечно, ничего сказать противъ заботливости объ улучшеніи участи рабочихъ въ гигіеническомъ и экономическомъ отношеніяхъ, пока эта заботливость не переходитъ въ государственный соціализмъ; но всякія улучшенія не могутъ являться даромъ, а разъ они оплачиваются, то, въ концѣ концовъ, за нихъ расплачиваются потребители угля, который дорожаетъ“. Наконецъ, южные горнопромышленники „несутъ на себѣ расходы по расквартированію войскъ, особенно казаковъ, приглашенныхъ на постоянное жительство для водворенія спокойствія вслѣдствіе постоянныхъ

стачекъ и волненій. Это охраненіе копей равнымъ образомъ ложится въ цѣну угля"... Надо имѣть, конечно, зоркія очи г. Скальковскаго, чтобы увидѣть въ законѣ 2 іюня 1897 г., правительственной инспекціи и содержаніи казачьихъ командъ на копяхъ призракъ государственнаго соціализма, и надо обладать ариѳметическими способностями того же публициста, чтобы приписать этимъ условіямъ грандіозное поднятіе цѣнъ угля. Но оставимъ это. Можно еще спросить, какимъ образомъ добыть хотя-бы дорогой уголь, но въ достаточномъ количествѣ. „Самое важное—отвѣчаетъ г. Скальковскій—снабдить копи необходимымъ количествомъ горнорабочихъ... Въ настоящее время только горнорабочіе, имѣющіе свои семейства, остаются лѣтомъ на копяхъ обществъ, остальные возвращаются домой подъ предлогомъ жатвы. Это показываетъ, что рабочихъ надо перевозить по желѣзнымъ дорогамъ не одиночками, а съ семействами и селить около копей, для чего помогать имъ устраиваться". Переселить такимъ образомъ слѣдовало-бы около 20.000 рабочихъ *). Въ случаѣ исполненія такого проекта рабочіе, конечно, не могли бы уже уклоняться отъ работъ на копяхъ подъ „предлогомъ" жатвы. Съ этими разсужденіями г. Скальковскаго небезъинтересно сопоставить переданныя сотрудникомъ одной изъ провинціальныхъ газетъ рѣчи неизвѣстнаго крупнаго углепромышленника. Послѣдній утверждалъ, что, пока нашъ крестьянинъ связанъ съ землею, копи всегда будутъ страдать отъ недостатка рабочихъ. Бѣда въ томъ, что „контингентъ шахтеровъ состоитъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ центральныхъ губерній, гдѣ господствуетъ общинная форма владѣнія землей, желѣзной цѣпью опутывающая всѣхъ членовъ общины. Большинство шахтеровъ землею вовсе не пользуется, а подати за землю платятъ и всякія повинности... Главное же то, что рабочій, проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ и скопивъ немного денегъ, бѣжитъ съ рудниковъ домой, въ родную деревню; тамъ, правда, живетъ его семья, но она могла-бы жить съ нимъ при шахтѣ, въ баракахъ или землянкахъ". Въ виду этого слѣдовало-бы позаботиться о „скорѣйшемъ разрывѣ всѣхъ нитей, связывающихъ горнозаводскаго рабочаго съ общиною и только путающихъ его" **).

Какъ быть однако, если даже освобожденный отъ общины и земли крестьянинъ центральныхъ губерній не захочетъ переселиться въ уготованную для него на донецкихъ копяхъ землянку? На этотъ вопросъ взялся отвѣтить горный инженеръ г. Н. Штейнфельдъ и отвѣтилъ смѣло и категорически. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ каменноугольнаго кризиса является недостатокъ рабочихъ, онъ считаетъ необходимымъ

---

*) «Н. Вр.», 22 дек. 1899 г.

**) «Днѣпровская Молва». Цитируемъ по перепечаткѣ «Россіи», 9 дек. 1899 г.

привлечь „къ работамъ на копяхъ недорогихъ рабочихъ, какъ, напримѣръ, нуждающайся людъ изъ земледѣльческой полосы, разстроившей свое хозяйство вслѣдствіе періодическихъ неурожаевъ“. „Мы отказываемся—заявляетъ онъ—признать нормальнымъ то явленіе, что при существованіи желѣзныхъ дорогъ въ одной мѣстности имперіи нельзя найти рабочихъ при поденной платѣ въ 1 р.—1 р. 50 к., а въ другой, за 500 верстъ отъ первой, государство и общество вынуждены даромъ кормить голодающихъ... Не разумнѣе-ли направить часть голоднаго населенія въ промышленные центры, съ одной стороны, создавъ для него выгодный отхожій промыселъ, а съ другой удовлетворивъ насущную потребность отечественной промышленности?.. Необходимо только, чтобы мѣры эти были рѣшительно проводимы въ жизнь, а гдѣ нужно, не останавливались-бы даже передъ принужденіемъ, потому что этого одновременно требуютъ интересы промышленности, общества и самихъ принуждаемыхъ“ *).

Такимъ образомъ, виновникъ кризиса былъ благополучно разысканъ въ лицѣ рабочаго, не умѣющаго цѣнить тѣхъ благъ, которыми его осыпаетъ горнопромышленность, и вмѣстѣ съ тѣмъ найдены были и средства успѣшной борьбы съ нимъ. Что горнопромышленность несетъ занятому въ ней рабочему именно блага,—склонны думать не одни лишь владѣльцы шахтъ. Еще недавно одна изъ петербургскихъ газетъ, перечисливъ приведенныя у насъ выше постановленія двухъ послѣднихъ съѣздовъ горнопромышленниковъ относительно быта рабочихъ, заключила отсюда, что „улучшеніе быта рабочихъ съ развитіемъ русской промышленности становится лозунгомъ послѣдней“ **) Попробуемъ, однако, присмотрѣться къ положенію рабочихъ Донецкаго бассейна, не полагаясь на одни общіе отзывы. Данныхъ для этого немного, но нѣкоторыя все же имѣются и въ нихъ тѣмъ менѣе можно предполагать умышленно темную окраску, что въ большинствѣ они исходятъ отъ самихъ горнопромышленниковъ. Мы видѣли выше, что, по словамъ г. Авдакова, средняя плата горнорабочимъ равняется 1 р. 25 к. въ день. Нѣсколько иначе представляется дѣло по отчету уполномоченныхъ XXIII съѣзда, въ числѣ которыхъ былъ и г. Авдаковъ. Плата—говорится здѣсь—„колеблется при работахъ на поверхности отъ 60 до 80 к. въ день зимой и отъ 75 к. до 1 р. лѣтомъ чернорабочимъ, рабочіе же внутри рудника получаютъ отъ 80 к. до 1 р. 20 к., забойщики сдѣльно зарабатываютъ отъ 1 р.. 25 к. до 1 р. 60 к. и даже до 2 р.“ ***). Можно думать, что и эти цифры еще чрезмѣрно высоки въ сравненіи съ дѣйствительностью, но кромѣ того остается еще рѣшить во-

*) «Горнозаводскій Листокъ», № 7, 1 апр. 1900 г.

**) «Сѣв. Кур.», 24 апр. 1900.

***) Труды XXIV съѣзда горнопромышленниковъ, докладная записка уполномоченныхъ XXIII съѣзда, с. 114.

просъ, за какой трудъ дается такая плата и какъ она относится къ долѣ промышленника. Для этого въ нашемъ распоряженіи есть только косвенныя данныя. Въ районѣ Кривого Рога, гдѣ нѣтъ подземныхъ работъ, не бываетъ обыкновенно въ противоположность донецкому району, и недостатка въ рабочихъ. Между тѣмъ положеніе рабочихъ въ этомъ районѣ, согласно сообщенію недавно объѣзжавшаго его горнаго инженера Преображенскаго *), далеко не можетъ считаться удовлетворительнымъ. „Типъ жилищъ рабочихъ—казарма. Въ 3—4 рудникахъ имѣются хорошія казармы, на остальныхъ же чрезвычайно грязныя, негигіеничныя, сырыя и тѣсныя. Особыхъ жилищъ для семейныхъ рабочихъ ни на одномъ почти рудникѣ нѣтъ. Питаніе рабочихъ предоставлено имъ самимъ и неудовлетворительно. Заработная плата колеблется отъ 60 к. до 1 р. 20 к. въ день. На долю рабочаго достается менѣе одной пятисотой части рыночной стоимости руды. Что касается рабочаго времени, то во всемъ районѣ только въ 3 рудникахъ работа ведется 12-часовыми смѣнами, на остальныхъ же работа ведется безъ смѣнъ, только днемъ, и продолжается отъ $4^1/_2$ ч. утра до 8 ч. вечера съ 2-часовымъ перерывомъ. т. е. $13^1/_2$ часовъ“, въ прямой обходъ закона 2 іюня 1897 г. Весьма вѣроятно, что на донецкихъ копяхъ, куда рабочіе, по сравненію съ криворожскимъ райономъ, идутъ неохотно, ихъ положеніе представляется еще менѣе удовлетворительнымъ. Недавно вышедшій „Статистическій Сборникъ по горнозаводской промышленности“, изданный статистическимъ бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, даетъ возможность освѣтить, по крайней мѣрѣ, одну сторону этого положенія, — именно степень обезпеченности жизни и здоровья горнопромышленнаго рабочаго. Приведенная здѣсь статистика несчастныхъ случаевъ даетъ яркую и поучительную картину, наиболѣе общія очертанія которой мы позволимъ себѣ возстановить передъ глазами читателя. Въ 1897 г. на копяхъ юга Россіи было 90 несчастныхъ случаевъ, окончившихся смертью рабочаго, и 191 случай увѣчья, всего 281 несчастный случай; въ 1898 г.—110 случаевъ смерти и 360 увѣчья, всего—470 несчастныхъ случая, иначе число несчастій увеличилось за годъ въ $2^1/_2$ раза, тогда какъ общее число рабочихъ увеличилось съ 46,184 лишь до 50,000, т. е. едва на 9%. Вдобавокъ слѣдуетъ замѣтить, что сюда не вошли случаи несчастій отъ взрыва гремучихъ газовъ, между тѣмъ какъ отъ такого взрыва на одномъ Макѣевскомъ рудникѣ въ 1898 г. погибло 74 человѣка. Въ 1897 г. одинъ убитый рабочій приходился въ Великобританіи на добычу въ 13.542,000 п. угля, въ Австріи—на 12.812,000 п., во Франціи — на 11.721,000 п., въ Бельгіи — на 11.025,000 и въ южной Россіи—на 4.608,000 п. Въ 1898 г. одинъ смертный слу-

*) «Горнозаводскій Листокъ», № 7, 1 апрѣля 1900 г.

чай выпадалъ въ Великобританіи уже на 14.001,000 п. добычи, во Франціи—на 13.458,000 п. и въ южной Россіи—на 4.200,000 п. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ другихъ странахъ затрата человѣческихъ жизней на добычу угля постепенно сокращается, у насъ такая затрата, наоборотъ, возрастаетъ и одинъ этотъ фактъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о высотѣ техники на нашихъ копяхъ. Если отъ каменноугольныхъ копей перейти къ металлургическимъ заводамъ, то и здѣсь цифры откроютъ не болѣе утѣшительное зрѣлище. Въ 1887 году на заводахъ Южной Россіи, Царства Польскаго, Урала и Центральной Россіи было выплавлено 37,3 милл. пудовъ чугуна; на заводахъ было занято 194 тысячи рабочихъ и среди нихъ было 497 несчастныхъ случаевъ, въ томъ числѣ 35 смертныхъ и 462 увѣчья. Въ 1896 г. выплавка чугуна достигла 98,9 милл. пудовъ, а число рабочихъ—243 тысячъ; несчастныхъ случаевъ среди нихъ было 8,325, изъ которыхъ 87 смертей, а остальные—увѣчья. За десять лѣтъ, стало быть, выплавка чугуна возросла на 165%, число рабочихъ на 25%, а число несчастныхъ случаевъ—на 1,575%. На 1000 рабочихъ на каменноугольныхъ и антрацитныхъ копяхъ южной Россіи въ 1892 г. приходилось 4,6 несчастныхъ случая, а въ 1898 г. уже 11; на горныхъ заводахъ въ 1895 г.—5 случаевъ, въ 1898 г.—12; на желѣзныхъ и марганцевыхъ рудникахъ въ 1895 г.—4 и въ 1898 г.—8 несчастныхъ случаевъ. Несравненно быстрѣе, такимъ образомъ, нежели развивается самая горнопромышленность и увеличивается количество занятыхъ въ ней силъ, растетъ число жертвъ этой промышленности въ видѣ убитыхъ и изувѣченныхъ рабочихъ. Не забудемъ, что цифры, обрисовывающія этотъ ростъ, исходятъ отъ горнопромышленниковъ. Когда же порою какой-либо случай приподнимаетъ завѣсу, скрывающую условія быта промышленныхъ рабочихъ на югѣ Россіи, на свѣтъ выступаютъ еще болѣе рѣзкія формы эксплуатаціи труда и силъ рабочей массы. Въ началѣ текущаго года въ Екатеринославѣ разбиралось дѣло о волненіяхъ рабочихъ на Александровскомъ заводѣ Брянскаго общества и на судѣ выяснились слѣдующіе факты. Средній ежемѣсячный заработокъ рабочаго на заводѣ равнялся всего 28 р. При этомъ на 7000 заводскихъ рабочихъ въ 1899 г. было 2836 случаевъ поврежденія (40% ко всему числу рабочихъ), изъ которыхъ въ 1074 случаяхъ результатомъ поврежденія была временная или постоянная неспособность къ работѣ. Иначе говоря, въ два съ половиною года заводъ обѣщалъ перекалѣчить всѣхъ своихъ рабочихъ. За 1044 случая смерти рабочихъ и ограниченія или лишенія ихъ трудоспособности заводъ заплатилъ имъ и ихъ семьямъ 23 тысячи р. или по 22 р. въ среднемъ за каждый случай. Каковы были внутренніе порядки на этомъ заводѣ, такъ бережно относившемся къ своимъ рабочимъ и такъ щедро оплачивавшемъ ихъ трудъ и здоровье, можно было

видѣть изъ показаній, данныхъ на судѣ инженеромъ Кохомъ, завѣдывающимъ желѣзопрокатнымъ и пудлинговымъ цехами. „Чтобы справиться съ этими разбойниками, — показывалъ онъ о своихъ рабочихъ,—я ввелъ у себя желѣзную дисциплину. Необходимо было пріучить рабочихъ къ тому, чтобы они не смѣли и дышать безъ дозволенія. Для этого иной разъ приходилось по звѣрски расправляться съ ними". Ради послѣдней цѣли на заводѣ содержалась спеціально выписанная имъ осетинская стража, поведеніе которой и вызвало, въ концѣ концовъ, массовое волненіе рабочихъ.

Приведенные факты позволяютъ до нѣкоторой степени заключить, насколько улучшеніе участи рабочихъ является дѣйствительно лозунгомъ нашей горнопромышленности. Изъ нихъ можно видѣть и то, какія условія въ дѣйствительности мѣшаютъ росту числа горнорабочихъ, а, слѣдовательно, и развитію горнопромышленности. Ввиду этихъ фактовъ представляется вполнѣ естественнымъ, что министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ признало нужнымъ изучить положеніе рабочихъ въ горныхъ промыслахъ и съ этою цѣлью, какъ сообщаютъ газеты, — командировало въ нынѣшнемъ году на югъ т. с. А. А. Штофа *). По слухамъ, министерство финансовъ въ свою очередь предполагаетъ послать на югъ особую коммиссію для разслѣдованія вопроса о томъ, не вызывается ли недостаточная выработка угля стремленіемъ промышленниковъ удержать его цѣны на высокомъ уровнѣ. Предположенныя изслѣдованія, надо надѣяться, прольютъ не мало свѣта на различныя стороны промышленной жизни юга, но и теперь уже имѣется достаточное количество фактическаго матеріала, позволяющаго указать въ этой жизни такія явленія, которыя рѣзко расходятся съ дѣйствительными интересами массы населенія. Система таможеннаго покровительства, которая должна была содѣйствовать развитію отечественной промышленности, далеко не оправдала надеждъ, возлагавшихся на нее правительствомъ. Правда, заботливо взращиваемая промышленность быстро развилась за послѣднія десятилѣтія, но это развитіе само по себѣ во всякомъ случаѣ далеко еще недостаточно для удовлетворенія потребностей населенія, а между тѣмъ именно ради него послѣднее лишается необходимыхъ ему дешевыхъ продуктовъ и естественный ростъ производительныхъ силъ страны задерживается на неопредѣленное время. Съ другой стороны, промышленники, избавленные отъ опасной внѣшней конкурренціи и твердо увѣренные въ закрѣпощеніи за ними внутренняго рынка, предпочитаютъ легко достающіяся громадныя выгоды настоящаго широкимъ перспективамъ будущаго и не торопятся съ такимъ расширеніемъ производства, которое, доставивъ дешевый продуктъ потребителю, вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно подняло бы

*) «Р. Вѣд.», 23 апр. 1900 г.

положеніе трудящейся массы. Воспитанные практикою покровительственной системы и привыкшіе отожествлять нужды промышленности съ нуждами государства, они искренно пренебрегаютъ интересами всѣхъ остальныхъ слоевъ населенія и вмѣстѣ не столько полагаются на свою самодѣятельность, сколько мечтаютъ о предоставленіи къ ихъ услугамъ средствами государства недорогой рабочей силы. Эти мечтанія незамѣтно для самихъ ихъ авторовъ порою доходятъ почти до проектовъ возстановленія крѣпостническихъ отношеній ради интересовъ промышленности. Рано или поздно, однако, ненормальность такого положенія дѣлъ должна сказаться вполнѣ опредѣленно. Въ каменноугольной промышленности, гдѣ интересы небольшого круга углепромышленниковъ враждебно сталкиваются съ интересами всѣхъ другихъ предпринимателей, эти типичныя черты переживаемаго нашею промышленностью момента развитія сказываются съ особенною рѣзкостью. Но не трудно усмотрѣть присутствіе тѣхъ же самыхъ чертъ и во многихъ другихъ отрасляхъ нашей промышленности

Всего ближе въ этомъ отношеніи къ добычѣ каменнаго угля стоитъ нефтепромышленность, за послѣднее время также претерпѣвающая или, вѣрнѣе, заставляющая потребителей претерпѣвать своего рода кризисъ, который въ текущемъ году достигъ крайняго напряженія. Правда, съ внѣшней стороны развитіе нефтепромышленности представляется блестящимъ. Производство гигантскими шагами идетъ впередъ: еще въ 1889 г. добыча нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ равнялась 192 милл. пудовъ, а въ 1899 г. добыто было уже 525 м. п. нефти. Страннымъ образомъ, однако, этотъ грандіозный ростъ производства сопровождался безостановочнымъ и необычайно быстрымъ поднятіемъ цѣнъ продукта. Стоимость пуда нефти на промыслахъ съ 1,2 к. въ 1892 г. къ февралю 1900 г. поднялась до 15 к.; керосинъ, въ 1894 г. продававшійся по 8 к., въ настоящемъ году поднялся уже до 48—50 к. и цѣна на него, какъ и на нефть, обнаруживаетъ тенденцію къ дальнѣйшему повышенію. Громадные барыши нефтепромышленниковъ при такихъ условіяхъ не подлежатъ сомнѣнію, но о прогрессѣ промышленности приходится, очевидно, въ этомъ случаѣ говорить лишь съ большою осторожностью, вкладывая въ эти слова весьма узкое содержаніе. Грандіозное вздорожаніе продукта дѣлаетъ его недоступнымъ для массы населенія и въ странѣ, двѣ трети года нуждающейся въ искусственномъ освѣщеніи, керосинъ и теперь еще является своего рода роскошью для деревенской избы, нерѣдко вынужденной довольствоваться допотопной лучиной. Такое положеніе дѣла является тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что техника нефтяного дѣла за послѣднее время значительно улучшилась и, стало быть, непомѣрное поднятіе цѣнъ не можетъ найти себѣ

объясненія въ условіяхъ производства. Достаточно сказать, что стоимость пуда керосина самому нефтепромышленнику обходится въ 8 к. Правда, этотъ техническій прогрессъ въ свою очередь представляется весьма условнымъ. Развиваясь количественно, нефтяное производство вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ въ извѣстной мѣрѣ хищническій характеръ, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на выработкѣ нефтяного топлива и забрасывая не только изготовленіе другихъ продуктовъ нефти, но даже и выгонку керосина. Съ другой стороны, опасность профессіональнаго риска въ этомъ производствѣ все болѣе возрастаетъ. Количество пострадавшихъ на нефтяныхъ промыслахъ съ каждымъ годомъ увеличивается и это увеличеніе далеко не пропорціонально росту общаго числа рабочихъ. За время съ 1894 по 1898 г. число рабочихъ сравнительно съ предшествующимъ пятилѣтіемъ увеличилось менѣе, чѣмъ въ 3 раза, а число несчастныхъ случаевъ въ $6^1/_2$ разъ. Въ то же время заработная плата на промыслахъ вовсе не отличается высотою, стоя на болѣе низкомъ уровнѣ, нежели, напримѣръ, въ Московской губерніи. Такимъ образомъ, въ положеніи рабочихъ, занятыхъ въ нефтепромышленности, можно наблюдать эволюцію скорѣе въ отрицательную, чѣмъ въ положительную сторону. При такихъ обстоятельствахъ объясненія роста цѣнъ всего естественнѣе искать въ условіяхъ сбыта продукта. И въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе, что при наличности громаднаго спроса на нефтяные продукты на внутреннемъ рынкѣ нефтепромышленники значительныя партіи ихъ высылаютъ по низкимъ цѣнамъ за границу, а десятки милліоновъ пудовъ держатъ въ видѣ запасовъ на бакинскихъ складахъ, трудно будетъ не увидѣть въ повышеніи цѣнъ результата опредѣленной и умѣлой коммерческой политики. Въ началѣ настоящаго года группа фабрикантовъ и заводчиковъ обратилась въ нижегородскій биржевой комитетъ съ особымъ заявленіемъ, указывая на то, что вздорожаніе нефтяныхъ продуктовъ вызвано „безмолвнымъ соглашеніемъ главныхъ фирмъ". „Добыча нефти въ Баку,—говорилось въ этомъ заявленіи,—сосредоточилась въ нѣсколькихъ сильныхъ рукахъ, скупившихъ много нефтяныхъ промысловъ и поддерживающихъ цѣну на нефть скупкою ея изъ рукъ болѣе слабыхъ". Заводчики ходатайствовали о принятіи мѣръ противъ нефтяной спекуляціи, указывая на опасности, какими она грозитъ тѣмъ видамъ промышленности, въ которыхъ примѣняется нефтяное топливо. Со времени подачи этого заявленія прошло нѣсколько мѣсяцевъ и опасность, на которую оно указывало, стала еще ближе и серьезнѣе. Въ апрѣлѣ въ газетахъ появилось сообщеніе, что часть волжскихъ пароходчиковъ передѣлываетъ топки на своихъ судахъ, приспособляя ихъ къ дровяному отопленію вмѣсто нефтяного. Вслѣдъ затѣмъ это извѣстіе нашло себѣ поясненіе въ другомъ сообщеніи,—что нефтепромышленныя конторы въ Саратовѣ и

Нижнемъ Новгородѣ внезапно подняли цѣну на нефтяные остатки съ 17—18 к. до 28—29 к. за пудъ *). Этотъ новый скачокъ въ цѣнахъ на нефть явится тяжелымъ ударомъ, конечно, не для одного лишь волжскаго судоходства. При той острой нуждѣ въ керосинѣ и топливѣ, какую испытываетъ страна, онъ грозитъ многими и сложными послѣдствіями въ развитіи народнаго хозяйства, въ общей своей совокупности составляющими не менѣе, если не болѣе, серьезное экономическое бѣдствіе, нежели угольный голодъ.

Тѣ осложненія каменноугольной и нефтяной промышленности, съ какими въ столь рѣзкомъ видѣ познакомили насъ два послѣдніе года, выдвигаютъ въ сущности на очередь общіе вопросы экономической политики государства. Наряду съ острымъ угольнымъ и нефтянымъ голодомъ Россія переживаетъ, быть можетъ, менѣе острую, но во всякомъ случаѣ серьезную хроническую нужду въ дешевыхъ продуктахъ промышленности, вызываемую тѣми же причинами, какъ и указанные кризисы. Достаточно назвать для примѣра хотя бы постоянную желѣзную и сахарную голодовку. Быстро развивающаяся у насъ за послѣднія десятилѣтія промышленность въ значительной мѣрѣ существуетъ на счетъ задержки другихъ производительныхъ силъ страны и быстрота ея роста далеко не всегда еще является гарантіей прочности ея самой и увеличенія благосостоянія широкихъ слоевъ населенія. При всемъ томъ въ настоящій моментъ нѣтъ никакихъ признаковъ, которые позволяли бы въ ближайшемъ будущемъ ожидать сколько-нибудь серьезныхъ измѣненій въ принятой системѣ экономической политики. Осложненія, претерпѣваемыя отдѣльными отраслями промышленности, въ соотвѣтственныхъ сферахъ разсматриваются, повидимому, какъ частные случаи, и для устраненія или смягченія ихъ проектируются частныя же средства, не затрогивающія общихъ основъ установившихся порядковъ. Въ самой выработкѣ подобныхъ средствъ видное участіе принимаютъ особыя совѣщанія и съѣзды представителей различныхъ отраслей промышленности, все болѣе учащающіеся и начинающіе играть все болѣе замѣтную роль въ нашей жизни. Извѣстныя надежды въ этомъ смыслѣ возлагаются и на созванные въ текущемъ мѣсяцѣ съѣзды горнопромышленниковъ юга Россіи и нефтепромышленниковъ. Едва ли только эти надежды будутъ оправданы. По крайней мѣрѣ, опытъ прошлаго показалъ, что промышленные съѣзды служатъ плохимъ орудіемъ для устраненія обнаружившихся аномалій экономической жизни и примиренія противорѣчивыхъ интересовъ, являясь по преимуществу средствомъ установленія тѣсной солидарности между предпринимателями въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Между тѣмъ въ подобной солидарности у насъ и безъ того не

*) «Сѣв. Кур.», 21 апр.; «Сѣв. Край», 22 апр. и «Ниж. Лист.», 22 апр. 1900 г.

ощущается недостатка. Не смотря на то, что законъ запрещаетъ въ Россіи существованіе синдикатовъ, направленныхъ къ повышенію цѣнъ, въ дѣйствительности подобные синдикаты существуютъ и въ скрытомъ видѣ, и явно, и число ихъ все болѣе возрастаетъ, такъ какъ эта форма объединенія предпріятій охватываетъ все новыя отрасли промышленности. Такъ, въ началѣ года сообщалось, что въ виду пониженія цѣнъ на цементъ въ Привислинскомъ краѣ возникаетъ промышленный синдикатъ цементныхъ заводовъ, къ участію въ которомъ предполагается привлечь и южно-русскіе заводы. Синдикатъ долженъ былъ организовать одно общее бюро, которое принимало бы заказы и распредѣляло ихъ между отдѣльными заводами пропорціонально ихъ производительности въ послѣдніе годы *). Нѣсколько позже „Варш. Дневникъ" сообщилъ о возникновеніи синдиката варшавскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ, намѣревающагося войти въ соглашеніе съ фабрикантами Петербурга относительно нормировки цѣнъ и производства, причемъ ближайшею цѣлью такой нормировки ставилось повышеніе цѣнъ бумаги всѣхъ сортовъ на 10% **). На дняхъ въ печать проникло извѣстіе объ образованіи синдиката вагоностроительныхъ заводовъ, имѣющаго своей цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшему пониженію цѣнъ на вагоны, являющемуся въ результатѣ конкурренціи отдѣльныхъ заводовъ ***). Напомнимъ, что углепромышленникамъ приходилось оправдываться отъ обвиненій въ составленіи синдиката съ цѣлью поднятія цѣнъ на уголь и что аналогичныя обвиненія съ гораздо большею еще настойчивостью формулировались въ обществѣ и печати относительно нефтепромышленниковъ.

Едва-ли могутъ существовать какія-либо сомнѣнія на счетъ серьезнаго значенія тѣхъ опасностей, какія угрожаютъ интересамъ широкихъ массъ населенія отъ подобныхъ дѣйствій объединенныхъ общею организаціей группъ промышленниковъ. Другой вопросъ, насколько и какими средствами могутъ быть парализованы эти дѣйствія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ эпоху образованія синдиката сахарозаводчиковъ, часть прессы настойчиво, но тщетно предлагала привлечь его участниковъ къ уголовной отвѣтственности. Въ настоящемъ году нѣкоторые органы печати равнымъ образомъ выступили съ предложеніями начать уголовное преслѣдованіе нефтепромышленниковъ на основаніи 1180 ст. Уложенія о наказаніяхъ, устанавливающей кару въ видѣ тюремнаго заключенія и денежныхъ штрафовъ за всякую стачку торговцевъ и промышленниковъ для повышенія цѣнъ необходимыхъ товаровъ. „Статья редактирована—писала по этому поводу одна газета—точно и ясно. Она можетъ вызвать не только страхъ предъ

*) «Р. Вѣд.». 7 февр. 1900 г.
**) Цитируемъ по перепечаткѣ «Волгаря», 21 марта 1900 г.
***) «С. От.», 3 мая 1900 г.

закономъ, но и уваженіе къ закону“ *). „Для насъ важны—говорилось въ другой газетѣ—всѣ законные способы разслѣдованія и выясненія одной изъ самыхъ серьезныхъ аномалій нашей промышленной жизни. Мы не жаждемъ наказанія виновныхъ если таковые имѣются, ради самого наказанія. Нѣтъ, судебное разбирательство пролило бы свѣтъ на одну изъ тѣхъ аномалій, которыя волнуютъ все общество, а не однихъ заинтересованныхъ“ **). Врядъ-ли однако на указываемомъ пути можно ожидать серьезныхъ результатовъ въ смыслѣ борьбы съ обнаружившимися неустройствами экономической жизни или хотя бы даже только выясненія ихъ. Общія условія русской жизни какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ объединенію признанныхъ хозяевъ внутренняго рынка и уже одно появленіе все новыхъ промышленныхъ синдикатовъ достаточно ясно говоритъ о томъ, что на сонъ, въ который погружена ст. 1180, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сонъ непробудный, чтобъ не сказать мертвый. Наше недавнее прошлое и даже настоящее знаютъ не мало попытокъ непосредственнаго административнаго вмѣшательства въ экономическую борьбу, но исходъ такихъ попытокъ обыкновенно далеко не отвѣчалъ тѣмъ ожиданіямъ, какія съ ними соединялись. Выше мы упоминали уже о стараніяхъ варшавской администраціи понизить цѣну угля и объ ихъ результатѣ. Газеты разсказывали въ этомъ году и другую аналогичную исторію. Въ Вильнѣ въ концѣ прошлаго декабря цѣна керосина въ лавкахъ поднялась до 15 к. за фунтъ. Полиція заподозрила въ этомъ результатъ стачки торговцевъ и приказала имъ продавать не дороже $4^1/_2$ к. подъ угрозою составленія протоколовъ. Нѣсколько протоколовъ дѣйствительно было составлено, но тогда торговцы совсѣмъ прекратили продажу. Полиція произвела обыскъ, нашла нѣсколько боченковъ керосина, конфисковала ихъ и привлекла нѣкоторыхъ торговцевъ къ суду. Вслѣдъ затѣмъ однако керосинъ дѣйствительно оказался исчерпаннымъ, и кризисъ продолжался съ новой силой. Администрація рѣшила произвести разслѣдованіе дѣла, съ цѣлью, если подтвердится существованіе стачки, привлечь къ суду уже крупныхъ торговцевъ. Впослѣдствіи однако о такомъ судебномъ преслѣдованіи ничего не было слышно. Можно думать, что приблизительно таковы же были бы результаты подобныхъ попытокъ, предпринятыхъ и въ болѣе крупномъ масштабѣ. Установить наличность преступнаго соглашенія торговцевъ и промышленниковъ крайне трудно при безконечномъ разнообразіи формъ такихъ соглашеній, и въ виду этого административное воздѣйствіе и уголовныя кары являются весьма несовершенными орудіями въ борьбѣ современныхъ экономическихъ силъ. Въ рукахъ государства, разъ

*) «Россія», 5 февр. 1900 г.
**) «Промышленный Міръ», № 11.

оно не желаетъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ безконтрольнаго хозяйничанія въ странѣ небольшихъ группъ промышленниковъ, имѣются несравненно болѣе могущественныя средства вліянія на эту борьбу—въ видѣ измѣненія таможенной политики и зависящихъ отъ него мѣръ покровительства мелкой промышленности. Но и эти средства сами по себѣ едва ли принесутъ всѣ возможные для нихъ результаты въ условіяхъ нашей дѣйствительности, ставящихъ организованныя группы предпринимателей лицомъ къ лицу съ лишенными всякой организаціи массами потребителей. Жизнь заставила уже на практикѣ признать безполезность прямой и насильственной борьбы съ объединеніемъ представителей промышленнаго капитала. Условіемъ высвобожденія народнаго хозяйства изъ зависимости, въ какой оно находится отъ группъ промышленниковъ, тѣсно связанныхъ солидарностью своихъ интересовъ, служило бы широкое развитіе экономической самодѣятельности населенія, немыслимое, однако, безъ установленія нѣкоторыхъ юридическихъ ея гарантій со стороны государства. Такъ, одно уже широко поставленное земское и муниципальное хозяйство могло бы въ немалой степени ослабить послѣдствія дѣятельности промышленныхъ синдикатовъ, но для этого необходимо, чтобы руководство имъ принадлежало лицамъ, непосредственно заинтересованнымъ въ положеніи массы населенія. Но если эти средства выхода изъ встрѣтившихся затрудненій и диктуются самою сущностью осложненій, создавшихся въ нашей экономической жизни, то изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что они будутъ осуществлены въ ближайшемъ будущемъ. Найдутся ли въ современной дѣйствительности силы, способныя принять на себя задачу ихъ практическаго осуществленія, — это уже особый и не легко поддающійся разрѣшенію вопросъ, отвѣта на который нельзя найти въ одныхъ экономическихъ условіяхъ.

II.

Въ прошломъ году исполнилось десять лѣтъ со времени введенія института земскихъ начальниковъ. За эти годы въ обществѣ не разъ уже возникали, высказывавшіяся въ свое время и въ печати, ожиданія болѣе или менѣе серьезныхъ перемѣнъ въ этомъ институтѣ, но пока такія ожиданія не оправдываются. Взамѣнъ того ближайшему будущему суждено, повидимому, сдѣлаться свидѣтелемъ дальнѣйшаго территоріальнаго расширенія названнаго института. Судя по сообщаемымъ газетами свѣдѣніямъ, въ началѣ іюня государственный совѣтъ будетъ разсматривать проектъ введенія института земскихъ начальниковъ въ губерніяхъ западнаго и сѣверо-западнаго края; для губерній же юго-западнаго края тотъ же вопросъ представляется уже окончательно рѣшеннымъ

въ положительномъ смыслѣ *). Срокомъ осуществленія этой реформы во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ предполагается 1901 годъ, такъ что двадцатое столѣтіе откроется для нихъ прежде всего преобразованіемъ мѣстнаго управленія и суда.

По словамъ „Моск. Вѣдомостей", органа, обыкновенно достаточно освѣдомленнаго въ подобныхъ случаяхъ, главными мотивами для безотлагательнаго рѣшенія вопроса о введеніи этой реформы въ сѣверо-западныхъ и западныхъ губерніяхъ послужили слѣдующія соображенія. „Экономическое, общественное и политическое развитіе края въ послѣднее тридцатилѣтіе значительно усложнило не только дѣло мѣстнаго управленія, но и самый его характеръ. Кругъ дѣятельности мировыхъ крестьянскихъ учрежденій постепенно расширился и на мировыхъ посредниковъ по необходимости пришлось возложить новыя сложныя обязанности, которыя не имѣлись въ виду при ихъ учрежденіи. Въ настоящее время, кромѣ крестьянскаго дѣла, мировые посредники въ Западномъ краѣ вѣдаютъ и чиншевое дѣло, участвуютъ въ училищныхъ совѣтахъ и т. д. Между тѣмъ власть мировыхъ посредниковъ не только не была усилена въ соотвѣтствіе возложеннымъ на нихъ новымъ сложнымъ обязанностямъ, но послѣ введенія въ краѣ мировыхъ судебныхъ установленій она значительно еще уменьшена. Вслѣдствіе этого мировые посредники являются нынѣ органами безъ достаточныхъ полномочій и безъ надлежащей распорядительной власти, необходимой во многихъ случаяхъ для быстраго прекращенія безпорядковъ, неизбѣжно возникающихъ въ широкой области мѣстнаго управленія. Обширность участковъ, поручаемыхъ управленію мировыхъ посредниковъ, лишаетъ ихъ возможности имѣть постоянный и неослабный надзоръ за должностными лицами волостного и сельскаго управленій, которыя остаются поэтому безъ надлежащаго руководства, а мѣстному сельскому населенію затрудняютъ доступъ къ мировымъ посредникамъ, въ защитѣ и покровительствѣ которыхъ оно сильно нуждается" **). Число участковъ мировыхъ посредниковъ, конечно, легко могло бы быть увеличено и изъ недостаточнаго количества этихъ участковъ въ настоящее время еще не вытекаетъ потребность въ столь крупной реформѣ мѣстнаго управленія, какою является введеніе земскихъ начальниковъ. Что касается послѣднихъ, то ихъ обязанности, какъ носителей судебной и административной власти, соединенной въ одномъ лицѣ, неизбѣжно будутъ еще сложнѣе, чѣмъ обязанности лицъ, стоящихъ теперь во главѣ крестьянскаго управленія Поэтому, если ихъ власть, сравнительно съ властью мировыхъ посредниковъ, и будетъ „сильнѣе", въ специфическомъ смыслѣ этого слова, то она во всякомъ

*) «Сѣв. Кур.», 27 апрѣля 1900 г.

**) «Моск. Вѣд.», 22 апрѣля 1900 г.

случаѣ не окажется болѣе близкою и доступною для массы населенія. Не будетъ затѣмъ эта власть близкою къ населенію и въ другомъ смыслѣ, въ какомъ употребляло эти слова Положеніе 12 іюля 1889 г. По политическимъ соображеніямъ признается необходимымъ въ сѣверо-западныхъ и западныхъ губерніяхъ назначать на должности земскихъ начальниковъ исключительно лицъ русскаго происхожденія. Но такъ какъ въ этомъ краѣ русскаго помѣстнаго дворянства почти совершенно не имѣется, то, слѣдовательно, громадное большинство земскихъ начальниковъ здѣсь составятъ лица, пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній, не обладающіе какимъ-либо спеціальнымъ авторитетомъ въ глазахъ мѣстнаго населенія (если уже признавать такой авторитетъ за помѣстнымъ дворянствомъ) и незнакомыя съ мѣстными нравами и обычаями. Цитированная уже нами московская реакціонная газета полагаетъ, что такой составъ земскихъ начальниковъ „ослабитъ вліяніе наносныхъ антигосударственныхъ элементовъ и подниметъ въ краѣ ростъ и преобладаніе русскихъ — государственныхъ и культурныхъ—началъ". Почему инородческіе элементы являются вмѣстѣ и „анти-государственными",—это, конечно, тайна „Моск. Вѣдомостей". Выдавать милліонамъ населенія патентъ на противогосударственныя стремленія—подвигъ во всякомъ случаѣ очень смѣлый и рискованный. Съ другой стороны намъ, признаться, неизвѣстны случаи, когда бы русское чиновничество одною своею силою создавало русскую культуру, и мы не думаемъ, чтобы земскіе начальники западнаго края составили въ этомъ отношеніи какое-либо исключеніе. Отличіе состава участковыхъ начальниковъ западнаго края скорѣе должно бы было, на нашъ взглядъ, получить иное значеніе. Разъ уже при самомъ назначеніи земскаго начальника на должность рѣшительное преобладаніе получаетъ не сословный, а бюрократическій принципъ, то и дѣятельность назначеннаго такимъ порядкомъ лица, лишеннаго какой-либо особой связи съ мѣстностью, естественно должна быть облечена въ общія формы бюрократической работы и подчинена обычному контролю центральныхъ учрежденій. Иначе говоря, если существующій законопроектъ обратится въ законъ, земскіе начальники западнаго и сѣверо-западнаго края еще съ меньшимъ основаніемъ, нежели ихъ товарищи въ центральныхъ губерніяхъ, могутъ быть надѣлены какими-либо экстренными полномочіями и выдѣлены изъ ряда остальныхъ чиновниковъ губернскаго управленія.

Всѣ указанныя соображенія примѣняются въ полной силѣ и къ юго-западному краю, гдѣ земскихъ начальниковъ также проектируется назначать исключительно изъ лицъ русскаго происхожденія. Но здѣсь сверхъ того предполагаются и другія отличія въ организаціи этого института. Дѣйствія его будутъ распространяться здѣсь не только на сельское, но и на городское населеніе. Мировыхъ судей предположено сохранить только въ Кіевѣ. Городскіе

судьи будутъ учреждены лишь въ губернскихъ и болѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ,—всего около 50 судей во всемъ краѣ, причемъ въ нѣкоторыхъ городахъ учреждается по нѣскольку судей. Мелкіе же уѣздные города, а равно и всѣ многочисленныя мѣстечки края съ мѣщанскимъ населеніемъ, которыхъ насчитывается до 450, будутъ подчинены власти земскихъ начальниковъ наравнѣ съ сельскими мѣстностями. Благодаря этому, и число участковъ въ юго-западномъ краѣ будетъ значительно болѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ: всего намѣчено около 330 земскихъ начальниковъ, т. е. въ среднемъ 110 на губернію, 9—10 на уѣздъ. При этомъ въ виду какъ большей сложности управленія, такъ и дороговизны жизни въ городахъ и мѣстечкахъ, окладъ жалованья для земскихъ начальниковъ юго-западныхъ губерній повышается до 3,000 руб. Въ силу указанныхъ причинъ институтъ земскихъ начальниковъ для этихъ губерній обойдется гораздо дороже существующихъ мировыхъ посредниковъ и судей. Въ одной Волынской губерніи, по разсчету мѣстной газеты, такой излишекъ расходовъ составитъ около 200,000 руб. „Могутъ ли быть — прибавляетъ она—два мнѣнія о томъ, что эти 200,000 руб. были бы гораздо цѣлесообразнѣе употреблены, если бы ихъ ассигновать цѣликомъ на министерскія народныя школы?“ *)

Остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, какими мотивами вызвано распространеніе власти земскихъ начальниковъ въ юго-западномъ краѣ на города. „Моск. Вѣдомости“, сообщившія подробности проектируемой реформы, передаютъ по этому поводу лишь заключеніе подольскаго губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, считавшаго необходимымъ подчиненіе мѣщанскихъ управленій вѣдѣнію земскихъ начальниковъ въ виду того, что „мѣщанскіе сходы и управы съ ихъ ни для кого непонятнымъ жаргономъ напоминаютъ прежнее кагальное управленіе“ и что „только непосредственнымъ вторженіемъ сильной власти въ эту темную область можно расшатать и разрушить такую вредную антигосударственную организацію, какъ кагальный строй“ **). Трудно признать какую-либо убѣдительную силу за этими соображеніями, не выдерживающими самой снисходительной критики. Напоминаніе о кагалѣ, еслибъ оно и было, не есть еще кагалъ, и отожествленіе мѣщанской управы съ кагаломъ и антигосударственной организацiей, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ смѣло. Неужели мѣщанскія управы юго-западнаго края въ самомъ дѣлѣ десятки лѣтъ занимались на глазахъ властей вредной антигосударственной дѣятельностью? И неужели отечество не погибло только потому, что его спасли подольскіе чиновники, доблестный подвигъ которыхъ остался, впрочемъ, покрытымъ мракомъ неиз-

*) «Волынь». Цитируемъ по перепечаткѣ «Русск. Вѣдомостей», 24 марта 1900 г.

**) «Моск. Вѣд.», 6 марта 1900 г.

вѣстности? Нельзя не пожалѣть, что остались невыясненными болѣе серьезныя соображенія въ пользу принятой мѣры. Городское населеніе все же болѣе сельскаго привыкло къ раздѣленію судебныхъ и административныхъ функцій и къ отсутствію дискреціонной власти и поэтому проводимая теперь реформа обѣщаетъ отозваться въ его жизни и сознаніи даже болѣе сложными и глубокими послѣдствіями, чѣмъ въ жизни деревни, бытъ которой, однако, также потерпитъ серьезныя измѣненія.

Исполнившееся десятилѣтіе со времени введенія земскихъ начальниковъ дало поводъ „Моск. Вѣдомостямъ“ попытаться подвести итоги десятилѣтней жизни названнаго института. Подобная попытка могла бы вызвать большой интересъ, еслибы не приходилось опасаться, что пріемы подсчета, употребляемые реакціонной газетой, окажутся черезчуръ своеобразными. На дѣлѣ эти опасенія и оправдались въ полной мѣрѣ. Вмѣсто фактовъ и аргументовъ московская газета ограничилась одними голословными, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма категорическими утвержденіями. „Прежде всего, по ея словамъ, слѣдуетъ констатировать тотъ въ высшей степени важный фактъ, что ни одно изъ пессимистическихъ предсказаній противниковъ института земскихъ начальниковъ не оправдалось“: „мѣстная реформа 1889 г. за первое десятилѣтіе своего существованія принесла населенію громадную пользу“. Эта польза одинаково сказалась и въ административной, и въ судебной сторонѣ реформы. „Административная дѣятельность участковыхъ начальниковъ оказалась настолько плодотворною, что, при всемъ желаніи, у противниковъ мѣстной реформы 1889 г., и въ настоящее время охотно и безпрестанно подрывающихся подъ нее, не хватаетъ даже духа предложить упраздненіе этой должности“. Въ свою очередь „именно та сторона мѣстной реформы, за которую ея тенденціозные противники якобы наиболѣе боялись,—сторона судебная,—оказалась наиболѣе удачною. Если еще административная часть дѣятельности земскихъ начальниковъ и находитъ себѣ недоброжелательныхъ критиковъ, то судебная остается совершенно безупречною и безукоризненною“. „При всемъ желаніи скрыть противное, это было бы за десятилѣтній періодъ существованія института совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что при обсужденіи дѣятельности участковыхъ начальниковъ наша печать пользуется полнѣйшей свободой“ *).

Спорить съ „Моск. Вѣдомостями“, конечно, не приходится. Не приходится именно въ виду ихъ беззастѣнчиваго отношенія къ фактамъ, отмѣчать которые имѣла возможность и русская печать, хотя бы эта возможность никогда и не доходила до предѣ-

*) «Моск. Вѣд.», 13 марта 1900 г.

ловъ „полнѣйшей свободы“ обсуждать дѣятельность земскихъ начальниковъ. Не въ видахъ спора поэтому, а исключительно для поясненія вопроса о той роли, какую сыграли земскіе начальники въ жизни русской деревни, мы позволимъ себѣ напомнить нѣкоторые случаи, лишь въ самое недавнее время оглашенные въ печати. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ сообщены были любопытныя свѣдѣнія о нынѣшнихъ порядкахъ волостного суда въ сл. Николаевской Царевскаго уѣзда Астраханской губерніи. Съ введеніемъ въ этой губерніи Положенія о земскихъ начальникахъ въ названной волости служебный персоналъ волостного суда и волостного управленія пришлось увеличить вдвое, хотя размѣры самой волости одновременно уменьшились. Такая потребность въ увеличеніи штата служащихъ была создана сильнымъ ростомъ бумажнаго дѣлопроизводства. „Раньше исходящихъ нумеровъ бумагъ было отъ 2 до 3 тыс., а теперь—отъ 7 до 8 тыс., рѣшеній волостного суда отъ 200 до 300 въ годъ, а теперь отъ 2,500 до 3,000; прежде волостной судъ ставилъ себѣ задачей склонять тяжущихся къ миру, или же, при упорствѣ тяжущихся, постановлялъ рѣшенія, на которыя кассацій и аппелляцій было очень мало, а теперь кассацій и аппелляцій чуть не на половину всѣхъ рѣшеній“. Въ свою очередь это безплодное увеличеніе переписки явилось въ результатѣ дѣйствій мѣстнаго земскаго начальника, который „призналъ безполезнымъ склонять тяжущихся къ миру и приказалъ при разборѣ придерживаться строго закона и избѣгать руководства мѣстными обычаями; жалобъ словесныхъ отъ тяжущихся приказалъ не принимать, а принимать таковыя на бумагѣ, изложенныя въ формѣ прошеній; за неявкою одной изъ тяжущихся сторонъ, разборъ дѣла не откладывать, а рѣшать заочно. Въ такомъ же духѣ была предпринята реформа въ волостномъ правленіи. И вотъ, благодаря установленнымъ весьма сложнымъ формальностямъ, настолько усложнилась переписка, что потребовалось вдвойнѣ увеличить писарскій составъ въ судѣ и въ волостномъ правленіи“ *). Эта сложная письменная формалистика въ данномъ случаѣ была вызвана къ жизни, нужно думать, даже не потому, что ея виновникъ считалъ ее, хотя бы и неправильно, гарантіей большей законности. Рьянымъ сторонникомъ послѣдней онъ врядъ-ли является, судя по приводимой въ той же газетѣ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи на должность передъ сельскимъ сходомъ. „Я, гг.,—сказалъ онъ собравшимся крестьянамъ,—желалъ бы, чтобы вы меня во всемъ слушались и дѣлали безпрекословно все то, что я найду нужнымъ и полезнымъ для васъ же; тогда все будетъ хорошо; но если кто изъ васъ будетъ мнѣ противорѣчить, тѣхъ я буду наказывать штрафами и арестомъ; надѣюсь,

*) «Саратовскій Листокъ». Цитируемъ по перепечаткѣ «Р. Вѣдомостей», 21 марта 1900 г.

что вы постараетесь послѣдняго избѣгать". Эти благія пожеланія не остались къ тому же одной лишь отвлеченной программой, но посильно проводились и въ жизнь, порождая, конечно, серьезныя перемѣны во всемъ складѣ деревенскаго самоуправленія. „Сравнительно недавно—разсказываетъ по этому поводу корреспондентъ „Сарат. Листка" —у насъ полагали и были увѣрены, что „міръ—великъ человѣкъ", что „противъ міра пескомъ не кинешь". Иное дѣло въ настоящее время. „Нѣтъ уже былой увѣренности при рѣшеніи того или иного общественнаго вопроса, что „будетъ такъ, какъ міръ порѣшитъ"; не стало прежняго равенства членовъ на сходѣ, дѣлавшаго сходы поучительными и интересными. Лучшіе люди на сходахъ стушевались, потомъ перестали ходить даже на сходы, а это дало возможность выдвинуться другимъ и началась ловля рыбы въ мутной водѣ"... Въ связи съ этимъ у массы рядового крестьянства живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ и стремленіе рѣшить ихъ по совѣсти уступили мѣсто образцовому безучастію и безмолвной покорности передъ волею начальства. Въ видѣ иллюстраціи этого положенія дѣлъ корреспондентъ описываетъ сходъ, происходившій въ сл. Николаевкѣ 5 марта этого года, и иллюстрація, надо сознаться, оказывается яркой и убѣдительной.

„Рядомъ съ земскимъ начальникомъ и сельскимъ выборнымъ начальствомъ на возвышенной площадкѣ стоитъ, озираясь во всѣ стороны, полицейскій урядникъ, а въ массѣ окружающихъ площадку крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ стоятъ пять полицейскихъ надзирателей. На сходѣ земскій начальникъ заявилъ, что надъ старшиной производится судебное слѣдствіе, а кандидатъ, призванный замѣнить старшину на время судебнаго слѣдствія, представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни, вслѣдствіе чего требуется выбрать новаго кандидата. „Я предлагаю выбрать П. Д. Р—кова",—сказалъ г. земскій начальникъ и, послѣ перечисленія похвальныхъ качествъ предлагаемаго кандидата, поставилъ вопросъ на голоса. „Согласны", „не согласны", послышалось изъ толпы. Чтобы опредѣлить большинство голосовъ, земскій начальникъ скомандовалъ (онъ былъ долгое время офицеромъ): „Сдвиньтесь въ одну сторону, а потомъ согласныхъ со мной прошу остаться на мѣстѣ, а не согласныхъ прошу отойти къ конюшнямъ!" Немногіе приняли вызовъ: вся масса осталась на мѣстѣ, сдвинувшись при этомъ еще плотнѣе... „Благодарю васъ!" — сказалъ въ сторону согласныхъ земскій начальникъ и перешелъ къ слѣдующему вопросу: „Господа! у васъ уже сдѣлана затрата на два артезіанскихъ колодца, стоимостью въ 10,000 рублей, а поэтому, желая довершить дѣло, безусловно для васъ полезное, я предлагаю ассигновать отъ 10,000 до 20,000 рублей на пріобрѣтеніе паровыхъ насосовъ къ колодцамъ и на содержаніе водопровода; согласны-ли на мое предложеніе?" Послѣдовало молчаніе. И земскій

начальникъ, поблагодаривъ крестьянъ наклоненіемъ головы, удалился въ аппартаменты. На слѣдующій день былъ подписанъ приговоръ, отдававшій въ полное распоряженіе двухъ лицъ 20,000 рублей общественныхъ денегъ. При этомъ даже не возникло сомнѣнія въ пригодности и прочности колодцевъ; между тѣмъ колодцы, по отзывамъ спеціалистовъ, весьма сомнительной прочности и совсѣмъ не артезіанскіе, а такъ называемые абиссинскіе" *).

Или вотъ еще двѣ картинки, выхваченныя изъ провинціальной жизни:

„Въ одной волости Балашовскаго уѣзда несмѣняемо служилъ шесть лѣтъ старшина, который, пользуясь властью и „утрафляя" начальству, успѣлъ закабалить часть мірской земли и цѣлую половину своихъ односельчанъ. Односельчане на декабрьскихъ выборахъ настойчиво просили земскаго начальника выслушать ихъ жалобу на стараго старшину, но тотъ не вышелъ къ міру, и утвержденнымъ оказался прежній старшина. Крестьяне подавали жалобы, оставленныя безъ движенія, розыскивали грамотныхъ людей и просили ихъ за хорошую плату описать свою выборную исторію и напечатать въ газетахъ, надѣясь, что хоть печатное слово поможетъ возстановить ихъ нарушенныя права. Въ другой волости выборы происходили въ январѣ. Избирателей явилось такъ мало, что 25 шаровъ остались неразобранными. Такъ бы и не состоялись выборы, еслибы земскій начальникъ открыто и собственноручно не взялъ всѣ праздные шары и не положилъ ихъ въ баллотировочный ящикъ направо. Такъ былъ выбранъ старшина и, конечно, утвержденъ. Но крестьяне не желаютъ признавать законность выборовъ и опять галдятъ. Говорятъ, нѣкоторые отправились въ городъ, чтобы отыскать грамотныхъ людей и просить описать ихъ выборы въ газетахъ" **).

Составляютъ ли эти факты рѣзкаго вмѣшательства земскихъ начальниковъ въ дѣятельность крестьянскаго самоуправленія лишь болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе или же подобные факты можно часто наблюдать въ современной деревенской жизни? Едва-ли этотъ вопросъ можетъ затруднить кого-либо изъ лицъ, знакомыхъ съ внутреннею жизнью русской провинціи за послѣдніе годы. И сторонники, и противники института земскихъ начальниковъ, надо думать, одинаково отвѣтятъ на него въ послѣднемъ смыслѣ, причемъ вся разница будетъ въ томъ, что одни признаютъ такое вмѣшательство нужнымъ и полезнымъ, а другіе — нежелательнымъ. Но, и считаясь съ этою разницею воззрѣній, небезполезно все же выяснить, до какихъ предѣловъ доходитъ на практикѣ это вмѣшательство, закономъ предусмотрѣнное лишь въ извѣстныхъ границахъ. Недавно нижегородскому губернскому при-

*) «Сар. Листокъ», 19 марта 1900 г.
**) «Самарская Газета», 21 марта 1900 г.

сутствію пришлось разбирать два любопытныхъ казуса, бросающіе яркій свѣтъ на эту сторону вопроса. Одинъ изъ нихъ заключался въ слѣдующемъ. Къ одному изъ земскихъ начальниковъ Макарьевскаго уѣзда поступило 23 приговора сельскихъ обществъ о разрѣшеніи ссудъ хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ, но онъ рѣшилъ, что эти ходатайства не подлежатъ удовлетворенію, а потому, не разрѣшивъ обществамъ представить ихъ земской управѣ, внесъ приговоры для отмѣны въ уѣздный съѣздъ, даже не произведя обслѣдованія нужды на мѣстѣ. Предсѣдатель съѣзда высказался въ томъ смыслѣ, что ссуды влекутъ за собою только „баловство" населенія и что всѣ 23 приговора слѣдуетъ отмѣнить на основаніи ст. 31-й Положенія о земскихъ начальникахъ. Когда же большинство съѣзда не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, предсѣдательствующій призналъ даже постановленіе съѣзда „идущимъ въ разрѣзъ съ закономъ" и представилъ дѣлопроизводство по этому вопросу нижегородскому губернатору для разсмотрѣнія въ порядкѣ надзора. Губернское присутствіе не сочло возможнымъ разсматривать протестъ предсѣдателя съѣзда, такъ какъ постановленія съѣзда по дѣламъ, предусмотрѣннымъ 31-й статьей, считаются окончательными и отмѣнѣ присутствія не подлежатъ, но въ порядкѣ надзора постановило указать земскому начальнику, что „по 31-й ст. Положенія о земскихъ начальникахъ могутъ быть отмѣняемы только такіе приговоры, которыми сходъ, по предоставленному ему закономъ праву, постановляетъ что-либо исполнить, не испрашивая надлежащаго распоряженія, но приговоры, имѣющіе характеръ просьбы, отмѣнѣ подлежать не могутъ уже по самому существу своему: просьбу можно отклонить, но не отмѣнить". Въ заключеніе присутствіе къ руководству земскихъ начальниковъ указало, что въ дѣлахъ о выдачахъ пособія на продовольствіе или обсѣмененіе ихъ участіе можетъ выразиться только въ сообщеніи земской управѣ своихъ заключеній относительно ходатайства крестьянскаго общества *). Еще болѣе интереса представляетъ другой случай, имѣвшій мѣсто въ той же Нижегородской губерніи. Непремѣнный членъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, г. Кутлубицкій, представилъ присутствію докладъ, въ которомъ указывалъ, что на волостныхъ сходахъ Нижегородской губерніи считается возможнымъ обсуждать только тѣ вопросы, которые намѣчены предварительно старшинами и допущены къ обсужденію земскими начальниками. Этотъ порядокъ ставитъ волостные сходы въ такое положеніе, что они „безъ позволенія земскаго начальника не только не могутъ постановить приговора по дѣламъ, предоставленнымъ ихъ вѣдѣнію, но даже разсуждать и думать о дѣлахъ волости могутъ только съ разрѣшенія земскаго начальника". Подобный порядокъ, по мнѣнію г. Кутлубицкаго, не

*) «С. От.», 5 мая 1900 г.

соотвѣтствуетъ ни духу, ни буквѣ Положенія 19 февраля 1861 г. и, нарушая въ принципѣ право, дарованное крестьянамъ закономъ, создавшимъ общественное самоуправленіе, влечетъ за собою и серьезныя практическія неудобства. Поэтому онъ считалъ необходимымъ, чтобы на очередныхъ волостныхъ сходахъ было допущено обсужденіе всѣхъ вопросовъ, вызванныхъ нуждами волости и возбуждаемыхъ членами схода. Предложеніе его встрѣтило въ присутствіи возраженія и вопросъ былъ представленъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, который далъ разъясненіе въ смыслѣ предложенія г. Кутлубицкаго *).

Такимъ образомъ, охрана самостоятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ, даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она предоставлена имъ закономъ, при настоящихъ условіяхъ требуетъ особыхъ усилій со стороны губернскихъ учрежденій и самого министерства внутреннихъ дѣлъ. Выборъ должностныхъ лицъ, опредѣленіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію схода, и самое рѣшеніе такихъ вопросовъ въ томъ или иномъ смыслѣ—все это на практикѣ нерѣдко ставится въ полную зависимость отъ усмотрѣнія земскаго начальника и при такихъ обстоятельствахъ крестьянское самоуправленіе утрачиваетъ, въ сущности, всякое право на это названіе, едва-ли не по недоразумѣнію сохраняющееся еще за нимъ. Не даромъ министерство внутреннихъ дѣлъ, составляя не такъ давно проектъ наказа земскимъ начальникамъ, вводило, между прочимъ, въ него указаніе, что „земскій начальникъ лично присутствовать можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязанъ, только при открытіи общественнаго схода; при производствѣ же выборовъ, а равно при самомъ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ не присутствуетъ“. Какъ видно изъ этого пункта наказа, министерство усматривало въ дѣятельности земскихъ начальниковъ нежелательныя явленія, признавая именно чрезмѣрнымъ давленіе, оказываемое ими на крестьянскіе сходы. Но средство, которое оно разсчитывало употребить для устраненія этихъ нежелательныхъ явленій, было недостаточно рѣшительно и, по всей вѣроятности, не достигло бы своей цѣли. Та тенденція опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ, какая была положена въ основаніе института земскихъ начальниковъ, въ дѣйствіяхъ этого института, пока онъ сохраняетъ свои основныя особенности, неизбѣжно развивается послѣдовательнѣе, полнѣе и шире, нежели это предполагается закономъ. Съ этимъ фактомъ равно необходимо считаться и при оцѣнкѣ прошлой жизни института, и при разсчетахъ на сохраненіе или расширеніе его въ будущемъ. Если будетъ признано желательнымъ сохранить самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, необходимо замѣнить опеку надъ послѣднимъ контролемъ административныхъ и судебныхъ учрежденій.

---

*) «С. От.», 8 мая 1900 г.

Въ концѣ апрѣля въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе. „Министерство народнаго просвѣщенія занято вопросомъ о пересмотрѣ издаваемаго имъ каталога книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ. Наряду съ нѣкоторымъ дополненіемъ каталога будутъ произведены въ немъ и весьма значительныя сокращенія. Такъ, изъ него предположено совершенно исключить тѣ книги, которыя были одобрены для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и вошли въ названный каталогъ, какъ полезныя или безвредныя по своему содержанію. Нынѣ онѣ признаются несоотвѣтствующими уровню развитія и пониманія того контингента читателей, которыхъ безплатныя народныя читальни должны имѣть въ виду по своему назначенію, т. е. населенія селъ и деревень".

Въ этомъ сообщеніи прежде всего способно привлечь вниманіе серьезное внутреннее противорѣчіе, несомнѣнно содержащееся въ немъ. Министерство народнаго просвѣщенія собирается запретить покупку въ безплатныя читальни книгъ, которыя то же самое министерство признало полезными и безвредными и одобрило для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Нельзя объяснить проектируемую реформу тѣмъ предположеніемъ, что взгляды министерства на пользу извѣстныхъ книгъ вообще подверглись коренной перемѣнѣ. Подобная перемѣна вызвала бы пересмотръ и каталога для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а о такомъ пересмотрѣ нѣтъ никакихъ извѣстій. Правда, каталоги книгъ для народныхъ школъ и читаленъ составляются особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія, а для среднихъ учебныхъ заведеній книги одобряются основнымъ отдѣломъ того же Комитета. Но прежде одобренія основного отдѣла было достаточно для включенія книги въ каталогъ и народной читальни. Какимъ же образомъ теперь два учрежденія, вѣдающія различныя отрасли одного и того же дѣла и подвѣдомственныя одному и тому же министерству, могутъ настолько расходиться въ своихъ взглядахъ, что книга, одобренная однимъ изъ нихъ, въ глазахъ другого является вредною?

Если обратиться къ существу приведеннаго извѣстія, въ немъ окажется не меньше поводовъ для недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, книги, одобренныя для среднихъ учебныхъ заведеній, исключаются изъ безплатныхъ читаленъ, какъ несоотвѣтствующія уровню развитія и пониманія населенія селъ и деревень. Но безплатныя народныя читальни, обязанныя руководиться министерскимъ каталогомъ, существуютъ не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ городахъ, мѣстечкахъ, фабричныхъ центрахъ и т. п. При чемъ же тутъ уровень развитія и пониманія сельскаго населенія. Интересно бы знать также, кто и когда опредѣлилъ этотъ послѣдній уровень, гдѣ та мѣрка, выше которой онъ не поднимается и не можетъ подняться. Безконечно разнообразное населеніе нашихъ селъ и деревень менѣе всего поддается общей характеристикѣ и

всякая извнѣ устанавливаемая конечная мѣрка его духовныхъ потребностей будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тормазомъ въ ихъ удовлетвореніи, тѣмъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ ниже взята будетъ эта мѣрка. Трудно понять, наконецъ, какъ могутъ признаваться вредными книги, прошедшія двойную цензуру — общую и министерства народнаго просвѣщенія. Но если не легко найти какіелибо серьезные мотивы въ пользу приведеннаго проекта, то нельзя не видѣть, что въ случаѣ его осуществленія онъ нанесетъ тяжелый ударъ столь непрочному еще у насъ дѣлу народнаго образованія, вырвавъ изъ рукъ у массы читателей значительную часть доступной имъ литературы, которая и безъ того достаточно скудна. Въ виду этого остается лишь присоединиться къ высказывавшемуся уже въ нѣсколькихъ органахъ печати пожеланію, чтобы предположенія особаго отдѣла Ученаго Комитета остались въ области проектовъ, не переходя въ дѣйствительность. Намъ слѣдуетъ думать не о съуженіи каналовъ, проводящихъ потокъ знанія въ народную массу, а о возможно большемъ ихъ расширеніи. Въ этихъ видахъ слѣдовало бы, между прочимъ, отказаться отъ составленія всякихъ каталоговъ для народныхъ читаленъ, предоставивъ послѣднимъ право выписывать всѣ разрѣшенныя общей цензурой книги, журналы и газеты. „Вѣдь не отнято же это право—справедливо замѣчаютъ „Спб. Вѣдомости“—у отдѣльнаго лица, хотя бы это былъ и крестьянинъ.

Въ концѣ апрѣля было опубликовано Высочайше утвержденное 1 марта 1900 г. „Положеніе о порядкѣ передачи въ распоряженіе военнаго начальства воспитанниковъ, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній на основаніи Высочайше утвержденныхъ 29 іюля 1899 г. временныхъ правилъ, а также объ отправленіи ихъ въ войска и о несеніи ими военной службы“. Согласно этому Положенію, воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемые изъ нихъ на основаніи временныхъ правилъ 29 іюля 1899 г., передаются мѣстной полиціи при именномъ спискѣ, вмѣстѣ съ документами, опредѣляющими отношеніе ихъ къ отбыванію воинской повинности, и съ копіею утвержденнаго подлежащимъ министромъ постановленія особаго совѣщанія объ ихъ увольненіи и назначенныхъ имъ срокахъ службы въ войскахъ. Подлежащимъ зачисленію на службу воспитанникамъ можетъ быть предоставляемъ съ разрѣшенія полиціи, руководствующейся при этомъ соображеніями по обезпеченію порядка и спокойствія, извѣстный срокъ времени для устройства ихъ домашнихъ дѣлъ. Затѣмъ полиція передаетъ ихъ вмѣстѣ съ названными документами мѣстному уѣздному воинскому начальнику, который испрашиваетъ по телеграфу указаніе главнаго штаба о войсковыхъ частяхъ, въ которыя должны быть назначены на службу эти воспитанники и,

получивъ такое указаніе, немедленно отправляетъ ихъ одиночнымъ порядкомъ по проходнымъ свидѣтельствамъ къ мѣстамъ ихъ служенія. По прибытіи на послѣднія, удаленные изъ высшихъ учебныхъ заведеній воспитанники подвергаются медицинскому освидѣтельствованію и признанные годными къ строевой службѣ зачисляются на строевыя, а всѣ прочіе—на нестроевыя должности. При этомъ зачисленные въ войска воспитанники не могутъ быть назначаемы на должности: полковыхъ или баталіонныхъ писарей, хорныхъ музыкантовъ, барабанщиковъ, трубачей, хлѣбопековъ, кашеваровъ, въ число безоружныхъ рядовыхъ и обозныхъ и на другія подобныя этимъ должности нестроевого характера. При зачисленіи на службу уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній воспитанниковъ предписывается имѣть въ виду, чтобы въ каждой ротѣ или эскадронѣ было не болѣе одного или въ крайнемъ случаѣ двухъ молодыхъ людей этой категоріи. Лица, зачисленныя въ войска на основаніи временныхъ правилъ 29 іюля 1899 г., несутъ службу наравнѣ съ нижними чинами, поступившими по призыву, и, подобно всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ, нуждаясь, для поправленія разстроеннаго здоровья, во временномъ освобожденіи отъ службы, могутъ быть увольняемы въ отпускъ на срокъ не свыше одного года, но при этомъ время нахожденія въ отпуску по болѣзни не засчитывается имъ въ срокъ дѣйствительной и общей службы. Предусмотрѣнныя ст. 9-й временныхъ правилъ 29 іюля 1899 г. ходатайства объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, зачисленныхъ въ войска на основаніи этихъ правилъ, представляются военному министру по командѣ, черезъ главныхъ начальниковъ въ военныхъ округахъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“

по сбору пожертвованій въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Поступило въ апрѣлѣ и маѣ 1900 г.:

На имя конторы редакціи: отъ лѣсничаго Томской губерніи П. Ѳедосѣева—2 р., отъ г. Запорощенко—38 р. 5 к., отъ учителя Уфимской женской гимназіи В. Некрасова—2 р., отъ инженера Л. Д. Косякина изъ г. Харькова—5 р., отъ С. Х. Витверъ, Э. А. Головкиной, Ф. С. Витвера и С. А. Смирновой изъ г. Харькова—31 р., отъ М. К. Цебриковой—10 р., отъ Г. Л. Попперъ изъ г. Новоархангельска—3 р.; отъ подписчиковъ „Русскаго Богатства“ въ Омскѣ—5 р., отъ ученицъ Нѣжинской женской Гимназіи—77 р. 50 к. *Итого 173 р. 55 к.*

На имя В. Г. Короленко: отъ Я. Т. Дуновича изъ г. Лодзи—7 р. 50 к., отъ врача С. М. Корнильева изъ с. Сосновки—19 р., отъ Ф. Шпигановича изъ хутора Обливскаго—5 р., отъ редакціи газеты „Амурскій Край“—30 р.; отъ студенческаго собранія въ Мюнхенѣ—194 р. *Итого 255 р. 50 к.*

Всего 429 р. 5 к.

Изъ этой суммы отправлено: въ г. Одессу, предсѣдателю Петропавловскаго Санитарнаго Попечительства, М. П. Таранову—152 р. 55 к.

Докт. Ляндеру для помощи нуждающимся евреямъ Бессарабск. области (черезъ ред. „Восхода“)—100 р.

А. И. Успенской (въ Татарбунары, Бессарабской области)—176 р. 50 к.

Редакторы-Издатели: *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

[15]